

Федеральное государственное казенное военное образовательное
учреждение высшего образования «Военный учебно-научный центр
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
Министерства обороны Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт славяноведения Российской академии наук»

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Сборник статей памяти
Зинаиды Павловна Яхимович

Ответственный редактор
А. А. Богдашкин

2-е издание,
дополненное

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2024

УДК 94(100)"1914/39"

ББК 63.3(0)

И 931

Ответственный редактор:

А.А. Богдашкин

Редакционная коллегия:

Т.В. Волокитина, Н.С. Иванов, Е.В. Ильинов, А.С. Намазова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.П. Любин

кандидат исторических наук А.А. Комаров

И 931 Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Сборник статей памяти Зинаиды Павловна Яхимович / отв. ред. А.А. Богдашкин; ВУНЦ ВВС «ВВА»; ИСл РАН. – 2-е изд., доп. – СПб.: Алетейя, 2024. – 614 с.

ISBN 978-5-00165-909-9

Публикуются материалы Всероссийских научно-теоретических конференций, проходивших в Военном учебно-научном центре Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) в 2017 и 2018 гг. Рассматриваются актуальные проблемы, связанные с социально-экономическими и политическими последствиями Первой мировой войны, историей международных отношений, развитием военной мысли и военного искусства, а также влиянием войны на мировую культуру и искусство. Сборник посвящен памяти известного российского историка и политолога Зинаиды Павловна Яхимович.

УДК 94(100)"1914/39"

ББК 63.3(0)

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

ISBN 978-5-00165-909-9

- © Коллектив авторов, 2024
- © ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», 2024
- © ФГБУН «Институт славяноведения РАН», 2024
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2024

*Памяти
Зинаиды Павловны Яхимович*

20.08.1931 – 06.12.2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Е.В. Ильинов</i>)	9
Раздел I. Итоги и последствия Первой мировой войны для стран Западной и Северной Европы	11
Итоги и последствия Первой мировой войны для крупного бизнеса ведущих государств Западной Европы в оценках американских историков (<i>А.А. Богдашкин</i>)	13
Социально-экономические и политические последствия Первой мировой войны для Германии (<i>И.А. Кукушкина</i>)	56
Власть и конституции Германии XIX в. и основные принципы новой германской государственности после 1919 г. (<i>А.Г. Матвеева</i>)	71
Эдуард Бернштейн о Ноябрьской революции и становлении Веймарской республики (<i>Л.Н. Бровко</i>)	86
К вопросу о влиянии Версальского диктата на планы немецкого реванша после окончания Первой мировой войны (<i>С.Г. Алленов</i>)	94
<u>Империя и фашизм: становление режима Муссолини в Италии</u> (<i>С.Е. Князева</i>)	110
Социальные и экономические последствия немецкой оккупации для малых стран Западной Европы после окончания Первой мировой войны (<i>А.С. Намазова</i>)	133
Бельгия и Версальский мир: от нейтралитета к политике независимости (<i>А.О. Хорошева</i>)	150
Первый этап формирования австрийской нации (1918–1938 гг.): от «наднационального» имперского к национально-австрийскому самосознанию (<i>О.И. Величко</i>)	171
Скандинавские «экс-нейтралы» после Первой мировой войны: место и роль в новой Версальско-Вашингтонской системе международных отношений (<i>Е.В. Корунова</i>)	177
Милитаризм и фашизм в Ирландии в свете общеевропейских тенденций и последствий Первой мировой войны (<i>В.И. Дуров</i>)	188
Немецкие национальные меньшинства и диаспоры после Первой мировой войны: послевоенные реалии и антиверсальские настроения (<i>Е.С. Полунин</i>)	201
«Furore Hunnicus»: образ варваров в пропаганде времен Великой войны (<i>М.Ю. Конаев</i>)	222

Основные тенденции развития музыкальной культуры после Первой мировой войны (<i>А.И. Сотников</i>)	231
Версальский мир и проблема наказания за военные преступления, совершенные в ходе Первой мировой войны (<i>Н.С. Лебедева</i>)	249

Раздел II. Итоги и последствия Первой мировой войны

для стран Центральной и Юго-Восточной Европы.	259
Итоги и последствия Первой мировой войны для Центрально- Восточной и Юго-Восточной Европы (<i>И.С. Яжборовская</i>)	261
Последний австрийский император Карл I и распад монархии Габсбургов (<i>Е.В. Котова</i>)	270
Распад Австро-Венгрии и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев как итог Первой мировой войны (<i>С.А. Романенко</i>) . . .	284
Итоги Первой мировой войны и балканский узел противоречий (<i>О.Е. Петрунина</i>)	296
Албанский вопрос в балканском и общеевропейском контексте: прошлое и настоящее (<i>З.В. Клименко</i>)	306
Восстановление независимой Польши в планах России и Германии (<i>Е.Б. Лопатина</i>)	316
Северная граница Королевства сербов, хорватов и словенцев после Первой мировой войны: борьба за Марибор (<i>Н.С. Пилько</i>) .	326
Царь болгар Борис III: от конституционной монархии к режиму личной власти (1918–1935) (<i>Т.В. Волокитина</i>)	337

Раздел III. Россия в Первой мировой войне: итоги и последствия. . 355

Опыт применения артиллерии Юго-западного фронта в ходе Брусиловского прорыва в 1916 году (<i>О.А. Ащеулов</i>)	357
Некоторые вопросы изучения женского патриотического движения в России в годы Первой мировой войны (<i>С.Н. Базанов</i>)	367
Деятельность российской Ставки Верховного Главнокомандующего на завершающем этапе Первой мировой войны (<i>Е.А. Шендриков</i>). 373	
Взаимодействие государства и частного капитала в годы Первой мировой войны на примере подвижной авторемонтной мастерской-поезда Ф.Ф. Терещенко (<i>С.В. Аверченко</i>)	391
Братание на фронтах Первой мировой войны: историография вопроса (<i>С.В. Курицын</i>)	400
Некоторые проблемы изучения австро-германской оккупации Украины в 1918 г. (<i>В.В. Теплухин</i>)	411

О дискуссии по вопросу развития русского флота в первые послевоенные годы по материалам периодики (1919–1928) (В.А. Болтрукевич)	418
Русская эмиграция после Первой мировой войны по письмам Ф.В. Тарановского Г.В. Вернадскому (из собрания Бахметьевского архива) (С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко)	429
Образ Бисмарка в российской публицистике и научных исследованиях периода Первой мировой войны (А.М. Ипатов)	435
Образ Первой мировой войны в славянских литературах (Н.М. Куренная)	445
Судьба культурной парадигмы Серебряного века в годы Первой мировой войны (И.В. Купцова)	455
Итоги и последствия Первой мировой войны для православного военного духовенства Российской империи (Ледовских Е.А.)	465
Фронтные записи С. Федорченко (1917 год): от исторического источника к литературному тексту (М.В. Лескинен)	477
С.А. Жаров и донской казачий хор (А.В. Мозалевский)	493
Документальные фильмы о Первой мировой войне и их влияние на формирование исторической памяти (Г.И. Лепехина)	506
Раздел IV. Боевые действия и отзвуки Первой мировой войны в неевропейских странах	
Отзвуки Первой мировой войны в Аргентине: новые подходы к изучению проблемы (Е.Д. Строганова)	519
Вступление Бразилии в Первую мировую войну (Л.С. Окунева)	538
Итоги и последствия Первой мировой войны для Уругвая (Н.С. Иванов)	546
Итоги и последствия Первой мировой войны для Австралии (Н.С. Скоробогатых)	569
Военные действия в германских колониях в Африке в годы Первой мировой войны и значение опыта немецких войск для Красной Армии (А.С. Балезин)	589
Памяти Зинаиды Павловны Яхимович	602
Избранная библиография	604
Сведения об авторах	609

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник выпущен на основе материалов, ранее озвученных на проходивших в стенах Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в 2017 и 2018 гг. Всероссийских научно-теоретических конференций «Феномен мировых войн в истории XX века» и «Итоги Первой мировой войны: взгляд через столетие». Наряду с уже публиковавшимися в 2017 и 2018 гг. несколько переработанными статьями в него добавлены публикации новых авторов¹, в которых рассматриваются ряд малоизвестных сюжетов, связанных с последствиями Первой мировой войны для судеб народов мира. 110-летний юбилей начала Первой мировой войны делает актуальным возвращение к указанной проблематике.

Глубокий анализ комплекса порожденных Первой мировой войной проблем представляется крайне необходимым в современных условиях, когда многие отечественные и зарубежные публицисты и ученые говорят об угрозе третьей мировой войны. Кроме того, многие эксперты справедливо указывают на наличие общих черт между международной обстановкой 1918–1939 гг. и современной геополитической ситуацией. На международном уровне вновь продолжается политика изоляции государств, подобная той, которую осуществляли одержавшие победу в Первой мировой войне страны Антанты в отношении Советской России.

Все это настоятельно требует от исследователей детального изучения истории Первой мировой войны и событий межвоенного периода, чтобы искать эффективные пути борьбы с современными угрозами миру и человечеству. Исторический опыт мировых войн

¹ Многие из статей настоящего сборника впервые были опубликованы в: Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, Воронеж, 11–12 мая 2017 года / Отв. ред.: А.А. Богдашкин. Воронеж, 2017; Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции, Воронеж, 16–17 мая 2018 года / Отв. ред. А.А. Богдашкин. Воронеж, 2018.

убедительно демонстрирует бесперспективность и тяжелейшие последствия решения международных противоречий военным путем.

Остается еще множество белых пятен и неисследованных лакун в области изучения различных аспектов Первой мировой войны. Долгое время незаслуженно находившаяся в тени революционных событий 1917 года, эта война в последние десятилетия вновь стала привлекать пристальное внимание отечественных исследователей. Причины и предпосылки военного конфликта, крах Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй, боевые действия на различных фронтах, итоги войны порождают у исследователей множество вопросов, ответы на которые зачастую носят дискуссионный характер.

В сборнике отражены многие аспекты, связанные с влиянием Первой мировой войны на социально-экономическую и политическую обстановку как в воюющих государствах, так и странах, принявших участие в этом конфликте. Подробно освещены дискуссионные вопросы истории международных отношений в межвоенный период. Особое внимание авторы уделили анализу исторических споров о сформированной по итогам Первой мировой войны Версальско-Вашингтонской системе международных отношений. В нескольких разделах анализируется влияние этого глобального вооруженного конфликта на развитие военной мысли. Ряд авторов предприняли попытку осветить влияние Первой мировой войны на развитие культуры и искусства.

Настоящий сборник посвящен памяти одного из крупнейших советских и российских историков и политологов, доктора исторических наук Зинаиды Павловны Яхимович, которая на протяжении последних лет принимала активное участие в проходивших в стенах нашей академии конференциях. В мае 2018 г. она приехала в Воронеж и сделала обстоятельный теоретический доклад «Методологические дискуссии о проблемах и последствиях Первой мировой войны», который отличался своей научной фундированностью и глубиной исследовательской мысли.

Несмотря на произошедшие после 2018 г. кардинальные изменения в международной обстановки, которые повлекли за собой серьезный пересмотр оценок, представляется, что данный сборник все же позволит существенно расширить сложившиеся представления о Первой мировой войне и истории межвоенного периода.

РАЗДЕЛ I.

**ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДЛЯ СТРАН ЗАПАДНОЙ
И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ**

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ КРУПНОГО БИЗНЕСА ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Проблемы, связанные с последствиями Первой мировой войны и жизнеспособности сформированной по ее итогам Версальско-Вашингтонской системы международных отношений всегда вызывали дискуссии среди политических деятелей и ученых различных стран. В отечественной историографии длительное время господствовала точка зрения, согласно которой Версальская система зафиксировала «торжество победителей над побежденной Германией и ее союзниками», была направлена на изоляцию Советской России, закрепляла колониальную зависимость народов Азии и Африки и поставила «ряд европейских стран в неравноправное положение». Особое внимание акцентировалось на стремлении участников Парижской мирной конференции ликвидировать международное революционное движение и сохранить в мире господствующую систему «хищнических» капиталистических отношений. Все эти обстоятельства, по мнению советских ученых, делали неизбежной новую войну за передел мира¹.

После распада СССР многие российские историки стали пересматривать господствовавшие в отечественной науке представления о Парижской мирной конференции и Версальской системе. Значительная часть отечественных авторов вслед за рядом зарубежных ученых утверждает, что Версальский договор является «лучшим из возможных компромиссов», который мог быть достигнут в условиях того периода². По их убеждению, стабилизация, наступившая

¹ См., напр: История Второй мировой войны (1939–1945). Т. 1: Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М., 1973. С. 10–12; История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 134–166.

² См. особенно: Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей. М., 2011. См. также многие статьи в сборнике: Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5.

во второй половине 1920-х гг., явилась закономерным итогом Версальской политики и, если бы не «великая депрессия», мирное существование возможно продолжалось бы и дальше¹.

Сторонники этой интерпретации, ссылаясь на мнение известных зарубежных историков М.Ф. Боемеке, Дж. Д. Фелдмана и Э. Гласер, полагают, что данный подход разделяют большинство исследователей из различных стран². Однако в том же самом сборнике Фелдман высказывал и иные суждения. Ученый справедливо констатировал, что осуществляемая в рамках Версальской системы территориальная и финансово-экономическая реконструкция Европы завершилась «провалом». Этот факт, по его убеждению, необходимо признать всем историкам вне зависимости от их принадлежности к тем или иным историографическим направлениям³. При этом Фелдман особо подчеркивал недостаточное внимание исследователей к экономическим и финансовым последствиям создания нового миропорядка. Историк аргументированно полагал, что перекройка границ в Европе, хотя и возрождала историческую справедливость, в то же время приводила к появлению новых серьезных экономических проблем⁴.

К тому же, эффективность Версальского мироустройства невозможно понять если не принять во внимание социальные и экономические процессы, происходившие внутри ведущих капиталистических государств Европы. Не случайно участники Парижской мирной конференции активно обсуждали вопросы, связанные с системой производственных отношений. Напуганные революционными событиями в России, руководители Великобритании, Франции и США не могли

Парижская мирная конференция, 1919–1920: Взгляд из XXI в. М., 2017, а также сборниках материалов конференций: Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб, 2015; Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб, 2017. Многие из отечественных историков ссылаются на вступительную статью к сборнику материалов проходившей в 1998 г. в Калифорнийском университете в Беркли международной конференции: *The Treaty of Versailles: a Reassessment after 75 Years*. Cambridge, 1998.

¹ Изначальный тезис см.: *Boemeke M.F., Feldman G.D., Glaser E.* Introduction // *The Treaty of Versailles...* P. 3.

² Авторы ссылаются на уже процитированное введение к сборнику материалов конференции в Беркли.

³ *Feldman G.D.* A Comment // *The Treaty of Versailles...* P. 441.

⁴ *Ibid.* P. 442.

не признать, что в результате Первой мировой войны рабочий класс стал играть «новую роль» в социальной иерархии и политической системе европейских государств. Они были вынуждены провозгласить, что рабочих нельзя рассматривать как «товар» или «как средство для получения прибыли»¹. Проблеме нового устройства трудовых отношений был посвящен целый раздел Версальского мирного договора². В его тексте отмечалось, что прочный мир «может быть основан лишь на принципах социальной справедливости»³.

Однако сюжеты о деятельности крупной буржуазии ведущих европейских стран в условиях Версальской системы, к сожалению, не нашли адекватного освещения в отечественной историографии. Значительный вклад в изучение стратегии и тактики крупного бизнеса ведущих государств Европы в период между двумя мировыми войнами внесла американская историография. Особый интерес к этой проблематике приходился на период конца 1960-х – 1970-х гг., когда под воздействием поражения США во Вьетнамской войне и в условиях подъема протестного движения ряд американских исследователей попытались пересмотреть многие ортодоксальные представления, характерные для более раннего периода, и которые возродились вновь с начала 1980-х гг. Анализ американской научной литературы, несмотря на усилившуюся в последние годы тенденциозность в изучении в том числе и обозначенной проблемы, позволит обогатить дискуссию о степени эффективности Версальского миропорядка новыми данными и представлениями.

В этой статье основное внимание будет сосредоточено на анализе взглядов американских исследователей относительно деятельности крупного бизнеса Германии, Франции и Италии в 1918–1924 гг. Однако частично будут рассматриваться их оценки роли делового сообщества этих стран в период стабилизации 1924–1928 гг. и мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.

Длительное время, практически до конца 1960-х гг., в американской историографии изучение истории европейских государств меж-

¹ См. об этом: *Adler F.H. Italian Industrialists from Liberalism to Fascism: the Political Development of the Industrial Bourgeoisie, 1906–1934.* Cambridge, 1995. P. 200.

² Версальский мирный договор. М., 1925. С. 157–168.

³ Там же. С. 157.

военного периода ограничивалось анализом ситуации в Германии. Большинство исследователей, в том числе и эмигрантов из Европы, акцентировали основное внимание на событиях непосредственно предшествовавших установлению гитлеровской диктатуры, то есть на последствиях мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Преобладающим было мнение, что крупный бизнес или по крайней мере его ведущие фракции, которые благодаря социал-демократам сохранили свою власть и влияние в германском обществе после Ноябрьской революции 1918 г., противодействовали демократическому режиму Веймарской республики и уничтожили его в 1933 г., оказав финансовую и политическую поддержку нацистской партии.

Большое влияние на развитие американской германистики в годы Второй мировой войны и первые послевоенные десятилетия оказала монография эмигрировавшего в США из Германии политолога Ф. Ноймана «Бегемот: структура и практика германского национал-социализма» (1942). Один из основных тезисов исследователя относительно Версальской системы состоял в том, что ее создание несомненно предоставило немецким реакционерам «отличный пропагандистский материал против как демократии, так и социал-демократической партии». Однако основную причину гибели Веймарской республики ученый усматривал в стремительной монополизации германской экономики, которой невольно способствовала политика руководителей СДПГ и независимых профсоюзов. Нойман был убежден в том, что чем больше усиливались монополии, тем более несовместимой с политической демократией становилась Веймарская система¹.

В общественном мнении США в период правления Ф.Д. Рузвельта широкое распространение получила точка зрения, согласно которой «гармоничное соединение демократии с капитализмом возможно только при условии введения подлинного общественного контроля»². Поэтому деятельность германской социал-демократии, лидеры которой после поражения страны в Первой мировой войне и революции

¹ *Neumann F. Behemoth: Structure and Practice of National Socialism.* N.Y., 1942. P. 20, 22.

² *Lynd R.S. Foreword // Brady R.A. Business as a System of Power.* N.Y., 1943. P. VIII.

не стали осуществлять назревшие социально-экономические реформы, подвергалась американскими историками достаточно резкой критике¹.

В большинстве исторических исследований, специально посвященных германскому крупному бизнесу, поднимались вопросы о персональной ответственности конкретных лиц за поддержку национал-социалистов. Пожалуй только в исследованиях американских экономистов Р.А. Брэди и К. Симпсона была предпринята серьезная попытка политэкономического анализа исторических реалий, которые породили фашизм. В их работах четко прозвучало положение, что причины установления фашистских режимов в Италии и Германии связаны с олигополистической структурой экономики этих государств. Авторы писали о полном соответствии экономической и политической структур мусолиниевской и гитлеровской диктатур интересам национального крупного капитала². Тем не менее они не уделили достаточного внимания влиянию Первой мировой войны и ее результатов на политику итальянской и немецкой буржуазии.

Большинство американских либералов поколения 1930-х – 1940-х гг. связывало происхождение фашизма не с конъюнктурными последствиями Первой мировой войны, а с общими тенденциями развития капиталистических отношений. Как и марксистские авторы, либеральные исследователи США изучали экономическую основу фашизма с позиций объективных исторических закономерностей и не считали случайным его появление в межвоенный период. Однако они не соглашались с марксистским тезисом о том, что только пролетарская революция может предотвратить наступление фашизма. Полагая, что фашизм представляет собой лишь настройку над извращенной формой консолидированной собственности, либералы были

¹ *Berlay A.J.* The German Social Democratic Party, 1914–1921. N.Y., 1949; *Gay P.* The Dilemma of Democratic Socialism: Eduard Bernstein's Challenge to Marx. N.Y., 1952; *Schorske C.E.* German Social Democracy, 1905–1917: the Development of the Great Schism. Cambridge (Mass.), 1955; *Roth G.* The Social Democrats in Imperial Germany. Totowa NJ, 1963 и др.

² *Brady R.A.* The Spirit and Structure of German Fascism. N.Y., 1937; *Idem.* Business as a System of Power; *Simpson K.* Big Business, Efficiency and Fascism. N.Y., 1941.

уверены, что проведение институциональной реформы будет достаточно для сохранения демократии¹.

Последовавшее после окончания Второй мировой войны резкое ухудшение отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, переросшее в холодную войну, не способствовало рассмотрению вопросов, касавшихся отношений между крупным бизнесом и фашистскими движениями. Тем не менее в американской историографии и политологии 1950-х – первой половины 1960-х гг., за редкими исключениями², преобладало мнение о важной роли крупнейших промышленников Германии в приходе Гитлера к власти³.

Новый этап в изучении истории политической экономики Европы межвоенного периода начался со второй половины 1960-х гг. во многом под влиянием охвативших мир движений социального протеста, прихода к власти в ряде европейских стран социал-реформистских партий и распространения марксизма в американских университетах.

¹ Подробнее о преобладавших в американской историографии периода президентства Рузвельта оценках происхождения и сущностных черт фашизма см., напр.: *Diggins Jh. P. Mussolini and Fascism: the View from America*. Princeton, 2015. P. 462–465.

² *Pounds N.J.G. The Ruhr: a Study in Historical and Economic Geography*. Bloomington, 1952; *Lochner L.P. Tycoons and Tyrant: German Industry from Hitler to Adenauer*. Chicago, 1954; *Peterson E.N. Hjalmar Schacht for and against Hitler: a Political-Economic Study of Germany, 1923–1945*. Boston, 1954; *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics*. Garden City – N.Y., 1960. Подобного рода публикации чаще всего содержали сведения о негативном отношении к национал-социализму отдельных представителей германского крупного бизнеса и носили откровенно апологетический характер. См. об этом: *Nolte E. Big Business and German Politics: a Comment // The American Historical Review*. 1969. Vol. 75. No. 1. P. 72.

³ *Halperin S.W. Germany Tried Democracy: a Political History of the Reich from 1918 to 1933*. N.Y., 1946; *Hallgarten G.W.F. Adolf Hitler and German Heavy Industry, 1931–1933 // The Journal of Economic History*. 1952. Vol. 12. No. 3; *Idem. Hitler, Reichswehr und Industrie: Zur Geschichte der Jahre 1918–1933*. Frankfurt a/M., 1955; *Lowie R.H. Toward Understanding Germany*. Chicago, 1954; *Tenenbaum J. Race and Reich: the Story of an Epoch*. N.Y., 1956; *Landauer C. European Socialism: a History of Ideas and Movement from the Industrial Revolution to Hitler's Seizure of Power*. Vol. II. Berkeley, 1959; *Kornhauser W. The Politics of Mass Society*. N.Y., 1965; *Schweitzer A. Big Business in the Third Reich*. Bloomington, 1964; *Dorpalen A. Hindenburg and Weimar Republic*. Princeton, 1964; *Mills C.W. Power, Politics, and People: the Collected Essays of C. Wright Mills*. L. – N.Y., 1967; *Orlow D. The History of the Nazi Party: 1919–1933*. Pittsburgh, 1969 и др.

Даже не являвшиеся марксистами исследователи стремились понять, каким образом происходило взаимодействие между экономическими интересами и политическими структурами государственной власти. Наибольший интерес у американских исследователей политэкономической истории по-прежнему вызывала история Германии. Фундаментальное и во многом пионерское исследование Дж. Д. Фелдмана было посвящено взаимоотношениям между германским крупным бизнесом, государством и организованным рабочим движением в годы Первой мировой войны¹. В 1970-е гг. в США было опубликовано значительное количество работ, в которых поднимались разнообразные проблемы, связанные с политической деятельностью экономической элиты Германии в 1918–1923 гг.² Однако уже в 1975 г. вышел в свет капитальный труд Ч.С. Майера, в котором была предпринята попытка сравнительного анализа подходов национальной буржуазии Франции, Германии и Италии по выходу из последовавшего в результате Первой мировой войны кризиса существующей системы³.

Серьезное внимание влиянию экономических интересов на внешнюю политику европейских государств уделили представители оформившейся в тот период научной школы «новой истории международных отношений 1920-х гг.»⁴ Ряд историков предпринял попытку оценить роль руководителей итальянской промышленности

¹ *Feldman G.D.* Army, Industry and Labor in Germany, 1914–1918. Princeton, 1966.

² *Feldman G.D.* Iron and Steel in the German Inflation, 1916–1923. Princeton, 1977; *Rupieper H.J.* The Cuno Government and Reparations 1922–1923: Politics and Economics. The Hague, 1979; *Hughes M.L.* Paying for the German Inflation. Chapel Hill – London, 1988 и др.

³ *Maier Ch. S.* Recasting Bourgeois Europe: Stabilization in France, Germany and Italy in the Decade after World War I. Princeton, 1975.

⁴ *Marks S.* Reparations Reconsidered: A Reminder // Central European History. 1972. Vol. 5. No. 4; *Idem.* The Myth of Reparations // Central European History. 1978. Vol. 11. No. 3; *Trachtenberg M.* Reparation in World Politics: France and European Economic Diplomacy, 1916–1923. N.Y., 1980; *McDougall W.A.* France's Rhineland Diplomacy, 1914–1924: the Last Bid for a Balance of Power in Europe. Princeton, 1978; *Schuker S.A.* The End of French Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan. Chapel Hill, 1976; *Idem.* American “Reparations” to Germany, 1919–1933: Implications for the Third-World Debt Crisis. Princeton, 1988; *Silverman D.P.* Reconstruction Europe after the Great War. Cambridge, 1982.

в установлении в их стране фашистского режима¹. Р. Куисел провел исследование политической экономики Франции XX в.² Несколько фундаментальных работ, содержащих глубокий политэкономический анализ эпохи 1918–1923 гг., появилось в США в более поздний период³, несмотря на то, что, начиная с 80-х годов XX в., интерес к этой области научных исследований в силу конъюнктурных обстоятельств значительно ослаб.

Все упомянутые научные труды внесли весомый вклад в осмысление истории ведущих стран Западной Европы в условиях становления Версальской системы. Одним из ключевых положений концепций их авторов выступал тезис о важности экономического фактора в политических процессах европейских государств того периода. Как подчеркивал Ч. Майер, такие политические события, как поход Муссолини на Рим в октябре 1922 г. или Капповский путч и всеобщая забастовка в марте 1920 г. в Германии, были тесно связаны с не менее значимыми проблемами, касавшимися вопросов об организации производства, налогообложения, ценах на уголь и железнодорожные перевозки. По мнению исследователя, вокруг этих проблем развернулись «не столь ожесточенные, но все же решающие схватки»⁴. Многие американские франковеды справедливо отмечали, что значительные уступки Франции в германском вопросе на Лондонской конференции 1924 г. были обусловлены острым финансовым кризисом и потребностью французской экономики в американских кредитах⁵. Более того, по убеждению Майера, всеобщее поражение левых сил в конце 1920 – начале 1921 гг. во многом следует объяснять «реорга-

¹ *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy, 1919–1940. Berkeley, 1971; *Gregor A.J.* Italian Fascism and Developmental Dictatorship. Princeton, 1979; *Adler F.H.* Italian Industrialists and Radical Fascism // *Telos*. 1976/77. Vol. 30.

² *Kuisel R.F.* Capitalism and the State in Modern France: Renovation and Economic Management in the 20th Century. N.Y., 1981.

³ *Forsyth D.J.* The Crisis of Liberal Italy: Monetary and Financial Policy, 1914–1922. Cambridge, 1993; *Adler F.H.* Italian Industrialists from Liberalism to Fascism; *Cohen J., Giovanni F.* The Growth of the Italian Economy, 1820–1960. Cambridge – N.Y., 2001; *Feldman G.D.* The Great Disorder: Politics, Economics, and Society in the German Inflation, 1914–1924. Oxford, 1993; *Smith M.S.* The Emergence of Modern Business in France, 1800–1930. Cambridge (Mass.) – L., 2006.

⁴ *Maier Ch.* S. Op. cit. P. 4.

⁵ *Schuker S.A.* The End of French Predominance in Europe. P. 28, 386.

низацией западноевропейского индустриального общества». Историк обращал особое внимание на то, что при изучении стратегии и тактики рабочего движения межвоенного периода необходимо учитывать реакцию на происходившие события крупного бизнеса¹.

В исследованиях Майера отчетливо прозвучал тезис, согласно которому ситуация военных лет и последовавшие после 1918 г. экономические преобразования способствовали интеграции бизнеса европейских государств в более крупные ассоциации. Деловое сообщество Германии, Франции и Италии встало, по мнению автора, перед необходимостью выработки совместной позиции в условиях военной и послевоенной инфляции, а также в ходе последующих дефляционных мероприятий. Кроме того, исследователь был убежден, что война потребовала как от собственников промышленных предприятий, так и от рабочих консолидации, а следовательно и ослабления классового противоборства. Сопровождавшая войну инфляция позволила крупному бизнесу и рабочим в какой-то степени извлечь большую выгоду или, по крайней мере, понести меньшие потери, чем другие менее организованные социальные группы. Как доказывал Майер, эти обстоятельства, а также неспособность «либеральных европейских парламентов решать послевоенные экономические и социальные проблемы при помощи традиционных коалиционных компромиссов» приводили к консолидации групповых интересов. Исследователь полагал, что эти процессы можно объединить в рамках понятия корпоративизм².

Нельзя не отметить, что эта теория подвергалась серьезной критике в советской историографии. Так, известный историк-германист Я.С. Драбкин утверждал, что разработанная Майером конструкция «корпоративного плюрализма» носила «чисто описательный характер». Ученый не мог согласиться с тем, что в условиях государственно-монополистического капитализма (этот термин использовался советской историографией для характеристики социально-экономической структуры всех империалистических государств в новейшую эпоху) было возможно сохранение «принципов либерализма и демо-

¹ *Maier Ch. S. Op. cit.* 136–137.

² *Ibid.* P. 13, 44–45.

кратии»¹. Тем не менее события последовавшие после окончания Второй мировой войны, а также распад на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. мировой социалистической системы, способствовали пересмотру подобного рода представлений. Не случайно крупный отечественный историк Е.Ф. Язьков охарактеризовал сложившуюся во второй половине XX в. экономическую систему высокоразвитых стран Запада как «государственно-корпоративный-конкурентный капитализм»². Однако полагаю, что построение этой модели отношений после 1945 г. было невозможно без учета опыта 1920-х гг. Поэтому следует согласиться с точной зрения Майера, согласно которой «корпоративная структура, появившаяся в 1920-х гг. как инструмент социальной реконсолидации, стала самостоятельной целью к концу Второй мировой войны».

Американский ученый подчеркивал, что уже к исходу Первой мировой войны ассоциации работодателей и профсоюзов осознали необходимость решать проблемы самостоятельно, не прибегая к помощи парламентских институтов и учреждений. Майер считал, что в межвоенной Европе результаты выборов и дебаты в парламентах стали оказывать значительно меньшее влияние на решение проблем, с которыми сталкивались различные группы населения. Первостепенную роль, по его убеждению, стали играть «ежедневные переговоры» между руководителями промышленности и профсоюзов, а также коалиции между бизнесом, сельскохозяйственными производителями и представителями политических партий. Безусловно, как признавал историк, эта тенденция не была общей для всей Европы. К середине 1920-х гг. стремление к корпоративизму было более выраженным в Германии. Оно стало проявляться в условиях формирования диктаторского режима Муссолини в Италии. Однако это стремление было значительно меньшим во Франции, поскольку замедленные темпы индустриализации не благоприятствовали усилению мощных групп давления. Значительно меньшее влияние радикальных настроений по сравнению с Германией и Италией привело к тому, что «французы

¹ Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии Германской революции 1918–1919 гг. М., 1990. С. 210.

² Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945). Курс лекций. 3-е изд., дораб. М., 2006. С. 22.

смогли сохранить буржуазное общество через парламентские институты Третьей республики». Но даже во Франции неспособность парламентариев эффективно решать финансовые и другие важные экономические вопросы «указывала путь к корпоративному развитию»¹.

Основной проблемой, с которой столкнулся крупный бизнес Германии, Италии и Франции сразу после окончания боевых действий, был повсеместный подъем рабочего движения, носивший выраженный антикапиталистический характер. Как справедливо подчеркивал Майер, эти события нельзя рассматривать как отдельный эпизод развития левого движения. Во многом они являлись прямым отражением возникшего в результате войны трансформационного кризиса. Осенью 1918 – весной 1919 гг. борьба рабочих приобрела наиболее радикальные формы. В этот период как представители левого движения, так и силы, стремившиеся сохранить буржуазный порядок, полагали, что существующее государственное и социально-экономическое устройство общества находится в шаге от своего краха². Подобное положение заставляло руководителей крупного бизнеса искать более адекватные современной обстановке формы эффективного противодействия социалистическому движению.

Американские историки-германисты привели убедительные данные, свидетельствовавшие, что немецкая деловая элита, и главным образом руководители тяжелой промышленности, нашли наиболее эффективный способ защиты своих интересов. Подытоживая результаты исследований Дж. Фелдмана и собственные находки в архивах промышленных предприятий Германии, Майер пришел к выводу о том, что к концу войны крупные промышленники Германии сочли выгодным обеспечивать экономический иммунитет при помощи коалиции с профсоюзными лидерами³. Фелдман показал, что с октября 1917 г. собственники крупнейших промышленных предприятий вступили на путь переговоров с руководителями независимых профсоюзов Германии. Причины этого историк усматривал в недовольстве руководителей крупного бизнеса усилившемся вмешательством государства в экономическую сферу, а также их уверенности в том,

¹ *Maier Ch. S.* Op. cit. P. 14, 580.

² Подробнее см.: *Ibid.* P. 136.

³ *Ibid.* P. 53.

что режим Вильгельма II не сможет обеспечить эффективное развитие Германии после окончания войны. К тому же еще в период войны промышленники вынашивали планы «использования профсоюзов в борьбе с бюрократией, парламентской системой и выступлениями рабочих». Исследователь сумел опровергнуть широкое распространенное ранее в американской историографии представление о «бессилии» крупного бизнеса в дни Ноябрьской революции 1918 г.¹ Фелдман справедливо отметил, что подписание крупнейшими германскими промышленниками и руководителями независимых и католических профсоюзов Соглашения о деловом сотрудничестве (Соглашение Стиннеса–Легина) 11 ноября 1918 г.² нельзя рассматривать как результат паники в промышленных кругах Германии. Хотя ученый уточнил, что до октября 1918 г. большинство промышленников отказывалось принять коллективные переговоры³.

Маьер обоснованно полагал, что «новое партнерство в те смутные месяцы, когда “революционное” правительство имело право издавать распоряжения об обширной национализации и могло сделать это, чтобы успокоить радикалов, явно пошло на пользу немецким промышленникам». Профсоюзные лидеры Германии, по мнению историка, также были заинтересованы в создании паритетных комиссий с промышленниками, чтобы сдерживать потенциально взрывоопасное движение фабричных советов, которое угрожало подорвать влияние профсоюзных структур и ввести прямое представительство работников на заводе. Фактически «профсоюзные лидеры предпочитали делиться своим влиянием с представителями руководства в паритетных комитетах, а не играть на левом фланге в движении Советов»⁴.

¹ См., напр: *Rosenberg A.* A History of the German Republic, 1918–1930. L., 1936. P. 5–6; *Halperin S.W.* Op. cit. P. 110–111.

² Соглашение предусматривало введение 8-часового рабочего дня, признание работодателями независимых профсоюзов, отказ от поддержки «желтых профсоюзов», создание паритетных комиссий на производстве для решения спорных вопросов, а также Центральной комиссии «делового содружества».

³ *Feldman G.D.* Iron and Steel... P. 83; *Idem.* German Big Business Between War and Revolution: the Origins of the Stinnes–Legien Agreement // *Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Festschrift für Hans Rosenberg zum 65. Geburtstag.* Berlin, 1970. S. 333; *Idem.* Army, Industry and Labor... P. 521.

⁴ *Maier Ch. S.* Op. cit. P. 63.

Другой важнейшей причиной, обусловившей сотрудничество собственников промышленных предприятий Германии и организованного рабочего движения была, по мнению Фелдмана и Майера, необходимость продолжения начавшейся в годы Первой мировой войны инфляционной политики. Промышленники были удовлетворены тем, что обесценивание марки способствовало развитию экспорта и одновременно сокращению реальных размеров налоговых отчислений. К тому же при помощи инфляционных мероприятий в стране мог быть установлен, хотя и очень относительный, «социальный мир». Выплата заработной платы обесцененными деньгами позволяла создавать рабочие места, относительно безболезненно осуществить демобилизацию и решить проблему безработицы. Поэтому продолжение усиленной работы печатного станка было поддержано руководителями профсоюзов и социал-демократической партии, представители которой с ноября 1918 по март 1920 гг. возглавляли правительства Германии. Функционеры СДПГ в тот период не видели принципиальной разницы между интересами владельцев предприятий тяжелой промышленности и восстановлением национальной экономики Германии¹.

Социально-экономическая обстановка в Италии не вызывала у американских историков каких-либо серьезных дискуссий. Майер полагал, что итальянские крупные предприниматели также, как и их немецкие коллеги, не имели возможности для продолжительного обсуждения вопроса о рабочем дне. В условиях небывалого роста забастовочного движения, конфликтов в деревне и политического насилия ведущие промышленники Италии восприняли установление восьмичасового рабочего дня как «плотину, которая может остановить радикальный поток»².

Иная ситуация сложилась в послевоенной Франции. Как справедливо заметил известный специалист в области экономической исто-

¹ Подробнее см.: *Feldman G.D. The Historian and the German Inflation // Inflation Through the Ages: Economic, Social, Psychological and Historical Aspects. N.Y., 1983. P. 390; Maier Ch. S. Op. cit. P. 68–69; Idem. In Search of Stability: Explorations in Historical Political Economy, Cambridge, 1987. P. 202–206; а также см.: Hughes M.L. Op. cit. P. 7–8; Schuker S.A. American “Reparations”... P. 21. Всесторонний анализ истории германского общества в период инфляции представлен в монографии: *Feldman G.D. The Great Disorder.**

² *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 80.*

рии Франции Р. Куисел, победа в войне привела к тому, что ведущие экономические и политические элиты страны считали возможным подтвердить *status quo*. «Великая война обострила некоторые старые проблемы, а также создала новые, но послевоенная республика почти не обращала на них внимания». Исследователь подчеркивал, что широко распространенные в политических и экономических кругах Франции иллюзии, согласно которым «Германия за все заплатит» помогли сохранить уверенность в том, что существовавшая в стране экономическая практика «не нуждалась в коренной перестройке»¹.

Этот вывод убедительно подтверждается многочисленными данными и примерами Ч. Майера. Историк отмечал, что «тотальная война» диктовала необходимость централизации экономики Франции. Как и их немецкие коллеги, крупные французские производители металла стремились объединиться в различного рода ассоциации и «использовать свою коллективную власть». Но чаще всего эти усилия встречали равнодушие или сопротивление. Майер особо подчеркивал, что французский крупный бизнес, в отличие от немецких промышленников, был менее готов работать с профсоюзами и организованным рабочим движением. Французские работодатели, по его убеждению, не смогли бы прийти к заключению договоренностей с профсоюзами, подобных соглашению Стиннеса–Легина, без вмешательства государства².

Как и в Германии, во Франции был установлен восьмичасовой рабочий день. И это решение состоялось в результате сотрудничества, но не конфликта промышленников и рабочих в военное время. Однако Майер справедливо делал акцент на том, что во французской буржуазной прессе была развернута острая полемика по этому вопросу. Французские предприниматели, по мнению Майера, в большей степени, чем их немецкие и итальянские коллеги, стремились защититься от организованного труда и государственного регулирования³.

Как бы то ни было к весне 1919 г. крупной буржуазии и правящему классу Германии, Франции и Италии удалось в определенной степени нейтрализовать революционное движение. Требования рабочих,

¹ *Kuisel R.F.* Op. cit. P. 59.

² *Maier Ch. S.* Recasting Bourgeois Europe. P. 70.

³ *Ibid.* P. 77, 79, 85.

хотя и оставались такими же воинственными, но все же стали носить экономический характер. Наиболее отчетливо этот процесс происходил в Веймарской республике. Так, после подавления Баварской Советской республики в Германии уже не существовало реальной угрозы изменения политического устройства и социально-экономической системы. Как справедливо отмечали Дж. Фелдман, Ч. Майер и ряд других американских исследователей-германистов, начиная с этого периода в центре общественных и политических дискуссий оказались вопросы социализации и регулирования экономических отношений. Как известно, все попытки установления рабочего контроля над производством и национализации отдельных отраслей немецкой промышленности (в первую очередь угольных шахт) не увенчались успехом. Социал-демократы, по убеждению Фелдмана, были слишком обеспокоены мнимой опасностью краха экономики страны в случае проведения глубоких преобразований. Историк небезосновательно указывал, что позиция руководителей СДПГ по вопросу о социализации промышленных предприятий устраивала ведущих немецких предпринимателей. Предоставленная работодателям возможность участия в работе Комиссии по социализации в качестве экспертов позволила им пресечь национализацию, постоянно выдвигая собственные альтернативные программы и идеи¹.

Ч. Майер в своей монографии подробно осветил бесконечные утомительные дискуссии между представителями собственников промышленных предприятий и немецкими профсоюзами относительно возможности национализации. Все они, как справедливо заметил историк, завершатся победой крупной буржуазии Германии: никаких реальных изменений в вопросах о собственности не произойдет; немецкие угольные шахты останутся в частных руках². Нельзя не согласиться с Фелдманом, что правительства Веймарской республики оказались неспособны бросить вызов всевластию лидеров тяжелой промышленности и использовать в своих интересах конфликты внутри класса промышленников³.

¹ *Feldman G.D.* The Social and Economic Policies of German Big Business, 1918–1929 // *The American Historical Review*. 1969. Vol. 75. No. 1. P. 51.

² *Maier Ch. S.* Recasting Bourgeois Europe. P. 192.

³ *Feldman G.D.* Iron and Steel... P. 468.

Политический маятник Германии с каждым годом все больше смещался вправо. Исследования Фелдмана и Майера о действиях германского крупного бизнеса в период Капповского путча однозначно свидетельствуют, что деловое сообщество не рассматривало сотрудничество с демократическим режимом в качестве долгосрочной перспективы. По сведениям Фелдмана, уже с 1919 г. промышленники оказывали финансовую и политическую поддержку добровольческим корпусам и другим правым группировкам, в которых распространились легенды «об ударе кинжалом в спину» и «ноябрьских преступниках»¹. Майер полагал, что позиция крупного бизнеса Германии в дни Капповского путча хотя и не свидетельствовала о выраженных контрреволюционных настроениях политически активных предпринимателей, в то же время «подтвердила отсутствие у них приверженности республиканскому порядку». Действительно, руководствуясь сугубо прагматическими целями, подавляющее большинство крупных промышленников занимало тогда либо нейтральную позицию, либо поддерживало всеобщую забастовку рабочих против путчистов. Однако приведенные Майером и Фелдманом сведения показывали, что сразу после поражения авантюры Каппа–Лютвица многие бизнесмены заявили о недопустимости требований рабочего класса, выдвинутых в ходе всеобщей забастовки. Сама забастовка, по утверждению ряда работодателей, должна была рассматриваться как «недопустимый случай партизанства и классовой войны». Более того, собственники берлинских машиностроительных компаний категорически отказывались оплачивать рабочим дни, пришедшиеся на время забастовки. И хотя, под давлением вестфальских промышленников берлинские работодатели достигли компромисса с профсоюзами, происходившие в Германии события свидетельствовали об усилении влияния консерваторов. Результаты «новых дискуссий по социализации оказались тривиальными, а чистка армии и добровольческих корпусов, которая имела важное значение для защиты республики, была в значительной степени сорвана». В результате Капповского путча в Баварии пал коалиционный кабинет СДПГ и Партии Центра. Состоявшиеся

¹ *Feldman G.D.* Paul Reusch and the Politics of German Heavy Industry 1908–1933 // *People and Communities in the Western World*. Vol. II. Homewood – Illinois, 1979. P. 313; *Idem.* Iron and Steel... P. 112.

в мае 1920 г. выборы в рейхстаг также подтвердили общий сдвиг общественных настроений Германии вправо и привели к формированию общегерманского правительства без представителей социал-демократической партии, что годом ранее казалось не мыслимым¹.

Конец 1920 – начало 1921 гг. знаменовал усиление правых тенденций также во Франции и Италии. Согласно аргументированному утверждению Майера, в этот период подъем рабочего движения во всех европейских странах достиг своей нисходящей точки и влияние профсоюзов значительно ослабло. Перед европейскими обществами уже не стояла необходимость в массовом производстве, столь важная для военного времени. Остро стоявшая в первые послевоенные годы проблема «отложенного спроса» также перестала выступать в качестве первостепенного фактора. Инфляционный цикл, в условиях которого происходила радикализация требований рабочих, во Франции и Италии заканчивался. Зимой 1920–1921 гг. европейский континент был охвачен экономической рецессией².

В новых условиях крупная буржуазия ведущих европейских государств предприняла более решительные попытки борьбы против организованного рабочего движения. Ч. Майер подробнейшим образом осветил классовый конфликт, произошедший весной 1920 г. во Франции. Именно здесь рабочее движение встретило самый решительный отпор правящей элиты. Всеобщая забастовка железнодорожников, основным требованием которой стала национализация этой убыточной отрасли, перекинулась и на другие важные секторы французской промышленности. Однако вследствие резкой реакции работодателей и правительства Франции, а также непоследовательной позиции профсоюзного руководства и Французской социалистической партии, бастующие потерпят неудачу. Согласованные действия собственников железных дорог, комитета металлургической промышленности Франции («Комите де Форж») и правительства привели к «настоящему краху профсоюзных организаций»³.

¹ Подробнее см.: *Feldman G.D. Big Business and the Kapp Putsch // Central European History. 1971. Vol. 4. No. 2. P. 101–102; Idem. Arbeitskonflikte im Ruhrbergbau 1919–1922: Zur Politik von Zechenverband und Gewerkschaften in der Überschichtenfrage // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1980. 28. Jahrg. H. 2; Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 167–172.*

² *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 150, 192.*

³ *Ibid. P. 150, 156, 158.*

Наибольший размах стачечная борьба 1919–1920 гг. приняла, как известно, в Италии («красное двухлетие»). Деятельность итальянских промышленников в этот период, а также их роль в крушении либерального государства в октябре 1922 г. получила всестороннее освещение в американской историографии. Исследовательский интерес и дискуссии во многом были связаны с проблемой взаимоотношений крупного бизнеса Италии и фашистского движения. В обстановке 1960-х – 1970-х гг. большинство американских исследователей, не соглашаясь с ультралевыми марксистскими интерпретациями фашизма все же отмечали важную роль ведущих промышленников Италии в приходе Муссолини к власти.

Американский историк Р. Сарти в своем фундаментальном исследовании отношений итальянского фашизма с главной промышленной организацией страны – Всеобщей конфедерацией итальянской промышленности (Конфиндустрией) отмечал значительные сходства многих основополагающих целей Муссолини и руководителей крупного бизнеса. Поворотным моментом в сближении промышленников и фашизма исследователь считал события, связанные с неудачным захватом фабрик и заводов рабочими Италии в октябре 1920 г. Насильственное выдворение рабочих с заводов, по убеждению автора, ознаменовало наступление «антисоциалистической и антирабочей реакции, которая стала совместной акцией как руководства промышленности, так и фашистов». Ученый полагал, что отказ находившегося тогда у власти премьер-министра Дж. Джолитти применить силу против рабочих вызвал у работодателей значительно большее раздражение, чем сам захват предприятий. Крайнее недовольство промышленников, по мнению Сарти, вызывала фискальная и социальная политика итальянского правительства, которая была основана на поиске компромисса между рабочими и предпринимателями¹. И хотя налоговое законодательство Джолитти никогда не было реализовано на практике, уже сам факт его принятия способствовал, согласно

¹ Первый из них предусматривал обязательную регистрацию акций и облигаций на имя владельца и был призван закрыть налоговую лазейку, выгодную для состоятельных людей. Второй – ввел практически конфискационные ставки налога на прибыль, полученную в ходе войны.

доводам ученого, росту недоверия итальянских бизнесменов к правящему либеральному режиму¹.

Одним из основных положений концепции Сартти был тезис, согласно которому, итальянский крупный бизнес начиная с 1920 г. хотел, чтобы «правительство проводило политику хотя и непопулярную, но необходимую для ... более разумного распределения экономических ресурсов». И именно создание такого правительства Муссолини начал обещать во второй половине 1920 г. Его непримиримая враждебность к бывшим товарищам по Социалистической партии и интуитивное осознание того, что революционная волна прошла сама собой были, по мнению историка, возможными причинами решения Муссолини «направить фашистское движение в более консервативное русло». Ученый подчеркивал, что какими бы ни были эти причины, «Муссолини отказался от своих прежних колебаний, чтобы открыто общаться с бизнесменами». В этот же период происходит изменение отношения руководителей итальянской промышленности к лидеру фашистской партии. При этом Сартти признавал, что доверие промышленников к Муссолини не распространялось на других adeptов фашизма. Идеи фашистского синдикализма, безусловно, беспокоили руководителей Конфиндустрии и препятствовали установлению полноценного сотрудничества между промышленниками и фашистами. Тем не менее историк был убежден, что не существовало никаких препятствий для понимания экономических вопросов, к которым большинство рядовых фашистских активистов были равнодушны. Это понимание созрело, по его мнению, в Парламентском экономическом альянсе, который объединил избранных в мае 1921 г. представителей фашизма и крупного бизнеса. Разработанная этим альянсом программа предусматривала снижение налогов на бизнес, передачу сетей общественного транспорта и коммуникаций в частные руки, резкое сокращение государственных расходов, сбалансированный бюджет, реформу государственной бюрократии и судебной системы, снижение издержек производства и прекращение выпуска государственных облигаций, которые отвлекали капитал от частного сектора экономики. Сартти утверждал, что разработка данной

¹ Sarti R. Op. cit. P. 20, 25, 27.

программы свидетельствует об одобрении как крупным бизнесом, так и фашистами принципов «тотального классического экономического либерализма»¹.

Исследователь указывал, что вплоть до похода на Рим многие итальянские промышленники заявляли о себе как о самостоятельной политической силе. Деятели Конфиндустрии подчеркивали свою собственную роль в подавлении рабочего движения и настаивали на том, что фашисты вступили в борьбу уже после ликвидации угрозы революции. Сартти полагал, что сомнения в истинной природе фашизма вызывали серьезное беспокойство промышленников. В дни предшествующие установлению правительства Муссолини они даже пытались вернуть Джолитти² к власти. Фашисты, по их мнению, должны были быть включены в это правительство на правах младших партнеров. Тем не менее Сартти настаивал, что сравнение программы Либеральной партии, в состав которой входили ведущие промышленники, с фашистской программой от 21 октября 1922 г. показывает, насколько похожими были экономические воззрения бизнеса и фашизма накануне «марша в Рим»³.

В атмосфере 70-х годов XX в. подобного рода преставления были преобладающими в американской и западноевропейской историографии. Даже приверженцы теории тоталитаризма в целом соглашались с тем, что программные установки итальянского фашизма эволюционировали вправо задолго до прихода Муссолини к власти. Так, известный американский политолог А. Дж. Грегор отмечал, что фашистские программы были вполне совместимыми с интересами важных сегментов экономической элиты Италии. Даже национал-синдикалисты «были готовы признать потенциальную жизнеспособность итальянского промышленного капитализма». Исследователь заявил, что «к 1921 г. итальянцы имели все основания полагать, что фашизм предложил разумно конкретную и непосредственную экономическую программу для нации. Фашизм обещал защиту частной соб-

¹ *Sarti R.* Op. cit. P. 28, 30–31.

² В период с 1918 г. до прихода Муссолини в Италии одно за другим сменилось пять правительств В. Орландо, Ф. Нитти, Дж. Джолитти, И. Бономи, Л. Факта.

³ *Sarti R.* Op. cit. P. 32–34. См. также: *Idem.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy before the March on Rome // *Industrial and Labor Relations Review.* 1968. Vol. 21. No. 3.

ственности, пока она будет служить потребностям развития нации». Деловое сообщество, по убеждению ученого, «решило поверить, что Муссолини и фашисты были настроены навести порядок и нормализовать послевоенную Италию». Однако исследователь отмечал, что «на самом деле, фашизм никогда не собирался служить консервативным движениям. Фашизм стремился создать “Великую Италию”, которая избавилась бы от всех черт международной неполноценности и покорности, характеризующие промышленно отсталые нации в современном мире. К концу 1926 г. Муссолини был готов загнать своих союзников, которые не входили в состав его движения, в конкретно-фашистскую экономическую программу»¹.

В условиях изменившейся с начала 1980-х гг., после прихода Р. Рейгана к власти, политической конъюнктуры американский историк Ф.Х. Адлер предпринял попытку пересмотреть господствовавшие в историографии представления об отношении между итальянским фашизмом и крупным бизнесом. Этот пересмотр происходил в условиях так называемой «неоконсервативной волны», и новый политический климат способствовал появлению исследований, в которых минимизировалась роль итальянских промышленников в установлении режима Муссолини. Многие из приведенных Адлером сведений можно найти в работах 1960-х – 1970-х гг., однако их интерпретация стала принципиально иной. Ключевым тезисом историка являлось утверждение, что крупные промышленники Италии подавили забастовки 1920 г. самостоятельно, не прибегая к помощи фашистов. В 1921 г. они были убеждены в том, что «большевистская угроза» миновала и на производстве были восстановлены приемлемые для собственников отношения. Фашизм, по утверждению ученого, стал влиятельной политической силой страны в самом конце «красного двухлетия» и вступил в решающий период борьбы за власть в годы, когда беспорядками были охвачены сельскохозяйственные районы Северной Италии. Поэтому исследователь настаивал на том, что главной силой, оказавшей финансовую и политическую поддержку фашистской партии, были крупные итальянские землевладельцы².

¹ *Gregor A.J.* Op. cit. P. 127, 129–130, 150.

² *Adler F.H.* Italian Industrialists from Liberalism to Fascism. P. 171–173, 180, 189, 193–194, 247, 249.

Адлер выступал с резкой критикой марксистских и других интерпретаций фашизма, устанавливавших взаимосвязь между позицией итальянских промышленников и приходом Муссолини к власти. Историк настаивал, что итальянский «фашизм был не столько продуктом классовых действий промышленников, сколько результатом структурных и конъюнктурных кризисов либеральной политической системы Италии». Исследователь утверждал, что вплоть до событий октября 1922 г. промышленники не были убеждены в полном устранении «левых» элементов в фашистском движении. К тому же бизнесмены, добившиеся значительных успехов в подавлении рабочего движения в конце 1920 г. и существенно усилившие свое влияние в результате выборов 1921 г., опасались, что в случае победы фашистов беспорядки на фабриках могут вспыхнуть вновь. У фашистов, подчеркивал автор, не было каких-либо собственных структур на предприятиях, на которые могли бы положиться работодатели. Кроме того, по мнению историка, лидеры Конфиндустрии были обеспокоены «радикализмом и монополистическими замашками фашистских трудовых синдикатов». Многие промышленники имели личные враждебные отношения с отдельными руководителями фашистской партии. Не могло не вызывать тревогу возможное ухудшение в случае победы Муссолини торговых отношений с Советской Россией. Адлер настаивал, что в конце октября 1922 г. крупнейшие промышленники Италии пытались сломить фашистское «революционное» движение и убедить Муссолини войти в кабинет, возглавляемый Дж. Джолитти или А. Саландрой. По его убеждению, не может быть и речи о том, что крупный бизнес Италии поддерживал фашистский «поход на Рим» или формирование правительства во главе с Муссолини¹.

Думаю, что в целом следует согласиться с тезисом Адлера, согласно которому итальянские промышленники участвовали в поддержке фашистского движения не в качестве «самостоятельного авангарда», а в рамках «более широкого буржуазного блока»². Тем не менее нельзя не признать, что связь между экономическими элитами и фашизмом была важнейшей основой становления и стабилизации муссолиниевской диктатуры. И хотя полноценный компромисс между

¹ Adler F.H. Italian Industrialists from Liberalism to Fascism. P. 438, 242, 266, 268.

² Ibid. P. 194.

деловым сообществом и правительством Муссолини был достигнут позже, первые шаги к его осуществлению можно проследить уже в 1921–1922 гг.¹

Приведенные Р. Сартти данные позволяют говорить, что итальянский крупный бизнес в период, предшествовавший приходу Муссолини к власти, начинал занимать в целом благосклонную позицию к руководителю фашистской партии. Так, бывший президент Конфинфустрии, один из крупнейших магнатов электротехнической промышленности Италии Э. Конти, ссылаясь на мнение своего преемника Дж. Сильвестра, в январе 1922 г. заявил, что Муссолини «доверяет элитам больше, чем массам». Более того, фашистский лидер, по его мнению, был «сделан как на заказ для Конфедерации промышленности»². Несмотря на то, что основные капиталы поступали в фонды фашистской партии из карманов землевладельцев, начиная с 1915 г. Муссолини получал «денежные подношения» и от отдельных крупных итальянских предпринимателей. По размеру средств, перечисленных в фонды Итальянской фашистской партии, промышленники заняли второе место после землевладельцев³.

Американский историк Д. Дж. Форсайт в своем фундаментальном исследовании кредитно-денежной политики Италии в 1914–1922 гг. приходит к выводу, что исследователи, сводящие причины утверждения фашистского режима к послевоенному политическому кризису, пренебрегают макроэкономическим анализом событий 1921–1922 гг. Исследователь подчеркнул, что в ведущих кругах итальянского делового сообщества были распространены серьезные опасения относительно возобновления «безудержной инфляции и дефицита бюджета»⁴. Данные Форсайта свидетельствуют, что экономическая политика либеральных правительств Италии 1921–1922 гг. по-прежнему не удовлетворяла интересы итальянского крупного бизнеса.

¹ См. об этом: *Гальярди А.* Промышленная элита фашистского режима // *Берегиня.* 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 89.

² *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy, 1919–1940. P. 28.

³ *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy before the March on Rome. P. 405.

⁴ *Forsyth D.J.* Op. cit. P. 291–293.

Майер был безусловно прав, утверждая, что в критический период накануне захвата власти Муссолини, как в последующем и Гитлер, стремился заверить бизнес-истеблишмент в том, что он является «серьезным кандидатом на власть». С их циничным пониманием человеческой натуры Муссолини и Гитлер пришли к выводу, что некоторые промышленники «взрачивают веру в то, что фашистские лидеры могут быть отделены от крикливых радикалов, ... необходимых для борьбы с марксистскими партиями и профсоюзами на улицах»¹. Обращаясь к магнатам итальянской и немецкой индустрии, лидеры фашистских движений предлагали им свои услуги не только в качестве силы, способной сокрушить левые организации. Они говорили о необходимости создания принципиально новой системы экономических и социальных отношений.

Как справедливо указывал Майер, собственники крупных предприятий европейских стран и все буржуазное сообщество в 1918–1924 гг. стремились исключить влияние социалистов на принятие важных политических решений². Поэтому они с особым пристрастием следили за концепциями организации производства, которые разрабатывались экономистами и крупными предпринимателями Соединенных Штатов Америки. Американские историки уделили много внимания исследованию идеологии тейлоризма, фордизма и продуктивизма с их стремлением к рационализации и высокой стандартизации производства, призывами к научному управлению и социальной инженерии с целью удешевления выпускаемой продукции. Эти идеи, по убеждению исследователей, вызывали заметный интерес у промышленников ведущих государств Европы. Однако по обоснованному замечанию Майера европейское деловое сообщество было увлечено не столько «технологическими особенностями», сколько социальными и политическими последствиями введения подобных схем организации работы фабрик и заводов³.

Исследователь подчеркнул, что постановка проблемы повышения производительности позволяла бизнес-элите уйти от обсуж-

¹ *Maier Ch. S. In Search of Stability. P. 75–76.*

² *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 581.*

³ *Maier Ch. S. In Search of Stability. P. 23.*

дения вопроса о справедливом распределении прибыли¹. Самые первые идеи о необходимости нового устройства отношений на производстве стали высказываться в Веймарской республике. В исследованиях Дж. Фелдмана и его ученика Д.Е. Барклея были подробно рассмотрены обсуждавшиеся в Германии идеи заводского самоуправления². Историки обращали особое внимание на предложения инженера принадлежавшей В. Ратенау электротехнической компании АЕГ В. фон Мёллендорфа, призывавшего к «консервативному социализму», который «объединил бы технические знания со строгой приверженностью к национальным обязанностям и работе»³. Подобного рода идеи Мёллендорф высказывал еще в период Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. он, будучи заместителем министра экономики Германии, активно продвигал свою программу, результатом которой должно было стать установление в обществе «коллективизма путем преодоления классовых конфликтов»⁴.

Попытки адаптации производственных отношений к новым условиям предпринимали и турийские промышленники. В качестве примера Ф. Адлер приводит создание на известной машиностроительной компании «Фиат» новой системы организации труда, более унифицированной и строгой, где нормы эффективности и рациональности сочетались с оптимизацией состава рабочих. Отношения на производстве, вводимые на недавно построенном заводе этой фирмы «Линготто», регулировались «сверху при посредничестве новой группы менеджеров, штата инженеров и руководителей отделов». На предприятии была построена школа для обучения сотрудников и их иждивенцев. Была создана частная система здравоохранения, открыты развлекательные учреждения и центры дневного досуга. Исследователь отмечал, что «классовое сотрудничество усердно демонстрировалось руководством». Рабочие должны были быть деполитизированы,

¹ *Maier Ch. S. In Search of Stability. P. 128.*

² Подробнее см.: *Feldman G.D. Iron and Steel... P. 51–109; Idem. The Great Disorder; Barclay D.E. A Prussian Socialism? Wichard von Moellendorff and the Dilemmas of Economic Planning in Germany, 1918–19 // Central European History. 1978. Vol. 11. No. 1 и др.*

³ *Maier Ch. S. In Search of Stability. P. 78.*

⁴ *Barclay D.E. Op. cit. P. 50.*

а их повседневная жизнь (работа и отдых) – органично интегрирована в деятельность предприятия¹.

Американские исследователи справедливо отмечали, что ряд немецких и итальянских крупных предпринимателей были согласны улучшить положение своих рабочих в случае, если прибыль их предприятий существенно возрастет. Правда, в первые годы после войны подобного рода идеи разделяли немногие леволиберально настроенные промышленники и профсоюзные лидеры Германии. Тем не менее уже во второй половине 1920-х гг. подобного рода воззрения активно поддерживались самыми рьяными консерваторами. Конечно, предложения Мёллендорфа по экономическому планированию зарождались в рамках демократического государства. Скорее всего нет оснований не соглашаться с выводами Барклея, что Мёллендорф правильно понял «организующие» характеристики современного капитализма и точно чувствовал императивы грядущего «корпоративистского века, наступившего после Первой мировой войны»². Однако подобного рода идеи были распространены и в других политических кругах Германии.

Ч. Майер обоснованно полагал, что «пруссский социализм» О. Шпенглера «аналогичным образом предусматривал фиктевский коллективизм, основанный на национальном труде и сотрудничестве инженера с политическими лидерами». Ассоциация немецких инженеров поддерживала идеологию «аполитичной технократии», которая, по мнению многих ее членов, могла помочь «реализовать национал-социализм»³. Р. Куисел обращал внимание на то, что в середине 1920-х гг. на фоне острейшего финансового кризиса во Франции руководитель одной из ультраправых группировок «Фэсо»⁴ Ж. Валу не раз «выражал восхищение динамичными капитанами промыш-

¹ *Adler F.H.* Italian Industrialists from Liberalism to Fascism. P. 196–197.

² *Barclay D.E.* Op. cit. P. 51.

³ *Maier Ch. S.* In Search of Stability. P. 78.

⁴ Движение «Фэсо», что означает французский перевод итальянского «фаши», возникло во Франции во время «первой волны» распространения в стране ультраправого движения (1924–1926 гг.), вызванной протестом против политики картеля левых. Подробнее см.: *Пэссмор К.* Транснациональная история фашизма и национал-социализма на примере Франции // *Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23).* С. 312.

ленности, осуждая при этом буржуазию как уставший класс, решительный только в защите своих привилегий». По словам Валуа, «фашизм хочет, чтобы государство было подлинным защитником рабочего класса и получало от капитанов индустрии величайшие промышленные и технологические достижения». Куисел отмечал, что, несмотря на насмешки Валуа над капиталистами, «Фэсо» сумело привлечь в свои ряды многих руководителей французской промышленности, особенно инженеров¹.

Идея «продуктивизма», по убеждению Майера, стала для Муссолини мостом, «по которому он смог перейти от своего прежнего бунтарского социализма к оппортунистическому фашизму 1919–1922 гг.» Фашистские доктрины, согласно доводам ученого, могли объединить «неолиберальную эмансипацию бизнесмена с технократическим оправданием его призвания». Исследователь считал, что «продуктивность и привлекательность инноваций вкупе с социальной инженерией являлась тем актуальным посланием, которое фашисты и нацисты передавали итальянской и немецкой экономической элите»².

Один из основных выводов Майера состоял в том, что «фашистский корпоративизм представил авторитарное решение тех же самых классовых антагонизмов, которые существовали и в других странах». Однако характер стабилизации в Италии, по его мнению, «показывает, что фашизм и либеральный корпоративистский порядок, достигнутый в Веймарской республике и прогнозируемый для Франции, были не эквивалентны друг другу, а являлись альтернативными вариантами решения одних и тех же проблем»³. Тем не менее общие черты, характерные для экономики европейских стран и США, способствовали полноценному развитию хозяйственных отношений между ними.

Д. Форсайт справедливо обращал внимание на то, что после урегулирования франко-германского конфликта и принятия плана Дауэса, в экономику муссолиниевской Италии стали поступать крупные американские инвестиции. В 1924–1929 гг. она занимала второе место после Германии по размеру американских кредитов. Финан-

¹ *Kuisel R.F.* Op. cit. P. 81.

² *Maier Ch. S.* In Search of Stability. P. 77.

³ *Maier Ch. S.* Recasting Bourgeois Europe. P. 483.

совое сообщество США, по словам ученого, «сыграло важную роль в формировании очень благоприятного имиджа итальянского диктатора в американской прессе, который медленно начал изменяться в 1930-е гг.»¹ Очевидно, подобное поведение банкиров США было обусловлено, в первую очередь прагматическими соображениями, а не политическими причинами. Однако следует признать, что международное предпринимательское сообщество считало приемлемой выстроенную Муссолини систему социально-экономических отношений и способствовало признанию «нормальности» выстроенного им режима. К началу Второй мировой войны экономическая система нацистской Германии казалась привлекательной многим крупным промышленникам европейских государств, в которых сохранялась либеральная форма правления².

Установление фашистского режима в Италии было первым сигналом, свидетельствовавшим о хрупкости созданного в Версале миропорядка. Этот режим, по обоснованному выводу известного отечественного историка З.П. Яхимович бросал «вызов гуманизму» и «клеил бессилие пацифизма»³. Большинство американских историков, в целом, справедливо объясняют причины прихода Муссолини к власти внутренними причинами. Тем не менее принятие Версальского мирного договора также способствовало радикализации политической обстановки в стране. Крупные итальянские предприниматели не были сторонними наблюдателями этих процессов.

Как подчеркивал Р. Сарти, разочарование в мирных переговорах в Версале «убедило промышленников в том, что Италия выиграла войну только для того, чтобы потерять мир. Они подхватили лозунг Г. д'Аннунцио об "украденной победе" и сделали для его пропаганды все, что было в их силах». Итальянский крупный бизнес, по убеждению исследователя, стремился извлечь как можно большую выгоду из позиционирования страны в качестве победителя в Первой миро-

¹ Forsyth D.J. Op. cit. P. 264–265.

² См. монографии американского историка Дж. Гиллингама: *Gillingham Jh. Belgian Business in the Nazi New Order. Ghent, 1977; Idem. Industry and Politics in the Third Reich: Ruhr Coal, Hitler and Europe. N.Y., 1985.*

³ Яхимович З.П. Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 118.

вой войне. Они поддержали весьма спорный проект по созданию итальянской сферы влияния в богатом углем турецком регионе Адалия. В феврале 1920 г. Э. Конти возглавил военный корабль и отряд итальянских морских пехотинцев, отправившихся в Армению, Грузию и Азербайджан в надежде, что хаос в этих российских регионах может создать возможности для коммерческого проникновения. Муссолини должен был присоединиться к экспедиции в качестве наблюдателя, но в последний момент по неизвестным причинам не принял в ней участия. Интерес фашистского лидера к этой акции служит для Сартти одним из свидетельств сходства взглядов промышленников и фашистов на проблемы внешней политики¹.

Однако, по мнению историков, наиболее серьезно последствия Первой мировой войны и принятия Версальского мирного договора сказались на деятельности немецкого и французского крупного бизнеса. Противостояние Германии и Франции по репарационному вопросу, приведшее в 1923 г. к франко-бельгийской оккупации Рурской области и острейшему в истории межвоенной Европы международному кризису, привлекло внимание широкого круга американских исследователей. Эта проблема нашла отражение как в трудах специалистов по социально-экономической истории европейских стран, так и в работах авторов, занимавшихся дипломатической историей.

Американские германисты и франковеды в своих исследованиях особо подчеркивали, что изменение территориальных границ в Европе привело к нарушению работы промышленных предприятий ведущих государств. Так, исследователь Г. Рупипер считал необходимым отметить, что Первая мировая война «ускорила распад старой международной экономической системы», а создание новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе привело к распаду «европейского экономического единства». Историк подчеркивал, что принятые в Версале политические решения «остановили все попытки возобновления экономического сотрудничества». «Требования, предъявленные к побежденным нациям, – по мнению автора, – были преступлением против экономического здравого смысла»².

¹ *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy, 1919–1940. P. 18–19.

² *Rupiper H.J.* Op. cit. P. 33

В работах Ч. Майера, У. Макдугалла, М. Трахтенберга, Дж. Фелдмана, Г. Рупипера и других исследователей было неоднократно подчеркнуто, что с возвращением Лотарингии Франция так и не смогла стать главным производителем чугуна и стали в Европе. Эти планы могли быть реализованы только в случае сотрудничества с немецкими промышленниками, которые должны были обеспечивать Францию углем и коксом, необходимыми для переплавки лотарингской железной руды. Руководители германской тяжелой промышленности хорошо понимали сложившуюся ситуацию. Имея доступ к шведской и испанской руде, немецкие предприниматели саботировали покупку французской минетты. Лотарингская промышленность была в большей степени зависима от вестфальского кокса, чем рурские производители от французской руды¹. Создававшаяся ситуация позволяла немецким промышленникам заявлять, что французы должны «задохнуться от своей минетты»².

Все эти обстоятельства, по обоснованному мнению американских историков, еще в большей степени усиливали роль руководителей тяжелой промышленности Рура в германском обществе. Так, Майер, подробно осветивший ход и последствия угольного кризиса 1920 г. в Европе, пришел к выводу, что большинство немцев стало склоняться к мнению, согласно которому только рурские промышленники были способны оказать серьезное сопротивление «версальскому диктату». Наряду с этим крупнейшие угольные магнаты, в особенности Г. Стиннес, постарались использовать сложившуюся международную обстановку для увеличения рабочего дня на производстве, обосновывая этот шаг необходимостью более эффективного противостояния державам-победительницам. Накануне своего отъезда на знаменитую конференцию в Спа в апреле 1920 г. для обсуждения вопроса о поставках Германией угля в счет репарационных платежей Стиннес просил профсоюзных лидеров увеличить продолжительность работы шахтеров с семи до восьми с половиной часов в день³.

¹ *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 198–199. McDougall W.A. Op. cit. P. 103–104, 128; Trachtenberg M. Op. cit. P. 112–113; Rupiper H.J. Op. cit. P. 34; Feldman G.D. The Great Disorder. P. 634; Schuker S.A. The End of French Predominance in Europe. P. 223 и др.*

² *Trachtenberg M. Op. cit. P. 113; Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 199.*

³ *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 210.*

Несмотря на то, что подобного рода предложения не будут реализованы до конца 1923 г., приведенные во многих исследованиях факты свидетельствуют о существенных «победах», одержанных германскими промышленниками в решении экономических и политических проблем Веймарской республики. Собственники угольных шахт и других крупных предприятий Рейнско-Вестфальского промышленного региона сумели убедить руководителей германского рабочего движения и правительство страны в необходимости продолжить обесценивание немецкой валюты как способа доказать Англии и Франции неспособность Германии выплачивать репарационные платежи, установленные Лондонским ультиматумом 1921 г. На фоне охватившей Италию и Францию экономической рецессии 1921–1922 гг., в Германии, благодаря продолжению политики инфляции, отмечался рост промышленного производства¹. Согласно многочисленным оценкам, в этих условиях национальный доход Германии до 1922 г. превышал размеры валового национального продукта 1913 г. значительно больше, чем в других европейских странах. На любые протесты левых сил промышленники имели четкий ответ: «введение прямого налогообложения приведет к рецессии и обнищанию рабочего класса»².

Существенных успехов крупный бизнес Германии стал добиваться в ходе международных переговоров. Многие американские историки указывали на то, что французские промышленники стали осознавать необходимость компромисса с германскими коллегами. Возглавляемый крупным сталелитейным промышленником Р. Пино «Комите де Форж» разработал план участия французского капитала в освоении немецких рудников. Начиная с 1920 г., промышленные круги Франции предпринимали определенные усилия, чтобы найти взаимопонимание с Германией. По убеждению М. Трахтенберга, многие собственники сталелитейных предприятий Франции были готовы обойти условия Версальского договора и закупать уголь напрямую у Германии. Заключенное осенью 1922 г. известное соглашение

¹ Подробнее см.: *Feldman G.D. The Political Economy of Germany's Relative Stabilization During the 1920/21 World Depression // The German Inflation Reconsidered: A Preliminary Balance / Die Deutsche Inflation: Eine Zwischenbilanz. Berlin–N.Y., 1982.*

² *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 358–359.*

Стиннеса–Люберзака, позволившее германским промышленникам принять участие в восстановлении северных районов Франции, исследователи справедливо рассматривали в качестве попытки корпоративистского решения проблем в обход правительств¹.

Однако проведенный американскими авторами анализ деятельности французского крупного бизнеса свидетельствовал, что влияние промышленников Франции на принимаемые правительством страны решения едва ли могло быть сопоставимым с политическими позициями рурских предпринимателей. Отношения между французским государством и крупным национальным бизнесом, по утверждению Р. Куисила, никогда не были легкими: «они напоминали непрерывное перетягивание каната, а не взаимоподдерживающее партнерство»². С. Шукер убежден, что по своему менталитету Франция «оставалась полуиндустриальной страной», а многие министры опасались возможной ассоциации себя с «хищническими деловыми интересами»³.

Майер аргументированно отмечал, что «французская сталелитейная отрасль оказалась в гораздо более слабом положении в качестве группы давления, чем немецкая». Исследователь связывал это обстоятельство с тем, что, сведя роль профсоюзов страны до крайне незначительного уровня, лидеры французского бизнеса не смогли найти других надежных партнеров, которые совместно с ними могли бы влиять на государственную политику. К тому же во Франции в результате многочисленных распрей между производителями угля и стали по вопросам распределения тарифов и рынков, они чаще всего выступали в качестве «противоборствующих группировок». В Германии же «уголь и сталь были тесно переплетены между собой»⁴.

Шукер привел убедительные данные, свидетельствующие, что в момент принятия Р. Пуанкаре решения об оккупации Рурской области он не провел никаких консультаций с руководителями

¹ Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 200; *Trachtenberg M.* Op. cit. P. 112; *McDougall W.A.* Political Economy versus National Sovereignty: French Structures for German Economic Integration after Versailles // *The Journal of Modern History.* 1979. Vol. 51. No. 1; *Feldman G.D.* Iron and Steel... P. 348 и др.

² *Kuisel R.F.* Op. cit. P. 68.

³ *Schuker S.A.* The End of French Predominance in Europe. P. 226.

⁴ *Maier Ch. S.* Recasting Bourgeois Europe. P. 409–410; См. также: *Schuker S.A.* The End of French Predominance in Europe. P. 370.

«Комите де Форж». Многие сталелитейные магнаты Франции, в частности К. Кавалье, были крайне скептически настроены относительно планов премьер-министра. Более того, Ч. Майер продемонстрировал, что во время Рурского кризиса Пуанкаре всячески противодействовал интересам французских промышленников, надеявшихся на его помощь по установлению сотрудничества между предпринимателями двух стран. Вместо того, чтобы позволить французской ассоциации производителей угля распределять «драгоценный кокс», правительственное агентство по закупкам угля направило своих собственных представителей, чтобы организовать его доставку из Рура во Францию. Приглашенный Стиннесом в Висбаден молодой французский промышленник и депутат парламента П. Рейно под давлением премьера был вынужден отказаться от визита. По мнению американского историка, рурский кризис наглядно демонстрировал, что решение важнейших экономических и политических проблем было возможно путем взаимодействия групп интересов двух стран. Результатом отказа Пуанкаре от полноценного сотрудничества с бизнес-сообществом своей страны стало, по справедливому заявлению Майера, полное непонимание того, как «использовать преимущество Франции, особенно после прекращения немцами пассивного сопротивления»¹.

Стратегия и тактика германского крупного бизнеса в период франко-бельгийской оккупации Рура была одной из основных тем американской германистики. Наибольший вклад в изучении данной проблемы внесли Дж. Фелдман и Ч. Майер. Результаты их кропотливой работы в архивах промышленных фирм Германии однозначно свидетельствовали, что лидеры тяжелой промышленности Германии оказались единственной группой, которая смогла с выгодой для себя воспользоваться кризисной ситуацией 1923 года. Фелдман был убежден, что оккупация Рура позволила немецким промышленникам прикрыть «дымовую завесой» несостоятельную финансово-экономическую политику. «Финансирование политики “пассивного сопротивления” французам при помощи печатного станка просто завершило процесс, начатый за несколько месяцев до оккупации»².

¹ *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 404, 407.*

² *Feldman G.D. German Interest Group Alliances in War and Inflation, 1914–1923 // Organizing Interests in Western Europe: Pluralism, Corporatism and the Transformation*

Содержащиеся в исследованиях Фелдмана и Майера многочисленные данные свидетельствуют, что сделанные в первые дни оккупации полные патриотического пафоса заявления таких крупных промышленников Германии, как Ф. Тиссен и П. Рейш вряд ли можно рассматривать как полностью искренние. После отказа от политики пассивного сопротивления тот же Рейш, заявлявший от имени немецкого бизнеса, что «мы скорее станем коммунистами, отдадим все наши товары рабочим, прежде чем сдадимся перед лицом французских пулеметов», станет искать помощи у французских оккупационных властей для отмены постановлений о восьмичасовом рабочем дне. Также не очень долго звучали заявления других немецких предпринимателей о том, что французы могут «разрушить мир экономики и лишить нас богатства, но мы не позволим им сломить нашу национальную гордость». Уже в ноябре 1923 г. рурские промышленники и банкиры поддержат инициативу Франции создать Рейнский банк, 30% капитала в котором были бы французскими. Реализация данного предложения «означала бы конец любой единой германской экономической политики и была бы троянским конем для прямого отделения от Германии Рейнской земли». Лишь вмешательство английского правительства и изменение позиции Пуанкаре не позволили реализоваться столь крупномасштабным проектам¹.

В целом результаты исследований Фелдмана и Майера наглядно демонстрируют, что крупный бизнес Германии сумел стабилизировать валюту за счет издержек, возложенных на другие социальные группы. Решение о необходимости стабилизации национальной валюты было принято в условиях усиления беспорядков и столкновений, когда закрытие многих предприятий в ответ на франко-бельгийскую оккупацию вызвало рост безработицы, а гиперинфляция привела к катастрофическому обнищанию населения. Как справедливо утверждал Майер, немецкие промышленные магнаты согласились на проведение реформы финансовой системы лишь потому, что они осознали неизбежность денежной катастрофы. Впрочем, также обоснованным

of Politics. Cambridge – N.Y., 1981. P. 173; *Idem*. The Historian and the German Inflation. P. 390.

¹ *Feldman G.D.* Iron and Steel... P. 352, 393–444; *Maier Ch. S.* Recasting Bourgeois Europe. P. 390, 397–403.

представляется мнение Фелдмана о том, ужасающее положение рабочих и понимание профсоюзами необходимости стабилизации марки привело к тому, что рабочий класс и многие другие слои германского общества оказали поддержку осуществленным в конце 1923–1924 гг. финансово-экономическим мероприятиям. И произошло это, несмотря на то, что стабилизационные меры были осуществлены за счет снижения реального размера заработной платы, увеличения рабочего дня и сокращения рабочих мест¹.

Благодаря этому курсу, подчеркивал Фелдман, на Лондонской конференции 1924 г. Германия добьется уступок в репарационном вопросе, а немецкий крупный бизнес получит возможность получения существенных иностранных инвестиций². С. Шукер также замечал, что крупные промышленники Германии сумели добиться, чтобы их голос был услышан руководителями государства. Узнав о созыве Лондонской конференции, они уже с конца июля 1924 г. «толпились» в отелях британской столицы, активно лоббируя свои интересы в кругу дипломатических миссий и правительственных делегаций. В то же время историк указывал, что отношения французских сталеваров с правительством после победы Картеля левых становились еще более напряженными. В период обсуждения плана Дауэса крупные бизнесмены Франции отказались давать какие-либо советы правительству Э. Эррио и развернули против него мощную кампанию³. Все это будет в определенной степени способствовать ущемлению интересов Франции на конференции и привет к утрате ее ведущего положения в континентальной Европе.

Анализируя деятельность германского крупного бизнеса в 1918–1924 гг., ряд американских историков не удержался от соблазна возложить всю полноту ответственности за нестабильную политическую и социально-экономическую ситуацию на европейском континенте на «великих рурских промышленников». Во многих исследованиях, особенно американских франковедов, неоднократно подчеркивалось, что именно собственники предприятий Рура были «настоящими

¹ *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 376; Feldman G.D. The Historian and the German Inflation... P. 393.*

² *Feldman G.D. The Historian and the German Inflation P. 393.*

³ *Schuker S.A. The End of French Predominance in Europe. P. 369.*

хозяевами Германии»¹. Более того, такие видные авторы, как С. Маркс, У. Макдугалл, С. Шукер и др. оправдывали политику правящих кругов Франции, направленную на взыскание репараций с Германии, утверждая, что составленная Кейнсом ответная нота Германии не может рассматриваться, как «заслуживающая доверия». Меры предпринятые крупным бизнесом и правительством Германии, чтобы избежать выплаты репараций, по их убеждению, нанесли больший ущерб германской экономике, чем возможное выполнение условий Лондонского ультиматума 1921 года².

Подобные интерпретации имеют под собой веские основания. Однако они упускают из виду тот факт, что именно политика держав-победительниц способствовала усилению роли рурских промышленников и консервативных сил. Она способствовала как подрыву влияния немецкой социал-демократии, так и ее союзу с консерваторами. Известный американский историк Ш. Барановски справедливо связывает поражение Веймарской коалиции на июньских выборах 1920 г. с подписанием правительством Версальского договора. Исследователь полагает, что противники Веймарской республики смогли умело воспользоваться этой ситуацией, чтобы организовать мощную пропагандистскую кампанию против социал-демократов и их союзников³. К тому же Версальский договор предоставил правым деятелям СДПГ идеальную возможность для обоснования отказа от проведения социализации и других важнейших социально-экономических преобразований, без которых Веймарская республика не могла выжить.

Тем не менее вряд ли следует отрицать, что державы-победительницы стремились к установлению мира. К 1924 г. в результате

¹ *Trachtenberg M.* Op. cit. P. viii-ix, 266; *McDougall W.A.* Political Economy versus National Sovereignty. P. 12–13; *Marks S.* The Myths of Reparations. P. 245 и др.

² См. особенно: *Marks S.* Reparations Reconsidered; *Idem.* The Myths of Reparations; *Idem.* Smoke and Mirrors: In Smoke-Filled Rooms and the Galerie des Glaces // The Treaty of Versailles; *McDougall W.A.* France's Rhineland Diplomacy; *Schuker S.A.* American "Reparations"...; *Idem.* The Rhineland Question: West European Security at the Paris Peace Conference of 1919 // The Treaty of Versailles; *Idem.* J.M. Keynes and the Personal Politics of Reparations: Part 1 // *Diplomacy & Statecraft*. 2014. Vol. 25. No. 3 и др.

³ *Baranowski S.* The Collapse of the Weimar Parliamentary System // *A Companion to Nazi Germany*. Chichester, 2018. P. 65.

серьезных компромиссов была достигнута относительная стабилизация как в международных отношениях, так и в социально-экономической и политической обстановке в Европе. Конечно, стабилизация общественных и экономических отношений в Германии и Франции не была устойчивой. Франции в 1924–1927 гг. придется пережить серьезный финансовый кризис и целую череду смены правительств Картеля левых, пока Р. Пуанкаре снова не вернет власть. В Германии 1924 г. станет тяжелейшим испытанием для профсоюзов. Принятые 18 декабря 1923 г. чрезвычайные правительственные декреты позволят немецким работодателям отступить от принципа восьмичасового рабочего дня, в результате чего вестфальские и силезские промышленники восстановят 54-часовую рабочую неделю; на предприятиях начнутся массовые сокращения рабочих и урезания реальных размеров заработной платы. Лишь при помощи обязательно государственного арбитража, который будет введен постановлениями правительства 30 октября и 29 декабря 1923 г., деморализованные профсоюзы получат хотя бы элементарную защиту от притязаний промышленников. Тем не менее работодатели, воспользовавшись ситуацией, разорвут соглашение Стиннеса–Легина и ликвидируют наиболее важные завоевания германской революции¹.

Майер был безусловно прав утверждая, что стабильность 1924–1929 гг. «в лучшем случае оставалась хрупкой». Однако достигнутые компромиссы, по мнению историка, не были «обреченными». Несмотря на то, что стабилизация зафиксировала власть в руках консервативных сил, которые потеснили социалистов, левые все же получили «периферийные награды»: они сохранили «важный политический контроль на муниципальном и государственном уровне». Консервативные правительства Великобритании, Франции и Германии расширили систему социального страхования. Эти страны также приняли «внешнюю политику, направленную на смягчение итогов 1918 года», т.е. цель, к которой стремились европейские левые после Компен-

¹ Подробнее см.: *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe*. P. 445–449; также см.: *Feldman G.D. The Social and Economic Policies of German Big Business; Idem. Weimar from Inflation to Depression: Experiment or Gamble? // Die Nachwirkungen der Inflation auf die deutsche Geschichte, 1924–1933. (Schriften des Historischen Kollegs., Kolloquien 6). München, 1985.*

ского перемирия. Исследователь считал это достижение «в значительной степени символическим, но тем не менее важным»¹.

Рассматривая роль американских кредитов в истории межвоенной Европы, Майер отмечал, что они помогли «сбалансировать потоки капитала, направляя деньги в Германию», в результате чего немецкое деловое сообщество могло осуществлять платежи Парижу, которые помогли остановить французскую инфляцию. В то же время приток американских денежных средств в экономику Веймарской республики позволил наладить сотрудничество немецкой промышленности с Веймарским режимом и усилил влияние консервативных сил. Прекращение ограничений Версальского договора на коммерческую политику Германии в 1925 г. открыло возможность разработки новых тарифных соглашений и привлекло восточно-эльбских юнкеров, известных своими сугубо антидемократическими настроениями, к участию в германском режиме. И все же американские поступления значительно улучшили социальный и экономический климат в Германии. Постепенное возрождение роли профсоюзов и увеличение реального размера оплаты труда рабочих после 1925 г., на которое обращает внимание Майер, скорее всего во многом было обусловлено притоком американских инвестиций. В апреле 1927 г. новый министр труда, один из лидеров католических профсоюзов Германии Браунс, несмотря на резкие возражения промышленников, сумел восстановить в силе решение о восьмичасовом рабочем дне. С этого момента сверхурочная работа должна была вознаграждаться 25% премией².

Тем не менее исследование историка У.С. Макнейла свидетельствует, что иностранные вливания денежных средств в германскую экономику лишь на время позволили решить стоявшие перед правительством острые экономические задачи. В конечном счете строгое соблюдение плана Дауэса заставило германское правительство вести дефляционную политику, которая потребовала увеличения налогов с населения и принятия сбалансированного бюджета. Создавались излишки, связанные с экспортом. Все это приводило к высокому уровню безработицы. Такая ситуация усиливала социальные конфликты и подрывала и без того шаткую политическую систему Веймарского

¹ *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe. P. 513, 594.*

² *Ibid. P. 479, 481, 511–512, 514.*

режима. К тому же историк отмечал, что поступление американских ссуд усиливало противостояние среди различных групп германского общества в борьбе за получение иностранных денег. Иностранный капитал использовался политически влиятельными отраслями немецкой промышленности независимо от их экономической эффективности. Макнейл акцентировал внимание на том, что руководители тяжелой промышленности при помощи связей с иностранными и германскими финансистами добивались того, чтобы значительные суммы направлялись на модернизацию их предприятий, которые к 1926–1927 гг. были способны производить продукции больше, чем экономика могла поглотить¹.

Другой американский историк Ф.Р. Бергхан полагает возможным утверждать, что хотя инвестиции США направлялись главным образом в либерально ориентированные и стоявшие на принципах социального реформизма немецкие компании, такие как «Сименс», «Бош» и химические концерны, это вовсе не означает, что «консервативные боссы угля и стали, особенно в Рурской области, оказались в стороне от успеха. Скорее они сохранили свою позицию “вето”, которая была достаточно сильной, чтобы затормозить реформистские инициативы»². Многие американские исследователи считали, что рурский локаут в конце 1928 г. в тяжелой промышленности, когда ряд крупнейших работодателей Германии выступил против системы обязательного арбитража на производстве, следует рассматривать как вызов политической системе Веймарской республики и важный этап на пути к ее краху³. Ряд историков убеждены, что если бы Рейш довел локаут до печального конца, то парламентская демократия в Германии, возможно, пала бы уже в 1928–1929 гг.⁴

¹ См.: *McNeil W.C.* American Money and the Weimar Republic: Economics on the Eve of the Great Depression. N.Y., 1986. Особенно P. 2, 22, 275.

² *Berghahn V.R.* American Big Business in Britain and Germany: a Comparative History of Two “Special Relationships” in the 20th Century. Princeton, 2014. P. 193.

³ *Peterson L.* Labor and the End of Weimar: The Case of the KPD in the November 1928 Lockout in the Rhenish-Westphalian Iron and Steel Industry // *Central European History*. 1982. Vol. 15. No. 1. P. 51; *Feldman G.D.* The Social and Economic Policies of German Big Business... P. 53; *Maier Ch. S.* Recasting Bourgeois Europe. P. 513; *Berghahn V.R.* Op. cit. P. 193–194.

⁴ Подробнее см.: *Боннел Э.Дж.* Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. // *Берегиня*. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 174–175.

Магнаты угольной и сталелитейной промышленности Германии, по убеждению Бергхана, представляли из себя «группы, влияющие не только на внутренний баланс экономической мощи, но и на процессы рационализации и “американизации”¹. С началом «великой депрессии» именно эти группы германской промышленности окажутся самыми активными критиками Веймарской республики. В американской германистике 1970-х – 1980-х гг. развернулись ожесточенные, порой драматические споры о роли германского крупного бизнеса в приходе Гитлера к власти². Усилиями консервативных историков в обстановке «правого поворота» 80-х годов XX в. в американской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой большинство представителей верхушки делового сообщества Германии рассматривало нацистов как «опасных радикалов» и не несло ответственности за назначение Гитлера канцлером³. Американский исследователь Д. Абрахам, отстаивавший противоположную точку зрения, был вынужден сменить профессию историка, поскольку оппоненты обвинили его в фальсификации источников и развернули против ученого настоящую травлю⁴.

¹ *Berghahn V.R.* Op. cit. P. 195.

² Подробнее см.: Богдашкин А.А. Американская историография второй половины 40-х – 80-х гг. XX века о роли германского большого бизнеса в политической истории Веймарской республики: дисс... канд. ист. наук. М., 2013.

³ *Turner Jr. H.A.* German Big Business and the Rise of Hitler. N.Y., 1985. Одновременно с этим предпринимались попытки найти оправдание непопулярной политике германского крупного бизнеса в период становления Веймарской республики. В новой идеологической обстановке существенно эволюционировали вправо взгляды Дж. Фелдмана. См. особенно: *Feldman G.D.* Industrialists, Bankers, and the Problem of Unemployment in the Weimar Republic // *Central European History*. 1992. Vol. 25. No. 1; *Idem.* Hugo Stinnes: Biographie eines Industriellen 1870–1924. München, 1998. В монографии о Г. Стиннесе Фелдман заявил о необходимости развенчать сложившийся в литературе “миф” об этом крупнейшем рурском промышленнике как о «беспринципном спекулянте периода инфляции». В своих заключительных суждениях историк даже высказал предположение, что, если бы Стиннес дожил до мирового экономического кризиса начала 30-х гг., он мог бы стать противником нацистов. В 1980-х гг. Фелдман принял самое активное участие в кампании против Д. Абрахама.

⁴ *Abraham D.* The Collapse of the Weimar Republic: Political Economy and Crisis. Princeton, 1981. P. 317, 320.

Однако полагаю, что противникам Абрахама не удалось опровергнуть главный аргумент историка. Исследователь был абсолютно прав, утверждая, что в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. весь класс промышленников Германии отказался от сотрудничества с СДПГ и профсоюзами и считал необходимым «похоронить» «государство всеобщего благоденствия», каким, по их мнению, являлась Веймарская республика. Баланс сил внутри германского крупного бизнеса в 1930–1932 гг. резко сместился вправо. Промышленники и аграрии находились в ситуации, когда нацистская партия оказалась для них «лучшим выбором» несмотря на наличие «реальных рисков» от союза с ней. Но ведущие промышленники и немецкие консерваторы, по мнению Абрахама, столкнулись с серьезной проблемой: у них не было партии, которая бы пользовалась существенной поддержкой масс. В этих условиях ведущие фигуры главной фракции промышленности – тяжелой индустрии – пришли к выводу, что «нацистское участие в правительстве или контроль над ним обеспечит лучший выход из политического кризиса... и благоприятные возможности для выгодной экономической реконструкции». Появившиеся в последнее время исследования во многом подтверждают этот вывод и свидетельствуют, что без поддержки, по крайней мере, части германского крупного бизнеса Гитлер никогда бы не смог получить власть¹. Как справедливо подчеркнули многие американские ученые, восстановление немецкой экономики в годы нацистской диктатуры было основано на «безудержных военных расходах», что убедительно свидетельствовало о захватнических планах Гитлера. Эти замыслы озвучивались уже в феврале 1933 года².

Наступившая в 1927 г. стабилизация во Франции также оказалась неустойчивой. В обстановке мирового экономического кризиса

¹ Подробнее см.: *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес Германии и мировые войны: почему и о чем спорят историки? // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017.

² *Геллатели Р.* Гитлеровская «консенсусная диктатура» в 1933–1933 гг. // *Берегиня*. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 129. Подробнее об экономической политике в годы «Третьего рейха» и взаимоотношениях между крупным бизнесом и нацистским правительством см.: *Tooze A.* *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Germany*. L., 2006. Эта проблема в американской историографии также является предметом ожесточенных дискуссий.

в стране активизируют свою деятельность ультраправые группировки фашистского типа, которые будут пользоваться поддержкой некоторых крупных промышленников и банкиров. Решительное сопротивление левых сил и образование Народного фронта в феврале 1934 г. сорвет планы реакции и вплоть до немецкого наступления 1940 г. во Франции у власти будут находиться демократические кабинеты. Однако правительства Народного фронта не смогут проводить последовательную экономическую и социальную политику и, в конечном итоге, окажутся не способными реализовать программу экономического планирования, которая по убеждению Р. Куисела, была крайне необходима для стабилизации политической системы. Несмотря на то, что деятельность французского крупного бизнеса в 1930-е гг. не получила всестороннего освещения в американской историографии, исследования Куиселя и другого известного франковеда Р.О. Пэкстона свидетельствуют, что накануне нацистского вторжения работодатели Франции стремились ликвидировать введенное в 1936 г. социальное законодательство. Многие из них в период германской оккупации будут вести активное сотрудничество с нацистскими властями¹.

Таким образом, анализ американской историографии свидетельствует о невозможности однозначной характеристики Версальской системы международных отношений и деятельности крупного бизнеса ведущих европейских государств в период между двумя мировыми войнами. Приведенные выше оценки и выводы американских исследователей позволяют полагать, что несмотря на существенные противоречия между политической и экономической элитой европейских государств, благодаря взаимным компромиссам Европа достигала стабилизации 1924–1929 гг. В этой обстановке в Германии, Франции и даже в Италии была установлена новая модель отношений на производстве. Экономическое противостояние между Францией и Германией существенно ослабло. Корпоративизм, вне всякого сомнения, был важнейшей чертой достигнутого паритета сил. И в этом смысле следует признать, что Версальской системе удавалось приглушать существовавшие противоречия. Тем не менее необходимо подчеркнуть,

¹ *Kuisel R.F. Op. cit.; Paxton R.O. Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944. N.Y., 1972.*

что после 1924 г. в Италии произошла стабилизация фашистского режима.

К тому же приведенные выше данные однозначно свидетельствуют, что достигнутая стабилизация не могла носить устойчивый характер. Точка зрения, согласно которой бизнесмены-рационализаторы «смягчали классовый антагонизм, превращая труд в производственную этику, подчиняя рабочих правилам “научного управления”, и “легитимации” капиталистической иерархии», безусловно, имеет право на существование. Тем не менее Р. Куисел абсолютно прав в том, что «установление “социального мира” не было главной целью реформаторов. Они были в большей степени мотивированы желанием пожинать плоды экспансивного капитализма, контролировать экономическую среду и подражать передовой предпринимательской практике, чтобы оставаться конкурентоспособными»¹. «Великая депрессия» обострила существовавшие ранее проблемы и способствовала усилению среди бизнесменов Германии и Италии стремления к автаркии. Таким образом, есть все основания утверждать, что Версальская система не могла быть основой для прочного мира в Европе.

¹ *Kuisel R.F.* Op. cit. P. 87–88.

ГЕРМАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Последствия Первой мировой войны для Германии были катастрофическими. Страна лишилась значительной части своей прежней территории и населения¹, потеряла все свои колонии, и должна была выплачивать победителям огромную сумму. Мирный договор, который Германия под давлением Антанты была вынуждена подписать в Версале 28 июня 1919 г., по мнению его творцов, был справедливым². Такой же точки зрения придерживается и ряд современных историков³. Главные аргументы, которые при этом приводятся, заключаются в следующем: 1) Германия была виновником развязывания мировой войны; 2) В случае победы Германии и ее союзников мирный договор был бы еще более жестким, только уже в отношении другой стороны. Ни военные приготовления и провокации Антанты в 1914 г., ни мирные предложения Германии с осени 1914 г., ни, наконец, отсутствие единой позиции в верхах Германии сторонниками такой позиции в расчет не принимаются. Поэтому, на наш взгляд, прежде, чем перейти к непосредственному рассмотрению заявленных вопросов, следует коснуться и данных болезненных проблем.

¹ По подсчетам российского историка А.И. Патрушева на войне погибло 2 млн немцев, почти миллион пропал без вести, 4, 8 млн было ранено или искалечено. *Патрушев А.И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 356.

² См. напр.: *Ллойд Джордж Д.* Мир ли это? М., 1924.

³ См. об этом: *Романова Е.В.* Весальский мир: пролог «двадцатилетнего кризиса» или «лучший из возможных компромиссов» (к вопросу об оценках Версальского договора в историографии) // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2017. Вып. 5: Парижская мирная конференция 1919–1920: взгляд из XXI века; *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес Германии и создание Версальской системы в оценках американских историков // Там же. В отечественной историографии данная концепция характерна для многих авторов сборника статей: Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / отв.ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011.

По вопросу о виновниках развязывания Первой мировой войны позиции как современников войны, так и ее исследователей можно условно разделить на четыре группы. Сторонники первой, довольно распространенной точки зрения, считают, что к войне, в той или иной степени, готовились все ее участники¹. Вторая точка зрения заключается в том, что войны не хотел никто². По крайней мере, ее не хотели руководители крупнейших государств. «Нельзя приписать ни одному правительству и ни одному народу сознательного стремления к общеевропейской войне в 1914 г.»³, – подчеркивалось в совместном заявлении западногерманских и французских историков в Майнце в 1951 г. Похожую позицию занимает английский историк Джэйлз Макдоно⁴.

Согласно другому мнению в развязывании войны виноваты страны Антанты – Великобритания⁵, Франция⁶, Россия⁷. В этой связи особого внимания заслуживает новейшее исследование российского историка О.Ю. Данилова «Пролог «великой войны» 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт». На основании многочисленных данных автор, на наш взгляд, убедительно показывает, как уже с весны 1911 г. Англия путем провокации международных конфликтов «начала подготовку к развязыванию мировой войны»⁸.

¹ См. напр.: *Hürten H.* Die Epoche der Nationalstaaten und der Erste Weltkrieg. Stuttgart, 1981; *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб, 1997. С. 140.

² См. напр.: *Киган Дж.* Первая мировая война. М., 2002. С. 81–83; *Bihl W.* Einleitung // *Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges.* Darmstadt, 1991. S. 5.

³ Цит. по: *Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / Hrsg. von Bihl W.* Darmstadt, 1991. S. 4.

⁴ *Макдоно Дж.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. Пер. с англ. М., 2004. С. 552.

⁵ *Иванов (Скуратов) А.* Это начиналось так (о начале первой мировой войны) // Страницы минувшего. Сборник: Очерки. М., 1991. С. 78.

⁶ *Oncken H.* Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges. Leipzig, 1933.

⁷ *Ibid.* S. 822, 829f.

⁸ *Данилов О.Ю.* Пролог «великой войны» 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010. С. 258.

Следуя давней традиции обвинять в агрессии, прежде всего, побежденных и опираясь на решения Версальской мирной конференции¹, четвертая группа исследователей всю вину за развязывание Первой мировой войны взваливает на Германию². При этом главным виновником развязывания мировой войны также по традиции объявляется кайзер Германии Вильгельм II³.

Понимая, что в рамках одной статьи невозможно найти истинного виновника Первой мировой войны, а также определить степень вины конкретно Германии, ограничимся рядом важных, на наш взгляд, замечаний. Первое. Опираясь на тщательное изучение даже самых известных опубликованных документов, можно почти с полной уверенностью утверждать, что ни кайзер Вильгельм II, ни немецкое правительство войны не хотело и к ней не стремилось⁴. Безусловно, кайзер намеревался превратить Германию в мировую державу (*Weltmacht*), но не ценой завоевания мирового господства (*Weltherrschaft*), а путем экономического соревнования и путем переговоров. Иное дело – германский генералитет, аппетиты которого росли в зависимости от успехов германских войск на фронтах.

Второе. Немецкие официальные круги и некоторые промышленники с осени 1914 г. неоднократно предлагали воюющим странам заключить мирное соглашение. Использовались все возможно-

¹ Ст. 231 Версальского мирного договора.

² См. напр.: *Шаццлло В.* Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 9–23; *Оськин М.В.* Первая мировая война. М., 2010. С. 57; *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1964.

³ См. напр.: *Виноградов К.Б., Жданов Ю.В.* Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 156.

⁴ См. подробнее исследования автора: *Кукушкина И.А.* Некоторые вопросы внешней политики кайзера Вильгельма II в предвоенные годы: новое прочтение старых документов // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы: Материалы III международной научно-практической конференции (28–29 ноября 2013 г., Москва). М., 2014. С. 36–43; *Кукушкина И.А.* Германский кайзер Вильгельм II в Первой мировой войне: Новые подходы к изучению старых документов // Первая мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва ИВИ РАН – МГУ им. М.В. Ломоносова – МГПУ, 8–10 сентября 2014 г. Часть II / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2015. С. 37–41.

сти: дипломатические миссии, посредничество нейтральных стран и даже – частные поездки. Германия соглашалась отказаться от территориальных приобретений, вернуть колонии, предоставить самостоятельность Польше, возместить ущерб Бельгии¹. Однако страны Антанты, поставившие перед собой цель военного сокрушения Германии, неизменно отвечали отказом².

Третье. Необходимо учитывать серьезные разногласия в рядах политической элиты Германии уже в годы войны. К лету 1916 г. военная власть в стране оказалась сосредоточена в руках Высшего военного командования (Oberste Heeresleitung, OHL), фактически отстранившего кайзера от принятия каких-либо решений. Под давлением военных во главе с Гинденбургом и Людендорфом, 13 июля 1917 г. был отправлен в отставку канцлер Бетман-Гольвег, настаивавший на заключении компромиссного мира. В то же время 19 июля рейхстаг принял резолюцию (Friedensresolution), в которой заявил о своем стремлении «к миру, но основе согласия», не совместимом с «территориальными приобретениями, достигнутыми силой, а также политическим, экономическим или финансовым насилием»³. Однако даже когда необходимость прекращения войны уже становилась ясной всем ее участникам, конфронтация между сторонниками «мира через победу» (Siegfrieden) и «мира путем взаимосогласия» (Verständigungsfrieden) не прекращалась.

В августе 1918 г. немецкое командование, тем не менее, вынуждено было в своем донесении правительству признать, что Германия выиграть войну не в состоянии. 29 сентября Людендорф потребовал срочно начать переговоры о перемирии и сформировать новое правительство, которое сможет в будущем заключить мир на приемлемых

¹ См. напр.: Международные отношения в эпоху империализма (далее – МОЭИ): документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. – Серия 3: 1914–1917. – (Т. 6. Ч. 1: 5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г.). – М.; Л., 1935. С. 225. Док. № 233.

² См. напр.: МОЭИ. Т. 6. Ч. 2: 5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г.). М.; Л., 1935. С. 85–86. Так же. С. 238. Док. № 247. Телеграмма посла в Париже министру иностранных дел (Бордо, 11 сент./29 авг. 1914), в которой сообщается о позиции французского правительства.

³ Huber E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Stuttgart, 1961. Band 2. S. 471.

для Германии условиях. 3 октября было сформировано коалиционное правительство во главе с принцем Максом Баденским.

В ночь на 5 октября новое правительство направило президенту США В. Вильсону ноту о перемирии с просьбой о посредничестве в заключении мира на основе выдвинутых последним «14 пунктов». 11 ноября перемирие было подписано в Компьене. Согласно его условиям Германия должна была вывести войска из Франции, Бельгии, Люксембурга, Эльзаса и Лотарингии, а также оставить западный берег Рейна с последующей его оккупацией союзными войсками. Предусматривался вывод германских войск с территории Австро-Венгрии, Румынии, России. Военный флот Германии подлежал интернированию. Блокада Балтийского моря сохранялась. Антанта и ее союзники получали свободный вход и выход из Балтики. Германия должна была сдать союзникам в хорошем состоянии 5000 орудий, 2500 пулеметов, 3000 минометов, 1700 самолетов, все дирижабли, 150 000 вагонов, 5000 грузовиков, бронированную технику и химическое оружие. Глава «Финансовые положения» предусматривала в будущем возмещение убытков союзникам¹.

К тому времени в Германии вновь произошла смена правительства, вызванная начавшейся в Германии революцией. 9 ноября Макс Баденский передал пост рейхсканцлера социал-демократу Фридриху Эберту, а 10 ноября из представителей двух социал-демократических партий (СДПГ и НСДПГ) было сформировано коалиционное правительство – Совет Народных Уполномоченных. Многие историки и саму революцию, получившую в исторической науке название «Ноябрьской», и возникшую в ее горниле Веймарскую республику считают результатом проигранной Германией войны², «политическим

¹ См.: Перемирие между союзниками и Германией, заключенное в Компьенском лесу близ Ретонд 11 ноября 1918 года // Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 193–198. Док. № 141.

² Die Erste Republik. Dokumente zur Geschichte des Weimarer Staates / Longerich P. (Hrsg). München, 1992. S. 18; Баев В.Г. Законодательная деятельность германского рейхстага в период Веймарской республики (1919–1933 гг.). Тамбов, 2003. С. 9–10; Космач В.А. История Германии в годы Веймарской республики. Ноябрьская революция и становление республики (1918–1923 гг.) Псков, 2014. С. 11.

воплощением поражения»¹. «Недолгая история Веймарской республики, – пишет, в частности российский историк А.И. Патрушев, – отмечена знаком трагизма. Это история рождения демократии из военного поражения и революционного хаоса; история бесконечных унижений великой нации зарубежным диктатом, баснословными репарациями, международной дискриминацией; история хронически больной экономики на фоне страшной инфляции и мирового экономического кризиса; история «республики без республиканцев», против которой яростно выступали противники и которую весьма нерешительно защищали сторонники; история демократии, которая не смогла и не сумела постоять за себя»². Тезис о том, что республика не смогла себя защитить «от напора фашистов», выдвигают и другие историки³. Но так ли это?

Мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. в Версале, отторгал от Германии 13,5% довоенной территории и лишал ее 10% производственных мощностей, 20% объемов добычи каменного угля, 75% запасов железной руды и 26% выплавки чугуна. Германия теряла все свои колонии, в шесть раз превышающие по площади метрополию, с населением 13 млн человек⁴.

Саарский бассейн на 15 лет передавался под управление Лиги Наций, после чего население могло само решить вопрос о государственной принадлежности данной территории (Ст. 49); все залежи угля в Сааре независимо от формы собственности на копи переходили в собственность Франции (Ст. 45). Договор постановлял, что в случае, если через 15 лет, на основании проведенного народного опроса «Лига Наций постановит о присоединении к Германии всей или части территории Саарского бассейна, то права собственности Франции на копи, расположенные в этой части территории, будут целиком выкуплены Германией за цену, уплачиваемую в золоте»⁵.

¹ Пленков О.Ю. Указ. соч. С. 169–170.

² Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 361.

³ Баев В.Г. Указ. Соч. С. 4.

⁴ Ключников Ю.В. Версальский мир // Версальский мирный договор / Полный перевод с французского подлинника под редакцией Ю. Ключникова и А. Сабанина. М., 1925. С. XXX.

⁵ Версальский мирный договор. С. 29.

Германия лишалась не только важнейших источников сырья и энергии, расположенных на утраченных ею территориях, но и возможности пользоваться ими даже путем создания совместных предприятий (Ст. 70 – в отношении Эльзас-Лотарингии, Ст. 122 и 123 – в отношении бывших колоний). Согласно Ст. 100 г. Данциг становился Вольным Городом Данцигом, на территории которого граждане Германии не имели права проживать.⁶ Такое же правило действовало и на остальных утраченных Германией территориях⁷. Германия лишалась всех своих колоний, концессий и привилегий, отказывалась от всех прав за пределами страны. Вопреки сложившимся нормам международного права конфискации могла быть подвергнута не только собственность немецкого государства, но и всех его подданных.

В военном плане Германия становилась полностью беззащитной. На левом берегу Рейна размещались оккупационные войска, правый превращался в демилитаризованную зону шириной 50 км. (Ст. 42 и 43). Срывались все укрепления на западной границе и о. Гельголанд, и запрещалось возведение новых. Германия лишалась Генерального штаба, военной и морской авиации, флота. Сухопутная армия ограничивалась численностью 100 000 человек, всеобщая воинская повинность отменялась. Впоследствии все эти ограничения с приходом к власти Гитлера оказались бессмысленными и никак не мешали восстановлению военной мощи рейха. Скорее наоборот, унизив Германию, они способствовали возникновению реваншистских настроений.

Требования по репарациям английский дипломат Гарольд Никольсон, присутствовавший на Парижской мирной конференции назвал «абсурдными»⁸. По его мнению, «глава о репарациях и возмещениях – настоящее преступление, она безнравственна и бес-

⁶ Они должны были или приобрести гражданство Вольного Города Данцига (Ст. 105) или в течение года перенести свое место жительства в Германию (Ст. 106).

⁷ В Польше, к примеру, действовало следующее правило: бывшие немецкие граждане, проживающие на польских территориях до 1 января 1908 г., могли приобрести польское гражданство, остальные приобретали польское гражданство лишь с разрешения Польского Государства. Пожелавшие остаться гражданами Германии должны были переехать на территорию Германии (Ст. 91).

⁸ *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 году. М., 2015.

смысленна»¹. Репарации трактовались как «возмещение ущерба», понесенного союзными державами, под чем понималось (прежде всего – французской делегацией) возмещение всех военных расходов союзников. Конфискованная немецкая собственность в бывших колониях Германии при этом не учитывалась и стоимость ее в исчисление репараций не входила.

Вся вина за развязывание мировой войны союзниками возлагалась на Германию, в особенности – на Вильгельма II², и Австрию³. Одна из причин внесения таких формулировок в Договор была раскрыта Гарольдом Никольсоном. «В печати недавно утверждали, – писал он, что было бы неплохо для психологического оздоровления Европы, если бы Вильгельм II стал козлом отпущения, поскольку стремление найти виновника войны могло бы, таким образом, получить удовлетворение»⁴. Кроме того, эта установка была нацелена на оправдание тяжелейших требований, выставленных Германией⁵.

Ряд современных историков считает, что условия Версальского мирного договора были выполнимы⁶.

Однако многие современники договора (и не только немцы) уже с момента составления его первоначальной редакции выступили с его резкой критикой. Финансовый советник британской делегации на мирной конференции Дж.М. Кейнс пытался воздействовать на главу делегации Ллойд Джорджа с целью принятия экономически обоснованного плана репараций. «Кейнс пессимистически смотрит на договор с Германией. Он считает его не только безнравственным, но и плохо составленным»⁷ – записал в своем дневнике Г. Никольсон

¹ Никольсон Г. Указ. соч. С. 361.

² Ст. 227. Кайзер обвинялся «в высшем оскорблении морали и священной силы договоров». См.: Версальский мирный договор. С. 83.

³ Там же. С. 3, 84.

⁴ Никольсон Г. Указ. соч. С. 56.

⁵ Ст. 231. «Союзные и объединившиеся Правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися Правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников». – Версальский мирный договор. С. 84.

⁶ См. напр.: Die Erste Republik. S. 23; Фест И.К. Гитлер. Т. 1. Пер. с немецкого. Пермь, 1993. С. 143.

⁷ Никольсон Г. Указ. соч. С. 353.

28 мая 1919 г. Но уже 6 июля Кейнс подал в отставку и покинул конференцию, убедившись в полной неспособности союзников «сделать договор справедливым и целесообразным документом»¹. В 1920 г. он написал работу «Экономические последствия Версальского договора», в которой поставил себе «целью показать, что Карфагенский мир не представляет практически (курсив Кейнса – *И.К.*) правильного и выполнимого решения»². По мнению автора работы, «мир Клемансо» во многих отношениях не согласуется с теми гарантиями, заложенными в 14 пунктах Вильсона, явившихся основой для перемирия с Германией³. Кейнс выделяет три главных фактора, на которых, по его мнению, основывалась экономическая система Германии до войны: 1) заморская торговля, представленная коммерческим флотом, колониями, капиталами; 2) добыча каменного угля и железа и основанная на ней промышленность; 3) система транспорта и тарифов. «Мирный договор стремится к тому, чтобы уничтожить все три»⁴, – утверждает Кейнс. Постановления о Саарском бассейне Кейнс, ссылаясь на «общественное мнение всего мира», охарактеризовал как «акт грабительский и неискренний»⁵, который «ничем не может быть оправдан», поскольку основан лишь на том, что французам был необходим саарский уголь для разработки железных руд Лотарингии, а не на международном праве⁶.

По мнению Кейнса, мирный договор несправедлив, противоречит международному праву, экономически невыполним и опирается не на общеевропейские интересы, а на предвыборные обещания лидеров Франции и Великобритании. Его проведение в жизнь таит в себе опасность голода и социальных потрясений. «Те, кто подписывает

¹ Из письма Дж.М. Кейнса Д. Ллойд-Джорджу 5 июля 1919 г. Цит. по: Лихачев М.О. «Наступивший мир возмутителен... и способен приносить только несчастья». Позиция Дж.М. Кейнса на Версальской мирной конференции 1919 г. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». № 3. 2014. С. 17.

² Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского договора. М., 1924. С. 16.

³ Там же. С. 40–42.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 56.

этот договор, подпишут смертный приговор многих миллионов германских мужчин, женщин и детей»¹, – цитирует Кейнс записку графа Брокдорфа-Рантцау от 13 мая 1919 г.

Кейнс ничуть не преувеличивал. Послевоенный период в Германии (1919–1923) оправдал, казалось бы, наихудшие его предчувствия. Страну охватил экономический и политический кризис. При этом опасность исходила как от крайне правых, так и от крайне левых сил. 13 марта 1920 г. добровольческие корпуса, подлежащие сокращению по условиям мирного договора, подняли путч и провозгласили главой правительства В. Каппа. Попытка государственного переворота потерпела провал, но теперь уже коммунисты, окрыленные победой антикапповской забастовки, отказались прекратить борьбу, и созданная ими в Руре Красная армия взяла под свой контроль район восточнее Дюссельдорфа. Выступление коммунистов было подавлено рейхсвером. 26 августа 1921 г. реваншистскими силами был убит М. Эрцбергер, подписавший Компьенское перемирие с Антантой, 24 июня 1922 г. – министр иностранных дел В. Ратенау, сторонник «политики исполнения» условий Версаля и один из инициаторов подписания Рапальского (1922 г.) мирного договора с РСФСР. Результатом стало принятие 18 июля рейхстагом закона «О защите республике», введившего смертную казнь за политические убийства.

С критикой Версальского мирного договора выступил в 1922 г. и Франческо Нитти, премьер-министр Италии в 1919–1920 гг. Охарактеризовав договор как «способ продолжения войны»², он утверждал, что этот «насильственный мир» не восстановил нормальной жизни, необходимо заключить мир на справедливых основах...»³. Несправедливым, по мнению Нитти, было возложение вины только на одну Германию, контрибуция под видом репараций, фактически неограниченные полномочия репарационной комиссии, неопределенность положения самой Германии, что в целом превращает ее «в вассальную страну»⁴. Проекты и решения репарационной комиссии Нитти

¹ Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 130.

² Нитти Ф. Европа над бездной. Петроград, 1923. С. 45.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 54.

охарактеризовал как сплошной цинизм, алчность и невежество¹ (курсив Нитти).

В мае 1921 г. комиссия установила сумму репараций в 132 млрд золотых марок², 5 мая Лондонская конференция в ультимативной форме потребовала от Германии выполнения своего решения. «Политика исполнения», проводимая правительством Й. Вирта, не привела к оздоровлению немецкой экономики, в стране быстрыми темпами росла инфляция, и 22 ноября 1922 г. рейхсканцлером стал В. Куно, заявивший о невозможности для Германии продолжать выплаты репараций. В ответ на это 11 января 1923 г. бельгийские и французские войска заняли Рурскую область, которая давала Германии 70% добычи каменного угля, 54% выплавки чугуна и 53% стали. Правительство Куно призвало население Рура к пассивному сопротивлению, которое, однако, не дало Германии ожидаемых результатов, хотя оккупация и дорого обошлась Франции. В самой Германии финансирование мероприятий по поддержке сопротивления привело к гиперинфляции. В конце лета 1923 г. доллар уже стоил более 1 млн марок. Усилилось и сепаратистское движение: при прямой поддержке Франции были провозглашены Рейнская и Пфальцская республики. Ситуацию удалось стабилизировать правительству Густава Штреземана, которое 26 сентября 1923 г. объявило о прекращении пассивного сопротивления, а 15 ноября ввело новую, рентную марку, заменившую 1 биллион бумажных и обеспеченную всей продукцией промышленности и сельского хозяйства.

К этому времени скорректировал свои взгляды на претворение мирного договора в жизнь один из его творцов и подписантов – Ллойд-Джордж. «Мир, навязанный торжествующей силой в отношении беспомощности, никогда не может стать хорошим миром»,³ – записал он в своей работе «Мир ли это?». Еще более определенно высказался он о политике Пуанкаре и занятии Францией Рура. «Если его цель – репарации, то политика его, конечно, обречена на неуспех... – саркастически отметил Ллойд-Джордж, – Но если г. Пуанкаре

¹ Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 6.

² Выплата репараций продолжалась до 1932 г., была возобновлена в 1953 г., последний транш – 10 октября 2010 г.

³ Ллойд-Джордж Д. Мир ли это? Л.-М., 1924. С. 9.

преследует цели сеять новые смуты, то его политику можно признать весьма успешной, а в будущем следует ожидать еще большего триумфа для его государственных талантов...»¹ За год до «прозрения» Ллойд-Джорджа в более жестком духе цели Антанты охарактеризовал уже упоминавшийся здесь Франческо Нитти. «Можно считать твердо установленным фактом, что осуществление в течение почти 4 лет многочисленных постановлений версальского договора преследовало исключительно цели нарушения немецкого единства и экономического умерщвления Германии. Одержатъ верх над конкурирующей немецкой промышленностью с помощью собственного труда и гения оказалось невозможным. Поэтому решили ее убить»², – утверждал он.

Тем не менее Германия выстояла. События 1919–1923 гг. показали, что молодая республика смогла себя защитить и достойно ответила на вызовы как справа, так и слева. Во второй половине 20-х гг., не в последнюю очередь благодаря осуществлению плана Дауэса, принятого в августе 1924 г., удалось добиться некоторой стабилизации в экономике и финансах. В 1928 г. объем промышленной продукции превысил на 3% довоенный уровень. Реальная заработная плата к 1928 г. выросла на 60%. 7 июня 1929 г. был принят план Юнга, конкретизирующий порядок и сроки выплаты оставшейся суммы репарационных платежей и отменяющий иностранный контроль за структурой германской экономики. Срок платежей был установлен в 59 лет, общая сумма подлежащих выплате репараций в 25 миллиардов долларов.

Гораздо тяжелее оказалась другая ноша – моральная. «Не говоря уже об унижении национального достоинства, вроде процесса против императора и немецких офицеров – с этим безумным шагом я энергично боролся – договор был составлен так, чтобы сделать из немцев в Европе и за ее пределами народ, стоящий вне всякой культуры и ее прав»³, – отмечал Франческо Нитти. «Вообще накладывающийся договором груз был не столько материального, сколько психологического характера, и это травмировало всех, и правых, и левых, все

¹ Ллойд-Джордж Д. Указ. соч. С. 9.

² Нитти Ф. Указ. соч. С. 105.

³ Там же. С. 99.

лагери и все партии, и порождало чувство несмываемого унижения»¹, – пишет и современный историк И.К. Фест.

Широкое распространение получила легенда «об ударе кинжалом в спину» (*Dolchstoßlegende*), согласная которой победоносная немецкая армия потерпела поражение не на полях сражений, а в результате «удара в спину» со стороны революционеров². Европейский мирный порядок и демократия в сознании немцев представлялись результатами произвола, навязанными извне.

В 1929 г. разразился мировой экономический кризис, положивший конец надеждам, как на экономическое возрождение Германии, так и на мирное сосуществование в Европе. Экономический механизм кризиса раскрыт на страницах работы английского либерального журналиста Д. Джексона, написанной в середине 30-х гг. «Недостаток послевоенного подъема заключался в том, – писал журналист, – что Европа жила на получаемые ей кредиты. За время с 1924 по 1928 гг. Германия получила от иностранных займодавцев 750 миллионов фунтов стерлингов. Она всецело зависела от этих кредитов, и без них она не могла бы финансировать свою промышленность, прибыли которой позволяли ей платить репарации»³. Когда в октябре 1929 г. произошло падение акций на Нью-Йоркской бирже, Германия не могла больше рассчитывать на поступление кредитов из США, которая начала отзывать и свои краткосрочные кредиты. Для Германии, по словам Джексона, «это означало разорение»⁴. Ситуация ухудшалась тем, что к власти во Франции пришли силы, не склонные идти ни на какие уступки, а план Юнга не предусматривал уменьшения выплаты репараций в случае падения мировых цен.

Когда Президент США предложил приостановить платежи на 12 месяцев, было уже поздно. Банковская система Германии рухнула. К 1932 г. промышленное производство снизилось по сравнению с 1928 г. на 54%, безработица (только по официальным данным)

¹ Фест И.К. Указ. соч. С. 143.

² Die Dolchstoßlegende. Eine Geschichtsfälschung im Dienste des deutschen Imperialismus und Militarismus. Berlin, 1963. См. также: Космач В.А. Указ. соч. С. 6–8.

³ Джексон Д. Послевоенный мир. М., 1937. С. 72.

⁴ Там же. С. 73.

охватила более 6 млн чел., особенно тяжело ударив по молодежи в возрасте 18–32 лет, среди которой безработным стал фактически каждый второй. При прожиточном минимуме в 39 марок средняя заработная плата рабочих в 1932 г. составляла 21,7 марки.

Неудивительно, что в создавшихся условиях немецкое общество стало искать выход в поддержке тех политических сил, которые обещали избавить страну от «позорного мира», сковавшего развитие экономики, не позволявшего выйти из экономического кризиса и унижавшего национальное чувство немецкого народа. Такая политическая сила была найдена в лице Национал-социалистической рабочей партии Гитлера.

Причины того, что произошло в 1933 г., многие историки ищут внутри Германии¹. «Где лежат причины крушения немецкой демократии в 1933 г.? Можно ли было спасти республику или она рухнула в результате внутренней необходимости?»² – пишет, в частности, российский исследователь М.Е. Ерин. Ряд ученых в качестве возможной консервативной альтернативы Гитлеру называют канцлера Г. Брюнинга.³ На наш взгляд такой подход в целом грешит однобокостью⁴, хотя при этом высказываются вполне справедливые идеи: о недооценке правой опасности, об отсутствии единства действий антифашистских сил, о губительной политике руководства КПП⁵. Но реальность была такова, что любые попытки различных политических сил Германии, в том числе – ее руководства, наткнулись на букву и дух Версаля. Поэтому немецкий народ оказался в объятиях нацистов. Выбрав же Гитлера, немцы автоматически выбрали войну.

¹ Политические альтернативы в германской истории XX века. Тезисы научного семинара. Челябинск, 1990.

² Ерин М.Е. Трагическая судьба первой немецкой демократии (Генрих Аугуст Винклер и его история Веймарской республики) // Нестор. Историко-культурные исследования. Вып. 3. История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1995. С. 157–158.

³ См.: Орлова М.И. Канцлер Брюнинг как консервативная альтернатива Гитлеру. Споры германских историков // Новая и новейшая история. 1994. № 2.

⁴ См. об этом также: Богдашкин А.А. Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 60–61.

⁵ См. напр.: Галактионов Ю.В. Альтернативы начала 30-х годов в Германии // Политические альтернативы в германской истории XX века... С. 41–42.

По мнению российского историка Л.И. Гинцберга, «нельзя считать Вторую мировую войну только результатом перехода власти к Гитлеру, глубинные причины войны коренились в острых противоречиях между державами, в неравноправном положении Германии по Версальскому мирному договору и ее стремлении к реваншу»¹. С данным тезисом сложно, на наш взгляд, не согласиться. Но была ли реальная альтернатива такому развитию событий? Не сконструированная современными историками, а реальная? Приходится признать, что такой альтернативы (по крайней мере, зависящей от Германии) в то время не было. Версальский мирный договор и его практическое воплощение содержали в себе зародыш Второй мировой войны.

¹ *Гинцберг Л.И.* Фашистская диктатура (и война) или республиканский строй (и мирное развитие)? // Политические альтернативы в германской истории XX века. Тезисы научного семинара. Челябинск, 1990. С. 40.

ВЛАСТЬ И КОНСТИТУЦИИ ГЕРМАНИИ XIX В. И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НОВОЙ ГЕРМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПОСЛЕ 1919 г.

Юбилейные дают повод вновь обратиться к историческим параллелям между судьбами России и Германии, переживших более столетия назад схожие события – фактическое поражение в войне, крах монархий, революции, установление новой власти и нового государственного устройства. Эти события вызывают споры и дискуссии, подчас приобретающие спекулятивный характер, в кругах не только историков, но и широкой общественности обеих стран.

Задачей данного небольшого исследования является не столько детальный анализ событий 1917–1918 гг., сколько изучение воздействия довоенной модели германской государственности на основы пришедшей ей на смену Веймарской республики. Одним из распространенных тезисов современной и германской, и российской историографии является утверждение, что именно своеобразии развития событий 1918–1919 гг. в Германии («незавершенная революция», отстранение Советов от власти, позиция руководства СДПГ и принятие Веймарской конституции) позволили Германии избежать скатывания в ужас гражданской войны и дали возможность совершиться мирному переходу от монархии к республике¹. В свою очередь, Веймарская республика нередко воспринимается как некий пролог к периоду национал-социализма, с одной стороны, оставаясь в его тени, а с другой, рассматриваясь в качестве среды, в которой он вырос и пришел к власти. Именно из-за этого практически все исследователи, занимающиеся межвоенным периодом в истории Германии, пытаются искать и, конечно, находят причины дальнейшей катастрофы в ошибках и слабостях Веймарской конституции, считая главной из них пресловутую 48-ю статью с чрезвычайно широкими полномочиями

¹ Подробнее см. *Царуски Ю.* Германская революция 1918–1919 гг. в новейших исследованиях и общественном сознании // Исторический журнал: научные исследования. М., 2015. № 3(27). С. 280–286.

президента, которые могут возрастать по мере необходимости вплоть до диктаторских.

Не пытаясь оспаривать ни одно из вышеприведенных утверждений, я бы хотела выдвинуть несколько тезисов, которые представляются логичными и несколько точнее объясняющими ход событий в Германии рассматриваемого периода. Немецкое общество (насколько вообще можно говорить о нем как о едином организме) и германская (прежде всего, прусская) государственная система традиционно развивались по особому пути, где главную роль играли патернализм, особая роль чиновничества и армии, строгая общественная иерархия, фактически полное отсутствие общественного плюрализма. Исключением не стала и созданная в 1871 г. Германская империя.

Конституция 1871 г. возникла не на пустом месте. Она развивала положения не только Конституции Северогерманского союза 1867 г., но и что особенно интересно – конституции 1849 г., принятой Франкфуртским Национальным собранием в ходе Революции в Германии 1848–1849 гг. Наибольший интерес для нас представляют статьи, касающиеся роли и прерогатив главы государства. По конституции 1849 г.¹ они выглядели следующим образом:

Главой государства может стать один из правящих германских монархов, при этом титул германского императора становится наследственным и передается по старшинству по мужской линии (§69). Император получает цивильный лист (т.е. ежегодное содержание), которое утверждает Рейхстаг. Император, чья личность неприкосновенна, осуществляет переданную ему власть через ответственных назначенных им министров (§73). Все распоряжения императора получают законную силу только при их подписании минимум одним из министров, который тем самым берет на себя ответственность (§74). Император представляет Германскую империю на международной арене, назначает дипломатических представителей, объявляет войну и заключает мир, а также договоры и союзы с иностранными государствами при содействии Рейхстага, поскольку это предусмотрено в конституции (§78). Император открывает и закрывает сессии

¹ Конституция 1849 г. цит. по: *Verfassung des Deutschen Reiches vom 28. März 1849 // Die Verfassungen Deutschlands (seit 1806)*. URL: <http://www.verfassungen.ch/de/de06-66/verfassung48-i.htm>.

Рейхстага, имеет право его роспуска (§79); имеет право законодательной инициативы, осуществляет законодательную власть совместно с Рейхстагом, все ограничения этих прав прописаны в конституции. Он провозглашает имперские законы, их вступление в силу должно быть подтверждено им письменно. Император имеет верховную власть над вооруженными силами.

Таким образом в конституции 1849 г. было закреплено, что император осуществляет имперскую власть во всех делах государства. Ему как носителю этой власти принадлежат все права и полномочия, которые по конституции определены как права имперской власти, если они специально не переданы Рейхстагу.

Какие же вопросы передавались в имперскую юрисдикцию этой конституцией? Ответу на этот вопрос посвящен раздел II (die Reichsgewalt). Имперская власть осуществляет международно-правовое представительство Германии и отдельных немецких государств (§6, §7). К имперской юрисдикции относятся объявление войны и заключение мира (§10), все вооруженные силы империи также находятся в распоряжении имперских властей (§11). При этом верность и служба императору и имперским властям имеет приоритет перед властями отдельных государств. Внутреннее единство империи формируется за счет единого таможенного пространства, создания единой инфраструктуры (транспортных, почтовых, телеграфных и т.д. сетей), налоговой, денежной и банковской систем. Область юрисдикции империи должен определять имперский суд (статья XI, §52). Задача императорской власти обеспечивать права, гарантированные всем немцам по конституции империи (§53). Имперская власть обеспечивает сохранение мира в империи. Она должна принять необходимые меры для поддержания внутренней безопасности и порядка в следующих случаях: 1. если одно германское государство подвергается нападению или опасности такового со стороны другого германского государства; 2. если в германском государстве порядок и безопасность нарушаются местными жителями или иностранцами. Однако в этом случае имперская власть может вмешаться только, если соответствующее правительство попросит ее сделать это, или если известно, что оно неспособно сделать это, или если общеимперский мир окажется под угрозой; 3. если конституция германского государства насиль-

ственно или в одностороннем порядке приостановлена или изменена, и, обращение в имперский суд не привело к немедленному решению проблемы (§54). Имперская власть для поддержания имперского мира может прибегать к следующим мерам: 1. распоряжения; 2. отправка комиссаров; 3. использование вооруженной силы.

Имперская власть должна определять по специальному имперскому закону случаи и формы, в которых вооруженная сила должна использоваться против нарушений общественного порядка (§56). Статья XIII устанавливает, приоритет имперских законов над законами отдельных государств.

Конституция 1849 г. представляет интерес не только как один из источников имперской конституции 1871 г., но и как воплощение государственно-правовых представлений и идей либеральных деятелей середины 19 в. Именно таким образом предлагал строить имперское государство «профессорский парламент» революционной эпохи 1848–1849 гг., что должно напрямую перекликаться с разработкой на новом этапе политического развития демократической конституции нового постреволюционного государства.

Конституция 1871 г. внесла существенные коррективы в функции главы государства и имперской власти и трактовала роль, статус и прерогативы главы государства, введя понятие «президентства» (*Präsidium*, раздел IV), не встречавшееся ранее в германских конституционных документах. Функции этого органа (поста) выглядели следующим образом:

«Президентство в союзе принадлежит королю прусскому, который носит титул германского императора (*Deutscher Kaiser*). Император является представителем империи в международных отношениях; от имени империи объявляет войну и заключает мир, входит в союзы и в другие договоры с иностранными государствами, аккредитует и принимает послов.

Для объявления войны от имени империи требуется согласие Союзного совета, кроме случая нападения на союзную территорию, или ее границы.

Поскольку договоры с иностранными государствами касаются предметов, входящих по ст. 4 в компетенцию имперского законодательства, для их заключения необходимо согласие Союзного совета,

а для вступления в законную силу – одобрение Рейхстага. Император созывает, открывает, отсрочивает и закрывает Союзный совет и Рейхстаг.

Председательство в Союзном совете и руководство его делами принадлежит имперскому канцлеру, который назначается императором.

Императору принадлежит выработка и публикация имперских законов и надзор за исполнением последних. Постановления и распоряжения императора издаются от имени империи и нуждаются для законной силы в контрассигновке имперского канцлера, который этим принимает на себя ответственность.

Если государства, являющиеся членами союза, не выполняют согласных с конституцией союзных обязанностей, они могут быть принуждаемы к тому посредством экзекуции. Эта экзекуция определяется Союзным советом и приводится в исполнение императором»¹.

В этом месте следует сделать несколько оговорок. Во-первых, я сознательно не касаюсь вопросов взаимоотношений центральных властей с властями отдельных государств, так как это является особой темой, несомненно тесно взаимосвязанной с вопросами государственного управления, но тесные рамки небольшой статьи не позволяют подробно останавливаться на этих вопросах, тем более, что они достаточно хорошо разработаны не только в немецкой, но и в отечественной историографии². Замечу лишь, что если конституция 1849 г. включала «палату государств» наряду с народной палатой в состав Рейхстага (раздел IV) и четко прописывала порядок выборов ее депутатов³, то имперская конституция, выделяя Союз-

¹ Цит. по: Собрание конституционных актов. М., 1905. Вып. I. С. 31–33.

² См., например: *Huber E.R.* Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Band III: Bismarck und das Reich. Stuttgart [u. a.], 1988; *Engelmann B.* Preußen. Land der unbegrenzten Möglichkeiten. München, 1980 и др.

³ В палату государств входят представители германских государств (40 от Пруссии, 38 от Австрии, 18 от Баварии, по 10 от Саксонии, Ганновера и Вюртемберга, 9 от Бадена, по 6 от Кургессена, Великого герцогства Гессен, Гольштейна (без Шлезвига, пока вопрос его вхождения в империю не будет решен), 4 от Мекленбурга-Шверина, от остальных от 1 до 3 представителей) – всего 192 члена. Пока австрийские земли не являются частью империи, возрастает представительство других государств – Бавария (20), Саксония, Ганновер и Вюртемберг (12),

ный совет (Bundesrat) в отдельный орган, определяла, что он состоит «из представителей государств, входящих в состав союза». «Каждый член союза (каждое государство) может представить столько уполномоченных в Союзный совет, сколько оно имеет голосов» (ст. 6). То, что Пруссия получила в Союзном совете 17 голосов из 58. Обычно это является важным аргументом при доказательстве того факта, что в 1871 г. Пруссия не просто возглавила объединение страны, но по сути сама стала Германской империей. Об этом прямо говорил Бисмарк в известном разговоре с императором Вильгельмом I: «Это все разговоры о Германской империи. Попробуйте сделать сильной Пруссию. Все равно, что будет с остальными».¹ Позиция Вильгельма была столь же очевидна: «С открытием сегодня, первого по восстановлению Германской империи, германского Рейхстага, начинается государственная деятельность последнего. История и судьбы Пруссии издавна указывали уже на событие, которое совершилось ныне, когда она призвана стать во главе вновь основанной империи. Этим Пруссия не столько обязана размерам своей территории и своему могуществу, хотя и то, и другое одинаково возросли, сколько своему духовному развитию и организации своей армии».²

Конституция 1871 г. закрепляла не только широчайшие прерогативы императора, превосходящие обычный статус конституцион-

Баден (10), герцогство Гессен (8), Кургессен (7), Нассау (4), Гамбург (2). Половину депутатов назначают правительства отдельных государств, половину – представляет народ. В тех германских государствах, которые состоят из отдельных провинций, именно провинции (провинциальные сословия) посылают представителей в Рейхстаг (§88). Распределение голосов между отдельными провинциями регулируется земельным законодательством. В случае, если в государстве существует две палаты и нет провинциального представительства, депутатов в Рейхстаг выбирают обе палаты абсолютным большинством. В тех государствах, которые посылают только одного представителя, правительство предлагает три кандидатуры, из которых народным голосованием отбирается один депутат (§89). Депутатом мог стать гражданин одного из германских государств, достигший 30-летнего возраста и не ограниченный в своих гражданских правах (§91). Срок полномочий депутатов – 6 лет, каждые три года палата обновляется на половину, каким образом в первый раз пройдет ротация через три года определит специальный имперский закон. Количество депутатских сроков не ограничено.

¹ Цит. по: *Матвеева А.Г.* Германская империя. 1870–1914. М., 2002. С. 42.

² *Бисмарк О. фон.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 3 С. 265.

ного монарха конца XIX в., но и, что важнее, большие полномочия канцлера, не назначаемого и не несущего никакой ответственности перед Рейхстагом. При этом следует заметить, что (как это часто бывало именно в германской и российской истории) чрезвычайно много зависело от конкретной личности на посту главы правительства. Несмотря на то, что конституционные статьи, касавшиеся полномочий канцлера, не менялись вплоть до Ноябрьской революции 1918 г., после отставки О. Бисмарка ни один из его преемников уже не обладал его независимостью и полнотой власти. Причиной этого были не столько их личные качества, сколько новая роль императора, которую взял на себя Вильгельм II, установивший после 1890 г. «персональный режим». Что касается конкретной зоны ответственности канцлера, то ему прямо подчинялись: имперская канцелярия; имперское ведомство внутренних дел; ведомство внешних сношений (дипломатическая и консульская службы), имперское морское ведомство, (его глава, кстати, командовал военно-морским флотом при том, что Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими частями был император), имперское почтовое ведомство (созданное только в 1880 г., до этого его функции исполнял прусский почтамт), имперское ведомство юстиции, ведомство по управлению железными дорогами, имперское ведомство финансов и с 1907 г. колониальное ведомство (до этого соответствующими вопросами ведал отдел в ведомстве внешних сношений). Имперскому канцлеру также подчинялись имперский банк и счетная палата.

Даже простое перечисление этих учреждений дает представление о широте полномочий первого министра, далеко выходящих за рамки, определенные ему конституцией. В этом нашла свое выражение еще одна характерная черта германской государственности – очевидное преобладание исполнительной власти над законодательной (что также Германию с СССР и Россией). Отношение Бисмарка к Рейхстагу (перед которым он не нес никакой ответственности и совершенно от него не зависел), прекрасно выразил он сам в следующих словах: «У вас есть право меня спрашивать, а у меня есть право вам не отвечать».¹

¹ Цит. по: *Фортуатов С.Ф. История Англии и Германии XIX в. М., 1912. С. 176.*

Показательно отношение самого Бисмарка к роли и месту в системе должности имперского канцлера, высказанное им в воспоминаниях «На практике привыкли рассматривать канцлера как лицо, ответственное за все поведение имперского правительства. Об этой ответственности можно утверждать лишь в том случае, если признать его право путем отказа в контрассигновании приостановить сопроводительное послание императора, посредством которого законопроекты союзных правительств (ст. 16) передаются Рейхстагу. Сам по себе канцлер, если он не является одновременно уполномоченным Пруссии в Союзном совете, согласно точному тексту конституции, не имеет даже права лично принимать участие в дебатах Рейхстага. Если он, как до сих пор, является одновременно носителем прусского мандата в Союзном совете, то по статье 9 он имеет право явиться в Рейхстаг и в любое время получить слово; рейхсканцлеру же, как таковому, право это не предоставляется ни по одной из статей конституции. Таким образом, если ни прусский король, ни другой член Союза не облакает канцлера полномочиями [представлять его] в Союзном совете, то у последнего нет законного основания для появления в Рейхстаге; хотя согласно статье 15 [канцлер] председательствует в Союзном совете, но без права голоса, и прусские представители так же независимы от него, как и представители остальных союзных государств... в декабре 1884 г. я очутился лицом к лицу с большинством Рейхстага, состоявшим из коалиции самых разнородных элементов – социал-демократии, поляков, вельфов, французских друзей из Эльзаса, свободомыслящих тайных республиканцев, а порой и недовольных консерваторов при дворе, в парламенте и в прессе... Поддержка против оппозиции, которую я нашел при дворе, в парламенте и вне его, не была безусловной... Тогда я в течение ряда лет... обдумывал и обсуждал с другими вопрос, не нуждается ли достигнутая нами степень национального единства для своего обеспечения иной формы, чем ныне действующая, унаследованная от прошлого и развивавшаяся в результате событий и компромиссов с правительствами и парламентами. В то время я, насколько мне помнится, и в своих публичных речах намекал на то, что если Рейхстаг сверх границ, допускаемых принципом монархического правления, затруднит прусскому королю осуществление его императорской власти, то король вынужден будет

в большей степени опираться на тот фундамент, который предоставляет ему прусская корона и прусская конституция. При составлении имперской конституции я опасался, что нашему национальному объединению грозит прежде всего опасность со стороны династических сепаратистских устремлений. Поэтому я поставил себе задачей приобрести доверие династий честным и благожелательным соблюдением их конституционных прав в империи...».¹

Таким образом, совмещение должностей канцлера и прусского министра-президента было необходимым условием функционирования созданной системы. После отставки первого канцлера в 1890 г. система начала терять свою стройность и стабильность, при втором канцлере Л. Фон Каприви молодой в то время император Вильгельм II заявил, что будет править сам, т.е. определять основные векторы и внешней, и внутренней политики. Система принятия решений и последовательности в выполнении стоявших перед страной задач начала давать сбои. В 1892 г. Каприви, продолжая оставаться имперским канцлером, уступил свой пост в Пруссии Б. цу Эйленбургу. Конфликт между ними стал причиной отставки обоих и еще больше ослабил систему. Как отмечал баденский публицист О фон Ягеман, «теперь на место самостоятельных, влиятельных советников пришли сугубо исполнительные органы, лишь повинующиеся высшей воле и решениям, которые могут быть приняты без их советов и даже вопреки их советам».²

Исключение из системы ее важнейшего элемента – Бисмарка и новые общественно-политические условия, в которых оказалась не только Германия, но и все развитые страны (возникновение и новая политическая роль рабочего класса и растущее влияние социал-демократии, а также развитие партий всего политического спектра) привело к тому, что система начала трансформироваться. Рейхстаг постепенно приобретал в политической системе страны все большее значение, контролируя администрацию «непрерывно и в сотрудничестве с ней».³ С одной стороны, это несомненно приближало германскую

¹ *Бисмарк О. фон.* Указ. соч. С. 274–275.

² Цит. по: *Патрушев А.И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009. С. 92.

³ *Вебер М.* Политические работы (1895–1919). М., 2003. С. 169.

государственность к западным демократиям, поскольку политические партии в Рейхстаге начинали реально влиять на процесс принятия решений, все больше отходя от характерной для них ранее исключительно лоббистской практики. С другой стороны, представляется, что без коренной перестройки системы власти, прежде всего исполнительной, а также ограничения «персонального режима» Вильгельма II, который в отличие от деда чувствовал себя и действовал именно как германский император, а не прусский король, система не только не приобретала устойчивость, но все более ее теряла. Это постепенно вело к кризису, а условиях военного поражения привело к катастрофе. Понимание этого внутреннего противоречия открыло в начале XX в. дорогу к прямой дискуссии о необходимости реформы Конституции 1871 г.,¹ которая, впрочем, не имела реальных последствий.

Ситуация периода войны привела к созданию, по сути, параллельных гражданским военным органам власти и установлению военной диктатуры П. фон Гинденбурга и державшегося в его тени Э. Людендорфа. В тот момент, когда в сентябре 1918 г. надежды на победу в войне практически не осталось, в последней попытке переломить ситуацию была проведена т.н. Октябрьская реформа. 28 октября вступил в силу закон об изменении конституции, фактически вводивший в империи парламентскую монархию. Первый закон касался вопросов заключения мира (теперь для этого требовалось согласие Союзного совета и Рейхстага), канцлер и его заместители становились ответственными перед Рейхстагом, для вступления в силу всех указов монарха необходима была подпись канцлера, военный министр в своих действиях также нес теперь ответственность перед парламентом². Второй закон касался обязанности заместителей канцлера в любой момент по запросу Рейхстага явиться на слушания³. Оба закона

¹ Подробнее см.: *Баев В.Г.* Германский конституционализм (конец XVIII – первая треть XX вв.) Историко-правовое исследование. М., 2010. С. 267.

² Gesetz zur Abänderung der Reichsverfassung. Vom 28. Oktober 1918. // dokumentarchiv.de. URL: http://www.documentarchiv.de/ksr/1918/reichsverfassung-aenderung_ges02.html.

³ Gesetz zur Abänderung der Reichsverfassung und des Gesetzes, betreffend die Stellvertretung des Reichskanzlers, vom 17. März 1878. Vom 28. Oktober 1918 // dokumentarchiv.de. URL: http://www.documentarchiv.de/ksr/1918/reichsverfassung-aenderung_ges01.html.

были подписаны императором, а также канцлером М. Баденским. Эта реформа, которая в корне изменяла политическую систему, поставив исполнительную власть в зависимость от законодательной, не смогла переломить ни внешнеполитическую ситуацию (на будущих переговорах о перемирии и мире), ни внутривнутриполитическую – в стране начались события, получившие название Ноябрьской революции 1918 г. Говорить о ней как о «неудавшейся» или «незавершенной» можно, сравнивая ее, прежде всего, с Октябрьской революцией 1917 г. в России. В принципе свои задачи она выполнила, по крайней мере частично, если не смотреть на нее с точки зрения левых радикалов из «Союза Спартака». Однако некую ее половинчатость, двоякость отрицать сложно (самым ярким свидетельством этой двоякости можно считать одновременное провозглашение в день ее начала разных «республик» Ф. Шейдеманом и К. Либкнехтом). Темой данной статьи не является анализ событий ноября 1918 – лета 1919 г. Но то, что Веймарская республика возникла в революционных условиях и это, без сомнения, наложило негативный отпечаток не только на ее характер, но главное, на отношение к ней основной части общества, является общим местом во всех посвященных ей работах¹.

Далее мне хотелось бы высказать тезис о том, что «первая немецкая демократия» по своей сути мало что изменила в политической системе страны, особенно, если учитывать уже внесенные изменения в конституцию, о которых говорилось выше. Да, революция смела монархию, но анализ документов, связанных с позицией стран Антанты на переговорах по перемирию, ясно дает понять, что требование смещения Гогенцоллернов исходило в первую очередь извне. Представляется, что именно это стало основной причиной редкостного единодушия практически всех политических сил в вопросе о будущем Вильгельма II и его наследников. Заключать перемирие с германским императором Великобритании, Франция и США не собирались, так же как и привлекать его в качестве представителя Германии на будущих мирных переговорах, особенно имея ввиду намерение союзников возложить единоличную ответственность за развязывание войны на германскую сторону. Поэтому пришлось пожертвовать династи-

¹ См., напр.: *Мёллер Х.* Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М., 2010.

ей, выполнив заодно и требование восставших. Но убрав верхушку пирамиды, творцы пакта «Эберта – Грёнера» по сути оставили неизменной структуру власти. Да, Веймарская конституция впервые на общегерманском уровне гарантировала гражданам все демократические права и свободы (ранее соответствующие статьи имелись в земельных конституциях, включая Прусскую). Да, была подтверждена ответственность перед Рейхстагом не только канцлера, но и правительства в целом. Ряд других конституционных положений, казалось бы, должен был гарантировать демократический контроль со стороны депутатов над всеми действиями верховной исполнительной власти в лице правительства и канцлера. Раздел третий, посвященный правам и обязанностям президента и правительства, устанавливал, что президент избирается всем германским народом сроком на 7 лет с возможностью переизбрания. До истечения срока президент может быть смещен народным голосованием по предложению Рейхстага (ст. 41–43). Президент представляет империю в международно-правовых отношениях. Он заключает от имени империи союзы и иные договоры с иностранными государствами. Он аккредитует и принимает посланников. Объявление войны и заключение мира совершаются посредством закона рейха. Союзы и договоры с иностранными государствами, относящиеся к предметам законодательства рейха, требуют согласия Рейхстага (ст. 45). Президент назначает и увольняет чиновников и офицеров рейха, если в законе не постановлено иначе (ст. 46); президенту принадлежит верховное командование всеми вооруженными силами рейха (вермахтом) (ст. 47); все распоряжения и постановления президента, в том числе в отношении вооруженных сил, действительны лишь после их подписания канцлером или соответствующим министром. Такая подпись означает принятие ответственности (ст. 50); в случае препятствия к выполнению президентом своих обязанностей рейхсканцлер заменяет его на ближайшее время. Если существует вероятность, что препятствия будут продолжительны, то вопрос о замещительстве регулируется законом рейха (ст. 51). Имперское правительство состоит из канцлера и министров (ст. 52); они назначаются и смещаются президентом (ст. 53). Для исполнения своих обязанностей канцлеру и министрам требуется доверие Рейхстага. Каждый из них должен подать в отставку, если Рейхстаг примет

постановление о лишении его доверия (ст. 54); канцлер устанавливает основные направления политики и несет за это ответственность перед Рейхстагом. В пределах этих положений каждый министр самостоятельно ведает вверенными ему делами и несет за них ответственность перед Рейхстагом (ст. 56).

Дословного изложения заслуживает ст. 48, которая до сих пор вызывает большие споры у историков, многие из которых видят в ее содержании причины не только кризиса конца 1920-х – начала 1930-х гг., но и прихода НСДАП к власти:

«Если какая-нибудь земля не выполняет обязанностей, возложенных на нее конституцией или законами рейха, то президент может потребовать исполнения этих обязанностей с помощью вооруженной силы.

Если в пределах Германской империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок, или если грозит серьезная опасность такого нарушения, то президент может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае надобности с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно приостанавливать полностью или частично гарантии основных прав... .

Все меры, принятые на основании разделов 1 и 2 этой статьи, президент должен немедленно доводить до сведения Рейхстага. Эти меры подлежат отмене по требованию Рейхстага.

В случае опасности промедления правительство одной из земель может принять на своей территории временные меры, соответствующие указанным в разделе 2. Эти меры подлежат отмене по требованию президента или Рейхстага»¹.

Вышеприведенные статьи показывают, что все три рассмотренные немецкие конституции имели общие черты и положения, что позволяет говорить как о преемственности германской государственности, так и о ее поступательном развитии в сторону постепенной демократизации. Приобретение все больших полномочий органами представительной власти вкуче со всеобщим избирательным правом,

¹ Конституция Германского рейха, 11 августа 1919 г. // 100(0) ключевых документов по германской истории в XX веке. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation.

должно было сделать систему максимально подконтрольной народу и его представителям. Действительно новым моментом в конституции 1919 г. были прямые выборы высшего должностного лица (президента), а также расширение подконтрольности исполнительной власти Рейхстагу. Возможность введения прямого президентского правления и отмены основных прав и свобод граждан в чрезвычайной ситуации (впрочем, и этот процесс был поставлен в зависимость от мнения Рейхстага), должен был обезопасить страну от крайне левых, коммунистических сил. Казалось бы, творцы новой германской государственности предусмотрели все опасности (включая декларируемый новой властью в России лозунг «мировой революции»), однако не было сделано главного – политическая элита Германии (и Пруссии) фактически не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений.

Мое видение ситуации заключается в следующем: взаимоотношения власти и общества в Германии в 1919 г. остались прежними. Немцы не могли в одночасье изменить свой менталитет. К подлинному коренному изменению общественно-политических порядков стремились только крайне левые силы, которые, опять же, ввиду присущего немцам пиетета перед властью, а также ввиду других причин, не имели той поддержки, которую большевики получили в России. Властная элита империи стала властной элитой Веймарской республики, даже большинство чиновников осталось на своих местах. И здесь снова напрашиваются сравнения с Советской Россией. В отечественной публицистике постоянно говорится о репрессиях первых лет советской власти против дворянства и буржуазии. Но задачей большевиков, насколько я ее понимаю, было действительно выстроить новую систему, в том числе систему власти, основанную на совершенно иных принципах. Задачей же партий «Веймарской коалиции» было сохранение порядка, и только старое чиновничество могло обеспечить этот порядок. Эта преемственность, выразившаяся в том числе в сохранении понятия «рейх», т.е. империя, в названии республики, привела к тому, что в одном государстве оказались соединены две противоположные системы – декларируемые гражданские свободы и ведущая роль парламента и старая патерналистская, консервативная государственная машина. Все кризисы Веймарской республики, причины которых, конечно же, многофакторны и связа-

ны с экономическими проблемами, давлением держав извне, деятельностью Коминтерна, фрайкорами и т.п., имеют в своей основе одну главную причину – ни власть, ни общество не были готовы выстраивать новые отношения, новую структуру и иерархию власти. Стихийное выплескивание эмоций на улицы демократией не являлось, большинством немцев оно воспринималось как беспорядок, угрожающий стабильности государства, а не как достижение новой власти на право собраний и митингов. Это была лишь ширма, за которой скрывалась неспособность или нежелание строить подлинно демократические отношения.

Конечно, история Веймарской республики была значительно более сложной и многогранной, отдельным ее аспектам посвящены специальные работы не только зарубежных, но и отечественных историков. За пределами моей статьи осталась и проблема Пруссии как одного из краеугольных камней государства, но в то же время и главного дестабилизирующего фактора, и вопрос федеративного устройства страны, не обоснованного в общем-то ничем, кроме исторической традиции, и вопрос о роли тех или иных старых и новых политических сил, и многие другие сюжеты и проблемы. В моем сообщении мне хотелось доказать только один тезис. Исходя из условий, в которых возникла республика, принимая во внимание тех деятелей, которые были ее творцами, и то общество, которое она объединяла, другой она быть не могла. Страх, вполне обоснованный ввиду возможности гражданской войны, заставил немецкое государство сменить вывеску. Но старое чиновничество, по-прежнему обладавшее властью, сохранило старое содержание этой государственности, что привело к еще более страшным последствиям, не только для самой Германии, но и для мира в целом.

ЭДУАРД БЕРНШТЕЙН О НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ И СТАНОВЛЕНИИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В начале ноября 1918 г. с восстания моряков германского флота в Киле началась Ноябрьская революция, ставшая финальным аккордом Первой мировой войны в целом и участия в ней кайзеровской Германии в частности¹. Революционные события охватили и многие другие города Германии, в том числе, Берлин. Кайзер Вильгельм II был вынужден бежать в Голландию. Позднее, 6 апреля 1919 г., была образована Баварская советская республика.

В ноябрьские дни 1918 г. в Германии было сформировано новое правительство, так называемый Совет народных уполномоченных (СНУ), состоявший из социал-демократов (правых, в основном руководителей СДПГ) и независимых (членов Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ)). В состав СНУ вошли такие деятели как Ф. Эберт, Ф. Шейдеман, Г. Гаазе, Г. Ледебур, В. Дитман и др. Созданное правительство объявило о принципиально новой, демократической республике. Официально с 1919 г., с момента созыва Учредительного собрания в г. Веймаре, республика стала называться Веймарской. В ходе работы Учредительного (Национального) собрания, заседания которого, с перерывами, проходили в течение многих месяцев 1919 г., была принята новая, демократическая, конституция, посредством которой, как полагали, народ сам будет определять свою судьбу через выборы на основе всеобщего избирательного права. Был объявлен 8-часовой рабочий день, уравнивали в правах женщин и т.д. Учредительное собрание утвердило нового президента республики, коим стал социал-демократ Ф. Эберт.

¹ О революции и о формировании республиканских институтов см.: *Драбкин Я.С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1967; *Он же.* Становление Веймарской республики. М., 1978.

Обо всем этом писал в своей книге «Германская революция», вышедшей несколько позднее, видный деятель социал-демократии, ее теоретик Эдуард Бернштейн¹.

Разумеется, по Бернштейну, эта республика должна была быть буржуазно-демократической, с неприкосновенной частной собственностью и крупным капиталом. От социализации (перевода собственности в руки народа, народного государства) правые социалисты принципиально не отказывались, однако, выступая за эволюционный путь развития, считали, что время для этого (послевоенная разруха, сложное экономическое устройство страны и т.д.) еще не наступило².

Все остальные требования, преимущественно, левого характера, называли бланкизмом и, конечно, большевизмом³, хотя сравнения такого рода не корректны, если учитывать разные условия, обстоятельства, задачи, стоявшие перед двумя довольно разными странами – Германией и Россией. Общее, что их роднило, так это то, что обе революции (российская 1917 г. и германская 1918 г.) вышли из войны, что доведенные войной до отчаяния массы не захотели больше терпеть прежние внутривластные условия.

Уже с конца XIX в. Бернштейн стал заниматься критикой официального марксизма, настаивая на необходимости эволюционного пути развития страны, на тезисе, что, только исчерпав свои созидательные силы, капитализм будет готов к переходу в новое, социальное общество. Исходя из этого, Бернштейн и подходил к изучению Ноябрьской революции.

Он некоторое время состоял в НСДПГ, образовавшейся в результате раскола Социал-демократической партии Германии (СДПГ) во время войны в 1915 году. Антивоенно настроенная НСДПГ вышла из рядов склонной к оппортунизму германской социал-демократии. Впрочем, сам Бернштейн в начале революции, после неудачных попыток находиться одновременно в двух партиях, вновь вошел

¹ *Бернштейн Э.* Германская революция / Пер. с нем. Берлин–Дрезден, 1922.

² Там же. С.134, 329, 280–281.

³ Там же. С.239, 63, 167.

в состав СДПГ¹, в то время как многие члены НСДПГ в последующем вышли из состава «социалистического правительства».

Бернштейн постоянно подчеркивал демократический и социальный характер Ноябрьской революции. Однако он не усматривал в ней социалистической направленности, на чем настаивали левые социалисты, прежде всего, из группы «Спартак» (Р. Люксембург, К. Либкнехт и др.), преобразованной в конце 1918 г. в Коммунистическую партию Германии (КПГ). Бернштейн давал резкую критику левым вообще считая, что они преждевременно призывают к еще не созревшей социалистической революции. Хотя сам он подчеркивал, что решение социальных вопросов, вопросов о реальной жизни народа, простых людей, созрело давно и надолго. Теоретик отмечал, в частности, что такие же проблемы заботят и буржуазные партии Германии (Центр, Демократическую партию и т.д.). В их новых программах, вышедших после революции, четко обозначена необходимость решения социальных проблем², но на первом месте стоит решение буржуазно-демократических задач: проведение выборов, введение всеобщего избирательного права – всего того, что называется политическими проблемами, и где смыкаются их программы с программой СДПГ, с программой самого Бернштейна.

Призывы левых бойкотировать Учредительное собрание, передать всю власть Советам и другие социалистические требования, по мнению Бернштейна, должны были привести к анархии и беспорядкам. Особенно доставалось К. Либкнехту. Бернштейн критиковал Либкнехта за его, якобы, легковесность, за непродуманность его

¹ О Бернштейне, его жизненном пути и его теории см.: *Бернштейн Э. Социальные проблемы* / Пер. с нем. М., 1901; *Овчаренко Н.Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна* // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 195–226; *Он же. Две жизни...* // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5. С. 209–241; *Петренко Е.Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна*. М., 1990; *Бровко Л.Н. Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии* // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1999. С. 250–274; *Она же. Дискуссия в СДПГ об общественном переустройстве в конце XIX – начале XX века* // Левые в Европе XX века. Люди и идеи. М., 2001, С. 46–81; *Она же. Г.В. Плеханов о теории Эдуарда Бернштейна. Полемика по проблемам марксизма* // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. С. 25–44.

² *Бернштейн Э. Германская революция...* С. 143, 314.

действий. И речь здесь шла, как подчеркивал Бернштейн, не о достижении материальных благ, а о возвеличивании собственной персоны¹. Что же касается Р. Люксембург, то она, как писал Бернштейн, вызывает уважение своим романтическим подходом к революции, последовательностью и верностью поставленным целям и задачам². «Она была натура поэтическая, – писал Бернштейн. – В ее лице социал-демократия потеряла высокоодаренного борца, который бы мог оказать неоценимую услугу республике, если бы ложная оценка возможностей, открывающихся перед революцией, не увлекла ее в лагерь фантастов насильственной политики»³. И Люксембург, и Либкнехт были застрелены военными в январе 1919 г., во время очередного восстания немецких рабочих. Оно вошло в историю как «восстание спартаковцев» и было жестоко и кроваво подавлено властями.

Касаясь этих событий, а также народных выступлений в январе 1918 г. и их подавления социал-демократом Г. Носке (а поручил ему осуществить данную акцию Ф. Эберт), Бернштейн дает всему этому неоднозначную оценку. Он подчеркивает непродуманность и непредсказуемость действий Носке, что, безусловно, навредило молодой республике и ее правительству. Ничего правильного в этом не было, считал Бернштейн. Он писал о том, что меры Носке «имели последствия, значимость которых в тот момент нельзя было оценить и которые для дальнейшего развития республики оказались глубоко губительными... Военная каста получила политическое влияние в Германии... роль спасителя общества и стала говорить все более уверенным тоном»⁴. Надо вспомнить и о том, что весной 1919 г. была подавлена Баварская республика.

Хотя тут же Бернштейн подчеркивал, что Носке был спровоцирован левыми, русскими большевиками и их агентами, которые стремились не дать республике развиваться в демократическое государство⁵. Были слышны их постоянные призывы к пролетарскому восстанию.

¹ Бернштейн Э. Германская революция... С. 48, 109–111, 116.

² Там же. С. 169–170, 279–280.

³ Там же. С. 280.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ Там же. С. 232.

Они, в отличие от СНУ, не желали созыва Учредительного собрания, которое должно было принять новую, демократическую, конституцию и т.д. и т.п. Левые, по Бернштейну, опережали время, хотя растерянность и несогласованность планов левых не позволили им ни на йоту приблизиться к осуществлению своих целей... Что же касается позиции президента Эберта, то она для Бернштейна так и осталась неясной. Для президента, считал Бернштейн, вмешательство военных властей было неожиданным – ситуация, скорее, была спровоцирована самим Носке¹.

27 декабря ЦО СДПГ газета «Форвертс» писала, обозначая позицию своей партии относительно происходящих событий: «Мы считаем честными революционерами только тех, кто дорожит завоеваниями революции. Главным же завоеванием является право всего народа самому распоряжаться своей судьбой. Поэтому все попытки лишить его этого права, воспрепятствовать выборам в Учредительное собрание, мы считаем контрреволюционными...»².

Что касается убийства Люксембург и Либкнехта в январе 1919 г., то Бернштейн осуждал эти преступные действия, подчеркивая, что после этого усилилось влияние военных и реакционеров в республике. Оно осуждал СНУ за то, что дело об убийстве было передано военному суду, а не социалистической комиссии, которую необходимо было создать³. Следует отметить, что эти события обнаружили близость правительства скорее к старым, чем к принципиально новым ценностям. Не стоит недооценивать значение этих сюжетов первых лет немецкой республики: расплывшееся тогда пятно реакции вновь появилось на поверхности в период фашизма и становления диктатуры национал-социалистов (Бернштейн немного не дожил до прихода Гитлера к власти – он умер в 1932 г.). Достаточно напомнить о ст. 48 Веймарской конституции, принятой Учредительным собранием в 1919 г. Она фактически наделяла президента всей полнотой власти, предоставив ему, в том числе, право на введение чрезвычайного положения по собственному усмотрению. Избранный президентом Германии в 1925 г. представлявший военные круги Пауль фон Гин-

¹ *Бернштейн Э.* Германская революция... С. 178–179, 231.

² *Vorwärts.* 1918. 27 Dez.

³ *Бернштейн Э.* Германская революция... С. 271, 231–232.

денбург, воспользовался своим конституционным правом, назначив в конце января 1933 г. Гитлера канцлером¹.

Возвращаясь к рассматриваемой нами теме, надо сказать, что еще до революции в Германии образовались уже упомянутые Советы рабочих и солдатских депутатов, в которых, в основном, лидировали спартаковцы, хотя состав этих органов отличался разнообразием. Некоторые рабочие стояли на стороне СНУ, выступали за созыв Учредительного собрания и не более. Бернштейн осуждал так называемое двоевластие, когда параллельно с правительством действовали Советы, которые сразу же после революции (в декабре 1918 г.) созвали свой съезд, где звучали радикальные призывы, созвучные тем, что выдвигали большевики в России².

Советы выступали против созыва Учредительного собрания и против социалистического правительства; за собственное единоначалие; за лидерство рабочих и солдат, большинства простого народа – то есть за государственную систему, подобную советской. Бернштейн был против этого, подчеркивал некоторую неразбериху в деятельности Советов; хотя и отмечал злобредность антиреволюционных элементов, высмеивающих деятельность Советов³. Он положительно оценивал деятельность Советов по контролю за различного рода организациями, в сфере торговли и т.д.⁴.

В заключение следует отметить, что после Ноябрьской революции сформировалась буржуазно-демократическая Веймарская республика; именно в этих политических условиях возник поощряемый военщиной, крупным бизнесом и юнкерством, национал-социализм⁵;

¹ См.: *Галкин А.А.* Германский фашизм. Изд. 2-е. М., 1989; *Бровко Л.Н.* Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры. М., 1988.

² *Бернштейн Э.* Указ. соч. С. 62–63, 126–128, 150–157.

³ Там же. С. 128, 150.

⁴ Там же. С. 127.

⁵ Подробнее см.: *Боннел Э.Д.* Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. // *Берегиня. 777.* Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 173–182; *Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; *Он же.* Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М., 2004; *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес Германии и происхождение мировых войн: почему и о чем спорят историки? // *Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.).* Воронеж, 2017. С. 19–35; *Он же.* Историография СССР

что необходимо иметь в виду и в настоящем, и в будущем. Свою роль в этих событиях сыграло поражение в Первой мировой войне, вызвавшее у большинства немецкого народа ощущение потерянности и унижения, желание отмщения и осознание ущемленности чувства собственного величия. Сказался и мировой экономический кризис 1929–1932 гг., усугубивший и без того нелегкое положение трудящихся масс.

Все эти обстоятельства давали современникам, а в последующем и историкам различных стран основания для критических оценок деятельности германской социал-демократии в 1918–1919 гг., в результате которой антидемократически настроенные высшие сословия смогли сохранить свое влияние на экономические и политические процессы в Веймарской республике. Первоначально в американской, а в 1960–1970-е гг. и в западногерманской историографии широкое распространение получила концепция о возможности «третьего пути». Многие историки настаивали на том, что Веймарская республика могла выжить лишь благодаря глубокой социально-экономической реформе, направленной на ослабление власти крупного капитала и юнкерства. Высказывались и идеи о возможности сочетания советов и парламентаризма¹. После распада СССР и мировой социа-

второй половины XX века о роли крупного бизнеса в приходе Гитлера к власти // *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2012. № 4(15). С. 61–69; *Он же*. Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 41–69; *Он же*. Американская историография второй половины 40-х – 80-х гг. XX века о роли германского большого бизнеса в политической истории Веймарской республики: дисс. канд. ист. наук. М., 2012; *Галкин А.А.* Указ. соч.

¹ Подробнее см.: *Орлова М.И.* Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986; *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес Германии и Ноябрьская революция. Соглашение Стиннеса-Легина в оценках американских историков // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: материалы международной научной конференции / Гл. ред. А.В. Егоров. Витебск, 2017. С. 312–318; *Он же*. Американская историография о тактике германского крупного бизнеса на завершающем этапе Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: сборник статей / Отв. ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина. СПб, 2015. С. 184–192; *Он же*. Американская историография о социально-экономических проблемах германской рево-

либеральной системы в исторической науке утвердилась тенденция рассматривать либеральную демократию и капитализм как высшую ступень развития человеческой цивилизации. Однако последующие события показали, что подобного рода утверждения оказались преждевременными и несоответствующими действительности. Идея социальной справедливости по-прежнему демонстрирует «прочную жизнеспособность»¹. Следует отметить, что некоторые историки видели в Бернштейне деятеля, который в 1918–1919 гг. мог бы осуществить развитие Германии по «третьему пути»².

люции 1918–1919 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 7(71). URL: <http://history.jes.su/s207987840002384-1-1>.

¹ *Согрин В.В.* Русская революция 1917 года и перипетии мировой истории // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 27. См. об этом также: Октябрьская революция и современность. Социально-политические уроки / Отв. ред. Ю.А. Красин, О.М. Михайленок, Ю.С. Оганисян. М., 2018.

² См., напр.: *Gay P.* The Dilemma of Democratic Socialism: Eduard Bernstein's Challenge to Marx. N.Y., 1952.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВЕРСАЛЬСКОГО ДИКТАТА НА ПЛАНЫ НЕМЕЦКОГО РЕВАНША ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стодесятилетняя годовщина начала Первой мировой войны дает повод не только вновь задаться вопросом о ее причинах и последствиях, но и задуматься над тем, почему ее жертвы не предостерегли мир от скорого сползания в еще более страшную военную катастрофу. Сколь ни сложен этот вопрос, трудно не согласиться с мыслью известного немецкого историка С. Хаффнера о том, что еще бóльшим парадоксом новейшей эпохи являлась моральная готовность побежденных немцев к новой войне в то время как у западных победителей свежий военный опыт оставил глубокую травму и желание избежать его повторения¹.

Наиболее распространенным объяснением этого факта в исторической литературе стала ссылка на чрезмерно жесткие условия мира, продиктованные Германии державами-победительницами в Версале в 1919 г. и провоцировавшие поверженную нацию на поддержку тех политических сил, которые обещали их решительный пересмотр². В советской историографии этот тезис базировался на ленинских оценках Версальского договора как «подлого», «грабительского», «хищнического» и ставившего Германию в условия не только «полного бесправия и унижения», но и «материальной невозможности экономического существования»³. Выход для немецкого народа из

¹ См.: Хаффнер С. Самоубийство германской империи. М., 1972. С. 37–38.

² Мнение о том, что «местом рождения национал-социалистического движения был не Мюнхен, а Версаль», одним из первых высказал в 1932 г. будущий первый президент ФРГ Т. Хойс (*Heuss Th. Hitlers Weg. Eine Historisch-Politische Studie über den Nationalsozialismus. Stuttgart, 1932. S. 152*). См. также, напр.: *Kershaw J. Vorwort // Nationalsozialismus und Erster Weltkrieg. Essen, 2010. S. 7*.

³ См., напр.: Ленин В.И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1970. С. 163; *Он же*. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического интернационала 19 июля // Там же. С. 217–218.

данной ситуации В.И. Ленин видел сначала в немедленной пролетарской революции, а после отдаления революционной перспективы – в сотрудничестве немцев (не исключая «германских черносотенцев и капиталистов») с Советской Россией против империалистической Антанты¹. С тех пор негативная оценка Версальского диктата оставалась в советской литературе неизменной², тогда как отношение к немецким усилиям избавиться от него менялось в зависимости от политической обстановки. Так, если демонтаж нацистским режимом остатков Версальской системы вызывал в середине 1930-х гг. решительный протест со стороны СССР, то после подписания в 1939 г. Пакта о ненападении стремление Германии «сбросить путы Версаля» вызвало новый, хотя и недолгий всплеск сочувствия со стороны советского руководства³. После окончания Великой Отечественной войны критике советских авторов подвергались как «германские империалисты», сумевшие накопить силы для нового наступления, так и западные державы-победительницы, навязавшие побежденным унижительный мир, а затем потакавшие подготовке реванша⁴. Этот подход к освещению международных событий в межвоенной Европе господствовал в отечественной исторической науке вплоть до конца 1980-х гг. и занимал заметное место при объяснении причин происхождения национал-социализма и Второй мировой войны⁵.

¹ Ленин В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов 21 декабря // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 42. М., 1963. С. 104–106.

² См., напр.: *Тарле Е.В.* Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир. Пг.–М., 1923. С. 3–4, 53, 59; *История дипломатии*. М., 1965. С. 166; *История Второй мировой войны. 1939–1945*. Т. 1. М., 1973. С. 9–10.

³ См.: Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова о внешней политике Правительства. 31 октября 1939 года // Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 7–24; *Политический словарь* / Под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. М., 1940. С. 129.

⁴ *История дипломатии*. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). М.–Л., 1945. С. 54.

⁵ См., напр.: *Гинцберг Л.И.* На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972. С. 8; *История Второй мировой войны*. Т. 1. М., 1973. С. 12–13; *Фарбман Н.В.* Версальская система // Европа в международных отношениях. 1917–1939. М., 1979. С. 36–69; *Проектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 22–26.

В стремлении послевоенной советской историографии следовать в русле ленинской критики Версальской системы и в то же время разоблачать пагубность политики, приведшей к слому этой же системы, было заключено очевидное противоречие. Думается, двойственность данной концепции межвоенных международных отношений носила неизбежный характер, поскольку объективно вытекала из того факта, что неправота версальских миротворцев сама по себе не означала, что были правы тех из их оппонентов, которые в конце концов похоронили их детище. В силу той же дилеммы не менее противоречивы и оценки Версальского мира, а также развернувшейся вокруг его установлений дипломатической борьбы, обилием которых с самого начала была отмечена зарубежная литература¹. В последние годы такая же разногласия стала звучать и в трудах российских историков, часть которых стремится, тем не менее, представить сбалансированную трактовку событий, которая учитывала бы как вклад Версаля в урегулирование послевоенных проблем, так и зыбкость его оснований, порождавших стремление побежденных силой изменить навязанный им несправедливый международный порядок².

Нетрудно заметить, что список достоинств Версальского мира, нашедших признание в отечественной и зарубежной историографии, значительно уступает перечню его недостатков. В основном, его апология подразумевает согласие с необходимостью возмещения поне-

¹ См. об этом напр.: *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес Германии и создание Версальской системы в оценках американских историков // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920: Взгляд из XXI в. М., 2017. С. 124–144; *Романова Е.В.* Версальский мир: Пролог «двадцатилетнего кризиса» или «лучший из возможных компромиссов»? // Там же. С. 3–19; *Versailles 1919. Ziele – Wirkung – Wahrnehmung.* Essen, 2001; *Hirschfeld G.* Der Erste Weltkrieg in der deutschen und internationalen Geschichtsschreibung // Bundeszentrale für Politische Bildung. 08.07.2004. URL: <http://www.bpb.de/apuz/28194/der-erste-weltkrieg-in-der-deutschen-und-internationalen-geschichtsschreibung?p=all>.

² См.: *Галкин А.А.* Память и опыт (К 70-й годовщине великой Победы) // Актуальные проблемы истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 17; *Космач В.А.* «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 155–167.

сенного победителями ущерба и/или сводится к утверждениям о том, что этот мир стал лучшим из возможных компромиссов¹. Сторонники данной позиции исходят из небесспорного тезиса о единоличной вине кайзеровской Германии за развязывание войны и целиком полагаются на свидетельства англо-французской пропаганды о массовых военных преступлениях немецкой военщины. Тем самым за победителями молчаливо признается право на отмщение и произвол, которое уже для многих современников тех событий выглядело анахронизмом. При этом не всегда в полной мере учитывается тот факт, что компромисс, ненадолго достигнутый в Версале, был таковым лишь для великих держав-победительниц, лидеры которых руководствовались не только благой целью предотвращения новой войны, но и небескорыстным стремлением ослабить империалистического соперника. Конечно, решения, принятые ими в 1919 г., не вели с неизбежностью к победе нацизма в 1933 г. и европейской катастрофе 1939 г., а сама эта катастрофа, возможно, не случилась бы при более благоприятном ходе межвоенных событий (в т.ч. не столь сокрушительных экономических потрясениях в Веймарской республике). Но это не отменяет того факта, что подписанный в Версале мир был сомнителен в моральном плане и не соответствовал тем представлениям о демократическом мироустройстве, которые бытовали сто лет назад и до сих пор не утратили своей актуальности.

Что касается высказанных за сто лет в зарубежной и отечественной литературе оценок Версальского договора как негодного инструмента предотвращения немецкого реванша, то в обобщенном виде они сводятся к тому, что его условия были несправедливы, невыполнимы и недостаточно эффективны. Палитра подобных отзывов, имевших самые разные идеологические, политические, правовые и этические обоснования, столь же широка, сколь пестр лагерь критиков Версальского мира, включавший в себя уже в дни его подготовки

¹ См., напр.: *Сергеев Е.Ю.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений // *Всемирная история*. Т. 6. Мир в XX в.: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М., 2017. С. 309–346; *Романов В.В.* Компромиссы Парижской мирной конференции и их последствия для международных отношений в межвоенный период // *Европейские сравнительно-исторические исследования*... С. 20–32.

такие несхожие фигуры, как В.И. Ленин или Дж.М. Кейнс¹. Общим знаменателем претензий к основанной в Версале системе международных отношений мог бы стать тезис о том, что она закладывала по меньшей мере две предпосылки будущего крупномасштабного конфликта, которые были очевидны наиболее прозорливым свидетелям событий и большинству современных исследователей. Первая предпосылка заключалась в том, что эта система порождала у побежденных представление о закреплявшем их стратегическую уязвимость нелегитимном международном порядке. Вторая – в том, что Версаль тем не менее сохранял возможность быстрого наращивания ими своего потенциала, что в свою очередь вело к нарушению сложившегося баланса сил и соблазну нового передела территорий.

И все же, в свете трагического опыта Второй мировой войны гибельность последствий демонтажа Версальской системы в 1920-е – 1930-е гг. представлялась очевидной не только послевоенным апологетам этой системы, но и ее критикам. Однако их согласие по данному вопросу не исключало серьезных различий во взглядах на степень и характер ответственности Антанты за провоцирование ситуации, породившей подъем немецкого национализма и возможность новой войны. С одной стороны, державы-победительницы могли подвергаться осуждению не просто за чрезмерную жесткость продиктованных ими требований мира, но и за якобы навязанную Германии чужеродную власть, которая посягала на «важнейшие атрибуты» немецкого государства, «топтала немецкую историю» и создавала тем самым питательную почву для нацизма². С другой стороны, главным пороком Версальского мира могло быть объявлено то, что его условия так и не были претворены в жизнь. Так, видный американский исследователь Дж. Хальгартен вменял союзникам по Антанте в качестве «тягчайшего преступления» их постепенную сдачу позиций в угоду Германии вплоть до «разрыва в клочья» всей выстроенной в Версале системы³.

¹ См., напр.: *Лихачев М.О.* «Наступивший мир возмутителен... и способен приносить только несчастья». Позиция Дж.М. Кейнса на Версальской мирной конференции 1919 г. // *Локус: люди, общества, культуры, смыслы.* 2014. № 3. С. 19–32.

² См.: *Нарочницкая Н.* Версальский мир привел к войне // *Pravda.ru.* 28.06.2009. URL: <https://www.pravda.ru/world/europe/european/28-06-2009/315593-versaille-0/>.

³ *Hallgarten G.W.F., Radkau J.* Deutsche Industrie und Politik. Von Bismark bis in die Gegenwart. Frankfurt a.M., 1981. S. 151.

Стоит заметить, что сколь ни полярны по смыслу приведенные выше оценки, их обвинительный пафос в обоих случаях рискует, помимо воли авторов, отвлечь внимание как от действительных пороков Версаля, так и от истинных инициаторов подготовки немецкого реванша. И если версальские миротворцы внесли свой нечаянный вклад в создание предпосылок новой войны, то он заключался не в тех или иных – самих по себе грабительских и унижительных – материальных условиях навязанного ими Германии мира и тем более не в уступчивости, которую они проявили после его заключения. Главным просчетом победителей было то, что их империалистический диктат дискредитировал в глазах миллионов немцев идеи свободы и демократии, глашатаем которых взялась выступать та же Антанта, причем это произошло сразу после того как немецкий народ сделал попытку вступить на путь демократического развития. Роковую роль сыграло и то не принятое в расчет победителями обстоятельство, что германская армия вплоть до момента перемирия не понесла поражения в решающей битве и продолжала занимать территории противника. Таким образом до оглашения условий Антанты большинство немцев могло надеяться на то, что добровольное, как им казалось, прекращение Германией военных действий могло быть вознаграждено более или менее почетным миром. Именно разочарование от этих обманутых надежд заставило многих из них поверить в легенду о «ноябрьских предателях» и «кинжальном ударе в спину» в качестве доходчивого объяснения казавшейся близкой, но неожиданно упущенной победы. Вместе с тем возрождалась поколебленная было вера в оправданность недавней «священной войны» против Антанты, а крайне правые силы получали моральную санкцию на пропаганду реванша и борьбу с Веймарским режимом как продуктом антинемецкой политики западных государств.

Тот факт, что жертвой Версаля стала не кайзеровская империя и ее старые элиты, ввергшие страну в военную авантюру 1914–1918 гг.¹, а новорожденная демократическая республика, лидеры

¹ О предпринятой союзниками по Антанте и закончившейся почти безрезультатно попытке наказания немецких военных преступников см.: *Лебедева Н.С.* Версальский мир и проблема наказания за военные преступления, совершенные в ходе Первой мировой войны // Феномен мировых войн в истории XX века. Мате-

которой были вынуждены принять к исполнению требования победителей, представляется наиболее важным для понимания причин последующего взлета немецкого национализма. Стойкая ассоциация с «позором Версаля», которую Веймарский режим с самого начала вызывал у значительной части немецкого общества, вела к общей деформации и без того не слишком развитой политической культуры воспитанного в авторитарных традициях народа. Удар, нанесенный по репутации республики при ее рождении, усугублял психологический шок от территориальных, финансовых и иных материальных потерь, которые Германия понесла по условиям навязанного ей мира. Эта «родовая травма» молодой немецкой демократии мешала достижению общественного согласия по основополагающим вопросам и тем самым осложняла течение ее отчасти неизбежных «болезней роста». Недоверие, а то и ненависть к республике, служившей для националистически настроенных немцев олицетворением измены и победы над их страной «внутреннего Запада», смешивались с чувством унижения, которое вызывала победа «внешнего Запада» в лице Антанты, и выливались в синтез антидемократических и милитаристских настроений. Эти чувства, находившие выход в публицистике и манифестациях крайне правых сил и дремавшие в сознании довольно значительных слоев населения, нарастали в периоды обострения экономических и социальных проблем и служили благодатной почвой для широкого распространения в 1929–1933 гг. реваншистских идей и подъема национал-социализма.

Отмечая пагубную роль, которую Версальский мир сыграл в судьбе Веймарской демократии, следует, однако, подчеркнуть, что речь идет о благоприятных условиях, подготовленных им для распространения в Германии планов реванша, но не о зарождении самих этих планов. Встречающееся в литературе мнение о том, что немецкий реваншизм и даже возникновение национал-социализма стали ответом на унижение Версалем, является ошибочным, так же как и утверждение, что «борьба против Версаля началась 7 мая 1919 г., когда немецкая делегация получила из рук противной стороны усло-

риалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 215–218.

вия мирного договора»¹. О том, что зарождение национал-социализма не являлось реакцией на условия этого договора, говорит уже то, что предтеча НСДАП – Немецкая рабочая партия – появилась на свет, как и десятки аналогичных организаций в Германии, еще до открытия Парижской мирной конференции, в том числе и для продолжения начатой еще в годы войны пропаганды немецких условий «добраго мира»². Более того, программы территориальных захватов, рождавшиеся в Германии уже после того, как Версальский мир лишил ее колоний и части приграничных областей, также во многом повторяли аналогичные (в том числе унаследованные от Пангерманского союза) планы военного и довоенного времени, или даже превосходили их своей агрессивностью. Напоминания о «Версальском грабеже», которыми изобилвала пропаганда немецких националистов, по сути служили лишь демагогическим приемом, призванным прикрыть их собственные территориальные аппетиты, вышедшие в конечном итоге далеко за пределы пограничных в Версале довоенных немецких границ.

Внешнеполитические замыслы, о которых идет речь, вынашивались в недрах движения «фёлькише», существовавшего в Германии с конца XIX в., а также революционного национализма и национал-социализма, возникших в январе 1919 г., когда побежденная и охваченная революцией страна ожидала решения своей судьбы в Веймаре и Версале. Все три течения сближал присущий им воинствующий национализм вкупе с ненавистью к Ноябрьской революции, немецким «левым» и либеральному Западу. Важнейшими компонентами идеологии «фёлькише» были биологический антисемитизм, антибольшевизм и откровенный экспансионизм. В свою очередь движение революционных националистов выступало за синтез «революционной» и «консервативной» (или, что было для них одно и то же, социалистической и националистической) идеи для мобилизации масс на борьбу

¹ *Hallgarten G.W.F., Radkau J.* Op. cit. S. 152.

² См.: *Геïден К.* История германского фашизма. М., 1935. С. 7–8. Об этом же может косвенно свидетельствовать создание в марте того же года фашистского «Союза борьбы» Б. Муссолини в стране-победительнице Италии (см. напр.: *Яхумович З.П.* Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23). С. 116–118) и появление в 1920-е гг. фашистских партий и движений в других странах-бенефициарах Версальского договора.

против немецкой демократии и либерального Запада за «национальное возрождение» Германии. Развиваясь параллельно, оба течения пережили в первой половине 1920-х гг. пору своего расцвета, но с середины десятилетия начали уступать свои позиции в немецком крайне правом лагере национал-социализму, который уже до этого успел перенять их основные идеи.

Рассматривая вопрос о влиянии Версальского диктата на выработку планов немецкого реванша, важно отметить, что первая проба националистических сил на данном поприще состоялась в послевоенной Германии еще до образования НСДАП и созыва мирной конференции сразу же после подписания Компьенского перемирия. Это случилось в ноябре 1918 г., когда в журнале «Дойче Рундschau» появилась статья под названием «Право молодых народов», автором которой был известный немецкий культуролог и литературовед А. Мёллер ван ден Брук¹. В начале 1919 г. Мёллер, состоявший в годы войны на службе в пропагандистских ведомствах германского Генштаба и Министерства иностранных дел, расширил свой текст и, следуя указаниям руководства о переходе в «политическое наступление», издал его при поддержке того же МИД в виде одноименной брошюры². Эта книга, адресованная не только немецким читателям, но и широким кругам международной общественности, стала по сути первым манифестом немецкого реваншизма. В то же время она явилась программным документом нового, «революционного» немецкого национализма, принесшим ее автору репутацию основоположника и ведущего идеолога данного движения. Однако первоначально ее опубликование служило решению более насущной задачи: обоснованию – хотя бы и задним числом – тех целей, которые Германия преследовала в проигранной войне, а также надежд на «добрый мир», которые немцы продолжали питать в ожидании открытия Парижской конференции.

Идейно-теоретической основой манифеста Мёллера послужил романтический миф об исполненной жизненной силы «молодых» народах, которые бросают вызов старым нациям дряхлеющей Европы. Естественно, что к этим народам автор относил в первую очередь немцев, в молодости которых (а заодно и русских и американцев) его

¹ *Schlüter A. Moeller van den Bruck. Leben und Werk. Köln, 2010. S. 279.*

² *Moeller van den Bruck A. Das Recht der jungen Völker. München, 1919.*

убеждала уже их способность к быстрому численному росту. Однако главным критерием различения «молодых» и «старых» народов у Меллера служили не столько количественные, сколько качественные характеристики. Молодость означала для него не возраст в его обычном понимании, но близость к животворным природным истокам, которая могла сохраниться и по прошествии долгого времени. Поэтому оппозиция «молодых» и «старых» народов несла в себе, с одной стороны, почвеннический идеал органической народной общности, а с другой – противоположное этому идеалу, но прочно связанное с ним представление о погрязшем в индивидуализме современном обществе. Данный дихотомический ряд продолжался в антитезе «социализма», к которому тяготеют «молодые» народы, и «либерализма», который стал следствием и выражением «старости» народов западной Европы¹. В конечном счете, именно природной стихией, бурлящей в каждом «молодом» народе, Мёллер объяснял способность немцев к самоотречению, динамизм их хозяйственной жизни и волю к экспансии, словом, все то, что якобы заставило утратившие творческий порыв «старые» державы Антанты втянуть Германию в оказавшуюся непосильной для нее войну². Однако те же свидетельства молодости немцев – их быстрый рост, взрывающий рамки отведенного им пространства, их верность своему идеалу и поиск воплощающих его политических форм – ясно указывали на то, что настоящая борьба за достойное место под солнцем немцам еще только предстоит.

В противоборстве «молодых» и «старых» народов Мёллер видел неумолимый закон не только природы, но и истории, всегда остававшийся для него «природным процессом»³. С этой позиции застрельщику нового немецкого национализма открывался не только исторический смысл прошедшей войны, но и бессмысленность ее финала. Естественно, что исход любого противоборства вряд ли устроит тех, кто терпит в нем поражение. Однако в свете мифа о «молодых» народах разгром Германии в Великой войне представлялся несправдливостью всемирно-исторического масштаба, поскольку поверженной здесь оказалась сила, которая объективно более других нуждалась

¹ *Moeller van den Bruck A.* Op. cit. S. 45.

² *Ibid.* S. 7, 45.

³ *Ibid.* S. 25.

в победе. В осознании открывшейся истины Мёллер и написал свою апологию побежденной Германии, центральным тезисом которой стало не обычное в таких случаях указание на агрессивность противника, но утверждение собственного права на экспансию. В «стране сказочных грез», в которую Германия превратилась на время перемирия¹, эта утопия, возможно, не казалась бы столь смелой, будь она предназначена исключительно для внутреннего «немецкого» потребления.

Как подчеркивал Мёллер, его книга была обращена не только к немцам, но и ко «всем молодым народам», а также «молодым представителям» «старых» народов – как дружественным Германии, так и находившимся до поры в стане ее врагов. Вместе с тем у этого послания был и конкретный адресат – американский президент В. Вильсон, предложивший в январе 1918 г. программу мира, в которой, как он заверял, не было «ничего, что могло бы унижить величие Германии». Напоминая об этих словах в эпиграфе к своей книге и даже поместив их на ее обложку, Мёллер тут же повторял и рожденный не без его усилий тезис официальной немецкой пропаганды о том, что лишь доверие к Вильсону и заложенной в его программе идее справедливости заставило державы Тройственного союза прервать военные действия и вступить в мирные переговоры с Антантой². Поэтому его книга содержала и обращенный к американскому президенту призыв учесть немецкие интересы, и полемику с ним в надежде разъяснить принципы, на которых должен строиться будущий мир, чтобы стать если не вечным, то достаточно долговременным для предстоящей «молодым народам» созидательной работы.

И все же, даже при беглом взгляде на книгу Мёллера легко обнаружить, что ее суть вполне умещалась в коротком слогане: «народ без пространства». Невозможность для «молодых» народов существовать в пределах их прежних границ представлялась автору очевидной: «Все старые народы сегодня могут жить в своих странах, все молодые народы жить в своих странах не могут»³. Именно с этим обстоятельством было связано то «право», о котором возвещал миру немецкий

¹ *Troeltsch E.* Spektator-Briefe. Aufsätze über die deutsche Revolution und die Weltpolitik 1918–1922. Tübingen, 1924. S. 69.

² *Moeller van den Bruck A.* Op. cit. S. 115.

³ *Ibid.* S. 99–100, 113.

националист и которое оказывалось в конечном счете правом на дополнительное «жизненное пространство». «Молодые народы, – заявлял он, – не требуют ничего, кроме пространства, на котором смогут жить и творить... Они претендуют быть на земле там, жить и работать там, где им укажет природа»¹.

Эта декларация права Германии миром получить то, что ей не принадлежало и чего она не добилась путем войны, выглядела по-своему вызывающей в условиях, когда ей самой предстояло стать объектом диктата других империалистических держав. Однако столь смело заявленные претензии не были призывом к простому продолжению старого пангерманского курса. Наученный опытом проигранной войны, Мёллер признавал, что в Европе теперь «не завоевать и пяди земли». Наоборот, по его мнению, Германия должна была повернуться спиной к Западу и направить свое внимание на Восток, в первую очередь в сторону России. Движение в этом направлении казалось ему не только единственным способом решения «немецкой проблемы», но и шансом обрести пространство для приложения сил немецкого народа². Собственно, попытка «застолбить» за Германией европейский Восток в преддверии нового передела мира и составляла главный смысл рассуждений поборника «прав молодых народов». Экспансионистский потенциал идеи Мёллера отчасти умалчался его настойчивыми указаниями на то, что немецкое продвижение в данном направлении может носить лишь исключительно мирный характер, поскольку «немцы смогут завоевать Россию лишь своей созидательной работой». Свою уверенность в готовности народов Восточной Европы признать лидерство Германии он подкреплял ссылками на возможные выгоды для них не только от ее хозяйственной опеки (прежде всего «интенсификации труда», которая здесь «никогда не произойдет, если не придет извне из Германии»³), но и от ее покровительства в политическом противостоянии «старым» нациям Западной Европы⁴.

В то же время легко заметить, что эти и многие другие миролюбивые пассажи Мёллера звучали явным диссонансом с его же декла-

¹ *Moeller van den Bruck A.* Op. cit. S. 10, 99, 101, 113.

² *Ibid.* S. 102, 105.

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid.* S. 111.

рацией права немецкого народа единолично определять пределы принадлежащего ему пространства. По сути, его внешнеполитическая программа, ставшая символом веры всего национал-революционного движения, свидетельствовала о том, что зарождение идеи немецкого реванша явилось реакцией не на тяжелые условия мира, которые будут продиктованы Германии лишь несколько месяцев спустя, но на сам факт проигрыша войны, ставивший под вопрос реализацию прежних захватнических планов. Это дает основания полагать, что Мёллер и его единомышленники вряд ли могли быть удовлетворены не только Версальским миром, но даже таким договором, который восстанавливал бы довоенный статус кво Германии. По сути их идеал послевоенного мирного устройства подразумевал создание под немецкой эгидой все той же (хотя и адаптированной к изменившейся обстановке) «Срединной Европы», проекты которой во множестве рождались в пангерманских и либерал-империалистических кругах Германии еще накануне и в ходе Первой мировой войны¹.

Мирная «восточная ориентация», включавшая установку на экономический, политический и даже военный альянс с социалистической Россией против либерального Запада, сохраняла актуальность для немецких революционных националистов и после подписания Версальского трактата вплоть до второй половины 1920-х гг.² Более того, она нашла в их публицистике настолько глубокое геополитическое, культурфилософское и экономическое обоснование, что может рассматриваться как один из важнейших компонентов их мировоззрения³. Однако ставший не менее важным слагаемым идеологии революционного национализма миф о «немецком народе без про-

¹ См., напр.: *Claß H.* Zweck und Ziele des Alldeutschen Verbandes. Hamburg, 1901; *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1916. См. также: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1964. S. 120f.

² См., напр.: *Hecker H.* Die Tat und ihr Osteuropabild. 1909–1939. Köln, 1974. S. 91–133, 146–154; *Женин И.А.* «Русская тема» в консервативной периодике Веймарской республики на примере журнала «Ди Тат» // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 190–210.

³ См. напр.: *Koenen G.* Der Rußland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945. München, 2005. S. 323–345; *Dupeux L.* Nationalbolschewismus in Deutschland 1919–1939. München 1985. S. 30–38.

странства» придавал этой тяге к Востоку двусмысленность, заставляющую усомниться в ее сугубо мирной природе. Так, в еще одном программном документе революционного национализма – изданной в 1923 г. книге с печально знаменитым названием «Третий рейх» тот же Мёллер повторял тезисы о «пребывающем в стеснении» немецком народе и о том, что проблема перенаселенности Германии остается «проблемой всех проблем». Здесь же он заявлял, что решить данную проблему, оставаясь во внутренних пределах страны, невозможно, а потому неизбежно придет тот день, когда это решение «придется искать и находить в прорыве вовне». И хотя трактат о грядущей немецкой империи не содержал указаний на ее предполагаемые территории и границы, слова автора о том, что «крохотное пространство, в которое был втиснут немецкий народ», превращает его в источник «безмерной опасности»¹, могли бы стать мрачным предупреждением не только для немецких соседей, но и для самих немцев.

Как известно, эта угроза была в полной мере реализована в политической практике национал-социализма, который нередко рассматривается исследователями в качестве преемника немецкого революционного национализма². Действительно, при всех отличиях идейного багажа этих движений и дискуссионности вопроса об их идеологическом родстве, нельзя не заметить общие корни их изначальных представлений о недостаточности немецкого «жизненного пространства» и уверенности в том, что борьба за него является вопросом жизни и смерти немецкого народа. То же самое относится и к тезису об объединении всех немцев в единую «Великую Германию». Хотя оба этих пароля перемежались в нацистской, как и в национал-революционной пропаганде яростной антиверсальской риторикой, их смысл заключался не только в ревизии территориальных установлений Версальской системы, но и в реализации старых планов, которые с конца XIX в. вынашивались пангерманцами и «фёлькише».

Требование обеспечить растущее немецкое поголовье площадью для пропитания и расселения его избыточной части приобре-

¹ *Moeller van den Bruck A.* Das Dritte Reich. Hamburg, 1931. S. 65, 72.

² См. подробнее: *Kroll F.-L.* Konservative Revolution und Nationalsozialismus. Aspekte und Perspektive ihrer Erforschung // Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus. Berlin, 2000. S. 103–118.

ло особую актуальность среди немецких националистов в условиях материальных лишений послевоенного времени и было закреплено в программе НСДАП весной 1920 года¹. Однако, при всей категоричности данной формулировки, ее смысл конкретизировался в ранней нацистской пропаганде только в том, что касалось возврата потерянных Германией колоний в Африке и на Тихом океане. Лишь в 1922 г. А. Розенберг, претендовавший на роль партийного идеолога, пояснил, что речь, в основном, идет о необходимости обеспечить немецкий народ «пространством на сегодняшнем польско-чешском Востоке»². Что касается России, то она рассматривалась в то время нацистским руководством, как и революционными националистами и большинством «фёлькише», в качестве потенциального союзника, который примкнет (естественно, после краха «еврейско-большевистского» господства) к борьбе «национально-обновленной» Германии против Антанты³.

Отход А. Гитлера, а затем и всей нацистской верхушки от идеи союза с Россией и их переход на агрессивно-русофобские позиции, хотя и был запрограммирован их изначальным тезисом о большевизме как орудии мирового еврейства и таком же смертельном враге Германии, произошел позже и обычно датируется историками весной

¹ См.: Гейден К. Указ. соч. С. 16.

² *Rosenberg A. Wesen, Grundsätze und Ziele der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei. München 1922. S. 16.* О том, что Гитлер связывал в 1920–1923 гг. будущую немецкую экспансию на европейском Востоке с Восточной Силезией, но не с Россией, см.: *Kuhn A. Hitlers außenpolitisches Programm. Entstehung und Entwicklung 1919–1939. Stuttgart, 1970. S. 55–57, 96–97, 99.*

³ См., напр.: *Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924 / Hrsg. von E. Jäckel, A. Kuhn. Stuttgart, 1980. S. 127, 129, 279, 307, 451, 505, 631, 703.* О спекуляциях «фёлькише» на тему возможного союза с Россией см. напр.: *Kolshorn J. Russland und Deutschland – Durch Not zur Einigung. Leipzig, 1922.* Опубликованная в 1921 г. брошюра барона К. фон Мантойфеля, в которой доказывалась необходимость превентивной войны против России, в ходе которой русские «вряд ли смогут рассматриваться как нормальный противник» и после которой их территория будет превращена в немецкое жизненное пространство, была в то время, скорее, исключением в общем потоке сочинений «фёлькише» на русскую тему (см.: *Manteuffel K. v. Deutschland und der Osten. München-Berlin, 1921. S. 4, 41.*) Тем не менее этот памфлет предвосхитил аналогичные установки «Майн Кампф» Гитлера и стал одним из предвестников возвращения «фёлькише» на русофобские позиции, которые они занимали до заключения Брестского мира в марте 1919 года.

1924 года¹. Причины этого поворота, означавшего смягчение ревизионистского подхода к Версалию и определившего всю последующую внешнеполитическую стратегию нацизма вплоть до развязывания в 1941 г. агрессии против СССР, были многообразны. Они включали в себя, в частности, окончание надежд на скорое падение большевистского режима и начало нормализации отношений Советского Союза с Западом, а также нарастание противоречий в рядах Антанты, сулившее обретение партнеров среди бывших врагов Германии для ее будущего «похода на Восток».

Переход к новой «восточной политике», означавшей отказ от прежних немецких колониальных устремлений и курс на завоевание «жизненного пространства» в Европе, был в общих чертах обоснован нацистским фюрером в 1925 г. в первом томе «Майн Кампф»². Еще один, решающий шаг в том же направлении Гитлер сделает в 1927 г., когда во втором томе своей печально известной книги прямо укажет на Россию как на цель будущей военной экспансии, а на ее территорию с якобы расово неполноценным населением – как на объект немецкого грабежа и колонизации³. Вместе с тем борьба нацизма против Версальской системы окончательно превратится в средство достижения конечной внешнеполитической цели, куда более масштабной, чем реванш за поражение, пережитое Германией в ноябре 1918 года.

¹ См. напр.: *Horn W.* Ein Unbekannter Aufsatz Hitlers aus dem Frühjahr 1924 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. H. 3. S. 281–285, 293–294; *Kuhn A.* Op. cit. S. 102–103; *Jung W.* Ideologische Voraussetzungen, Inhalte und Ziele außenpolitischer Programmatik und Propaganda in der deutschvölkischen Bewegung der Anfangsjahre der Weimarer Republik. Das Beispiel Deutschvölkischer Schutz- und Trutzbund. Dissertation. Göttingen, 2001. S. 233–234, 257–260; *Kapferer N.* Der «Totale Krieg» gegen den «jüdischen Bolschewismus» // Rechtsextreme Ideologien in Geschichte und Gegenwart. Köln, 2003. S. 164–165; *Koenen G.* «Rom oder Moskau». Deutschland, der Westen und die Revolutionierung Russlands 1914–1924. Dissertation. Tübingen, 2003. S. 47.

² *Hitler A.* Mein Kampf. Zwei Bände in einem Band. Ungekürzte Ausgabe. München, 1943. S. 234, 358.

³ Ibid. S. 742–743.

ИМПЕРИЯ И ФАШИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА МУССОЛИНИ В ИТАЛИИ

Введение

Утром 30 октября 1922 г. *Cavaliere* Бенито Муссолини сошел на перрон из мягкого спального вагона на вокзале Термини в Риме. В тот же день, явившись менее чем час спустя – в 11:15 – в полном фашистском облачении на аудиенцию к королю, он получил от Виктора Эммануила III карт-бланш на формирование нового правительства. Поначалу его кабинет был коалиционным, однако усиление жестко авторитарного курса во внутри- и внешнеполитическом контуре страны проявилось практически сразу¹.

Реперной точкой в истории складывавшегося в Италии фашистского режима стала речь Муссолини 3 января 1925 г., которая вошла в итальянскую историю как начало *второй волны фашизма*², определив новую власть как тотальную, а режим – фактически как тоталитарный. Свое идейное обоснование он нашел в известном труде его творца под названием «Доктрина фашизма»³.

¹ Процессы складывания (особенно на первом этапе) жестко авторитарных структур в фашистской Италии получили отражение не только в итальянской (Р. Де Феличе, А. Таска, Р. Ромео, А. Сальваторелли, Дж. Прокаччи и др.), но и в российской исторической литературе, особенно в трудах Б.Р. Лопухова, Г.Н. Филатова и Л.С. Белоусова.

² Так в итальянской историографии маркируется поворот, обозначившийся после произнесения «дуче» речи 3 января 1925 года.

³ Об этом также написаны тома серьезных исследований российских и итальянских историков. Подробнее см.: *La Carta del lavoro*. Illustrata da Giuseppe Bottai. Edizioni del “Diritto del lavoro”. MCMXXVII. Roma, anno V. P. 17, 22–23, 27–29; из работ отечественных историков: *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 124–134; *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 231–233 и др. «Доктрина фашизма» как идейное обоснование фашистского режима в Италии также уже нашла достаточно подробное освещение в российской и особенно итальянской исторической литературе.

* * *

Как случилось, что жестокая бойня «Великой войны»¹ не стала прививкой от возникновения кровавого режима, – даже, напротив, во многом способствовала его формированию в исторических рамках «черного двадцатилетия»²?

Сложный комплекс предпосылок, непосредственных причин, причудливых сочетаний исторических явлений и, возможно, даже случайных событий, многие из которых послужили триггером прихода фашистов к власти в Италии, являет собой столь многофакторный феномен, что он уже стал объектом сотен исследований историков, экономистов, социологов, специалистов по политическим наукам³. Но в сложном переплетении этих аспектов весьма значимым является, на наш взгляд, изучение причин успеха фашистов в завоевании и удержании власти, проведенное с применением конструктивистского подхода.

В первую очередь в центр данного исследования помещена совокупность социокультурных факторов и практик, рассмотренных с социально-антропологических, социологических, имагологических позиций, что связано прежде всего с опытом пережитой итальянцами исторической травмы, а также с проявлениями в критических условиях их поведенческих стереотипов. Глубинные основы, *стереотипы* идентичности итальянцев проявлялись на уровне паттернов их поведенческой культуры, обусловленных массовым кризисом идентичности⁴, который очевидно обнаружился после окончания Великой войны. Кроме того, использование возможностей имагологии

¹ В зарубежной, в том числе итальянской историографии Первая мировая война именуется Великой войной. Впрочем, до начала Второй мировой войны ее называли так не только историки.

² Так в итальянской исторической литературе маркируют период фашистской диктатуры (1922–1943, иногда 1922–1945 гг.).

³ Выше уже даны ссылки на исследования Л.С. Белоусова и Б.Р. Лопухова; стоит также отметить труды Г.С. Филатова, Н.П. Комоловой и других. В итальянской исторической науке особое место занимают работы Р. Де Феличе, в частности, его труд “Intervista sul fascismo” (Bari, 1975).

⁴ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. А.В. Толстых. М., 1996. С. 23–24.

в реконструкции взаимосвязанных образов «Я – Другой» и уточнений в оппозиции «Свой – Чужой» способствуют, на наш взгляд, выявлению таких важнейших конструкторов, как имперская логика, нагнетание образа врага и некоторых других, что делает возможным анализ самой сути итальянской фашистской диктатуры¹.

Империи и имперство как объект экспертных исследований

В наши дни опыт формирования, развития и распада существовавших в истории империй важен, в частности, потому, что хронологически они относятся к XIX – началу XX в., и попытки их воспроизведения в тех или иных вариантах в XXI в. обречены на провал. С другой стороны – ушли ли безвозвратно в прошлое старые континентальные и морские империи? Ответ на этот вопрос носит вероятностный характер в постмодернистской парадигме XXI века².

Итогом Великой войны стал распад сразу четырех старых Великих империй – и стремление к провозглашению новых. Но в политике государств, претендующих на создание таких империй и на реализацию их величия в любом изводе, важно исследовать исторический опыт травмы, пережитой населением: ведь именно отсюда черпают вдохновение демиурги исторической политики во все времена³. На примере Королевства Италия конца XIX – начала XX в. историк, специалист по политическим наукам или конфликтолог легко подме-

¹ Исследования итальянского фашизма в подобном ракурсе еще практически не проводились, по крайней мере, в российской исторической и экспертной литературе.

² И тем не менее, имперский – и в большинстве случаев постимперский – синдром остается в постмодернистской парадигме одним из существенных проявлений современного миропорядка (см.: *Князева С.Е.* Феноменология нового популизма в контексте усиления популистских движений в Юго-Восточной Европе XXI в. // Праворадикальные партии и организации в политическом ландшафте Восточной Европы (Специализированная информация). М., 2020. С. 49–51.

³ О роли «травмы» и травматического опыта в истории народов см. исследование проф. Сорбонны Б. Гроппо: *Гроппо Б.* Как быть с «темным» историческим прошлым // ПОЛИТ.ру. 25.02.2005. URL: <https://m.polit.ru/article/2005/02/25/groppo/>.

тит проявления имперского синдрома, что свидетельствует о стремлении компенсировать многовековые травмы, нанесенные былой раздробленностью, поражениями и потерей независимости, т.е. доиграть или переиграть определенную историческую партию. Конфликтологи (и психологи) маркируют геополитические устремления такого рода как эффект Зейгарник¹ – воспроизводство имперских амбиций с одной лишь целью – взять реванш за прошлые исторические обиды.

Исследования в сфере империологии сегодня остро актуальны. В определении понятия *Империя* прослеживаются важнейшие репертуары смыслов Римской империи, которые, к тому же, изменялись или уточнялись под влиянием конкретно-исторических событий. В частности, М. Хардт и А. Негри, в совместном итало-американском исследовании (и не только они) предпринимают анализ того, как Римская империя «положила начало современному миропорядку»². Крупный российский историк В.И. Уколова на данном примере доказывает, что империя – не просто территория. Это целостная картина мира с аксиологическими, политико-правовыми, этно-психологическими, этнорелигиозными особенностями – иначе говоря, с комплексом собственных поведенческих стереотипов и ценностных установок. Причем в контексте данного исследования важно вслед за В.И. Уколовой констатировать, что «императорский Рим усовершенствовал систему взаимоотношения элит с империей»³. Таким образом, «Империя составляет смысл и пределы коммуникации элит», которые занимают

¹ С учетом теории поля К. Левина можно обосновать следующее: взаимодействие социумов в условиях незавершенных или прерванных действий неизбежно приводит к обострению межгосударственных отношений, что влечет за собой усиление международной напряженности. Взгляд на этот феномен с точки зрения коллективной психологии см.: *Канардов И.* Почему незавершенные действия запоминаются лучше, чем завершенные // *Ведомости*, 09.10.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2014/10/09/skazat-i-zabyt>. Если человеку не дать возможность закончить начатое дело, он не только будет эмоционально напряжен, но и запомнит последние детали задания, сохранив доступ к следам памяти, и незавершенное действие усилит намерение его завершить. В этно- и гештальтпсихологии: незавершенные исторические *партии* не могут быть «закрыты» – стремление их доиграть или переиграть становится неизбежным.

² См.: *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.

³ *Уколова В.И.* Империя: исторический опыт Рима // *Вестник МГИМО-Университета*. 2008. № 2 (2). С. 7.

в ее реальном, и условно-историческом пространстве «определенное место», выстраивая столь же определенную «политико-сценическую ситуацию»¹.

При этом распад любой империи – это болезненный, часто растянувшийся на века процесс, неизбежно оказывающий влияние на дальнейшее историческое развитие на данной территории, непредсказуемый и остро травматический, причем не только для самой империи, но и для ее соседей, что доказывает опыт Римской державы с ее пульсирующими границами². Но, как показало «черное двадцатилетие» в Италии первой половины XX столетия, уроки распада Римской империи оказались невыученными – и опыт формирования в межвоенный период Итальянской фашистской империи доказывает это. И, без всякого сомнения, травмы многовекового политического сепаратизма, потери независимости, а также незавершенные процессы Рисорджименто определили фантомные боли Королевства Италия.

Империю рассматриваемой эпохи важно воспринимать (в том числе с позиций семантики понятия в совершенно конкретном историческом дискурсе) как единоличную «власть» правителя (*Дуче Италии*³), его «неограниченные полномочия» на всех ее территориях, в том числе захваченных, а также неизбежное стремление к их расширению и военно-политическому господству в регионе или в мировом контексте. С позиций конфликтологии речь идет о создании тотального силового поля влияния⁴ с включением в него перекрестных силовых полей⁵.

Европейские империи XIX – начала XX вв. – а основным противником Италии в довоенный период была Австро-Венгрия – это

¹ Уколова В.И. Указ. соч. С. 7.

² Как подчеркивает В.И. Уколова, пульсирующие границы Империи проецируют сферы интересов за пределы римского лимеса пока есть ресурсы в самом широком значении этого слова (Там же. С. 4).

³ Фашистский лидер неслучайно обозначил себя *duce*. Это производное от латинского *dux* – *вождь*, причем правитель, вождь именно военного времени.

⁴ Так в конфликтологии именуют феномен формирования и расширения границ привилегированных интересов государства, требование их уважать, необходимость их отстаивать.

⁵ В общем смысле понятие «перекрестные силовые поля» означает наличие у государства спорных территорий, на которые имеют (или утверждают, что имеют) права другие государства.

продукт подъема Европы, экономического роста, нового этапа самоидентификации, где ключевым стало самовыражение Величия. Имперство создало на целые десятилетия асимметрию финансовых, экономических и военных сил в мире¹. Но в условиях столкновения старых и новых имперских амбиций лишь обозначавшихся на политической карте империй их геостратегию нелегко было приспособить к изменяющимся геополитическим реалиям, к иным представлениям о разумном политическом устройстве, к новым формам применения насилия как важнейшей составляющей империй. Если же принимать во внимание логику имперства, то с позиций аксиологии стоит учитывать воспринятую или насаждаемую повсеместно шкалу ценностей, о чем свидетельствовала вибрация границ большинства старых империй. Поэтому, возможно, самый важный итог имперства для доноров и реципиентов – то, что Р.Д. Коллингвуд назвал «коррупцией сознания».

Империя в Италии, провозглашенная 5 мая 1936 г., имела черты морской империи. И, кстати, именно историческая память о Великой Римской империи и о Средиземном море как *Mare nostrum* легла в основу исторической политики «черного двадцатилетия» Муссолини.

Опыт травмы в Италии в контексте итальянского ресентимента

Финальной точкой Рисорджименто в Италии стал сентябрь 1870 г., а с начала 1880-х гг. внешнеполитическое ведомство уже четко определило геополитические интересы страны и сформировало внешнеполитическую стратегию. Это было связано прежде всего с фигурой Ф. Криспи, поклонником О. Бисмарка, ставшим во главе итальянского политикума и дипломатии. Лишь равнением на великого объединителя Германии можно объяснить странный альянс для Италии – участие в Тройственном Союзе (1882 г.) в содружестве с Австро-Венгрией.

На этом этапе геополитические интересы страны уже можно определить как лидерство в зоне Большого Средиземноморья с вклю-

¹ Гайдар Е.Т. Гибель Империи. М., 2006.

чением территорий, примыкающих к Восточному Средиземноморью – Балкан, Западной Азии, Северной Африки. Геополитические интересы формировавшейся итальянской империи, точки ее сборки стали специфическим итогом переваривания травматического прошлого, его фантомными болями¹. Этому явлению есть точное название: ресентимент².

Во многом эти фантомные боли были связаны с Австро-Венгрией. Тяжелейшей исторической травмой стала потеря независимости итальянскими государствами Севера, отчасти Центра, а также Юга Италии начиная с XVIII века. И особенно отчетливо получаемые от незатянувшихся ран фантомные боли проявились два века спустя – в фашистском режиме Муссолини.

Но народ, потерявший независимость, зачастую побеждает на ниве культуры, нацеленной на борьбу с поработителями и ставшей квинтэссенцией этой борьбы. Тем более это относится к итальянцам, подарившим Европе Гуманизм и Ренессанс. Таким средством борьбы стали произведения писателей и поэтов – В. Альфьери, А. Мандзони, Э. Де Амичиса и многих других – это вклад литераторов в борьбу за уважение к их этнокультурной и этнорелигиозной идентичности, тем более, что лингвистический маркер – важнейший гештальт идентичности народа³. Но особое внимание стоит обратить на Дж. Верди

¹ См.: *Гронно Б.* Указ. соч.

² Впервые данный термин, как и соответствующий феномен, был введен в оборот Ф. Ницше, который описывал им совокупность таких негативных эмоций, как злора, отчаяние, ненависть, социальная зависть, обида; но среди них особое место заняли «злопамятство и жажда мести». Ведущую роль в реализации ресентимента Ницше отводил униженным элементам общества, «вынашивающим идею о грядущем возмездии “господам”» (см.: *Ницше Ф.* К генеологии морали // *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 101). См. также: *Диденко П.И.* Ресентимент либеральной интеллигенции // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 7, Филос. 2012. № 3 (18). С. 79. Сходную с изложенной версию высказал видный российский историк, первый ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев, который увязывал усиление в социуме ресентимента как следствия травмы с имперским или постимперским синдромом (см.: *Афанасьев Ю.Н.* Речь на I Съезде народных депутатов СССР // *Agitclub.ru.* URL: <http://www.agitclub.ru/vyborny/gor89/sten/sten42.htm>). Это видение ресентимента Афанасьев развил в нескольких интервью в апреле-июне 2015 года.

³ Плеяда этих писателей внесла заметный вклад в формирование итальянского языка.

и его музыкальный вклад в борьбу итальянцев против австрийского доминирования начиная с оперы «Набукко» («Навуходоносор»), исполненной впервые в 1842 году¹.

После Третьей войны за независимость с Австрией (весна-лето 1866 г.) в Королевстве Италия оформляется движение ирредентистов (*Terre irredente*)², рожденное по итогам этой войны и распространившееся сначала в кругах интеллектуалов и деловых людей Триеста. С 70–80-х гг. XIX в. они начали предъявлять требования о возвращении якобы принадлежавших Италии *искони* территорий со значительным немецким (немецкоговорящим) или славянским населением, входивших в состав Австро-Венгрии – Истрии, Горицы, Триеста, Юлийской Краины³ и значительной части Далмации. Среди застрельщиков ирредентизма стоит особо отметить Ч. Баттисти, Г. Обердана, а также М. Имбриани, который в 1877 г. впервые употребил это название рожденного ими движения и, к слову, стал также сооснователем обществ Данте Алигьери и Латинской лиги в 1889 году⁴.

Итогом многовековой травмы политической раздробленности Италии и потери ею независимости стало воодушевление, с которым итальянцы шли навстречу Великой войне и ее популярность, особенно среди ирредентистов. Манифест футуристов – этот важнейший доку-

¹ Один из музыкальных эпизодов оперы – «хор евреев» (“Va’ Pensiero”) стал гимном Рисорджименто, а после 1848 г. еще и Королевства Сардиния. (“Mia patria sì bella e perduta / Oh, membranza sì cara e fatal / O t’ispiri il Signore un concerto / Che ne infonda al patire virtù” – «Моя Родина прекрасная пропала / Дорога, трагична память о тебе / О Господь, лишь Ты даешь нам доблесть / То страдание перенести» (перевод автора)). Эта песнь потерявших Родину изгнанников фактически стала первым гимном Италии, поскольку современный – “Fratelli d’Italia” был создан позднее в 1847 г. двадцатилетним студентом-мадзинистом Г. Мамели.

² Дословно: «Неосвобожденные земли».

³ Другие территории, на *исконной* принадлежности которых к Италии настаивали адепты итальянского ирредентизма, в частности, Трентино Альто Адидже и Венеция Джулия, остались в составе Австро-Венгрии.

⁴ Практически все они принимали участие в войнах за независимость, многие – в гарибальдийских походах. Италия вступила в Великую войну в мае 1915 г., поскольку по условиям Лондонского договора (апрель 1915 г.) стране были обещаны требуемые ею территории. Многие ирредентисты, будучи мобилизованными Австро-Венгерским командованием, перешли на сторону Италии в 1916 году. Участвовали они и в печально известной битве при Капоретто; многие погибли в сражениях Великой войны.

мент уже поглотившего европейцев модерна, написанный 9 февраля 1909 г. итальянским писателем и поэтом Ф.Т. Маринетти – это призыв к очищению, к беспредельному опьянению молодостью и к новой духовности через поклонение буре, brutальной силе и войне¹.

Множественные травмы – фантомные боли более чем полутора-вековой зависимости итальянцев от Австрии, болезненный опыт Рисорджименто², а также «проигранная победа»³ не оставляли Италию и после Великой войны и прихода фашистов к власти.

В первые два десятилетия XX в. в Италии четко просматриваются проявления когнитивного диссонанса итальянского «Я» в реконструкции и визуализации образа итальянцев с «Другими»: в имагологическом ключе «Свой» – «Чужой» второй компонент дихотомии – это *a priori* Враг. Ресентимент итальянцев четко проявился в коллективном бессознательном (в интерпретации К. Юнга) национальном компоненте, а также в уже упомянутом массовом кризисе идентичности как важнейшем следствии *Проигранной победы*. Ведь не случайно фашистская революция 1922–1926 гг. была определенно обозначена ее идеологами именно как Второе Рисорджименто.

Война в Триполи как органическая составляющая Балканских войн

К началу XX в. Королевство Италия преодолело многовековой сепаратизм, но не фантомные боли нанесенной им травмы, и стремилось к признанию европейскими державами своих привилегированных интересов по крайней мере в Восточном Средиземноморье.

Возможно, уже с 70–80-х гг. XIX в. и совершенно очевидно с начала 10-х гг. XX столетия во внешнеполитической стратегии Коро-

¹ *Маринетти Ф.Т.* Манифест футуризма. 1909 // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/marinetti_filippo/manifest_futurizma.html#0.

² Императрица Сиси была смертельно ранена итальянским анархистом Л. Луккени в Женеве в 1898 году.

³ Идея «Проигранной победы» (“*Vittoria vinta*”) нашла широчайшее отражение в итальянской историографии – написанные на эту тему тома могут заполнить хранилища многих библиотек. Термин получил столь же широкое распространение (см., в частности: *Gaeta F., Villani P.* Corso di Storia. Milano, 1991. P. 398–399.

левства Италии можно выявить тренд, в основе которого находились претензии на роль европейского лидера и на статус Великой державы. Так, в предвоенный период имперски настроенный истеблишмент Италии был нацелен на территории Сиятельной Порты на Балканах и в Северной Африке. Завершив формирование политических союзов, Италия стремилась к колониальным захватам указанных территорий. Однако после вторжения Франции в Тунис и Марокко имперские круги итальянского политикума стали усиливать влияние в Триполитании. Пульсирующие территории империи слабевших Оттоманов стали объектом экспансии Италии в Триполитанской войне 1911–1912 гг.¹ Значительная часть итальянской общественности рассматривала эти возможные приобретения как своеобразный предохранительный клапан, т.е. земли, куда можно будет оправлять избыточное население, что, с ее точки зрения, положило бы конец эмиграции итальянцев в Америку.

В целом итало-турецкую войну 1911–1912 гг. важно рассматривать в оптике участия Италии как государства, позиционирующего себя *уже* империей и одной из великих европейских держав, в разделе Сиятельной Порты на финальном этапе ее существования. Как справедливо отмечала известный российский историк-итальянист З.П. Яхимович, «в Италии уже накануне Первой мировой войны как на дрожжах росли идейно-политические течения, обосновывавшие необходимость активной внешней политики страны, отстаивания национальных интересов всеми средствами, включая наращивание военной и военно-морской мощи, колониальную экспансию и войну как инструмент политики»².

В 1911 г. страна отмечала знаменательную дату – 50-летие образования Королевства Италия. Именно в этом году имперские круги итальянского политикума предприняли попытку реализации своих притязаний на Триполи – стремления, становившегося все более

¹ Автор использует термин «Война в Триполи» (Триполитании), поскольку такая маркировка данной войны принята в итальянской (и турецкой) историографии; к тому же с исторической точки зрения она более корректна, чем «Ливийская война».

² Яхимович З.П. Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23). С. 112.

отчетливым после коронации в 1900 г. Виктора Эммануила III. В связи с резким увеличением ура-патриотических настроений во Флоренции состоялся Учредительный съезд итальянских националистов (1910 г.) и была образована «Националистическая ассоциация»¹. Под их напором правительство Джолитти было вынуждено поставить дипломатическую карту на Триполи и разыграть ее как козырную².

В связи с растущей популярностью установки на войну, многократно усиленной захватившей Италию – да и европейский мир в целом – модернистской парадигмой, имперски настроенная часть итальянских элит стремилась обозначить кампанию в Триполи как возвращение к средиземноморской политике античной Римской империи и к лидерству в *Mare nostrum*. К тому же некоторая часть политического движения католиков видела в ней новый крестовый поход против ислама.

После того, как Италия, которую более не устраивала ее аттестация «Малышки» (*Italietta*) или (что не менее обидно) «нации-пролетарки» во внутреннем и внешнем контуре, предприняла серьезные дипломатические усилия с целью обеспечения нейтральной позиции крупных европейских государств-*плутократий*, война стала на повестку дня³. И, как отмечает ряд итальянских историков, в отличие от прежних колониальных войн, экспедиция в Триполи вызвала

¹ Сначала националисты выступали лишь против слишком скромной роли, отведенной Италии великими державами. С 1910 г. ультранационалисты инициировали выпуск газеты «Голос» («*la Voce*») (см.: *Прокаччи Дж.* История итальянцев. М., 2012. С. 444).

² Накануне и в ходе войны в Триполи, в условиях ура-патриотического подъема, приобрела широкую популярность песня, где, среди прочего, содержались следующие строки: «*Sai dove s'annida / Più florido il suolo? / Sai dove sorrida più magico il Sol?*» («А знаешь ли, где почва / обильный урожай дает? / А знаешь ли, где Солнце нам светит круглый год?»). И далее: «*Benigno è il vento e dolce la stagion / Tripoli, terra incantata / Sarà italiana al rombo del cannon!*» («И добрый ветер дует, и сладкая пора / под грохот пушек итальянской / ты станешь, Триполи, волшебная земля!») (перевод автора). Текст песни см.: *Caocci A.* Conoscere per ça pire la storia. Milano, 1989. P. 219. Песни подобного содержания, в частности, «*Faccetta nera*» («*Чёрная мордашка*») распевали в 1935–1936 гг. итальянские солдаты в ходе Абиссинской войны (см.: *Прокаччи Дж.* Указ. соч, С. 490).

³ *Прокаччи Дж.* Указ. соч. С. 436, 444, 448; *Яхимович З.П.* Указ. соч. С. 112–113.

самую бурную реакцию: благодаря значительным пропагандистским усилиям сторонникам войны удалось поначалу спровоцировать шовинистический угар среди масс населения, и в определенном сегменте общества обозначился ультрапатриотический подъем¹. Но хотя Триполитанская война против Оттоманов, особенно на ее первом этапе, спровоцировала мощный всплеск имперских настроений, в том числе среди таких ярких представителей интеллектуальной элиты, как Г. Д'Аннунцио², очень скоро она, как до того Первая Абиссинская война 1895–1896 гг., стала восприниматься как крупнейшая имперская авантюра. Тем самым наносился удар по имиджу Дж. Джолитти и его *Либеральной эры*, включая политику прогрессивных реформ³.

В турецкой историографии война в Триполи, завершившаяся 20 октября 1912 г. подписанием договора в Уши⁴, вместе с последующими за ней Первой и Второй Балканскими войнами квалифицируются как «Балканская катастрофа», особенно в контексте заката Османской империи⁵. При поддержке других держав и с началом Первой Балканской войны Италия достигла серьезных успехов, захватив Триполитанию, Феццан и Киренаику в провинции Триполитания Османской империи⁶. Как отмечает турецкий историк С. Седируглу, «политическая карта Балкан также претерпела существенные изме-

¹ Итальянская историография Ливийской войны весьма обильна (о ней см., в частности: *Прокаччи Дж.* Указ. соч. С. 448–450; *Brancati A.* *Civiltà nei secoli.* Firenze, 1990. P. 340–342, 390–392).

² *Яхимович З.П.* Указ. соч. С. 113.

³ *Прокаччи Дж.* Указ. соч. С. 446–450; *Brancati A.* *Op. cit.* P. 327–335.

⁴ Острова Родос и Додеканес были оккупированы итальянскими войсками. Италия пообещала вернуть Додеканес Османской империи в соответствии с договором в Уши, подписанным после войны. Однако из-за договорной неопределенности острова оказались под временным управлением Италии. Турция отказалась от своих претензий на острова в соответствии со статьей 15 Лозаннского договора, подписанного летом 1923 года. После Второй мировой войны Додеканесские острова перешли Греции.

⁵ *Sediroğlu S.C.* I. Balkan savaşı'nın doğu harekât alanında Osmanlı şark Ordusu'nun harp tarihi bağlamında analizi // Bingöl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Yıl: 9. Cilt: 9. Sayı: 17. Bahar/Spring 2019. S. 2.

⁶ Эти территории позднее объединились, чтобы сформировать Ливийское государство. Однако накануне Второй мировой войны фашистская Италия не отказалась от своих претензий на данные территории, и военная кампания 1940 г. развернулась именно в Ливии, в Тобруке.

нения; мало того, Балканская катастрофа в результате подготовила почву для Первой мировой войны»¹.

Стремясь к лидерству в Восточном Средиземноморье, Италия начала проникновение на Запад Балканского полуострова – в Албанию и Черногорию, добившись подписания соглашений об открытии радиотелеграфных станций, строительстве железных дорог и т.д. Этим успехам в немалой степени способствовал брачный союз короля Виктора Эммануила III с черногорской принцессой Еленой, принявшей для заключения брачного союза католичество. Были также поставлены задачи усиления влияния Италии на Балканах в целом. Пределы экспансии были обозначены лишь противодействием Австро-Венгрии, чье правительство ссылалось на ст. XXIX Берлинского трактата 1878 г, а также Сиятельной Порты, указывавших на уважение к статьям XV и XVII того же трактата, которые закрепляли влияние Оттоманов в Восточной Румелии и ее право защиты военно-морских рубежей². Но и после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. итальянское правительство вело политико-дипломатическую игру против Империи. Когда в ходе Первой Балканской войны Черногория выдвинула претензии на албанский Шкодер, итальянская дипломатия не решилась на конфронтацию с Австрией и не поддержала Черногорию. Тем не менее с весны 1913 г. были предприняты попытки создания итальянской и австрийской зон в Албании.

В начале Великой войны центральная власть в Албании утратила контроль над страной, и в декабре 1914 г. официально нейтральная Италия оккупировала Влёру.

Имперский опыт фашистской Италии

Италия вступила в войну в мае 1915 г., рассчитывая получить по ее итогам новые весьма значительные территории, обещанные ей в апреле 1915 г. Лондонским договором. Итальянский историк Дж. Кароччи справедливо отмечает, что несмотря на позицию большинства парламента (так же как и значимого сегмента общества), вы-

¹ *Sediroğlu S.C.* Op. cit.

² Берлинский Трактат. Берлин, 1–13 июля 1878 г. // Исторический факультет МГУ. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/berlin.htm>.

ступившего против участия страны в войне, все же две силы сумели переломить общественное мнение. Во-первых, исследователь указывает на роль ирредентистов в принятии данного решения, т.е. на необходимость «такого справедливого и демократического освобождения неосвобожденных земель, чтобы весь мир оценил значимость этой победы»¹. И, во-вторых, историк отмечает имперский настрой значительной части итальянского общества – стремление доказать в ходе Великой войны статус Италии как восходящей великой державы².

Итогом войны стало перемещение 356 тыс. итальянцев, бывших до ее начала подданными Австро-Венгерской империи, на территории Италии, *освобожденные* после окончания войны и распада Австро-Венгрии (проходившее параллельно с миграцией почти 500 тыс. хорватов и словенцев)³. Однако и прямые потери Италии в войне составляли внушительную цифру – 680 тыс. погибших и более 1,5 млн. раненых и калек⁴. Территориальные (и людские) приобретения и человеческие потери стали материальным итогом завершения процесса Рисорджименто – а именно так позиционировалась победа в войне – и подтверждения статуса Великой державы.

Уже в ходе войны и особенно после ее окончания не только итальянские ирредентисты, но значимая (возможно, бóльшая) часть бывших фронтовиков стали сторонниками интервенционизма и, отражая усилившийся имперский синдром значительной части политикума и населения страны, приняли в сентябре 1919 г. участие в походе на Фиуме, а затем многие из них поддержали наступавший фашизм⁵.

Так уже новые травмы – ставший еще одним итогом Великой войны синдром понапрасну пролитой крови, трагедия Капоретто⁶, боль от «искалеченной, ампутированной победы», положение

¹ Carocci G. Storia del fascismo. Roma, 1996. P. 10.

² Ibid. P. 9–10.

³ См.: Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М., 2016. С. 79.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Показательно, что одним из первых торжественно обставленных визитов Б. Муссолини в «его колониальные владения» на этапе консолидации режима стал визит в Триполи 7 апреля 1925 г., что должно было продемонстрировать «возвращение Италии в Африку» (см.: Santarelli E. Storia del fascismo. V. 2. Roma, 1967. P. 68–69).

⁶ Слово «Капоретто» – одного из самых страшных поражений Италии в ходе

«победительницы-инвалида», – все это послужило триггером для начала в стране процессов системного кризиса, кризиса сознания итальянцев: более того, спровоцировало массовый кризис идентичности как наиболее явное проявление *Проигранной* победы. Война снизила планку уважения к человеческой жизни до нулевой или даже отрицательной отметки, внося (как любая война) определенные уточнения в шкалу ценностей населения, что отразилось на нравственном состоянии общества, порождая девиантное поведение и аномию внутри страны и во внешней политике. Чувство обиды, (нашедшее позднее отчетливое выражение в «дипломатии обид»), ресентимент, жажда Империи, тоска по утраченному усилили травмированность общества – логика недоигранного, неудовлетворенного, *униженного* имперства дала свои первые плоды, спровоцировав рождение, затем консолидацию фашистского государства, провозгласившего себя новой версией Римской Империи.

Нельзя не остановиться и на таком важном проявлении послевоенной эпохи в Италии (и не только в этой стране), как так называемое фронтовое братство¹. В страшной реальности бесконечной войны это «братство» помогало солдатам не только пережить ее ужасы, постоянную угрозу смерти, но и давало надежды на поддержку, на чувство плеча. Сегодня психологи определяют эти ощущения как *бондинг* – чувство единения людей на основе создания более тесных связей, мостов человеческой поддержки и солидарности, доверия, взаимовыручки, ощущение единства на уровне общих ценностей и переживаний². С другой стороны, фронтовое братство в послевоенной реальности

Великой войны (24 октября – декабрь 1917 г.) – почти немедленно приобрело политический смысл и пополнило политический лексикон, иносказательно обозначая с тех пор политическое фиаско какой-либо партии или политика (*Brancati A. Op. cit. P. 398–390*).

¹ Об «эффekte окопов» практически почти нет специальных работ. Упоминание о нем см.: *Carocci G. Op. cit. P. 12*. Отдельные аллюзии на ощущения воинов, находящихся в траншеях см.: *Brancati A. Op. cit. P. 375*.

² См.: *Аузан А.А.* Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М., 2021. С. 14–18; *Беттельхейм Б.* Просвещенное сердце. Автономия личности в тоталитарном обществе. М., 2021. С. 13–15; *Он же.* О психологической привлекательности тоталитаризма // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/quote/97793-o-psihologicheskoy-privlekatelnosti-totalitarizma-bruno-bettelhejm>.

и реакция на «горькие радости индивидуализма» стало своеобразной лакмусовой бумажкой, проявившей системный кризис либерального государства в Италии и его аксиологической модели.

Все эти новые тенденции послевоенной эпохи не могли не способствовать росту популярности фашистских идей и особенно комплекса популистских методов манипулирования населением, о котором речь пойдет ниже.

Показательно, что Э. Сорель, к которому постоянно апеллировал «дуче» итальянских фашистов, еще в 1898 г. отмечал: «Война идеально подходит странам с размягченными умами, с утратой чувства расы... сплачивает общественные силы, порождает движение вперед¹. Националисты-интервенционисты увидели уже в 1914 г. в участии в войне возможности утверждения великодержавности, завоевания новых территорий². Между тем либералы еще до Великой войны явно проигрывали им по очкам в этой партии: все более ожесточенной критике подвергались Д. Джолитти, С. Соннино, А. Саландра. А после окончания военных действий все отчетливее обозначилось стремление к отказу от «мнимых добродетелей демократии», от «омерзительного настоящего» – так намечался путь прямо в фашистское «светлое будущее»³.

В итальянской исторической литературе распространено утверждение, что по итогам Сен-Жерменского соглашения, подписанного 10 сентября 1919 г., Италия получила не столь мало новых территорий⁴, как это было немедленно озвучено не только на уровне про-

¹ Цит. по: *Villari R. Storia contemporanea. Roma, 1990. P. 350.*

² Цит. по: *Зонова Т.В. Указ. соч. С. 65.*

³ Там же. С. 86.

⁴ *Прокаччи Дж. Указ. соч.; Carocci G. Op. cit.* Исследователи делают этот вывод со ссылкой на систему договоров 1919–1920 и 1925–1926 гг., в первую очередь, на основании договора в Локарно, подписанного в октябре 1925 г., в соответствии с которым Италия стала одним из гарантов Рейнского пакта. По Сен-Жерменскому договору Италия получила следующие территории: большую часть Южного Тироля – Альто Адидже (Больцано, курорт Кортина д'Ампеццо; Тренто и провинция; бывшие графства Герц и Градиска); полуостров Истрия с островом Керсо; небольшие части Каринтии (Травизано). Правда, неприятным исключением для Италии стала Далмация и особенно Фьюме (Риека), а также Додеканесские острова. Итогом отказа союзников в передаче Италии этих территорий стал печально известный «Поход на Фиуме», предпринятый в основном бывшими фрон-

пагандистских штампов. К тому же престиж Италии в европейской и мировой политике значительно вырос после того, как страна в 1920 г. стала постоянным членом Совета Лиги Наций, тем более, что в условиях Версальской системы принцип баланса сил заменялся принципом коллективной ответственности и борьбы за создание системы коллективной безопасности, причем прежде всего посредством деятельности все той же Лиги Наций.

Правда, претензиям Италии на территории Албании, а также части бывшей Австро-Венгерской империи, обещанные ей в апреле 1915 г. по Лондонскому договору, не суждено было сбыться. Но главное, она все же не сумела реализовать свою цель – преобладание в Средиземноморье – во многом в силу того, что начиная с Парижской мирной конференции «большая тройка» (Англия, Франция и США) отнюдь не воспринимала Королевство Италия как великую державу.

Антиверсальские настроения итальянцев хорошо заметны уже в фашистской «Программе Сан-Сеполькро», принятой после знаменитой манифестации на площади с одноименным названием 23 марта 1919 года. Однако эта программа была предложена скорее как вариант политического курса достаточно широкого реформирования социальной и политической сферы и включала такие лозунги, как всеобщее избирательное право для всех, в том числе для женщин, с 18 лет (что тогда едва ли представлялось возможным в католической стране, тем более, в Италии); предоставление 8-часового рабочего дня и гарантированного минимума заработной платы; реформа парламента (с упразднением Сената), ликвидация военных прибылей и т.п.¹ По сути эта программа представляла собой образец популистской эклектики, поскольку в ней содержались лишь самые наболевшие (или наиболее насущные) требования. Но, пожалуй, ее един-

товиками во главе с писателем и поэтом-декадентом Г. Д'Аннунцио. Кроме того, так называемые Великие державы – Великобритания и Франция – отнюдь не были заинтересованы в участии «нации-пролетарки» в разделе Османской империи на основе мандатной системы, и в итоге Италия не получила мандаты на территории распавшихся Оттоманской и Германской империи. Это порождало в Италии требования пересмотра мандатной системы и переселения ее избыточного населения на новые территории.

¹ Il Programma fascista del 1919 // *Villari R.* Op. cit. P. 511–513.

ственно реально востребованным положением стала возможность ревизии Версальской системы вследствие «Великой революционной войны», которую итальянцы должны были инициировать, в том числе на международной арене, под руководством «Итальянских Боевых Отрядов» – *Fasci italiani di combattimento*.

Эти отряды фашистов стали логичным итогом массового кризиса идентичности, раскручивания образа врага – внутреннего и внешнего – и имперской логики, а также результатом складывания нового коллективного «Я» (Вождя-Государства-массы) части итальянского населения. Столь быстрая идентификация образа фашистского «Я» в подобной формуле свидетельствовала, помимо прочего, о системном кризисе итальянского либерального государства¹. Как справедливо подчеркивала З.П. Яхимович, «наличие в Италии влиятельного конгломерата космополитически и интернационалистски ориентированных католических и социалистических сил, нередко отдававших дань анти- и апатриотическим, антимилитаристским и пацифистским воззрениям, ... являлось своего рода реакцией на неспособность правящих кругов консолидировать итальянскую нацию, приобщив к ней широкие массы»². Правда, в первые послевоенные годы подобные задачи едва ли представлялось возможным реализовать с участием Либеральной партии и ее возможных союзов практически при любом раскладе – столь глубоким оказался системный кризис в стране, выразившийся в массовом кризисе идентичности итальянцев.

После наступления своей «второй волны»³ фашизм нанес окончательный удар по либеральному государству и праву, гуманизму и пацифизму, противопоставив им культ силы и «Величия»⁴. Так все более отточенные формы стала принимать пропаганда, направленная на создание «Великой империи»: согласно логическим конструктам Муссолини и его соратников, империализм и имперская логика – это

¹ См., в частности: *Лонухов Б.П.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 180; *Gaeta F., Villani P.* Op. cit. P. 411–413.

² *Яхимович З.П.* Указ. соч. С. 112.

³ *Прокаччи Дж.* Указ. соч. С. 447.

⁴ На это справедливо обращала внимание З.П. Яхимович (см.: *Яхимович З.П.* Указ. соч. С. 118).

«вечный и неизменный закон жизни, в *каждом* народе олицетворяющий волю к экспансии»¹.

В риторике фашистских иерархов обращает на себя внимание очевидный популизм, особенно такие пассажи, как «кризис капиталистической цивилизации» и, соответственно, борьба против старых *плутократий*, за создание *новой* Европы, нового европейского порядка, при котором на смену междоусобной разрушительной борьбе придет солидарность. Населению внушалось, что лишь фашизм – спасение населения от тлетворного влияния коммунистических идей, декларируемых Советской Россией, с одной стороны, и имперского курса США, с другой. Воинствующий антикоммунизм, ненависть к либерализму, имперская логика – все это лежало в подоплеке действий итальянских фашистов. В идеологии и, соответственно, в пропаганде фашистского движения еще до его утверждения у власти озвучивались идеи создания «новой цивилизации», которая ликвидирует старые «плутократии» Европы, в особенности, англосаксонскую модель, а следовательно, уничтожит «*бубонную чуму*», т.е. парламент и многопартийную систему как детища либерализма, с одной стороны, а также «советский коминтерновский большевизм» – с другой. Таким образом, фашистские иерархи по сути стремились к созданию альтернативы в виде *третьего пути*, по которому должно следовать новое государство. Для достижения этой цели в пропаганде обозначился новый дискурс, новые риторические приемы и догматические положения, новые ценностные ориентиры.

С момента прихода к власти Муссолини и его соратники призвали к реализации масштабных внешнеполитических проектов – расширению границ через использование возможностей ревизии Версаля, через усиление влияния фашистского государства в зоне Дуная, на Балканах, в европейской политике в целом, в Средиземноморье, в Северной Африке².

¹ Зонова Т.В. Указ. соч. С. 85.

² Претензии на Итальянское озеро – “Mare nostrum” – и на господство по его периметру просматриваются уже в речи Муссолини в сентябре 1920 года. Отсюда вытекали призывы к наращиванию военного потенциала. «Военный флот – лучший инструмент внешней политики» (Зонова Т.В. Указ. соч. С. 85). А после прихода фашистов к власти греческий остров Корфу был подвергнут в августе 1923 г. массовой бомбардировке. Кроме того, фашистское правительство стало

Однако ни идеологические, ни пропагандистские штампы сами по себе не воздействовали на *массы* так, как самое изощренное манипулирование их сознанием путем внедрения в него величественных мифов. Фабрикуемые фашизмом мифы уводили население прочь от обыденности, от травм прошлого, в мир мечты о национальном Величии. Запуская процессы ритуального мышления, фашистские пропагандисты обращались не к рассудку, а к самым примитивным инстинктам, воздействовали на эмоции толпы, использовали определенные знаки и символы, зрелищные эффекты, упрощенный дискурс и понятный каждому язык. Фашистские приветствия были специально продуманы для того, чтобы, во-первых, навести мосты взаимосвязи, солидарности, единения на уровне сконструированной шкалы новых ценностей, а во-вторых, чтобы легче идентифицировать свое «Я» и «Своего», а также опознать «Другого» – «Чужого», т.е. врага, в первую очередь «тех, кто все еще цепляется за устаревшие “демократические” формы приветствия»¹.

В период «Черного Двадцатилетия» идеология, пропаганда, СМИ, социальная политика фашистского правительства – все силы были брошены на обработку сознания населения, на поощрение культа силы и мизогинию, на воспитание ультра-патриотических чувств у всех итальянцев, но особенно – у подрастающего поколения². Репрезентация образа итальянского «Я» в отношении «Другого» демонстрировала превосходство итальянцев-«римлян» над другими европейцами, и доводила до абсурдного абсолюта высказанную

обосновывать историческое право итальянцев на Тунис на том основании, что в период Римской Империи эти территории были провинциями Римской Империи; к тому же на них проживает значительное количество итальянцев (больше, чем французов). Наконец, в январе 1924 г. в Риме был подписан договор с Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС), на основании которого Фиуме стал итальянским, а периферия с небольшими городами Сушак и Баррос отходила к КСХС. Несмотря на то, что данный договор стал уже не первой ревизией Версальской системы, он был обставлен максимально торжественно (включая помпезный визит короля Виктора Эммануила). Затем (в 1925–1926 гг.) происходит постепенное внедрение в Албанию с целью её поэтапного превращения в итальянский протекторат.

¹ *Беттельхейм Б.* Просвещенное сердце. С. 15; См. также: *Он же.* О психологической привлекательности тоталитаризма.

² *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 22–24.

в «Доктрине фашизма» (1932 г.) и в других менее значимых сочинениях идею национальной исключительности и противопоставления себя всей остальной Европе¹.

Поскольку молодёжь объявлялась главным мотором продвижения фашистских ценностей, итальянцам с младых ногтей внушалось, что они особые, не такие, как все остальные европейцы: их вскормила непосредственно Римская волчица. А с девяти лет дети вступали в организацию «Балилла», затем в «Балилла-мушкетеры», названные по прозвищу маленького итальянского патриота Балилла, бросившего в декабре 1746 г. камень в австрийского солдата и давшего тем самым толчок к освободительному восстанию². Как утверждали Э. Коррадини и Л. Федерцони, при фашизме война необходима, поскольку лишь она может закалить народ, заставить его вновь войти в те же незримые пределы, в которых некогда царствовал (но затем угас) воинственный дух римлян с тем, чтобы отвоевать принадлежавшее им по праву пространство.

Важно подчеркнуть, что в начале Итало-Абиссинской войны массовая поддержка итальянского фашизма и самой этой агрессии была довольно значительной. Усиленная пропагандистская шумиха, обновленные риторические штампы, яркий дискурс в связи с торжественным провозглашением Итальянской фашистской империи в знаменитой речи «дуче» на Пьяцца Венеция 5 мая 1936 г., которая зиждилась на идее «нашего мира, римского мира»³, – все это спровоцировало наступление новой волны патриотического угара среди населения.

Проблему народной поддержки фашистского режима поставил в центр своего исследования известный российский историк

¹ «Мы – особые! Мы произошли от Римской волчицы! Мы – наследники Римской Империи». Так фактически формировался образ коллективного итальянского «Я» в отношении всякого «Другого» (европейцев); именно он стал образцом противопоставления себя остальной Европе сначала (до утверждения немецкого «Третьего рейха») в одиночку, затем – совместно с нацистской Германией.

² «Дети волчицы» – так называлась детская организация, куда вступали дети с пяти лет. Об организации «Балилла» см.: *Белуосов Л.С.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993. С. 149–154; *Он же.* Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 117–119, 149–153, 153–161; *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 24–25.

³ *Salvatorelli L., Mira G.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962. P. 841.

Л.С. Белоусов в монографии «Режим Муссолини и массы», где предпринял глубокий анализ причин его принятия или непринятия итальянцами. Однако хотелось бы обратить особенное внимание и на то, что с позиций психологии (индивидуальной и коллективной) проблема согласия населения с подобным режимом может быть объяснена констатацией Б. Беттельхейма, согласно которой в фашистском государстве «сохранять... самоуважение и вместе с тем жить во внутреннем противодействии системе невозможно»¹. Эту тему по-своему развил крупнейший итальянский писатель А. Моравиа, который провел в романе «Конформист» по сути уникальное исследование итальянского фашизма, сравнив режим с электрической цепью, по которой проходит ток высокого напряжения: «...Он чувствовал себя проводом высокого напряжения, по которому непрерывно текла энергия страшной силы, ... наполняя его большой жизненной мощью, но иногда... напряжение казалось непереносимым... и поток не переставал ни на минуту струиться сквозь него»².

Заключение

Возрождение Римской империи было поставлено на повестку дня в первые годы после утверждения во власти итальянских фашистов, стремившихся создать новую версию этой некогда великой античной империи. И отнюдь не случайно фашистская Италия Муссолини позднее недвусмысленно назвала Средиземное море *Итальянским озером*.

Отдельные симптомы снижения ультра-патриотической вакханалии в итальянском обществе стали проявляться лишь после окончания Итало-Абиссинской войны 1935–1936 гг. (прежде всего среди ее участников), хотя в ходе ее подготовки новый ура-патриотический подъем привел к небывалой поддержке режима³. Как уже было отмечено, в мае 1936 г. по итогам этой агрессии фашистская Италия провозгласила себя Империей. Но победа над неизмеримо более слабым

¹ Беттельхейм Б. Просвещенное сердце. С. 14–15; *Он же*. О психологической привлекательности тоталитаризма.

² Моравиа А. Конформист. СПб., М., 2004. С. 228.

³ Gaeta F., Villani P. Op. cit. p. 428; Прокаччи Дж. Указ. соч. С. 489–490.

в военном технологическом, экономическом и социально-политическом отношении противником досталась ей слишком дорогой ценой и не достигла ожидаемого эффекта. Да и этот помпезно отпразднованный триумф оказался эфемерным – в конечном счете ход истории перечеркнул первоначальные победы итальянского фашизма и привел его в 1945 г. к закономерному краху.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ ДЛЯ МАЛЫХ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война по своим масштабам и историческим последствиям не имела себе равных в предшествовавшей истории человечества. Когда в 2014 г. вся Европа отмечала 100-летие начала Великой войны, наиболее масштабные и торжественные мероприятия проводились в Бельгии, во Фландрии, где проходили самые кровопролитные бои времен Первой мировой войны. Здесь на полях сражений погибло 600 тыс. солдат. Именно под бельгийским городом Ипром впервые в истории было применено химическое оружие. В память об этих трагических событиях данный отравляющий газ был назван ипритом.

В годы Первой мировой войны, в отличие от Второй мировой, в Западной Европе развернулись продолжительные, ожесточенные и кровопролитные боевые действия. Среди малых западноевропейских государств лишь Нидерландам удалось сохранить свой нейтралитет. В Бельгии и Люксембурге на долгое время был установлен тяжелый для населения и обременительный для экономики страны оккупационный режим, что сказалось на послевоенном социально-экономическом развитии и на политической линии малых стран Западной Европы в годы Второй мировой войны.

В историографии Первой мировой войны европейскими историками А. Простом и Ж. Винтером выделяется четыре этапа. Первый из них начинается еще в 1915 г. (именно тогда появляются первые работы о войне) и охватывает период между двумя мировыми войнами¹. Для первого этапа был характерен интерес исключительно к проблемам военной и дипломатической истории. Второй период исто-

¹ *Becker J.-J. L'Évolution de l'historiographie de la Première Guerre mondiale // Revue historique des armées. 2006. Vol. 242: 1916. Les grandes batailles et la fin de la guerre européenne.*

риографии Великой войны начинается после 1945 г. и заканчивается в 1980-х гг.¹ В эти годы в исторических исследованиях на первый план выдвигаются социальные аспекты войны и ее последствий². Третий период (80–90-е гг. XX в.) отличался тем, что историки основное внимание стали уделять культурному измерению событий Первой мировой³. С начала XXI в. обозначился четвертый этап в историографии, когда главной темой научных изысканий стала транснациональная история войны⁴.

По мере развития научных исследований Первой мировой войны складывалась и традиция изучения особенностей военных действий на территории малых стран Западной Европы и их оккупации, влияния итогов войны на последующее развитие соответствующих государств. Например, проблемами мировых войн занимается созданный под патронажем Европейского Союза Центр изучения современной истории в Люксембурге. Под руководством одного из ведущих люксембургских историков, автора нескольких солидных монографий по истории Люксембурга Ж. Трауша группа профессоров современной истории при Евросоюзе опубликовала в 2005 г. исследование «Роль и место малых стран Европы в Евросоюзе»⁵. Можно также отметить ряд работ, посвященных процессам, происходившим в тяжелой промышленности Бельгии в период между двумя мировыми войнами. Среди них выделяется глубокое исследование Э. Буссьера из Института политических исследований в Париже – «Бельгийская металлургия в

¹ *Jauffret J.-Ch.* La Grande Guerre 1914–1918. 80 ans d'historiographie et de representation // Colloquem international de Montpellier (20–21 novembre 1998) / Et Maurin J. Universite de Montpellier III. 2002.

² *Chatriot A.* Une véritable encyclopédie économique et sociale de la guerre. Les séries de la Dotation Carnegie pour la Paix Internationale (1910–1940) // L'Atelier du Centre de recherches historiques. 2009. No. 03.1

³ *Nübel Ch.* Neue Forschungen zur Kultur- und Sozialgeschichte des Ersten Weltkriegs. Themen, Tendenzen, Perspektiven // H-Soz-Kult. 08.07.2011. URL: <http://www.hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/forum/2011-06-001>.

⁴ *Winter J.* L'histoire de la Premier Guerre mondiale: le moment transnational // Winter. 2013.

⁵ Le role et la place des petits pays en Europe au XX siècle (sous la direction de Gilbert Trausch) // Publication du groupe de liaison des professeurs d'histoire contemporaine aupres de Communautés europeennes. Baden-Baden – Bruylant – Bruxelles, 2005. Vol. 6.

период между двумя мировыми войнами: на примере Угре-Мариэ». Автор этого труда приходит к выводу, что к концу межвоенного периода на фоне стабилизации бельгийского франка и нормализации ситуации в тяжелой индустрии страны прошла стабилизация банковской системы, а также внутренней и внешней торговли Бельгии¹.

* * *

К началу Первой мировой войны Бельгия находилась в довольно сложном военно-политическом положении. Руководство страны, строго соблюдавшей нейтралитет, еще не приняло решение о том, какой план военных действий ей избрать. Поэтому бельгийская мобилизация не была направлена против определенного противника, она проводилась без развертывания войск. Бельгия, обязавшись, как и страны-гаранты, придерживаться нейтралитета, не могла проводить каких-либо явных военных мероприятий, если ее безопасности никто не угрожал. После окончания мобилизации в Бельгии ее полевые войска насчитывали 117 000 человек и 312 орудий, в резервных частях и гарнизонах крепостей имелось еще 175 000 военнослужащих (общая численность бельгийских вооруженных сил на момент окончания мобилизации – 375 000 человек). Бельгийская армия состояла из 6 пехотных и одной кавалерийской дивизии. Ее ставка находилась в Брюсселе, главнокомандующим был король Альберт I, а начальником генерального штаба – генерал Селлье де Моранвиль.

4 августа 1914 г. в 6:00 Германия объявила Бельгии войну, германские войска (25 000 пехотинцев, 8 000 кавалеристов и 124 орудия) перешли границу Бельгии и двинулись к крепости Льеж, которая прикрывала переправы через реку Маас². Малочисленная бельгийская армия пыталась оказать сопротивление далеко превосходящему ее по силе врагу, но была вынуждена постоянно отступать. Бельгийские крепости задержали на некоторое время наступление врага. Штур-

¹ Bussiere E. La siderurgie belge durant l'entre deux guerres: le cas d'Ougree-Marihaye (1919–1939) // Revue Belge de l'histoire contemporaine. 1984. XV. 3–4. P. 303–380.

² Намазова А.С. Бельгия: эволюция государственности в XVII–XIX веках. М., 2008. С. 294.

мом Льежа 4 августа началась первая битва войны. Сооруженный на холме, подымавшемся на крутом берегу Мааса, окруженный рекой (ширина которой доходила здесь до 200 метров) этот город вместе с 50-километровой цепью фортов считался в Европе наиболее грозным оборонительным рубежом. Вдоль бельгийских и французских границ сконцентрировались германские армии численностью полтора миллиона человек. Взятие Льежа решало для немцев все, поэтому захват города превратился для них в задачу первостепенной важности. Только к 16 августа, после ожесточенных и кровопролитных сражений, немцы захватили все двенадцать укрепленных фортов Льежской крепости. После падения последнего форта, 2-я и 3-я германские армии перешли в наступление. Немецкие войска 1-ой армии генерала Клюка вторглись в Бельгию, перейдя государственную границу в районе деревни Геммених. Бельгийская армия была вынуждена принять участие в войне на стороне Антанты. Льеж задержал движение германских войск на несколько дней, что дало союзникам передышку. Антверпен продержался до 7 октября, к этому времени уже почти вся Бельгия оказалась в руках врага. Соединившись с английскими и французскими войсками, остатки бельгийской армии удерживали за собой до конца войны лишь ничтожный клочок бельгийской территории, закрепившись на линии р. Изер. Бельгийское правительство эвакуировалось во Францию, а золото было вывезено в Англию. Из 2636 населенных пунктов Бельгии лишь около 50 не были оккупированы немцами¹. Отчаянное сопротивление бельгийцев германским войскам заставило немцев оставить здесь дивизии, которые могли бы очень пригодиться Германии на Марне, что, возможно, повлияло на общий исход Первой мировой войны.

* * *

Занятие Бельгии германскими войсками сопровождалось жестокой расправой над мирным населением и разрушением ряда бельгийских населенных пунктов: расстрелы оказавших сопротив-

¹ Милицина Т. Бельгия под ярмом немецких оккупантов (1914–1918) // Исторический журнал. 1941. № 10–11.

ление, захват заложников, поджоги домов¹. Фальшивыми предложениями для жестокой расправы над мирным населением стало то, что не принадлежавшие к регулярной армии бельгийцы (так называемые «вольные стрелки») якобы стреляли из-за угла в немецких солдат. Пережившие ужасы вторжения германских войск в бельгийские города вспоминали, что овладев городом, немецкие солдаты захватывали продовольствие и вино, затем пьяные бродили по улицам, и как только раздавался крик «кто-то стрелял!» – начинали беспорядочную стрельбу и расправу с мирным населением (мужчины избивались, женщины и дети запирались в каком-нибудь помещении, многие высылались в Германию). Такие города и местечки как Лувен, Эрсхот, Тамин, Анденн, Динан и Термонд подверглись полному разгрому². Немецкие войска разгромили город Эрсхот под предлогом того, что сын мэра, подросток 16 лет, убил немецкого генерала. Часть горожан подверглись расстрелу, город был подожжен и разграблен, его большая часть разрушена, городской архив вывезен. Один из старинных бельгийских городов, Лувен, германская армия подвергла бомбардировке и подожгла, якобы в наказание за стрельбу жителей в немецких солдат. В огне погибли Лувенский собор, университетская библиотека и городской театр. Часть Лувена и его пригородов были разрушены, улицы были устланы трупами. Немцы врывались в дома, выгоняли жителей, подвергали их жилища полному разгрому. Только в Лувене было сожжено около 900 домов³. Город Термонд дважды подвергался бомбардировкам; а уцелевшая часть была подожжена. Сильно пострадали два района на юге провинции Люксембург, где в общей сложности сгорело около 3 тыс. домов, и было расстреляно свыше тысячи жителей. В главном городе провинции Намюр сгорела ратуша, в которой хранились архивы и ценные произведения искусства. В городе Левен была сожжена средневековая библиотека

¹ Селиверстов Д.М. Влияние прессы на формирование образа врага в августе – декабре 1914 года. Начало «немецких зверств» в Бельгии // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 1. С. 104.

² Милицина Т. Указ. соч.

³ Там же; Ефимова Е.А., Захаров А.В. Правила и методы ведения войны: социально-нравственный аспект (на материалах Первой мировой войны) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4(53). С. 139.

с 300 000 старинных рукописных и печатных книг. В местечке Тамин от поджогов пострадало 264 дома, погибло свыше 650 жителей (всего здесь проживало менее 6 тыс. человек). Из 1400 домов в Динане уцелело 200, около 700 жителей лишились жизни¹. Германскими войсками были разрушены сотни бельгийских деревень², лишённые крова их жители пополнили насчитывавшую до полутора миллиона человек армию бельгийских беженцев (20 % предвоенного населения)³.

Германия ввела особый аппарат управления оккупированной Бельгией. 2 сентября генерал фон дер Гольц объявил бельгийскому населению, что волей германского императора он назначен генерал-губернатором Бельгии, а также пообещал беспощадно подавлять всякий враждебный акт по отношению к германской армии. У генерал-губернатора были неограниченные полномочия, его власть носила военный характер, и он нес ответственность только перед германским императором. Гольц занимал этот пост с сентября по декабрь 1914 г., генерал фон Биссинг – с декабря 1914 г. по апрель 1917 г., последним генерал-губернатором был генерал фон Фалькенгаузен. Генерал-губернаторство занимало лишь одну из трех зон в Бельгии (две оставшиеся – область военных действий и зона этапов), здесь на местах частично сохранились бельгийские власти, однако их роль сводилась к выполнению приказов оккупационных властей. Местные администрации должны были обеспечить беспрекословное подчинение населения всем распоряжениям германских властей, своевременную и полную уплату возложенных немцами на бельгийцев контрибуций и штрафов. Проявлявшие некоторую самостоятельность бельгийские должностные лица, как мэр Брюсселя А. Макс, снимались со своих постов и высылались в Германию. Германские оккупационные власти не считались ни с местными законами, ни с традициями, ни с властями⁴. Бельгийские суды были замещены немецкими, все дела велись на немецком языке⁵.

¹ Милицина Т. Указ. соч.

² Селиверстов Д.М. Указ. соч.

³ *Перевезенцев А.Л.* Инженер, ставший дипломатом: деятельность Герберта Гувера во главе комиссии помощи Бельгии в 1914–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 92.

⁴ *Hasquin H.* La Wallonie. le Pays et les Hommes: Histoire. Economie. Sociétés. Bruxelles, 1976. Т. 2. Р. 296–297.

⁵ Милицина Т. Указ. соч.

Германское военно-политическое руководство рассматривало Бельгию как свою военную добычу, которую можно безнаказанно грабить и разорять. Немцы стремились выкачать из завоеванной страны все, что могло бы помочь победе Германии над Францией и Англией, после чего Бельгии предстояло стать новой германской провинцией¹. В книге «Германское управление в Бельгии» задачи германской оккупации страны определялись следующим образом: «Интересы нашего войска и нашей родины стоят вообще на первом плане в деле управления оккупированной страной, и им должны служить хозяйственные и всякие другие силы и учреждения Бельгии»². Грабеж захваченного бельгийского государства осуществлялся всеми доступными средствами: огромная контрибуция, колоссальные штрафы для мирного населения, выкачка из Бельгии товаров (сырье, продовольствие) и ценностей. Например, в 1914 г. из порта Антверпен в Германию вывезено товаров на 85 млн франков. Из захваченного Брюсселя – 130 тыс. кг хлеба и муки, 30 тыс. кг сахара, 430 тыс. кг овса, 60 тыс. кг мяса и прочее. В 1916 г. немцы произвели общую реквизицию всей имевшейся в Бельгии шерсти, у населения забирали даже шерстяные матрацы. К концу 1916 г. немцам удалось выкачать из Бельгии различных ценностей на 8 млрд франков. Тем не менее, высшее германское руководство требовало интенсифицировать выкачку средств из страны, в связи с чем генерал-губернатор Биссинг заметил – «Выжатый лимон не имеет никакой ценности, и мертвая корова не дает более молока».

Выкачивая из Бельгии крупные ценности и большие суммы денег, немцы не брезговали и мелкими захватами, что тяжело отражалось на трудовом населении страны. В некоторых бельгийских городах у населения отобрали все велосипеды, в ряде мест забирали собак (их использовали во многих бельгийских хозяйствах, например, чтобы развозить на тележках молоко) и даже мелкие предметы домашнего обихода (свечи, папиросы)³. И в мирное время Бельгия произ-

¹ *Stengers J., Gubin E. Le grand siècle de la nationalité belge: Histoire du sentiment national en Belgique. De 1830 a 1918. Bruxelles, 2002. P. 162.*

² *Ibid. P. 168.*

³ *Милицына Т. Указ. соч.*

водила лишь примерно шестую часть продовольствия¹. Поэтому в условиях оккупации и блокады морского побережья, вывоза бельгийских продовольственных товаров в Германию в некоторых промышленных районах страны уже к концу 1914 г. ощущался голод. Прекратился и подвоз необходимого для промышленности сырья, поэтому многие промышленные предприятия закрылись, рабочие остались без работы. Количество безработных неуклонно возрастало, уже в 1915 г. их насчитывалось свыше 600 тыс. человек (т. е. около половины общего числа рабочих), а к лету 1917 г. – до 700 тыс. К этому времени бельгийская промышленность была уже почти окончательно парализована².

Обозначилась острая нехватка предметов первой необходимости, цены на которые резко возросли³. С рынка постепенно исчезали хлеб, мясо, масло, яйца. Спекуляция предметами первой необходимости началась уже вскоре после объявления войны, в годы оккупации ею активно занимались немецкие оккупанты (немецкие офицеры спекулировали, например, сахаром). В 1914 г. кг говядины стоил 2,5 фр., а в 1916 г. – 10 фр.; за это же время литр молока повысился в цене с 24 до 40 сантимов. Богатые люди доставали все необходимое из-под полы, а городская и сельская беднота голодала⁴. Хлеб выдавался по карточкам, 250–300 г на человека в день, причем качество его было очень низкое, а цена на него повысилась в 4 раза. В 1917 г. около 40 % населения вынуждено было питаться в так называемых «народных столовых», т.е. столовых для бедняков⁵. Повсюду, и даже в угольных районах страны, чувствовался недостаток топлива. Почти совершенно исчез керосин. Бельгийцы страдали также от недостатка обуви и одежды (за пару мужских ботинок, стоивших до войны 16–20 фр., в 1918 г. просили 275 фр.). На фоне недоедания и недостатка топлива началось истощение населения, участились случаи заболеваемости, повысилась смертность, особенно среди детей. Резко выросла численность больных туберкулезом и рахитом детей. А рождаемость у бельгийцев заметно пошла на убыль⁶.

¹ *Перевезенцев А.Л.* Указ. соч. С. 92.

² *Милицина Т.* Указ. соч.

³ Там же.

⁴ *Stengers J., Gubin E.* Op. cit. P. 178.

⁵ *Милицина Т.* Указ. соч.

⁶ Там же.

Германские оккупационные власти пытались подчинить работу бельгийских предприятий исключительно своим интересам. Они закрывали те предприятия, которые могли конкурировать с германскими; требовали от владельцев остальных компаний, чтобы те работали исключительно по немецким заказам и на нужды Германии. Те, кто отказывался выполнять требования немцев, подвергались репрессиям. Чем больше затягивалась война, тем более откровенно грабительский характер принимала политика германских захватчиков в Бельгии. Воевавшая с целым рядом богатых и мощных стран Германия все более истощалась, и германское военно-политическое руководство в целях приобретения недостающих материалов все беззастенчивее прибегало к разграблению захваченных областей, в том числе, и Бельгии. Из страны выкачивались остававшиеся ценности, без малейшего учета того, как это отразится на состоянии бельгийской промышленности и положении бельгийцев. 17 февраля 1917 г. вышло распоряжение о том, что отныне промышленные предприятия в Бельгии могут работать только с разрешения германских властей. Большинство предприятий закрылось. Началось открытое разграбление бельгийских заводов; некоторые из них располагали ценным оборудованием. Ради сырья на лом шли дорогостоящие машины и станки. Таким образом, бельгийская промышленность варварски разрушалась немцами¹.

Во время Первой мировой войны Германия развернула террор против населения оккупированной Бельгии. Согласно оценкам современных историков жертвами немецкого террора стали около 6 тыс. бельгийцев. Германские планы войны изначально предусматривали терроризирование бельгийского населения («план Шлиффена»). Германия еще во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. столкнулась с партизанскими действиями бельгийцев. Вылазки партизан оказывали сильное деморализующее воздействие на солдат, приводили к дезорганизации тылового снабжения. Чтобы предотвратить подобные явления в будущей войне германское командование предусматривало жесткие меры, противоречившие духу и букве Гаагских конвенций об отношении к жителям оккупированных территорий².

¹ Милицина Т. Указ. соч.

² Там же.

Во всех занятых немцами населенных пунктах страны расклеивались объявления, в которых предупреждалось о жестких наказаниях за диверсии и насилие в отношении германских военнослужащих. За различные действия от приближения к боевой технике свыше дозволенного расстояния до хранения оружия полагался расстрел. Укрывавших бельгийских солдат немецкое командование планировало отправлять на пожизненные каторжные работы в Германию¹.

Несмотря на это, в Бельгии уже в первые дни войны развернулось широкое партизанское движение, что вместе с неожиданным для немцев упорным сопротивлением немногочисленной бельгийской армии затормозило темпы немецкого блицкрига 1914 г. Бельгийцы взрывали мосты и железные дороги, перерезали телефонные и телеграфные провода. Немцы боялись также бельгийских франтирер-снайперов. Один из немецких командующих фон Клок охарактеризовал действия бельгийцев как «чрезвычайно агрессивную партизанскую войну»².

В ответ на партизанские действия бельгийцев развернулся запланированный террор. Больших масштабов он достиг в городах Аэршот (156 казненных), Анденн (211 казненных), Тамин (383 казненных) и Динан (674 казненных). Обычно расправы проводились по следующему сценарию: жителей собирали на главной площади; их строили в две шеренги (мужская и женская), каждого десятого (или даже второго) расстреливали. В сельской местности казни проводились беспорядочно; отметившиеся эксцессами против немецкой армии бельгийские деревни уничтожались. На контролируемых ими территориях немцы ввели военные суды. Обвиняемых в нарушениях предписаний германских властей, особенно, в контактах с неприятельскими (английскими и французскими) армиями, подвергали смертной казни или выслали в Германию, где они находились на положении военнопленных. Действовал принцип коллективной ответственности. Так, в случае порчи железной дороги или телеграфа отвечать приходилось всему населению близлежащего населенного пункта. Чтобы добиться выдачи виновных лиц и выплаты штрафа немцы часто брали заложников³.

¹ Милицина Т. Указ. соч.

² Там же.

³ Там же.

Оккупировав Бельгию, германские власти наложили на население ежемесячную контрибуцию в 40 млн фр. (в дальнейшем повышена до 50 млн¹). Кроме того, немцы широко применяли систему штрафов для бельгийцев. Например, Брюссель был оштрафован за сопротивление²: в октябре 1914 г. бельгийская столица была обложена штрафом в 1 млн марок, в апреле 1915 г. – 500 тыс. марок, в июле 1916 г. – вновь 1 млн марок.

Бельгийское население в годы германской оккупации было лишено свободы передвижения. Сменить место жительства можно было только с разрешения оккупационных властей. Был установлен строгий надзор за всеми лицами, служившими ранее в армии, за родившимися в период времени между 1880 и 1898 гг., а также за подданными враждебных Германии держав. С этой целью были организованы особые контрольные пункты, где вышеуказанные лица получали особые контрольные карточки, туда же им следовало ежемесячно являться для проверки³. Предпринимались все меры, чтобы не допустить эмиграции бельгийцев. Граница с Голландией была закрыта и окружена проволокой под током высокого напряжения. Вышли специальные распоряжения с целью стимулировать возвращение бельгийских беженцев: на них был возложен особый налог, жители соответствующего населенного пункта для его уплаты были вынуждены продавать имущество беженцев, угроза разорения должна была побудить многих беженцев вернуться. Тем не менее, отдельным бельгийцам удавалось бежать из оккупированной страны с намерением присоединиться к бельгийской или французской армии или укрыться в безопасном месте⁴.

Населению оккупированной Бельгии было запрещено заниматься политической деятельностью. Все политические организации, партии и клубы должны были прекратить свою деятельность. Политические собрания и митинги попали под запрет. Казавшиеся немецким властям опасными политические и общественные деятели выслались в Германию, среди них знаменитый историк Пиренн и профессор

¹ *Stengers J., Gubin E.* Op. cit. P. 156–157.

² *Селиверстов Д.М.* Указ. соч. С. 104.

³ *Милицина Т.* Указ. соч.

⁴ Там же.

Фредерик¹. Гонениям подверглась бельгийская пресса. Все враждебно настроенные немецким оккупантам газеты закрывались; печатались лишь проявлявшие лояльность немцам издания². Несмотря на преследования, бельгийским патриотам удавалось выпускать подпольные газеты, в которых печатались статьи с разоблачениями оккупационного режима, с призывами к сопротивлению. Среди них особенной популярностью пользовалась газета «Свободная Бельгия». Это издание активно распространялось среди населения Бельгии: газета попадала и в руки немецких властей (самого генерала Биссинга) и даже доходила до тюрем и концентрационных лагерей. В общей сложности вышел 171 номер газеты «Свободная Бельгия»³.

Особенно жестокий характер приняла политика германских захватчиков по отношению к бельгийским рабочим. Бельгийскую рабочую силу немцы стремились максимально использовать в своих нуждах. Сначала они пытались вербовать бельгийцев для работы в Германии на «добровольных» началах. Немцы рассчитывали, что безработные и голодающие будут вынуждены согласиться на переезд в Германию. Однако желающих было немного, поэтому немцы решили прибегнуть к принудительным мерам. На территории этапов, где были расквартированы германские части, население заставляли работать на нужды германской армии. Оккупационные власти издали ряд указов, предусматривающих суровые наказания за отказ работать на захватчиков. Германское командование потребовало от генерал-губернатора Бельгии обеспечить отправку в Германию не меньше 400 тыс. бельгийских рабочих⁴.

В октябре 1916 г. в Бельгии был введен режим принудительного труда: трудоспособные бельгийские граждане, получавшие пособие по безработице, не имели права под угрозой 3-летнего тюремного заключения уклоняться от работы. На деле уклонявшихся, чаще всего, высылали в Германию или в прифронтовую полосу. Официально высылались лишь получающие пособие безработные, однако в отдельных случаях в Германию отправляли и тех, кто имел работу. Бельгий-

¹ Милицина Т. Указ. соч.

² Stengers J. et Gubin E. Op.cit. P. 158.

³ Ibid. P. 162.

⁴ Милицина Т. Указ. соч.

цев вынуждали подписывать контракты о «добровольном» согласии на отъезд в Германию; все же большинство отказывались, после чего следовала принудительная высылка. Многим почти нечего было взять с собой, к тому же в пути с высылаемыми обращались очень скверно: их почти не кормили и не разрешали выходить из вагонов. Отказавшихся подписать контракт в Германии ожидала отправка в концентрационные лагеря, непосильный труд, недоедание и тяжелые болезни. За короткий срок свыше 2 тыс. высланных умерли в Германии, а вернувшиеся были в состоянии полного истощения и страдали от тяжелого нервного расстройства¹.

Бельгийское правительство в эвакуации, а также власти Англии, США, Испании и Голландии обратились к руководству Германии с протестом против насильственной высылки бельгийских рабочих. Бельгийский пролетариат обратился к рабочим всего мира с призывом поддержать протест против принудительной отправки рабочих в Германию. Вильгельм II обещал отдать распоряжение о пересмотре списка высланных, о возвращении высланных «по ошибке». Все же и после этого высланных обещаниями и угрозами старались удержать в Германии, продолжилась высылка бельгийских граждан из зоны этапов в прифронтовую полосу или в Германию. В мае 1917 г. прошла мобилизация населения провинции Люксембург: мужчины (от 15 до 65 лет) для работ в захваченных немцами районах Франции, женщины – на сельскохозяйственные работы. В 1918 г. в Германии оставалось еще 142 тыс. бельгийских граждан².

Несмотря на террор и запугивание, бельгийские трудящиеся не раз проявляли свой боевой дух. В некоторых населенных пунктах Бельгии вспыхивали стачки, рабочие отказывались работать по принуждению оккупационных властей или требовали улучшения снабжения. В апреле 1915 г. рабочие арсенала в Люгере отказались выполнить распоряжение оккупантов о починке локомотивов. Они подверглись суровым наказаниям, около 200 человек было выслано в Германию³. В мае того же года бастовали рабочие арсенала в г. Ма-

¹ Милицина Т. Указ. соч.

² Там же.

³ Bertrand L. L'occupation allemande en Belgique. 1914–1918. Bruxelles, 1919. P. 32.

лине, чтобы сломить их упорство генерал-губернатор Биссинг запретил торговлю и въезд в город. Весной 1916 г. в угольном районе Боринаж вспыхнула стачка вследствие нехватки картофеля¹.

Каковы же итоги Первой мировой войны для Бельгии? В Великой войне страна потеряла погибшими 58 637 военнослужащих и 10–30 тыс. мирных жителей. За годы оккупации хозяйство Бельгии сильно пострадало, промышленность находилась в состоянии разрухи. Из 57 доменных печей, насчитывавшихся в стране накануне войны, 26 были разрушены совершенно, 20 – частично и лишь 11 остались нетронутыми. Из 80 цементных фабрик к концу войны работали лишь 10. Сильно пострадала текстильная промышленность. Почти не осталось запасов сырья. Большому разрушению подверглась железнодорожная сеть Бельгии: было разрушено 1100 км двойных путей, около половины локомотивов и вагонов. Серьезно пострадало сельское хозяйство: поголовье рогатого скота и лошадей снизилось наполовину, свиней – на две трети. В годы войны в Бельгии разрушено целиком или пострадало частично около 100 тыс. зданий. Пострадали многочисленные объекты инфраструктуры (мосты, туннели, каналы, станции, портовые сооружения, телеграфная и телефонная сеть, почти исчезли автомобильные), ценнейшие памятники старинной средневековой культуры. В полном беспорядке была денежная система Бельгии, в стране насчитывалось около миллиона безработных². Катастрофические последствия германской оккупации в годы Первой мировой войны оказали заметное влияние на политику Бельгии в годы Второй мировой войны, когда руководство страны первоочередное внимание уделило сохранению бельгийской промышленности, чтобы обеспечить быстрое возрождение Бельгии после войны³.

¹ *Bertrand L.* Op. cit. P. 47.

² *Ibid.* P. 49.

³ *Богдашкин А.А.* Промышленный коллаборационизм периода Второй мировой войны в странах Западной Европы: историографические дебаты // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 73.

* * *

Германская оккупация Люксембурга продолжалась со 2 августа 1914 г. по 11 ноября 1918 г. С первых дней войны и развёртывания германской армии против войск Антанты на западном фронте Люксембург был перевалочным пунктом для 4-й немецкой армии. Одна из железных дорог из Рейнской области во Францию проходила через Труавьерж на севере страны. Использование этой железнодорожной станции немецкими войсками стало первым нарушением нейтралитета Люксембурга¹. 2 августа началось полномасштабное вторжение: немецкие войска двигались через юго-восточную часть страны, пересекая реку Мозель в Ремихе и Вассербиллиге в направлении столицы. На территорию Люксембурга вступили десятки тысяч немецких солдат, им противостояли всего лишь 400 военнослужащих. Германский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег обосновал оккупацию Люксембурга тем, что Франция намеревалась вторгнуться в страну. К тому же он предложил включить Люксембург в состав Германской империи.

В годы германской оккупации люксембургское правительство серьёзно беспокоила проблема поставок продовольствия, осуществление которых оказалось затруднительным в условиях войны. В связи с этим генеральный директор сельского хозяйства и торговли Мишель Велтер запретил экспорт продовольствия из Люксембурга. Кроме того, правительство ввело нормирование и регулирование цен. Все же предпринятые меры не имели желаемого эффекта: люксембуржцы были вынуждены покрывать значительную часть своих потребностей за счет покупки товаров на «черном рынке». Продовольственный кризис продолжался до 1916 г., отмеченного низким урожаем картофеля². На этом фоне недовольство среди населения Люксембурга постоянно росло, особенно, на промышленном юге страны. Осенью 1916 г. были созданы первые объединения в черной металлургии в Люксембурге, в Эш-сюр-Альзетте. Несмотря на требования оккупационных властей, производство железа резко сократилось.

¹ *Trausch G.* Un passé resté vivant: mélanges d'histoire luxembourgeoise. Luxembourg, 1995. P. 198.

² *Ibid.* P. 203.

Под влиянием событий в России и в Германии в Люксембурге также были предприняты попытки революционного переворота. После провозглашения «социалистической республики» в Германии коммунисты в Люксембурге провозгласили республику, но всего лишь на нескольких часов. Другое восстание прошло в Эш-сюр-Альзетте в ранние часы 11 ноября, но также потерпело неудачу. Социалисты были возмущены поведением Великой герцогини Марии-Аделаиды. 12 ноября члены Палаты депутатов предложили Великой герцогине отречься от престола. Под вопросом оказалось само существование монархии в Люксембурге. Все-таки при голосовании 21 депутат высказался за сохранение монархии, а 19 были против при 3 воздержавшихся. В этих условиях Мария-Аделаида была вынуждена оставить престол, который наследовала ее младшая сестра принцесса Шарлотта¹. В сентябре 1919 г. в стране прошел референдум. 77,8 % населения Люксембурга поддержали правление династии Вайльбург-Нассау².

В Версальском мирном договоре две статьи (§ 40 и § 41) затрагивали вопрос статуса Люксембурга. Главная статья, §40, отменила все специальные привилегии, которыми пользовалась Германия в отношении Люксембурга. По мирному соглашению немцы отказывались от преимуществ, оговоренных в соглашениях 1842, 1847, 1865, 1866, 1867 (февраль, май), 1871, 1872, и 1902 гг.³. Германия потеряла свое право на эксплуатацию люксембургских железных дорог. К тому же Берлин обязали окончательно признать нейтралитет Люксембурга.

Таким образом, события Первой мировой войны и германской оккупации оказали существенное влияние на социально-экономическое и политическое развитие малых стран Западной Европы в межвоенный период. События, а также некоторые итоги Первой мировой войны способствовали формированию в Бельгии и Люксембурге крайне правых и даже откровенно фашистских движений. Они изменили привычный для этих стран политический ландшафт, хотя серьезным

¹ 100 JJoer L`tzebuenger Dynastie. Luxembourg, 1990. P. 54–56.

² Ibid. P. 57.

³ Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2007. С. 482; 100 JJoer Letzebuenger Dynastie... P. 54–56.

образом парламентской системе в целом не угрожали¹. Травматический для Бельгии опыт Первой мировой войны, когда сопротивление германскому вторжению привело к установлению жесткого оккупационного режима, оказал сильное воздействие на выработку стратегии бельгийского руководства в годы Второй мировой войны. В очередной войне правительство Бельгии попыталось избежать повторения рассмотренных выше событий: варварской эксплуатации бельгийской промышленности со стороны немецких оккупантов, суровых репрессий против населения, разгрома малочисленной бельгийской армии.

¹ Мур Б. Фашизм в нидерландских землях (1919–1945) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 342.

БЕЛЬГИЯ ПОСЛЕ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА: ОТ НЕЙТРАЛИТЕТА К «ПОЛИТИКЕ НЕЗАВИСИМОСТИ»

В начале Первой мировой войны постоянно нейтральная Бельгия исполнила свои международные обязательства, оказав сопротивление Германии. Последствия внешнеполитического характера для этого малого государства, казалось бы, были predeterminedены уже самим фактом нарушения международных договоров, подписанных в 1831 и 1839 гг. великими державами¹. Поскольку постоянный нейтралитет не оказался препятствием на пути агрессора, по мнению бельгийских политиков, Бельгия не могла более оставаться нейтральной. В связи с этим главной целью было добиться от великих держав официального признания аннулирования этого статуса и получить новые гарантии безопасности, заняв свою нишу в послевоенном мироустройстве.

Бельгия вступила в войну против своей воли, оказавшись неполитическим союзником стран Антанты, формально оставаясь нейтральной. Однако уже осенью 1916 г. бельгийское правительство определило для себя дальнейшую тактику – отказ от нейтралитета. Этот этап смены курса отражен в дипломатической переписке сотрудников российского внешнеполитического ведомства. Так, в марте 1916 г. российский посланник в Бельгии (март 1916 – ноябрь 1917 г.) Дмитрий Алексеевич Нелидов в одном из донесений сообщал, что «в вопросе нейтралитета Бельгия стремится и надеется быть избавленной после войны от этого режима и доказывает, что бывши установленным для обеспечения ее независимости и для воспрепятствования поглощения

¹ Договоры между Бельгией и Нидерландами, а также между Бельгией и пятью великими державами были подписаны на специально созданной в Лондоне международной конференции 19 апреля 1839 г. Статья 7 договора воспроизводила аналогичную статью договора 15 ноября 1831 г., в которой говорилось: «Бельгия будет составлять в границах, указанных в I, II и IV статьях, независимое и вечно нейтральное государство. Она обязывается соблюдать такой же нейтралитет в отношении всех других государств» (*Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1898. Т. XII. С. 92.).

ее каким-либо из мощных ее соседей, нейтралитет не только не достиг этих целей, но и прямо содействовал постигшим Бельгию бедствиям войны и оккупации, усыпив ее в чувстве безопасности и удержав от заблаговременного принятия мер самозащиты»¹. Подтверждением этой оценки стала конфиденциальная нота бельгийского правительства, направленная 18 октября 1916 г. российскому правительству через бельгийского посланника в России графа Конрада де Бюиссре. В ноте говорилось: «Бельгийское общественное мнение отказывается принять действие нейтралитета королевства после войны. Бельгийцы оккупированной страны и те, кто находится за ее пределами, единодушны на этот счет»². В документе также объяснялись причины, побудившие правительство принять такое решение. Бельгия долгое время будет оставаться предметом ненависти для Германии, и ее изоляция будет представлять новую опасность для Европы.

Вопрос об отказе от статуса постоянного нейтралитета оказался предметом серьезного конфликта между королем Бельгии Альбертом I и правительством, находившемся в изгнании. Король стремился доказать союзникам, что Бельгия, несмотря на участие в войне, останется нейтральной; во взаимоотношениях с Францией и Великобританией он проводил собственную политику, стремясь ограничить участие бельгийских войск в неоправданных, по его мнению, военных операциях, отстаивая возможность участия бельгийцев исключительно в сражениях на территории Бельгии и бельгийского Конго. В определенный период король рассматривал вариант выхода Бельгии из войны или возможности склонить союзников ее окончить и даже через посредников в 1916–1918 гг. ответил на предложение германской стороны начать секретные переговоры об условиях эвакуации оккупационных войск с территории Бельгии. В суть секретных переговоров не были посвящены ни союзники, ни бельгийское правительство. Параллельно Германия не раз зондировала позицию Бельгии в отношении условий компромиссного мира. Помимо этого Центральные державы пытались использовать бельгийских политических деятелей в качестве посредников для установления диалога с Антантой.

¹ АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. 1914–1917 гг. Д. 574/606. Л. 57об.

² Там же. Л. 59.

В данном случае участие бельгийцев в мирном зондаже было известно союзникам¹. Заинтересованность Германии в установлении диалога с бельгийским руководством, имевшем целью если не вывести Бельгию из войны, то внести разлад в ряды союзников, побудила Антанту подписать Сент-Адресскую декларацию 1916 г. Подписание союзниками этой декларации было важно, так как в ней шла речь о гарантиях восстановления независимости Бельгии, возмещения понесенных убытков и участия в будущих мирных переговорах. Политическое управление МИД Бельгии рассматривало необходимость добиться после войны подписания нового договора о гарантиях, к которому помимо Великобритании, Франции и России примкнула бы и Италия. Новый договор был нужен и в связи с отказом нации от нейтралитета, и с необходимостью распространения этого договора на бельгийскую колонию Конго². Таким образом, бельгийцы, предполагая уйти от формулы нейтралитета, не могли остаться без новых гарантий.

К концу войны перемены на Западном фронте заставили короля Альберта I принять точку зрения большинства министров о необходимости отказа от доказавшего свою неэффективность нейтралитета. После освобождения Бельгии 22 ноября 1918 г. в своей торжественной речи перед парламентом король Альберт I провозгласил: «Бельгия, победительница и освобожденная от нейтралитета, который на нее налагали договоры, основы которых поправа война, воспользуется полной независимостью. Эти договоры, определявшие ее положение в Европе, не защитили ее от самого вероломного посягательства. Они не могут существовать после кризиса, жертвой которого стала страна. Бельгия, восстановленная в своих правах, решит свою судьбу сообразно своим нуждам и устремлениям, будучи полностью суверенной»³. Так король озвучил главную задачу, ставившуюся перед бельгийской делегацией на Версальской мирной конференции.

¹ Подробнее см.: *Хорошева А.О.* Альберт I и секретные переговоры с Германией 1915–1917 гг. // Европейский альманах. 2006. М., 2007. С. 5–23.

² АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. 1914–1917 гг. Д. 574/606. Л. 59.

³ Цит. по: *Willequet J.* Albert I-er, roi des Belges: un portrait politique et humain. Bruxelles, 1979. P. 180.

Задачей бельгийских представителей на конференции было решить проблему репараций и создать для Бельгии новые гарантии безопасности. Кроме того, Бельгия потребовала территориальных компенсаций: нидерландские Фландрию¹ и южный Лимбург, нейтральную область Моресне и германский кантон Мальмеди. Претензии на владение Великим герцогством Люксембург и германской областью Эйпен были более завуалированными. В первом случае говорилось о «сближении», во втором – о возврате старого владения.

Казалось, Бельгии не составит особого труда добиться своих целей. Однако бельгийцы глубоко заблуждались. Представители Бельгии не вошли в состав Совета десяти, преобразование которого вскоре в Совет четырех похоронило надежды на участие в принятии решений. Британцы не хотели создавать прецедента для других малых стран. Помимо этого, члены бельгийской делегации поначалу не были приглашены участвовать в работе специальных комиссий, где решались вопросы, имевшие прямое отношение к Бельгии. Главе делегации Полю Имансу стоило больших трудов добиться получения мест в комиссии по Рейнской зоне и репарациям².

3 мая Комиссия по репарациям вынесла решение об удовлетворении требований Бельгии о возврате предметов искусства и литературы, государственных архивов, об оплате Германией бельгийского долга союзникам, возникшего до перемирия, а также о выплате 2,5 млрд марок в качестве репараций. 24 июня Совет четырех согласился с решением Комиссии. Принцесса Мари Жозе в воспоминаниях пишет, что решающую роль в вопросе репараций сыграл ее отец, король Альберт I, лично прибывший на конференцию и выступивший перед главами делегаций союзников³.

4 июня 1919 г. Совет министров иностранных дел принял решение о созыве Конференции представителей семи государств (Великобритании, Франции, США, Италии, Японии, Бельгии и Нидерландов), чтобы урегулировать бельгийско-нидерландские трения⁴. Конфе-

¹ Географическая область Нидерландов Зеувс-Вландерен.

² Marks S. Innocent abroad: Belgium at the Paris Peace Conference of 1919. Chapel Hill, 1981. P. 128–129.

³ Marie José. Albert et Elisabeth de Belgique, mes parents. Bruxelles, 1999. P. 286.

⁴ Тардые А. Мир. М., 1943. С. 187.

решения выявила нежелание нидерландской стороны пересматривать договоры 1839 г. и опасения в отношении участия великих держав в решении данных вопросов. И все же Совет министров признал необходимость учреждения Комиссии, состоящей из 14 делегатов (по два представителя от каждой страны). Бельгийцы предлагали свою схему: пересмотр договоров о судоходстве по р. Шельда, отказ от нейтралитета, приобретение новых гарантий безопасности, доступ бельгийских военных кораблей в порт Антверпен и бассейн Шельды, совместная бельгийско-голландская оборона Лимбурга. Военные действия, которые вела Германия против Бельгии в 1914 г., доказали правомерность требований Брюсселя. В начале Первой мировой войны режим судоходства по Шельде помешал укреплению обороны порта Антверпен; Люксембург послужил плацдармом для германских войск; во время ведения военных действий территория Лимбурга оказалась незащищенной¹. Таким образом, необходимость пересмотра статей договора 1839 г. была очевидна. Нидерландскую сторону фактически устраивал только пункт об отмене нейтралитета.

Комиссия пришла к следующему выводу: договоры 19 апреля 1839 г., устанавливающие статус Бельгии, более не соответствуют настоящим обстоятельствам². Однако ни один из проектов, выработанных Комиссией, не был принят. 31-я статья Версальского договора, подписанного 28 июня 1919 г., в котором признавалось необходимым изменение международного статуса Бельгии, откладывала решение этого вопроса на неопределенный срок. Декларация Комиссии от 16 сентября 1919 г. была неутешительной для Бельгии. Она постановила, что договоры 1839 г. будут пересмотрены путем упразднения нейтралитета тогда, когда Бельгия получит гарантии, способные заменить старые. Переговоры продолжались и после подписания декларации. Франция и Великобритания пытались найти приемлемую формулу обеспечения бельгийской безопасности, британцы даже рассматривали возможность возврата к нейтралитету, категорически отвергаемого как бельгийским правительством, так и общественным

¹ *Zuylen P. van. Les mains libres. Politique extérieure de la Belgique 1914–1940. Bruxelles, 1950. P. 63.*

² *Documents diplomatiques Belges. 1920–1940 (далее – D.D.B.). Bruxelles, 1964–1966. Т. II. N° 230. P. 648.*

мнением страны. Усилия бельгийских дипломатов окончились ничем. Дальнейшее обсуждение проблемы становилось прерогативой Совета Лиги Наций.

По итогам мирной конференции Бельгия получила германские кантоны Эйпен, Мальмеди, Сент-Вит и в прошлом нейтральную область Моресне. В Африке бельгийские владения также были значительно расширены за счет германских колоний: территория Руанда-Бурунди с 1923 г. перешла под мандат Бельгии, а в 1925 г. вошла в состав Бельгийского Конго. В вопросе территориальных компенсаций за счет Нидерландов и Люксембурга бельгийцам пришлось уступить великим державам, что доказывало иллюзорность претензий малой страны¹.

Во время ратификации мирных договоров в бельгийском парламенте бывший глава правительства Шарль де Броквилль был единственным воздержавшимся против 59 голосов «за». Он так объяснил свою позицию: «Я был слишком тесно и глубоко связан с делами войны, чтобы смириться с поражениями мира»². Видный политик, государственный чиновник и дипломат Поль Иманс в своих мемуарах писал: «Возможно, это были самые печальные часы в моей жизни»³. По свидетельству принцессы Мари Жозе, король Альберт опасался изменения границ и перехода населения под другое подданство, усматривая в этом «причину злобы и будущих войн», и в силу этого не сожалел об отказе в получении нидерландских территорий. А вот нерешенность вопроса с устьем Шельды, имевшим стратегическое значение, вызвала у него глубокое разочарование⁴. Общественное мнение Бельгии, в целом, не было разочаровано итогами мирной конференции. Прошедшие после обнародования ее решений манифестации в Брюсселе, Генте и Антверпене свидетельствовали о мораль-

¹ Однако большое значение с экономической и политической точки зрения имело подписание в июле 1921 г. Соглашения о создании бельгийско-люксембургского экономического союза (БЛЭС), вступившего в силу 5 марта 1922 г. Соглашение заложило основу участия этих малых стран в европейской интеграции в последующий период.

² *Haag H.* Le comte Charle de Broqueville, ministre d'Etat, et les luttes pour le pouvoir (1910–1940). Т. II. Louvain-Bruxelles, 1990. P. 694–695.

³ *Hymans P.* Memoires. Т. I. Bruxelles, 1958. P. 335.

⁴ *Marie José.* Albert et Elisabeth de Belgique, mes parents. P. 286–287.

ном разочаровании, связанном в большей степени с недостаточным удовлетворением требований по репарациям. Пресса послевоенного времени отражает настроения бельгийцев – народ радовался освобождению от германской оккупации, и его больше волновали проблемы восстановления страны, чем вопросы внешней политики¹.

Версальская конференция не решила главный вопрос, столь волновавший бельгийцев как накануне войны, так и в военные годы, – вопрос национальной безопасности. Бельгия, получившая «свободу рук», вошла в послевоенную Европу с еще большими трудностями, чем раньше. По окончании войны поиск новых гарантий был чрезвычайно сложным. Внешнеполитический курс основывался на идее сочетания независимости Бельгии на международной арене и политического и экономического сотрудничества с великими державами.

Найти свое место бельгийцы пытались в рамках Лиги Наций, принимая участие в международных конференциях. Став членом Лиги Наций и подписав ее Пакт, Бельгия приобрела в лице этой организации защитника своих прав. Обязательства, данные каждым членом Лиги Наций, были достаточно широкими, но по ним предусматривалось оказание помощи государству, подписавшему пакт, в том случае, если оно подвергнется агрессии со стороны другого государства (ст.10)². К тому же Бельгия могла свободно отказаться от оказания военной помощи другим государствам, являясь малым европейским государством, не располагающим значительными военными возможностями. Однако ей требовались более конкретные гарантии собственной безопасности. Бельгия пыталась заполучить их в двух договорах, подписанных между Великобританией и Францией, а также Великобританией и Соединенными Штатами Америки 28 июня 1919 г. По условиям этих договоров США и Великобритания обязывались оказать помощь Франции, если Германия нарушит 42-ю, 43-ю или 44-ю статьи Версальского договора, касавшиеся воспреещения Германии держать или устанавливать оборонительные сооружения

¹ *Devleeshouwer R.* L'opinion publique et les revendications territoriales belges à la fin de la première guerre mondiale // *Mélanges offerts à G. Jacquemyns.* Bruxelles, 1991. P. 215.

² *Henri Rolin et la sécurité collective dans l'entre deux guerres.* Bruxelles, 1987. P. 451.

как на левом, так и на правом берегу Рейна¹. Такой двойной гарантией могла бы воспользоваться и Бельгия, но этому помешал отказ США ратифицировать мирный договор.

В новых условиях Бельгия вновь обратилась за помощью к Франции и Великобритании, которых она продолжала рассматривать в качестве основных гарантов своей безопасности. В 1920 г. Бельгия вела переговоры по поводу заключения военного соглашения с Францией. 7 сентября 1920 г. бывший главнокомандующий войсками союзников и председатель Верховного совета Антанты маршал Фош, глава генерального штаба бельгийской армии генерал Маглинз и глава генерального штаба французской армии генерал Бюа подписали соглашения о совместных военных мерах, принимаемых в случае неспровоцированной агрессии со стороны Германии по отношению к Бельгии или Франции². Однако несмотря на взаимопонимание между договаривающимися сторонами, существовала некоторая разница в трактовке данного соглашения французской и бельгийской сторонами. Франция представляла его как соглашение о сотрудничестве, тогда как бельгийская сторона видела в нем лишь технические договоренности. Для Бельгии договор означал предотвращение возможных последствий в случае нападения Германии. Для Франции, как считает бельгийский дипломат Ван Зюлен, – иметь еще одного союзника в случае новой войны³. Формально договор был заключен исключительно в целях обороны, не являлся договором о союзе, поскольку он не был подписан королем, что установлено в конституции Бельгии. Соглашение предусматривало совместное сотрудничество, однако, с некоторыми оговорками. Как Бельгия, так и Франция получили право регулировать военный режим и систему безопасности своей страны по собственному усмотрению. Каждое из этих государств получило право решать вопрос, имеет ли место агрессия против нее со стороны Германии и является ли таковая неспровоцированной. Таким образом, каждая из указанных сторон обладала свободой принятия решений. Об этом уведомлялись все представители Бельгии в

¹ D.D.B. T. I. N° 118. P. 299.

² Ibid. N° 182. P. 419.

³ *Zuylen P. van. Les mains libres. P. 102.*

иностранных державах в циркуляре от 16 сентября 1920 г.¹ Договор не навязывал обязательной помощи одной державы другой, так как он не являлся политическим актом.

В середине 1930-х годов между Францией и Бельгией возникли разногласия по поводу указанного договора, и его существование было обречено. Однако даже в 1930 г. генеральный секретарь министерства иностранных дел Бельгии Ф. Ванлангенхове в беседе с генеральным секретарем Лиги Наций Э. Дрюммондом, заявлял, что франко-бельгийское военное соглашение, заключенное в 1920 г., в то время, когда Бельгия уже не была нейтральным государством, не имел политической окраски и не был направлен против какой-либо европейской державы². Поль Иманс вспоминал, что военное соглашение 1920 г. отвечало послевоенным настроениям. «Оно не предписывало правительствам действовать сообща, но предполагало, что в случае неспровоцированной агрессии со стороны Германии они вместе будут сопротивляться... Оно не предполагало никакого подчинения малого государства большому, никакого ущемления независимости или достоинства»³. Несмотря на то, что такая формулировка отражала официальную точку зрения, развитие франко-бельгийских отношений в начале 30-х годов показывает, что бельгийское правительство не могло полностью доверять аналогичным заявлениям французского кабинета.

Хотя франко-бельгийское военное соглашение 1920 г. давало Бельгии определенные гарантии, бельгийская сторона всегда стремилась получить многостороннюю гарантию. Поэтому она предпринимала попытки заключить трехсторонний договор, в котором одну из важнейших ролей могла бы сыграть Великобритания. Однако в ходе переговоров на международной конференции в апреле-мае 1922 г. в Генуе премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж настаивал на политике «свободных рук», при которой каждое государство имело бы полную независимость и свободу от каких-либо договоров, и заявлял, что еще рано задумываться о подписании военного догово-

¹ D.D.B. T. I. N° 186. P. 423.

² Ibid. T. II. N° 220. P. 627.

³ *Hymans P. Memoires*. T. II. Bruxelles, 1958. P. 571.

ра с Францией и Бельгией¹. Бельгия продолжала настаивать на заключении договора о гарантии своей безопасности с Великобританией.

Переговоры продолжились в Лондоне. Был выработан Проект договора и одобрен правительствами обоих государств. Принимая во внимание географическое положение Бельгии и учитывая нарушение Германией договора 1839 г., договаривающиеся стороны пришли к соглашению о том, что в случае попытки захвата территории Бельгии со стороны Германии Великобритания в тот же час придет на помощь Бельгии, используя все свои морские, сухопутные и воздушные силы. Бельгия, в свою очередь, обязалась использовать все свои военные силы для защиты границ и воздерживаться от заключения договоров, не совместимых с данными Великобритании обязательствами (ст.2)². Британская сторона внесла предложение о нераспространении договора на доминионы империи. Предполагаемый срок действия договора был установлен на 10 лет. Позднее при дальнейших переговорах в текст предварительного проекта договора было внесено слово «Германия», что, таким образом, определяло потенциального агрессора³.

Несмотря на желание Бельгии заключить договор о гарантии безопасности как можно скорее, Великобритания не спешила. Заместитель государственного секретаря Великобритании Э. Кроу объяснял бельгийскому послу в Лондоне барону Моншеру промедление британской стороны возможным нежеланием парламента подписать договор с Бельгией раньше, чем будет подписан аналогичный договор с Францией. Для британского правительства Пакт был бы документом, по которому можно было бы получить уступки по урегулированию вопросов на Ближнем Востоке и в Марокко. Франция же, имея договор с Бельгией и при наличии англо-бельгийского договора, как предполагали британские официальные лица, могла отказаться подписать договор с Великобританией⁴. Уже тогда было ясно, что Франция не пойдет на уступки. Великобритания, в свою очередь, не переставала заявлять о том, что англо-бельгийский договор может быть подписан только вслед за ратификацией англо-французского договора, возможной после урегулирования спорных вопросов.

¹ *Zuylen P. van. Les mains libres. P. 117.*

² *D.D.B. T. I. N° 204. P. 457.*

³ *Ibid. N° 225. P. 498.*

⁴ *Ibid. N° 230. P. 508.*

Однако решение проблемы так и не было найдено. Бельгия оказалась втянутой в сложный конфликт двух великих европейских держав, от которых она стремилась получить гарантии своей безопасности. Бельгийская внешняя политика предполагала двойную гарантию, необходимость которой диктовалась уроками истории, географическим положением, опытом прошлой войны, а также государственными интересами. На данном этапе получить двустороннюю гарантию Бельгии не удалось.

Нуждаясь в защите целостности своей территории, Бельгия рассчитывала и на германские репарации. В этом вопросе ее интересы соответствовали интересам Франции. По окончании первой мировой войны Франция намеревалась осуществлять политику мира и безопасности за счет использования индустриальной мощи Германии, в чем основную роль должны были играть рейнские территории. В апреле 1921 г. на Лондонской конференции премьер-министр Франции А. Бриан, несмотря на протест британских представителей, предложил оккупировать Рурский бассейн. Поддержав это предложение, бельгийский министр иностранных дел А. Жаспар сделал Бельгию союзником Франции в вопросах оккупации и отдалил ее от Великобритании, всегда считавшейся более надежным гарантом бельгийской безопасности.

Приняв участие в оккупации Франкфурта и Рура, подписав военное соглашение с Францией, участвуя в работе «союзнической миссии по контролю над заводами и шахтами», отправив тысячи железнодорожников в Рур, Бельгия, казалось, была готова во всем следовать за Францией. Действия бельгийской дипломатии даже могли рассматриваться как направленные на образование франко-бельгийского фронта. Однако несмотря на некоторую схожесть интересов Бельгии и Франции в рейнских землях, между дипломатиями этих стран существовали определенные разногласия по вопросу осуществления своей политики. Бельгия выступала против предложенного Францией продления срока оккупации и против проекта маршала Фоша об отторжении территорий правого берега Рейна от Германии. Нежелание Бельгии поддерживать Францию в этих вопросах объяснялось, прежде всего, боязнью попасть под всестороннее влияние Франции, как экономическое, так и политическое. П. Иманс в мемуарах оценивал

такой вариант развития французской рейнской политики следующим образом: «Если бы Франция проводила скрытую политику аннексии, экономического поглощения, (в отношении Германии. – А.Х.) ...Бельгия попала бы в кольцо окружения»¹. Именно поэтому бельгийское правительство решило укрепить свои позиции на оккупированных территориях. В январе 1923 г. бельгийские войска вместе с французскими вступили на территорию Рурского угольного бассейна. Такая политика вновь отдала Бельгию от Великобритании. Однако в результате давления Лондона и Вашингтона, а также «пассивного сопротивления» Берлина, к 1925 г. французы и бельгийцы были вынуждены покинуть Рурскую область.

Важным этапом на пути пересмотра статей Лондонских договоров 1831 и 1839 гг. были переговоры Бельгии с Нидерландами, между которыми существовали довольно серьезные разногласия. Территориальные споры между бельгийской и нидерландской делегациями возникли ещё на Версальской конференции. Тогда Комиссия по делам Бельгии вынесла решение о необходимости пересмотра договора 1839 г., ограничившего суверенитет Бельгии. С этой резолюцией было ознакомлено нидерландское правительство, которое было приглашено участвовать в пересмотре статей. Бельгия предполагала заключить с Нидерландами ряд военных договоров, с помощью которых она бы оградила себя от опасности военного вторжения на свою территорию. Нидерланды, соглашаясь на экономическое сотрудничество с Бельгией, отказывались от подписания военного договора². Попытка заключения такого договора провалилась на конференции в Генуе в 1922 г., поскольку, по мнению правительства, Нидерланды, в случае подписания такого договора, оказывались связанными с антигерманским лагерем, что могло наложить тень на принятый бельгийским руководством курс на независимость внешней политики.

Свобода судоходства по Шельде, которой добивались бельгийцы, была одним из важнейших условий обеспечения безопасности Бельгии. По договору 1839 г. Нидерланды обладали правом сбора дорожной пошлины на Шельде. Договор 1863 г. устанавливал свободу судоходства по Шельде, однако Нидерланды запрещали Бельгии

¹ *Hyman P. Memoires. Т. II. P. 386.*

² *D.D.B. Т. I. N °27. P. 103.*

во время ведения военных действий переправлять войска или вооружение через Шельду. В 1919 г. Бельгия потребовала отмены этого положения, но ввиду противостояния Великобритании, опасавшейся создания на берегах Шельды военных баз, способных создать угрозу для британской территории, эти требования бельгийской делегации не были рассмотрены¹.

3 апреля 1925 г. в Гааге Нидерланды и Бельгия подписали соглашение о пересмотре лондонских договоров 1839 г. Стороны признали отмену ст. 7 и 14 Лондонского договора, по которым Антверпен рассматривался исключительно как торговый порт. Остальные положения договора касались экономических вопросов. Бельгийское и нидерландское правительства признали существовавший с 1839 г. международный статус Бельгии недействительным². Однако в связи со взрывом антибельгийских настроений в Нидерландах и нежеланием Генеральных штатов ратифицировать договор, он так и не вступил в силу.

В конце 1924 г. руководство Франции выступило с проектом франко-бельгийско-британского союза, предложив заключить арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией. Бельгийцы принимали активное участие в обсуждении, о чем свидетельствуют многочисленные донесения бельгийских дипломатов. Как полагал генеральный секретарь Лиги Наций, участие Германии было условием предоставления гарантии безопасности Великобританией³. Отказавшись от договора трех держав (франко-англо-бельгийского), Великобритания была настроена на заключение пакта пяти держав. «Великобритания готова предоставить свою помощь в том случае, если будет реализован проект подписания пакта пяти держав», – заявил в марте 1925 г. в разговоре с П. Имансом министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен⁴. Министр иностранных дел Франции А. Бриан высказал заинтересованность в участии Германии в подписании гарантийных договоров и предварительных переговорах, но только после достижения взаимопонимания между представителями Вели-

¹ *Zuylen P. van.* Les mains libres. P. 163.

² D.D.B. T. I. N° 27. P. 105.

³ Ibid. N° 33. P. 130.

⁴ Ibid. N° 34. P. 132.

кобритании, Франции, Бельгии и Италии. В одной из бесед с Имансом Бриан подчеркнул необходимость реагировать на предложения Германии. «Нужно держать дверь открытой, – подчеркнул он, – и пытаться прийти к практическому и позитивному решению»¹.

Для Бельгии одним из важнейших условий подписания пакта было участие в нем Великобритании. Иманс заявил об этом на страницах журнала «Фламбо» в апреле 1925 г. «Это участие, – писал он, – может стать одной из самых прочных гарантий мира на западе Европы, что является важной составляющей всеобщего мира»². Франция, в свою очередь, также придавая огромное значение этому, исключала возможность подписания пакта без участия Бельгии. В ноте французского правительства, переданной министру иностранных дел Бельгии П. Имансу 19 марта 1925 г., говорилось: «...Бельгия должна участвовать в подписании пакта, поскольку, в противном случае, никакой договор, касающийся западных границ Германии, невозможен»³.

Правительство Бельгии также в памятной записке выражало готовность предоставить свои гарантии в арбитражных договорах, высказывая, тем самым, желание способствовать укреплению мира в Европе⁴. Тем не менее, у бельгийцев существовало опасение быть втянутыми в чуждый национальным интересам конфликт. «Бельгия, принимая во внимание свое географическое положение и немногочисленность своих вооруженных сил, не намерена подписывать соглашения, которые напрямую не совпадают с ее интересами, а также действие которых распространяется на отдаленные от нее регионы», – говорилось в памятной записке⁵.

Эти заявления олицетворяли собой переходный этап внешней политики Бельгии. Во времена Локарно Бельгия охотно брала на себя определенные обязательства, но не забывала при этом о собственных национальных интересах.

Преодолев разногласия, страны-участницы Локарнской конференции 16 октября парафировали соглашения. Подписанные главами

¹ D.D.B.T.I. N° 35. P. 134.

² *Le Flambeau*. 1925. N° 3. P. 267.

³ D.D.B. T. II. N° 40. P. 145.

⁴ *Ibid.* N° 57. P. 192.

⁵ *Ibid.*

Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Франции документы содержали семь договоров: договор о взаимной гарантии (Рейнский пакт) между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией; арбитражная конвенция между Германией и Бельгией; конвенция между Германией, с одной стороны, и Францией, Чехословакией и Польшей с другой; конвенция, подписанная между Францией, с одной стороны, и Чехословакией и Польшей, с другой.

Самым важным положением для Бельгии была констатация отмены договоров о нейтралитете Бельгии, сформулированная в преамбуле договора¹. Рейнский пакт давал Бельгии также дополнительные гарантии в рамках Устава Лиги Наций, касающиеся неприкосновенности границ между Германией и Бельгией. Согласно подписанному договору, Германия и Бельгия, а также Германия и Франция взаимно обязались не прибегать к нападению или вторжению и войне между собой. Однако это положение не применялось, когда речь шла:

1. Об использовании права на законную оборону, то есть права на противодействие нарушению обязательства, данного по ст. 42 и 43 Версальского договора, или явному нарушению указанных статей, если такое несоблюдение является неспровоцированным актом агрессии и если ввиду сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне необходимы немедленные действия;

2. О действии, предпринимаемом во исполнение ст.16 Устава Лиги Наций;

3. О действии, предпринимаемом в силу решения Ассамблеи или Совета Лиги Наций или во исполнение абзаца 7 ст.15 Устава Лиги Наций при условии, что в последнем случае действие направлено против государства, которое первым совершило нападение.

В статье первой вышеуказанного договора провозглашалось установление индивидуальной и коллективной гарантии, что для Бельгии означало оказание ей помощи других государств в случае нарушения ее безопасности, даже если одно из них отказалось выполнять обязательства. Рейнский пакт позволял Бельгии рассчитывать на немедленную поддержку Британской империи и Франции, а также призвать к выполнению обязательств гарантии Италию.

¹ Локарнская конференция. 1925. Документы. М., 1959. С. 485.

Особую ценность для Бельгии представляло участие в подписании пакта Великобритании. В своих воспоминаниях Поль Иманс подчеркивает это: «В 1925 г. Локарнские соглашения, наконец, предоставили нам гарантию Великобритании, которой мы так долго добивались»¹. Пакт предоставлял взаимную гарантию неприкосновенности германо-бельгийской и германо-французской границ. Кроме того, Бельгия стала равноправной по отношению к другим государствам (она стала государством-гарантом и одновременно гарантируемым, так же, как и Франция, в то время как Великобритания и Италия являлись только гарантами, а Германия только гарантируемым государством)².

Локарнские соглашения с энтузиазмом были восприняты бельгийским обществом. Еще в то время, когда соглашения только готовились к подписанию, Э. Вандервельде от лица граждан своей страны на одном из заседаний конференции, произнес речь, в которой отметил: «Вчера между ними (народами. – А.Х.) существовало недоверие, взаимный страх, порождающий непримиримость и обиды. Завтра, я в этом полностью уверен, наступит разрядка, вернется доверие, возродится желание разоружения, являющееся неперемным достаточным условием реального разоружения»³. Об этом же свидетельствуют и донесения британского посла в Брюсселе Г. Грэхэма. По его словам, бельгийские газеты говорили о «начале новой эры в Европе», а бельгийское общественное мнение полностью поддерживало достигнутые в Локарно договоренности⁴. Бельгийцы положительно отреагировали и на решение стран-союзниц предоставить Германии возможность стать участницей подписания международных соглашений: «Впервые за послевоенный период Германия общается со своими вчерашними врагами на равных – это важное условие крепкого мира, т.е. мира, предназначенного не положить конец войне, а мира, предупреждающего возвращение к войне»⁵.

Анализируя события середины – конца 1920-х годов, нельзя оставить без внимания деятельность бельгийских дипломатов в Лиге

¹ *Hymans P. Memoires. T. II. P. 575.*

² *D.D.B. T. II. N° 230. P. 667.*

³ *Le Temps, 18 octobre, 1925. P. 1.*

⁴ *Documents on British foreign policy, 1919–1939. Ser. 1A. Vol. I. N° 11. P. 30.*

⁵ *Le Flambeau, 1925. N° 10. P. 250.*

Наций. Возможно, на первый взгляд она не была столь заметной, тем не менее, все важнейшие решения, принятые в Лиге, несут отпечаток участия бельгийцев. На первом заседании в Женеве председателем был министр иностранных дел Бельгии Поль Иманс, яркий политик, опытный дипломат, дань уважения которому выразили представители сорока стран, избрав его на этот пост. Как пишет другой бельгийский дипломат, секретарь и советник по юридическим вопросам бельгийской делегации в Совете Лиги Наций Анри Ролен, Иманс «привнес в эту сложную роль примирителя и арбитра желание исполнить со всей непредвзятостью и верностью миссию, выпавшую на долю членов Совета Лиги Наций»¹. Много раз представители других стран публично говорили о ценности для них мнения Иманса. Бельгийское правительство, со своей стороны, доказывало свое уважение Имансу, доверяя ему представлять Бельгию в Лиге Наций даже тогда, когда он не находился на посту министра иностранных дел (в 1920–1924 гг., 1925–1927 гг.).

Другие представители Бельгии – П. Пулле, Ж. Ван Ковелаерт, Л. Де Брукер, П. Жансон также приглашались на пост президента или вице-президента Совета Лиги Наций. Бельгийцы участвовали в выработке поправок к Пакту Лиги Наций, разработке его толкований, а также в работе над Женевским протоколом и договором о взаимной гарантии. Будучи членом комитета юристов пяти стран, глава кабинета министров иностранных дел Бельгии Анри Ролен участвовал в разработке Локарнских соглашений².

Однако в 1930-е годы Бельгию ждали новые испытания. Едва восстановившуюся экономику потряс мировой экономический кризис. В 1934 г. королевство постигла тяжелая утрата – трагически погиб в горах король Альберт I. Нестабильность внутривнутриполитической жизни выражалась в постоянной смене правительств, активизации ультраправых националистических движений. А во второй половине десятилетия проявились первые признаки грядущих потрясений. В этих условиях внешнеполитическое ведомство с трудом продолжало следовать поставленным задачам.

¹ *Rolin H.* La Belgique à la société des nations // *La patrie belge. 1830-1930.* Bruxelles, 1930. P. 199.

² D.D.B. T. II. N° 220. P. 629.

Бельгийцы не оставили надежду заполучить новые подтверждения установленным Рейнским пактом гарантиям, считая Великобританию одним из наиболее надежных гарантов порядка и спокойствия в Европе. На протяжении всех послевоенных лет бельгийская дипломатия сталкивалась с тем, что британцы неблагоприятно относились к перспективе подписания военного соглашения с Бельгией. Англо-бельгийские переговоры в начале 1920-х гг. не увенчались успехом. В 1931 г. в парламенте министр иностранных дел Великобритании Артур Хендерсон, отвечая на вопрос одного из депутатов о возможности оказания военной помощи Бельгии, заметил, что намерения Великобритании в отношении Бельгии не выходят за рамки Локарнских соглашений¹. Такие же заявления бельгийские дипломаты слышали и в 1933 г.

В начале 1934 г. бельгийская дипломатия возобновила попытки убедить Великобританию в необходимости подписания двустороннего соглашения. Несмотря на то, что британцы колебались, они понимали необходимость сотрудничества с Бельгией в стратегических вопросах. Бельгийцы подготовили свои предложения, в которых уточнялось, что Великобритания окажет помощь морскими, сухопутными и воздушными силами, что было очень важно для Бельгии. Важным положением был пункт об оказании Великобританией немедленной помощи. Это был ответ на возможные расчеты Германии на слишком медленную реакцию Великобритании и попытки Берлина, воспользовавшись этим, нарушить международный баланс в Европе, поскольку в Локарнских соглашениях предусматривалось рассмотрение и анализ факта завоевания Бельгии, что могло отсрочить оказание необходимой военной помощи.

Переговоры зашли в тупик, но Лондон продолжал говорить о важности бельгийской безопасности для Великобритании и для всей Европы в целом. 13 июля 1934 г. министр иностранных дел Дж. Саймон заявил о позиции Великобритании по отношению к Бельгии: «Бельгия представляет не менее жизненный интерес для безопасности этой страны (Великобритании), как это было и раньше. Это географический факт и ничто не может его изменить. Новые условия,

¹ *Le Temps*. 6 juin 1931. P. 1.

особенно те, которые касаются области воздушной обороны, никоим образом не изменили этот исторический факт; они лишь подчеркивают это. Именно на этом основывается наша точка зрения в отношении собственной национальной безопасности»¹. Такое заявление вызвало положительную реакцию главы внешнеполитического ведомства Германии Кёпке, который в разговоре с послом Бельгии графом Керхове воскликнул: «Заявление Джона Саймона должно быть выгравировано золотыми буквами на каждом общественном здании в Бельгии тем государственным чиновником, на которого возложена обязанность вершить судьбы Бельгии»².

Бельгии так и не удалось получить от Великобритании столь желаемого официально оформленного заверения в военной поддержке, ей оставалось полагаться на слово британцев и на то утверждение, что интерес к сохранению независимости и неприкосновенности Бельгии оставался как никогда ранее важным для Лондона. По окончании переговоров, в течение 1934 г. бельгийская дипломатия больше не обращалась к Великобритании с просьбами о новом рассмотрении проблемы, а лишь удовлетворялась подтверждениями неизменности политики по отношению к Бельгии.

К 1934 г. как в отношениях с Францией, так и в отношениях с Великобританией бельгийцам не удалось добиться желаемых результатов. Несмотря на удачный итог переговоров с французской стороной по вопросу применения франко-бельгийского военного соглашения, Бельгия не избавилась от сомнений в искренности заявлений французов. Разрушение Локарнской системы действиями Германии, итальянская агрессия в Эфиопии, итало-германская интервенция в июле 1936 г. в Испании, образование блока Берлин-Рим в октябре 1936 г., отчетливые признаки заката эпохи Лиги Наций ставили перед бельгийской дипломатией вопрос о выборе дальнейшего внешнеполитического курса. Бельгийское правительство воздержалось от провозглашения нейтралитета, однако, объявило о желании проводить «политику независимости» от других европейских держав. В 1936 г. король Бельгии Леопольд III официально провозгласил смену курса, подразумевавшую аннулирование военного соглашения с Францией,

¹ Цит. по: *Zuylen P. van. Les mains libres. P. 313.*

² *Ibidem.*

«свободу рук» в выборе гарантов, но и отказ от предоставления гарантий со своей стороны: «Наша военная политика, так же, как и наша внешняя политика, которая неизбежно определяет первую, должна отвечать целям не подготовки более или менее успешной войны, ... а задаче отодвинуть войну от нашей территории»¹. Единственная цель внешней политики – осуществлять политику «исключительно и полностью бельгийскую», что означает оставаться вне конфликтов. Поль Иманс в речи, произнесенной 11 февраля 1937 г. в Палате представителей, оценил смену внешнеполитического курса своей страны как политику преемственную: «Говоря о новой политике, мы не провозглашаем политику разрыва или политику нововведений, мы говорим о политике адаптации к новым реалиям. Несомненно, нынешняя политика бельгийского правительства, которая положила конец обязательствам гарантии, навязанным Бельгии статусом, определенным Локарнскими соглашениями, является адаптацией к нынешним условиям и к современной ситуации в Европе, однако, не является ни новшеством, ни разрывом. Мы не переставали в любых ситуациях заявлять о политике независимости»².

К «политике независимости» бельгийцы пришли, исчерпав все возможные пути поиска гарантий безопасности. Разрушение системы локарнских обязательств, нерешенность вопроса о новом пакте о гарантиях, фактическая неспособность Лиги Наций противостоять агрессии заставили Бельгию отказаться от прежней схемы, нацеленной на получение многосторонних гарантий и оформившейся в годы действия Версальско-Вашингтонской системы. Бельгии так и не удалось получить прямых гарантий безопасности своей территории от Великобритании, а гарантии оказания Францией военной помощи в случае нового конфликта аннулировались с объявлением франко-бельгийского военного соглашения недействительным. Нарушение Локарнских договоренностей Германией в 1930-е гг. актуализировало необходимость адаптироваться к международным изменениям. Бельгия отказалась как от подписания каких-либо военных и политических соглашений с другими государствами, так и от идеи предоставления гарантий другим государствам. Это означало возврат

¹ D.D.B. T. IV. N° 128. P. 326.

² *Hymans P.* Op. cit. P. 906.

к политике полной независимости, которая, по мнению дипломатии, могла помочь избежать быть втянутыми в очередной европейский конфликт.

Таким образом, в 1936 г. Бельгия вернулась если не к полноценному нейтралитету, то к приближенной к нему внешнеполитической формуле. Однако уже через три года, в сентябре 1939 г., Бельгия все же объявила о нейтралитете, но, в отличие от 1914 г., она не имела никаких формальных гарантий его защиты великими державами.

**ПЕРВЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ
АВСТРИЙСКОЙ НАЦИИ (1918–1938 гг.):
ОТ «НАДНАЦИОНАЛЬНОГО» ИМПЕРСКОГО
К НАЦИОНАЛЬНО-АВСТРИЙСКОМУ
САМОСОЗНАНИЮ**

Первая мировая война закончилась поражением стран Тройственного союза; разрушительные последствия ее сказались больше всего на судьбе Австро-Венгрии, которая была ликвидирована в ходе событий 1917–1918 гг. 5–8 октября 1918 г. в Загребе конституировалось Народное вече (совет) Хорватии, взявшее на себя представительство всех югославянских земель, входивших в состав империи. Так было образовано «Государство сербов, хорватов и словенцев» [СХС]. После Женевских переговоров Народного веча с правительством Сербии 9 ноября была принята декларация об объединении Сербии и государства СХС в единое государство – конфедерацию (Югославию). В Праге 14 октября была провозглашена Чехословацкая республика, в Будапеште 16 октября объявлена независимость Венгрии. Распад бывшей великой средневропейской державы стал фактом новейшей истории Европы.

В ряду новых государств, образовавшихся в результате распада империи Габсбургов, была и «собственно Австрия», объединявшая немецкие земли громадной страны. Следует вспомнить, что до последней трети XIX в. Австрия оставалась соперницей Пруссии в борьбе за гегемонию в Центральной Европе, где существовало множество немецких государств: королевств, княжеств, герцогств. Венские монархи Габсбурги, будучи до 1806 г. императорами «Священной Римской империи германской нации», а потом принявшие титул «Австрийских императоров», небезосновательно претендовали на руководство «немецкими народами». Как известно, в борьбе за руководство немецкими землями победила Германия, а «австрийские немцы» остались со своими славянами, венграми, румынами и др.

Благодаря своим владениям в ненемецкой Средней и Юго-Восточной Европе Австрия была великой европейской державой. Здесь господствовала австрийская имперская идея, издавна отличавшаяся от германской. Она была конструктивной, ее смыслом было утверждение необходимости и плодотворности сосуществования различных национальностей. Ей была присуща толерантность, компромиссность, предпочтение политического пути разрешения конфликтов. Австрийская имперская идея выросла на почве католического универсализма, что способствовало ее популярности не только среди немецкого населения Австрии (после 1867 г. – Австро-Венгрии), но и среди других народов империи. Австрийская имперская идея предполагала также особую ответственность Габсбургов за равновесие политических сил в Европе.

В отделенной от всех имперских земель Австрии депутаты парламента от немецких земель собрались 21 октября 1918 г., образовали временное Национальное собрание, сформировавшее правительство. 12 ноября, после отречения императора Карла I от престола, Австрия была провозглашена республикой. Новорожденная Австрия оказалась без промышленности, располагавшейся в Чехии, и венгерской продовольственной базы. В Австрии были разработаны два плана восстановления экономики страны. Однако державы-победительницы не допустили ни создания Дунайской федерации, основанной на исторически сложившихся в регионе хозяйственных связях, ни присоединения «немецкой Австрии» к германскому экономическому комплексу.

Жизнь новоявленной европейской республики Австрии с самого начала характеризовалась острыми общественно-политическими и научными спорами о судьбе страны, об ее способности самостоятельно подняться из военных руин и сохранить свою независимость. Оставаясь расколотым с конца XIX в. на консервативно-католический и левый – социал-демократический – лагерь, австрийское общество было занято осмыслением послевоенной европейской реальности и поисками национальной идентичности. Истоки этого процесса разные участники дискуссии и авторы специальных трудов находили в различных периодах центрально-европейской истории. Автор классического труда (не однажды переизданного и переведенного

на другие языки!) «Борьба за австрийскую идентичность»¹ Фридрих Хир находит некоторые признаки этого явления в XV–XVI вв. При всем том начало публичного обсуждения этого вопроса относится к эпохе Австро-Венгрии (1867–1918 гг.). Некоторые принципиальные заявления более раннего времени заслуживают быть отмеченными. Так, государственный канцлер граф И.Ф. Штадион в 1809 г., когда Габсбурги отказались от титула «императора Священной Римской империи германской нации» и приняли титул «Австрийских императоров», произнес: «Мы конституировались как нация»². Известный исследователь европейского национализма В. Лемберг видит начало формирования австрийской нации в объединении против турецкой угрозы (XVII в.), завершение – в реформах Марии-Терезии и Иосифа II (конец XVIII в.)³. В 20-х годах нередко были высказывания, свидетельствовавшие о «специфически австрийской саморефлексии». Многие политики и общественные деятели, – преимущественно католики, – призывали расколотое общество объединиться вокруг идеи австрийской самостоятельности. Руководитель христианского рабочего движения (было и такое направление в ту пору) Л. Куншак, выступая в июле 1920 г. с докладом о положении в стране, говорил о невозможности принятия планов «Дунайской конфедерации» или аншлюса: «Австрия жизнеспособна, она может и должна быть самостоятельным государством»⁴. На необходимость серьезной работы, которая приведет к глубокому осознанию важности вопроса, поставленного перед австрийцами историей, писал в «предгрозовом» 1937 г. католический публицист Л. Андриан-Вербунг: «Враги Австрии хорошо знают, что не может быть исключительно политического патриотизма, что, несмотря на множество основательных причин, которые можно привести в пользу существования самостоятельного австрийского

¹ Heer F. Der Kampf um die österreichische Identität. Wien, Köln, Weimar. 3. Aufl. 2001.

² Was heißt Österreich? Inhalt und Umfang des Österreichbegriffs vom 10. Jahrhundert bis heute. Wien, 1995. S. 271.

³ Österreich. Von der Staatsidee zum Nationalbewußtsein. Wien, 1982. S. 445.

⁴ Bruckmüller E. Deutsches und österreichisches Bewußtsein im Österreich des 20. Jahrhunderts // Kontroversen um Österreichs Zeitgeschichte. Frankfurt/Main, 2008. S. 336.

государства, оно не продержится долго, если в его основании не будет, соответственно, австрийской нации»¹.

В вышедшей в 1924 г. книге католического общественного деятеля О.А. Шмица «Австрийский человек» говорилось: «Народы создаются не общим языком, а общей судьбой; так, например, существуют два народа, говорящих на английском, и трехязычный народ Швейцарии»². В 1927 г. вышло в свет программное сочинение «левых» католиков, призывавших соотечественников к актуальному диалогу. Убежденные сторонники идеи самостоятельной австрийской нации, в числе которых был руководитель организации, созданной для этой работы, Э.К. Винтер, писали: «Австрийцы – не просто немецкое племя, подобное саксонцам или баварцам, а самобытный народ, соединивший в себе кровь и дух тех культур, которые расцветали здесь и приносили свои плоды»³.

Левые – социал-демократы и коммунисты – оставались некоторое время сторонниками присоединения к Германии, имея в виду ожидавшуюся вскоре германскую пролетарскую революцию. Об этом свидетельствовали партийные документы рабочих партий – так, например, в программе социал-демократов, принятой в 1926 г., одним из пунктов значился аншлюс⁴. В декларации конференции коминтерновских компартий, – с непременным участием австрийских коммунистов, – состоявшейся в Эссене на рубеже 1932-1933 годов, говорилось: «Конференция заявляет, что компартии всех стран, особенно компартии Франции и Чехословакии, обязаны поддержать всеми силами борьбу рабочего класса Австрии и КП Австрии против рабской системы Версаля и Сен-Жермена вплоть до разгрома этой системы... Конференция заявляет, что нижеподписавшиеся партии берут на себя обязательство вести борьбу за полное и неограниченное право

¹ Andrian-Werbung L. von. Österreich in Prisma der Idee. Graz, 1937. S. 396.

² Schmitz O.A.N. Der österreichische Mensch. Zum Anschauungsunterricht für Europäer insbesondere für Reichsdeutsche. Wien, 1924. S. 26.

³ Knoll A.M. u.a. Die österreichische Aktion. Programmatiscbe Studien. Wien, 1927. S. 282.

⁴ «Социал-демократия рассматривает аншлюс Немецкой Австрии к Германии как необходимое завершение национальной революции 1918 года». Österreichische Parteiprogramme 1868–1966. Wien, 1967. S. 264.

австрийского народа на самоопределение, что означает право Австрии на добровольное присоединение к Германии»¹.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов левые отказались от своей прежней позиции и встали в ряды строителей независимой австрийской нации. Один из теоретиков австрийской компартии Альфред Клар выступил на страницах журнала “Weg und Ziel” с развернутой концепцией самостоятельности австрийской нации весной 1937 года. По его мнению, к этому времени процесс формирования австрийской нации приближается к завершению. Помимо ссылок на ход политической истории страны в первой трети XX века, автор идеи имел в виду территориальную устойчивость «собственно австрийских» земель, характерные черты австрийской культуры и, кроме того, привел особые черты австрийского национального характера. Что касается еще одного необходимого признака нации, согласно принятой марксистской схеме, – национального самосознания, то, по А. Клару, оно находилось в стадии становления. «Особенностью становления австрийской нации является то, что этот процесс сопровождается историческим спором двух национальных направлений – австрийской и немецкой ориентации – в самом австрийском народе. Поэтому формирование собственной, отдельной от немецкой, нации – вовсе не однозначный процесс»².

Гитлеровская аннексия Австрии весной 1938 г., превращение ее в провинцию «Третьего рейха» (само название «Австрия» было запрещено!) ускорили процесс единения австрийцев. Антифашистское сопротивление вскоре стало называться национальным. Восстановление австрийского суверенитета после 1945 г. стало завершающим периодом становления австрийской нации. «Для молодых австрийских граждан вопрос о нации не является более вызовом, ведущим к конфликту, – сказал известный австрийский историк Р.Г. Плашка на московском симпозиуме в честь двадцатипятилетия Государственного договора с Австрией. – Что он австриец, независимо от близких и дальних национальных связей, – это для него само собой разумеется»³.

¹ Коммунистический Интернационал. 1933. № 3. С. 57.

² Цит. по: *Garscha W.R. Überlegungen zur österreichischen Nationswerdung // Bulletin des Arbeitskreises „Zweiter Weltkrieg“.* Leipzig, 1988. № 1–4. S. 55.

³ 25 Jahre Österreichisches Staatsvertrag. Wien, 1981. S. 48.

Вопрос об австрийской нации перестал быть предметом дискуссий. Время от времени возникают споры об отдельных частностях процесса. Так, в сравнительно недавнем выступлении В. Гарша говорил о завершении формирования австрийской нации еще в годы Первой республики¹. Нам представляется это утверждение не вполне обоснованным, что, впрочем, не мешает движению исторической мысли.

¹ *Garscha W.R.* Für eine neue Chronologie der österreichischen Nationsgenese // *Kontroversen um Österreichs Zeitgeschichte*. Frankfurt/Main, 2008. S. 346–353.

СКАНДИНАВСКИЕ «ЭКС-НЕЙТРАЛЫ» ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МЕСТО И РОЛЬ В НОВОЙ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Первая мировая война продемонстрировала, что несмотря на игнорирование Германией международно-правых норм в отношении нейтральных стран, некоторые из них все же сумели избежать втягивания в войну. Так, скандинавские страны объявили о своем намерении не участвовать в споре великих держав, подписав совместную декларацию о нейтралитете накануне войны в 1912 г.¹ И сумели пройти всю войну, сохранив мир на своей территории.

На сегодняшний момент с определенной долей уверенности можно сказать, что в этом была лишь отчасти заслуга самих скандинавов. На момент Первой мировой войны в планы Германии не входило нападение ни на Швецию, ни на Норвегию, ни даже на соседнюю Данию. Если в первые годы войны еще существовала идея вовлечения Швеции в конфликт на стороне Германской империи, то к середине 1915 г. в военных кругах обеих стран пришли к обоюдному пониманию, что богатая железорудными запасами благожелательно настроенная северная соседка могла принести куда больше пользы империи, сохраняя статус активно торгующего нейтрала², чем союзника. Опасным и неразумным представлялось вовлечение скандинавских стран в военные действия и государствам Антанты, предпочитавших, порой, благожелательный (как в случае со Швецией – прогерманский), но все же нейтралитет.

¹ SFS (Svensk författningssamling) 1912:346. См. подробнее: *Gihl T.* Den svenska utrikespolitikens historia. 4, 1914-1919. Stockholm, 1951. S.; *Andren N.* Maktbalans och alliansfrihet. Svensk utrikespolitik under 1900-talet. Angered, 1996. S. 43; *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. С. 78; *Новикова И.Н.* Между молотом и наковальней. С.-П. 2006.

² *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 34–35.

В годы Первой мировой войны Скандинавия находилась между двумя воюющими блоками, что позволяло балансировать между ними. Обе воюющие группировки признавали нейтралитет малых стран, используя Скандинавию как сырьевую базу и торгового партнера, а также пользуясь их территориальными водами и торговым флотом для транспортировки товаров.

Безусловно, нельзя списывать со счетов многочисленные людские потери среди мирного населения нейтральных Дании и Норвегии после объявления Германией неограниченной подводной войны в феврале 1917 г. За последние два года войны было потоплено двести семьдесят пять датских судов, ходивших под нейтральным флагом. И в общей сложности около семисот погибших моряков¹. Потери Норвегии составили еще больше. В феврале 1917 г. число потопленных кораблей было двадцать девять, в марте – уже пятьдесят два, а в апреле количество судов, которые пошли ко дну, достигло своего рекордного уровня – сорок три корабля². Потери среди мирного населения нейтральной Норвегии намного превосходили датские.

Тем не менее учитывая масштабы и последствия военного конфликта, исход войны для скандинавов все же можно считать удачным. Кроме того, невовлечение скандинавских стран в войну привело к формированию нейтралистского образа мышления среди населения этих государств и внушило ряду политических деятелей уверенность, что и в будущем целесообразным является следовать политике нейтралитета. Подтверждением этому стала новая декларация о нейтралитета, которую подписали скандинавы и примкнувшая к ним Финляндия уже накануне Второй мировой войны в мае 1938 г.³

Следовательно, внешнеполитическая деятельность скандинавских правительств в межвоенный период была направлена в основном на защиту и развитие идеи нейтралитета. При этом приверженность политике нейтралитета, ставшего в определенном смысле

¹ История Дании. XX в. М., 1998. С. 410.

² *Pucste V.* История внешней политики Норвегии М., 2003. С. 138–139.

³ Declaration med Danmark, Finland, Island och Norge angående likartade neutralitetsbestämmelser (SÖ 1938:17). // См. подробнее: *Lindholm R. H.* Sveriges neutralitet. Stockholm, 1987. S. 251–254.

скандинавской традицией¹, сочеталась с пониманием, что нейтралитет сам по себе не является преградой, если государство стояло на пути к реализации военно-стратегических замыслов. Самостоятельная активная политика как в зоне своих прямых интересов – в балтийском регионе, так и в рамках экономического сотрудничества со многими, в том числе не европейскими, государствами была опасна и чревата серьезными последствиями без поддержки мировых лидеров.

В Скандинавии осознавали негативные последствия политики изоляции и стремились занять свое особое положение в рамках складывавшейся новой системы международных отношений. Версальские договоренности, подарившие миру новую Европу, сулили и новые роли скандинавским странам в большой политике великих держав. Особенно на эту роль – активного самостоятельного игрока на международной арене и регионального лидера – претендовала Швеция, которая оставалась к моменту завершения войны фактически единственным государством на Балтике со стабильной экономикой и политическим влиянием. Успех ее политики нейтралитета складывался из целого комплекса составляющих. Это и выгодное геополитическое положение, и достаточная обороноспособность, и активная общественная позиция. После окончания войны как страна, не обладавшая статусом постоянного нейтралитета, но стремившаяся утвердить в сознании великих держав отрицание войны как таковой, Швеция вступила на путь популяризации идей мира, разоружения и неучастия в конфликтах. Скандинавские коллеги из Норвегии и Дании разделяли такой подход, ориентируясь на Швецию в своей региональной политике. А вместе они составляли группу единомышленников, активно проявивших себя в рамках созданной международной организации Лиги Наций.

Незадолго до создания организации, 11 января 1919 г., шведский король Густав V выступил перед членами риксдага с речью, в которой огласил общее намерение правительств Швеции, Дании и Норвегии начать подготовку к вступлению скандинавских стран в состав Лиги Наций, которая, по мнению монарха, должна была взять на себя

¹ Имеется целый ряд совместных деклараций о нейтралитете, подписанных между современными скандинавскими странами. Например, в 1697 г., 1691 г., 1693 г., 1765 г., 1780 г., 1794 г., 1800 г.

ношу обеспечения мира¹. Поэтому как только в Версале начала свою работу мирная конференция, три скандинавские страны направили совместную ноту французскому правительству, где указали на крайнюю важность участия всех цивилизованных государств в работе над созданием Лиги Наций. На правительственном уровне был также подготовлен свой собственный проект Устава, который стал одним из многочисленных планов европейских государств, рассчитанный на то, чтобы сделать работу Лиги максимально эффективной, и отправлен вместе с нотой на рассмотрение лидерам европейских стран.

21 января 1919 г. правительственными комитетами Дании, Норвегии и Швеции был разработан и подписан проект международных конференций, которые периодически должны были проводиться с целью сохранения мира в балто-скандинавском регионе. Проект был представлен всем странам, участвовавшим в работе Версальской конференции. Тем не менее прерогатива решения международных проблем, как известно, принадлежала представителям держав-победительниц. В итоге, предложение, исходившее от бывших нейтралов было воспринято в качестве мнения, не обязательного к рассмотрению².

Сама по себе идея создания Лиги Наций была принята с скандинавских странах с энтузиазмом, а участие в ней представлялось крайне желательным. Одним из первых, кто откликнулся на появление международного арбитража в виде организации стал лидер шведской социал-демократической рабочей партии Швеции Яльмар Брантинг. Исповедуя идеалы мира и братства, противодействуя империализму, безудержному национализму, а также милитаризму, он приветствовал вступление своей страны в ряды Лиги Наций в одном из своих многочисленных выступлений, назвав этот решительный шаг «долгом перед всем человечеством». Он поддерживал идею создания организации, осуществляющей международный арбитраж, и верил,

¹ Bihang till Riksdagens Protokoll vid lagtima riksdagen i Stockholm år 1919, Samling 1, Bd 3, Kungl. Maj:ts propositioner nr 3+40.

² *Gram-Skjoldager K., Tønnesson Ø. Unity and Divergence. Scandinavian Internationalism 1914–1921 // Contemporary European History. 2008. Vol. 17. № 3. P. 316.*

что она могла заменить расколотый и ослабленный Интернационал¹. Новая эпоха, которая наступила после окончания крупнейшей в истории человечества войны, по его мнению, призывала отказаться от освященного временем нейтралитета, состоявшего в том, что шведы не вмешивались в дела остального мира и оставались вне международных конфликтов, насколько это было возможно и допускалось воюющими державами»².

Уже в ходе работы Версальской мирной конференции скандинавские страны получили устное приглашение войти в состав Лиги на правах её соучредителей³. Это стало первым шагом на пути вовлечения нейтралов в международный диалог. Спустя некоторое время, в марте 1919 г., в торжественной обстановке люксового парижского отеля «Крильон» европейским нейтралам, было предложено войти в состав Лиги Наций. Однако имелась оговорка, которая могло поколебать решимость малых стран подписать Статут Лиги. Одним из условий присоединения стать членом организации «без всяких оговорок посредством декларации» в течение двух месяцев с момента вступления в силу соглашения⁴. Окончательный вариант соглашения был оформлен 28 апреля 1919 г. на пленарной сессии в Версале и 28 июня 1919 г. включен в первую часть Версальского мирного договора, вступив в силу с 10 января 1920 г., в первый день работы Лиги Наций⁵. Таким образом, нейтральные страны получили для обдумывания полученного ими предложения более восьми месяцев.

Следует отметить, что представленный международной общественности проект Устава Лиги Наций разочаровал скандинавских политиков. Они указывали на тот факт, что создание Лиги Наций должно было положить конец практике военных союзов, как наступательных, так и оборонительных, которые сообразно целому ряду статей отныне считались незаконными. Государства обязались не прибегать к войне и строить свои отношения, основываясь на международном праве.

¹ *Linder J. Svår neutralitet: Sverige under två sekel.* Stockholm, 2003. S. 50.

² Riksdagens protokoll. Andra kammaren (AK). № 18, 1920. S. 32, 40.

³ *Кан А.С.* История скандинавских стран. М., 1980. С. 182.

⁴ *Илюхина Р.М.* Лига наций. 1919-1934. М., 1982. С. 94.

⁵ *Jones S. J. The Scandinavian States and the League of Nations.* New York, 1939. P. 63; *Tingsten H. The Debate on the Foreign Policy of Sweden 1918–1939.* Oxford, 1939. P. 15.

Однако, несмотря на декларированные цели мирного урегулирования споров и коллективного отпора военной угрозе, в основном документе Лиги, как подчеркивали «экс-нейтралы» отсутствовала идея полного и окончательного отказа от войны и агрессии как политического средства. А статьи об обязательствах по охране мира были довольно туманны и содержали множество лазеек для оправдания агрессивных действий.

Многие статьи вызывали вопросы, особенно правительства Швеции, Норвегии и Дании огорчал момент, связанный с отсутствием даже упоминания о нейтральных странах, хотя из 44 государств, изначально вошедших в состав Лиги Наций, 13 относили себя к нейтралам. Таким образом, права нейтральных государств зафиксированы в Статуте просто-напросто не были. Это означало, что вступление в Лигу Наций неминуемо влекло за собой добровольный отказ от проверенной политики нейтралитета. Сложное решение, которое предстояло принять скандинавским политикам привело к необходимости отказа от прежних политических амбиций и сосредоточиться на более конкретных действиях.

Соотнеся риски, скандинавские страны все же предпочли отказаться от права именоваться нейтралами в обмен на гарантии безопасности со стороны творцов Версаля, зафиксированные послевоенными договорами. С этого момента государства Швеция, Норвегия и Дания, а также еще целый ряд стран, следовавших политике нейтралитета в годы войны, стали именоваться «экс-нейтралами».

В рамках организации скандинавское сотрудничество перешло на более конструктивную основу. Тесное взаимодействие с «братскими» скандинавскими странами способствовало разрешению ранее имевшихся противоречий и способствовало переосмыслению традиционной политики нейтралитета с целью укрепления ее основ. Такая позиция нашла выражение в конструктивной критике в адрес нового международного порядка и попытке корректировки Устава Лиги Наций с первого дня работы организации.

Так называемые «экс-нейтралы» с самого начала выработали стратегию кооперации, выступая часто единым фронтом в сомнительных, по их мнению, мероприятиях, требовавших от них вступать в противоречие с их нейтралистской природой.

Ярким примером является «борьба» против 16 статьи Устава Лиги, которая превратилась в объектом постоянной критики скандинавов, которые опасались втягивания в противостояние великих держав в будущем¹. В ней оговаривалось, что в случае если один из членов Лиги Наций первым осуществит военные действия против другого члена организации вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то его действия следовало причислять к акту войны против всех остальных членов Лиги. Это, в свою очередь, накладывало обязательства на всех участников организации и выражалось в требовании немедленно разорвать все торговые и финансовые отношения с агрессором и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, даже вне зависимости являлось ли оно членом Лиги Наций или нет. Более того Совет был обязан предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав сухопутных, морских или воздушных сил, посредством которых члены Лиги должны были участвовать в военных мерах, предназначенных для умиротворения агрессора. В свою очередь, члены организации соглашались оказывать друг другу взаимную поддержку при применении экономических и финансовых мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума возможные потери и неудобства. Они также равным образом должны были оказывать взаимную поддержку для противодействия всяческим контрмерам, направленных агрессором против участников санкций.. Соответственно, всякий член Лиги, признаваемый виновным в нарушении одного из обязательств Устава Лиги, мог быть исключен из организации посредством голосования всех остальных членов Лиги, представленных в Совете.

Но наибольшей проблемой скандинавам представлялись участие не в экономических, финансовых или дипломатических санкциях, а гипотетическая необходимость принимать участие в военных операциях, что тоже оговаривалось 16 статьей. Устав предписывал применение военных средств усмирения только при условии безуспешности процедуры примирения сторон, в порядке рекомендованных

¹ *Viklund D. Neutralitet debatten: tro, vetande och illusioner. Stockholm, 1989. S. 26.*

Советом Лиги Наций санкций, и неэффективности невоенных методов воздействия¹. В виду необязательного характера этих рекомендаций, они также не требовали единогласного решения Совета Лиги. Кроме того, если исполнение экономических санкций было обязательным для всех членов Лиги Наций, то участие в военных санкциях носило рекомендательный характер. Государство, получавшее подобные рекомендации, имело «законное право самостоятельно принимать решение об их исполнении»². Каждый член Лиги Наций мог самостоятельно решать, что после нарушения состояния мира другим государством, вопреки уставу Лиги Наций, он считал себя находящимся в состоянии войны с нарушителем мира и мог принять военные меры против него. Именно на этом настаивали скандинавы, оправдывая свою решимость вступить в ряды Лиги Наций в 1919 г.³

И все же не доверяя свою судьбу воле случая, скандинавские страны единогласно выступали против использования Лигой Наций военных санкций. Делегации трех стран – Швеции, Норвегии и Дании – делали многочисленные попытки внести коррективы в статью 16. В частности, в ноябре – декабре 1920 г. ими была предложена поправка: государству – члену Лиги, которому угрожает опасность в случае выполнения предписанных статьей 16 Устава обязательств, Совет мог позволить сохранить прежние взаимоотношения со страной-агрессором⁴ для последующей нормализации связей.

В итоге никаких изменений в статью 16 ни тогда, ни в последствии внесено не было. Скандинавские страны самостоятельно искали выход из невыгодной для них ситуации. И первое, что взяли на вооружение «экс-нейтралы», это обусловленность применения санкций признанием «акта войны против всех других членов Лиги Наций, т.е. всех членов Ассамблеи Лиги»⁵. При этом в качестве защиты интересов скандинавов работала статья 10, которая предписывала

¹ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину «К приезду Идена», 22.03.1935 // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 117-118.

² *Lindholm R.H. Sveriges neutralitet. Lund, 1987. S. 174*

³ *Törnblom V. Utrikespolitisk passivitet eller aktiv fredspolitik. Stockholm, 1935. S. 11.*

⁴ *Ørvik N. The Decline of Neutrality 1914-1941. Oslo, 1953. P. 124.*

⁵ *Илюхина Р.М. Указ. соч. С. 84.*

уважать и сохранять территориальную целостность и политическую независимость государства, а также право членов организации самостоятельно определять степень агрессивности того или иного члена Лиги и как следствие применение к нему соответствующих санкций. Таким образом, имелась лазейка, чтобы не признать в нарушителе Устава агрессора и не применять к нему военные санкции, которые рассматривались в Скандинавии противоречащими нейтралистским установкам большинства.

Впервые наиболее явственно угрозу миропорядку «экс-нейтралы» ощутили, когда Италия напала на Абиссинию. Фиаско, связанное с решением итало-абиссинского конфликта, окончательно выявило всю серьезность кризиса Лиги Наций. Захват Эфиопии не мог оставаться изолированным актом, он открыл собой целую цепь вооруженных конфликтов, приведших в конечном итоге к войне мирового масштаба. Поэтому, опасаясь быть втянутыми в военные разборательства европейских сил, министр иностранных дел правительства Ф. Персона-Брамсторпа, К.Г. Вестман, осенью 1936 г. заявил о прекращении участия шведской стороны в политике санкций¹. Отныне шведское правительство в авантюру с санкциями не вступало. Изначальное понимание их эфемерности делало политику санкций попросту бесполезной. Кроме того, с каждым новым кризисом укреплялось мнение, что санкции в условиях тогдашних политических устремлений со стороны великих держав не смогут остановить даже локальную войну². 1 июля 1936 г., незадолго до отмены Советом Лиги Наций всех санкций против Италии (15 июля), министры иностранных дел Норвегии, Дании, Финляндии, Швейцарии, Испании, Голландии и Швеции опубликовали совместное заявление (так называемое «Заявление семи нейтралов»), которое явилось первым открытым шагом в деле ограничения участия стран в коллективных санкциях и переходу к позиции невмешательства³. Исследователь Ю.Н. Рахманинов описал позицию нейтралов словами: «спасайся, кто как может» и обвинил страны в негласном содействии полити-

¹ *Håstad E.* Sveriges historia under 1900-talet. Stockholm, 1959. S. 36.

² *Bagge G.* Politiska tal. År 1938. Stockholm., 1939. S. 33.

³ *Самотейкин Е.М.* Растоптанный нейтралитет. М., 1971. С. 59.

ке попустительства агрессии, проводимой великими державами – Англией и Францией¹.

Место коллективной безопасности постепенно заняли рассуждения о праве малых народов на свободу действий, об их воле к сохранению нейтралитета, о северной и скандинавской солидарности и пр.² «Не забывая о том, что правила, относящиеся к применению статьи 16, были приняты в 1921 г., – указывалось в заявлении, – мы хотели бы отметить, что до тех пор, пока Статут в целом будет соблюдаться неполно и непоследовательно, мы обязаны иметь этот факт в виду в связи с применением статьи 16»³. Таким образом под впечатлением англо-французской политики «умиротворения» агрессоров разочарованные малым эффектом коллективных действий Лиги Наций против держав-агрессоров так называемые экс-нейтралы коллективно отказались в течение 1936–1938 гг. от обязательного выполнения решений Совета Лиги, касающихся санкций.

Между тем участие в подобном международном форуме воспринималось северными «экс-нейтралами» как возможность быть услышанными. И в этом смысле даже критика Устава, не получившая должного развития, имела серьезное значение, так как могла быть расценена как добровольный отказ скандинавов от каких-либо авантюр и демонстрация политической смелости и независимости. Более благоприятной внешнеполитической платформы для скандинавских стран после окончания мировой войны нельзя было и придумать. Теперь нейтралитет вопреки букве Устава Лиги выносился на обозрение всей мировой общественности и пропагандироваться в качестве международной доктрины.

Лига стала не только ареной жестких политических дебатов, но и трибуной, с которой высказывались поучительные в обличительной форме речи в адрес тех или иных государств. Вспомнить хотя бы агрессию Японии в Маньчжурии, Итало-Абиссинский конфликт, Гражданскую войну в Испании.

¹ Рахманинов Ю.Н. Опыт европейской безопасности: исторический опыт ее решения, 1917–1977. М., 1979. С. 97.

² См.: Sveriges deltagande i sanktionspolitiken. // Sandler R. Utrikespolitisk kringsblick. Anföranden 1936. S. 5-19.

³ Øvriik N. The Decline of Neutrality 1914-1941. Oslo, 1953. P. 177–178.

Скандинавские «экс-нейтралы» развивали еще одну очень важную мысль – это необходимость как можно скорее интегрировать в работу Лиги крупных политических игроков (США, добровольно отказавшихся от участия, и сознательно не приглашенных Германию и Советскую Россию). Без участия крупных акторов нейтралитет, о котором в рамках Лиги так много говорили нейтралы, просто терял смысл. Особенно скандинавские политики были заинтересованы в интегрировании СССР и Германии, что могло в определенной мере снять обеспокоенность за свою безопасность.

В Лиге Наций скандинавские страны составляли своеобразное сообщество, с присущим ему духом единства, общей системой представительства в международных органах и взаимной поддержкой на переговорах. Скандинавское «блокирование» основывалось, в первую очередь, на взаимовыгодном лоббировании актуальных политических интересов малых стран. При этом каждая из скандинавских стран решала свои конкретные национальные задачи. Сотрудничество со «скандинавскими братьями» стало важным элементом внешнеполитической стратегии стран Северной Европы. На международной арене.

Во многом координация взглядов в Женеве как закрепившаяся дипломатическая традиция, отражавшая изменившийся после Первой мировой войны образ мышления, способствовала эволюции скандинавского политического сознания и последующему «перетеканию» идеи о необходимости развития сотрудничества стран Северной Европы на региональный уровень их взаимоотношений¹. В условиях роста международной напряженности в 1930-е гг., когда потребность во взаимных консультациях перед встречами Лиги наций возросла, официально возобновленные в 1934 г. конференции министров иностранных дел северных стран представляли собой, по сути, интенсификацию контактов, установленных в Женеве в предшествующее десятилетие, о чем свидетельствуют повестки первых министерских встреч.

¹ См. подробнее: *Корунова Е.В.* Конференции министров иностранных дел стран Северной Европы в 1930-е гг. Поиски гарантий безопасности // *Северная Европа: проблемы истории* / отв. ред. А.А. Комаров, О.В. Чернышева. М., 2011. С. 128–145.

МИЛИТАРИЗМ И ФАШИЗМ В ИРЛАНДИИ В СВЕТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ И ПОСЛЕДСТВИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Современная республика Ирландия подчеркивает свой нейтральный статус, история становления которого восходит к двум мировым катастрофам XX в. И хотя Ирландия не была непосредственным актором ни Первой, ни Второй мировых войн, эти события вовлекли ее в общеевропейский контекст.

В конце XIX в. ирландский национализм, как и многие национальные движения в Европе, преобразился и окреп благодаря начавшемуся культурному возрождению. У истоков этого процесса стояли две организации: Гельская атлетическая лига и Гэльская лига.

Гэльская атлетическая лига была основана в 1884 г. ирландским учителем Майклом Кьюзаком с целью развития национальных игр и физической культуры. Но, как и в случае с аналогичными спортивными организациями в Европе и Северной Америке, Лига дала сильный толчок развитию патриотизма и ирландской национальной идентичности. Хотя в исследованиях по истории Гэльской атлетической лиги в Ирландии обычно говорится о самостоятельном возникновении (или «изобретании») гэльского спорта¹, вполне вероятно, что идеи спортивной организации черпались из возникшего в 1862 г. в Чехии движения «Сокол», вскоре воспарившего над Восточной Европой и вдохновившего на создание «гнезд» активистов во многих славянских странах (Польше, Словакии, Сербии, Словении, Украине, России и т.д. Аналогичные движения существовали также в США и Германии². Известно, что деятельность «Сокола», прежде всего, его слеты и фестивали, способствовала формированию и распространению национальных мифологий. В создаваемых сокольским движе-

¹ См., напр.: *Comerford R.V.* Ireland. L., 2003. P. 212–225.

² См., напр.: *Nolte C.E.* Our Brothers Across the Ocean: The Czech Sokol in America to 1914 // *The International Journal of the History of Sport.* 2009. Vol. 26. No. 13. P. 1963–1982.

нием гимнастических клубов его участники наряду со спортивными тренировками изучали азы военного дела (строевые упражнения, стрельбу). Из их среды вышли многие будущие лидеры молодых наций и новых государств. В то же время, нельзя исключать существования определенной закономерности в развитии национальных движений и их связь на определенных этапах со спортом без наличия внешнего раздражителя. Ведь отличительной черной деятельностью М. Кьюзака являлось возрождение именно ирландских национальных игр (хёрлинг, гэльский футбол) и бойкот английских (футбол (soccer), крикет и т.п.). Напротив, «Сокол» и аналогичные ему движения развивали физическую культуру в целом без явной враждебности к иностранным играм.

Не будем также забывать, что характерной чертой эпохи рубежа XIX – начала XX вв. был милитаризм, связанный с напряженной международной обстановкой и гонкой вооружений. По мнению ряда исследователей решительным толчком к милитаризации политической жизни начала XX в. непосредственно в Ирландии послужил Ольстерский кризис 1912–1914 гг. и создание Ольстерских добровольческих сил (ОДС), готовых с оружием сопротивляться гомрулю (законопроекту о самоуправлении). Ответ националистов не заставил себя ждать – появляется движение Ирландских волонтеров (ИВ), получившее в 1914 г. общенациональный размах. Следует отметить большой процент молодежи в рядах ИВ, благодаря чему молодежь вовлекалась в активную политическую жизнь. Достаточное число молодых людей уже были готовы к подобной деятельности благодаря своему участию в Гэльской атлетической лиге и схожих спортивных кружках.

Бесспорно, приближавшаяся европейская война также наполняла воздух запахом пороха, культом дисциплины и военного обучения, что нашло воплощение в отмеченных движениях, а также молодежных группах по военной подготовке без националистического налета, например, в отрядах бойскаутов (с 1908 г.) и различных спортивных клубах. Молодые люди, прошедшие через такие организации, как предполагалось, приобретали веру в свои силы, привычку к самоконтролю и спортивное телосложение.

На первом этапе существования ИВ руководящую роль в движении занимала нелегальная революционная организация Ирландское

республиканское братство (ИРБ). Постепенно в него влились раннее существовавшие стрелковые клубы и юношеская военизированная организация «Воины Ирландии», инструктаж среди волонтеров вели резервисты британской армии. Цель ИВ имела революционный характер: «возродить принцип доверия народа к использованию оружия в достижении цели, которую, как стало очевидно в последнее время, он никогда не получит никакими другими способами. Эта цель – независимость Ирландии»¹. Для этого необходимо было заручиться поддержкой общественного мнения и объединить под эгидой ИВ все националистические политические группы. И на первом этапе этого удалось добиться. Постепенно движение ширилось, а включение летом 1914 г. в состав управления двадцати пяти сторонников Джона Редмонда, лидера Ирландской парламентской партии (ИПП), придало ему действительно национальный размах (с 25 тыс. членов в мае до 182 тыс. в сентябре 1914 г.), в то же время существенно ослабив его революционный потенциал.

С началом войны Дж. Редмонд и Эдуард Карсон, лидер ОДС, объявили о готовности защищать интересы Британской империи в Европе. Оба деятеля торговались с военным ведомством за выгоды для себя и своих сторонников: Дж. Редмонд отстаивал ведение гомруля в Ирландии; Э. Карсон стремился укрепить позиции Ольстера в империи.

В итоге с началом войны в армию вступило около 24 тыс. волонтеров ИВ (7,5 тыс. погибли) и около 30 тыс. членов ОДС. (16 и 36 дивизии). Всего за годы войны Ирландия дала британской армии и флоту около 210 тыс. человек. Это стало наибольшим показателем участия ирландцев в военном конфликте за всю историю². Но по мере затягивания войны число рекрутов сокращалось.

Политика Дж. Редмонда, направленная на сотрудничество с английским правительством, в том числе его помощь в вербовке ирландцев в британскую армию, вызвала резкую критику среди организаций

¹ Anlage zu A 18292. Geheim! Rudolf Nadolny, Stellv. Generalstab der Armee, Abteilung IIIb, Sektion Politik an das Auswärtigen Amt. 8. Juni 1915 // Politisches Archiv, Auswärtiges Amt, Der Weltkrieg Nr. 11k, Unternehmung und Aufwiegelung gegen unsere Feinde unter den Iren, secr. Bd. 9 (R 21161). Bl. 41.

² Fitzpatrick D. The Two Irelands, 1912–1939. Oxford, 2006. P. 54.

революционного направления. В результате в конце сентября 1914 г. движение ИВ раскололось на сторонников ИПП – Национальных волонтеров – и приверженцев революционного направления, которые сохранили старое название движения. Постепенно во главе ИВ встали члены ИРБ, взявшие курс на восстание в Ирландии еще до окончания войны.

После раскола ИВ перед их лидерами встала задача реорганизации. В декабре 1914 г. движение было реформировано на основе разработанной «Схемы военной организации ИВ». В данном документе строго прописывалась структура, дисциплина, численность подразделений, а также ранги офицеров и состав высшего командования ИВ. Все подразделения строились по территориальному принципу с широким самоуправлением¹. «Схема военной организации ИВ» была своего рода военным Уставом организации с прицелом на будущее.

Деятельность ирландских волонтеров заключалась в проведении парадов и маршей в дни национальных ирландских праздников. Это служило лишним поводом для пропаганды антивоенных и антибританских идей. Но не менее важным являлось то, что волонтеры приобретали необходимый военный опыт и знания, которые могли быть испытаны в случае начала восстания.

Следует отметить, что все приготовления к восстанию проходили в строгой секретности даже внутри ИВ и ИРБ. Поэтому массового вовлечения ирландских волонтеров в восстание в Дублине в апреле 1916 г. не произошло. Большой отряд волонтеров действовал в самом городе, были небольшие выступления по стране. После арестов организация ИВ сильно сократилась, однако в 1917 г. начинается новая страница в истории движения, отделения которого охватывают всю страну. Своего рода революционной школой стали тюрьмы и лагеря, где, «кристаллизировалась грозная революционная элита»². В ходе жарких дискуссий на политические темы многие будущие ирландские лидеры сформировали свои позиции.

После подавления восстания английская администрация вводила запреты на ярмарки, рынки и футбольные матчи. Масштабные

¹ The Irish Volunteers, 1913–1915: Recollections and Documents / Ed. by F.X. Martin, O.S.A. Sallins. Merrion, 2013. P. 183–193.

² Fitzpatrick D. The Two Irelands, 1912–1939... P. 64.

репрессии, которые она применяла к ирландскому населению (даже не членам движения волонтеров), привели к усилению воинственных настроений среди бывших сторонников парламентской партии, выступавшей за реформы и против революций.

Окончание войны и возвращение ирландских солдат домой не принесло отвращения к милитаризму, напротив, возвращались мужчины, имевшие боевой опыт, способные проявлять беспощадность в бою и пренебрежение к человеческой жизни. Попав в гражданскую, мирную среду они столкнулись с проблемой трудоустройства, трудностью приобщения к мирной жизни. Некоторые испытывали ностальгию по грубой окопной жизни, боевому братству¹. Многие из них вновь брали оружие и шли либо в британскую армию, либо в ряды националистов. Благо для такого применения в Ирландии были условия. В 1919–1921 гг. шла англо-ирландская война. Борьбу с английской администрацией на острове вела Ирландская республиканская армия (ИРА), так теперь стали именовать ИВ. Ее целью стало создание независимой республики. Хотя ИРА была плохо вооружена и слабо обучена, проводимая ей тактика оказалась успешной против регулярных частей.

Гражданская война 1922–1923 гг. стала по сути новым этапом Ирландской революции, когда борьба за будущий облик страны шла уже не против Англии, а между соседями, братьями, отцами и сыновьями. Некогда единая партия Шинн Фейн² распалась на два крыла: консервативное (фристейтеры) и республиканское (противники договора). В результате победу одержали фристейтеры.

После победы в гражданской войне у руля доминиона около десятилетия (в 1923–1932 гг.) стоял бывший ирландский волонтер

¹ См.: *Fitzpatrick D. Militarism in Ireland, 1900–1922 // A Military History of Ireland. Cambridge, 1996. P. 379–406.*

² Шинн Фейн (в переводе с гэльского «мы сами») – организация, созданная в 1905–1908 гг. ирландским журналистом А. Гриффитсом. Программа Шинн Фейн была нацелена на развитие национальной культуры и образования, развитие экономической, налоговой и административной самостоятельности Ирландии, бойкот британской промышленности и т.д. До восстания 1916 г. Шинн Фейн не имела широкой поддержки среди населения и лишь события в Дублине и жестокие репрессии в отношении ирландских патриотов выдвинули организацию на политическую авансцену Ирландии.

и участник Ирландского восстания, сторонник договора с Англией Уильям Косгрейв. Он придерживался консервативных взглядов и был одним из лидеров фристейтеров. Победители создали партию «Гэльская лига», опиравшуюся на бывших правых шинфейнеров и примкнувших к ним юнионистов, на крупные капиталистические фермы и средние слои в городах. Партия сплотила католических священников, офицеров армии и полиции, чиновников.

В 1926 г. оппозиционеры решили выйти из подполья и продолжить борьбу парламентскими методами, для чего создали партию «Фианна Фойл» («Солдаты судьбы»). В январе 1932 г. «Фианна Фойл» победила на всеобщих парламентских выборах. Придя к власти демократическим путем, она прервала затянувшееся правление консервативных сил. В ряды противников лидера «Фианна Фойл» Имона Де Валера попали бывшие чиновники и лишившиеся былых привилегий офицеры. Масла в огонь подливала истерия в среде правых вокруг усиления позиций коммунизма на острове, что ошибочно отождествлялось с возрастающим влиянием ИРА. Вообще, опасность распространения коммунизма была, как известно, навязчивым кошмаром многих правых политических сил Европы и особенно рвавшихся к власти фашистов.

В идеологии такого массового движения как фашизм видный отечественный исследователь А.А. Галкин подчеркивает его многоадресность, способствовавшую рекрутированию сторонников с самыми различными взглядами. Принято считать, что эта идеология складывалась из совокупности по меньшей мере четырех компонентов: радикального этнонационализма, этатизма, расизма и политического насилия в борьбе за власть¹. Хотя следует отметить, что попытки исследователей выделить фашизм в среде правых движений (особенно в отношении авторитарных консерваторов) наталкиваются на трудности. В частности, бытует мнение, что граница между этими силами правого спектра в межвоенный период становилась все более размытой².

¹ См., напр.: *Галкин А.А.* О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Политические исследования. 1995. № 2. С. 6–15.

² *Робертс Д.Д.* В поисках осмысления фашизма: взаимовлияние фашистских сил между двумя мировыми войнами // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 23; *Пинту А.К.* Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов

Консерваторы стремились использовать мобилизационный потенциал фашизма и выстраивали с ними отношения, преследуя свои цели в борьбе против левых и либералов. Одной из таких целей в данном случае являлся отказ от парламентской демократии в пользу корпоративного устройства¹. В своих работах американский историк Д.Д. Робертс убедительно показал, что развитие фашизма как атрибута новейшей эпохи происходило во взаимодействии национальных фашистских движений друг с другом и в их тесной связи с авторитарными консервативными кругами². Учитывая это взаимовлияние Робертс предлагает для описания исследуемого феномена понятие «фашизации», раскрывающее динамичность фашистских и авторитарно-консервативных режимов межвоенного времени³.

Есть все основания полагать, что на распространение фашизма в Ирландии повлиял мировой экономический кризис конца 20-х – начала 30-х годов XX в. Большую роль при этом сыграло то, что она, являясь аграрной страной, как и большинство подобных стран Центральной и Восточной Европы оказалась не в состоянии справиться с обвалом цен на сельскохозяйственную продукцию⁴.

Не следует также забывать влияние Первой мировой войны на социальную структуру ирландского общества. Пройдя войну, увидев другие страны, бывшие фронтовики уже не хотели возвращаться к прежнему образу жизни. В то же время им было присуще стремление организовываться в различные объединения ветеранов, что нередко вызывало тревогу у сограждан⁵.

На защиту ораторов Гэльской лиги от боевиков ИРА на встречах с населением встала организованная в феврале 1932 г. «Ассоциация товарищей по оружию» (АТО). Ее создателями были полковник

в диктаторских государствах Европы в межвоенный период // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 71.

¹ Робертс Д.Д. Указ. соч. С. 24.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Биделё Р. Этническая мобилизация, национальное самоопределение, «этнократия» и привлекательность авторитаризма в странах Центрально-восточной Европы и на Балканах (1918–1940 гг.) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3(26). С. 12–13.

⁵ Там же. С. 14.

Остин Бреннан и комендант Нед Кронин. В ассоциацию принимали только военных в отставке¹. Активисты АТО посещали митинги Лиги, на которых выступали в качестве телохранителей. Между тем политический климат в стране накалялся. Численность АТО достигла 20–30 тыс. человек. Отношения АТО с «Фианна Фойл» и ИРА становились все более жесткими. Постепенно у движения появляется характерная отличительная черта – униформа. Это была синяя рубашка с погонами и черными пуговицами, черными галстуком и беретом. Эмблемой движения стал Х-образный красный крест Св. Патрика². За эту форму активисты получили прозвище «синерубашечников», которое приобрело более широкую известность, чем породившее движение название организации. Здесь очевидно иностранное влияние, хотя лидеры движения его отрицали.

Внутри Ассоциации не было полного идеологического единства. Ирландский исследователь Ф. МакГарри выделяет в ней три секции. К первой (фашиствующей) секции относились сторонники установления авторитарного режима (Т. Ганнинг, Э. Блайт). Активисты второй секции избегали политизации движения и еще большего сближения с Гэльской лигой. По их мнению, задача АТО заключалась в том, чтобы служить оплотом от ИРА (Н. Кронин). Большее влияние имела третья секция, видевшая в Ассоциации простой инструмент возвращения власти Гэльской лиге (Т. О'Хиггинс)³.

Ситуация с политическим насилием со стороны АТО очень напоминала аналогичные методы в борьбе за власть других фашистских движений Европы, например, действия «боевых групп» Муссолини в Италии⁴. Главным объектом насилия становились коммунистическое и социалистическое движения. Борьба с организациями рабочих и социалистов приносила фашистам поддержку со стороны буржуазии, которая стала видеть в них своего защитника от левой угрозы. Поэтому неудивительно, что вскоре фашиствующие круги стали

¹ Manning M. *The Blueshirts*. Toronto, 1971. P. 32.

² Ibid. P. 55, 57; McGarry F. Eoin O'Duffy. *A Self-Made Hero*. N.Y., 2005. P. 249.

³ McGarry F. *Op. cit.* P. 208.

⁴ См.: *Альбанезе Дж.* Поход на Рим и завоевание власти фашистами // Березина. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 120.

временными партнерами потерявшей власть Гэльской лиги, что опять же имело схожие черты у движений-близнецов в Европе.

Как уже отмечалась, у нового движения в Ирландии имелись свои теоретики. К ним относились Э. Блайт, профессора М. Тиерни из Национального университета Дублина и Дж. Хоган из университета Корка. Для их взглядов был характерен воинствующий антикоммунизм и уверенность в том, что либеральная демократия не способна дать ответ на вызовы современности. На смену ей, как они полагали, должно было прийти корпоративное устройство. Стоит заметить, что идеи корпоративизма имели наибольшее распространение в обществах с сильной католической традицией. При этом нельзя забывать, что, по справедливому замечанию португальского исследователя фашизма А. Кошта Пинту, корпоративизм оказался в авангарде процессов гибридизации институтов диктатур фашистской эпохи «как новая форма организованного представительства интересов и как авторитарная альтернатива парламентской демократии»¹.

Новая страница в истории АТО связана с именем Оуэна О'Даффи. Генерал О'Даффи был избран лидером АТО в Дублине 20 июля 1933 г. Его кандидатура была неслучайной. Он был членом ИРБ, затем вошел в его Высший Совет. Участвовал в англо-ирландской войне, в ходе которой состоял в руководстве ИРА, а во время гражданской войны был назначен генералом Юго-Западного оперативного округа. На этом посту О'Даффи сблизился с харизматичным лидером «фристейтеров» М. Коллинзом. В сентябре 1922 г. он стал начальником ирландской полиции и занимал этот пост около 10 лет. Вместе с тем О'Даффи был широко известен благодаря своей общественной деятельности в качестве активиста Национальной ассоциации атлетики и велоспорта и Гэльской атлетической лиги, а также казначея Совета Ольстера. В 1932 г. он возглавлял ирландскую команду на Олимпийских играх. Генерал прожил недолгую жизнь и умер в 1944 г. в возрасте 52 лет.

20 июля 1933 г. О'Даффи выступил с программной речью. Тогда же был принят устав движения. В уставе провозглашались: необходимость воссоединения Ирландии; борьба с коммунизмом; оппози-

¹ Пинту А.К. Указ. соч. С. 72.

ционность иностранному контролю и влиянию во внутренних делах; поддержка христианских принципов в любой сфере общественной деятельности; сохранение общественного порядка; забота об организации и дисциплине волонтеров; руководство молодежью и ее поддержка в движении и т.д.¹ В уставе содержись идеи корпоративизма, которые впервые были внесены в ирландскую политическую повестку дня.

С приходом к руководству АТО О'Даффи движение стало еще более закрытым: ранее в него мог попасть любой мужчина, теперь членство в нем стало фактически недоступным для евреев и атеистов.

Члены Ассоциации проводили демонстрации и шествия в своей униформе. Росло число ее сторонников. К ним примкнул даже известный ирландский поэт Уильям Батлер Йетс, которого шествия «синерубашечников» вдохновили написание для них марша. В середине лета 1933 г. в Дублине был запланирован крупный парад с участием 20 тыс. «синерубашечников», который должен был состояться 20 августа. Правительство опасалось, что эта акция приведет к еще большим беспорядкам или даже попытке переворота. В Дублин была стянута полиция, а сам парад был запрещен. В данной ситуации следует сразу отметить разницу политического поведения О'Даффи и Бенито Муссолини. В историографии существует точка зрения, усматривающая в готовящемся параде предпосылки государственного переворота. Однако нам это представляется сомнительным, поскольку отсутствуют свидетельства подобных планов у «ирландского дуче». Наша точка зрения подтверждается также той легкостью, с которой генерал принял запрет парада властями. Таким образом, ирландская ситуация контрастирует с позицией Б. Муссолини и его сторонников, готовых к серьезным действиям против армии в октябре 1922 г., когда состоялся знаменитый поход итальянских фашистов на Рим. Более того, Б. Муссолини был уверен в сильных симпатиях военных к его движению².

Но вернемся в Ирландию, которая начала покрываться сетью отделений АТО. В ноябре 1933 г. в стране было 700 отделений, а в феврале 1934 г. их насчитывалось уже 1038 (более 40 тыс. чле-

¹ Manning M. Op. cit. P. 73-74; McGarry F. Op. cit. P. 209, 214.

² См.: Альбанезе Дж. Указ. соч. С. 121.

нов)¹. До раскола движения в 1934 г. организация трижды меняла названия: «Национальная гвардия», «Ассоциация молодой Ирландии» и «Лига молодых». Смена названий проходила с целью продолжить деятельность после запрета движения правительством.

Все больше молодых ирландцев симпатизировало «синерубашечникам». Вероятно их привлекала романтика маршей и туристических походов, дух товарищества и спортивной борьбы, а также танцы. Здесь налицо схожесть АТО с другими популярными движениями начала века. В секциях молодые люди, по утверждению генерала, приобщались к дисциплине, учились упорству, самоконтролю, самопожертвованию, ловкости, физическому и психологическому бесстрашию. Активизация «синих» вызвала новую волну насилия в стране, которое проявилось в двух формах. Первая – стычки с республиканцами. На улицах, дорогах, в общественных зданиях вспыхивали баталии между «синерубашечниками» и боевиками ИРА, а иногда и рабочими.

Причинами роста насилия служили, во-первых, усиление раскола между ИРА и правительством, которое видело в активистах нарушителей закона и спокойствия; во-вторых, последствия экономической войны с Англией, прежде всего экспортная катастрофа, ударившая по интересам среднего фермерства, когда объемы торговли с туманным Альбионом сократились с 36 млн фунтов стерлингов в 1931 г. до 19 млн в 1933 г. Еще одной причиной стало недоверие основных политических игроков друг другу. Страна находилась на грани новой гражданской войны.

В феврале 1934 г. Де Валера охарактеризовал генерала О'Даффи как «человека, который хочет установить диктатуру в результате государственного переворота». Вскоре на рассмотрение в Доyle был представлен Билль по ограничению ношения униформы. Над наследницей Гэльской лиги – политической партией Фина Гэл стали собираться тучи. 21 сентября 1934 г. генерал заявил о своей отставке с поста лидера партии. В движении «синерубашечников» произошел раскол: часть членов осталась с генералом, другая была преобразована в молодежную организацию партии Фина Гэл.

¹ *Manning M. Op. cit. P. 96–102.*

После этих событий лидер ирландских фашистов ненадолго исчез с политической сцены. С началом итальянской агрессии против Эфиопии в 1935 г. деятельность О'Даффи возобновилась. Он выступал с поддержкой действий Муссолини и осудил Лигу наций за политику санкций в отношении Италии. Итальянский «дуче» в письме поблагодарил коллегу за поддержку¹. Наибольшую известность О'Даффи получил благодаря участию в гражданской войне в Испании на стороне франкистов. Ирландское население сочувствовало сторонникам Франко, которых местная пресса изображала защитниками христианства от «коммунистической заразы». Католические капелланы призвали паству молиться за националистическую Испанию². Но неудачные действия ирландской бригады в Испании, а также начавшаяся Вторая мировая война, в которой Ирландия заняла нейтральную позицию обусловили повышенное внимание властей к «сенерубашечникам» и другим крайне правым. Постепенно, их движения хиреют и теряют поддержку населения.

Итак, фашизм потерпел поражение в Ирландии, что можно объяснить как успешной экономической политикой Де Валера и подъемом народного хозяйства, так и тем, что по личным и лидерским качествам у генерала О'Даффи не было шансов против президента. К тому же идеи корпоративизма нашли частичное воплощение в конституции Ирландии 1937 г.³, что лишало фашистскую программу серьезного аргумента. В качестве другого немаловажного фактора следует признать, что «синерубашечники» не предлагали революционных способов достижения полной независимости от Лондона после получения Ирландией статуса доминиона, хотя эту цель продолжала преследовать часть ирландских националистов.

Таким образом можно заключить, что в начале XX в. милитаризм стал общим явлением для ирландских националистов и роялистов.

¹ *White M.* The Greenshirts: Fascism in the Irish Free State, 1935–1945. PhD dissertation. Queen Mary University of London. L., 2004. P. 103; *McMahon C.* Eoin O'Duffy's Blueshirts and the Abyssinian Crisis // *Contemporary History*. 2002. Vol. 10. No. 2.

² Подробнее о деятельности Ирландской бригады в Испании см.: *Наумов А.О.* Фашистский интернационал. Покорение Европы. М., 2005. С. 365–374; *McGarry F.* *Op. cit.* P. 283–315.

³ *Пинту А.К.* Указ. соч. С. 73.

В то же время решающий вклад в завершение формирования ирландской нации и ольстерской этнической группы внесла Первая мировая война и Пасхальное восстание. Напротив, фашизм, отчасти получивший поддержку среди бывших членов движения Ирландских национальных волонтеров, не имел широкой базы в ирландском обществе.

НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА И ДИАСПОРЫ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕАЛИИ И АНТИВЕРСАЛЬСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Германия пыталась использовать разбросанных по всему миру немецких колонистов и мигрантов для реализации своих внешнеполитических замыслов еще в годы «Первого Рейха», однако некоторые итоги Первой мировой войны способствовали появлению качественно новых возможностей для мобилизации, в первую очередь, представителей немецких меньшинств в Европе, и отчасти немецких диаспор по всему миру в целях воплощения в жизнь планов германской европейской и мировой политики. С одной стороны, увеличилась численность зарубежных, то есть всех оказавшихся после войны за границами Веймарской республики и Австрии немцев; с другой – новый импульс получила идея их единства и связи с Германией. Немецкие меньшинства, колонисты и мигранты, хотя и в разной мере: меньше всего в Латинской Америке и в наибольшей степени в Восточной Европе – оказались недовольны затронувшими их последствиями Первой мировой войны. Потеря германского гражданства, былого высокого социально-политического статуса, социально-экономических привилегий, попытки ассимиляции немецких меньшинств и диаспор – все это привело к росту националистических настроений в среде зарубежных немцев. Общность своих послевоенных судеб некоторые из них связывали с тем, что им как этническим немцам пришлось разделить с Германией ответственность за развязывание Первой мировой войны; а чаяния на восстановление своих довоенных позиций – соответственно с возвращением Германии европейских территорий и колониальных владений, с усилением германского влияния по всему миру, с ревизией многих положений мирных договоров. Извлечь политические выгоды из этой ситуации вначале попытались веймарские правительства, но наибольшую активность в этом направлении проявили германские национал-социалисты. Недовольство зарубеж-

ных немцев версальскими порядками и их прогерманские настроения рассматривались руководством гитлеровской Германии одновременно и как предлог, и как средство для возвращения потерянных и приобретения новых территорий, для расширения сферы германского влияния, для вмешательства в дела различных государств по всему миру.

В научной литературе проблема последствий Первой мировой для зарубежных немецких групп затрагивается в рамках исследования национальной политики стран расселения немцев¹, соответствующих аспектов внешнеполитической стратегии Веймарской Германии и «Третьего Рейха»², истории отдельных немецких меньшинств и диаспор в межвоенный период³, итогов войны для Германии⁴. Одна из центральных проблем в историографии заключается в том, насколько само наличие немецких меньшинств и их политические предпочтения, в первую очередь, в межвоенной Восточной Европе предопределили развязывание Второй мировой войны⁵. Для историков и политологов важно выяснить, какую роль сыграли масштабы

¹ Например: *Zahra T.* The „Minority Problem“ and National Classification in the French and Czechoslovak Borderlands // *Contemporary European History*. 2008. Vol. 17. No. 2; *Wynot Jr. E.D.* The Polish Germans, 1919–1939: National Minority in a Multinational State // *The Polish Review*. 1972. Vol. 17. No. 1 и др.

² Такие работы как: *Hidden J.* The Weimar Republic and the Problem of the *Auslandsdeutsche* // *Journal of Contemporary History*. 1977. Vol. 12. No. 2.

³ *Schulze F.* ‘Auslandsdeuschtum’ in Brazil (1919–1941): Global Discourses and Local Histories // *German History*. 2015. Vol. 33. No. 3; *Балезин А.С.* Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке / Намибии 1814–1990 гг. М., 1996; *Zach C.R.* Die Siebenbürger Sachsen zwischen Tradition und neuen politischen Optionen 1930–1944 // *Minderheit und Nationalstaat: Siebenbürger seit dem Ersten Weltkrieg* / hrsg. von H. Roth. Köln; Weimar; Wien, 1995 и многие другие.

⁴ К примеру: *Космач В.А.* «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1; *Кукушкина И.А.* Версаль и Германия: формирование предпосылок Второй мировой войны (постановка проблемы) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920: Взгляд из XXI в. / Отв. ред. Ар.А. Улуян. М., 2017.

⁵ *Lemberg H.* Sind nationale Minderheiten Ursachen für Konflikte? Entstehung des Problems und Lösungskonzepte in der Zwischenweltkriegszeit // *Definitionsmacht, Utopie, Vergeltung. “Ethnische Säuberungen” im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts* / hrsg. von U. Brunnbauer. Berlin, 2006. S. 33–37.

территориальных потерь¹, утрата статуса и ослабление позиций зарубежных немцев в распространении ревизионистских идей в Германии и за ее пределами. В этой связи поднимается ряд дискуссионных по объективным и субъективным причинам вопросов: ревизионизм представителей немецких меньшинств и диаспор сформировался в большей степени под воздействием соответствующей политики Германии или по внутренним причинам, оказали ли версальские порядки определяющее влияние на радикализацию настроений зарубежных немцев в 1930-е гг., получили ли среди них наибольшее распространение именно пронацистские или в целом прогерманские настроения и т. д.

Итак, вследствие распада Германской и Австро-Венгерской империи, утраты немцами по итогам Первой мировой войны своих государственных территорий и колониальных владений, а также последующих миграционных процессов численность зарубежных немцев заметно возросла. Больше всего их проживало в Европе: около 9 млн, из них 6 млн – в Центральной и Восточной². Миллионы этнических немцев к моменту рассматриваемых событий перебрались в Америку. Многие мигрировали в США (в Канаду между 1890 и 1914 гг. прибыло лишь 6 тыс. немцев³). Однако в Северной Америке немецкие мигранты ассимилировались; а в латиноамериканских странах немецкие общины существовали достаточно изолированно и автономно, что и предопределяло популярность этого направления миграций. В межвоенные годы в Южной Америке проживало 1,5–2 млн немцев⁴; значительно больше, чем в Австралии (75 тыс.), в ЮАС (около 35 тыс.

¹ Шаццло В.К. Версаль и проблема определения восточных границ Германии // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. С. 106–107.

² Hiden J. Op. cit. P. 284.

³ Grams G.W. The Deportation of German Nationals from Canada, 1919 to 1939 // Journal of International Migration and Integration / Revue de l'integration et de la migration internationale. 2010. Vol. 11. № 2. P. 220.

⁴ Строганова Е.Д. Гитлеровская агентура в Латинской Америке // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 246; Ионг Л. Пятая колонна в Западной Европе. М., 2004. С. 47–48; Григорьян Ю.М. Германский империализм в Латинской Америке (1933–1945). М., 1974. С. 91–92.

насчитывала эта одна из крупнейших немецких диаспор на континенте), в Азии (17,5 тыс.)¹.

После Первой мировой войны за границами Германии осталось 10 % ее бывшего населения (7,3 млн), среди которого немцы составляли около половины. Крупнейшие немецкие группы перешли под польское (свыше миллиона к 1921 г.²) и французское (300–500 тыс.³) управление. Около 300 тыс. горожан Данцига, в большинстве своем говорящие на немецком, получили гражданство Вольного города⁴. Несколько миллионов немцев проживали на пространствах бывшей Австро-Венгрии: прежде всего, в Чехословакии (около 3 млн); в прочих странах-наследницах дуалистической монархии (районы расселения 1,5 млн дунайских швабов были разделены между Югославией, Румынией и Венгрией⁵), а также в Италии (Южный Тироль)⁶. На территории утраченных Германией колоний проживало около 13 млн человек⁷, однако немцы составляли здесь незначительный процент населения: в Юго-Западной Африке (ЮЗА) их насчитывалось 10 тыс. (из 30 тыс. белого населения), в Танганьике – 2,5 тыс., в Камеруне – 300 человек⁸.

Судьба части этих территорий определялась без учета мнения их немецкого населения. Высказать пожелания относительно будущего районов своего проживания не смогли бывшие германские подданные в Эльзас-Лотарингии⁹, на уступленных Польше территориях,

¹ *Балезин А.С.* Указ. соч. С. 156–157, 193.

² *Wynot Jr. E.D.* Op. cit. P. 27.

³ *Zahra T.* Op. cit. P. 149, 139.

⁴ *Космач В.А.* Указ. соч. С. 156; *Шаццлло В.К.* Версаль и проблема определения восточных границ Германии. С. 106–107.

⁵ *Huber G.* Der Leidensweg der Deutschen in Jugoslawien // 40 Jahre nach Flucht und Vertreibung...als der Exodus begann. Augenzeugen berichten / hrsg. von H.-U. Engel. Düsseldorf, 1985. S. 52–53.

⁶ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова. М., 2014. С. 478–479.

⁷ *Кужушкина И.А.* Указ. соч. С. 147–148.

⁸ Данные на середину 1930-х гг. *Балезин А.С.* Указ. соч. С. 156–157, 192.

⁹ *Макарчук В., Рудый Н.* Восточные границы межвоенной Румынии (1918–1940 гг.): аспекты международного права // Русин. 2012. № 2(28). С. 56–58. Хотя германская делегация на мирной конференции в Версале выразила готовность отдать Франции эти земли в случае проведения плебисцита. *Космач В.А.* Указ. соч. С. 164.

в Данциге¹, в Мемельской области². В схожем положении оказалось большинство немецкого населения бывшей Австро-Венгрии³: немцы чешских земель⁴, австрийской Силезии⁵, Южного Тироля⁶. К тому же Версальские договоренности ограничили возможность объединения Австрии и Германии⁷. Тем более редко учитывалось мнение малочисленных немецких групп на пространствах бывшей венгерской части дуалистической монархии⁸, на входивших до войны в состав Российской империи территориях⁹. Немецкие колонисты также не могли оказать никакого влияния на решение вопроса о послевоенной судьбе германских колоний.

В то же время проведение ряда плебисцитов с участием немцев не гарантировало окончательного мирного разрешения вопроса о гер-

¹ «Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор)». URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=20302> (далее – Версальский договор); Красновская Е.И. Трансформация германской дипломатии в отношении Польши в контексте итогов Первой мировой войны // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 242–244.

² Вначале передана в управление Лиги Наций, после – Литве. Немцы составляли здесь около 40 % населения. *Шаццлло В.К.* Версаль и проблема определения восточных границ Германии. С. 112; *Он же.* Плебисцит как форма решения межгосударственных территориальных споров (на примере Версальского мирного договора) // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сб. статей / Отв. ред. И.Н. Новикова. СПб, 2017. С. 306–307.

³ Хотя референдумы и проводились здесь в некоторых районах, например, в областях Шопронь (Оденбург) и Клагенфурт (в Каринтии). Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 480.

⁴ 4 марта 1919 г. чехословацкие власти разогнали демонстрации судетских немцев с требованиями реализации их права на самоопределение. *Koschyk H.* 40 Jahre Bundesrepublik Deutschland – Das ganze Deutschland ist unser Vaterland // Deutscher Ostdienst. 1989. № 1. С. 1.

⁵ *Pradelle R.G.* Die Rechtswidrigkeit von Massenvertreibungen // Verjagt – beraubt – erschlagen. Die Austreibung aus den alten deutschen Grenzmarken. Schicksal und Völkerrecht / hrsg. von R.G. Pradelle. Wiesbaden, 1961. S. 35–40.

⁶ *Романов В.В.* Компромиссы Парижской мирной конференции и их последствия для международных отношений в межвоенный период // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. С. 27.

⁷ 80 статья VI раздела. Версальский договор.

⁸ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 480.

⁹ Так, румыны отказались провести плебисцит в Бессарабии, где часть населения составляли немецкие поселенцы. *Макарчук В., Рудый Н.* Указ. соч. С. 56–58.

манских границах. В меньшей степени это проявилось в Западной Европе, в большей – к востоку от Германии. Голосование в пограничных с Бельгией округах Эйпен и Мальмеди проводилось бельгийскими властями в форме опроса¹, с небольшим перевесом большинство из 65 тыс. их валлонско-германского населения в 1920 г. высказалось в пользу Бельгии² (среди немецких жителей этих территорий сохранились в межвоенные годы прогерманские настроения³). В том же году состоялся плебисцит в Шлезвиге⁴: на севере 75 % высказались за Данию, а на юге – лишь 20 %. Успешным для немцев оказался и плебисцит в Сааре (свыше 90 % проголосовали за Германию), правда, состоялся он 13 января 1935 г. на фоне новых исторических реалий⁵.

Судьба ряда восточных территорий Германской империи решалась всенародными референдумами в 1920–1921 гг. Германия и Польша вели активную агитацию в спорных областях довоенной Восточной Пруссии; все же полякам по результатам голосования удалось здесь получить лишь пять районов в Повислье и три в Мазурах. Наиболее трагично события развивались в Верхней Силезии, где стороны не ограничились пропагандистским воздействием на население. Германия привлекла сохранившиеся административные ресурсы, покровительствовала действовавшим против пропольских активистов местным отрядам (фрайкорам), доставила на голосование около 200 тыс. уроженцев Верхней Силезии немецкого происхождения; в свою очередь, Польша поддержала три польских восстания в провинции. В результате Верхнюю Силезию разделили между странами

¹ Версальский договор.

² *Шаццло В.К.* Плебисцит как форма решения межгосударственных территориальных споров. С. 309; *Хорошева А.О.* Внешняя политика Бельгии накануне и во время Первой мировой войны. М., 2007. С. 249–252.

³ *Fickers A.* Gedächtnisopfer. Erinnern und Vergessen in der Vergangenheitspolitik der deutschsprachigen Belgier im 20. Jahrhundert // *Zeitenblicke*. 2004. Н. 3. URL: <http://www.zeitenblicke.de/2004/01/fickers/index.html>.

⁴ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 480.

⁵ *Кудрина Ю.В.* «Датское измерение» Версаля: отделение и воссоединение // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. С. 233–234; *Шаццло В.К.* Плебисцит как форма решения межгосударственных территориальных споров. С. 309–310.

по линии прекращения огня: 29 % территории с большими производственными мощностями и 46 % ее населения достались Польше. Ни поляки, ни немцы не были согласны с таким решением, а верхнесилезский вопрос превратился в один из самых болезненных в отношениях Германии и Польши¹.

По завершении Первой мировой войны активизировались немецкие миграции, как вынужденного, так и добровольного характера. Западную Европу немцы покидали в условиях ухудшения их положения с самого начала войны. Так, вследствие событий военного времени и первых послевоенных лет (прекращение торговли с Германией, репатриация, интернирование немецких мигрантов призывного возраста) заметно сократилась численность немецкой, до этого момента крупнейшей в Великобритании, диаспоры: с 50–60 тыс. в 1911 г. до 13 тыс. в 1921 г.² Однако главным районом исхода немецкого населения с запада европейского континента после Первой мировой войны стала Эльзас-Лотарингия. Бывшим германским военным, государственным и муниципальным служащим, учителям требовалось уехать в течение суток. Некоторые немцы, потеряв часть своих прав, свобод и возможностей, добровольно покинули эти территории. Из провинции уезжали представители немецких деловых кругов и рабочих. Около 100 тыс. немцев были выселены из Эльзас-Лотарингии³.

За десять лет после образования польского государства с его территории эмигрировало около полумиллиона этнических немцев⁴.

¹ См. подробнее, например: *Космач В.А.* Указ. соч. С. 157; *Шаццлло В.К.* Версаль и проблема определения восточных границ Германии. С. 108–110; *Красновская Е.И.* Указ. соч. С. 246–247; Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 123; *Pradelle R.G.* Op. cit. S. 35–40.

² *Manz S.* “Enemy Aliens” in Scotland in a Global Context, 1914–1919: Germanophobia, Internment, Forgetting // *Minorities and the First World War. From War to Peace* / eds. by H. Ewence, T. Grady. London, 2017. P. 119, 122; *Panayi P.* Germans in Britain During the First World War // *German History*. 1992. Vol. 10. No. 1. P. 63.

³ *Douglas R.M.* “Ordnungsgemäße Überführung”. Die Vertreibung der Deutschen nach dem Zweiten Weltkrieg. München, 2012. S. 93–96; *Zahra T.* Op. cit. P. 155–157, 139; Гулина О.Р. Этнизация феномена миграции в законодательстве // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5(37). С. 24–25.

⁴ *Wynot Jr. E.D.* Op. cit. P. 27.

Уезжали бывшие имперские служащие и некоторые поселенцы¹, в первую очередь, из приграничных западных районов Польши². Объединения польских немцев и власти Германии обвиняли поляков в выдворении немцев из страны³. Варшава и Берлин по-разному смотрели на ситуацию: полякам отъезд сохранивших германское гражданство польских немцев представлялся обязанностью последних, а немцам – лишь правом⁴. Ухудшение положения прочих групп северо-восточных (балтийские и мемельские немцы) и юго-восточных фольксдойче (в Венгрии, Румынии, Югославии), в частности, ввиду активизации ассимиляционных процессов и проведения аграрных преобразований, также привело к сокращению их численности⁵.

Согласно Версальским договоренностям немецкому населению бывших германских колоний в Африке было отказано в натурализации, что подразумевало их выезд с соответствующих территорий. В конце 1918 г. в Юго-Западной Африке было объявлено о выселении военных шутцтрuppe, немецких чиновников и нежелательных лиц немецкого происхождения. В общей сложности в первое послевоенное время из ЮЗА уехало 6374 немецких колонистов, около половины общины. После подписания Версальского договора выселения немцев из Юго-Западной Африки почти прекратились. А с 1920 г. на-

¹ *Lemberg H.* Kulturautonomie, Minderheitenrechte, Assimilation. Nationalstaaten und Minderheiten zwischen den beiden Weltkriegen in Ostmitteleuropa // Auf dem Weg zum ethnisch reinen Nationalstaat? Europa in Geschichte und Gegenwart / hrsg. von M. Beer. Tübingen, 2004. S. 112.

² *Кретинин С.В.* Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами (1919–1939) // Феномен мировых войн в истории XX века. С. 231.

³ *Fink C.* Defender of Minorities: Germany in the League of Nations, 1926–1933 // Central European History. 1972. Vol. 5. № 4. P. 335.

⁴ *Борисова А.А.* Правовое положение немецкого меньшинства в Польше после окончания Первой мировой войны (на примере Верхней Силезии) // Регелевский сборник: материалы Вторых Регелевских чтений 18–19 ноября 2013 г. / Под ред. С.В. Кретинина. Воронеж, 2014. С. 98–100; *Красновская Е.И.* Указ. соч. С. 250–251.

⁵ *Ziemer G.* Deutscher Exodus. Vertreibung und Eingliederung von 15 Millionen Ostdeutschen. Stuttgart, 1973. S. 55–59; *Озуй А.Д.* Языковая ситуация на Буковине в австрийский период: динамика краевых языков в социолингвистическом аспекте (1774–1918 гг.) // Русин. 2013. № 3(33). С. 115.

чался процесс возвращения сюда немецких землевладельцев, миссионеров, учителей. Этому способствовала благоприятная экономическая ситуация в ЮЗА, лояльность администрации к немцам, агитация в пользу выезда немцев из Германии в Юго-Западную Африку¹.

После Первой мировой войны проводились также выселения немецких мигрантов с территорий британских доминионов. Власти Австралии в 1919 и 1920 гг. депортировали интернированных в военные годы лиц. Из Новой Зеландии по окончании войны было выселено несколько сот немцев (до 1928 г. въезд сюда для немцев оставался под запретом). В эти же годы активизировались депортации немецких переселенцев из Канады как в соответствии с версальскими договоренностями, так и под предлогом нарушений законов об иммиграции и натурализации. Из страны выселялись немецкие военнопленные и интернированные; потенциальные адресаты обременительной для бюджета социальной помощи и нарушители социального спокойствия, политически неблагонадежные элементы (в особенности, немецкие коммунисты). До 1927 г. действовал запрет на въезд в Канаду из Германии. В 1930-е гг. интенсивность выселений немцев из Канады оказалась выше, чем из соседних США².

Немецкие миграции в Латинскую Америку после Первой мировой войны, наоборот, получили дополнительный импульс. Наряду с традиционными экономическими мотивами все большую роль здесь стали играть политические соображения. В латиноамериканские страны уезжали, в том числе, состоятельные, консервативно настроенные и сохранявшие свои связи с Германией немцы³. В Бразилию в 1920-х гг. эмигрировало свыше 55 тыс. этнических немцев. Отъезд в бразильском направлении не только снижал напряженность экономической ситуации в Германии, но и позволял (в отличие от миграции в США) надеяться на сохранение мигрантами немецкой идентичности. В свою очередь, бразильские власти, были заинтересованы

¹ Вначале по социально-экономическим соображениям, а со второй половины 1930-х гг. – ввиду планов германских национал-социалистов вернуть бывшие колонии. См.: *Балезин А.С.* Указ. соч. С. 138, 116–119, 146–148, 156–157.

² *Panayi P.* Op. cit. P. 75–76; *Grams G.W.* Op. cit. P. 226–228, 221.

³ *Строганова Е.Д.* Указ. соч. С. 243–244.

в немецких специалистах¹. В межвоенный период активизировались заокеанские миграции и представителей немецких меньшинств и диаспор Европы, например, русских немцев в ту же Бразилию после 1917 г.²

Тесно связанным с проблемой немецких переселений после войны и особо важным для использования Германией зарубежных немцев в своих внешнеполитических интересах являлся вопрос их германского гражданства. По Версальским договоренностям население утраченных Германией земель, постоянно проживавшее здесь на определенный в договоре момент времени³, автоматически могло получить гражданство соответствующего государства (для остальных требовалось согласие властей). Получение нового гражданства подразумевало отказ от германского, что не устраивало Берлин (ведь это оставляло меньше оснований для вмешательства в жизнь зарубежных немцев), как и необходимость отъезда в Германию пожелавших сохранить немецкое гражданство⁴.

Решившие остаться на переданных Бельгии и Дании бывших германских территориях немцы приобрели бельгийское и датское гражданство. А для немцев Эльзаса и Лотарингии была выработана особая формула: они получили своего рода французское подданство, действовавшее также в Алжире (предусматривало некоторые ограничения в праве голоса, в трудоустройстве на государственную и церковную службу). Оставшиеся после войны в границах Чехословакии и Польши немцы становились чехословацкими и польскими гражданами. Жителей Данцига обязали получить гражданство Вольного города⁵. Вопрос о гражданстве немцев ЮЗА был решен подписанием 23 октября 1923 г. ЮАС и Германией Лондонского соглашения, ставшего отправной точкой для натурализации немецких колонистов⁶.

¹ *Rinke S. Alemanha e Brasil, 1870–1945: uma relação entre espaços // História, Ciências, Saúde – Manguinhos. 2014. Vol. 21. № 1. URL: <http://dx.doi.org/10.1590/S0104-59702014005000007>. P. 9.*

² *Schulze F. Op. cit. P. 420.*

³ Например, для Бельгии – 1 августа 1914 г., для Польши – 1908 г. Версальский договор.

⁴ *Hiden J. Op. cit. P. 281.*

⁵ Версальский договор; *Zahra T. Op. cit. P. 154.*

⁶ За 1925 г. гражданство здесь получили свыше 3 тыс. немцев, лишь 300–800 человек остались не затронуты этим процессом. *Балезин А.С. Указ. соч. С. 129–131, 135–137.*

Для миллионов зарубежных немцев, прежде всего, в Европе и на территории бывших германских колоний, наиболее чувствительной была утрата их довоенного социально-политического статуса, повлекшая за собой потерю экономических привилегий, ограничения в культурной жизни и т. д. Недовольство зарубежных немцев своим новым положением Германия пыталась использовать как предлог для ревизии некоторых положений послевоенных договоренностей (в первую очередь, в отношении немецких границ), что придавало особую актуальность вопросу о немецких меньшинствах и диаспорах в международных отношениях межвоенного периода.

После Первой мировой войны миллионы немцев из представителей «имперской нации» перешли в разряд национальных меньшинств¹. Национальный вопрос в межвоенные годы особенно остро стоял в Восточной Европе, где образование новых государств сопровождалось распространением национализма. Противоречия между титульными нациями и меньшинствами Лига Наций попыталась снять установлением здесь системы защиты прав национальных меньшинств, однако восточноевропейские правительства, взяв на себя соответствующие обязательства, фактически вели политику ассимиляции. При этом напряженность между немецкими меньшинствами и славянскими титульными нациями дополнительно отягощалась тем обстоятельством, что еще слишком свежи были воспоминания о господстве первых и о подчиненном положении вторых². В этих условиях восточноевропейские немцы активно противились интеграции в новых государствах региона, а власти этих стран стремились помешать политическому и культурному обособлению немецких меньшинств.

Система защиты прав национальных меньшинств не распространялась на Западную Европу; в Эльзас-Лотарингии, в Южном Тиро-

¹ *Tolksdorf U.* Phasen der Kulturintegration // *Neue Heimat im Westen: Vertriebene, Flüchtlinge, Aussiedler.* Münsters, 1990. S. 107; *Lemberg H.* Sind nationale Minderheiten Ursachen für Konflikte? Entstehung des Problems und Lösungskonzepte in der Zwischenwelkriegszeit // *Definitionsmacht, Utopie, Vergeltung.* S. 33–37.

² *Riga L., Kennedy J.* Tolerant Majorities, Loyal Minorities and “Ethnic Reversals”: Constructing Minority Rights at Versailles 1919 // *Nations and Nationalism.* 2009. Vol. 15. № 3. P. 464–466.

ле немцы были подвержены ассимиляции¹. А польское государство согласно статье 93 Версальского договора взяло на себя обязательства по обеспечению прав отличающегося от поляков по языку, расе, религии населения². Меньшинствам Польши обещали свободу организации собственных благотворительных, религиозных, социальных и школьных учреждений; использования немецкого языка в общественной и культурной жизни. Однако они не получили ни особого статуса, ни автономии³. Польские немцы имели мало возможностей влиять на принимаемые в стране политические решения, хотя в Польше действовали, например, объединения депутатов с участием немцев⁴. Поляки особое внимание уделяли ассимиляции немецкого населения в западных пограничных с Германией землях⁵. Немцев обязали сдавать экзамены на знание польского языка⁶, число немецких школьных учреждений здесь постепенно сокращалось⁷ (правда, как и численность самого немецкого населения страны).

Чехословакия также гарантировала права и свободы группам меньшинств, крупнейшей из которых были судетские немцы. Для них тоже не была предусмотрена автономия, однако представители немецких партий вплоть до 1935 г. входили в состав чехословацкого правительства⁸. В отношении культурного развития немецкого меньшинства ситуация в Чехословакии была достаточно благоприятной:

¹ *Fink C.* Op. cit. P. 338.

² Версальский договор.

³ *Riga L., Kennedy J.* Op. cit. P. 463; *Борисова А.А.* Указ. соч. С. 96–98; *Ильинская О.И.* Защита прав человека в деятельности Лиги Наций // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 102–103.

⁴ Так, в 1922 г. польские немцы и евреи объединились в блок национальных меньшинств, а в 1924 г. был создано «Немецкое объединение в Сейме и в Сенате». *Wynot Jr. E.D.* Op. cit. P. 50–52.

⁵ В Поморье, Вармии, Мазурах, польской Верхней Силезии. Польша в XX веке. С. 55.

⁶ *Кретинин С.В.* Фактор национальных меньшинств... С. 231.

⁷ *Fink C.* Op. cit. P. 342.

⁸ Версальский договор; *Lemberg H.* Kulturautonomie, Minderheitenrechte, Assimilation. S. 108–111; *Förtsch F.* Umsiedlung, Vertreibung und ethnische Säuberung als Phänomen der europäischen Geschichte des 20. Jahrhunderts // *Die Heimat verloren. Erinnerungen an Flucht, Vertreibung und Neuanfang* / hrsg. von F. Förtsch. Greilsheim, 2009. S. 14–16.

действовали немецкие школы¹, выходили многочисленные газеты на немецком языке². Тем не менее, чешские немцы жаловались на притеснения национальных школьных учреждений, на политику чехизации пограничных областей страны³.

До определенной степени схожим образом складывалась жизнь прочих групп юго-восточных фольксдойче. В Венгрии после Первой мировой войны продолжилась политика мадьяризации⁴. Венгерским швабам долгое время не удавалось организовать культурное или политическое объединение⁵; их не устраивало отсутствие средней и высшей ступени образования на немецком языке⁶. В то же время в Юго-Восточной Европе действовали немецкие организации, в том числе, политические⁷. Зачастую занимая сильные экономические позиции, отдельные представители юго-восточных фольксдойче сражались с национальными элитами. Немецкие группы в регионе также испытали на себе воздействие общего процесса ассимиляции: в большей степени в Румынии и в меньшей – в Югославии. Ограничивалось употребление немецкого языка, сокращалась численность немецких образовательных и культурных учреждений, ухудшилось положение немецких церквей⁸.

¹ Как и во времена Габсбургов, язык преподавания в школе определял избираемый местный школьный совет, а чешский был обязательным лишь в лицеях. *Соломон Ф.* Европа национальных государств против Европы национальных меньшинств // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сб. ст. / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011. С. 25.

² *Wynot Jr. E.D.* Op. cit. P. 38.

³ Создавались союзы защиты чешских меньшинств, национальные комитеты. *Станков Н.Н.* Правительство Э. Бенеша и чехословацко-германские отношения (сентябрь 1921 – октябрь 1922 г.) // Вестник ВолГУ. Серия 4. Вып. 9. 2004. С. 93–94, 99–100.

⁴ В частности, в 1924 г. вышел закон, ограничивавший использование национальных языков в юридической практике. *Paikert G.C.* Hungary's National Minority Policies, 1920–1945 // *The American Slavic and East European Review*. Vol. 12. No. 2. P. 207.

⁵ *Enzyklopädie. Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart / hrsg. von K.J. Bade.* Paderborn–München–Wien–Zürich, 2007. S. 538.

⁶ *Paikert G.C.* Op. cit. P. 210–211.

⁷ *Enzyklopädie. Migration in Europa.* S. 538; *Кретинин С.В.* Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами. С. 232.

⁸ *Zach C.R.* Die Siebenbürger Sachsen zwischen Tradition und neuen politischen Optionen. S. 115–117; *Zach K.* „Wir wohnten auf dem Königsboden...“ Identitätsbildung

Некоторые группы немецких меньшинств, в частности, в Прибалтике, получили в межвоенные годы самоуправление. В Эстонии и Латвии утвердилась так называемая нетерриториальная или культурная автономия меньшинств (для каждого представителя в отдельности), которая по убежденности ее устроителей не угрожает целостности страны, в отличие от территориальной. В Латвии этнические меньшинства самостоятельно решали вопросы в сфере образования до 1934 г., а в Эстонии – вплоть до 1940 г.¹

ЮЗА была передана ЮАС по мандату группы «С», с правом управления по законам мандатария. В новых условиях немецкие колонисты почувствовали себя второстепенным населением, поэтому после натурализации развернули борьбу за свои права. Руководство ЮАС пошло с немцами на компромисс: немецкий язык, хотя и не стал государственным, но использовался в официальной корреспонденции; в ЮЗА был создан наполовину немецкий по своему составу Консультативный совет и т.д. Как отмечает известный отечественный историк-африканист А.С. Балезин, немецкие колонисты в Юго-Западной Африке в межвоенные годы, хотя и пытались представить себя угнетенным населением, едва ли таковым являлись. Ассимиляции немцы ЮЗА были мало подвержены; немецкий язык использовался здесь свободно; функционирование немецких школ поддерживали созданные колонистами школьные объединения; немцы продолжали вести свою культурную жизнь (работали библиотеки, издания, церковь)².

Не без содействия Германии среди немецких диаспор в прочих регионах мира также распространились идеи о том, что все зарубеж-

bei den Siebenbürger Sachsen im historischen Wandel // Minderheitenfragen in Südosteuropa: Beiträge der Internationalen Konferenz: The minority Question in Historical Perspective 1900–1990, Inter University Center Dubrovnik, 18.–14. April 1991 / hrsg. von G. Seewann. München, 1992. S. 129–130; Макаручук В., Рудый Н. Указ. соч. С. 61; Озүй А.Д. Указ. соч. С. 115; Thiel J.F. Fremd – zu Hause. Eine donauschwäbische Kindheit 1932–1947. Wien–Köln–Weimar, 2012. S. 41.

¹ Hiden J., Smith D.J. Looking beyond the Nation State: A Baltic Vision for National Minorities between the Wars // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41. No. 3. P. 390–391; Соломон Ф. Указ. соч. С. 24–25.

² Балезин А.С. Указ. соч. С. 119–126, 184, 192, 251; Макарова Е.А. Политика Южно-Африканского Союза в вопросе колониальных компенсаций Германии в 1935–1938 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 18–19.

ные немцы после Первой мировой войны были подвержены притеснениям, ограничениям в правах и свободах, ассимиляции в целом. Так, в немецкой общине в Бразилии в межвоенные годы утверждался тезис о единстве бразильских немцев с немецким населением Восточной Европы и Африки, об общности их послевоенных судеб¹. Этому способствовали некоторые меры бразильских властей по интеграции мигрантов, введение в 1920-х гг. ограничений для немецких образовательных учреждений (в Санта-Катарине закрывались немецкие школы). Эта политика активизировалась в годы пребывания у власти Ж. Варгаса, когда расширились ограничительные меры для всех иностранных школ страны². Все же в Латинской Америке немцам, как правило, удавалось сохранить свои культурные особенности и традиции, жить достаточно обособленно от окружающего населения. В немецких колониях континента говорили на немецком, здесь не были распространены смешанные браки, культивировались немецкие традиции и уклад жизни³.

Наконец, важнейшей проблемой в отношении зарубежных немцев, в первую очередь, не настроенных на интеграцию в странах проживания немецких меньшинств Восточной Европы, был вопрос об их лояльности версальским порядкам в целом, и соответствующим властям, в частности. Среди национальных меньшинств межвоенной Европы немцы оказались одними из самых радикальных ревизионистов⁴. Думается, что причина здесь не только в размахе территориальных потерь Германии, но и в ностальгии зарубежных немцев по утраченным привилегиям и по былому господству в регионе, а также в активной политике Германии по инструментализации немецких меньшинств и диаспор в целях пересмотра положений Версальского договора.

Германские националисты сразу по окончании Первой мировой войны пытались разбудить ревизионистские настроения среди немцев.

¹ *Schulze F.* Op. cit. P. 407.

² *Rinke S.* Op. cit. P. 9, 11, 13.

³ *Esser T.* Deutsche in Lateinamerika // Torsten Esser – Journalist & Autor. URL: <http://www.torstenesser.de/download-text/Deutsche%20in%20Lateinamerika.pdf>. S. 4, 2–3; *Gertz R.* Os “súditos alemães” no Brasil e a “patria-mãe” Alemanha // Espaço Plural. 2008. Ano IX. № 19. P. 67–68.

⁴ *Lemberg H.* Kulturautonomie, Minderheitenrechte, Assimilation. S. 101–104.

Вначале июля 1919 г. в Шлезвиг-Гольштейне прошли собрания против передачи Дании северного Шлезвига¹. Под вопросом оказалась лояльность французским властям немецкоязычного населения Эльзас-Лотарингии, встретившего вступление французской армии достаточно сдержанно. Здесь к концу войны распространились антинемецкие настроения, однако это не означало победу профранцузской направленности – среди населения провинции популярностью пользовались идеи автономии. Французская пресса прозвала лидера эльзасских автономистов, Германа Биклера, эльзасским Конрадом Генлейном².

Наиболее восприимчивы к идеям ревизии версальских границ оказались немцы бывших восточных земель Германии³. Они мало связывали свое будущее с формирующимся польским государством⁴. Так, немецкое население Великой Польши бойкотировало выборы в учредительный Сейм 1 июня 1919 г.⁵ Уже после формирования Польской республики Берлин рассчитывал использовать прогерманские организации польских немцев, чтобы подтачивать это государство изнутри. Показателен пример созданного при содействии Германии в 1921 г. и запрещенного польскими властями по обвинению в шпионаже в 1923 г. «Немецкого союза защиты прав национального меньшинства в Польше» (Дойчтумсбунд). Антипольскую деятельность поддерживал образованный в 1920 г. «Немецкий фонд»⁶. Прогерманские и правоконсервативные настроения, ирредентизм также были характерны и для многих других немецких организаций Польши⁷.

¹ Фарбман Н.В. У истоков ревизии Версальского мирного договора. (К вопросу о стратегии и тактике германской монополистической буржуазии в 1919–1920 гг.) // Ежегодник германской истории. 1969. М., 1970. С. 180, 188.

² Бодров А.В. Эльзас-лотарингцы между Францией и Германией накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 6. Вып. 4. С. 163; Zahra T. Op. cit. P. 145; 148.

³ Яжборовская И.С. Гитлеровская агрессия и судьбы народов и меньшинств Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3. С. 105–106.

⁴ Pinon R. Das Schicksal Polens // Verjagt – beraubt – erschlagen. S. 81–84.

⁵ Польша в XX веке. С. 113–114.

⁶ Официальная цель организации – помощь школам познаньских и поморских немцев. Красновская Е.И. Указ. соч. С. 249–250.

⁷ «Всеобщий немецкий школьный союз», «Немецкий союз обороны» (Дойче Шутцбунд) и т.д. Hiden J. Op. cit. P. 275.

Немецкие партии страны, наряду с украинскими и белорусскими, в скрытой форме или даже открыто пропагандировали сепаратизм¹.

Многие немцы не хотели принимать вхождение Судет в состав сформировавшегося после Первой мировой войны чехословацкого государства. Это проявилось, например, и в выше упомянутых демонстрациях чехословацких немцев за право на самоопределение и в беспорядках в конце 1921 г. (богемские немцы оказали сопротивление чешским властям, когда те попытались провести их мобилизацию во время путча Карла Габсбурга в Венгрии). В начале 1920-х гг. судето-немецкие партии по вопросу о сотрудничестве с чехословацкими властями разделились на «негативистов» (Немецкая национальная и Немецкая национал-социалистическая партии) и «активистов». В конце концов, Немецкий парламентский союз, возобновил работу немецких депутатов в Национальном собрании ЧСР. Немецкие партии Чехословакии также по-разному относились и к идее территориальной автономии. Однако по внешнеполитическим вопросам они проявляли большее единство, подвергая критике как саму систему послевоенных договоров (в первую очередь, за установление несправедливых, по их мнению, границ Германии), так и внешнеполитическую линию чехословацкого правительства². Чехословацкие власти уже в 1920-е гг. озаботились проблемой влияния национал-социалистов на судетских немцев. Однако, как известно, превращения их в «пятую колонну» для чехословацкого государства избежать не удалось³.

Недовольство политикой стран проживания в культурной и социально-экономической сферах со временем усилилось и среди юго-восточных фольксдойче. В условиях вызванного мировым экономическим кризисом ухудшения их положения среди немцев региона стали набирать популярность националистически ориентирован-

¹ Польша в XX веке. С. 118–119.

² Станков Н.Н. Правительство Э. Бенеша и чехословацко-германские отношения. С. 95–97, 92, 91; *Он же*. Политическая элита и формирование внешнеполитического курса Чехословакии // Социология власти. 2007. № 1. С. 144–147.

³ Мартюшев А.В. Территориальные претензии Германии, Венгрии и Польши к Первой Чехословацкой республике в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 131–132.

ные, протестные, так называемые обновленческие движения¹. Так, у крупнейшей группы румынских немцев, трансильванских саксов, в 1930 г. обозначился разворот в сторону движения Ф. Фабритиуса, объединявшего в себе протест и стремление к обновлению. В результате эта немецкая фольклорная группа отторгла демократические практики и замкнулась в себе². Выход из кризисной ситуации многие юго-восточные немцы искали в помощи со стороны Германии, чем последняя не преминула воспользоваться в своих внешнеполитических целях. Результатом стало успешное распространение национал-социализма среди немецких меньшинств Юго-Восточной Европы, например, в Венгрии нацистские идеи быстро нашли широкую поддержку у швабской молодежи, многие ее представители пошли в вермахт и в СС³.

Ревизионизм немцев не ограничивался идеей возвращения государственных территорий в Европе, в межвоенные годы в германском обществе (Союзы германской колониальной молодежи, Общества колониального прогресса, Союзы друзей колоний) звучали призывы к восстановлению колониальной империи⁴. Обсуждение этого вопроса активизировалось с приходом Гитлера к власти. В 1936 г. возможность возвращения Германии колоний рассматривалась комитетом лорда Плимута в Лондоне, на фоне чего вспыхнули волнения среди африканеров и немцев Юго-Западной Африки. Идея возвращения ЮЗА Германии получила поддержку у немецких колонистов, в особенности, на фоне роста их симпатии к Гитлеру после присоединения Саара к Рейху. За восстановление германской колониальной империи выступало объединение немцев ЮЗА – «Дойче Бунд». Подобные прогерманские организации и недавно прибывшие колонисты служили социальной базой для проникновения нацизма в Юго-Западную Африку. Ландесгруппа НСДАП открылась здесь в 1932 г. К 1934 г. партийцы вместе с членами Гитлерюгенда составляли менее четверти немецких колонистов. В этом же году нацистская ячейка ЮЗА потре-

¹ *Lemberg H.* Sind nationale Minderheiten Ursachen für Konflikte? S. 45–48.

² *Zach C.R.* Op. cit. S. 116–117.

³ *Paikert G.C.* Op. cit. P. 216.

⁴ *Азуреев С.А.* Парижская мирная конференция и проблемы трансформации колониальной системы // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. С. 242–243.

бовала возвращения Германии бывшей колонии, и была официально запрещена властями ЮАС¹.

В Латинской Америке одним из важнейших адресатов германской националистической пропаганды были самые многочисленные среди немецких групп на континенте – бразильские немцы. У бразильских властей вызывала сомнения лояльность немецкого населения страны, в особенности, тех, кто прибыл сюда после 1918 г. Некоторые события межвоенных лет способствовали распространению мнения, что для бразильцев немецкого происхождения характерен сепаратизм, расизм, авторитаризм и милитаризм². Бразильские немцы проявляли симпатии к правым силам внутри страны³, а также оказались восприимчивы к идеям национал-социализма. На фоне всемирного экономического кризиса среди немецкого населения страны, и без того отличавшегося консерватизмом и национализмом, популярность набирали радикальные политические убеждения, что и подготовило почву для проникновения сюда германского нацизма⁴. Нацисты возлагали на немецкую диаспору Бразилии много надежд, как минимум, связанных с расширением германского влияния в регионе⁵. Ввиду этого и в условиях обострения германо-американской конкуренции за контроль над Латинской Америкой в конце 1930-х гг. все чаще поднимался вопрос угрозы для Бразилии со стороны немецкой «пятой колонны»⁶.

¹ Макарова Е.А. Указ. соч. С. 18–20; McKale M.D. *The Swastika outside Germany*. Kent, Ohio, 1977. P. 28–37; Балезин А.С. Указ. соч. С. 180–181, 133–134, 160–163, 167–169, 170, 174–175; *Он же*. Фашизм в Юго-Западной Африке // *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 4(31). С. 367–375.

² Schulze F. *Op. cit.* P. 408; Gertz R. *Op. cit.* P. 71.

³ Например, в июле 1924 г. безработные немецкие иммигранты участвовали в военном мятеже молодых лейтенантов в Сан-Паулу. Rinke S. *Op. cit.* P. 9.

⁴ Даже до прихода Гитлера к власти в Бразилии действовало больше ячеек НСДАП, чем в других странах Южной Америки. *Ibid.* P. 11. Заграничные филиалы нацистской партии концентрировались на юге Бразилии и в регионе Ла-Плата. Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке: сравнительный анализ и концептуальное осмысление // *Берегиня*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3(26). С. 213.

⁵ Luvizotto C.K. *Cultura gaúcha e separatismo no Rio Grande do Sul*. São Paulo, 2009. P. 80.

⁶ Rinke S. *Op. cit.* P. 14.

Идеи восстановления Германии как мировой державы находили поддержку у лиц немецкого происхождения и в прочих регионах мира. Например, немецкое население Палестины (мандат Великобритании) в приходе германских национал-социалистов к власти увидело признак будущего возрождения Германии, что способствовало активизации вступления палестинских немцев в НСДАП. Особенно немецкая молодежь Палестины легко заражалась идеями национал-социализма. К концу 1930-х гг. каждый третий палестинский немец состоял в нацистской партии, при этом для немецкой общины Палестины были характерны как антиеврейские, так и антибританские настроения¹.

Первая мировая война оказала существенное влияние на положение миллионов немецких колонистов и мигрантов, прежде всего, на пространстве бывших территорий и владений Германской и Австро-Венгерской империй. С одной стороны, оказавшиеся после войны за пределами границ Германии и Австрии, на переданных в управление державам-победительницам землях немцы редко могли оказать влияние на судьбу территорий их проживания. С другой стороны, проведение плебисцитов с их участием в случае поражения сторонников Германии также не способствовало снятию напряженности на соответствующих территориях. Перекройка границ, распад империй, потеря немцами колоний, угроза утраты германского гражданства, революции, активизация попыток ассимиляции немецкого населения, социально-экономический кризис в Германии – все это способствовало активизации немецких миграций в межвоенный период. В первые послевоенные годы сократилась численность немецких групп в Восточной Европе и диаспор на западе, в британских доминионах и владениях. Здесь наблюдались как вынужденные миграции немцев, так и депортации, проводимые, в первую очередь, французами и англичанами (в том числе, властями доминионов). В то же время политические и экономические процессы в Европе выступили катализатором заокеанских миграций немцев, нередко в направлении

¹ *Balke R.* Nazis in Palästina. „Es ist schon eine ganz nette Hitlergemeinde hier“ // Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/einestages/nazis-in-palaestina-ist-schon-eine-ganz-nette-hitlergemeinde-hier-a-948292.html#featuredEntry>; *Berg R.* The Templers: German settlers who left their mark on Palestine. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-22276494>.

Латинской Америки (и Юго-Западной Африки), где немецкое население могло жить относительно изолированно и автономно.

Даже в самых отдаленных от Европы немецких эмигрантских диаспорах, в той или иной степени, были ощутимы последствия Первой мировой (отдельные проявления антинемецких настроений, конфискации германской собственности), однако наиболее непримиримо к послевоенным реалиям оказались настроены восточноевропейские немцы. Большинство их из господствующей нации превратилось в национальные меньшинства, утратило былой политический и социальный статус, оказалось подвержено процессу ассимиляции (в различной мере затронувшего всех зарубежных немцев). Хотя положение немцев Восточной Европы в политическом и культурном плане зачастую было лучше, чем у прочих меньшинств региона: не в последнюю очередь, благодаря финансовым возможностям восточноевропейских немцев и поддержке Германии – все же именно они среди зарубежных немцев стали главными носителями ревизионизма. Идеи усиления германского влияния, возвращения германских колоний находили сторонников среди немецких мигрантов на соответствующих территориях по всему миру, однако наиболее взрывоопасной оказалась проблема сепаратизма польских и чешских немцев. Представляется, что не столько тяжесть последствий Первой мировой войны, сколько ностальгия некоторых представителей зарубежных немецких групп по былой мощи Германской империи, в целом, и по утерянному заграничными немцами после войны привилегированному положению, в частности, облегчила использование германскими нацистами немецких меньшинств и диаспор в своих внешнеполитических целях.

«FUROR HUNNICUS»: ТЕМА ВАРВАРОВ В ПРОПАГАНДЕ ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Использование пейоративов для номинации Врага или Чужого с целью его дегуманизации – междисциплинарная гуманитарная проблема, преимущественно рассматриваемая на стыке филологии, культурологии и истории. После складывания буржуазных наций в XIX–XX вв. пропаганда превратилась в один из ключевых способов управления массами в политике, и формирование образа врага в массовом сознании превратилось в необходимую часть морально-психологического обеспечения крупномасштабных войн. В наши дни актуальность этого вопроса, пожалуй, даже возросла. В данной работе будут кратко рассмотрены происхождение и особенности употребления в начале XX века одного из известнейших этнических дерогативов Первой мировой войны: переосмысленного в качестве пейоратива для немцев этнонима «гунн».

Упадок и гибель Западной Римской империи, провал проектов её реконструкции и перерождение «варварских королевств» в раннефеодальные государства VIII–X вв., как известно, породили современную западноевропейско-христианскую цивилизацию. Но наступившие в Европе «тёмные века», по общему мнению, нанесли её техническому и социальному прогрессу удар, компенсированный лишь спустя тысячелетие, в эпоху Великих географических открытий. Закат античности стал предметом рефлексии европейских мыслителей задолго до расцвета Ренессанса. Конечно, когда речь шла о причинах падения греко-римской цивилизации, позднейшие «свинцовая гипотеза», марксистская концепция смены общественно-экономических формаций или популярные во времена Просвещения обвинения христиан тогда ещё не звучали. В средневековой мысли объяснения причин этой культурной трагедии сводились либо к эсхатологии (традиция восходит ещё к «Граду Божию» блаж. Августина), либо к внешним врагам Империи, т. е. варварам. Отношение к таковым до эпохи позитивизма определялось исторической памятью самого наблюдателя.

Так, важность роли «сарацин» в окончательной гибели античной полисной цивилизации средиземноморского бассейна, которую ныне, вслед за Анри Пиренном¹, признают многие исследователи вопроса, включая и автора данной работы, средневековым авторам была неочевидна. Итальянцы, жертвы многосотлетних войн между Священной Римской империей и иными претендентами на господство в Италии (будь то Папа, Неаполь или французы), в XV–XVI вв. приложили немало усилий к созданию «готического мифа» о преобладающей роли германских варваров в падении романской цивилизации². Их же северным соседям из Франции и Германии образ главного врага Рима приходилось искать либо в собственных предках, либо – что гораздо более удобно, – в совершенно чуждом кочевом народе, не оставившем по себе доброй памяти у европейцев³. Речь, разумеется, о гуннах.

Гунны предстали взору античных авторов в конце IV в. Именно их натиск с востока стал движущей силой второго, «меридионального» этапа Великого переселения народов. Натиск гуннов в 376 г. принудил к бегству в Империю населявших Северное Причерноморье и Подунавье готов, тайфалов и аланов⁴. Стереотипное в дальнейшем описание гуннов оставил Аммиан Марцеллин – это коренастые, одетые в шкуры и лён кочевники с испещренными шрамами лицами⁵,

¹ Пирен А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. М., 2011.

² Neville K. Gothicism and Early Modern Historical Ethnography // Journal of the History of Ideas. 2009. Vol. 70. № 2. P. 218.

³ Венгры, названные в германских языках тем же именем по общности ареала расселения и «сходству», сами себя к гуннам возводили в позднесредневековых хрониках уже под влиянием европейского общественного мнения. См.: Шохин А.А. Причины и ранние этапы формирования «гуннского мифа» в средневековой венгерской хроникальной традиции // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 48–53.

⁴ Их сорокалетний анабазис внутри имперских границ был вызван желанием варваров отгородиться от «гуннского ужаса» непреодолимыми преградами: реками, горами, в идеале – Средиземным морем, переселившись в Африку, чего римляне, завися от поставок продовольствия своей карфагенской житницы, никак не могли позволить варварам. См.: Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб, 2003. С. 201, 226, 228, 243.

⁵ Гунны, по указанию Аммиана, шрамировали подбородки своим детям, чтобы предотвратить рост у них бороды в зрелости, в отличие от немецких студентов XIX–XX вв., у которых дуэльные шрамы на лицах показывали отвагу обладателей.

живущие в кибитках, спящие верхом на конях; свирепые, вероломные варвары, одержимые страстью к золоту и чуждые всякой цивилизации (Amm. Marc. RG. XXXI.2). Изначально гунны, по Аммиану, не знали «строгой царской власти». Общение с цивилизацией Рима, в полном соответствии со сценариями Т. Барфилда¹, привело к формированию «кочевой империи» во главе с Руа и его племянниками Бледой и Аттилой. Фигура «Аттилы Бича Божьего», подчинившего к концу жизни весь Барбарикум за Рейном и Дунаем, стала в культуре Европы почти тождественна самому понятию «гунн». Вторжения гуннов в Римскую империю периода упадка привели к всплеску эсхатологических ожиданий у её жителей, а сами кочевники в глазах римских христиан превратились в апокалиптических «гогов и магогов». Неудивительно, что битва римлян, вестготов, франков и бургундов с гуннско-остготско-гепидским воинством Аттилы на Каталаунских полях (451 г.) стала в европейской романтической мысли архетипом сражения «сил свободных народов» с армией сил зла и хаоса². Р. Груссе писал: «Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан... Их имена вписаны в историю. Повествования западных историков, китайских или персидских летописцев способствовали популяризации этих личностей. Великие варвары, они возникали в самом сердце истории цивилизации и молниеносно, в течение нескольких лет, превращали римский, иранский или китайский миры в груды руин»³. Но «Бич Божий», в отличие от Чингисхана и Тамерлана, внешнему наблюдателю предстал чистым разрушителем. После смерти на брачном ложе в 453 г. он не оставил по себе даже прочного государства, в котором «девушка

¹ «Кочевая империя» необходима кочевникам для объединения в силу, создающую угрозу богатому оседлому государству, и существует только для (и за счёт) получения от него дани. См.: *Барфилд Т. Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб., 2009.

² В частности, к этому образу, по мнению ряда филологов, в описании битвы на Пеленнорских полях обращался один из столпов жанра фэнтези, ветеран Первой мировой войны проф. Дж. Р. Р. Толкин. См.: *Шинти Т.* Дорога в Средьземелье / пер. М. Каменкович // Палантир. 2000. № 22. С. 22–23; *Груздева Е., Калмыкова Г.* «Властелин колец» и «Хроники Нарнии»: Welcome to English vs Russian Literature // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 33. С. 255.

³ *Груссе Р.* Империя степей. Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан / пер. Х. Хамраева. Алматы, 2006. С. 4.

с мешком золота могла бы проехать на коне из конца в конец державы» – уже через год гунны были разбиты гепидами при Недао, а их держава исчезла с карты мира. За ней вскоре последовали в небытие и сами гунны как этническая общность.

От «Бича Божия» остался лишь «романский» культурный стереотип гунна – свирепого варвара, грабителя, поработителя и врага цивилизации. Этот мем¹ спорадически использовался европейцами и в XIX веке².

Альтернативный, «германский» стереотип гунна имеет более позднее происхождение и восходит к средневековому немецкому эпосу, в наиболее полном виде выражаясь в «Песни о Нибелунгах» XII века. Германские племена за Рейном в битве на Каталаунских полях не участвовали либо выступали на стороне гуннов, поэтому не сохранили резко негативных воспоминаний о державе Аттилы. Гунны в поэме отличаются от всех иных племён только языческой верой, в остальном являясь такими же благородными варварами, как и готы, бургунды, тюринги или саксы. Их король Этцель похож на Карла «Песни о Роланде», Артура и прочих «добрых королей» средневекового эпоса. В сюжете бургундской резни (вторая часть «Песни о Нибелунгах», авантюры XX–XXXIX) Этцель выступает пассивным участником и даже пострадавшим – войны с бургундами хотел не он, а его жена Кримхильда (вдова Зигфрида, мстящая за убитого бургундами мужа), а гибель брата, жены, младенца-сына и бесчисленного множества храбрых гуннских воинов заставляют даже сочувствовать Этцелю. В отличие от «Аттилы Бича Божия», его альтер-эго из «Песни о Нибелунгах» не антигерой и не злодей.

Популярная в Средние века «Песнь» в XVI веке была почти забыта, и вновь предстала перед немецким читателем после её печатного издания в 1755 году. В эпоху наполеоновских войн, давших мощный импульс развитию национальной идентичности немцев, эта немецкая «Илиада» пришлась как нельзя кстати. Само собой, что в среде фёлькиш-националистов и пангерманистов она мгновенно стала культо-

¹ В исходном значении – единица культурной информации (фраза, символ, образ).

² *Musolff A. Wilhelm II's 'Hun Speech' and Its Alleged Resemiotization During World War I // Language and Semiotic Studies. 2017. № 3(3). P. 108.*

вой. Хотя в поэме слово «немцы» употребляется лишь однажды¹, сам факт его появления в тексте согревал души германских патриотов, позволяя им пролонгировать в далёкое прошлое момент сложения немецкой нации. Образ гуннов «Песни» не мог не наложиться в их сознании на более исторически достоверный «романский» гуннский дискурс, несколько смягчив последний. Конечно, Вильгельм II, прозвоня 27 июля 1900 г. свою «Гуннскую речь» в Бремерхафене для воодушевления немецких солдат, отправленных подавлять Боксёрское восстание в Китае, не настаивал на строгой исторической достоверности «Песни о Нибелунгах». Но само наличие такой «прогуннской» традиции позволяло этому высказыванию пройти в рамки немецкого «окна Овертона»² – представить в роли почитателей гуннов, допустим, англичан, которые исторически оправдывали свой империализм культуртрегерством («несите бремя белых...» – Р. Киплинг), гораздо трудней. В любом случае, Вильгельм потребовал от солдат не брать пленных и не давать пощады: «Тысячу лет назад при короле Этцеле гунны оставили по себе память о своей мощи... благодаря вашим деяниям имя немцев в Китае должно запомниться на тысячу лет, чтобы никогда китайцы не посмели даже косо взглянуть на немца».

Как мы знаем, эта игра с историческими мемами дорого встала Вильгельму, причём проблемы у него начались практически немедленно. Всё-таки романская версия гуннского дискурса тоже была знакома немецкой интеллигенции, и ей было нетрудно представить, какое впечатление фразеология кайзера произведёт на иностранную аудиторию. Несмотря на попытки придворных замолчать буквальное содержание «Гуннской речи» в печати³, местная газета «Везер цайтунг» 29 июля всё же опубликовала её без купюр, а уже через сутки английский перевод речи появился в «Таймс»⁴. Учитывая, что Германия как

¹ Nibelungenlied, XXII.1354. См.: Песнь о Нибелунгах. Л., 1972. С. 158.

² В исходном значении – рамки дискурса, открытого для обсуждения в некотором обществе.

³ Журналистам перед выступлением кайзера раздали заранее отредактированную «либретто» речи. Эту идею приписывали себе граф Ф. цу Ойленбург и будущий канцлер Б. фон Бюлов. См.: Бюлов Б. Воспоминания. М.–Л., 1935. С. 163–165.

⁴ *Musolff A.* The afterlife of an infamous gaffe: Wilhelm II's 'Hun speech' of 1900 and the anti-German Hun stereotype during World War I in British and German popular memory // *Pragmatics & Society* 2017, Special Issue. P. 5.

союзник бурских республик была главным критиком англо-бурской войны, а её пресса в то время вела антибританскую информационную кампанию и обвиняла англичан в типично «гуннских» злодеяниях в Южной Африке – в сносе бурских жилищ, расправах над мирным населением, создании концлагерей¹, – речь кайзера могла стать мощным орудием контрпропаганды в руках английских журналистов. На Вильгельма обрушился шквал критики со стороны немецкой либерально-социалистической общественности, что выразилось в публикации знаменитых «Гуннских писем» – сообщений солдат немецкого экспедиционного корпуса о предпринятых ими карательных акциях против китайцев.

Хотя «гуннский скандал», вопреки опасениям, в тот момент остался внутринемецким делом, английские патриоты не забыли кайзеру его промах. Так, в 1902 г. Р. Киплинг, во времена англо-бурских войн преисполнившийся германофобии, пишет стихотворение «Гребцы» ('The Rowers')², где удостоивает немцев титула «готов и бесстыдных гуннов».

В 1914 г. союзники по Антанте вновь прибегли к использованному кайзером относительно немцев ярлыку, но не ссылаясь на «Гуннскую речь» и, по-видимому, независимо от неё. Пропагандистский рупор в Британии заработал в июле-августе 1914 года, и с самого начала кампании образ немца-гунна уже присутствовал в материалах прессы³. Из крупных публицистов к этому образу возвращается Киплинг в стихотворении «Гунн у ворот», опубликованном в сентябре 1914 года. В западной пропаганде образ немца-врага, следуя романской традиции, сближался с гуннами, в сущности, по главной лексеме этого пейоратива, подразумевающего безжалостность к культуре инородцев и им самим. Союзная пресса от вступивших в войну

¹ *Забелина Н.Ю.* Первая мировая война: немцы глазами британцев // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 214.

² Посвящено венесуэльскому вопросу: Германия в 1902 г. предложила Британии направить в Карибское море соединённую эскадру из кораблей Кайзерлихмарине и Королевского Флота, чтобы взыскать долги с Венесуэлы. Предложение кайзера отклонили, но Киплинг был возмущён уже самим фактом его серьёзного рассмотрения британскими властями.

³ *Musolf A.* Wilhelm II's 'Hun Speech'... P. 108.

Англии, Франции и России до будущих членов Антанты Италии¹ и США активно распространяла в массах известия о немецких зверствах в Бельгии: казнях пленных и мирных жителей, осквернениях храмов, могил и тел убитых, тотальных грабежах, поджогах и мародёрстве, используя в отношении немцев пейоратив «гунны»². Граждан стран Антанты пугало, что исторически принятые «к востоку от Суэца» нормы обращения белого колонизатора с «цветными язычниками» теперь, в рамках построения «нового порядка», перенесутся немцами в Европу и обратятся против таких же белых христиан³. Вместе с тем, немецкой культуре ставилась в вину чуждая гуманизму механистичность и упорядоченность, что общепринятой семантике понятия «варвар» не слишком соответствует. «Бог создал человека одухотворенным высшими стремлениями. Германская цивилизация хочет пересоздать его наподобие дизель-машины – точной, аккуратной, сильной, но не оставляющей никакого места для души», утверждал Д. Ллойд-Джордж⁴.

Немецкая пропаганда, по понятным причинам, принимать игру на поле своих оппонентов не пожелала. Вместо гуннов в роли славных предков немцев гораздо уместнее были древние германцы вроде херусков и хаттов. Великая война подавалась в Германии как оборонительная, и традиционная для немцев XIX века опора на исторический миф о древних германцах – плод реферирования трудов Патеркула, Тацита и Иордана Л. Ранке и Ф. Даном, – позволяла сравнить освободительную войну Арминия против Римской империи с про-

¹ Националисты активно готовили народ Италии к вступлению в Великую войну, как империалистической пропагандой (*Якимович З.П.* Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // *Берегиня*. 777. Сова. 2014. № 4. С. 113), так и демонизацией немцев, к которой немало усилий приложила интеллигенция Италии (*Luparini A.* Il Movimento Anarchico Italiano di Fronte Alla Guerra // *L'Italia nella Grande Guerra. Nuove ricerche e bilanci storiografici*. Roma, 2017. P. 39).

² *Селиверстов Д.М.* Влияние прессы на формирование образа врага в августе – декабре 1914 года. Начало «немецких зверств» в Бельгии // *Вестник Брянского госуниверситета*. Серия «Исторические науки и археология». 2016. № 1. С. 103–107; *Cooper S.E.* Patriotic pacifism. Waging War on War in Europe. 1815–1914. NY, Oxford, 1991. P. 43, 191; *Soglia N.* Il racconto dal fronte: Il reportage di Stefania Türri // «*Studi Interculturali*». 2015. № 3. P. 34.

³ *Гнесь А.А.* Первая мировая война как культурная катастрофа // *Идеи и идеалы*. 2010. № 1(3). Т. 1. С. 46.

⁴ *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 216.

тивостоянием немцев романо-британской Антанте¹. Этот образ был привлекателен ещё и тем, что хорошо ложился в популярный в тог-дашней визуальной пропаганде эллинистический образный ряд. При формировании немецкого национального самосознания в XVIII – начале XIX вв. Й. Винкельман и другие «властители дум» проводили линию историко-культурной преемственности (конвергентного типа) между Грецией и Германией, что было вызвано как объективными (лоскутная карта германских княжеств эпохи упразднения Священной Римской империи больше напоминала многополисную Элладу, чем Римскую империю античности), так и субъективными причинами, например, желанием немецких просветителей привить немцам в ходе их нацибилдинга эллинские идеалы свободомыслия, демократии, калокагатии². Древние германцы с опорой на текст «Германии» Тацита изображались естественными носителями этих идеалов³. Ясно, что после объединения Германии Бисмарком и Вильгельмом I романофобия несколько утратила актуальность для немецких мыслителей, однако полную реабилитацию Римской империи осуществил уже Гитлер, заодно вписавший римлян в представители арийской расы наряду с германцами⁴. Соответственно, в период Первой мировой войны взаимные ассоциации образов греков, древних германцев и немцев в плакатном деле были распространенным явлением. Роль «новых гуннов» немцы при этом переадресовали своим восточным русским соседям с их «дикими казаками, черкесами и калмыками»⁵.

¹ Польская С.Л. Древние германцы в немецкой пропаганде во время Первой мировой войны // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): материалы Международной конференции (Ставрополь 23–26 октября 2014 г.). Ставрополь, 2015. С. 14–16.

² Καλοκαγαθία (др.-греч. καλός και αγαθός «красивый и добрый») – эллинский идеал равновесия телесной и духовной красоты человека.

³ Иваишута К.В. Герои и символы средневековья на службе отечеству: французский и немецкий плакат эпохи Первой мировой войны // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): материалы Международной конференции (Ставрополь 23–26 октября 2014 г.). Ставрополь, 2015. С. 18.

⁴ Mees B. The Science of the Swastika. Budapest, 2008. P. 111.

⁵ Schramm M. Das Deutschlandbild in der britischen Presse 1912–1919. Berlin, 2007. S. 420.

Несмотря на то, что отделаться от ярлыка «гунны» немецкая контрпропаганда до 1918 года не сумела, кампания по демонизации Четверного союза обычно бывала успешна лишь до момента вступления очередной страны в войну на стороне Антанты. После начала боевых действий фронтовики чаще всего осознавали взаимно антигуманную природу войны, а её позиционный характер приводил к разложению фронта и тыла, в том числе и к дискредитации оборонческой пропаганды. После войны стало общеизвестно, что заявления прессы о немецких зверствах были сознательно преувеличены. В результате «гуннский дискурс» стал приобретать иронический подтекст, а немцы частично вернули себе имидж «культурной нации». С ним немецкие войска бесповоротно расстанутся лишь в период Второй мировой войны, однако старый дерогатив «гунн» всё-таки не вернёт себе былую популярность, навсегда померкнув на фоне новых пейоративов, лишённых этнического окраса – «нацист», «фашист» и «гитлеровец».

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Музыкальное искусство всегда было одной из самых тонких материй, связывающих человека с окружающей действительностью. Как правило, этот вид художественного творчества пребывает в особом идеальном мире, который зиждется на интуитивных всполохах и стремлении к вечным истинам, желанным и притягательным, но столь же призрачным и трудноуловимым. Индивидуум, вдохновенно постигающий прекрасное, часто просто не может не быть отстраненным от жизненных реалий, которые, как правило, более прозаичны и грубы в сравнении с уводящей в небесные пределы изысканностью спонтанно рождающейся прихотливой «игры звуков». Однако, само по себе нахождение в обществе, в конкретной социальной среде все-таки неизбежно отражается на том, что возникает под пером создающего, которому свыше нередко вдруг, порой неожиданно, даруется возможность ясно ощутить неуклонность течения времени, предвосхитить то, что случится позднее. Часто задача исследователя как раз и состоит в необходимости обнаружить те субъективные импульсы, которые превращаются в главную движущую силу того или иного явления.

Простейший пример такого предвидения – творчество и судьба погибшего в результате нападения немецкой подводной лодки испанского композитора Э. Гранадоса (1867–1916), который, предвывая будущие трагические события, создал полную психологизма и фантастических образов сюиту «Гойески». Казалось бы, в основе этого произведения было лишь увлечение красотами живописи соотечественника – Ф. Гойи (1746–1828), но ведь художник в офортах «Бедствия войны» обращался к эпохе наполеоновских походов. Более того, в вышеупомянутом фортепианном цикле Гранадоса также воплотилась образная сфера еще одной серии картин – «Капричос», содержащей различные болезненные аллюзии вплоть до озвучен-

ных ужасов полотна «Сон разума рождает чудовищ». Рассуждая о мистике субъективных представлений, можно вспомнить и о том, что печальные предчувствия музыканта доминировали даже в «Двенадцати испанских танцах», при всем различии характеров (вплоть до пасторальности и легкой игривости) буквально пронизанных грустью и ностальгией...

Первая мировая война стала тем переломным моментом, который обострил противоречия, накапливавшиеся в искусстве, но устоявшиеся методы современного музыковедения лишь в малой степени учитывают ход истории, ограничиваясь лишь констатацией отдельных фактов и сразу же обращаясь к подробному разбору биографий и сочинений. Подобная поверхностность типична, и большинство публикаций при всем многословии и деланной многозначительности даже не приближается к проблемам «кантовской» обязательности понимания тех первопричин, которые решающим образом влияют на эволюционные процессы, происходящие во всех составляющих бытования государств, профессиональных объединений, личностей.

Так, например, аксиомой стало убеждение о том, что все многообразие композиторских течений XX в. есть не что иное, как некое производное пафоса книги «Эскиз новой эстетики музыкального искусства» Ф. Бузони (1866–1924)¹. Характерно, что трактат известного итальянского пианиста и педагога квалифицируется как подлинная «революция, освобождающая музыкальное искусство от традиционных гармоний и систем интервалов», которая и оказала решающее воздействие на дальнейшее становление жанра. Но главное заключается в том, что вся логика создания этого труда объявляется исключительно результатом эстетических ухищрений автора вне всякой связи с чем-либо – а, по сути, предлагается бездумно принимать за данность следующее: «так сложилась творческая судьба»².

Однако, 1907 г. (время появления эссе Бузони) по всем признакам можно считать уже преддверием предстоявших мировых катаклизмов, ведь вышеупомянутый представитель художественной культуры, живший с 1894 г. в Германии, очень остро, буквально на подсознательном уровне улавливал то, что пока было недоступно простому

¹ Бузони Ф. Эскиз новой эстетики музыкального искусства. Казань, 1996.

² Коган Г. Феруччо Бузони. М., 1971. С. 8.

обывателю. Ощущение грядущей катастрофы проявлялось и в композиторских опытах этого теоретика, чувствовавшего неизбежный уход эпохи стабильности и приближение каких-то страшных событий. Отсюда и наблюдаемые творческие метания автора, смело деклариовавшего новаторство, но, безусловно, гораздо более убедительного в ностальгирующих транскрипциях в духе виртуозных романтических опусов Ф. Листа (1811–1886), нежели в современных, но довольно скромных и бледных атональных пьесах.

Несколько позднее, уже в разгар Первой мировой войны неизбежность обрушения старого мира, каждый по-своему, выразили представители Франции – страны, максимально приближенной к театру боевых действий. Так К. Дебюсси (1862–1918) посвятил начавшимся сражениям композиции «Героическая колыбельная» (1914), «Черное и белое» (1915), вокальный цикл «Рождество детей, не имеющих крова» (1915) и одновременно попытался отстраниться от действительности и найти силы в образах прошлого, реставрируя традиции отечественной музыки XVII–XVIII вв. в трех инструментальных сонатах и «Шести античных эпитафиях». Эту же линию забвения и поисков себя в прекрасном прошлом продолжил М. Равель (1875–1937) в сюите «Гробница Куперена» (1917), а прямой ответ на состоявшуюся катастрофу был дан лишь спустя несколько лет в Концерте № 2 для левой руки (1930), который был посвящен пианисту П. Витгенштейну, искалеченному на фронте.

Но исторически гораздо важнее следующее: оба автора – Дебюсси и Равель – скорее на уровне интуиции ярко отобразили политическую составляющую взаимоотношений Франции и Германии конца XIX века. Так, освященная одним из основателей стиля «модерн», «парижским тапером» Э. Сати (1866–1925) борьба с «вагнерианством», привела к появлению художественного стиля «импрессионизм», в котором проводилась иная эстетика – очень личных простых и трогательных впечатлений музыканта, ищущего отраду и покой в образах природы или нехитрых бытовых зарисовках. Конечно же, декларативно в заявлениях и поступках отвергался композиторский гений немца Р. Вагнера (1813–1883), которого обвиняли в колористических излишествах и длиннотах. Но в стране, потерпевшей в 1871 г. поражение от Пруссии, вполне естественно и последовательно

экстраполировалась завуалированность творческого восприятия, ведь в самой глубине подсознания не принималось иное, то, что так ярко символизировали грандиозные оперные постановки баварского Байрета – внезапно возникшую пугающую мощь империи, величие Второго рейха, рожденного деятельностью О. Бисмарка. Это напоминает парадоксальную реакцию на те же события Ф. Ницше (1844–1900), которому мешали и государство, и религия, но который в своем стремлении обосновать идею сверхчеловека также отрицал все того же «истинно немецкого певца Граала».

Возрождение объединенной Германии было настолько стремительным, что ставило сложные вопросы перед представителями художественной культуры, остро ощущавшими потребность найти творческий эквивалент национального восхождения. Еще один предтеча музыкальных веяний XX в. – М. Рeger (1873–1916) обратился к наследию мастеров эпохи барокко и создал сочинения нового имперского стиля для находившегося в некотором забвении органа – «короля инструментов». Результат известен – «необахианство», пропущенное через пиршество позднеромантических гармоний, воплотилось в масштабных хоралах с фрагментами текстов М. Лютера (1483–1546), композициях пышных, ярких, патетичных, но все-таки внушавших ощущение какого-то надрыва и неизбежной конечности исхода.

Смысл подобной реакции музыкантов наиболее последовательно был раскрыт в монографии Э. Курта (1886–1946) «Романтическая гармония и ее кризис в «Тристане» Вагнера» (1920)¹. Выдающийся австро-швейцарский теоретик, в высшей степени плодотворно разбиривший сложнейшие профессиональные категории, на философском уровне смог понять тектонические основы цивилизационного движения предыдущих эпох и пророчески ощутить переломный исторический период развития композиторского творчества. Внимательное прочтение книги лишь подтверждает гипотезу о том, что целый пласт культуры, неуклонно уходивший в прошлое, оказался очень зависим от политических преобразований.

Вообще же развитие искусства в предшествующее столетие определялось многими социальными факторами, но главным было то,

¹ Курт Э. Романтическая гармония и ее кризис в «Тристане» Вагнера. М., 1975.

о чем настойчиво рассуждает, в частности, А. Фурсов – весь XIX век прошел под знаменем активного наступления развлекательной музыки¹. И действительно, то, что началось с ресторанных забав Ф. Шуберта (1797–1828), экспромтом множившего танцевальные экзерсисы, превратилось в целую плеяду блестящих венских вальсов И. Штрауса-младшего (1825–1899), которая отесняла широкую публику от традиционного композиторского творчества, все заметнее дрейфовавшего в сторону элитарности. Это отмечали многие исследователи, и вслед за Ф. Гершковичем, считавшим «возникновение оперетты симптомом упадка духа классической музыки»², уже сегодня В. Мартынов подводит некий итог, столь же спорный, сколь и любопытный: «Ф. Легар, И. Кальман и О. Бисмарк опошлили понятие «искусство». Далее этот же автор рассуждает о разъединении представителей художественной культуры с властью, которая занята чем угодно, но не поощрением талантливых соотечественников»³.

Таким образом, музыкальное искусство к началу XX в. уже оказалось разделенным и идейно, и эволюционно, и коммерчески. Вполне естественно, что события Первой мировой войны по-разному отображались представителями расходящихся по устремлениям творческих направлений. Единственно, что объединяло большинство музыкантов – это патриотические настроения, но только в начале войны, которая оказалась слишком долгой, кровавой и бессмысленной. Так, один из самых популярных представителей «легкой» музыки Австро-Венгрии – Ф. Легар (1870–1948) сочинил несколько патриотических песен и маршей, но в дальнейшем счастливо и результативно пребывал лишь в своей любви к оперетте. Наиболее последовательный продолжатель лучших черт оперы Аппенин и, в частности, веризма – Д. Пуччини (1858–1924) – написал музыку на оду Ф. Сальватори в честь побед итальянской армии, а затем отдалился от вселенских проблем и продолжал избранную творческую линию создания крупных сценических проектов, оставаясь выдающимся мелодистом, испытывавшим некоторый интерес к импрессионистическим краскам.

¹ *Фурсов А.* Управляемое разложение общества // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=77SWQ53nmjg>.

² *Гершкович Ф.* О музыке. М., 1991.

³ *Мартынов В.* Время Алисы. М., 2010. С. 49.

Еще один яркий персонаж развлекательного искусства венгр И. Кальман (1882–1953) вообще мало интересовался общественными проблемами и решал исключительно личные задачи, создав в разгар боевых действий 1915 г. знаменитую своей безмятежностью, веселостью и водевильными страстями оперетту «Княгиня чардаша» («Сильва»). По этому поводу следует особо отметить, что атмосфера вечного праздника, характерная для будней столицы Австро-Венгрии, при всех возникавших проблемах государства оказалась очень стойка и притягательна. И даже на обломках империи все, что связано с венским вальсом – искусством, облегченным содержательно, но неизменно держащим профессиональную планку высочайшего уровня – продолжало развиваться. Подтверждением может служить почти вековой творческий путь великого Р. Штольца (1880–1975), вальсы, польки и песни которого воссоздавали неповторимую животворящую атмосферу Вены – исторически признанного центра музыкальной Европы. Возможно, благородная, а, по сути, просветительская деятельность именно этого автора, сумевшего пронести через горнило разрушительных конфликтов органическую связь с поэзией и красочностью ушедших времен и бережно сохранить эстетику радости, и была одним из решающих моментов возрождения национального духа Австрии – государства нейтрального и независимого в своих действиях. Таким образом, вышедшая из XIX в. версия «чистого искусства», казалось бы, отстраненного от жизненных реалий, выполняла важную цивилизационную миссию, оберегая те образцы развлекательной музыки, которые оставались предельно близкими классическим традициям высокого стиля, противостоя все усиливающемуся давлению американизированной эрзац-культуры.

И все-таки в целом влияние войны на представителей искусства оказалось очень сильным и долговременным. Вот что писал в своем психологическом романе «Нетерпение сердца» С. Цвейг (1881–1942): «Какое значение имеет одна личная вина в сравнении с тысячами убийств, с мировой войной, с массовым разрушением и уничтожением человеческих жизней, самым чудовищным из всех, которые знала история?»¹. Таков был взгляд и ответ художника на миллион-

¹ Цвейг С. Избранное. М., 2000. С. 337.

ные жертвы всеевропейского бедствия. Трагическая судьба самого австрийского писателя-эмигранта, переживания которого, в конце концов, завершились актом самоубийства в далекой Бразилии, лишь подчеркивает гнетущий дух послевоенных десятилетий.

Но, как известно, в начале Первой мировой войны у композиторов, как и у абсолютного большинства их соотечественников, преобладали патриотические настроения. Так Р. Штраус (1864–1949) с истинно германской горделивостью заявлял: «Меня преисполняет возвышенное сознание, что наша страна и народ находятся в начале пути своего развития и непременно должны установить и непременно установят гегемонию над остальной Европой». Австриец А. Шенберг (1874–1951) был еще радикальнее: Протестовать против войны так же бесперспективно как протестовать против смерти... и то, и другое является методом обновления человечества». А А. Веберн (1883–1945), например, сообщал: «Я должен пойти на фронт. Я должен! Я больше не вынесу этого бездействия». Другие – такие же молодые и пассионарные – А. Берг (1885–1935), М. Равель, П. Хиндемит (1895–1963), просто вдохновенно стремились на фронт и впоследствии испытали все тяготы боевых будней.

Однако итогом подобных стремлений стало разочарование. Вдруг обнаружилось то, что, так достоверно описывал Э. Ремарк (1898–1970): «Когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой веселые, но как только мы добираемся до полосы, где начинается фронт, мы становимся полулюдьми-полуживотными, которых война сделала никчемными, и которые стали отрезанными от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса и верящими лишь в войну». И далее немецкий писатель продолжал: «Первый же разорвавшийся снаряд попал в наше сердце. Мы отрезаны от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса. Мы больше не верим в них. Мы верим в войну»¹.

Большая часть европейских музыкантов прошла столь же нелегкий путь, остро переживая все страшные перипетии мирового апокалипсиса. Необычайная жестокость, каждодневное насилие, газовые атаки, массовая гибель людей, постоянное нахождение в окопах – все

¹ Ремарк Э. На западном фронте без перемен. М., 2017. С. 310–312.

это воспринималось как нарушение неписанных «рыцарских» кодексов предыдущих кампаний. Противоречия между наивными ожиданиями и пугающей явью часто приводили к подлинному гротеску – братанию солдат противоборствующих сторон. Естественно в таких условиях реакция представителей культуры была соответствующей, и это очень точно сформулировал С. Цвейг: «Мы, возвратившиеся из ада мировой бойни, ко всему подходим теперь с новой меркой...»¹.

Конечно же, произошедший излом хода истории не означал абсолютного и мгновенного перерождения искусства, но нарастание тенденций, которые исподволь вызревали, получило дополнительные мощные стимулы. Так, А. Шенберг, уже за пять лет до 1914 г. «исследовал всю область музыкального материала – от сплошь сконструированной тональности через свободную атональность до первых шагов техники музыкальных рядов»². И это было уже зримым проявлением художественного течения «экспрессионизма», вызревавшего с начала XX в. и доводившего выражение «до крайних выводов, ставя утонченнейшие эмоции композитора и личные переживания в основу творчества». Восприятие бытия в «остро-динамическом нервно-экзальтированном «крике» человеческой психики, в крайне напряженной выразительности переживаний индивидуума и масс» стало ответом на обостряющиеся и опасные политические игры³. Тема отчаяния, одиночества и отчуждения ярко воплотились в «манифесте» экспрессионизма – живописном полотне «Крик» норвежца Э. Мунка (1863–1944) и была наиболее последовательно продолжена композиторами Австро-Венгрии, разрушаемой накопившимися противоречиями. Творческие поиски этих авторов привели к необходимости жесткого критического отношения к действительности, в «стремлении к активности, созданию «жизни изнутри», из внутреннего мира творческой личности.

Собственно возникновение «нововенской школы» совпало с доминирующей тенденцией развития искусства XX века, основной смысл которой состоит в том, что «все оно находится в состоянии отступления – по той причине, что человеческое сознание не способ-

¹ Цвейг С. Указ. соч. С. 336.

² Адорно Т. Философия новой музыки. М., 2001. С. 185.

³ Бонфельд М. История музыкознания. М., 2011. С. 307.

но справиться с теми историческими событиями, которые происходили ни психологически, ни умственно, ни рационально»¹. Логическим следствием этих процессов стало радикальное расширение средств композиции до такой степени, что лучшие образцы современных сочинений вполне справедливо квалифицируются как элитарные, требующие особого состояния сознания и совершенно оторванные от слуховых и интеллектуальных возможностей подавляющего большинства потребителей. И причины этого следует искать не столько в революционных преобразованиях семантики изложения материала и усовершенствования средств выразительности, сколько, главным образом, в метаморфозах изменения условного социального пространства музыкального искусства, нарушающего классическую связь автора и слушателя.

«Австро-немецкая музыка в лице А. Шенберга, А. Берга и А. Веберна достигает предельной вершины развития и одновременно оказывается в сложнейшем кризисе», так как созданные «конструкции абсолютно не соответствуют потребностям общества»². Но истинное художественное творчество полно потрясающих парадоксов и, по признанию Л. Выготского, наиболее талантливыми оказываются те вещи, от которых «зритель-слушатель-читатель остается в изумлении: обыватель ждет, а художник перечеркивает ожидание». Конечно же, «нововенская школа» в профессиональном отношении стала одним из высших проявлений человеческого гения в XX веке. Так А. Шенберг, первым наиболее последовательно воплощал свойственные экспрессионизму отказ от традиционности и застывших формальных ограничений, разработав основы метода додекафонии и серийной техники. Своеволие и глубина, диссонансы и мелодическая красота – все это проявилось в творчестве приверженца *Sprechgesang*, которому именно прошедшая война помимо прочего, видимо, оставила еще и трискайдекафобию – постоянный личный страх перед числом «13».

Ближайший сподвижник патриарха нового стиля – А. Берг также придавал огромное значение числам, ожидая в ходе экспериментов именно то, которое принесет «тональную взаимосвязь, имеющую

¹ Мартынов В. Указ. соч. С. 41.

² Адорно Т. Указ. соч. С. 26.

музыкальный смысл»¹. Одна из лучших опер XX века – «Воцтек», созданная этим автором, полна беспросветного мрака, предельного напряжения и галлюцинаций и, посвященная событиям столетней давности, стала рельефным отпечатком впечатлений от собственной воинской службы в период Первой мировой войны. Еще более фантазмагорично неоконченное сочинение композитора – «Лулу», сюжетно полное убийств, депрессивной символики и проявлений низменных инстинктов – но это уже прямой выход в современную постмодернистскую западную культуру.

Младший из «нововенцев» – А. Веберн не только подарил миру «экспрессионистические миниатюры, которые сжимают временное измерение до одного жеста» но и вокальный цикл на стихотворения погибшего на войне поэта Г. Тракля (1887–1914)². В этом сочинении ярко проявились трагическое мироощущение, темы распада, деградациии, смерти. Оригинальна и типична для композитора афористичность драматургии – четыре разных образа, сливающихся в четырех строчках. Уникальность творческого стиля этого сына Австрии заключается в экономии и концентрации выразительных средств, сжатости, строгости, возвышенности и ирреальности музыкальных ассоциаций. А. Веберну были присущи «тончайшие движения души, и это были отголоски пушек Вердена»³.

Одна из самых спорных личностей в истории немецкой музыки – Р. Штраус последовательно продолжал лучшие традиции позднего романтизма и был одним из наиболее ярких выразителей эстетики экспрессионизма. На волне бушевавшего патриотизма была сочинена «Альпийская симфония» (1915), которая несет на себе печать влияния философии Ф. Ницше и метафорически посвящена брэнности человеческой жизни, оканчивавшейся небытием. В послевоенные годы этот «истинный ариец» находился на видных служебных должностях нацистского «Третьего рейха» и даже написал Олимпийский гимн (1936). Но все-таки, даже обремененный ролью «придворного музыканта» фашистской власти, последователь Р. Вагнера создал оперу

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 306.

³ Адорно Т. Избранное: Социология музыки. СПб., 1999. С. 163.

«День мира» (1938) о событиях Тридцатилетней войны (1618–1648), целенаправленно противопоставляя свободу и рабство, свет и тьму.

Послевоенная Германия подарила миру П. Хиндемита (1895–1963) – не просто выдающегося, а вершинного мастера XX века, музыкальный язык которого уникален, математически безупречен и в высшей степени совершенен. Педагогическая система этого подлинного художника актуальна до настоящего времени. В своем творческом движении композитор прошел путь от позднего романтизма к экспрессионизму в образе контрапунктического стиля. В подобном обращении к традициям И.С. Баха ясно просматриваются исторические закономерности – поиск в далеком прошлом, просвещенном и религиозно-умиротворенном, ответов на катастрофические события настоящего. Но одухотворенный мир образов барокко и неоклассицизм П. Хиндемита представляют собой уникальный сплав различных фонических сегментов, диссонирующих, пульсирующих и украшенных элементами восточной семантики – уже как следствие работы по приглашению османского реформатора М. Ататюрка (1881–1938) в Турции, которая переживала период активной европеизации многих сторон жизни и, в частности, музыкальной культуры.

В драматургически безупречных конструкциях Хиндемита как приверженца урбанизма можно найти аллюзию на возврат в иное время – так заключительный раздел полифонического цикла «Ludus Tonalis» зеркально повторяет первую часть. Новые впечатления, грозящие и непонятные по своим последствиям, с нацистскими штурмовиками и кострами книг лишь усилили антивоенный настрой П. Хиндемита и нашли отражение в опере «Художник Матис» (1935). И это сочинение, которое отправляло слушателя в XVI век, к кровавому противостоянию протестантов и католиков, к кошмарам и галлюцинациям героя, чувствующего себя святым Антонием, искушаемым демоническими силами, было в высшей степени актуально и современно.

Эстетика отторжения индустрии развлечений и элитарного технократизма, которую исповедовал Хиндемит, довольно своеобразно, в ином ключе, проявилась в творчестве Б. Бартока (1881–1945), еще одного гениального представителя музыкальной культуры XX века. Отношение этого великого новатора к событиям Первой мировой

войны доподлинно неизвестно, но любопытно, что некоторое время композитор входил в директорию музыкантов Венгерской социалистической республики (1919) и едва не стал жертвой последовавшей затем контрреволюции. Можно предположить, что его увлечение фольклором практически всех народов Восточной Европы скорее доказывает имперскую сущность стойких убеждений, которые трансформировались в уникальный творческий стиль, обращенный в самую глубь веков. Оказалось, что неприглаженные мелодии и первозданные ритмы, звучавшие несколько столетий назад, в своей основе необыкновенно современны, и эта богатейшая палитра ценностей, извлеченная из древности, стала идейным базисом одного из самых перспективных художественных течений.

Круг образов, созданных автором-просветителем необыкновенно причудлив, разнообразен и реалистичен. Предельно контрастные сопоставления, многовариантность полиритмии, яркие сочные образы, потрясающее вокальное начало мелодий – все это не избавило творчество композитора от непризнания. Так, известно, что К. Аденаур, первый федеральный канцлер ФРГ в бытность бургомистром Кельна (1917–1933) запрещал исполнять сочинения Б. Бартока. Справедливости ради отметим, что вышеупомянутая цензура касалась прежде всего авангардистских черт балета «Чудесный Мандарин» (1926). Жутковатая фантастика сюжета, новизна композиторских средств, экспрессионистские образы и настроения, доминирующие в этом сочинении, также могут трактоваться как отголоски европейских битв и крушения Австро-Венгерской империи.

А что же происходило с музыкой в странах Антанты? Берусь утверждать, что знаменитое «Болеро» М. Равеля, написанное в 1928 г., несет в себе нечто гораздо большее, нежели экскурс в иберийское начало – неуклонный, всеохватывающий ритм и постоянно нарастающее напряжение более напоминают образы фашизма в Седьмой симфонии Д. Шостаковича (1906–1975). А может быть, и предвосхищают последствия известной фразы: «над всей Испанией безоблачное небо», ставшей паролем и драматургией франкистского мятежа. Но в целом «галльский ответ» на вселенский катаклизм оказался более мягким. Объединение французских композиторов «Шестерка» – Л. Дюрей (1888–1979), Д. Мийо (1882–1974), А. Онеггер (1892–1955),

Ж. Орик (1899–1983), Ф. Пуленк (1899–1963), Ж. Тайфер (1892–1983) – жило обычной жизнью столичной богемы, отстраненной от боевых действий, которые велись уже длительное время и так близко географически. При всей разности эстетических взглядов соратники дружно ратовали за национальную специфику музыкального языка против шенберговской атональности, а также гармонических и колористических излишеств отечественных импрессионистов.

Попытка сформулировать некое абстрактное общее направление в творчестве французских авторов неизбежно приводит к мысли, что стремление к простоте, ясности, увлечение неоклассицизмом и одновременно американским джазом – продуктом не самых высоких образцов развлекательной культуры, все-таки символизировали какую-то слабость менталитета страны, на столетие вперед обескровленной наполеоновскими войнами, а в период Первой мировой войны постоянно ожидавшей помощи то от России, то от Англии, то из-за океана. Рождавшиеся во Франции сочинения были действительно избавлены от фактурных наслоений, лаконичны, более воспринимаемы на слух и близки фольклорным мотивам, но не слишком привлекательны в силу некоторой сухости, пресности и какой-то вторичности подачи материала. Лишь следующее сообщество парижских авторов – «Молодая Франция» (1935), декларировавшее стремление к «живой музыке» и боровшееся против конструктивизма, неоклассицизма и академизма, неожиданно, скорее как исключение дало истории музыки личность, которая стала одной из самых значительных вершин искусства XX века.

Речь идет об О. Мессиае (1908–1992) – уникальном музыканте, которого справедливо называют «Бахом XX века». Спокойное начало творческого пути, постоянная работа в качестве органиста церкви Святой Троицы в Париже, глубокое знание теологии, увлечение религиозными песнопениями, создание целого ряда выдающихся церковных произведений для органа – может быть это была наиболее разумная и метафизически объяснимая реакция на события Первой мировой войны в стране, формально победившей, но готовой при случае сдать и продолжать пребывать в летаргии наступающей потребительской культуры. Нахождение в фашистском концентрационном лагере в 1941 г. при всей относительной мягкости обращения

с пленными французами (а именно там был написан квартет «На конец времени») решающим образом изменило круг интересов композитора, который вдруг начал активно экспериментировать с сериями нот, длительностей, динамических оттенков, внедряя математические закономерности и новые ритмы. Внимательное изучение фонизма архаических музыкальных артефактов далеких стран, систематизация орнитологических наблюдений – все это насытило неповторимой самобытностью такие сочинения как полная санскритской пряности «Турангила-симфония» (1948), экзотическое «Пробуждение птиц» (1953), папуасские «Четыре ритмических этюда» (1950). Но главное заключается в том, что О. Мессиаан, силой своего грандиозного таланта, по сути, сделал для Франции в музыке то же, что Ш. де Голль (1890–1970) в политике.

Русская культура, просто по определению, не могла оставаться в стороне от дыхания Первой мировой войны, но подобные связи прослеживаются достаточно косвенно. Вполне оправданно, например, предположить, что «Всенощное бдение» (1915–1916) С. Рахманинова (1873–1943) своими потрясающими православными песнопениями каким-то образом перекликалось с ужасами фронта, который был далеко, но истинно русский человек, коим был композитор, остро чувствовал всю боль страданий. Наверное, не был лишен патриотических настроений юный С. Прокофьев (1891–1953), обратившийся в своей «Скифской сюите» (1915) к праистории России и возродивший образ легендарного степного богатыря Лоллия, которому подвластно победить любого недруга. Тем более все это так совпадает с последующим пылким признанием в любви к неистовым первобытным предкам А. Блока (1880–1921) в стихотворении «Скифы» (1918):

*«Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами».*

А ведь в преддверии войны появился балет И. Стравинского (1882–1971) «Весна священная» (1913), воссоздающий поэтику славянских сказаний, живописуя варварство языческих обрядов

и обыгрывая тему жертвенности. Да и в «Сказке о беглом солдате...» (1918) «герой прототипический для поколения, сформировавшегося после Первой мировой войны, из которого фашизм набирал готовые к действию орды, погибает»¹.

Характерно, что эти же композиторы оказались в эмиграции, которая решающим образом, но так несхоже повлияла на дальнейшее становление творческих исканий. С. Рахманинов оказался «немногословным», переживая утрату старой имперской России, но, отринув тоску, материально помогал Красной армии в Великой Отечественной войне и, продолжая восходящую линию своего неповторимого и непревзойденного авторского стиля, завершил жизнь, возможно, лучшим произведением – «Симфоническими этюдами» (1941).

И. Стравинский оказался верен своему холодно-расчетливому движению в жизни и музыке, «считая позором духовное начало в искусстве» и придерживаясь устойчивой мантры модернизма об «абсолютно чистом поле для сочинения, в котором можно строить любые конструкции»². Весьма показательно в этом смысле следующее: в 1917 г. состоялась знаменательная встреча композитора с П. Пикассо (1881–1973), которая подтвердила совпадение некоторых эстетических принципов, но нравственный итог был далеко неоднозначен. Так, впоследствии, испанский художник, сочувствуя республиканцам, посвятил своим соотечественникам-баскам, погибшим в ходе безумной бомбардировки города немецкими и итальянскими самолетами, знаменитую картину «Герника» (1937). И. Стравинский, продолжал комфортно пребывать в своем равнодушии. И, оставаясь одним из столпов музыки XX века, никогда не обращался к подобным темам, занимаясь совершенно иным, с легкостью перепробовав все стили и направления – от неоклассицизма до серийной техники, прагматически превращая творческий продукт в нечто для потребления, потешаясь над этим и производя свой очередной опыт вне общей линии развития.

С. Прокофьев в течение 17 лет гастролировал на Западе, но бережно нес и совершенствовал лучшие традиции русской композиторской школы, являясь подлинным революционером во многих составляю-

¹ Адорно Т. Философия новой музыки. С. 304.

² Там же. С. 31.

щих профессии. Возвращение на Родину лишь подтвердило величие этой личности. Вдохновляющая атмосфера строительства общества, базирующегося на принципах справедливости, способствовала появлению сочинений, которые стали украшением мировой культуры. Тема войны и борьбы с захватчиками также получила новое яркое воплощение в кантате «Александр Невский» (1938), симфонии № 6 (1947), опере «Повесть о настоящем человеке» (1948), а в целом изумительная, обгоняющая время музыка этого выдающегося мастера подготовила почву для бурного расцвета многонационального искусства СССР.

Главная же выигравшая сторона Первой мировой войны – англо-саксонские страны – внесла весьма своеобразный вклад в освещении минувших баталий, полностью погрузившись в стихию развлечений. Наверное, отсутствие в Британии выдающихся композиторов имеет вполне прозаическое «земное» объяснение, но похоже, существует какая-то философско-нравственная закономерность в том, что агрессивная «морская» империя, в течение столетий завоевывавшая, подавлявшая и провоцирующая все доступное в «окрестностях Ойкумены», действительно преуспев в насилии, оказалась бесплодной в сфере высокого музыкального искусства. Можно смело утверждать, что подобный эстетический вакуум был предопределен какими-то высшими силами. Ведь не случайно же за пределы островного государства после Г. Перселла (1659–1695), лишь спустя столетия вышли сочинения Б. Бриттена (1913–1976), в исследуемый послевоенный период более озабоченного не вселенскими проблемами, а своей многолетней порочной содомской связью с певцом П. Пирсом. По этому поводу вполне возможно рассуждать о парадоксах того, что именно подобный странный вектор стремлений английского автора стал предтечей последующего «свободомыслия» художественной интеллигенции и апокалиптических импульсов современного западного общества.

Заокеанский союзник держав Антанты, получивший колоссальные экономические дивиденды от прошедшего европейского бедствия, оказался абсолютно верен примитивным основам этического строя, сформированного поколениями искателей приключений. Потребительская культура, возвращаемая в этом вновь открытом «граде

на холме» и питаемая протестантской этикой, устремленной на удовлетворение исключительно личных интересов индивидуума, стала доминирующим явлением в измеряемом фетишем денежных знаков обществе всеобщего меркантилизма. Поэтому «серьезной музыке США не вменялось в обязанность стремление к художественным или философским идеалам, ее успех измерялся не эстетическими стимулами, а рынком»¹. Отсюда и две ведущие, зависящие от уровня «оплачиваемости» линии развития композиторского творчества: то, что со временем стало основой «ультрамодернизма» и развлекательные направления.

Конечно же, в американской музыковедческой литературе можно обнаружить некоторые факты, напоминающие о Первой мировой войне. Так А. Копленд (1900–1990), учившийся в Париже у Н. Буланже (1887–1979), был известен откровенными антигерманскими настроениями, а Э. Варез (1883–1965) организовал в 1917 г. концерт в память погибших в сражениях и даже тот же эмигрант И. Стравинский, представляя свой «Рэгтайм» 10 ноября 1918 г. в день прекращения боевых действий не преминул рекламнo-сенсационно заявить, что «мноغوважаемые немцы капитулировали»². Но эти явления были мимолетны и напоминали какие-то случайные всполохи. Степень духовности американского образа жизни оказалась чрезвычайно низка – и, видимо, просто по определению, не могла быть иной в стране, строящейся на самых первобытных, почти животных инстинктах. Поэтому все попытки, например, О. Манулкиной выдать за что-то выдающееся эскерсисы Э. Вареза, искавшего новое качество в резкости звука, в котором «диссонанс является фундаментальным архитектурным элементом» наивны и, похоже, не лишены корыстолюбия, так как цитируемая книга издана на очень солидный заокеанский грант³. В качестве доказательства правомерности подобной оценки уместно привести высказывание современного бельгийского дирижера Ф. Херревеге: «в XX веке была теория додекафонии – это

¹ Манулкина О. От Айвза до Адамса: американская музыка XX века. СПб., 2010. С. 10.

² Там же. С. 126.

³ Там же.

всего лишь рамки, но во все времена хорошие композиторы писали в рамках новых теорий хорошую музыку, а плохие – плохую»¹.

Не потому ли, казалось бы, весьма актуальное и перспективное обращение авторитетного и признаваемого теоретиками, Ч. Айвза (1874–1954) к политональности, атональности, кластерам, сериям, алеаторике – интересно, по сути, лишь на уровне эксперимента, но не подкреплено прочной связью с такими эстетическими категориями как «прекрасное», «возвышенное», «трагическое». И вообще, типичным символом заокеанской версии «серьезного искусства» можно считать декларации Д. Кейджа (1912–1992), верившего в «случайность и силу медитаций», но окончательно нашедшего себя в откровенном трюкачестве пьесы под названием «4.33», в которой исполнитель-пианист должен просто молча сидеть за роялем указанное в названии время. Подобные «изобретения» и эпатаж имели материальную поддержку, поэтому и заняли доминирующее положение в академическом композиторском творчестве США, но они ни в коей мере не могут претендовать на подлинные художественные открытия XX века.

Отсюда и весьма неожиданный, но, видимо, метафизически обусловленный вывод: три проигравшие и распавшиеся великие империи – а именно Австро-Венгрия, Германия и Россия – оказались несравненно более плодотворны в формировании собирательного образа серьезной музыки XX века. Видимо, какая-то историческая правда все-таки вдруг воплощается в сферах, далеких от политики, и в иносказательной форме утверждается в том, что определяет цивилизационную сущность человечества. Природа и механизм эстетической реакции полна таинств, но произведения искусства часто являются именно тем катарсисом, который наиболее близок истине.

¹ Херревеге Ф. У меня нет времени на Вивальди // Музыкальная академия. 2018. № 1. С. 44.

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР И ПРОБЛЕМА НАКАЗАНИЯ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЁННЫЕ В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Парижская мирная конференция, проходившая в Версальском дворце близ французской столицы, была самым крупным и важным дипломатическим форумом со времен Венского конгресса 1814–1815 гг.¹ Ее участники заседали с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. Одними из важнейших вопросов, которые они обсуждали, были предотвращение новых глобальных конфликтов, а также наказание виновных в развязывании Первой мировой войны 1914–1918 гг., и совершенных в ходе нее зверствах. Преступления германской армии и ее союзников во время Первой мировой войны значительно превосходили злодеяния периода франко-прусского вооруженного противостояния предшествовавшего века.

Перед победившими в войне британскими, французскими и американскими правящими кругами встала задача юридически оформить результаты победы в войне. Один из вариантов послевоенного мирного устройства – «Хартия мира», известный как «14 пунктов» президента США В. Вильсона, был провозглашен еще в январе 1918 г.² Этот документ носил гораздо более умеренный характер по сравнению с ленинским «Декретом о мире», провозглашенным тотчас после победы Октябрьской революции в России. Предлагая новый международный порядок, программа Вильсона не посягала на ломку общественно-политического устройства государств. В число ее

¹ См. подробнее: *Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. 1918–1939. М., 1995; *Первая мировая война: исторический очерк* / отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2005; *Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис. 1919–1939 гг.* Сборник статей / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011; *Системная история международных отношений в двух томах. Том первый. События 1918–1945 годов* / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2007.

² См. подробнее: *Розанов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921). М. – Тамбов, 2003.

первых восьми «обязательных» пунктов вошли принципы открытой дипломатии, свободы мореплавания, всеобщего разоружения, снятия барьеров на пути торговли, справедливое решение колониальных споров, восстановление бельгийского государства, вывод войск с территории России и учреждение Лиги Наций. В остальных пунктах речь шла о возвращении Франции Эльзаса и Лотарингии, предоставлении автономии народам Австро-Венгрии и Османской империи, пересмотре границ Италии за счет Австро-Венгрии, выводе иностранных войск с Балкан, интернационализации Босфора и Дарданелл, создании независимой Польши с обеспечением ей выхода к Балтийскому морю, выводе всех иностранных войск с оккупированных российских территорий. Однако Париж и Лондон рассматривали эту программу как утопию, призванную завуалировать истинную цель Вашингтона – стать после окончания войны глобальным лидером мира.

Согласование позиций США, Франции и Великобритании заняло несколько недель. Только 12 января 1919 г. Высший военный совет Антанты объявил повестку дня предстоявшей мирной конференции. Она включала вопросы о создании Лиги Наций, о репарациях, о предоставлении государственности народам Центральной и Юго-Восточной Европы, решении территориальных споров и судьбы колониальных владений. Союзники стремились изменить карту Европы таким образом, чтобы ослабить Германию и компенсировать распад крупных империй – России, Австро-Венгрии и Османской империи – путем создания новых дружественных Антанте государств. На следующий день – 13 января – на обсуждение была вынесена проблема «военной вины» Германии. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж предложил направить вопрос об ответственности виновников войны на рассмотрение представителей пяти великих держав¹.

18 января 1919 г. во время официального открытия мирной конференции глава французского кабинета Ж. Клемансо, избранный ее председателем, указал, что первыми пунктами повестки дня открываемого форума станут проблемы определения ответственности и на-

¹ История дипломатии. Т. 3. М., 1965; История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. М., 1976.

ложения санкций за развязывание войны и совершенных в ходе нее преступлений¹.

Прибывший в Париж для участия в конференции президент США Вильсон считал, что Германия заслуживает сурового наказания, хотя и не полностью разделял концепцию Клемансо, которого именно он предложил избрать постоянным председателем конференции. Все трое – Вильсон, Клемансо и Ллойд-Джордж имели репутацию либеральных политиков и стремились решить одну задачу – построить мир, обеспечивающий безопасность своих стран и народов. В ходе переговоров программа Вильсона подверглась значительной корректировке. В результате из 23 ее принципов и предложений в итоговый документ Версальской конференции вошли только четыре.

25 января 1919 г. была создана Комиссия по определению ответственности виновных в развязывании войны и принудительному выполнению санкций (так называемая «Комиссия пятнадцати»). В ее состав вошли по два авторитетных юриста от США, Великобритании, Франции и Японии, а также по одному от Бельгии, Греции, Польши, Румынии и Сербии. Председателем комиссии стал государственный секретарь США Р. Лансинг. Взгляды членов Комиссии были отнюдь не одинаковы. Президент США являлся сторонником почти равной ответственности двух блоков за развязывание войны. В то же время американская сторона исходила из того, что еще не существует норм международного права, накладывающих ограничения на методы ведения войны. 12 марта Лансинг предложил сопроводить мирный договор с Германией специальной декларацией, в которой основной упор делался бы не на юридический, а на моральный аспект осуждения войны как величайшего преступления против мира и человечества. Подобным же образом рассматривалась проблема ответственности руководителей Центральных держав, на которых также возлагалась вина за трагедию 1914 года. Вильгельм II и другие лица, ответственные за военные преступления, должны были подвергнуться решительному осуждению со стороны мирового общественного

¹ Дессберг Ф. Французская политика от подписания Версальского договора до Вашингтонской конференции // Версальская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. С.121–125.

мнения¹. Однако ввиду отсутствия в этом документе прямых указаний на необходимость судебного преследования германского императора за преступное нарушение им законов человечности и развязывание войны, члены Комиссии сочли этот проект с юридической точки зрения незначительным и потеряли к нему интерес².

Свой проект разработали и французы. Их представитель в «Комиссии пятнадцати» Ф. Ларнод предложил включить в преамбулу Устава Лиги Наций пассаж с единодушным осуждением тех, кто втянул человечество в мировую войну, и призывом к наказанию виновных в этом. Однако по предложению Вильсона данную поправку отклонили. При этом была отмечена целесообразность продолжения и расширения работы, начало которой было положено Гаагскими конференциями 1899 и 1907 гг.³

29 марта 1919 г. Версальской мирной конференции был предложен окончательный доклад «Комиссии пятнадцати». В нем признавалась ответственность за развязывание агрессивной войны Германии и Австро-Венгрии, а также Турции и Болгарии. Указывалось, что вина Германии и Австро-Венгрии усугублялась тем, что они ранее сами гарантировали нейтралитет Бельгии и Люксембурга. Руководство США, выразив свое согласие с позицией европейских коллег относительно виновности руководителей центральных держав, заявило о том, что по ряду вопросов расходится с европейцами⁴.

Предварительные итоги своей работы Парижская мирная конференция смогла подвести к середине апреля 1919 г. Единственной страной, ответственной за развязывание войны, признавалась Германия. Правительство последней 21 апреля утвердило общую линию поведения германской делегации на предстоявших мирных переговорах. Ей предписывалось не заострять внимание на проблеме военной

¹ См. подробнее: *Котенев В.А.* Проблема «военной вины» Германии на Парижской мирной конференции 1919 г. // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис 1919–1939 гг. М., 2011. С. 42–58.

² What Really Happened at Paris / eds. by E.M. House and Ch. Seymour. N.Y., 1921. P. 476, 478.

³ *Котенев В.А.* Указ. соч. С. 44–45.

⁴ *Willis J.K.* Prolog to Nuremberg: The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War. Westport, 1982. P. 75.

вины и по возможности исключить данную проблематику из повестки дня. Указывалось, что тезис об ответственности Германии за войну может повлечь за собой требование неограниченного увеличения объема репараций¹.

Прибыв 7 мая в Версаль для получения проекта мирного договора, министр иностранных дел Германии У. фон Брокдорф-Ранца убедился, что никаких прямых переговоров не будет. Церемония, на которой германские представители должны были получить проект мирного договора и подписать его, являлась единственным шансом немцев лично обратиться к союзникам. Обсуждение членами делегации проекта выступления германского министра продолжалось почти до начала процедуры подписания договора. Выбрав из нескольких вариантов самый жесткий, он обвинил победителей в ненависти к его стране и намерении возложить на Германию единоличную ответственность за ущерб, причиненный человечеству в ходе военных действий. Брокдорф-Ранца же обосновывал тезис о виновности за катастрофу 1914 г. всех участников мирового конфликта. Он потребовал беспристрастного расследования нейтральной комиссией степени ответственности каждой державы, принимавшей участие в войне, и в заключение заявил о невозможности подписать договор на условиях, навязываемых победителями. Его выступление противоречило правительственным директивам от 21 апреля.

Тем не менее, статья 231 проекта мирного договора со всей четкостью констатировала ответственность Германии за начало войны. В оригинале она звучала так: «Союзные правительства заявляют, а Германия признает ответственность Германии и ее союзников за причинение всех потерь и убытков, понесенных союзными правительствами и их гражданами вследствие войны, навязанной им агрессией Германии и ее союзников»². 12 мая немецкий канцлер Ф. Шейдеман заявил на специальной сессии Национального собрания Германии о невозможности подписать договор в представленном виде. Несколько иную позицию занимал член германского правительства М. Эрцбергер, возглавлявший комиссию по перемирию.

¹ *Hahn E.J.* The German Foreign Ministry and the Question of War Guilt in 1918–1919 // *German Nationalism and the European Response. 1890–1945.* L., 1985. P. 50.

² Версальский мирный договор. М., 1925. С. 118.

Используя в качестве посредника полковника А. Конгера из штаба американского генерала Дж. Першинга, он предлагал победителям снять пункт о «военной вине», а при решении вопроса о репарациях указывал на возможность направления для восстановления Франции и Бельгии 500 000 рабочих на 2,5 года.

Однако В. Вильсон отрицательно отнесся к этому предложению. А. Конгеру было поручено сообщить германской стороне, что альтернативы принятию договора не будет. В результате в ответ на возражения германской делегации союзники решили подготовить один общий документ. 16 июня немцам была направлена декларация, подписанная Клемансо. По мнению победителей, война, начатая Германией 1 августа 1914 г., являлась самым большим преступлением против человечества за всю его историю. Она заранее планировалась Германией, была ею развязана и велась антигуманными методами. Союзники считали, что Берлин должен выплачивать репарации в максимальном размере, который только позволял ее экономический потенциал. В завершении документа в ультимативной форме от Германии требовалось в семидневный срок одобрить договор, иначе военные действия против нее будут возобновлены¹.

Однако большинство членов германского кабинета высказалось против подписания соглашения. 19 июня он ушел в отставку, после чего был сформирован новый кабинет во главе с Г. Бауэром. 23 июня германское правительство сообщило о своей готовности подписать условия навязываемого Германии мира, хотя и заявило об их чудовищной несправедливости, а также намерении Вашингтона, Лондона и Парижа «обесчестить» немецкий народ.

Версальский мирный договор, завершивший Первую мировую войну, был подписан в Зеркальном зале Версальского дворца 28 июля 1919 г., с одной стороны – представителями США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, как главными союзными державами, а также Бельгией, Боливией, Бразилией, Кубой, Эквадором, Грецией, Гватемалой, Гаити, Хиджасом (будущая Саудовская Аравия), Гондурасом, Либерией, Никарагуа, Панамой, Перу, Польшей, Португалией, Румынией, Королевством сербов, хорватов и словенцев, Сиамом,

¹ Papers Relating to the Foreign Relation of the United States. 1919. Paris Peace Conference. Vol. 3. P. 926–930, 962–963.

Чехословакией и Уругваем, а с другой стороны – капитулировавшей Германией¹. Китай отказался подписать договор в знак несогласия с его предложениями о судьбе некоторых территорий. Сенат США также не ратифицировал договор ввиду нежелания Америки вступить в Лигу Наций, Статут которой был составной частью Версальского мирного договора. Взамен в 1921 г. был заключен Американско-германский договор, не содержащий статей о Лиге Наций.

Версальский договор вступил в силу 10 января 1920 г. В его первой части – Статуте Лиги Наций – констатировалось, что члены данной организации принимают обязательство не прибегать к войне, поддерживать международные отношения, основанные на полной гласности, справедливости и чести, строго соблюдая их правительствами стран – участниц Договора.

Договор предусматривал потерю Германией одной восьмой части довоенной территории и двенадцатую часть населения, а также фактически полное разоружение и демилитаризацию страны. Отменялась всеобщая воинская повинность, разрушалась система военного образования, распускались военная академия и Генеральный Штаб. Поскольку на Германию и ее союзников возлагалась вся ответственность за развязывание Первой мировой войны, предусматривалась выплата репараций и над ее экономикой устанавливался контроль победителей².

Кроме того, статья 227 Версальского договора гласила: «Союзные и Объединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему Германскому Императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров.

Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты.

¹ Версальский мирный договор. Итоги империалистической войны, серия мирных договоров. М., 1925.

² Шацко В.К. Проблема изменения территориальных границ Германии по итогам Версальского мира // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис. 1919–1939 гг. С. 34–35; The Treaty of Versailles: A Reassessment after 75 Years / eds. by M.F. Voemeke, G.D. Feldman, E. Glaser. Cambridge, 1998. P. 48.

Он будет состоять из пяти судей, назначенных каждой из пяти следующих держав, а именно: Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией. Суд будет судить по мотивам, внушенным высшими принципами международной политики и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязательствам, а также к международной морали. Ему будет надлежать определить наказание, которое по его суждению должно быть применено.

Союзные и Объединившиеся державы обратятся к Правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего императора в их руки для того, чтобы он был судим»¹.

В статье 228 германское правительство признавало право Союзных и Объединившихся держав привлекать к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны. Германское правительство было обязано выдать этих лиц Союзным и Объединившимся державам.

В следующей 229 статье указывалось, что обвиняемые в преступлении против граждан определенной страны будут выданы ей для суда над ними, тех, кто совершил преступления против граждан нескольких стран – судам, состоящим из судей заинтересованных держав.

В статье 230 германское государство обязывалось доставить документы и сведения, которые были необходимы для полного выяснения инкриминируемых фактов, розыска виновных и оценки ответственности обвиняемых лиц.

Попытка привлечь к судебной ответственности Вильгельма II и еще около 800 немецких военнослужащих, уличенных в военных преступлениях, совершенных в ходе Первой мировой войны, практически ничем не окончились. Было осуждено лишь 12 человек к кратким срокам заключения, но и их вскоре освободили.

Германский император и король Пруссии Вильгельм II (1859–1941), сыгравший активную роль в подготовке и развязывании Первой мировой войны, свергнутый в ходе революции 1918 г. в Германии, бежал в Нидерланды. Все попытки добиться его выдачи

¹ Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006. С. 47–50.

и предать суду не увенчались успехом. В 1933 г. он приветствовал приход Гитлера к власти. Примечательно, что именно в это время статья 231, признававшая ответственность Германии за развязывание войны и совершенные преступления, была отменена Гитлером.

Итак, наказание военных преступников – необходимое условие прочного мира – после Первой мировой войны не было осуществлено. Однако именно тогда были заложены нормы уголовной ответственности за военные преступления, которые развивались и реализовывались уже в годы Второй мировой войны и после ее окончания.

Опыт Первой мировой войны и окончившиеся почти безрезультатно усилия наказать тех, кто был повинен в развязывании мирового конфликта, побудил мировую общественность поставить вопрос о наказании виновных в подготовке и развязывании мировых войн и совершении военных преступлений, которые в конечном итоге привели к проведению Международного судебного процесса над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге в 1945–1946 гг.

РАЗДЕЛ II.

**ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДЛЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции в России стали исходным хронологическим рубежом коренного преобразования национальных отношений и смены идентичности всех стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы в социокультурном и политическом измерении. Начался важнейший этап их выхода на путь буржуазно-демократических преобразований, ускорения общественного развития на рубеже новейшего времени в условиях коренной перекройки карты Европы на основе принципа восстановления и формирования национальных государств. Это и был основополагающий ресурс ускорения и оптимизации цивилизационного продвижения вперед всего региона. Исторически разделенный между тремя империями «черных орлов» – Австро-Венгерской, Германской и Российской, населенный многочисленными, преимущественно славянскими, народами и многими национальными меньшинствами он переживал в середине XIX в. подъем возрожденческих, национально-освободительных настроений и надежд на обретение независимости, особенно распространенных в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Сербии.

Рождались различные планы, проекты и теории, нацеленные на поиск путей достижения государственной независимости, национальной или хотя бы федеративной в форме «европейской федерации» (о чем мечтали радикалы в 1848 г.) или локально нивелирующей противоречия «Центральной Европы» как единого экономического целого (в проектах австрийских и германских экономистов и политических деятелей той же середины XIX в.). На правом и левом флангах кристаллизовались идеи как империалистического пангерманского плана «Срединной Европы», так и демократического образования – «Соединенных Штатов Европы». Правда, даже оппозиционные буржуазные партии угнетенных народов в первые годы войны особой активности

не проявляли, поскольку считали, что их судьбы решаются не в парламентах и на собраниях, а на полях сражений. Только в 1917 г. политические представители сербов и чехов стали открыто высказываться за федеративное переустройство монархии и за образование ее отдельных государственных частей – югославянской и чешской.

Поиски решения национального вопроса продолжали адепты австромарксизма и триализма, идеи «Восточной Швейцарии» и плана «славянской империи». Не могло пройти мимо поисков путей решения национального вопроса и социалистическое движение Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, выработав целый ряд проектов, среди которых выделялись теория культурно-национальной автономии О. Бауэра и принцип права наций на самоопределение, записанный в программе РСДРП.

Это право, гарантирующее оптимальное решение национального вопроса вплоть до обретения угнетенной нацией своей государственности и возможностей для свободного и полноценного развития, в предвоенном мире не имело реальных шансов на реализацию, что заставляло нацменьшинства трех империй ждать возникновения для этого подходящих условий. Только после провала «блицкрига» начался пересмотр основ геополитики, и возникли перспективы развертывания курса на воссоздание независимости или рождение национальных государств в этом регионе.

Принципиальное изменение перспектив национально-освободительных движений позволило руководству их различных группировок в Польше, Чехословакии и Югославии пересмотреть свои прежние умеренные позиции и выдвинуть требования восстановления национальной государственности. В изменившейся ситуации воюющие государства должны были учитывать растущее стремление угнетенных народов к национальному освобождению. Используя эти настроения, оккупационные власти в Польше пошли на уступки и Декларацией от 5 ноября 1915 г. оформили создание автономного Королевства Польского.

Но только свергнувшая монархический режим Февральская революция в России и создание демократического Временного правительства продемонстрировали угнетенным народам региона реальную возможность демократического преобразования имперских

режимов. Это оказало огромное воздействие, пробудило надежды народов на подлинное национальное освобождение и стимулировало их политическую активность в этом направлении, ускорило выработку широких демократических национальных и социальных программ и лозунгов.

Не следует забывать, что программные установки В.И. Ленина уже в годы Первой мировой войны исходили из понимания, что революционный процесс «не может идти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией... и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных движений»¹, и что при разрешении общенациональных задач неизбежно взаимодействие «национально-угнетенного пролетариата и крестьянства вместе с национально-угнетенной буржуазией против угнетающей нации ...»².

Ленин был убежден, что образование национальных государств наиболее полно соответствует требованиям экономического прогресса, поэтому марксисты «не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремление в созданию национальных государств»³. При разработке идейно-политических установок партии он исходил из важнейшего марксистского положения о прогрессивности движений масс за суверенность народа, за суверенность нации, против национального угнетения. «Поддержка пролетариатом прогрессивного в этих движениях – безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы»⁴, – писал он.

Октябрьская революция в России стала, естественно, важнейшим, решающим фактором, влиявшим на развитие национально-освободительного движения в Центрально- и Юго-Восточной Европе, оказавшим определяющее воздействие на создание в этом регионе независимых национальных государств.

Страны Центрально- и Юго-Восточной Европы вступили на путь национального самоопределения, избавляясь от исторического насле-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 112.

² Там же . С. 111–114.

³ Там же. Т. 25. С.259, 263.

⁴ Там же. Т. 24. С. 132.

дия региональной зависимости, от более чем вековой коллективной имперской идентичности, которая доминировала в их идентификационной матрице. Это наследие трех близких в цивилизационном отношении империй объединяло их в силу географического положения, территориальной близости, общего исторического прошлого и исторической памяти, а также преобладающей постфеодальной экономической и политической модели. Все это обеспечивало сохранение культурной близости. Многосоставное понятие общей идентичности включало в себя сходные природные, социальные, идейно-политические, культурно-психологические и иные составляющие. На рубеже новейшего времени, при утверждении Версальского миропорядка их объединило широкое народное движение за национальное освобождение и проведение демократических социальных преобразований.

Развитие демократического национально-освободительного движения в монархии Габсбургов внесло важный вклад в оформление комплекса требований и представлений о назревшей реализации самоопределения ее народов в духе национального освобождения и утверждения социальных ценностей и лозунгов (проведения аграрной реформы за счет венгерских и немецких помещиков, введения 8-часового рабочего дня, оптимизации системы национального обеспечения и др.) с обретением государственной самостоятельности. В конечном итоге вопрос о том, возникнут ли независимые польское, чехословацкое и югославянские государства, зависел от размаха массового национально-освободительного движения осенью 1918 г., от возможности и готовности этих народов добиться и удержать свою нарождавшуюся независимость политическими, военными и дипломатическими усилиями.

Возникновение независимых национальных государств произошло в чрезвычайно благоприятных исторических условиях военного поражения трех империй и разворачивавшихся в них революционных процессов.

В создавшейся ситуации государства Антанты, со своей стороны, вынуждены были заявить о поддержке национально-освободительного движения народов Центрально- и Юго-Восточной Европы. После Брестского мира, 3 июля 1918 г., Антанта выступила с заявлением о поддержке создания объединенной и независимой Польши

и о «самых глубоких симпатиях к освободительным устремлениям чехословаков и югославян». Вместе с тем, она отделяла польский вопрос от вопроса о судьбах народов Австро-Венгрии. Советская Россия рассматривала польский вопрос в комплексе, заявив в августе 1918 г. о денонсировании всех документов царской России, касавшихся разделов Польши.

На первом этапе в каждой из стран региона преобладало решение проблем самостоятельного, национального устройства. Ввиду слабости левых сил социальные проблемы были отодвинуты на задний план, их решение ждало своей очереди в дальнейшем. Тем более, что после Первой мировой войны в связи с возрождением или возникновением в регионе целого ряда национальных государств с множественностью смешанных территорий и национальных меньшинств усилилась национально- и регионально-гибридная, сублимирующая различные национальные компоненты идентификация¹.

В послевоенные десятилетия национальная идентичность интенсивно формировалась как многомерный концепт, связанный с этапами национального самоопределения, на фоне развития социокультурной составляющей в условиях новой геополитической идентификации, легитимации в послевоенном массовом сознании новых границ и энергичного государственного строительства.

В то же время новейшая история принесла с собой смещения в социальных процессах и соответствующих им идентичностях, необычайную историческую динамику социально-политических изменений, сложносочиненную гибридность, неоднократное переопределение неких горизонтов универсальности и дискурсов демократизации, предопределивших значительную вариативность идентичностей в регионе.

Открывались условия для полноценного национального развития. В послевоенный период в регионе шли интенсивные национально-цивилизационные процессы, резко усилилась геостратегическая и геополитическая идентификация.

При разнонаправленности процессов демократических внутренних преобразований общества важнейшим становился вопрос госу-

¹ Впервые это было отмечено на международной научной сессии в Москве 2 ноября 1988 г., посвященной 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе (К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Вып. I и II. М., 1989).

дарственного устройства. Его разрешение зависело как от расстановки внутренних сил в каждой стране, так и от динамично менявшейся в мировом сообществе в ходе мировой войны ситуации, от сложной политической конъюнктуры в годы революционного подъема. Как в освободительное, так и в революционное движение в регионе вступали все новые слои общества: не только рабочий класс, но и многочисленная мелкая буржуазия, крестьянство, интеллигенция – носители в значительной степени стихийного начала борьбы за расширение политической и экономической демократии.

В Югославии и Румынии королевская власть распорядилась возникшей ситуацией в свою пользу. В Чехословакии инициативу взяли в свои руки политические силы в эмиграции, опираясь на более демократические национальные традиции, на политическую и социальную активность классов и слоев общества и оформив буржуазно-демократический режим во главе с президентом Т.Г. Масариком.

Несколько по-иному сложилась расстановка сил в Польше, где первоочередной была задача воссоздания независимости разделенного в конце XVIII в. государства. Хотя движение за создание Советов получило массовую поддержку, на базе вековых традиций вооруженной освободительной борьбы установился авторитарный режим. Возродились исторические проблемы и претензии в связи с наличием польской земельной собственности на Украине, в Белоруссии и Литве.

В Венгрии проявились в виде концепции либерального деятеля О. Яси тенденции сохранения «Восточной Швейцарии», но национально-государственный статус определили победители, исходя из наличия свободолюбивых настроений мадьярского элемента. Реформистское руководство Социал-демократической партии Венгрии в октябре 1918 г. не добилося поддержки идеи интеграции Венгрии, против выступили сербские, румынские и словацкие социал-демократы. В ночь с 30 на 31 октября в Венгрии вспыхнула революция под лозунгом отделения от Австрии. А с 21 марта по 6 августа 1919 г. на 23% территории этой страны существовала Венгерская Советская Республика, которая способствовала возникновению на словацкой территории, в местах проживания венгерского населения, Словацкой Советской Республики. Она просуществовала совсем недолго

(с 16 июня по 7 июля 1919 г.), поскольку для наведения «порядка» на территории Словакии была задействована чехословацкая армия¹.

Поданный в рейхсрат австрийской социал-демократией проект преобразования Австрии на федеративных началах буржуазные партии поддержали, но распад Австро-Венгерского государства продолжился. В Кракове польский «Национальный совет» официально объявил о выходе из Габсбургской монархии.

Первоочередной внешнеполитической задачей вновь образованных государств региона с первого дня их существования стало определение государственных границ. Ввиду длительного совместного проживания различных национальностей и исторически сложившейся размытости границ их территориального размещения пограничный вопрос нигде не имел четкого, однозначного решения и повсеместно порождал острые противоречия и перманентные конфликты. Не было ни одного государства, которое не имело бы территориальных претензий к соседу и даже сразу ко всем соседям. Правящие круги каждой из стран стремились перед международной мирной конференцией создать максимально выгодную для себя ситуацию, включить в «свой» состав как можно больше приграничных территорий за счет соседей. Это способствовало росту межнациональной напряженности, порождало и поддерживало конфликтность отношений в регионе.

Только краткий перечень итогов утвержденной Парижской мирной конференцией перекройки границ в регионе в пользу держав-победительниц говорит о сложности и масштабности этой проблемы.

От Германии отошла восьмая часть территории и двенадцатая часть населения. Перестала существовать империя Габсбургов, и в Югославию вошли большая часть Крайны, Далмация, Южная Штирия, юго-восточная Каринтия, Хорватия и Словения, часть Болгарии. В составе Чехословакии оказались Богемия и Моравия, две общины нижней Австрии и часть Силезии, принадлежавшие Венгрии Словакия и Прикарпатская Русь. Болгарская Добруджа была передана Румынии, а Фракия отошла к Греции, что отрезало Болгарию от Эгейского моря. Румыния получила Буковину, Трансильванию и Банат. Венгрия лишилась около 70% территории и почти половины населения.

¹ Подробнее см.: *Нежинский Л.Н.* 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская Республика. М., 1989.

Перемещение населения достигло в регионе огромных размеров. Румыния выселила более 300 тыс. чел. из Бессарабии. Из Македонии и Добруджи выехали свыше 500 тыс. Немцы покинули Верхнюю Силезию. Сотни тысяч венгров были переселены с территорий, отошедших к Румынии, Югославии, Чехословакии. В Польше, Румынии и Чехословакии осели 7,5 млн украинцев.

Возникла проблема принадлежности Тешинской Силезии со смешанным населением, определением границ в словацких Татрах и др. Открытым оставался вопрос о Поморье, Познани и Силезии. На словацкую территорию продолжала претендовать Венгрия, в приграничных территориях Чехословакии немецкое меньшинство требовало отделения и даже пыталось создать там Судетенланд и другие «немецкие провинции», что вынудило чешские власти вооруженным путем установить контроль над приграничными территориями. Спорной оставалась демаркационная чешско-польская граница в Силезии. Чешские же правящие круги намеревались перенести границы вглубь венгерской территории, Закарпатской Украины. Парижская мирная конференция в январе 1919 г. подтвердила завершение процесса образования Чехословацкого государства.

В регионе повсеместно наблюдался подъем массового движения по примеру революционной России, куда в ходе военных действий перемещались в рядах воюющих армий многие представители различных народов. Дала свои всходы идея создания Советов как формы организации активности рабочих, крестьян, солдат и других массовых категорий населения. Среди них, как и в России после Февральской революции, было особенно много носителей идей буржуазной демократии.

Направленность их действий после возвращения на родину была различной в зависимости от ситуации и конкретных задач освободительного движения. Были попытки превращения Советов в органы революционной власти. Чаще всего так происходило в пролетарских районах Польши. Но и там, где этот процесс был особенно масштабным, и в Венгерской и Словацкой советских республиках, он имел временный характер и не изменил кардинально общего вектора развития политического процесса, не вышел за рамки буржуазно-демократической революции.

В результате Первой мировой войны в Центрально- и Юго-Восточной Европе сформировалась система из одиннадцати, преимущественно новых малых и средних национальных государств с различной мерой демократизма, которая получила наименование Версальской и была по факту утверждена на Парижской мирной конференции 1919 г.

Таков был долгожданный финал длительной национально-освободительной борьбы народов региона, ход которой ускорила и обострила мировая война, поспособствовав реализации исторической закономерности становления национальных государств и оптимизации процессов развития общества.

Нельзя не признать, что в соответствии с вызовами времени и открывшимися историческими возможностями в ставших в 1918 г. самостоятельными и независимыми государствах Центрально- и Юго-Восточной Европы утвердилась, за несколькими исключениями, буржуазно-демократическая модель государственности. Однако этот в целом позитивный процесс демократизации общественной жизни, будучи обременен наследием автократического имперского прошлого, оказался весьма нестойким и закрепить его на следующие десятилетия не удалось. Уже к началу 1938 г. подавляющее большинство стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы обратилось к различным моделям авторитарного правления¹.

Порожденные имперским прошлым противоречия давали о себе знать в межвоенный период также в блоковой политике и в угрозе пересмотра Трианонского и Нейиского договоров, в «провинциальном империализме», в исполнении роли сателлитов Антанты или в превращении национальных меньшинств в пятую колонну фашистской Германии. Следующим этапом разрешения этих противоречий стало урегулирование национальных отношений по ходу Второй мировой войны и после ее окончания².

¹ Подробнее см.: *Биделё Р.* Этническая мобилизация, национальное самоопределение, «этнократия» и привлекательность авторитаризма в странах Центрально-Восточной Европы и Балканах (1918–1940 гг.) // *Берегиня. 777.* Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3(26).

² *Язборовская И.С.* «Регион множества народов и национальностей» в поисках единых принципов национальной политики и защиты национальных меньшинств. Гулкое эхо прошлого // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 гг.* М., 2004.

ПОСЛЕДНИЙ АВСТРИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР КАРЛ I И РАСПАД МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

21 ноября 1916 г., в разгар Первой мировой войны, скончался Франц Иосиф I, правивший империей Габсбургов 68 лет. В глазах своих подданных, да и всего мира, он являлся олицетворением идеи монархии, символом единства многонационального государства, его авторитет помогал преодолевать центробежные тенденции, которые возникли с ростом национализма среди народов империи. Однако еще при жизни императора многие аналитики предсказывали неизбежный распад государства после его кончины. Так же считал и российский министр иностранных дел М.Н. Муравьев. В 1899–1900 гг. во время обсуждения предложения германского министра иностранных дел Б. фон Бюлова заключить соглашение с Россией на случай развала Австро-Венгерской империи Муравьев отмечал, что империю удерживает от распада в значительной степени личность и авторитет императора Франца Иосифа. Однако Россия, подчеркнул он, не заинтересована в присоединении каких-либо территорий монархии Габсбургов. «Кажется, заявил министр, что для таких сильных монархий, как Россия и Германия, распад австро-венгерского соседа равным образом нежелателен, что может до определенной степени служить гарантией сохранения в этом регионе Европы текущего политического порядка»¹. Подобные настроения наблюдались и в других европейских странах, да и в самой Австро-Венгрии².

Преемником Франца Иосифа стал его внучатый племянник эрцгерцог Карл, чей дядя эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараево. Карл родился в 1887 г., получил хорошее образование в Пражском университете, затем проходил военную службу в Чехии. Националь-

¹ *Ливен Д.* Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017. С. 238–239.

² *Bridge F.R.* Österreich (Ungarn) unter den Grossmächten // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. 1. Teil. Wien, 1989. S. 367; *Ясу О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011. С. 28–29.

ные проблемы, существовавшие в империи, он, таким образом знал не понаслышке. Наиболее острыми на рубеже веков были немецко-чешские противоречия. Очередное их обострение вынудило императора в марте 1914 г. распустить рейхсрат (парламент австрийской части Австро-Венгрии). Таким образом, в войну Австрия вступила без парламентского представительства, в то время как в венгерской части монархии Государственное собрание продолжало функционировать. Карл понимал серьезность проблем, стоящих перед страной. Еще будучи наследником, он пришел к выводу, что гарантировать соблюдение национальных прав многочисленных народов империи можно лишь преобразовав Австро-Венгрию в подлинную федерацию¹. Однако провести такие реформы было весьма непросто в связи с тем государственно-правовым устройством, которое было создано австро-венгерским соглашением 1867 г. Как и его дядя, Франц Фердинанд, Карл видел главную проблему монархии в закрепленном этим документом дуалистическом устройстве империи. Австрийская и венгерская части монархии были фактически самостоятельными государствами, объединенными лишь тремя общими министерствами (иностранных дел, военным и финансовым) и фигурой императора. Была установлена гегемония немцев в австрийской части и мадьяр – в Венгрии. Причем, в Австрии действовало более либеральное национальное и избирательное законодательство. Венгерское же королевство, которое включало в себя помимо Хорватии-Славонии, обладавшей автономией, еще ряд населенных невенгерскими народами территорий (Словакию, Трансильванию, Воеводину, Закарпатье), придерживалось концепции единой венгерской политической нации и проводило политику мадьяризации. Любые попытки пересмотреть дуалистическое устройство монархии наталкивались на ожесточенное противодействие Венгрии. Кроме того, как отмечал российский историк Т.М. Исламов, «ни в одной из ведущих стран – участниц войны – внешняя политика не была до такой степени производной функцией от политики внутренней, как в империи: оба доминирующих этноса, как австрийские немцы, так и мадьяры, могли сохранить свой

¹ *Brook-Shepherd G. Um Krone und Reich. Die Tragödie des letzten Habsburgerkaisers. Wien, 1968. S. 9.*

статус в империи только опираясь на Германию. Союз с ней сделался важнейшим фактором сохранения Дунайской империи»¹.

Итак, в ноябре 1916 г. во главе государства стал новый император, 29-летний Карл I². Ему досталось весьма непростое наследство, и Карл понимал это. Так, в Рождество 1914 г. он писал: «Австрией, этим огромным конгломератом народов, очень сложно управлять, и самое сложное, из-за различных политических интересов ее народов, найти общую великую цель. Но мы должны ее найти, если хотим играть достойную роль в европейском концерте держав»³.

Однако ко времени его вступления на престол ситуация многократно осложнилась. Более двух лет продолжалась кровопролитная война, страна была истощена, обострились политические, социальные и национальные противоречия. Взяв на себя 2 декабря 1916 г. обязанности Верховного главнокомандующего, Карл выполнял их отнюдь не формально, принимал активное участие в руководстве военными действиями, часто выезжал на фронт. В марте 1917 г. император освободил авторитарного Ф. Конрада фон Гетцендорфа от должности начальника генштаба, стремясь избежать ситуации, сложившейся в Германии, где политику во многом определяли генералы П. фон Гинденбург и Э. Людендорф. Карл постановил, что генералы без его предварительного согласия могли принимать только оперативные решения⁴. Наиболее близким советником императора стал начальник его канцелярии А. фон Польцер-Ходиц.

¹ Исламов Т.М. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 37.

² Подробнее о личности Карла см.: *Lorenz R. Kaiser Karl und der Untergang der Donaumonarchie*. Graz, Wien, Köln, 1959; *Brook-Sheperd G. Um Krone und Reich; Broucek P. Karl I (IV). Der politische Weg des letzten Herrschers der Donaumonarchie*. Wien, 1997; *Румплер Г. Карл I Австрийский (1916–1918) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия*. Ростов-на-Дону, 1997. С. 461–477; *Шимов Я. «Искал мира и нашел его в Боге». Карл I Австрийский. Набросок политического портрета последнего коронованного Габсбурга // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв.* СПб., 2009. С. 276–311.

³ *Die Habsburger. Eine europäische Familiengeschichte / Hg. von B. Vacha*. Graz, Wien, Köln, 1992. S. 472.

⁴ *Broucek P. Karl I (IV)*. S. 23.

Карл регулярно председательствовал на заседаниях кабинета министров, где обсуждались вопросы внешней и внутренней политики Австро-Венгрии. Выступая перед правительством в январе 1917 г., император заявил, что главной его задачей должно стать скорейшее достижение почетного мира¹. Откликнулся он и на известный исследователям меморандум министра иностранных дел О. Чернина императору от 12 апреля 1917 г. констатировавший, что военные силы Дунайской монархии на исходе. В связи с полным истощением людских и материальных ресурсов, хроническим голодом и воздействием русской революции на славянское население Австро-Венгрии Чернин прогнозировал в ближайшем будущем революцию и национальные восстания. «Если монархи Центральных держав будут не в состоянии заключить мир в ближайшие месяцы, – писал он, – то народы сделают это сами через их головы...»². Карл переслал этот меморандум Вильгельму II с призывом как можно скорее заключить мир: «Мы сражаемся против нового врага, который еще опаснее, чем Антанта: против интернациональной революции, сильнейшим союзником которой являются всеобщие голод и нужда»³.

Таким образом, молодой император трезво оценивал сложнейшую ситуацию в стране. Однако методы, которыми он действовал, не привели к ожидаемым результатам. Вскоре Карл через своих родственников стал зондировать возможность заключения мира со странами Антанта. Он был женат на принцессе Бурбон-Пармской Зите, дочери последнего пармского герцога, потерявшего престол в результате объединения Италии. Его семья жила в изгнании в Австрии. Зита – умная, обладавшая твердым характером, интересующаяся политикой, – стала надежным другом Карла, советчицей венценосного супруга в государственных делах. Два брата Зиты, Сикстус и Ксавье, считая себя французами (они являлись потомками боковой ветви бурбонской династии), с началом Первой мировой войны

¹ Die Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der österreichisch-ungarischen Monarchie. 1914–1918. Budapest, 1966. S. 446.

² Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 168–172.

³ Цит. по: Фишер Ф. Рынок к мировому господству. Политика военных целей в кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017. С. 350.

вступили в бельгийскую армию. Именно через них Карл попытался установить связи с французским правительством. Контакты с ними были налажены через австро-венгерское посольство в Швейцарии, и в марте 1917 г. принцы прибыли в Вену. Сикстус изложил условия, на которых, по его мнению, возможен мир с Антантой: передача Эльзас-Лотарингии Франции, восстановление независимости Бельгии, восстановление увеличенной за счет Албании Сербии и передача Константинополя России¹. Карл был в принципе согласен с этими предложениями, расходясь с Сикстусом лишь в отношении Сербии: он предполагал создать автономное югославское королевство в составе Боснии, Герцеговины, Сербии, Албании и Черногории с австрийским эрцгерцогом во главе в рамках австрийской монархии².

24 марта 1917 г. Сикстусу было вручено первое письмо, формально адресованное ему, но предназначенное французскому президенту Р. Пуанкаре. Карл писал: «Мою империю с Францией фактически не разделяют никакие действительно противоположные интересы». Император неосторожно заявил, что «он всеми средствами и с использованием всего его политического влияния будет поддерживать справедливое требование Франции о возвращении Эльзас-Лотарингии», а также потребует от Германии восстановления Бельгии как суверенного государства. Суверенитет Сербии также должен быть восстановлен, с предоставлением ей выхода к Адриатическому морю. Что касается России, то в связи с неопределенностью положения в стране после февральской революции 1917 г. император предпочел не высказывать своего мнения относительно Проливов³.

Мирные инициативы Карла вызвали интерес у глав правительств Франции А. Бриана и Великобритании Д. Ллойд Джорджа. Однако новое правительство Франции А. Рибо, настроенное вести войну до победного конца, высказалось в поддержку требований Италии, зафиксированных в секретном Лондонском договоре от 26 апреля 1915 г., согласно которому за вступление Италии в войну на сто-

¹ *Polzer-Hoditz A.* Kaiser Karl. Aus der Geheimmappe seines Kabinettschefs. Wien, 1980. S. 321.

² *Ibid.* S. 322.

³ *Griesser-Pečar T.* Die Mission Sixtus. Österreichs Friedensversuch im Ersten Weltkrieg. Wien, München, 1988. S. 154.

роне Антанты ей были обещаны значительные территории Австро-Венгрии¹. Император 9 мая отправил второе письмо, в котором сообщал о готовности обсудить вопрос об италоязычной части Тироля, но Франция и Италия остались непреклонными. Как отмечал американский историк Р.А. Канн, тайным соглашением от 26 апреля 1915 г. союзники, «подписали смертный приговор монархии еще до того, как было принято формальное решение распустить ее»². Сикстус, в последний раз посетив Лондон 25 июня 1917 г., объявил Карлу о прекращении своих посреднических усилий. Таким образом, поиски мира ни к чему не привели.

Важно отметить, что эти действия императора Карла отнюдь не свидетельствовали о его измене союзническому долгу. Германия сама неоднократно осуществляла зондаж по поводу мира, не ставя об этом в известность Австро-Венгрию. Император не стремился к заключению сепаратного мира, о невозможности которого его неоднократно предупреждал Чернин³, а хотел лишь найти условия компромиссного решения, на которое согласилась бы и Германия. На встрече монархов в немецкой ставке в Бад Хомбурге 3 апреля 1917 г. Карл изложил свою точку зрения, подчеркнув, что на заключение мира не будет никаких шансов, если Германия не откажется от Эльзас-Лотарингии. В свою очередь Австрия была готова отказаться в пользу Германии от австрийского решения польского вопроса и даже отдать Галицию. Таким образом император пытался оказать давление на Германию, но в целом стремился к достижению всеобщего мира⁴.

Однако так называемая афера Сикстуса имела громкое продолжение. После заявления Чернина в апреле 1918 г. о том, что единственным препятствием к мирным переговорам является требование Франции о возврате Эльзас-Лотарингии, с которым Австро-Венгрия не может согласиться, премьер-министр Ж. Клемансо обвинил его во лжи и обнародовал копию первого письма Карла. Разразился гран-

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 436–442.

² *Kann R. A. Werden und Zerfall des Habsburgerreiches.* Graz, Wien, Köln, 1962. S. 190–191.

³ *Чернин О.* В дни мировой войны. С. 40–41, 44.

⁴ *Румплер Г.* Карл I Австрийский. С. 470–471.

диозный скандал. Чернин, предавший огласке информацию о тайных переговорах, был отправлен в отставку. Карл сначала все отрицал, но потом вынужден был отправиться на покаяние в «Каноссу» – в ставку немецкого командования в Спа, где 12 мая подписал договор, фактически подчинявший империю в политическом и экономическом отношении Германии (тесный политический союз, военный союз, таможенный союз)¹. Либеральная «Франкфуртер Цайтунг» откровенно писала: «С этим новым союзом Австро-Венгрия прекращает свое существование как независимое государство и становится составной частью Германской империи»².

Тайная дипломатия Карла привела лишь к его дискредитации, перекрыла пути для поиска мира, скомпрометировав императора в глазах правительств Антанты, которые все больше укреплялись во мнении о необходимости ликвидации Дунайской монархии. Этот скандал серьезно подорвал престиж императорской семьи и внутри страны. Общественное мнение обвиняло «итальянку» Зиту, оказывавшую большое влияние на Карла, в предательстве. Тем более что и предпринятые императором внутривнутриполитические шаги не привели к желаемому успеху.

Как уже говорилось, Карл понимал важность национального вопроса. Однако сразу же после вступления на престол он совершил шаг, который фактически блокировал его программу преобразований. Под давлением авторитарного венгерского премьера И. Тисы Карл согласился короноваться. Став 30 декабря 1916 г. королем Венгрии Карлом IV, он подтвердил тем самым гарантии территориальной целостности венгерского государства. Таким образом, южные славяне оставались разделенными между Австрией и Венгрией, и решение югославянского вопроса в этих условиях было невозможно.

Что же касается западной части империи, то здесь в мае 1917 г. вновь был создан рейхсрат. Карл предполагал проводить более либеральную политику, опираясь на все народы империи, а не только на немцев и венгров. Однако в результате он открыл ящик Пандоры,

¹ Фишер Ф. Рывок к мировому господству. С. 551.

² Cornwall M. Auflösung und Niederlage. Die österreichisch-ungarische Revolution // Die letzten Jahre der Donaumonarchie / Hg. von M. Cornwall. Wien, 2006. S. 184.

предоставив парламентскую трибуну лидерам национальных движений. В рейхсрате сложилось немецкое большинство: 203 депутата против 185 (в том числе 32 социал-демократа, которые находились в оппозиции правительству)¹. Кабинет Г. Клам-Мартиница поначалу пытался опереться на австро-немецких и польских депутатов. Но цели, которую преследовал император, – создать устойчивое правительство, поддерживаемое парламентским большинством, достичь не удалось. Вскоре новый кабинет Э. Зайдлера был назначен Карлом без согласования с депутатами.

В это же время была смягчена цензура, а в июле объявлена амнистия политических заключенных, под которую попали и лидеры чешского национального движения, в том числе К. Крамарж, поддерживавший тесные связи с чешской эмиграцией во главе с Т. Масариком. Парламент быстро превратился в катализатор центробежных процессов. На осенней сессии 1917 г. австро-немецкие радикалы заявили, что в парламенте сложилось «славяно – социал-демократическое большинство». Их особую ярость вызвала амнистия чешских лидеров. 11 октября 1917 г. австрийские немцы объявили о переходе к политике свободных рук, с тем чтобы оказывать большее давление на правительство². Югославянские депутаты создали парламентский клуб, который возглавил словенский политик А. Корошец. В майской декларации клуб провозгласил своей целью объединение всех населенных словенцами, хорватами и сербами земель в единое территориальное образование под скипетром династии Габсбургов³. Чешские депутаты заявили, что будут добиваться объединения чехославянского народа, включая словаков, в рамках демократического чешского государства⁴. Все эти заявления вызвали бурю возмущения в Венгрии, поскольку расценивались как посягательство на единство Венгерского королевства.

Майская декларация стала с конца 1917 г. основой широкого агитационного движения в Словении, Истрии и Далмации, известного

¹ Die Habsburgermonarchie. 1848-1918. Bd. VII. Verfassung und Parlamentarismus. 1. Teil. Wien, 2000. S. 999.

² Ibid. S. 1002.

³ Pleterski J. Die Südslawenfrage // Die letzten Jahre der Donaumonarchie. S. 150.

⁴ Albrecht C. Die Böhmisches Frage // Die letzten Jahre der Donaumonarchie. S. 103.

как «движение декларации». В многочисленных петициях, прокламациях, на собраниях и демонстрациях выдвигались требования самоопределения. В то же время это было движение за мир, против «немецкой войны». Все более радикализируясь, движение привело в мае 1918 г. к восстаниям словенских солдат в ряде гарнизонов, что представляло большую опасность для австрийского тыла. Инициаторами восстаний стали вернувшиеся из русского плена после заключения Брестского мира славяне. Движение поддержали также словенские социал-демократы. Лозунг «Югославия» стал символом национальных устремлений югославянских народов¹.

В тылу положение было очень сложным. В январе 1918 г. в Австрии оставалось зерна только на два месяца. Сокращение хлебного рациона привело в Вене и других крупных городах к волне стачек, грозивших перерасти в революцию². Заметное влияние на радикализацию массовых выступлений в Австрии оказала и русская революция. В феврале 1918 г. на военно-морской базе в Каттаро (Которе) вспыхнуло восстание моряков. Половина военного флота империи три дня находилась в руках восставших, которые выдвинули требование заключения мира на основе самоопределения наций. Треть восставших составляли хорваты, среди них было также много представителей других славянских народов. Подавил мятеж будущий диктатор Венгрии М. Хорти.

Все эти выступления были вызваны как усталостью от войны, так и голодом. 17 января 1918 г. император Карл писал: «Если мир в Бресте не будет заключен в ближайшее время, то здесь будет революция»³. 3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир с Советской Россией, что привело к ликвидации Восточного фронта и позволило Австро-Венгрии перебросить наиболее боеспособные части на границу с Италией. 9 февраля 1918 г. центральные державы подписали так называемый «хлебный мир» с Украиной, который предусматривал поставки зерна. Чернин отмечал, что, «хотя мы и получили из Украины гораздо меньше того, на что рассчитывали, без этой поддержки

¹ *Pleterski J.* Die Südslawenfrage. S. 152.

² *Hanisch E.* Der lange Schatten des Staates. Österreichische Gesellschaftsgeschichte im 20. Jahrhundert. Wien, 2005. S. 202–203.

³ *Bridge F. R.* Österreich (Ungarn) unter den Grossmächten. S. 360.

мы и вовсе не могли бы продержаться до нового урожая»¹. По условиям мира некоторые польские территории (Холм) должны были отойти Украине. В ходе переговоров Киев потребовал также передачи Восточной Галиции, или, по меньшей мере, создания самостоятельной австрийской провинции Галиция-Буковина, что означало бы разделение Галиции надвое. Эти уступки Украине, как отмечал Чернин, вызвали бы озлобление всех поляков. Тем не менее, ситуация была настолько критической, что коронный совет 22 января 1918 г. всерьез рассматривал и такой вариант. Заключение мира с Украиной способствовало отчуждению поляков от монархии. Как и чехи, они пришли к выводу, что их надежды на будущее должны быть связаны с независимостью от Дома Габсбургов, который не учитывает их интересы².

К концу 1917 г. сепаратистские устремления большей части политической элиты славянских народов монархии определились окончательно. Эти процессы поддерживались и извне. Еще 10 января 1917 г. в Декларации держав Антанты говорилось, что одной из целей войны является «освобождение итальянцев, славян (южных), румын и чехословаков от чужого господства»³. Пока речь шла лишь о предоставлении широкой автономии народам империи, а не о ее ликвидации. В январе 1918 г. американский президент В. Вильсон сформулировал условия справедливого мира в Европе – знаменитые «14 пунктов». В 10-м пункте говорилось о том, что народам Австро-Венгрии «должны быть предоставлены максимально широкие возможности для автономного развития»⁴. Тем самым Соединенные Штаты провозгласили одной из целей своей европейской политики сохранение многонациональной Дунайской монархии. Более радикальную позицию занимало правительство Франции, которое поддерживало деятельность эмигрантского Чехословацкого национального совета под руководством Т. Масарика, чьи вооруженные силы – чехосло-

¹ Чернин О. В дни мировой войны. С. 265.

² Höbelt L. “Wohltemperierte Unzufriedenheit”. Österreichische Innenpolitik 1908–1918 // Die letzten Jahren der Donaumonarchie. S. 81; Ясу О. Распад Габсбургской монархии. С. 35–36.

³ Pleterski J. Die Südslawenfrage. S. 149.

⁴ Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002. С. 448.

вацкие легионы – воевали на Западном фронте и в России. Перелом в настроениях держав Антанты произошел в связи со скандалом с упомянутой выше «аферой Сикстуса»¹. После покаянной поездки Карла в германскую ставку западные страны осознали безнадежность усилий по нейтрализации Австро-Венгрии. Важной вехой в этом отношении стал и так называемый «съезд угнетенных народов», состоявшийся в Риме в апреле 1918 г. В заявлении съезда говорилось: «Каждый из народов считает Австро-Венгерскую монархию орудием германского господства и главным препятствием на пути к осуществлению своих чаяний и устремлений»². К лету 1918 г. также окончательно определился курс Антанты на разрушение Австро-Венгрии. Немаловажную роль в этом сыграли и военные поражения Центральных держав.

В странах Антанты все большую популярность приобретал лозунг Масарика «Уничтожьте Австро-Венгрию!» Лидер чешской эмиграции заявлял, что новые малые суверенные государства будут лучшим, чем монархия Габсбургов, барьером против милитаристской Германии и коммунистической России³. 28 июня 1918 г. США заявили о необходимости освобождения всех славянских народов от германского и австрийского господства. На следующий день Франция объявила о признании Чехословацкого национального совета в качестве представителя чехословацкой нации. 26 сентября совет провозгласил в Париже образование чехословацкого государства во главе с Масариком. 5 октября в Загребе сформировалось Народное вече хорватов, сербов и словенцев, которое заявило о необходимости объединения всех южных славян в единое независимое государство.

Процесс распада империи казался уже необратимым. Однако Карл еще питал какие-то иллюзии. Принимая делегацию Чешско-го союза (объединения чешских политиков), он заявил 12 октября 1918 г.: «Вы получите самостоятельность Чехии, Моравии и Силезии при условии, что выскажетесь в пользу моей династии и един-

¹ *Kann R. A.* Die Sixtusaffäre und die geheimen Friedensverhandlungen Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg. Wien, 1966. S. 55–56.

² Цит. по: Шимов Я. «Искал мира и нашел его в Боге». Карл I Австрийский. С. 302.

³ *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. С. 43.

ства империи»¹. Эта же идея стала основой манифеста «Моим верным австрийским народам» от 16 октября 1918 г. (название звучало в тех условиях весьма двусмысленно). Этот документ провозглашал федерализацию австрийской части монархии: «Австрия должна, в соответствии с волей ее народов, стать федеративным государством, в котором каждая народность на территории ее расселения образует собственное государство... Этот новый порядок, который никоим образом не затрагивает целостность земель священной венгерской короны, должен гарантировать каждому национальному государству его самостоятельность, но он должен также действительно защищать общие интересы»². Этим шагом Карл еще надеялся спасти положение. Однако было уже слишком поздно. Причем, заметим, что действие манифеста не распространялось на Венгерское королевство. При обсуждении документа на заседании Совета министров 15 октября на предложение провести реформу и в Венгрии Карл ответил, что связан своей коронационной клятвой хранить независимость Венгрии, премьер-министр которой Ш. Векерле, выражая мнение венгерских элит, до последних дней существования государства упорно отказывался идти на уступки невенгерским народам королевства³.

Распад государства был стремительным. 21 октября 1918 г. австро-немецкие депутаты рейхсрата объявили себя Временным национальным собранием Немецкой Австрии, заявив, что в перспективе она должна присоединиться к Германии. Национальное собрание избрало исполнительную власть переходного периода – Государственный совет, во главе которого встал умеренный социал-демократ К. Реннер. 28 октября в Праге прошла большая демонстрация, и было объявлено о создании Чехословацкой республики. Депутат И. Заградник заявил: «Мы навсегда разрываем цепи, которые нас связывали с вероломными, чуждыми нам, аморальными Габсбургами»⁴. На следующий день в Загребе Народное вече провозгласило создание Государства

¹ Шимов Я. «Искал мира и нашел его в Боге». Карл I Австрийский. С. 302–303.

² An Meine Völker! Der Erste Weltkrieg. 1914–1918 / Hg. von M. Rauchensteiner. Wien, 2014. S. 202.

³ Protokolle der letzten Zusammenkünfte des Gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie // Die letzten Jahre der Donaumonarchie. S. 211.

⁴ Die Habsburger. Eine europäische Familiengeschichte. S. 476.

словенцев, хорватов и сербов, которое месяц спустя присоединилось к Сербии и Черногории, образовав таким образом Королевство сербов, хорватов, словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). 30 октября началась революция в Венгрии. 16 ноября она была провозглашена республикой. В ноябре в состав независимой Польши вошли Краков и Галиция.

Фактически потерявший власть Карл вынужден был 11 ноября 1918 г. подписать манифест, в котором отказывался от участия в государственных делах и заранее признавал решение, которое примет Немецкая Австрия о своем будущем государственном устройстве⁵. На следующий день Австрия была провозглашена республикой. 13 ноября такой же документ он подписал и в отношении Венгрии. В марте 1919 г. императорская семья была вынуждена покинуть страну и выехать в эмиграцию в Швейцарию. Республиканцы очень скоро дали понять низложенной династии, что ее уход должен быть окончательным и бесповоротным. 3 апреля 1919 г. Национальное собрание Немецкой Австрии приняло закон о Габсбургах, согласно которому «все монархические права и остальные привилегии габсбургско-лотарингского рода и его членов прекращаются на вечные времена»⁶.

Однако Карл не оставлял надежды вернуть себе трон, по крайней мере в Венгрии. С его точки зрения, отказ от участия в государственных делах не означал формального отречения, он лишь приостановил исполнение своих полномочий. Карл писал в эмиграции: «Причина, по которой я отказался от отречения, заключалась в том, что тогда не существовало бы легитимных оснований для реставрации»⁷. Венгрия после разгрома Советской республики была объявлена королевством, регентом которого стал М. Хорти. Наладив с ним связь, Карл в 1921 г. дважды предпринял попытки реставрации, которые потерпели крах. Страны Антанты никогда бы не допустили возвращения Габсбургов к власти. По решению западных держав Карл и его семья отправились в изгнание на португальский остров Мадейра, где бывший монарх вскоре (1 апреля 1922 г.) скончался от воспаления легких.

⁵ Wiener Zeitung. 11. November 1918.

⁶ Hanisch E. Der lange Schatten des Staates. S. 269.

⁷ Die Habsburger. Eine europäische Familiengeschichte. S. 476.

Находясь в эмиграции, последний австрийский император пророчески заметил: «Малые государства, возникшие в результате нашей катастрофы, политически и экономически вредны для Европы. Они являются источником постоянных внутри- и внешнеполитических проблем. Во внешней политике, во-первых, потому, что конфликтуют друг с другом, а, во-вторых, потому, что если нынешняя политика будет продолжена, они рано или поздно упадут в объятия Великогермании»¹. Новые государства, образовавшиеся на развалинах Австро-Венгерской империи, имевшие свои национальные меньшинства, вскоре столкнулись с теми же проблемами, которые привели к гибели их предшественницу.

Просуществовавшая много столетий многонациональная монархия Габсбургов в конце концов разрушилась из-за серьезных внутренних проблем, которые усугубила неудачная война. Но в распаде государства важную роль сыграл и внешний фактор – поддержка национальных движений странами Антанты. Личные качества Карла I, который не был выдающимся политиком и сильной личностью, не позволили ему справиться с теми вызовами, которые выпали на его долю. Да и вряд ли в тех исторических условиях можно было спасти такое государство, как Дунайская монархия.

¹ *Kaiser Karl I. Persönliche Aufzeichnungen, Zeugnisse und Dokumente* / Hg. von E. Feigl. Wien, 1987. S. 454.

РАСПАД АВСТРО-ВЕНГРИИ И ОБРАЗОВАНИЕ КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ КАК ИТОГ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Этнополитическое развитие Австро-Венгерской империи как многонационального монархического государства в конце XIX – начале XX вв. определялось наличием нескольких групп противоречий. Во-первых, противоречия между государством и этносоциальными общностями. Во-вторых, различия интересов населявших Австро-Венгрию народов и их национальных движений, ратовавших за самоопределение и создание самостоятельной государственности. В-третьих, постоянные противоречия между двумя полноправными народами, тремя народами с промежуточным статусом и остальными – неполноправными – народами. (Поляки, чехи и хорваты, хотя и не приравнивались по своему политико-правовому статусу к австрийским немцам и венграм (мадьярам), обладали собственным государственным правом, что делало их положение двойственным). В-четвертых, трансграничное политическое воздействие соседних государств на внутривнутриполитическое развитие тех регионов империи, отдельные народы которых находились в этническом родстве с населением соседних национальных и многонациональных государств. И, наконец, в-пятых, противостоявшее вышеуказанному воздействию извне стремление династии и центральных властей Цислейтании

¹ При подготовке данной статьи использованы опубликованные автором материалы: *Романенко С.А.* «Неистовая, ожесточенная война за существование». Национальные движения народов Югославии 1941–1945 // Славянский альманах. 2004. 2005. С. 285–341; «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х г. // Славяноведение. 2008. № 3. С. 60–75; *Романенко С.А.* Региональная идентичность в национальном самосознании хорватов (конец 80-х – 90-е годы XX в). // Политическая наука. 2001. № 4. С. 110–131; *Romanenko S.* Die Nationale Selbstbestimmung und die „Slawen-brüderschaft“ // Osteuropa auf der Suche Nach Nontinuitat / Zum russisch-serbischen Verhältnis gestern und heute / Der Rücnnehr der Geschichte. Herausgegeben von Leonid Luks und Donald O‘Sullivan. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 141–160.

и Транслейтании ограничить проблему стратегических меньшинств исключительно имперским пространством.

Австро-Венгрия за без малого три десятилетия своего существования – 1890–1918 гг. – прошла в своем развитии два периода – мирный (1890–1914 гг.) и военный (1914–1918 гг.). В эти годы судьбу династии, монархии и империи определяли два основных процесса – национальное самоопределение и социальная модернизация, их направленность и соотношение. Каждый из них в исторической перспективе имел два варианта развития – либо сохранение в разных формах многонационального государства, либо его распад и образование нескольких национальных независимых государств. В зависимости от решения основного вопроса будущее государственное управление с большой долей вероятности отражала дилемма: или централизация власти и подавление оппозиции, или демократизация на основе самоуправления. При этом, однако, не исключались и «перекрестные» комбинации.

В конкретных исторических условиях двуединой монархии вопрос о будущем южнославянских народов (хорватов, словенцев, сербов и боснийских мусульман) с учетом целей и роли их национальных движений можно сформулировать следующим образом: Австро-Венгрия или Югославия? А исходя из состояния международных отношений того времени, он мог быть конкретизирован следующим образом: кто и в какой форме будет господствовать в Средней Европе – Габсбурги, Гогенцоллерны или Романовы? Представить, что на месте монархии Габсбургов, основанной на историческом государственном праве, может возникнуть многонациональная монархия Карагеоргиевичей, созданная на основе естественного права и этнического родства при сохранении монархо-династического принципа, было невозможно. Даже в 1917 г., после февральских и октябрьских событий в России вряд ли кто-нибудь мог себе представить будущую политическую карту Европы конца 1918 г. с парламентской Чехословакией в центре Европы и с Королевством СХС под скипетром сербской династии – на юге континента.

Вплоть до своего распада Австро-Венгрия оставалась конгломератом административно-политических территорий с различным статусом. На значительной, южной, территории государства совместно

и/или чересполосно проживали этнически близкие южнославянские народы, упомянутые выше. Ни один из них не обладал в монархии единой в этническом и административно-политическом отношении территорией, совпадавшей с этнической; отсутствовало у них и общее единое, южнославянское, тенденции кполитико-административное образование. Власть и общество оставались фрагментированными в этнонациональном и территориальном отношении. Поэтому политическое объединение этнических территорий было одним из главных элементов национального самоопределения и требований национальных движений южнославянских народов Австро-Венгрии, как в моноэтничном, так и в полиэтничном вариантах, будь то в рамках империи или вне их.

Соотношение процессов модернизации и национального самоопределения обуславливалось прежде всего статусом нации (господствующий, промежуточный и неполноправный), а также ее субъектом (власть или национальные движения). Существовало три варианта политики модернизации – 1) господствовавших наций, т.е. австрийских немцев и венгров (мадьяр); 2) частично неполноправных хорватов и чехов, обладавших своим признанным в Монархии историческим правом, и 3) остальных неполноправных народов. Политика модернизации господствующих классов Австрии и Венгрии воспринималась представителями промодернизационных слоев национальных движений как антинациональная и антидемократическая, ассимиляторская. Они связывали ее и с властью как таковой, и с принадлежностью к господствующим нациям, и с панэтнической политикой «германизма» и «мадьяризма», направленной против «панславизма» и славянства. Модернизация, проводившаяся путем централизации и подавления общественно-политических и этнических процессов, в этом случае не укрепляла, а ослабляла фундамент государства. Ей противостояли различные варианты национальной модернизации – от социального консерватизма до национальной революционности.

После кризиса Монархии, пришедшегося на 1903–1906 гг., и подъема оппозиционных национальных движений в Венгрии и Хорватии в 1905–1906 гг., в политическом развитии Монархии на протяжении 1906–1914 гг. обнаружили три политических линии: первая – попытка соединить модернизацию и национальное

самоопределение; вторая – отвергнув и то, и другое, законсервировать империю; третья – осуществить модернизацию при подавлении тенденции в пользу национального самоопределения. В Австро-Венгрии господствовала вторая линия, стимулировавшая возникновение и конечную историческую победу четвертой линии – национальное самоопределение без модернизации (или при гораздо меньшем, чем это было возможно, уровне и масштабах).

В военное время (1914–1918 гг.) произошел естественный отказ официальной власти не только от национального самоопределения, но и от модернизации. Однако отдельные, даже весьма высокопоставленные чиновники, понимая исчерпанность дуализма и существовавшего административно-политического деления этнических территорий народов Монархии, выдвигали проекты реформ. Часть их планировалось осуществить уже в ходе войны для укрепления государства и армии и обеспечения поддержки со стороны населения; другие – после войны, чтобы воспрепятствовать обострению старых и возникновению новых этнополитических конфликтов.

Австрийский император и венгерский король Франц Иосиф I Габсбург (1848–1916) не стремился интегрировать «свои» народы в единую этнонациональную общность в рамках империи. Но единый полиэтничный государственный аппарат и армия были необходимы. Однако проблема состояла в том, что и каждая из «господствующих наций» – австрийские немцы и венгры (мадьяры), и каждый неполноправный народ в рамках процесса национального самоопределения стремились создать политическую и гражданскую общность на фундаменте собственного этнического национализма.

Отношения между государством и этносоциальными общностями, как и между государством и обществом (социумом), разделенным на «национальные кварталы», характеризовались противоречиями. При этом вторые проявлялись в гораздо меньшей степени. Общество было подчинено государству, и в системе «государство – этнонациональная общность – общество» именно общество было самым слабым элементом.

Главной характеристикой развития Монархии в период войны является ее участие в мировом конфликте. Для династии и политического класса империи глобальное противостояние означало отказ

от модернизации и подавление процессов национального самоопределения. Это была попытка решить внутри- и внешнеполитические проблемы империи методами консервации, экстенсивного развития и экспансии – уничтожения внешнего врага путем его завоевания, решение проблемы стратегического меньшинства (сербов) через ликвидацию его пограничного с империей национального государства (королевства Сербии). Изменение национально-государственной и политической систем в империи в целом или в одной из ее частей рассматривалось властью (короной и политическими классами Австрии и Венгрии) исключительно сквозь призму консервации социальных и этнических процессов, что вело к обострению межнациональных отношений. Проведение последовательной модернизации также не гарантировало отказ от внешней экспансии, ибо проблема стратегических национальных меньшинств (помимо сербов, еще румын и итальянцев), как и этнотерриториальных претензий соседних государств, имела, соответственно, системный и постоянный по отношению к Монархии и региону характер.

На первом для Австро-Венгрии этапе мировой войны (август 1914 – 21 ноября 1916 г.) для монархии были характерны централизация управления, мобилизация подданных императора, общества и государства в целом: обострялись патриотические и национальные чувства, социальный протест удалось канализировать вовне, действия государства оказывали мощную поддержку внутриэтнической интеграции и консолидации, центростремительной тенденции в рамках Монархии. Усиливалось сознание единства как на моноэтнонациональной, так и на общеимперской почве, единения имперского государства и входивших в него этнонациональных общностей. В глазах большинства населения всех национальностей империя, монархия, династия и сам монарх Франц Иосиф на некоторое время стали их общей опорой. Распространились иллюзорные надежды на улучшение в случае победы социального положения жителей Дунайской империи и решения проблем межнациональных отношений. Кончина императора и короля Франца Иосифа 21 ноября 1916 г. завершила целую эпоху в развитии Монархии и империи.

Войну поддержали рабочие, крестьяне, мелкая и средняя буржуазия всех, как господствовавших, так и неполноправных, народов.

В условиях национального угнетения и на этапе незавершившегося самоопределения эти слои, еще не обретшие гарантий и политической роли в социальной структуре, отличаясь несформированным и колеблющимся сознанием, являлись «питательной средой», носителями и сторонниками не интернационализма и либеральных в чистом виде ценностей, а этнического национализма. Его лозунгом в XX в. было обретение свободы только для своей нации в ущерб остальным. Кроме того, одной из причин краха и распада Австро-Венгрии стало соединение либерализма с этническим национализмом.

Несомненно опосредованное влияние на указанные процессы внешнего фактора, выразившееся в осознании необходимости единства перед лицом врагов. При этом единая воинская дисциплина, декларативно-формальное равенство всех подданных, резкое сокращение пространства гражданской жизни и политических свобод вели к неизбежному усилению ассимиляционных процессов. Иными словами, подпитку получали социально- и национально-консервативные тенденции и политика централизма, как в империи в целом, так и в австрийской, и венгерской ее частях в отдельности.

Упор был сделан на живучие центростремительные тенденции, осознание единства государства и верность династии Габсбургов и на объективно сохранявшиеся противоречия между славянскими народами, прежде всего – хорватами и сербами, а также между южными славянами и чехами.

Второй этап (21 ноября 1916 – октябрь 1918 г.), совпавший с правлением императора и короля Карла I(IV), характеризовался нарастанием тенденций общественной демобилизации и внутригосударственной децентрализации и дезинтеграции. На протяжении двух указанных лет начали сказываться свойственные монархии внутренние структурные дефекты и обостряться конфликты, видоизменялись по сути и направленности социально- и этнополитические процессы.

Военные поражения и растущие социальные и экономические трудности обусловили возникновение нового противоречия – между этноконсолидационными и этноинтеграционными процессами. Росла межнациональная напряженность между австрийскими немцами и венграми, между господствующими этносами, с одной стороны, и неполноправными, – с другой; они начинали формировать новую

социальную и этнонациональную реальность. У южнославянских народов это выразилось в принятии 30 мая 1917 г. Майской (единая легальная платформа югославян монархии – внутриимперский и средневропейский проект) и Корфской резолюций (соглашение двух центров политической эмиграции 20 июля 1917 г. – внеимперский и в большей степени балканский проект).

Под воздействием войны моноэтничный национализм как неполноправных, так и господствующих наций, а также полиэтничный национализм – югославизм и чехословакизм – обрели однозначно центробежный характер. Австрославизм исчерпал себя (война воспринималась как столкновение «германства и славянства»), а с ним и идеи триализма и австрофедерализма. Одним из проявлений этого сотрудничества на антиимперской и антигабсбургской почве стали Загребская декларация от 3 марта 1918 г. и конгресс угнетенных народов Австро-Венгрии в Риме (8–10 апреля 1918 г.). Этот процесс закончился созданием Национального совета в Любляне 17 августа и Национального вече (совета) в Загребе 6 октября. Венцом стало возникновение осенью 1918 г. ряда независимых этнонациональных государств на территории распадавшейся Австро-Венгрии.

Империя, монархия и династия постепенно утратили характерный для них в конце XIX – начале XX вв. ореол защитницы славянских народов перед лицом Германии и немецкого национализма; государство Габсбургов и австро-немецкий национализм стали восприниматься славянством как враг и проводник германской политики «Дранг нах Остен». Национальные движения южных славян обратились к поиску новых форм существования, причем важная роль отводилась защите этнонациональной и культурной индивидуальности и физического самосохранения каждого народа. Если в мирное время эти поиски совпадали по направленности с центростремительными тенденциями, то в обстановке 1917–1918 гг. они нарастающими темпами приобретали центробежный характер.

В годы Первой мировой войны политические партии, представлявшие господствующие тенденции – национально-консервативную и национально-либеральную, либо способствовали радикализации и революционизации национальных движений, либо сами превращались в национал-радикалов, а затем, ради сохранения социальной

стабильности, в сторонников национальной революции. Лоялистско-легалистский, промонархический, продинастический характер национальных движений с элементами верности лично Францу Иосифу превращался не только в оппозиционный, но и в протестный – освободительный, даже национально-революционный, что было свойственно как сторонникам модернизации, так и ее антагонистам. Отказ власти от реформ привел к тому, что кризис системы дуализма превратился в кризис всего единого многонационального государства. Решение задач модернизации и национального самоопределения виделось теперь только вне рамок империи и многонационального государства.

Если одни сторонники распада Австро-Венгрии и национальных революций полагали, что новая социальная реальность возникнет в национальных независимых государствах, то другие, наоборот, с крушением монархии Габсбургов и империи связывали возможность сохранения прежней социальной реальности.

Парадокс последнего периода существования Австро-Венгрии состоит в том, что, развязав войну для сохранения своей целостности, она сама стала жертвой этой войны. Первая мировая видоизменила суть и направленность развития социально-политических институтов и этнополитических процессов. Практически все основные этносоциальные процессы приобрели новое качество – центробежный характер. Центробежными факторами стали также государственные и политические институты. До рубежа 1916–1917 гг. задачу и проблему национального самоопределения еще можно было решить в рамках единого государства. Но в последующие два года неумелые действия нового монарха – австрийского императора и венгерского короля Карла I (IV) Габсбурга привели к развалу системы государственного управления, росту продовольственных и социальных трудностей, обострению межнациональных противоречий, а военные поражения окончательно похоронили империю и династию. Влияние Первой мировой войны на внутреннее развитие Австро-Венгрии состояло в том, что по мере усиления централистских тенденций в политике власти росло стремление к децентрализации, а затем и дезинтеграции государства.

Превращение центростремительных факторов в центробежные обусловило распад империи и крах монархии. Кроме того, отсутствие

общегосударственных социальных и этнических интеграционных процессов привело к интеграции новых общностей, в частности, южнославянской. Иные пути модернизации и национального самоопределения оказались неосуществимыми.

С началом войны у южнославянских народов, а также чехов и словаков активизировались политические силы, рассматривавшие возможность национального самоопределения вне границ империи, монархии и единого многонационального государства. До 1917 г. они находились в основном за границей: в эмиграции, в Лондоне, действовал Югославянский комитет, на о. Корфу нашли прибежище династия Карагеоргиевичей и правительство Сербии, в русском и французском плену сосредоточились массы военнослужащих и офицерства, действовали национальные общины южных славян в США. С 1917 г. все более активную роль начинают играть сохранившиеся представительные учреждения и политические партии внутри самой Австро-Венгрии (сабор Хорватии, Югославянский клуб в рейхсрате, депутаты сабора Боснии и Герцеговины, локальных представительных учреждений Далмации, Истрии, Крайны, Штирии, Каринтии, Триеста, Горицы и Градишки).

Позиции Югославянского и Чехословацкого комитетов совпадали по вопросу о решении проблемы национального самоопределения вне границ империи, а по тенденции – с политикой австронемецкого и венгерского национальных движений. Стремление к децентрализации, а затем и дезинтеграции государства росло в ответ на усиление централистской политики государства, направленной на подавление любой оппозиции, особенно в условиях войны. Когда власть попыталась изменить свою политику и сохранить государственное единство и трон путем уступок и децентрализации австрийской половины государства (манифест императора Карла I от 16 октября 1918 г.), было уже поздно. Национальное самоопределение в его высшей форме суверенного национального независимого государства воспринималось как первооснова и гарантия социальной модернизации, а модернизация – как элемент и следствие самоопределения.

Радикализируясь, имперскость и этнонационализм, то совпадая друг с другом, то конфликтуя, постепенно подрывали основы ослабленных затянувшейся войной государства и общества, так

и не ставших единым гражданским полиэтничным целым. В конце 1916 – начале 1917 г. внутри империи в качестве господствующей утвердилась центробежная тенденция при отсутствии интеграционных процессов. Монархический институт, австрийские и венгерские власти, государственный аппарат вопреки своей сути и воли начали играть центробежную роль. Ни австро-немецкая династия Габсбургов, ни мадьярское правительство Венгрии не смогли стать наднациональным регулятором межнациональных противоречий. Подданство не могло заменить гражданство. И без того многослойная и хрупкая государственная система в 1918 г. начала распадаться на этнонационально-территориальные фрагменты.

Поскольку окружающий мир воспринимался национальным сознанием каждого народа Австро-Венгрии прежде всего в этнических категориях, этническая общность считалась первичной по отношению к социуму и, соответственно, национальное движение полностью охватывало общественное; решение социальных проблем и противоречий виделось в форме изменения национально-государственного устройства, а национальная свобода воспринималась как необходимое предварительное условие для социального, экономического и культурного развития. Национальное самоопределение начало отождествляться массовым политическим сознанием с национальной революцией, с отделением от империи, которые стали восприниматься и рассматриваться как единственное средство решения социальных проблем. Возможности для национального самоопределения и социальной модернизации в рамках империи и монархии были полностью исчерпаны. Поэтому в Австро-Венгрии произошла только национальная революция (или несколько национальных революций) и не возникла революция социальная (исключение – попытка установления Венгерской Советской республики в 1919 г.).

Осенью 1918 г. на фоне поражения Австро-Венгрии и ее «старшего союзника» Германии была провозглашена независимость Чехословакии (28 октября), Государства словенцев, хорватов и сербов (29 октября), Немецкой Австрии (12 ноября) и Венгрии (16 ноября). 3 ноября близ итальянского города Падуя было подписано перемирие союзников с фактически уже прекратившей свое существование Австро-Венгрией, а 11 ноября – Компьенское перемирие с Германией.

В международных отношениях в Европе завершилась эпоха существования и междоусобной борьбы монархических империй.

1 декабря 1918 г. в Белграде было провозглашено создание невиданной доселе единой монархии на основе этнического родства (трактовавшегося новой властью как единство) значительной части ее населения – государства южных славян, Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Унаследовав от многонациональной империи полиэтничный характер, монархическое государство возникло на моноэтнической основе (династия, государственный аппарат, идеология) и воспринималось как этнонациональное.

Особая полиэтничная – югославянская – этносоциальная общность не возникла, хотя и имели место некоторые проявления межэтнической интеграции, противостоящей единству государства Габсбургов. Распад Австро-Венгрии не был фатально связан с последующим созданием общего государства южных славян – Королевства СХС. Оно вовсе не было predetermined: общегославянское самосознание (в отличие от переменчивых настроений) не было широко распространено, а идеология югославизма как отрицание этнонациональных особенностей каждого народа вовсе не была господствующей.

На этапе радикализации этнонационализма в начале XX в. произошло и его сущностное изменение: у каждого народа он становился все более авторитарным и антидемократическим. Во всех своих национальных разновидностях и стадийных вариантах идея югославизма и временные настроения и эмоции не могли стать основой новой этносоциальной общности. У хорватов, словенцев, сербов, боснийских мусульман (равно как у черногорцев, македонцев и албанцев) процесс национального самоопределения продолжился и в новообразованном государстве южных славян, соединявшем естественное право с идеей верности новой династии, монархизмом, лоялизмом и легализмом. Габсбургские традиции исторического права были во многом отброшены, парадоксальным образом сохранившись в идеологии и политике несербских народов Королевства СХС (с 1929 г. – королевства Югославии). Процесс национального самоопределения совпадал по направленности с поиском новой социальной реальности. Однако национальная революция в югославянских землях, объединившихся

под скипетром монархии Карагеоргиевичей, обрела консервативный и антимодернизационный характер. Процессу национального самоопределения южных славян и модернизации их общества и государства предстояло пройти долгий путь в XX столетии. При этом единое государство южных славян, как в монархической форме в межвоенный период, так и в форме социалистической федерации, типологически унаследовало многие проблемы Австро-Венгрии, свойственные многим многонациональным государствам.

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И БАЛКАНСКИЙ УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Итоги Первой мировой войны на Балканах были во многом аналогичными ситуации в других частях Европы, но и имели свои отличия.

Важнейшим изменением стало коренное преобразование политической карты региона: появилось новое государство Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), прежние серьезно изменили границы, прекратили своё существование два крупных игрока – Османская империя и Австро-Венгрия. Последнее обстоятельство, а также поражение Германии привели к политической и внешнеэкономической переориентации региона на страны Антанты.

Для понимания процессов, происходивших на Балканах, необходимо учитывать, что, если для многих европейских народов крупномасштабная война началась в 1914 г., то балканские страны накануне пережили две Балканские войны, во время которых они, раньше чем другие европейцы столкнулись и с новыми военными реалиями, и с последствиями крупномасштабной войны: жестокое обращение с мирным населением, концлагеря для интернированных и военнопленных, массовые миграции населения. Проблемы, оставленные Балканскими войнами, были перенесены на Первую мировую: это, прежде всего, взаимные территориальные претензии балканских государств. Таким образом, для этого региона Балканские войны и Первую мировую войну можно рассматривать как единое целое.

Этот вывод напрашивается при прочтении трудов многих отечественных исследователей, даже если он и не был ими прямо сформулирован. Отечественная историография традиционно много внимания уделяла развитию международных отношений в регионе, в частности, накануне Первой мировой войны. В работах А.С. Аветяна, В.И. Бовыкина, И.С. Галкина, В.Н. Виноградова, В.А. Жебокрицкого, А.Ю. Писарева¹ говорится о тесной связи международной

¹ *Аветян А.С.* Германский империализм на Ближнем Востоке: колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966;

политики периода Балканских войн и Первой мировой. Та же мысль проводится авторами коллективного труда «За балканскими фронтами Первой мировой войны»¹.

Происхождение Первой мировой войны, ее ход и итоги анализировались и балканскими историками с разных точек зрения². И все же, тема сохраняет свою актуальность, поскольку между балканскими национальными историографиями до сих пор нет консенсуса по ключевым вопросам. Это объясняется тем, что все балканские государства создавались как государства национальные и имели свои национальные идеологии, ключевым компонентом которых выступали великодержавные идеи создания Великой Греции, Великой Сербии и т.п., предполагавшие территориальную экспансию в отношении соседних стран. Поэтому балканские историки стремились, прежде всего, оправдать политику собственных правительств и необходимость территориальной экспансии. Лишь в последнее время начали появляться отдельные работы, в которых делается попытка более объективного рассмотрения взаимоотношений между балканскими государствами³.

В отличие от крупных государств-участников Первой мировой войны, где значительная часть общества поддержала войну и её начало

Бovyкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны: отношения между Россией и Францией в 1912–1914 гг. М., 1961; *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960; *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969; *Жебокрицкий В.А.* Болгария накануне Балканских войн, 1912–1913. Киев, 1960; *Писарев А.Ю.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

¹ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

² См., напр.: *Κάρτσιος Β.* Η Γενοκτονία του Έλληνομοιά της Ανατολικής Μακεδονίας κατά τη 2η Βουλγαρική Κατοχή (1916–1918). Θεσσαλονίκη, 2010; *Τσιτσελίκης Κ.* Η ελληνοτουρκική ανταλλαγή πληθυσμών. Όψεις μιας εθνικής σύγκρουσης. Αθήνα, 2006; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1984; *Гоцев Д.* Национално-освободителната борба в Македонија 1912–1915. Софија, 1981; *Недев Н.* България в световната война (1915–1918), Софија, 2001; *Александров В.* Външна политика и тероризъм: агентатът в Сараево. Софија, 2005; *Buzatu G., Dobrinescu V.F., Dumitrescu H.* România și primul război mondial. București, 1998; *Kirițescu C.* Istoria războiului pentru întregirea României. București, 1989.

³ См., напр.: *Константинова Ю.* Българи и гърци в борба за османското наследство. В. Търново, 2014.

ознаменовалось патриотическим подъемом, в балканских странах прекрасно понимали, что начинается «игра больших людей», в которой страны региона будут использоваться для отстаивания чужих интересов. Поэтому, когда противоборствующие блоки стали искать союзников на Балканах, в странах региона развернулась общественно-политическая борьба по вопросу о вступлении в войну. Политические элиты Болгарии, Румынии и Греции при этом надеялись, что в условиях общеевропейской войны у них появится шанс на реализацию и собственных экспансионистских планов. Борьба по вопросу о вступлении в войну в балканских странах привела к расколу общества, который наиболее остро проявился в Греции, где соперничество венизелитов и роялистов во многом определило внутривосточную жизнь страны в межвоенный период, а в некоторых сферах – даже и после Второй мировой войны.

Болгария стремилась к реваншу за поражение во Второй балканской войне, возвращению перешедшей по Бухарестскому договору 1913 г. к Румынии Южной Добруджи, расширению своих владений в Македонии за счет Сербии и Греции, а также приобретению Восточной Фракии, принадлежавшей Османской империи. Эти территории выступали козырями на переговорах, которых вели с болгарскими представителями Антанты и Тройственного союза, стремясь добиться ее вступления в войну на своей стороне¹. Царь Фердинанд и болгарская политическая элита долго колебались, оценивая реалистичность

¹ Эти переговоры, а также колебания политических элит балканских стран в вопросе о вступлении в войну становились объектом сатиры и пропаганды в странах-участницах войны. См., напр.: *Петрунина О.Е.* Образы европейских государств в пропагандистской кампании в Османской империи в начале Первой мировой войны (по материалам газеты «Эмброс») // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 57. Август 2016. С. 249–264, http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk_57_avgust_2016_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/petrunina.pdf; *Петрунина О.Е.* «Проклятый 1914 год»: начало войны в восприятии греков Малой Азии // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. Материалы IV Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014 года, г. Москва). М., 2015. С. 717–727; *Петрунина О.Е.* Международные отношения и боевые действия в конце 1914 – начале 1915 г. в карикатурах греческих художников Константинополя // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915. Материалы V международной научно-практической конференции (25–28 ноября 2015 г.). М., 2016. С. 663–671.

даваемых обещаний и шансы каждой стороны на победу¹. Наконец, Болгария вступила в войну на стороне Центральных империй и в результате оказалась в лагере побежденных. Национальная катастрофа 1913 г. повторилась в новом масштабе: на мирной конференции в Париже болгарским представителям не удалось смягчить ни одного из жестких требований проекта мирного договора, касавшихся сокращения территории и численности армии, а также наложенной на страну тяжелой контрибуции².

Румыния давно мечтала об отторжении от России Бессарабии и одновременно о присоединении Трансильвании, Буковины и Баната. Территориальные претензии к Австро-Венгрии, таким образом, были гораздо больше. Но, как и болгарам, румынам долгое время нелегко было решиться принять чью-либо сторону в войне, исход которой трудно было предугадать³. Брусилловский прорыв разрешил спор между германофилами и антантофилами в Румынии в пользу последних. Победа Антанты дала возможность Румынии реализовать планы по расширению территории за счет распавшейся Австро-Венгрии. Кроме того, революция в России, породившая страх перед распространением коммунистического движения на Запад, давала благоприятную возможность и для оккупации Бессарабии. Обеими возможностями блестяще воспользовался на мирной конференции в Париже румынский премьер-министр И. Брэтиану.

Особенно острой внутривосточная борьба по вопросу о вступлении в войну была в Греции. Греческое общество, также как румынское и болгарское, жило Великой идеей – мечтой о превращении своей страны в великую державу. Вопрос был в том, какая позиция во время мировой войны будет в наибольшей степени благоприятствовать воплощению этой мечты. Король Константин полагал, что наилучшим для страны будет сохранение нейтралитета. Но политические оппоненты обвиняли монарха и его сторонников в тайном содей-

¹ Подробнее см.: *Влахос Т.* Отношения между България и Централните сили по време на войните (1912–1918). София, 1957; *Илчев И.* България и Антанта през Първата световна война. София, 1990. С. 104–209.

² Подробнее см.: *Виноградов В.Н.* Диктат над България // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 403–405.

³ *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969. С. 31–71.

ствии Германии. Пользовавшийся огромным влиянием в стране премьер-министр Э. Венизелос был уверен в грядущей победе Антанты и потому стремился всеми силами вовлечь свою страну в войну на ее стороне. Венизелос полагал, что в этом случае у Греции будет шанс приобрести Фракию и вплотную подойти к решению вопроса о восстановлении греческой государственности на Босфоре. Борьба между роялистами и венизелитами привела страну к острейшему политическому кризису, в ходе которого Греция фактически распалась на два государства: одно во главе с королем и столицей в Афинах, другое во главе с Венизелосом и столицей в Салониках.

Фортуна благоприятствовала Венизелосу: с помощью военной силы и фактической оккупации страны силами Антанты в июне 1917 г. ему удалось добиться отречения короля и втягивания страны в войну¹. Венизелос умело действовал и на Парижской мирной конференции, приняв самое деятельное участие в подготовке Севрского договора (1920) с султанской Турцией. Подписание этого договора Венизелос рассматривал и как свою личную победу, и как реализацию многовековой греческой мечты – возвращения священного для греков города Константинополя.

Однако дальше дипломатической поддержки помощь союзников по Антанте в реализации греческой мечты не простиралась. Кемалистская Турция не признала Севрский договор, и грекам пришлось отстаивать свои притязания с оружием в руках. Боевые действия между греками и турками в Малой Азии продолжались до осени 1922 г. и закончились катастрофическим поражением греков. Греко-турецкая война, явившаяся прямым следствием Первой мировой, привела к отмене многих положений Севрского договора: Турция сохранила за собой Константинополь и Восточную Фракию, а также ряд островов. Закрепивший новое положение вещей Лозаннский договор (1923) означал крах греческой мечты вернуть Константинополь. Кроме того, в Грецию хлынул поток беженцев, в некоторых областях они составили до 40% общей численности населения². Результатом неспособно-

¹ Подробнее см.: *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. М., 1990. С. 152–159.

² *Никитина Т.В., Петрунина О.Е.* Этноконфессиональный фактор в политической жизни Греции в годы Второй мировой (1940–1944) и гражданской (1946–

сти правящей элиты Греции отстоять положения Севрского договора стал новый политический кризис, приведший к установлению диктатуры. Крах греческой Великой идеи стал одной из важнейших причин политической нестабильности в стране на протяжении практически всего межвоенного периода.

Как и в Центральной Европе, новые государственные границы на Балканах проводились в интересах победителей, но без учета реальной этнополитической ситуации, чрезвычайно запутанной и напряженной. Так, в сохраненной за Румынией Южной Добрудже преобладало болгарское население, в полученной той же Румынией Трансильвании румыны доминировали, но имелось значимое венгерское меньшинство. В Северном Эпире, который Греция была вынуждена отдать Албании, осталось много греков. Несмотря на активные миграционные процессы, шедшие еще с конца XIX в., очень сложной оставалась ситуация в Македонии. Ее этническая карта была, пожалуй, самой пестрой на Балканах. При этом еще в начале XX в. часть населения затруднялась идентифицировать себя по национальному признаку¹, многие связывали свою этническую идентификацию с конфессиональной, меняли ее на протяжении жизни. Эти факторы обусловили претензии на эту историческую область всех соседних государств – Греции, Болгарии, Сербии, Албании. Вести пропагандистскую работу в Македонии болгары начали уже в последней четверти XIX в., позже к ним присоединились греки и сербы. В начале XX в. соперничество интересов молодых балканских государств привело к вооруженному противостоянию, известному как Борьба за Македонию (1904–1908), когда при попустительстве османских властей сформированные по этническому принципу и финансируемые из-за рубежа незаконные вооруженные формирования вели партизанскую войну и готовили почву для присоединения Македонии к своему государству. Невозможность поделить Македонию к удовольствию всех заинтересованных сторон стала причиной Второй балканской войны. Нерешенность проблемы перенесла ее и в Первую мировую, окончание которой принесло Болгарии территориальные потери в этом регионе, а Греции – приобретения.

1949) войн: к постановке проблемы // Исторические исследования. № 1, 2014. С. 191. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/9>.

¹ *Δραγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 23.*

Ощущение несправедливости при послевоенном территориальном разграничении, нереализованность великодержавных экспансионистских планов, наличие этнических меньшинств создавали напряжённость в отношениях между балканскими государствами, велик к росту радикальных настроений среди титульных наций, подъему националистических движений, популярности авторитарных форм правления¹.

Попытка как-то снять это напряжение была предпринята самими балканскими государствами, осуществившими двусторонние обмены населением. Однако эти обмены оказались недостаточными для того, чтобы решить проблему множественных и многочисленных меньшинств, в годы Балканских войн и Первой мировой использовавшихся как козырная карта в попытках добиться осуществления великодержавных планов. Во всех балканских странах остались этнические меньшинства, на которые проецировалось и, в ряде случаев, проецируется развитие двусторонних отношений между страной проживания и страной происхождения меньшинства. К примеру, развитие греко-турецких отношений оказывало самое непосредственное воздействие на положение соответствующих меньшинств в обеих странах на протяжении всего прошлого и начала нынешнего столетия. Обострения в двусторонних отношениях всегда вели к греческим погромам в Турции и притеснениям турецкого меньшинства в Греции.

Следствием давних межэтнических противоречий в регионе, подогревавшихся как правительствами входящих в него стран, так и извне, стала особая и все нарастающая жестокость, с которой относились к своим действительным и мнимым противникам участники военных конфликтов в регионе в первой четверти XX в. Это обстоятельство усугубляло тяжелое положение меньшинств и стимулировало масштабные миграционные процессы, активно шедшие в регионе уже в предшествующие десятилетия.

Кроме того, обмены населением не были тотальными. Так, в приобретенной Грецией Западной Фракии осталось стотысячное турец-

¹ Подробнее см.: *Биделё Р.* Этническая мобилизация, национальное самоопределение, «этнократия» и привлекательность авторитаризма в странах Центрально-Восточной Европы и на Балканах (1918–1940 гг.) // *Берегиня.* 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3(26). С. 8–21.

кое меньшинство, которое уравнивалось (как тогда казалось) примерно такой же по численности греческой общиной Константинополя. Дальнейшая судьба этих меньшинств сложилась по-разному: число греков в Константинополе уменьшилось до 5 тыс. чел., а число турок в Западной Фракии и прилегающих областях греческой Македонии увеличилось до 500–800 тыс. чел. Эти изменения были в большей степени следствиями естественных процессов, чем государственной политики. Константинопольские греки с высоким уровнем образования и низкой рождаемостью постепенно уезжали в более привлекательные для проживания страны. В то же время фракийские турки-мусульмане, проживавшие почти исключительно в сельской местности, отличались гораздо меньшей мобильностью, низким уровнем образования, но очень высокой рождаемостью. Политика греческого государства, ограничивавшего мусульманам доступ к образованию из опасений появления у них слоя интеллигенции, способной создать национальное политическое движение, вела к консервации традиционных ценностей и уклада жизни и, соответственно, численному росту мусульманско-турецкого меньшинства. В результате к концу XX в. Греция столкнулась с очень серьезной проблемой, решить которую она пока не в состоянии.

Проблема меньшинств усугублялась тем, что все балканские государства по своему характеру были унитарными, что не разрешало прежних противоречий, но переводило их в латентную форму. Включая в себя другие этносы, прежние национальные государства превращались в многонациональные, но сохраняли при этом свою унитарную структуру и ценности национального государства. Это особенно ярко проявилось в Королевстве СХС, в котором хорваты и словенцы не получили тех прав автономии, которыми пользовались в Австро-Венгрии. В Греции по завершении обменов населением с Турцией и Болгарией осталось почти полмиллиона представителей других этносов, не имевших каких-либо прав культурной или политической автономии¹.

После Первой мировой войны радикальным образом изменилось положение Афона и его место в общеправославной культуре.

¹ Никитина Т.В., Петрунина О.Е. Указ. соч. С. 188–189.

Под властью султана афонское монашеское сообщество фактически пользовалось правами самоуправления. При исторически сложившемся доминировании греков на Афоне традиционно подвизались монахи разных национальностей: болгары, сербы, грузины, румыны, русские. На протяжении XIX в. численность русского монашества стремительно росла и накануне Первой мировой войны русские составляли свыше половины насельников Святой Горы¹. В ходе Первой балканской войны Афонский полуостров был оккупирован греческими войсками. Затем Греция приложила максимум дипломатических усилий для того, чтобы добиться включения полуострова в состав Греции. Этому противились другие православные государства, прежде всего, Россия, справедливо полагавшие, что Святая Гора является частью мирового православия и должна, как и прежде, быть доступной для проживания монахов разных национальностей. Вплоть до Октябрьской революции Россия продолжала отстаивать идею придания Афону особого международного статуса, рассматривая разные проекты его интернационализации. Победа революции в России и поражение Болгарии в двух войнах вывели из борьбы по афонскому вопросу две наиболее заинтересованные в его справедливом решении страны. Вся инициатива перешла в руки греков, которые к началу 1930-х гг. полностью включили Афон в состав своего государства. Политика Греции в отношении Афона была нацелена на его полную эллинизацию². Результатом ее стало сокращение числа монашествующих на Афоне с 7–10 тыс. чел. в годы Первой мировой войны до 3,7–4–7 тыс. чел. в 1940 г. Наибольшие потери при этом понесло русское монашество, насчитывавшее около 4 тыс. чел. накануне войны. Уже к 1928 г. его численность уменьшилась до 561 чел.³ Из общеправославной святыни мирового значения Афон превращался в греческую национальную святыню.

¹ Петрунина О.Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников // Вестник архивиста. 2002. № 1. С. 66; Петрунина О.Е. Афон в годы Балканских войн: проблема суверенитета // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 44. Июнь 2014. С. 192–194.

² Подробнее см.: Петрунина О.Е. Интеграция Афона в состав греческого государства в первой четверти XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2014. № 2. С. 107–125.

³ Петрунина О.Е. Афон в годы Балканских войн... С. 199.

Таким образом, следствием реализации Версальской системы на Балканах не мог стать прочный мир. Было достигнуто лишь шаткое равновесие, опиравшееся на силу победителей. Распад старых империй и появление новых национальных государств не привели к разрешению давних противоречий между балканскими политическими элитами. Новые государства создавались как национальные со своими национальными идеями и экспансионистскими территориальными планами. Нереализованность национальных чаяний и наличие этнических меньшинств, существование которых не вписывалось в концепцию национального государства, влекли за собой рост радикальных настроений титульных наций и дискриминационную политику в отношении меньшинств. Таким образом, имели предпосылки для того, чтобы межнациональные конфликты на Балканах разгорелись с новой силой в том случае, если Версальская система пошатнется, что и случилось в годы Второй мировой войны.

АЛБАНСКИЙ ВОПРОС В БАЛКАНСКОМ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Современное албанское государство появилось на карте Европы в 1912 году. Этому событию предшествовал весьма недолгий по сравнению с другими балканскими народами период национально-политического развития, закончившийся реализацией концепции самостоятельного государства.

Появление на карте Европы нового политического субъекта, на долгие годы превратившегося в объект действий как ближайших соседей, так и ряда европейских государств, нельзя рассматривать изолированно от балканского и общеевропейского контекста. Растущая нестабильность на Балканах стала особенно заметной после ряда событий начала XX в. Напомним только некоторые из них:

– государственный переворот 1903 г. в Сербии, в результате которого на смену австрофильской династии Обреновичей пришла русофильская – Карагеоргиевичей. Это привело к резкой смене внешнеполитической ориентации сербского королевства;

– младотурецкая революция в Османской империи в 1908 г. и последовавшая за ней аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Последняя, по Берлинскому трактату, завершившему Великий Восточный кризис, была формально оставлена в составе Османской Турции, но на деле находилась под австрийской оккупацией;

– итало-турецкая (иначе – Триполитанская) война 1911–1912 гг., закончившаяся поражением Турции и потерей ею контроля над территорией Ливии (или Триполитании и Киренаики);

– заключение в 1912 г. сербско-болгарского и болгаро-греческого союзных договоров, достижение устной болгаро-черногорской договоренности (система этих соглашений получила название «Балканский союз»), предусматривавших военное взаимодействие указанных стран для борьбы с Турцией.

Существенное значение в процессе нарастания напряженности на полуострове имели албанские восстания, начавшиеся в 1909 г. и продолжавшиеся с перерывами до 1913 г. Они явились реакцией на унификационную политику младотурок, проводимую на национальных окраинах империи. Младотурки попытались ввести на албанских землях всеобщую воинскую повинность, налоговую систему и разоружить местное население, покусившись, таким образом, на давнюю, еще со времен возникновения в конце XIV в. Османской Албании, привилегию албанцев. Ассимиляторская политика центральных властей, уравнивавшая всех подданных Турции независимо от их национальности и вероисповедания, лишала албанцев их особого положения как опоры турецкого владычества в европейской части империи. Привилегии албанцев как единственного неславянского и, в целом, мусульманского этноса на Балканах (некоторое число албанцев, проживавших в Северном Эпире, исповедовали ортодоксальное христианство) постепенно сошли на нет после низложения в 1909 г. султана Абдул-Хамида II. Усиливавшийся кризис в Османской империи сопровождался ростом требований территориально-политической автономии албанцев, что не могло не беспокоить проживавших в населенных албанцами вилайетах их неалбанских соседей, а также поддерживавшие их сопредельные государства.

Первая Балканская война (8 октября 1912 – 30 мая 1913 г.) стала важнейшим этапом в борьбе албанцев за национальную автономию. По мирному договору с Турцией, подготовленному министром иностранных дел Великобритании Э. Греем и послом Франции в Лондоне П. Камбоном, европейские владения империи были поделены в основном между Грецией, Сербией и Болгарией. Государство Албания было создано в границах, определенных для нее великими державами. Но перераспределение территорий в бывшей Европейской Турции не устраивало многих союзников. 1 июня 1913 г. в Салониках был подписан греко-сербский договор о дружбе и союзе, гарантировавший сторонам их территориальные приобретения в ходе Первой Балканской войны. Этот договор был направлен против Болгарии, поскольку Греция и особенно Сербия в условиях фактического аннулирования по требованию монархии Габсбургов и поддерживавшей ее Италии некоторых военных побед двух этих балканских союзников

собирались пересмотреть сербо-болгарское соглашение по разделу Македонии¹.

Внезапное возникновение албанского государства на землях, еще недавно бывших турецкими, стало препятствием для выхода Сербии и Черногории к Адриатическому морю. Большую роль в таком территориальном раскладе сыграла и Италия, чьи экономические интересы на албанском побережье в случае раздела этих земель между балканскими союзниками оказались бы под угрозой. В поисках выхода к морю Сербия обратила свои взоры на юго-восток, к Эгейскому побережью. Это неизбежно привело к столкновению интересов уже внутри самого Балканского союза, в частности, между Болгарией и Сербией.

Самостоятельные, то есть одержанные без непосредственного участия армий великих держав в военных действиях на Балканах, победы балканских союзников над турками, планируемый ими раздел оставшихся за Османской империей после 1877–1878 гг. территорий поставили под вопрос судьбу и собственно населенных албанцами земель. Заметим, что накануне и в начале Первой Балканской войны политические лидеры албанцев не ставили вопрос о полной независимости своих территорий от Турции. Речь шла только об автономии в составе Османской империи². Это обстоятельство и было

¹ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912-1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик, О.В. Соколовская. М., 2003. С. 493–496.

² *Искендеров П.А.* Рождение албанского государства // В «пороховом погребе Европы». С. 438. Албанцы считали своими не только территории компактного проживания албанского этноса, то есть в основном части Янинского и Шкодерского вилайетов Османской империи, но также и весь Косовский и Монастырский (Битольский) вилайеты, где проживало значительное по численности сербское и болгарское население. Также они заявляли свои права и на Салоникский вилайет, в котором, как они считали, проживало достаточно большое число албанцев для включения его в будущую автономную в составе Турции или же независимую единицу. Поэтому часто упоминаемые в литературе «албанские земли», на которые претендовали балканские союзники, не всегда являлись исконно албанскими. Более того, Старая Сербия (области Косово и Метохия, Рашка, частично Македония) стала активно заселяться албанцами лишь с конца XVII в., когда в ходе двух австро-турецких войн при отступлении австрийских войск в пределы монархии Габсбургов дважды, в 1690 и в 1740 гг., переселилось большое число сербских семей. Эти два великих исхода сильно изменили этническую картину населения

зафиксировано в первоначальном документе Лондонской конференции послов великих держав в декабре 1912 г. за подписью Э. Грея¹.

Когда с развитием военных действий стало ясно, что Турция окончательно уходит с Балкан, а территории со смешанным албано-славянским и албано-греческим населением подлежат включению в состав прилегающих к Албании государств – Сербии, Черногории и Греции, албанские политики заявили резкий протест планируемому отсечению, как они считали, этих своих территорий.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и сказать об истории появления албанцев на западе Балканского полуострова и их последующего расселения в северном, восточном и южном направлениях. Земли, населенные албанцами, в тот или иной исторический период входили в состав разных царств и княжеств, империй и королевств. Их этнический ареал постепенно расширялся, что было связано с ростом численности этого народа и отводимой ему властями Османской империи ролью собственной опоры в европейской части владений. Эта их особенность сохранялась вплоть до Первой Балканской войны, в ходе которой 28 ноября 1912 г. во Влэре было провозглашено независимое албанское государство и создано временное правительство во главе с лидером албанского национального движения Исмаилом Кемали.

Заметим, что трагедия сербо-албанских отношений заключается еще и в том, что оба народа претендуют на одни и те же территории, ссылаясь одни на исторические, а другие на этнические аргументы. Албанский сепаратизм, на протяжении всего XIX столетия тревоживший турецкую администрацию наряду с освободительной борьбой славян, в XX в. стал головной болью уже югославянского государства, начиная с его создания в 1918 г. Вооруженная борьба в Косове не прекращалась ни на минуту, отдельным ее эпизодом стало созда-

указанных территорий, где даже после завоевания турками Балкан с конца XIV в. сохранялось славянское доминирование (Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы : в 4-х тт. / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. Т. I. 1887–1997. М., 2006. С. 45–54, 56).

¹ *Ари Г.Л.* Возрождение албанского государства // За балканскими фронтами Первой мировой войны / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002. С. 45–46; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013. С. 114.

ние марионеточного государства Великая Албания в годы Второй мировой войны. Этот период сопровождался гонениями против сербского населения, в результате чего его численность в крае еще больше сократилась. Дополнительным фактором увеличения диспропорции в национальном составе населения в Косове стал запрет уже со стороны новых коммунистических властей на возвращение в край тех сербских поселенцев и их потомков, которым предоставлялись земли в Косове после вхождения его в состав сербского государства еще после Балканских войн. Мотивировкой запрета явилось определение проводимой сербскими королевскими властями политики как «реколонизации региона, осуществлявшейся сербским шовинистическим королевским режимом и ущемлявшей права местных албанцев».

Создание албанского государства, когда с заявленными требованиями албанских политических деятелей того времени вдруг оказалось невозможным не считаться, представляло собой реализацию австро-итальянского проекта по недопущению Сербии на берега Адриатики, Греции – к контролю над Корфским проливом, а Черногории – к контролю над крупнейшим торговым центром Северной Албании – городом Шкодер и рядом территорий в Северной Албании. Австрия требовала создания новой политической единицы в максимально широких границах, охватывающих не только этнические ареалы расселения албанских племен на Балканах, но и значительные территории со славянским и греческим населением, которые Сербия, Черногория, Болгария и Греция исторически считали своими. Сербия, Греция и Черногория желали поделить между собой земли, населенные албанцами, в том числе и прилегающие к побережью Адриатического и Ионического морей. Россия предлагала создать албанское государство в гораздо меньших пределах. Определенный компромисс между российским и австрийским предложениями относительно размеров будущего государственного образования был все же достигнут: стороны согласились на усредненный вариант.

Созданное албанское государство не было суверенным, оказавшись под контролем шести великих держав. Более того, Лондонское совещание послов великих держав (декабрь 1912 г.) назначило комиссию для определения границ нового государства, постановило разработать для него Органический статут и организовать меж-

дународную жандармерию, а также определило, что, как минимум полгода, Албания будет находиться под протекторатом европейских держав, а по истечении этого периода Европа назначит ей правящего монарха¹.

Поскольку албанцы уже перед Первой мировой войной оказались разделенным народом, а почти половина территории, на которую они претендовали, вошла в состав сопредельных государств, албанский вопрос на Балканах стал постоянным фоном балканской политики в течение всего XX в. С исчезновением с политической карты мира империи Габсбургов как одного из краеугольных факторов европейской политики роль защитницы Албании взяла на себя Италия, целью которой было установление фактического протектората над этой страной. В итоге за Италией остались особые права вмешиваться в разрешение проблем Албании в случае угрозы ее границам или экономической безопасности². Накануне Второй мировой войны, в апреле–мае 1939 г., Албания была окончательно оккупирована Италией.

Падение режима Муссолини 25 июля 1943 г. привело к замене итальянской оккупации немецкой, причем гитлеровские войска уже ступали на территорию Албании незадолго до выхода Италии из войны. Окончательно же немцы сменили итальянцев в сентябре 1943 г. Быстро подавив сопротивление остававшихся в Албании итальянских войск и некоторых групп албанского сопротивления, немцы попытались учесть ошибки итальянских оккупационных властей и начали с восстановления «суверенной» Албании, включив в свой протекторат Косово и населенные албанцами области оккупированной Греции. Изначально марионеточное правительство периода немецкой оккупации возглавил богатый косовский помещик Реджеп Митровица. Вопрос о принадлежности Косова и в целом достижение полной независимости Албании в границах 1913 г., а также воссоединение с населенными албанцами землями в соответствии с принципами самоопределения народов, гарантированными Атлантической хартией, объединял все национально-освободительные силы страны –

¹ *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос. С. 113–114.

² *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 96.

от коммунистов до националистов¹. Хотя коммунистические силы Албании старались не педалировать эту тему в интересах совместной борьбы за освобождение Балкан вместе с югославскими коммунистами².

После Второй мировой войны произошедшая смена общественно-политического строя как в собственно Албании, так и в населенных албанцами землях за пределами страны положила начало новому этапу развития национальных отношений на Балканах. Две соседние страны, Югославия и Албания, попытались устранить почву для межгосударственных столкновений на национальной основе. Особенно это касалось Югославии, где новые власти провозглашали не имеющим значения нахождение значительных уже этнических албанских территорий за пределами Албании, поскольку в первые годы после войны границы между двумя государствами фактически не существовало. Однако активно разрабатывавшийся проект Балканской федерации в составе Албании, Югославии, Болгарии, Румынии и Греции в случае прихода в последней к власти коммунистических сил был в 1948 г. свернут по политическим мотивам.

Тем не менее в национальном отношении положение албанцев в Югославии в социалистический период стало особенно благоприятным. Анализ доступных исследователям документов свидетельствует, что способы решения национального албанского вопроса в федеративной Югославии явились предпосылкой развития албанского национального движения во второй половине XX в. с явными ирредентистскими тенденциями³. Вопреки лежащей на поверхности логике, когда можно было бы ожидать неких ограничений национальных прав албанского меньшинства со стороны центральных властей, его положение было весьма удовлетворительным: албанцы имели свое государственное образование в рамках федеративного государства –

¹ Подробнее см.: Там же. С. 181–247, особенно С. 202–225; *Фишер Б. Дж.* Фашистские режимы в Албании в период Второй мировой войны // *Берегния*. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 4 (31). С. 181–193.

² *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. С. 221.

³ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Т. 1 (Больше половины тома составляют документы, посвященные социалистическому периоду); также см.: *Клименко З.В.* Албанский фактор и косовский кризис в истории Югославии (о новом издании источников) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 1. С. 42–50.

автономный край; пользовались равноправным положением и представительством в республиканских (на уровне Социалистической республики Сербии) и федеральных органах власти; использование албанского языка было широчайшим – от дошкольного образования до собственной краевой Академии наук, не говоря уже о рутинном делопроизводстве на албанском языке; действовали албанские театры и музеи; свободно существовали и развивались средства массовой информации. Нельзя сбрасывать со счета и материальную составляющую: как экономически отстающий регион Югославии Косово получало огромные средства из федерального фонда помощи. Параллельным процессом, неизбежно возникающим при благоприятном национальном положении, шло возвращение национальной элиты, которая со временем стала выдвигать политические требования. Главным из них было требование повысить статус края до уровня республики, апеллируя к численности албанского населения в Косове. Однако это было единственным, чего югославское государство не могло дать албанцам, поскольку в югославской конституции декларировалось право республик на отделение от федерации. Власти ограничились расширением полномочий краевых органов власти в 1974 г. до уровня республиканских, но это не только не удовлетворило краевое руководство, но со временем привело к еще большему накалу борьбы за повышение статуса края с явно просматривающейся конечной целью отделиться от Югославии и к началу регулярных массовых беспорядков.

Постепенно проблема Косова попадает в фокус внимания международных организаций – ООН и ОБСЕ. С их стороны начинает расти давление на сербские и югославские власти, пытающиеся сохранить конституционный порядок и территориальную целостность Сербии после провозглашения парламентом края независимой Республики Косова («Косова» – албанское название края). Озабоченность соблюдением в Косове прав человека постепенно становится инструментом для вмешательства извне во внутренние дела суверенного государства и изменения его признанных в международном плане границ со стороны третьих стран, организаций и международного сообщества в целом. Примечательно, что в докладах международных организаций не акцентировалось внимание на том, что в Косове после

провозглашения его независимости в 1990 г. в одностороннем порядке были созданы параллельные организации в тех сферах, где можно было свести к минимуму контакты с официальными сербскими структурами управления (здравоохранение, образование), а там, где этого было не избежать (правоохранительные органы и органы государственного и муниципального управления), этнические албанцы просто отказывались работать.

Вооруженная борьба албанских сепаратистов уже против Сербии и Союзной Республики Югославии при поддержке внешней военной организации завершилась успехом в 1999 г. Однако искомой независимости и тем более суверенитета не принесло даже международное признание со стороны некоторых крупнейших государств мира. На Балканах сейчас существуют два албанских государства. Статус одного из них весьма спорен. Представители албанского этноса по-прежнему проживают в других государствах и в определенной мере являются дестабилизирующим фактором в политической жизни последних. Отметим македонский кризис 2001 г., одностороннее провозглашение независимости Косова в 2008 г. Весьма активную роль сыграло албанское меньшинство и в судьбе Черногории¹.

Здесь можно усмотреть определенную параллель с началом XX в. Решение албанского национального вопроса, во-первых, находится целиком в руках внешнего фактора. Во-вторых, он решается таким образом, чтобы ущемить сербские национальные интересы и тем самым заложить основы возникновения нового сербского вопроса. В-третьих, решается задача получения контроля над регионом со стороны внешних сил, создания нового албанского протектората, а заодно и некоего панбалканского протектората, что и было сделано в ходе югославского (в целом) и косовского (в частности) кризисов. В-четвертых, мы видим, что интересы одной державы (в начале XX в. это была Австро-Венгрия, в конце XX-го – США) начинают доминировать при решении сложнейшего узла политических, экономических и национальных противоречий в той или иной стране. Решение конфликта «с нулевой суммой», когда одна сторона спора

¹ Подробнее см.: *Клименко З.В.* Албанский вопрос в Черногории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4(58). С. 309–334.

получает все, а другая – ничего, формирует глубочайшую основу для будущего кризиса в балканском регионе.

В начале XX столетия «бомбы», заложенные тогдашним решением албанского вопроса, наряду с другими, взорвались Первой мировой войной. Будем надеяться, что заложенная на Балканах в конце минувшего века взрывчатка в виде фактического пересмотра фундаментальных основ возникшего по результатам уже Второй мировой войны миропорядка и международного права не взорвется новым мировым вооруженным конфликтом.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ В ПЛАНАХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Для польской общественности вопрос о восстановлении утраченной в 1795 г. в результате третьего раздела Польши независимости был исключительно важной и деликатной темой. Предпринятые на протяжении XIX столетия попытки вновь обрести независимость путем восстаний против российских имперских властей потерпели неудачу. Начало Первой мировой войны поляки встретили с надеждой на осуществление их национального идеала. Свои планы воссоздания в будущем самостоятельного польского государства имелись и у правительств трех империй – Российской, Германской и Австро-Венгерской, на территориях которых проживали поляки. На первом этапе войны в качестве наиболее вероятных гарантов решения польского вопроса, могущих оказать существенное влияние на решение польского вопроса, рассматривались Россия и Германия.

Уже с самого начала войны польские земли оказались в центре военного противостояния на востоке, поэтому противники – Германия и Австро-Венгрия, с одной стороны, и Россия, с другой, – были весьма заинтересованы в привлечении симпатий поляков на свою сторону. В связи с этим в первой половине августа 1914 г. появились три воззвания – австрийское, немецкое и российское. Немцы, без согласования с австрийцами¹, распространили 31 июля (3 августа) обращение от имени главного командования немецкой и австро-венгерской восточных армий, в котором призвали поляков Российской империи к восстанию и пообещали в случае победы создать из этой провинции самостоятельное государство. Спустя пять дней, 1(14) августа, появилось воззвание Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской империи великого князя Николая Николаевича².

¹ *Holzer J., Molenda J. Polska w pierwszej wojnie światowej. Warszawa, 1963. S. 46.*

² *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. Warszawa. 1984. S. 220, 223–226.*

Обращало на себя внимание сходство этих документов: напоминание о славном боевом содружестве с поляками в прошлом, подчеркивание их высоких моральных и боевых качеств. Однако между документами существовали и принципиальные различия. Немцы и австрийцы адресовали свое обращение к полякам одного только Царства Польского, призывали их к восстанию и обещали обеспечить независимость полякам Российской империи. Поляков – жителей Германии и Австро-Венгрии – они не вспоминали и никаких обещаний им не давали. Манифест же Верховного главнокомандующего от 1 (14) августа 1914 г. формально был адресован всем полякам. При этом существует небезосновательное мнение, что на самом деле российский манифест скорее относился к полякам Германии и Австро-Венгрии, которым дядя Николая II сулил освобождение от австрийского и германского гнета и объединение на правах автономии с соплеменниками в России под скипетром русского царя¹.

Отношение Германии к вопросу о судьбе Царства Польского оставалось сдержанным в течение довольно долгого времени, и тому было несколько объяснений. Во-первых, любые изменения статуса Царства Польского сделали бы практически невозможным заключение сепаратного соглашения с Россией, на что Берлин, зная, что в окружении Николая II было немало сторонников выхода России из войны, делал определенный расчет. Во-вторых, это стало бы следующим после оккупации нейтральной Бельгии грубым нарушением норм и обычаев войны, запрещавших любые изменения государственных границ, кроме как на мирной конференции. А пропаганда стран Антанты и без того активно формировала образ Германии как страны, грубо попирающей нормы международного права.

По ходу военных действий позиция Германии по вопросу о судьбе польских земель претерпевала изменения, и они стали особенно очевидны летом 1915 г., после оккупации Польши Германией и Австро-Венгрией. О том, что Царство Польское ждет иная судьба, нежели другие оккупированные территории, свидетельствовал характер устанавливаемой здесь оккупационной администрации. Цар-

¹ В декабре 1914 г. об этом откровенно писал в циркуляре, адресованном губернаторам польских воеводств, министр внутренних дел России Н.А. Маклаков (*Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paris, 1920. S. 14*).

ство было разделено на три области с особым статусом. Сувалкская губерния и часть Подляшья являлись обычными оккупированными территориями. Наряду с занятыми немцами литовскими и белорусскими районами они подчинялись этапному командованию Главного командования армий на Востоке (Обер-Ост). В австрийской зоне оккупации было создано военное генерал-губернаторство с центром в Люблине, которое подчинялось Главному командованию австро-венгерской армии. Необычным в данном случае был сам факт организации генеральной губернии. Например, в оккупированных австрийцами Сербии и Черногории подобные институты власти не учреждались. Остальные районы Царства Польского, в которых проживали почти 2/3 его населения и находились главные промышленные центры, немцы отдали под управление военного генерал-губернатора, непосредственно подчинявшегося канцлеру Германии, а не Главному командованию армий на Востоке и разместившего свою резиденцию в Варшаве. Варшавским генерал-губернатором вплоть до конца оккупации был Ганс Гарвиг фон Безелер, командовавший немецкими войсками под Антверпеном и Модлином (Новогеоргиевском). Таким образом, Люблинское и Варшавское генерал-губернаторства имели иной статус, чем просто оккупированная войсками территория вражеского государства¹.

В 1916 г., когда баланс сил в блоке Центральных держав окончательно изменился в пользу Германии, позиция немецкого правительства в польском вопросе стала еще более четкой и решительной. В начале апреля 1916 г. рейхсканцлер Германии Теобальд фон Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что польский вопрос, который Центральные державы не хотели прежде ставить, «был открыт на полях сражений» и что «история не знает status quo после столь выдающихся событий»². Это заявление стало полной неожиданностью для Вены, надевавшейся получить согласие Германии на присоединение Царства Польского к Австрии. Во время визита министра ино-

¹ В Люблине сменилось несколько генерал-губернаторов – Эрих фон Диллер, Карл фон Кук, Станислав Шептицкий (брат львовского униатского архиепископа Андрея (в миру Романа) Шептицкого).

² *Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach wielkiej wojny, 1914–1918. Warszawa. 1925.S. 11–12; Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М., 1925. С. 13–14.*

странных дел Австро-Венгрии Иштвана Буриана в Берлин в апреле 1916 г. он узнал от Бетман-Гольвега о намерении Германии создать в Царстве Польском марионеточное буферное государство. В результате напряженных переговоров 11–12 августа 1916 г. в Вене стороны принципиально договорились о создании на территории Царства Польского самостоятельного Польского королевства, полностью зависящего от них в экономическом, политическом и военном отношениях¹. Австрийцам удалось только временно оставить за собой оккупационную зону. Но точная дата провозглашения нового государства не была определена. По утверждению Буриана, Германию на столь смелый шаг в польском вопросе подтолкнули два обстоятельства: распространившийся слух о том, что Россия собирается пообещать полякам объединение и независимость всех их земель, а также желание сформировать польскую армию, чего нельзя было сделать, пока Царство Польское не получило статуса государства².

Бетман-Гольвег причинами решения, помимо давления немецких военных, надеявшихся сформировать здесь союзную им польскую армию, называет также исчезновение надежд на сепаратный мир с Россией; нежелание отдавать все Царство Польское Австрии, в том числе и из опасения, что последняя сможет попасть под польский контроль; понимание невозможности как восстановления довоенного *status quo*, так и очередного раздела Польши. Историки среди причин августовского решения указывают также на стремление немцев воплотить в жизнь давно вынашиваемую ими идею «Срединной Европы»³.

О своем решении явочным порядком создать Польское королевство Центральные державы объявили 5 ноября 1916 г. в манифесте, изданном от имени императоров Вильгельма II и Франца Иосифа генерал-губернаторами Г. фон Безелером и К. фон Куком. В манифесте провозглашалось создание самостоятельного, но не независимого

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1923. С. 316–317.

² *Sokolnicki M.* Polska w pamiętnikach wielkiej wojny, 1914–1918. Warszawa, 1925. S. 101–103; *Hoffmann M.* Wspomnienia (Wojna wśród niewykorzystanych sposobności). Warszawa, 1925. S. 123.

³ Подробнее см.: *Поп И.И.* «Срединная Европа» в планах кайзеровской Германии в период Первой мировой войны // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

Польского королевства на польских землях, которые Центральные державы силой своего оружия вырвали из-под русского господства. Королевству предстояло стать государством с наследственной монархией и конституционным строем, тесно связанным с Германией и Австро-Венгрией. Была в манифесте и фраза о том, что «в собственной армии будут продолжать славные традиции польских войск прошлых времен и чтить память героических польских товарищей по оружию в нынешней Великой войне. Вопросы ее [армии] организации, обучения и руководства будут урегулированы в совместном соглашении».

Решение вопроса о будущем монархе и границах нового государства откладывалось на будущее. Что же касается судьбы прусской и австрийской частей Польши, то в манифесте не было даже намека на возможность их объединения с Польским королевством после победы¹. Вильгельм II не только не собирался давать какие-либо обещания своим польским провинциям, но, более того, обозначил перед военными возможность по стратегическим соображениям включить в будущем в состав Германии некоторые западные районы Царства Польского. Марионеточный характер создаваемого государства подтверждало и сделанное 9 ноября генерал-губернаторами заявление, что они временно сохраняют за собой всю полноту власти, но зато соглашаются на создание добровольческих Польских вооруженных сил (Польского вермахта). По своему характеру и содержанию акт 5 ноября определенно перекликался с манифестом Великого князя Николая Николаевича. Немецкий манифест так же, как и российский, был издан не самим монархом², не содержал четкого определения бу-

¹ Единственно, император Франц Иосиф пообещал в будущем расширить автономию Галиции, выделив ее в особую единицу в составе монархии. И на этот раз австрийцы проигнорировали польских политиков Галиции, уговаривавших их присоединить Царство Польское и преобразовать двуединую монархию в триалистическую. Вена уже не могла поступать вопреки воле немцев, серьезно опасавшихся превращения Дунайской монархии в славянскую империю в Центральной и Юго-Восточной Европе. С этого момента начался постепенный отход проавстрийских польских сил Галиции от ориентации на Вену.

² В современной историографии указывается на «коллективное авторство» манифеста (начальник Генштаба Н.Н. Янушкевич, военный министр В.А. Сухомлинов, министр иностранных дел С.Д. Сазонов). Великий князь Николай Николаевич контролировал подготовку текста, но с ведома и одобрения императора (Александра Бахтурина. Воззвание Великого князя Николая Николаевича

дущих границ, не оставлял будущему государству свободы выбора союзников. Главное отличие состояло в том, что создание Польского королевства начиналось немедленно, не дожидаясь окончания войны и мирной конференции. Именно это обстоятельство оказало определенное пропагандистское воздействие на поляков.

Можно полностью согласиться с И. Бурианом, что «акт (5 ноября) не исполнил всех желаний и не устранил еще всех трудностей. Но он стал свершившимся фактом, который нельзя было отбросить. Возвращение Польши России стало таким же невозможным, как и аннексия Польши Центральными державами, да и Антанта, горящаяся борьбой за свободу народов, должна была это событие принять в расчет, хотя и не с самыми любезными комментариями»¹.

Российская сторона не могла проигнорировать столь вопиющее покушение на ее суверенитет. 15 ноября кабинет министров осудил попрание Центральными державами норм международного права, «которое запрещает принуждение жителей занятой территории поднимать оружие против их собственной родины», и назвал создание Польского королевства незаконным актом². Вслед за Россией это сделали и ее союзники. Но одного осуждения было недостаточно для нейтрализации антироссийского выпада Центральных держав. Николаю II не оставалось ничего другого, как сформулировать позицию России по польскому вопросу. И он сделал это в рождественском приказе по армии и флоту от 25 декабря 1916 г. Среди главных целей России в войне была названа аннексия польских земель Австро-Венгрии и Германии с их последующим объединением с Царством Польским на правах широкой автономии в составе империи Романовых³. Публичное провозглашение аннексионистских намерений России союзники восприняли со смешанными чувствами.

к полякам 1 (14) августа 1914 г.: значение и политические последствия // *Empires and nationalisms in the Great War: interactions in East-Central Europe/ Acta Historica Universitatis Klaipedensis*, XXXI, 2015. P. 52–53). – *Прим. ред.*

¹ *Sokolnicki M.* Polska w pamiętnikach wielkiej wojny. S. 481.

² Polska w latach ruchu niepodległościowego 1904–1918 w świetle źródeł przedstawił J. Dąbrowski. Kraków, 1925. S. 23.

³ *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów, 1866–1925.* S. 316–317; *Ahmatowicz A.* Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny. 1914–1915. Warszawa, 2003. S. 28.

В феврале 1917 г. в России произошла революция, и 27 марта 1917 г. в воззвании Петроградского Совета «Польскому народу» было признано право польского народа на полную государственную самостоятельность: «Демократия России стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов и провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении. Посылаем польскому народу свой братский привет...»¹. Из обращения нельзя понять, имелась ли в виду вся территория Польши или только Царство Польское как часть Российской империи. В любом случае вопрос о границах новой Польши неизбежно становился одним из наиболее конфликтных. Руководители Петросовета знали, что польские лидеры видели независимую Польшу не в этнографических, а в исторических границах Речи Посполитой 1772 г., а до Октябрьской революции аналогичных решений по украинскому, белорусскому и литовскому вопросам не было.

Сформулировало свое отношение к польскому вопросу и Временное правительство: 29 марта 1917 г. появилось обращение «Полякам». Авторы этого документа также признали право поляков на независимость, и это право распространялось на все земли, «населенные в большинстве польским народом», то есть и на Австро-Венгрию и Германию. Однако Временное правительство сформулировало и определенные условия обретения независимости. Во-первых, восточная граница будущей Польши должна была устанавливаться по этнографическому, а не по историческому принципу², во-вторых, ей надлежало заключить «свободный военный союз» с бывшей метрополией, чтобы не допустить возможность перехода на враждебные России позиции. Все практические вопросы выхода Царства Польского из состава России Временное правительство оставляло на усмотрение Учредительного собрания, единственно уполномоченного принимать решения по вопросу границ. И, конечно же, само собой разумеющимся был республиканский характер будущего польского государства.

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО). Т. 1. М., 1963. С. 26.

² Подробнее см.: *Eberhardt P. Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej.* Lublin, 2004.

Позиция Временного правительства по польскому вопросу получила полную поддержку союзников¹. Временное правительство согласилось на создание Польской ликвидационной комиссии во главе с известным московским адвокатом А. Ледницким. Правительство также разрешило сформировать в России польскую армию. Созданная в 1915 г. на базе Пулавского легиона бригада в начале 1917 г. была преобразована в дивизию, а в июле того же года А.Ф. Керенский дал согласие на формирование одного польского корпуса. В августе 1917 г. 1-й польский корпус был создан. Местом дислокации была определена Белоруссия, командовал соединением генерал Иосиф (Юзеф) Довбор-Мусницкий².

Приход к власти в России большевиков был с энтузиазмом встречен польскими революционерами³. Далее судьба Польши обсуждалась в ходе мирных переговоров в Бресте. По Брестскому договору (3 марта 1918 г.) Советская Россия признавала оккупацию Центральными державами Царства Польского, а декретом Совета Народных Комиссаров от 29 августа были аннулированы все договоры, заключенные правительствами бывшей Российской империи с Пруссией и Австрией о разделах Польши. Начиналась новая полоса в борьбе поляков за свое независимое государство. По словам наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, заключенный в Бресте договор «оторвал Польшу от России»⁴. Отказ России от договоров о разделе Польши дал возможность польским политикам требовать восстановления своего государства в границах 1772 г., то есть включения в ее состав территорий, которые, согласно «Декларации прав народов России», большевики считали неотъемлемой частью российского государства.

¹ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów, 1866–1925. S. 337–338.

² *Копрус Ю.* Довбор-Мусницкого очень скоро достиг численности около 23 тыс. солдат и офицеров, но уже к ноябрю 1916 г. его ряды сократились до 15 тыс. чел. (Подробнее см: *Wrzosek M.* Polskie formacje wojskowe podczas I wojny światowej. Białystok, 1977. S. 217).

³ Тысячи поляков приняли участие в свержении Временного правительства и строительстве советского государства. Наиболее влиятельными среди них были Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, Я. Ганецкий, Ю. Лещинский-Леньский, К. Радек, занимавшие высокие государственные и военные посты в Советской России. В 1918 г. начала формироваться польская Западная дивизия.

⁴ ДМИСПО. Т. 1. С. 216.

Это стало одной из причин начавшейся в 1919 г. очередной, теперь уже польско-советской войны.

Заклучив мирный договор в Бресте, Центральные державы практически вывели Россию из числа великих держав, обеспечили себе возможность создать на востоке буферную зону из зависимых от них государств-лимитрофов¹. Польское королевство в этих немецких планах играло ключевую роль, поэтому державам Антанты важно было привлечь его на свою сторону². Свидетельством происходившей консолидации правой части польского политического спектра можно считать публикацию воззвания «К польскому народу» регентского совета от 7 октября 1918 г. В нем были повторены основные постулаты западных союзников по польскому вопросу: создание из всех польских земель независимого в политическом и хозяйственном отношении государства, имеющего доступ к морю, существование которого будет гарантировано международными договорами. Авторы воззвания объявили также о намерении распустить Государственный совет, исполнявший роль парламента (сейма), создать правительство с представительством всех партий, подготовить закон о выборах и созвать сейм, которому будет передана власть³. Но и после этой декларации все нити управления польскими территориями продолжали оставаться в руках немцев, лишь 9 ноября фон Безелер пообещал передать власть регентскому совету с 1 декабря 1919 г.⁴

Итак, инициатива в решении вопроса о восстановлении независимой Польши в ходе войны постепенно уходила из рук России и Германии, поскольку ни одна, ни другая сторона не были готовы выйти за рамки сугубо компромиссных вариантов предоставления частичной и формальной независимости Польше, а по сути – оставить

¹ Лимитро́ф (лат.: *limitrophus* – пограничный) – (ист.) в Римской империи пограничная область, обязанная содержать находившиеся на ее территории императорские войска; государства, возникшие после 1917 г. на территории бывшей Российской империи – *Прим. ред.*

² *Piszczkowski T.* Odbudowanie Polski 1914–1921. Historia i polityka. Londyn, 1969. S. 107.

³ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów, 1866-1925. S. 415.

⁴ *Suchcitz A.* Administracyjna i wojskowa spuścizna po państwach centralnych w listopadzie 1918 roku // *U progu niepodległości Polski. Wrzesień 1918 – marzec 1919.* Londyn, 1990. S. 64.

поляков экономически и внешнеполитически зависимыми от внешнего фактора. На заключительном этапе войны ни Советская Россия, ни Германия не оказывали серьезного воздействия на урегулирование польского вопроса и определение новых польских границ. Центрами принятия судьбоносных решений стали сами польские земли, новый лидер Польши Юзеф Пилсудский, а также государства Антанты и США.

СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: БОРЬБА ЗА МАРИБОР

Образование Государства словенцев, хорватов и сербов (Государство СХС) 28 октября 1918 г. стало переломным моментом в истории словенского народа, который впервые получил независимость. 29 октября верховный законодательный орган Центральное народное вече заявило о выходе из Австро-Венгерской монархии. Государство провозглашалось суверенным с включением в его состав портового города Риека и югославянского населения бывшей Дунайской империи, независимо от того, на какой территории оно проживает. Вопрос о формах государственной власти и внутреннем устройстве Государства СХС должно было решить учредительное собрание. Временная же верховная власть в стране передавалась Народному вече словенцев, хорватов и сербов с местом пребывания в Загребе. Однако новое государственное образование, не получив официального признания, не могло установить свои границы, и это стало его основной проблемой.

31 октября Народное вече официально заявило о выходе из войны и о своей нейтральной позиции, однако Антанта не считала Государство СХС союзническим и не торопилась признавать его. Великие державы не имели общей позиции в вопросе о его статусе. Создание единого югославянского государства играло им, особенно Англии и Франции, на руку для урегулирования отношений с Италией в вопросе о реализации Лондонского договора¹.

¹ Имеется в виду подписанный в Лондоне 26 апреля 1915 г. секретный договор между странами Антанты (Великобританией, Францией, Россией) и Италией о выходе последней из Тройственного союза и вступлении в войну на стороне Антанты. Взамен по окончании военных действий Италия рассчитывала на территориальные приращения за счет части земель Австро-Венгрии и некоторых других – *Прим. ред.*

В Мариборе, центре Нижней Штирии, весть о создании Государства СХС вызвала бурную реакцию немецкого населения. Манифестации сопровождались агрессивными проявлениями: были разбиты окна словенских домов, а словенскую типографию «Кирилла» и Национальный дом забросали камнями¹. В ответ на это лейтенант Иван Гранчер организовал словенскую манифестацию, в которой приняли участие, как военные, так и гражданские лица. Собравшись у Национального дома, словенские солдаты сорвали с мундиров имперские знаки отличия.

30 октября на заседании Общинного совета Марибора, состоявшего из немцев, было заявлено, что «свободно избранный общинный совет немецкого (курсив мой. – *Н.П.*) города Марибор, основываясь на инициативе президента Вильсона о праве народов на самоопределение, провозглашает частью нового немецко-австрийского государства город Марибор вместе с прилегающим к нему немецким экономическим предместьем»². Что касается словенцев, то они трактовали заявление Вильсона в свою пользу. Современник событий Андрей Злобец позднее в своих мемуарах отмечал: «Мы поверили словам американского президента... На основе его заявления уже теоретически существовали Югославия, Чехия, Польша, Венгрия, правда ни одно из этих государств не имело границ. Конечно же, каждое государство хотело заполучить как можно больше территорий бывшей монархии. Этого хотели и мы».

12 ноября 1918 г. образованная на развалинах Австро-Венгрии Немецкая Австрия была провозглашена демократической республикой. 22 ноября временный парламент в Вене принял закон о землях и границах, который определил: «Граница в Штирии на востоке идет по языковой границе, затем по восточной границе Ленартского и Птуйского округов, до выхода р. Дравы из страны, оттуда через Прагерско на вершину Похорья и затем вдоль него до границы Каринтии южнее Дравограда, так что бассейн реки остается в границах немецких земель»³. Это означало, что словенцы, проживавшие

¹ *Ude L.* Voj za severno slovensko mejo 1918–1919. Maribor, 1977. S. 78.

² *Marburger zeitung.* 1918. № 51.

³ *Нечак Д., Рене Б.* Перелом 1914–1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне. Любляна, 2012. С. 374.

в Нижней Штирии и Каринтии, оставались в составе нового немецкого государственного образования.

Следует отметить, что словенцы Каринтии, Дравской долины с Похорьем и Штирии с Марибором подвергались давлению со стороны немцев на протяжении всей истории сосуществования двух народов¹. Однако «онемечивание» касалось не столько населения, сколько самих территорий. Словенцы сопротивлялись германизации в культурном плане, поэтому ассимиляция осуществлялась путем экономического давления. В первую очередь, через переселение на эти земли немцев. В статье «Немцы в Словении» историк Фран Цвиттер привел данные, свидетельствующие о массовом притоке немцев на словенские земли².

Важно учитывать, однако, что главным критерием для определения национальной принадлежности был разговорный язык. Следовательно, данные Цвиттера свидетельствовали не столько об увеличении немецкого населения как такового, сколько об усилении немецкого влияния на этих словенских землях.

29 октября в Мариборе, в типографии «Кирилла» состоялось заседание Национального совета Штирии, в котором участвовал майор Рудольф Майстер³. На заседании он резко критиковал Национальный совет Марибора за уступчивость немцам, особенно за предоставление им продовольственных квот. Майстер вспоминал: «Мне показалась наша услужливость неуместной, и в ходе заседания Национального совета 29 октября я еще раз подчеркнул, что мы должны, прежде всего, обеспечить Марибор, а уже потом предоставить концессии немцам»⁴. На следующий день председатель Национального совета Верстовшек предложил немецким представителям обсудить национальный вопрос, однако получил отказ, который был мотивирован необходимостью решить экономические вопросы и проблемы безо-

¹ *Ude L.* Op. cit. S. 68.

² *Zwitter F.* Nemci na Slovenskem // *Sodobnost*. 1938. Letnik 6. Št. 11/12. S. 494.

³ Майстер, Рудольф (1874–1934) – словенский военный, служил в армии Австро-Венгерской империи, затем Королевства СХС, генерал (1918 г.), поэт; активный участник национально-освободительной борьбы словенцев. В 1918 г. деятельно отстаивал словенскую северную границу и г. Марибор. В 1921–1923 гг. являлся председателем комиссии по установлению западной границы – с Италией.

⁴ *Slovenec*. 01.11.1928. Št. 251.

пасности. Переговоры о переходе власти к Национальному совету продолжались и 31 октября. Местные областные управы в Нижней Штирии перешли под контроль словенцев, в то время как Марибор с немецким общинным советом и армией в любой момент мог силовым путем уничтожить словенские завоевания.

В ходе встречи с немецким командованием 1 ноября полковник Голик сообщил, что с фронтов приходят плохие вести, армия возвращается домой и по пути грабит склады, расположенные вдоль железных дорог. Для Марибора, отметил он, наступают тяжелые времена, поскольку через него транзитом проходит значительная часть эшелонов¹. Голик предложил план действий, направленных на сохранение мира и порядка в городе. Однако план этот начинался словами, что Марибор принадлежит Немецкой Австрии². После этих слов, как пишет Майстер в своих воспоминаниях, он осознал, что судьба Марибора теперь зависела от него. Обратившись к военным, Майстер объявил, что принял на себя верховное командование, и выразил надежду, что в случае необходимости солдаты встанут на сторону Югославии³. Эти слова были встречены с большим воодушевлением⁴. Поскольку звание майора не соответствовало той мере ответственности, которую возложил на себя Майстер, он обратился к Национальному совету в Любляне с просьбой произвести его в чин генерала, что впоследствии было сделано.

Поскольку численность находившихся в подчинении Майстера словенских солдат была невелика, а угроза, нависшая над Марибором, вполне реальна, 3 ноября Майстер заключил договор о созда-

¹ Вот как описал обстановку А. Злобец: «Великие армии разбились, как могучая река, о скалы. Каждый солдат спешил попасть домой, как только мог. Везде царил анархия, толпы людей громили склады, останавливали поезда и крали все, что можно было унести, брали все, что было невоенным. Раненые и больные во многих госпиталях остались без медицинского обслуживания, без врачей и без лекарств. Любой парень был при оружии. Лошади без седоков скакали вдоль дорог» (*Zlobec A. V bojih za severno in južno mejo. Ljubljana, 2009. S. 19*).

² Slovenec. 01.11.1928. Št. 251.

³ Использование данного топонима не случайно. Как вспоминал А. Злобец, «мы в то время не использовали название Государство СХС, для нас существовало только имя Югославия» – *Прим. ред.*

⁴ Slovenec. 01.11.1928. Št.251.

нии совместной с немцами Службы безопасности (Schutzwehr). Идя на сотрудничество, обе стороны понимали вынужденный характер этой меры. Член исполнительного отдела Службы безопасности Хенрик Вастиан отмечал: «Мы должны вступить в отношения с противоположной стороной, с генералом Майстером, хотя это нам очень неприятно»¹. Майстер, в свою очередь, констатировал: «Мне с самого начала было ясно, что, создавая Службу безопасности, местные власти имели в виду только одно: сохранить Марибор для себя»².

7 ноября генерал пригласил на службу 150 сербов, возвращавшихся из австрийского плена. В ответ часть немецких железнодорожников объявила забастовку протеста. К слову, выступления железнодорожников были в те дни обычным явлением. Так, например, немецкие служащие объявили забастовку после того, как словенские студенты на вокзале сбили надписи на немецком языке. Она продолжалась до тех пор, пока нанесенный ущерб не был возмещен.

9 ноября без одобрения Национального совета в Любляне Майстер объявил фактическую мобилизацию: «Граждане, югославяне! Мы получили новую, свободную и сильную родину. Но это не означает, что пришел конец нашим трудностям. Возвращаются домой солдаты армий всех национальностей. Тысячи их проходят через наши земли, сжигая и грабя всех и вся на своем пути. Поэтому наш долг защитить свою родину, имущество и жизнь наших близких. Посему призываю всех мужчин, жителей Нижней Штирии, рожденных с 1879 по 1900-й годы, явиться в Марибор и Целье к 18 ноября. Того, кто не явится в указанные сроки, мы будем считать дезертиром и предателем родины»³. Проведенная мобилизация значительно укрепила положение словенцев. С 23 ноября по приказу Майстера началось разоружение немецких частей. Был захвачен почтамт, все его отделения и телеграф. Вскоре сложила оружие и Служба безопасности. В тот же день часть 26-го сербского пехотного полка захватила г. Шпилье, что побудило австрийскую сторону перейти к переговорам об установлении демаркационной линии. С этой целью в Марибор прибыл полковник Рудольф Пасси. 27 ноября он заключил с Майстером

¹ *Ude L.* Op. cit. S. 96.

² *Ibid.* S. 101.

³ *Ibid.* S. 103.

договор о демаркации, по которому части Штирийского пограничного командования должны были дислоцироваться в полосе Радгона – Придова – Шентвид при Вогаве – Ивник – Шентпавел – Словенски Шмихел – Крнски град – Бельяк – Шмохор. Но эта граница не была одобрена ни Веной, ни Любляной¹. Майстера обвинили в превышении полномочий и запретили вести переговоры о границе. Злобеч в связи с этим заметил, что Майстер «был человеком решительным, который знал, что и как делать, но правительство в Любляне относилось к нему неблагоприятно. Вместо поддержки оно ставило ему палки в колеса»². Единственное, что сделало в тот момент национальное правительство, -позволило Народной страже отправиться в Марибор, но в качестве добровольцев, а не регулярной армии.

В начале декабря в Нижней Штирии началась всеобщая забастовка железнодорожных служащих. В этой ситуации на помощь Марибору пришла Любляна, которая обратилась к служащим словенской Южной железной дороги с просьбой прислать железнодорожный персонал для восстановления сообщения между Любляной и Марибором. Несмотря на забастовки, Майстеру удалось 1 декабря занять Радгону, 3 декабря Цмурек, Лучане, Радле у Дравы, Дравоград, Лабот и Шентпавел³. 29 августа 1919 г. было окончательно решено, что в Штирии не будет проводиться плебисцит и что река Мура станет границей между Австрией и Королевством СХС⁴. Кроме того, было решено, что Радгона переходит к Австрии, а Марибор к Королевству СХС. На этих основаниях и была установлена граница в Штирии.

Что касается Каринтии, территории на юге Австрии, то здесь вопрос о границе решался иным способом. Каринтийский ландтаг 25 октября 1918 г. принял решение о неделимости Каринтии. Но вооруженные столкновения продолжались еще и после создания в декабре 1918 г. Королевства СХС. Главную вооруженную силу

¹ *Guštin D.* Spopadi za meje // Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 198.

² *Zlobec A.* V bojih za severno in južno mejo. Ljubljana, 2009. S. 37.

³ *Ude L.* Op. cit. S. 81–88.

⁴ Королевство СХС (Королевство сербов, хорватов и словенцев) создано 1 декабря 1918 г. в результате объединения Королевства Сербии и Черногории и Государства словенцев, хорватов и сербов (Государства СХС). – *Прим. ред.*

австрийцев составляли отряды Народной армии Австрии (Volkswehr), которая в феврале 1919 г. была пополнена добровольцами.

Из округа Целье в Каринтию стали пробиваться части под командованием подпоручика Франьо Малгая, словенца по происхождению. Они заняли Межицкую долину, Плиберк и Великовец, где в ноябре 1918 г. смогли удержать натиск австрийцев, наступавших из Целовца (Клагенфурта). Западная Каринтия с местечком Боровле после провозглашения национального правительства была занята отрядами сотника Альфреда Лаврича. Однако Национальное правительство в Любляне выступило против захвата Целовца, объясняя это тем, что у него нет необходимых средств для обеспечения операции.

5 декабря 1918 г. каринтийский ландтаг постановил оказывать сопротивление любым попыткам «югославских отрядов» продвигаться вперед¹. Первое наступление по всей линии австрийцы начали 5 января 1919 г. Оно было успешным: 7 января словенские части, потеряв значительные территории, откатились к подножью горного хребта Караванке – естественной границе между Австрией и Словенией. 19 января было подписано перемирие, согласно которому граница устанавливалась по линии, занятой воевавшими сторонами на момент приостановки боевых действий. Когда же стало ясно, что Королевство СХС не получит тех территорий в Каринтии, на которые рассчитывало, перемирие было нарушено. 29 апреля 1919 г. словенские части перешли демаркационную линию, но в результате начавшегося 2 мая контрнаступления австрийцев они в беспорядке отступили в Межицкую долину. Австрийцы продвинулись до Словень Градеца. 28 июня началось новое наступление словенцев, которым командовал Майстер. Оно закончилось взятием 6 июня Целовца и Госпосветского поля.

Злобец, отмечая, что вопрос Каринтии был весьма болезненным, писал: «Генерал Майстер действовал по своему разумению и совести, принимая неожиданные решения, но ни его военные победы, ни мобилизация, которую он провел по собственному почину, не могли убедить правительство в Любляне, что Каринтию необходи-

¹ *Guštin D.* Spopadi za Koroško// Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 215.

мо занять. В то время Австрия не имела определенных границ. И если бы мы заняли наши земли... не нужно было бы потом при помощи плебисцита решать, чьи они»¹.

Вопрос о Каринтии получил продолжение на Мирной конференции в Париже, начавшейся 12 января 1919 г. Одной из заметных фигур на ней был словенский теолог, профессор, дипломат и политик Ламберт Эрлих. С 26 января по 6 февраля 1919 г. в Каринтии работала комиссия Майлса (в некоторых изданиях – Милеса. – *Н.П.*)². В нее входили Л. Эрлих, полковник Ле Рой Кинг, географ американского генерального штаба майор Лоренс Мартин и профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Роберт Кернер. Район обследования оказался ограниченным. По сообщению Эрлиха, из-за снежных заносов комиссия не смогла посетить большую часть словенских поселений в основных районах и передвигалась только по дорогам, вдоль которых проживало немецкое или онемеченное население. Кроме того, комиссии не удалось побывать в трех районах, населенных словенцами (в долине реки Зила, на территории к северу от железной дороги Целовец–Бельяк и в землях севернее и северо-западнее от Целовца)³.

Неполнота полученных материалов не повлияла на заключение комиссии о том, что среди словенской части населения проюгославские настроения не являлись доминирующими. Словенским вооруженным частям предписывалось покинуть Каринтию, вплоть до окончательного установления государственной границы между Австрией и Королевством СХС. Последнюю предлагалось провести по вершинам хребта Караванке. В результате 70 тыс. словенцев оказались бы в Австрии. Выводы комиссии не были приняты на Мирной конференции во внимание. Все материалы были переданы в архив, где мертвым грузом пролежали до 1953 г.⁴

¹ *Zlobec A. V bojih za severno in južno mejo. S. 56.*

² Майлс, Шерман (1882–1966) – американский военный деятель; в рассматриваемое время – полковник, впоследствии генерал-майор; в 1912–1914 гг. – военный атташе США на Балканах; в рамках миссии Кулиджа по изучению обстановки в Австрии (январь 1919 г.) руководил комиссией, посетившей Каринтию – *Прим. ред.*

³ *Perovšek J. «V zaželjeni deželi». Ljubljana, 2009. S. 95.*

⁴ *Ibid.* S. 91.

Споры продолжались... 12 мая 1919 г. Совет четырех¹ принял комбинированное решение: установить границу между Австрией и Королевством СХС по хребту Караванке, а среди населения Целовецкой котловины провести плебисцит. Югославская сторона предложила альтернативный вариант границы, авторами которого стали И. Жоглер, О. Рибарж и Л. Эрлих². В соответствии с ним территория, охватываемая плебисцитом, сокращалась: разделительная черта проходила от вершины Малошко Полдне в Караванке, далее западнее от Башкега озера до Дравы, по Драве до Рожека, по Глинице и Глини до устья Крки и по Крке вверх. Территориальная комиссия конференции этого предложения не одобрила. Окончательное решение, принятое 30 мая 1919 г, признало необходимость проведения плебисцита во всей Целовецкой котловине. Это решение было все же более выгодным для югославской стороны, поскольку снимало вопрос о проведении границы только по хребту Караванке³, хотя в этом районе немцы имели большинство и исход плебисцита был предрешен. Тем не менее, югославская делегация в ответе 31 мая выразила недовольство неоднократным игнорированием ее предложений по ходу конференции и подчеркнула, что, по ее ощущениям, великие державы любым путем хотят изгнать югославян из Каринтии⁴.

4 июня Совет четырех принял решение разделить Целовецкую котловину на две зоны – «А» и «В». Зона «А» включала в себя юго-восточную часть котловины (1768 кв.км; 73 488 жителей, из которых 69,18 % считали словенский языком общения). В зону «В» вошел Целовец с окрестностями (352 кв. км). В этой зоне голосование должно было состояться только в том случае, если бы большинство в зоне «А» высказалось за Королевство. Таким образом, плебисцит сначала должен был пройти в зоне «А», а затем в зоне «В». В этом районе действовало прежнее руководство под контролем междуна-

¹ Совет четырех или **Большая четверка** – лидеры ведущих стран – союзниц на Парижской мирной конференции: Вудро Вильсон (США), Дэвид Ллойд-Джордж (Великобритания), Витторио Орландо (Италия) и Жорж Клемансо (Франция).

² *Grafenauer B. Slovenska Koroška v diplomatski igri 1919.* Ljubljana, 1970. S. 327.

³ *Perovšek J. «V zaželjeni deželi».* S. 103.

⁴ *Ibid.* S. 104.

родной плебисцитной комиссии, что полностью исключало словенцев из управления указанной территорией¹.

Плебисцит состоялся 10 октября 1920 г. В нем приняли участие почти 96% жителей, обладавших правом голоса. За Австрию проголосовали 22 025 чел., или 50,04 % от числа голосовавших. За присоединение к Королевству СХС – 15 279 чел. или 40,96 %. Поскольку на территории зоны «А» до войны проживали свыше 50 тыс. словенцев (более 69 %) и менее 31 % составляли немцы, то, по крайней мере, 10 тыс. словенских голосов было отдано за Австрию². Каринтийские словенцы в 1920 г. окончательно решили остаться в Австрии. «Признать результаты плебисцита, – писал Б. Графенауэр, – значит признать все то насилие над словенским народом и те ошибки, которые совершили немецкие империалисты в Каринтии за последние сто лет»³.

Почему же 10 тыс. словенцев проголосовали за Австрию?

В первую очередь, на их решение повлияла довольно агрессивная политика германизации. Австрийская пропаганда заявляла, что позаботится о словенском национальном меньшинстве и сделает все возможное, чтобы словенцы чувствовали себя спокойно и благоустроено. Кроме того, она давила на «областной» патриотизм и подчеркивала выгоду проживания в социально обеспеченной демократической республике, где, в отличие от королевства СХС, не было воинской обязанности⁴. Для крестьян, которые составляли большинство словенского населения, в первую очередь, была важна экономическая составляющая, а именно торговая связь с Целовцем.

* * *

Таким образом, становление северной границы проходило весьма сумбурно. Граница со Штирией была результатом инициативы Майстера, который, не желая мириться с пассивностью Любляны, стал лично контролировать ситуацию и достиг неплохих результатов. Что касается границы с Каринтией, то она была практически сразу

¹ *Grafenauer B.* Slovenska Koroška v diplomatski igri. S. 350.

² *Нечак Д., Пене Б.* Перелом 1914–1918. С. 382.

³ *Grafenauer B.* Koroški slovinci v zgodovini. Ljubljana, 1945. S. 31.

⁴ *Troha N.* Koroški plebisit. Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005. S. 215.

взята под надзор международных сил, хотя это не удержало стороны от кровопролития. Решение словенского населения Каринтии остаться в составе Австрии, в первую очередь, объяснялось сугубо экономическими интересами. В новом Королевстве СХС не было железнодорожной связи между словенскими землями и Белградом. Словенское население, которое было представлено, прежде всего, крестьянством, не видело для себя иного рынка сбыта, кроме австрийского, неизвестность, которая их ждала в новом государстве, пугала. Поэтому ни национальная идея, ни страх перед ассимиляцией не смогли перевесить чашу весов, на которой покоилось экономическое благосостояние, пусть и относительное. Несомненно, что со стороны австрийских властей словенское население испытывало притеснения, но здесь действовала своя логика: если на протяжении нескольких столетий словенцев не удалось ассимилировать, то почему это должно произойти сейчас? Несмотря на то, что согласно Сен-Жерменскому договору Австрия обязалась обеспечить словенцам языковые права, эти обещания были выполнены частично. Словенцы продолжали подвергаться притеснениям, многие впоследствии были вынуждены переселиться в Королевство СХС. Немалую роль в давлении на словенское население сыграла организация «Отечество – Каринтия» (Kärntner Heimatdienst).

После Сен-Жерменского мирного договора с Австрией 10 сентября 1919 г. и плебисцита 10 октября 1920 г. спорный пограничный вопрос был почти на четверть века снят с актуальной повестки дня в международных отношениях. Снова он был поднят только в конце Второй мировой войны.

ЦАРЬ БОЛГАР БОРИС III: ОТ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ К РЕЖИМУ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (1918–1935)

В исторической науке крах коммунистических режимов сопровождался пересмотром устоявшихся выводов и оценок, соответствовавших марксистско-ленинской исследовательской парадигме. У нас заговорили о новых подходах к историческому прошлому, о недопустимости при его изучении идеологизации и политизации, о плюрализме интерпретаций в противовес прежним «окончательным» партийным суждениям. В болгарской историографии аналогичный процесс получил определение «реинтерпретация». С ней связывают начавшийся двадцать с лишним лет назад период «нового прочтения» истории, кардинальной смены оценок исторических фактов и событий, отказа от прежних идеологических штампов. По сути, «реинтерпретация» представляет собой современную исследовательскую парадигму, которая в условиях динамичного научного обмена и интенсивных научных контактов не имеет особой альтернативы¹.

Как всякое масштабное явление, связанное с реальной действительностью, «реинтерпретация» имеет свои плюсы и минусы. Плюсы связаны с поиском новых ракурсов исследования, появлением новых направлений, расширением исследовательского «поля», вниманием к междисциплинарному подходу при изучении исторических процессов и личностей. Минусы также достаточно очевидны: немало примеров, когда на смену старым политически ангажированным мифам приходят мифы новые, призванные обслужить интересы существующих властных структур, решить задачи политической стратегии, опираясь на новые интерпретационные схемы. Столкновения и борьба интерпретаций нередко становятся частью «битвы за прошлое», которую

¹ *Поппетров Н.* За интерпретацията на българската история на новото и най-новото време // Историкии. Научно изследване в чест на доцент д-р Стоян Танев по случай неговата 70-годишнина. Шумен, 2007. С. 815.

ведут между собой новые партии и элиты¹. Такое «конъюнктурное» содержание «реинтерпретации» вкупе с «любительско-журналистскими набегам на историю» (удачное определение Р. Даскалова²) вызывает справедливую критику со стороны болгарского исторического сообщества. Так, известный своим широким исследовательским диапазоном и, в частности, работами о политических режимах историк Николай Поппетров четко связывает этап «реинтерпретации» с «посткоммунистической безответственностью при освещении прошлого»³.

Проблемно-хронологический диапазон проблем, которые обсуждаются в болгарской исторической науке с позиций «реинтерпретации», велик: от болгарского национального Возрождения до сквозной «русофильской парадигмы» в истории Болгарии, социалистического прошлого и связанного с ним «советского фактора». Важное место в этом перечне принадлежит и остающейся в поле зрения исследователей проблеме болгарского фашизма и, в частности, его национальной разновидности – монархо-фашизму, связанному с именем царя Бориса III.

Дискуссии о «болгарском фашизме» имеют длительную историю. Достаточно вспомнить хорошо известные специалистам словесные баталии на страницах журнала «Исторически преглед» (1967–1968 гг.) или дискуссию 1969 г. в Институте истории БКП о режиме «19 мая». Хотя прийти к согласию участникам не удалось, но под сомнение были поставлены прежние представления о «долгом» фашизме в Болгарии, наметилась переоценка в хронологии «прорыва» в фашистской диктатуре и пр. Под влиянием дискуссий возрос интерес к национальным разновидностям фашизма и сравнительным исследованиям «фашистских диктатур» в Центральной и Восточной Европе, причем, это отличало не только болгарских историков⁴.

¹ Бунджулов А. Битката за миналото // Лица на времето. Т. 1. София, 1996. С. 157–168.

² Даскалов Р. От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София, 2009. С. 483.

³ Поппетров Н. За интерпретацията на българската история. С. 805.

⁴ Жарновский Я. Проблема авторитарных и диктаторских режимов в Центральной и Восточной Европе в период между двумя мировыми войнами // *Etudes balcaniques*. 9 (73). Кн. 2. С. 93–105; Гришина Р.П. К вопросу о болгарской разновидности фашизма // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М., 1981. С. 101–119.

В 1970-е гг. в болгарской историографии появляется определение «фашизация» (особенно активно и плодотворно его популяризировал авторитетный исследователь Владимир Мигев). Отраженная в этом термине динамика закрепила подход к фашизму как к процессу с разной степенью завершенности. Как следствие, появились уточняющие оценки: например, массовые общественно-политические организации второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. характеризовались как «протофашистские», «профашистские», «фашизоидные» и собственно «фашистские»¹, а при описании морально-психологического состояния болгарского общества после поражения в Первой мировой войне предлагалось использовать определение «фашизоидный климат»² с существенной компонентой – настроениями реванша.

Именно в такой обстановке и вззошел 3 октября 1918 г. на царский трон Борис III (полное имя Борис Клемент Роберт Мария Пий Станислав Саксен-Кобург-Готский), сменив на нем отца – первого «царя болгар» Фердинанда. Представитель Саксен-Кобург-Готской династии, по матери внук французского короля Луи Филиппа I, по отцу внук Фердинанда Саксен-Кобург-Заальфельдского, князь, а затем царь Болгарии Фердинанд был высокообразованным человеком, одаренным ботаником, энтомологом, филателистом. Заложенный им парк в царской резиденции «Врана» недалеко от столицы Софии и сегодня поражает богатейшей коллекцией растительных видов. Любовь к биологии и охоте он передал старшему сыну Борису.

При находившемся на болгарском престоле более 30 лет (1887–1918 гг.) Фердинанде страна обрела независимость, получила статус Царства (1908 г.), превратилась в лидера на Балканах, одержала впе-

¹ *Поппетров Н.* Организацияте «Отец Паисий» и «Българска орда» през Втората световна война // Исторически преглед. 1987. Кн. 9. С. 32–49; *его же.* Идеино-политическите схващания на «Съюза на Българските национални легиони» и «Ратници за напредъка на българщината» в годините на Втората световна война // Исторически преглед. 1991. Кн. 6. С. 53–67; *Мигев В.* Фашистките младежки организации и политическото развитие на България (1934–1939) // Известия на Българското историческо дружество. София, 1974. Т. 29. С. 43–64; *Радулов Ст.* Основни течения в българския фашизъм // Известия на Института по история на БКП. 1989. Т. 63. С. 5–65.

² *Даскалов Р.* От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. С. 226.

чатляющую победу над Османской империей в Первой Балканской войне 1912 г. Но при нем же потерпела одну за другой две национальные катастрофы – в 1913 г. во Второй Балканской (Межсоюзнической) войне была разгромлена соседями и недавними союзницами Сербией и Румынией, а в 1918 г. оказалась в стане побежденных в Первой мировой войне государств¹.

Последствия участия страны в Великой войне были поистине трагическими: более 100 тыс. погибших и без вести пропавших, свыше 155 тыс. раненых, 112 тыс. пленных и заложников. Салоникское перемирие было подписано 29 сентября 1918 г. на условиях полной капитуляции Болгарии. Страна была оккупирована войсками Антанты.

Истинный масштаб бедствия стал очевиден с подписанием Нейского мирного договора 27 ноября 1919 г.² – по сути, жесткого диктата для Болгарии. Страна потеряла 1/10 часть территории (11.278 кв. км), на которой проживала 1/7 часть населения. По договору к Королевству сербов, хорватов и словенцев (Королевству СХС) отходили так наз. Западные окраины (часть Кульской околии, города Цариброд и Босилеград с окрестностями, а также город Струмица в юго-восточной Македонии). Болгария лишалась стратегического выхода к Эгейскому морю; вся Добруджа была закреплена за Румынией. Перекройка границ усугубила существовавшую еще со времени Балканских войн проблему беженцев, составивших к началу 1924 г. более 5% населения Болгарии. Болгария лишалась регулярной армии, а добровольческая, вместе с жандармерией и пограничными войсками, не должна была превышать 33 тыс. чел. Военно-морской флот сокращался до 10 кораблей; стране было запрещено иметь авиацию и любые виды тяжелого вооружения. Огромные репарации (2,25 млрд золотых франков, или почти 1/4 довоенного национального дохода

¹ Подробнее о личности и политике Фердинанда см.: *Жебокрицкий В.А.* Болгария в период Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961; *Вознесенский В.Д.* Кобурги в Болгарии // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 114–135; *Исаева О.Н.* Образ царя Фердинанда в донесениях российских дипломатов // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 50–58.

² Окончательно Нейский договор вступил в силу 9 августа 1920 г. на основании решения держав-победительниц.

Болгарии) легли непомерным грузом на разоренную войнами экономику. В форме контрибуций стране предстояло передать соседним странам большое количество скота, в течение 5 лет ежегодно поставлять Королевству СХС по 50 тыс. тонн каменного угля, компенсируя ущерб, нанесенный угледобывающей отрасли.

Помимо людских потерь и удара по экономике, поражение в войне стало для болгар сильнейшей психологической травмой, причем и для населения, и для соотечественников, оставшихся по воле победителей за пределами страны. Эта травма облегчила распространение в Болгарии как крайне левых (коммунизм), так и крайне правых (фашизм) идей. Массовые настроения в пользу пересмотра Версальского договора стали определяющими, наблюдались на всех флангах общественно-политического спектра, и, главное, с течением времени не шли на спад. Однако в реальной обстановке мечта о национальном объединении оказалась под спудом: в последующие два десятилетия София не смела открыто ставить национальный вопрос. В условиях сопровождавшего войну кризиса демократии актуализировался вопрос о выработке болгарской политической модели и определении путей перехода страны к поступательному развитию. Фоном этого процесса являлись периодическое усиление напряженности в обществе, перманентные восстания и перевороты (июнь и сентябрь 1923 г., май 1934 г.). Вполне понятно, почему все исследователи, к какому бы направлению ни относились, признают сложность обстановки, в которой взошел на престол новый монарх¹.

Из нее проистекал и круг основных задач, вставших перед властью:

– в сфере внутривластной – разрешение накопившихся в результате войн противоречий; выработка линии поведения по отношению к скомпрометировавшим себя традиционной парламентарно-партийной системе и либеральным принципам, а также к властным претензиям крестьянской партии БЗНС и коммунистов;

¹ Йовков Й. Хроника на едно царуване. Ч. 1-2. София, 1989–1990; Груев С. Корона от тръни. Царуването на цар Борис III. София, 1991; Недев Н. Цар Борис III. Биография. София, 2001; Даскалов Д. Цар Борис III. Познатият и непознатият. София, 2001; Поппетров Н. Образът на цар Борис III в дневния ред на българското общество (1918–1943 г.) // Исторически преглед. 2002. Кн. 1–2. С. 44–74.

– в сфере внешнеполитической – правильное с точки зрения государственных интересов ориентирование в сложной международной обстановке и выбор сильного союзника.

Взрывообразный рост левых партий – коммунистической и социал-демократической, усиление авторитета и влияния БЗНС, межпартийная борьба за реальную власть в стране, завершившаяся в 1920 г. убедительной победой «земледельцев» на парламентских выборах и созданием однопартийного кабинета во главе с лидером Союза Александром Стамболийским маркировали первые годы пребывания Бориса III на престоле. Готовый в соответствии с нормами конституционной монархии «царствовать, но не управлять», Борис, обладавший, по словам его биографа С. Груева, «демократическими наклонностями» и принявший корону «безо всякого энтузиазма»¹, спокойно довольствовался бы таким положением, не оказавшись он лицом к лицу с крестьянским лидером, «неукротимым реформатором, человеком-ураганом». Амбиции Стамболийского полностью реформировать крестьянскую страну на принципах аграризма, пойти по «третьему» – крестьянскому – пути социального развития, установить «народовластие» в форме крестьянской кооперативной республики, создавали для неопытного монарха массу трудностей. Но вместе с тем однозначно-критическим его отношение к премьер-министру назвать нельзя. Безусловно, революционно-максималистский характер реформ правительства², крайности земледельческого правления не могли не настораживать монарха. Вряд ли Борис спокойно реагировал и на посягательства «оранжевых» (цвет знамени БЗНС) на Тырновскую конституцию, на институт частной собственности, на ущемление собственных прав, относившихся к сфере взаимоотношений монарха с парламентом, армией, на создание партийной «Оранжевой гвардии», подчиненной непосредственно руководству БЗНС. Вместе с тем царь считал многие идеи Стамболийского, в частности направленные на модернизацию болгарского села, подходящими для Болгарии и сами по себе хорошими³. Признавал он и его талант организатора

¹ Груев С. Корона от тръни. С. 99.

² Даскалов Р. От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. С. 151.

³ На страницах газеты «Земеделско знаме» от 6 марта 1922 г. Стамболийский представил привлекательную панораму преобразенного болгарского села, соответствовавшую стандартам развитых европейских стран того времени.

и оратора, политическую прозорливость, способность рождать оригинальные и передовые для своего времени идеи. В близком кругу Борис не раз сожалел об отсутствии у крестьянского лидера необходимого для ведения государственных дел серьезного образования¹. Исследователи отметили, что в своем окружении Борис, явно по аналогии с Александром Македонским, называл Стамболийского «Великим»². Царь искренне сожалел, узнав о трагической гибели Стамболийского, считал его «мучеником», «*Le pauvre grand homme!*» – «несчастливым великим человеком». В свою очередь, яростный республиканец Стамболийский, открыто сравнивший на съезде БЗНС всех монархов с «ядовитыми змеями» и пообещавший «вырвать [ядовитый] зуб» царю Борису, если тот вознамерится ужалить, в ряде случаев столь же открыто демонстрировал терпимость к монархическому институту, не спешил, утвердившись у власти, с его отменой. Некоторые исследователи объясняют это, помимо популярности молодого царя на Западе и в собственной стране, в том числе и среди части офицерства, личной симпатией Стамболийского к Борису III, признанием его патриотических настроений и готовности работать на национальную идею. Квинтэссенцией подобного отношения стало эмоциональное заявление Стамболийского перед ближайшими соратниками о том, что «если в один прекрасный день в Болгарии возникнет республика, то лучшего ее председателя, чем наш “царёнок”, нам не найти»³.

Диктаторские замашки крестьянского лидера вызвали резкую критику даже в левом лагере. Не случайно именно в это время в речах и статьях Г. Димитрова можно встретить определения «оранжевый фашизм», «фашизм сельской буржуазии». Признавая факт чрезмерного усиления БЗНС, проявившуюся в его политике репрессивную составляющую, партии, в том числе и коммунисты, временно смиривались имевшиеся разногласия.

Подготовленный военными и проведенный силами частей столичного гарнизона и курсантами военного училища антиправительственный переворот 9 июня 1923 г. привел к падению кабинета

¹ Груев С. Корона от тръни. С. 107, 109–110.

² Даскалов Р. От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. С. 164.

³ Груев С. Корона от тръни. С. 100–101, 112.

Стамболийского. Крестьянский руководитель был схвачен и убит. Компартия осталась нейтральной, исходя из принципа невмешательства в разборки «сельской и городской буржуазии» и представлявших их партий.

Царь Борис знал о подготовке переворота и, как вспоминал впоследствии в своих мемуарах (1953 г.) А. Цанков, попортил заговорщикам немало крови. Унаследовавший от отца умение хитрить и лавировать, монарх выжидал и никак не проявлял своего отношения к замыслу переворота. Такой прием вполне соответствовал усвоенной им тактике избегать прямых конфликтов, откладывать принятие решений, неприятные встречи и разговоры и даже «исчезать» в решающий час, выехав на охоту или «заблудившись» в лесу, где якобы в уединении обдумывал сложившуюся ситуацию. По сведениям С. Груева, осторожный и нерешительный монарх не торопился прояснить свою позицию и в данном случае, отказывался занять чью-либо сторону, заявив своему адъютанту Хр. Калфову, что не служит интересам каких-либо политических партий, а защищает «волю народа»¹. За несколько часов до переворота Борис вместе с сестрами Евдокией и Надеждой проездом навестил Стамболийского в его родном селе Славовица, где тот проводил отпуск. Гости привезли свежие фрукты и овощи из оранжерей царского дворца, хозяин подарил царю овчинный полушубок прекрасной выделки... Они мирно и дружелюбно общались. О чем говорили наедине – не известно и по сей день.

Получив известие о свержении правительства Стамболийского, Борис III предпочел на время исчезнуть. Прибывшая из Софии депутация несколько часов провела в ожидании и розысках ушедшего «на прогулку» царя, едва не дойдя до нервного срыва². По воспоминаниям Цанкова, депутаты были готовы самостоятельно выпустить указ об отставке правительства, сфальсифицировав подпись монарха, но, по счастью, дело до этого не дошло³. «Нашедшийся» Борис не сразу согласился подписать указ, заявлял о невозможности одобрить акт, о нежелании быть «соучастником конспирации», о том, что

¹ Груев С. Корона от тръни. С. 124.

² Поппетров Н. Образът на цар Борис III. С. 55.

³ Цанков А. България в бурно време. Спомени. София, 1989. С. 178.

его «дело – сторона» и что он даже готов к отречению от престола. Но, в конце концов, настойчивость прибывших сделала свое дело: указ был подписан¹. Возможно, сыграло свою роль и известие о том, что переворот не вызвал осуждения у французского посла в Софии².

Новый кабинет возглавил ректор Софийского университета профессор политэкономии Александр Цанков. Внешне правительство являлось коалиционным, включая гражданских лиц и представителей «старых» партий. Однако за фасадом коалиции скрывались военные, и в их руках оказались все основные министерства (внутренних дел и народного здравоохранения – генерал Иван Русев, иностранных дел и вероисповеданий – бывший адъютант царя полковник Христо Калфов, военного – генерал Иван Вылков). Но помимо официального правительства начал действовать конспиративный Конвент – некая высшая структура, состоявшая полностью из военных. Без его одобрения правительство не могло принять ни одного важного решения. Сеть местных «конвентов» покрыла всю страну. Их функция состояла в отслеживании развития событий на местах и установлении жесткого эффективного контроля за ситуацией³.

Борис не мог не понимать, что руководящая роль в управлении военных и даже намеки на их диктатуру не могли быть приняты международным сообществом, осудившим Болгарию на Парижской мирной конференции 1919 г. за «милитаризм и агрессивность». Нужно было предъявить миру коалиционный, демократический кабинет. И в августе 1923 г. эту задачу удалось решить. В роли своего рода либерально-демократической ширмы выступила новая партийная коалиция – Демократический сговор, сумевший, по мнению российского историка Р.П. Гришиной, вписаться в традиционную партийно-политическую систему⁴. Но реализовать свои цели в полной мере носители авторитаристской идеологии не смогли, а низкая результативность внешней политики кабинета Цанкова, невозможность проводить

¹ Цанков А. България в бурно време. С. 178–182.

² Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 162.

³ Марков Г. Военните в изпълнителната власт // 120 години изпълнителната власт в България. София, 1999. С. 108.

⁴ Болгария в XX веке. С. 165.

ревизионистскую политику во имя единства нации и бессилие изменить что-либо в международном положении страны также ослабляли режим.

Тем не менее обстановка в стране была далека от революционного подъема, который, как посчитали в Москве руководители Коминтерна, был способен под лозунгом единого антифашистского фронта смести «фашистское правительство» Цанкова и установить рабоче-крестьянскую власть. В соответствии с волонтаристскими оценками надвигавшейся «второй волны» мировой революции Москва и Коминтерн навязали компартии Болгарии курс на вооруженное восстание. Разразилась сентябрьская трагедия 1923 года...

В болгарской (1944–1989 гг.) и советской историографии события сентября 1923 г. получили пропагандистское название Сентябрьского восстания. Более того, за ним прочно закрепилась оценка «первого в мире» антифашистского выступления. Хотя реально речь шла, как признает ныне историография, о вооруженных бунтах, об их крестьянском, по преимуществу, характере и об индифферентности рабочих.

Итоги сентября не поддаются однозначной оценке. С одной стороны, в болгарском обществе возникла острая конфронтация, напоминавшая гражданскую войну, которая не стихала и в последующие два года. Это оказало свое воздействие на БКП: в 1923–1925 гг. компартия, потеряв значительную часть своего электората, оформилась как политическая сила самых бедных слоев болгарского общества. Отсюда проистекали легкость восприятия и твердая поддержка значительной частью коммунистов крайне левых и сектантских взглядов и, как следствие, пагубный курс партийного руководства на нелегальные методы борьбы и новое вооруженное восстание для захвата власти.

С другой стороны, правительство Цанкова получило возможность представить себя Западу в качестве борца против коммунистической угрозы и добилось смягчения некоторых военных ограничений Нейского договора. После победы на парламентских выборах в ноябре 1923 г. Демократический сговор ужесточил внутреннюю политику: были отменены все реформы кабинета БЗНС, принят Закон о защите государства (ЗЗД), по которому запрещалась деятельность

БКП и связанных с ней организаций, создающих нелегальные структуры и действующих революционными методами.

На политическом небосклоне Болгарии сгущались тучи. Подпольная Военная организация ЦК БКП провела ряд террористических актов против деятелей Демократического сговора в качестве прелюдии к новому восстанию. В ответ на «революционный террор» власти отвечали репрессиями: обыденным делом становятся убийства «при попытке к бегству». Напряжение в стране нарастало, как снежный ком.

Кульминацией стал взрыв купола софийского храма «Святого Воскресения» 16 апреля 1925 г., во время отпевания убитого боевиками-коммунистами генерала К. Георгиева – одного из основателей Военного союза. Осуществившие взрыв сотрудники Военной организации ЦК БКП рассчитывали одним ударом уничтожить всю правящую элиту во главе с монархом. Жертвами кровавой акции коммунистов стали более 140 человек – офицеров, генералов, гражданских лиц из числа простых прихожан, в том числе женщин и детей. Однако из руководителей страны никто серьезно не пострадал. Бориса III в момент взрыва в храме не было. Его спасло случайное опоздание к началу церковной службы.

Эффект от теракта оказался прямо противоположным задуманному: вместо ослабления власть получила «законный» повод для расправы со своими противниками и нанесла ответный удар, в результате которого местные организации компартии и БЗНС были фактически обезглавлены. На основе дополнения, внесенного в ЗЗД, суды массовым порядком выносили смертные приговоры не только обвиняемым в совершении общественно опасных преступлений, но и оказавшим им любое содействие. Не случайно 1925 год историография считает временем наиболее острого гражданского конфликта в новейшей истории Болгарии.

Масштабы карательных акций негативно сказались на имидже Болгарии за рубежом: в долгожданном международном займе для восстановления экономики правительству Цанкова было отказано. Усилились настроения в пользу смены кабинета и нормализации общественной жизни. В самом Демократическом сговоре в конце 1925 г. обособились два течения – крайне правое (Цанков и офицеры

Военного союза), выступавшие за продолжение прежнего открытого террора в стране, и умеренное (Ляпчев), предлагавшее ориентироваться на восстановление либеральной Тырновской конституции, гарантированных ею прав и свобод, и на введение жизни в стране в русло закона. Странников нормализации активно поддержал царь Борис III, стремившийся, помимо прочего, укрепить собственный авторитет.

После отставки Цанкова (январь 1926 г.) новый кабинет Демократического сговора сформировал Андрей Ляпчев, опытный политик, пользовавшийся влиянием в болгарских финансовых кругах. Руководствуясь девизом «Со кротце, со благо» («Кротостью и милосердием»), правительству удалось на короткое время успокоить общество, придать режиму определенную устойчивость. Народное собрание вернуло себе прежний авторитет, оппозиция усилила свою активность в печати, в 1926 г. был принят закон об амнистии, коснувшийся сотен заключенных. Правительство сумело добиться благосклонного отношения со стороны западных держав, особенно Великобритании. Характерно, что Ляпчеву приписывают следующую фразу, отражавшую его несомненный политический опыт и гибкость: «С англичанами, Священным Синодом и царем Борисом не ссорюсь никогда»¹. При Ляпчеве несколько улучшилась и экономическая ситуация: по решению Лиги наций Болгарии были отпущены два больших займа – «беженский» (для решения проблем с тысячами прибывших из Фракии и Македонии болгар) и «стабилизационный» (для укрепления финансово-экономического положения). С молчаливого согласия Великих держав в 1926–1927 гг. была восстановлена болгарская регулярная армия. Серьезные перемены в стране были очевидны. Однако они не коснулись прежней роли монарха – «царствовать, но не управлять», и до поры до времени она вполне устраивала Бориса.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. стало очевидным, что потенциал Демократического сговора сходит на нет. Изнутри его буквально разъедала борьба между соперничавшими группировками. Помимо сторонников Ляпчева и Цанкова в партии появилась претендовавшая на лидерство группа Атанаса Букова – политика и предпринимателя.

¹ Цит. по: Болгария в XX веке. С. 241.

«Лоскутный» Демократический сговор демонстрировал полное разъединение не только в руководстве, но и в кадрах и в массе рядовых членов. В таком состоянии правящий лагерь вступил в полосу экономического кризиса 1929–1933 гг.¹

В это время радикализация болгарского общества зримо проявилась в явном интересе к политическим моделям фашизма, причем наблюдавшееся в начале 1920-х гг. внимание к практике итальянского фашизма постепенно переключилось на германский национал-социализм² и возможности его «местного» применения. Правототалитарные режимы представлялись эффективным инструментом для восстановления внутреннего порядка и разрешения экономических проблем. Возникают новые политические объединения, воспринимавшие имевшуюся партийно-парламентскую систему как анахронизм.

В 1927 г. на политической сцене Болгарии появляется радикальная общественно-политическая группа «Звено» с лидером полковником Кимоном Георгиевым, состоявшая из патриотически настроенного офицерства и выступавшая за полную ликвидацию буржуазной демократии и установление сильной власти. Находясь под влиянием идеологии фашистской партии Муссолини и авторитарных организаций Испании, Португалии и др., «звенари» считали, что только сильная государственная власть, сосредоточенная в руках компетентной внепартийной политической элиты, могла реализовать национальные интересы. Подобные взгляды разделял и возникший в 1928–1929 гг. Тайный военный союз во главе с полковником Дамяном Велчевым, отводивший в управлении центральное место армии, способной противостоять погрязшим в склоках партиям. В это же время оформляется Союз болгарских национальных легионов, пропагандировавший национализм и шовинизм. В ноябре 1929 г. объявляет о своем создании фашистская организация «Родна защита». Цанков образует в 1932 г. Народное социальное движение – ультраправую партию, копировавшую идеи и формы итальянского и германского фашизма.

¹ Подробнее о положении в стране в период кризиса см.: Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 358–364.

² *Понпетров Н.* Фашизм в Болгарии: специфические черты // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 33.

Активизация авторитарных и профашистских течений в болгарском обществе вызывала ответную реакцию левых элементов, что еще больше повышало градус социального напряжения в обществе.

Парламентские выборы 1931 г. привели к рулю управления коалиционный Народный блок. С ним население, испытывавшее все тяготы экономического кризиса, связывало надежды на восстановление производства и уменьшение безработицы, однако правительство умеренных политических деятелей от Демократической партии Александра Малинова и Николы Мушанова (июнь 1931 – май 1934 г.) с трудом удерживали ситуацию. Страна нуждалась в жестких регламентациях, а министры – «демократы» указывали на необходимость расширения демократии. Рамки экономического мышления членов кабинетов от БЗНС определяли патерналистский курс в отношении крестьянства, что препятствовало в некоторой степени «очистительному» воздействию экономического кризиса¹. Ситуацию осложняла острая борьба внутри правительственной коалиции, которая к началу 1934 г. практически не могла функционировать нормально. Кризисное состояние общества при анемичной власти и усилении праворадикальных настроений создавали опасную критическую массу, которая неминуемо должна была найти себе выход.

Парадоксально, но разрядил обстановку очередной государственный переворот. Утром 19 мая 1934 г. страна проснулась при новом правительстве во главе с К. Георгиевым. К власти пришли деятели Военного союза и группы «Звено». В обстановке экономического и политического хаоса обещания переворотчиков «сильной рукой навести порядок» в стране поначалу встретили одобрение общества. Первыми же декретами нового правительства отменялась Тырновская конституция, был распущен парламент, запрещены все политические партии, ликвидирована свобода слова, введена строгая цензура. Управление при помощи указов, имевших силу закона, означало ликвидацию основного демократического принципа разделения властей. Идее сильной государственной власти предстояло воплотиться и в создании централизованной административной системы, для чего 16 округов сливались в 7 областей с назначавшимися директорами

¹ Болгария в XX веке. С. 219.

(губернаторами). Местное общинное самоуправление ликвидировалось, что сразу вызвало недовольство населения. Усилились репрессии против коммунистов. Важным моментом в череде мероприятий стало ограничение властных функций монарха, сведение их к символическим и декоративным атрибутам. В сфере экономики продолжалось усиление роли государства, создавались государственные монополии.

Новый режим попытался изменить внешнеполитическую линию страны, чтобы вырвать Болгарию из состояния опасной изоляции на Балканах, усилившейся после создания так называемой Балканской Антанты В ее состав вошли Югославия, Греция, Румыния и Турция, заключившие 9 февраля 1934 г. военно-политический союз (Балканский пакт). Зафиксированный в пакте принцип нерушимости границ был встречен в Болгарии резко критически и расценен как проявление враждебности. София ответила восстановлением в июле 1934 г. дипломатических отношений с СССР и, пытаясь ослабить давящий обруч Балканского пакта, взяла курс на улучшение отношений с соседней Югославией.

«Деятели 19 мая» ставили национальные интересы над узкопартийными, но могли опереться лишь на тонкую прослойку военных и интеллигенции. Между тем политические партии, несмотря на запрет их деятельности, по-прежнему представляли собой реальную силу, враждебно настроенную к новой власти. Последняя, заботясь о расширении своей политической и социальной базы, создала «казенные» профсоюзы и Дирекцию общественного обновления, на которые возлагались пропагандистские задачи с целью сплочения общества во имя национальных интересов. Таким образом, новый режим сделал решительный шаг к ликвидации традиционной конституционно-парламентской демократии в Болгарии и к созданию новой, альтернативной ей политической модели – авторитарного беспартийного режима¹.

Ряды переворотчиков, однако, не были монолитными. Не только «Звено» и Военный союз соперничали между собой, раскололось и само офицерство, причем на основе различного отношения к монар-

¹ Болгария в XX веке. С. 224–225.

хическому институту и лично к Борису III. Немалая часть офицерства выступила против ограничений роли монарха. Воспользовавшись этим, сорокалетний царь решил, что пробил его час. Позднее в беседе с видным политиком- «демократом», а затем сторонником Цанкова Стойчо Мошановым царь пояснил, что в прошлом пытался играть роль верховного арбитра, главы государства, а теперь решил «сам нести ответственность». «Я убедился, – говорил Борис, – что если в Болгарии глава государства хочет царствовать, то должен и управлять»¹.

С осени 1934 г. Борис начал планомерную работу по расколу антимонархического Военного союза. Ему удалось привлечь на свою сторону авторитетных военных, в том числе и военного министра Пенчо Златева, а к концу года – изолировать главных идеологов переворота 19 мая. К. Георгиев был вынужден подать в отставку.

Очевидный успех, однако, не вскружил Борису голову: он продолжал действовать последовательно и не форсировал события. «Переходные» правительства Пенчо Златева и Андрея Тошева (январь – ноябрь 1935 г.) стали вехами на пути совершаемого монархом фактического «контрпереворота»² и его превращения в основного игрока на болгарской политической сцене. Личность Бориса отныне идентифицировалась в широких слоях общества с государством и национальными идеалами³.

Следующим важным шагом стал разгром Военного союза и последующая чистка армии от неблагонадежных элементов. Этими акциями завершился двенадцатилетний период (1923–1935 гг.), на протяжении которого важную, если не определяющую роль играли в политической жизни страны военные. Их усилиями в стране была создана авторитарная система, которую с успехом, тщательно выбрав подходящий момент, «прибрал к рукам» царь Борис. А руки оказались сильными. Бразды правления отныне принадлежность монарха. С конца 1935 г. все правительства назначались по прямому указанию

¹ Цит. по: *Атанасов А.* Истина за Борис III. «Народен цар» или цар-фюрер на класически монархофашистки режим // Ново време. Бр. 42, декември 2006. С. 138–139.

² *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. 1934–1939. София, 1971. С. 123.

³ България в XX век. С. 226.

дворца и не представляли определенных партий (они были по-прежнему запрещены). Министры стали простыми исполнителями царской воли. Мандат на формирование нового кабинета 23 ноября 1935 г. получил опытный дипломат, начальник царской канцелярии Георгий Кьосеиванов. Отныне ни один шаг в области внешней и внутренней политики не предпринимался без ведома и согласия царя.

Режим личной власти монарха вызвал недовольство не только левых, но и традиционных буржуазных партий. Их лидеры, стремясь к восстановлению конституции и демократических прав и свобод, в мае 1936 г. образовали оппозиционный царскому режиму центр под названием «Пятерка». Однако Борис III умело лавировал между лидерами партий, играя на их противоречиях.

Адекватно оценив обстановку и настроения в стране, царь счел необходимым (и, главное, возможным) несколько смягчить недовольство недемократичным управлением и в 1938 г. решился на проведение парламентских выборов (предыдущие состоялись еще в 1931 г.). На них значительного успеха добился так называемый Конституционный блок, получивший 63 депутатских мандата из 160. Однако наличие в Народном собрании сильной антигерманской и проанглийской оппозиции не входило в планы Бориса, и через год «по просьбе правительства» парламент был распущен под предлогом новой проверки воли народа, переживающего «исключительные времена и события»¹.

Поддерживая своей властью некий демократичный фасад режима, Борис по-прежнему опирался на армию, полицию и государственную администрацию. Дальнейшие его шаги по авторитаризации политической жизни страны отличались осторожностью и аккуратностью, подтверждая более позднюю характеристику царя как «лучшего актера» на политической сцене Болгарии. Сложившаяся в стране к концу 1930-х гг. монархическая диктатура умеренно-консервативного типа, ограниченная некоторыми парламентарными и либеральными формами, позволила Борису укрепить авторитет монархии, добиться консолидации общества и несколько притупить существовавшие в нем противоречия.

¹ *Атанасов А.* Истината за Борис III. С. 141.

РАЗДЕЛ III.

**РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ХОДЕ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА (МАЙ–ИЮНЬ 1916 г.)

Исключительно важную роль в кампании 1916 г. сыграла операция русского Юго-Западного фронта, которая была проведена с конца 22 мая по сентябрь и вошла в историю под названием «Брусиловский прорыв». Планы и действия русского командования, а также их противника изучены современными российскими исследователями, в частности, С.Г. Нелиповичем¹, С.Н. Базановым² и М.В. Оськиным³. Отсылая читателя к этим работам, не будем подробно останавливаться на планах сторон и составе русских и австро-венгерских сил накануне и во время Брусиловского прорыва. Цель данной статьи – проанализировать опыт применения русской артиллерии в указанной наступательной операции.

Задача Юго-Западного фронта в ходе наступления заключалась в прорыве хорошо укрепленной полосы обороны противника. Ее подготовка заняла у австрийской стороны более 10 месяцев. Система обороны состояла из двух-трех позиций глубиной до 4 км и включала две-три линии окопов полного профиля с проволочными заграждениями, фугасами, бетонированными бойницами, стальными щитами и другими фортификационными сооружениями. Самой сильной была первая линия окопов длиной 1,5–2 км. Основу ее составляли опорные узлы, между которыми тянулись сплошные траншеи; подступы к ним простреливались с флангов; на всех высотах имелись доты. От некоторых узлов в тыл шли отсечные позиции, так что в случае прорыва атакующие попадали в «мешок». В окопах имелись козырьки, блиндажи, врытые глубоко в землю убежища с железобетонными сводами

¹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампании 1916 года. М., 2006.

² *Базанов С.Н.* Алексей Алексеевич Брусилов. М., 2006.

³ *Оськин М.В.* Брусиловский прорыв. М., 2010.

или перекрытиями из бревен и земли толщиной до 2 м, способные выдержать попадание любых снарядов. Для пулеметчиков устанавливались бетонные колпаки. Перед окопами тянулись проволочные заграждения (2–3 полосы по 4–16 рядов), на некоторых участках через них пропускался ток, подвешивались бомбы, ставились мины. Две тыловые полосы были оборудованы послабее и состояли из 1–2 линий траншей каждая. Между полосами и линиями окопов располагались искусственные препятствия: засеки, волчьи ямы, рогатки. Противник был уверен в неприступности своих укреплений.

К 22 мая 1916 г. соотношение сил на Юго-Западном фронте было следующим: русские войска располагали примерно 1 млн солдат и офицеров (40 пд, 2 опбр, 15 кд) при 2480 пулеметах, 2017 орудиях и 221 бомбомете (последние учтены только по 9-й армии)¹; противник на данном направлении имел 622 тыс. солдат и офицеров в боевых порядках и 56 тыс. в запасе (53 пд, 7 опбр, 11 кд, 1 окбр), 757 минометов и 2731 орудие². Сравнение показывает, что противник имел превосходство в артиллерии.

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов принял решение одновременно нанести удар на нескольких участках фронта. В то время дробящие удары являли собой новую форму военной операции. Последней предшествовала основательная подготовка. Брусилов требовал от каждой армии тщательной разведки неприятельских позиций и разработки плана проведения атаки. В приказе по фронту подчеркивалось, что «атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабатывать в деталях не в кабинете по карте, а на месте показом, совместно с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии»³. Кроме того, Брусилов добивался четкой постановки задачи войскам и в связи с этим подчеркивал: «Задачи как пехоте, так и артиллерии указывать точно и определенно, не допуская общих выражений, как то «обстрелять высоту...», «перенести огонь на соседние участки» и т.д.»⁴.

¹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. С. 11.

² Там же.

³ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сб. документов. М., 1940. С. 118.

⁴ Там же.

Обращаясь к конкретным действиям русской артиллерии на Юго-Западном фронте, заметим, что к 1916 г. у воевавших держав был накоплен определенный опыт прорыва позиционной обороны. И на Западе, и в России отмечали решающую роль артиллерии, однако выводы по применению этого рода войск существенно отличались. Во Франции и Германии считали, что задача артиллерии заключалась в разрушении и уничтожении. В известной инструкции командующего французской армией Ж. Жоффра от 16 января 1916 г. об организации наступления подчеркивалось: «Артиллерия разрушает, пехота наводняет». Это ставшее со временем афоризмом положение означало жесткую последовательность наступательных действий: пехота вводится в действие только после подавления противника артиллерийским огнем. Но даже при высоких плотностях стрельбы артиллерия была способна подавить противника лишь на определенное время при частичном уничтожении и разрушении наиболее важных целей. Такой метод требовал проведения длительной артиллерийской подготовки. Оборона противника постепенно, в низком темпе, как бы «прогрызалась». Во время войны конкретная обстановка лишала русских артиллеристов возможности рассчитывать на сосредоточение большого количества артиллерии на участках прорыва и неограниченный расход боеприпасов. Вследствие этого командование больше внимания уделяло совершенствованию способов действий артиллерии. Уже в начале 1916 г. появляется множество указаний, наставлений, в которых делается попытка по-новому организовать применение артиллерии при прорыве укрепленной долговременной обороны противника.

Наиболее обстоятельно вопросы боевого применения артиллерии по опыту боев в конце 1915 – начале 1916 г. были рассмотрены в брошюре В.Ф. Кирея¹ «Артиллерия атаки и обороны: Выводы из применения артиллерии на русском фронте в 1914–1917 гг.». Задача артиллерии, указывал автор, заключалась в том, чтобы «обеспечить возможность в час, указанный для атаки... поднять

¹ Кирей Василий Федорович (1879–1942) – русский, украинский военачальник, генерал-майор, генерал-хорунжий армии УНР; за обеспечение артиллерийской части прорыва 9-й армии в период наступления Юго-Западного фронта награжден Георгиевским оружием. Указанная брошюра дважды (1926, 1936 гг.) переиздавалась Наркоматом обороны СССР.

одновременно всю намеченную для этого пехоту и довести ее до намеченной цели»¹. В вопросе о продолжительности артиллерийского огня В.Ф. Кирей склонялся к проведению короткой артподготовки атаки.

В целях эффективности боевых действий Ставка утвердила и направила в войска единые «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы». Согласно этому документу артиллеристам предписывалось заблаговременно проводить тщательную подготовку к операции по разрушению оборонительных сооружений противника, борьбе с вражескими батареями и уничтожению пулеметов и других огневых точек. Документ содержал рекомендации по проведению «ложных переносов огня» в глубину в сочетании с демонстрацией пехотой атаки, а также и по группировке артиллерии. В последнем вопросе создания артиллерийских групп диктовалось характером решаемых задач.

Именно этим принципом руководствовалось командование Юго-Западного фронта в преддверии Брусиловского прорыва. Например, в 9-й армии были созданы 4 артиллерийские группы из орудий различных калибров для выполнения разнообразных задач: разрушения окопов, проделывания проходов в проволочных заграждениях, уничтожения долговременных огневых точек противника, а также ведения контрбатарейной борьбы. Первая группа имела 40 орудий, вторая – 50, третья 42 орудия. Четвертая группа, предназначенная для борьбы с артиллерией противника, имела в своем составе 27 орудий. Создание группы для контрбатарейной борьбы с артиллерией врага в масштабе армии явилось на тот момент новым шагом.

Плотность артиллерии на участках Юго-Западного фронта была различной. Так, на 20-километровом участке прорыва 8-й армии – основной ударной силы Брусиловского прорыва она составляла всего 20 орудий на 1 км. В других армиях фронта плотность была еще ниже и составляла от 11 до 15 орудий на километр фронта. С учетом бомбометов и минометов плотность артиллерии кое-где повышалась до 30–35 орудий и минометов на 1 км. Например, наносившая главный удар 4-я стрелковая дивизия под командованием генерала А.И. Деникина получила в качестве средств усиления 40-й мортирный дивизион, две батареи 18-го тяжелого дивизиона, 8-ю батарею 6-й тяжелой брига-

¹ Цит. по: Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4-х томах. М., 1949. Т. III. С. 253.

ды и 10-см гаубичную батарею. Сам генерал писал по тому поводу: «...Никогда за всю войну Железная дивизия не обладала такой мощной техникой, и нам казалось, что в условиях Русского фронта, мы достаточно сильны для прорыва и победы»¹. Длительность артиллерийской подготовки для каждой армии Юго-Западного фронта была различной и составляла от 8 до 48 часов.

Как уже говорилось ранее, наступлению предшествовала напряженная подготовка. В тылу русских войск были оборудованы макеты австрийских позиций, на которых отрабатывались методы взаимодействия артиллерии с другими родами войск, ведение огня по проволочным заграждениям, окопам и дзотам, а также поддержка пехоты в ходе наступления.

В ночь на 22 мая армии Юго-Западного фронта заняли исходные рубежи для атаки. Завершали подготовку и артиллеристы: обсуждали способы взаимодействия с пехотой, уточняли цели противника.

Рано утром 22 мая фронтовая артиллерия открыла сильный огонь по оборонительным сооружениям, батареям и живой силе австро-венгерских войск. Австрийские солдаты, засевшие в укреплениях, не увидели в то утро восхода солнца, так как на них обрушились тысячи снарядов. Среди рева орудий русской полевой артиллерии выделялись «голоса» тяжелых орудий и мортир, которые планомерно разрушали неприятельские долговременные укрепления.

Успешно действовала артиллерия 8-й и 9-й армий Юго-Западного фронта на правом и левом крыле фронта. Этому способствовала хорошая предварительная подготовка: цели были тщательно разведаны и пристреляны, была продумана система корректировки артиллерийского огня. В результате при небольшом расходе снарядов русским артиллеристам удалось проделать многочисленные проходы в проволочных заграждениях. Например, только батареи 15-й артбригады за полдня проделали 23 прохода. При этом, по свидетельствам очевидцев, в некоторых местах проходы сливались в одну большую брешь. На выполнение проходов в проволочных заграждениях было потрачено 6900 гранат.

¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 357, 359.

В течение тридцатичасовой артиллерийской подготовки батареи 4-й стрелковой («Железной») дивизии генерала А.И. Деникина выпустили 20 тыс. снарядов. А.И. Деникин писал позднее «Первый раз наша артиллерия получила возможность выполнить основательно ту задачу, которая достигалась ценою лишней крови»¹. На участке 7-й армии артподготовка продолжалась двое суток и сопровождалась бомбардировкой позиций противника с воздуха. С наступлением темноты основная часть артиллерии 8-й армии прекратила огонь. Но специальные артиллерийские батареи ночью вели беспокоящий огонь по австро-венгерским позициям.

На следующий день в 4 часа утра русские артиллеристы начали мощную артподготовку, которая длилась 5 часов. В ходе ее батареи крупного калибра подавляли вражескую артиллерию, легкие и мортирные батареи разрушали окопы второй линии противника.

С 6.30 утра часть орудий каждой батареи перенесла огонь по окопам первой линии обороны противника, увеличив темп огня до предельного. В 9 часов утра все батареи перенесли огонь на третью линию окопов противника и по целям в глубине.

С началом атаки русских пехотинцев штурмовые, траншейные и легкие орудия двигались в боевых порядках пехоты в качестве артиллерии сопровождения. Для лучшего взаимодействия артиллерии с пехотой артиллерийские наблюдательные пункты были вынесены вперед.

Очевидцы тех событий отмечали высокую эффективность огня русской артиллерии на многих направлениях. Так, укрывшиеся в «лисьих норах» солдаты 2-й пехотной австрийской дивизии были настолько ошеломлены, что, не успев покинуть убежище, были пленены или уничтожены. Потери в частях 70-й пехотной дивизии превысили 50%, а в частях 2-й пехотной дивизии процент потерь был еще более высоким.

С первых дней наступления благодаря мощному и точному огню артиллерии русские войска добились крупных успехов. В течение одного – двух дней наступления первая позиция противника была прорвана. На направлении главного удара 8-я армия к 5 мая овладе-

¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 366.

ла Луцком, расширив прорыв до 7 км в ширину и 5-3 км в глубину. Уже в первые сутки наступления было взято в плен более 40 тыс. солдат и офицеров, захвачено до 130 орудий и бомбометов. Спустя три дня количество пленных превысило 72 тыс. чел.¹. Н.Н. Яковлев в своей книге так писал о тех событиях : «По земле, где тягостным маем 1915 года пятились озлобленные, измученные русские солдаты, в пьянящий май 1916 года шли brave полки Брусилова. Наступала отлично вооруженная и снаряженная армия, о нехватке снарядов забыли, командиры батарей заботились только о том, чтобы от той частой стрельбы не перегревались орудия и не портились каналы стволов»².

Развивая первоначальный успех, войска Юго-Западного фронта быстро продвигались вперед. При этом действия артиллеристов отличались находчивостью и храбростью. В качестве примера можно привести действия фейерверкера 4-й артбригады Березовского у местечка Заставна. Артиллерийская бригада поддерживала 101-пехотную дивизию, которая преследовала австрийцев. Фейерверкер Березовский в качестве передового наблюдателя шел вместе с пехотой и в числе первых ворвался во вражеские окопы. Используя брошенный телефонный провод, он быстро установил связь с русской батареей и стал корректировать ее огонь. Обнаружив фланкирующий пулемет австрийцев, Березовский выдвинулся вперед и четко корректировал огонь, пулемет был уничтожен, что обеспечило беспрепятственное продвижение пехотинцев вперед³.

Еще один пример связан с действиями конной русской артиллерии. Когда 6-й Заамурский полк, преследуя врага, вышел к Заставне, в его порядках следовала и 2-я батарея 1-го конно-горного дивизиона. Для преследования вражеской батареи полковник Ширинкин решил направить часть орудийных расчетов своей 2-й батареей. В результате 60 всадников во главе с командиром батареи капитаном Насоновым и самим полковником Ширинкиным ворвались в Заставну. Из имевшихся всадников 40 чел. были направлены для преследования пехоты, а капитан Насонов с остальными всадниками начал преследование уходящей батареи неприятеля. Первая группа всадников, рубя

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 203.

² Яковлев Н. 1 августа 1914 г. М., 1974. С. 166.

³ Левин Ш. Брусиловский прорыв. М., 1941. С. 10.

и рассеивая отступающую пехоту, взяла в плен 150 человек. Вторая группа всадников, настигнув батарею, пленила 2 офицеров, около 80 артиллеристов, захватила 30 лошадей и 4 исправных орудия. Об этом случае командующий 9-й армией генерал Лечицкий донес главнокомандующему войсками фронта, на что тот ответил телеграммой следующего содержания: «Благодарю полк[овника] Ширинкина и кап[итана] Насонова за их разумный и смелый почин и доблесть, а нижним чинам, участвовавшим в конной атаке, – мое спасибо и жалую всем георгиевские кресты. Брусилов»¹.

В конце июня, когда 8-я армия вышла на подступы к городу Станислав (польск. – Stanisławów), 41-й армейский корпус, отбив контратаку противника, расположился в районе деревни Тысяница. В состав корпуса входили 12 батарей дивизионной артиллерии, батарея 122-мм гаубиц и батарея 107-мм полевых тяжелых пушек. Ночью орудия неприятеля открыли огонь по русскому обозу, проходившему с большим шумом в тылу корпуса, и были засечены по вспышкам выстрелов русскими артиллеристами. Утром вся артиллерия корпуса обрушилась на засеченные батареи и отчасти на окопы австрийцев, ведя стрельбу исключительно химическими снарядами. Этот внезапный и точный орудийный огонь вызвал у противника панику. Неприятельская артиллерия была подавлена. Русская пехота атаковала австрийские позиции, почти полностью пленила занимавшие их войска и захватила тяжелые орудия. Развивая наступление, корпус без боя овладел г. Станислав².

Подведем некоторые итоги.

Наступление Юго-Западного фронта, вошедшее в историю как Брусилковский прорыв, можно разделить на два периода. В ходе первого периода, который длился с 22 мая по конец июня 1916 г., русские войска достигли больших успехов по сравнению со своими союзниками по коалиции, сумев прорвать неприятельскую оборону по фронту в 300 верст шириной и 60 верст глубиной. В условиях позиционной войны ни одной из армий стран-участниц войны прежде не удавалось добиться столь крупного успеха.

¹ Литвинов А.И. Майский прорыв IX армии в 1916 году. Пг., 1923. С. 54–55.

² Евгений Барсуков. Русская артиллерия в мировую войну: в 2-х томах. Т. 2. М., 1940. С. 180–181.

Брусиловский прорыв имел большое военно-политическое значение. Он привел к крупному поражению австро-венгерских войск в Галиции и на Буковине. В ходе наступления Юго- Западного фронта противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн чел. Только пленными австро-венгерские войска потеряли свыше 400 тыс. чел. Русскими трофеями стали 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Чтобы ликвидировать прорыв, верховное командование стран Центрального блока вынуждено было снять с французского, итальянского и балканского фронтов 30 пехотных и 3 кавалерийские дивизии¹.

Тем самым Брусиловский прорыв значительно облегчил положение союзников в сражении на Сомме и спас от разгрома терпящую поражение итальянскую армию.

Непосредственным результатом Брусиловского прорыва стал отказ Румынии от нейтралитета и присоединение к Антанте.

Оценивая итоги операции, сам А.А. Брусилов писал следующее: «По сравнению с надеждами, возлагавшимися на тот фронт весной 1916 года, его наступление превзошло все ожидания. Он выполнил данную ему задачу»².

Признанием заслуг генерала стало награждение его в июле 1916 г. по Высочайшему приказу императора Георгиевским оружием с бриллиантами. На шашке было указано и основание для награждения: «За поражение австро-венгерских армий и взятие их сильно укрепленных позиций на Вольни, в Буковине и Галиции 22–25 мая 1916 года».

Огромную роль в успешном начале Брусиловского прорыва сыграла артиллерия. Распределенные по фронту поэшелонно орудия били по заранее намеченным целям, нанося неприятелю максимальный урон уже во время огневого удара. При том сами армии Юго-Западного фронта наступали в разное время, пользуясь результатами артиллерийской подготовки. Анализ боевых действий первых дней наступления показал, что в среднем от начала артиллерийских ударов до первой пехотной атаки в 8-й армии прошло 29 часов, в 11-й армии – 6 часов; в 7-й армии – 45 часов, а в 9-й армии – 8 часов.

¹ *Базанов С.Н.* Алексей Алексеевич Брусилов. С. 33.

² *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. С. 191.

Анализ боевого применения русской артиллерии показал, что в ходе артподготовки артиллеристы неоднократно применяли ложный перенос огня. Знакомые с австрийской оборонительной тактикой русские артиллеристы стремились нанести противнику максимальные потери еще до начала атаки пехоты. Для достижения этой цели во время артиллерийской подготовки русские батареи дважды совершали ложный перенос огня в тыл первой линии врага. Обычно это означало, что готовится атака пехоты. В итоге австрийцы выбирались из укрытий и занимали окопы и пулеметные точки, а русские орудия вновь били по первой линии. В третий раз противник не решился выйти из своих укрытий, чтобы не подставлять зря пехоту под огонь, и атаковавшие русские войска массами брали оставшегося в убежищах противника в плен. Этим обстоятельством и объясняется большое число пленных, взятых русскими войсками на оборонительных позициях противника.

Значительная доля в боевой работе русской артиллерии отводилась контрбатарейной борьбе, то есть борьбе с австро-венгерской артиллерией. И на этом направлении русская артиллерия также добилась значительных успехов. Задачи артиллерии Юго-Западного фронта облегчались тем, что русские артиллеристы во время Брусиловского прорыва не испытывали так называемого снарядного голода.

В заключение следует отметить, что в ходе Брусиловского прорыва в войсках Юго-Западного фронта были применены передовые на тот момент методы использования артиллерии при прорыве укрепленных оборонительных полос противника. Непременным условием прорыва считалось сосредоточение артиллерии на направлении главного удара, достижение целей не бесконтрольным расходом снарядов, а ведением огня по конкретным, заранее разведанным целям. Также залогом успеха считалась поддержка наступавшей пехоты подвижным заградительным огнем артиллерии. Боевые действия в ходе Брусиловского прорыва подтвердили высокую эффективность минометов и бомбометов, однако опыт боевых действий также показал и необходимость увеличения их количества в войсках.

С учетом опыта применения артиллерии против укреплений противника в конце 1916 г. был создан резерв главного командования под названием «тяжелая артиллерия особого назначения» (ТАОН) в составе шести тяжелых артиллерийских бригад и ряда других частей.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последние годы отечественные и зарубежные исследователи все больше внимания уделяют проблематике женского патриотического движения в России в период Первой мировой войны. Рассматривая это явление, прежде всего, надо подчеркнуть: женское патриотическое движение в то время в нашей стране, выражавшееся, в первую очередь, в различных общественных инициативах, создании патриотических организаций, всегда напрямую было связано с тяготами военной поры, со стремлением населения включиться в общественную деятельность, а также с традициями женской благотворительности и милосердия.

Необходимо отметить, что женское патриотическое движение в начале Первой мировой войны возникло не на пустом месте. Как известно, был и первый опыт Крымской войны (1853–1856 гг.), а затем и русско-турецкой (1877–1878 гг.), и русско-японской (1904–1905 гг.). Причем именно последняя убедительно показала возрастание численности женщин в армии и расширение поля их деятельности. Так, по подсчетам известного исследователя женского движения Ю.Н. Ивановой, в русско-японской войне участвовало свыше 3 тыс. женщин в качестве сестер милосердия, врачей и фельдшеров. При этом более половины их были удостоены различных наград – золотых и серебряных медалей¹. И, как справедливо заключает Иванова, «Столь большое для того времени количество награжденных женщин свидетельствует о признании их заслуг и вклада в дело ухода за ранеными и больными воинами на Дальневосточном театре военных действий»².

¹ *Иванова Ю.Н.* Женщины в войнах Отечества // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 348.

² Там же. С. 348.

После окончания русско-японской войны, в период Первой русской революции 1905–1907 гг., был создан Всероссийский союз равноправия женщин, который в 1906 г. присоединился к Международному альянсу за избирательные права женщин; а в 1907 г. образовалась Российская лига равноправия женщин, сыгравшая немалую роль в распространении женского патриотического движения в России в период Первой мировой войны.

Говоря о степени изученности истории женского патриотического движения в России в период Первой мировой войны, можно привести такой пример. По подсчетам известного исследователя данной проблемы Н.Л. Пушкаревой, библиография исследования «женской темы» в России и за рубежом за период с 1800 г. по 2000 г. насчитывает около 8 тыс. наименований книг, статей, журнальных и многих газетных публикаций. Между тем в работе Пушкаревой «Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000», в предметном указателе, в рубрике «Армия и женщины», в разделе «Первая мировая война», содержится всего менее 20 названий книг и статей. В итоге автор делает вывод, с которым нельзя не согласиться: «женская тема» продолжает «разрабатываться с исключительным вниманием – и в то же время масса тем и вопросов осталась по-прежнему “за бортом”»¹. Особенно это касается периода Первой мировой войны.

Впрочем, на сегодняшний день перечень работ по рассматриваемой проблематике несколько превысил приведенное количество. Заметной вехой среди этих публикаций стала монография упомянутого исследователя Ю.Н. Ивановой «Храбрейшие из прекрасных», вышедшая в 2002 г. Книга в целом посвящена участию женщин в войнах России XIX–XX вв., и глава V носит название «Прощание славянки. Женские формирования в Первой мировой войне 1914–1918 гг.». Здесь автор отмечает: «хотя на первом плане, как и ранее, в соответствии с традициями предшествовавших войн уделом женщины остается медицинская служба, но наряду с этим в истории российской армии появляется новшество – формирование специальных женских

¹ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. М., 2002. С. 43.

батальонов, рот, команд для связи, по охране железных дорог и с чисто боевым применением»¹.

Данная глава написана Ивановой на основе документов и материалов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и содержит много ранее неизвестных фактов. Примечательно, что именно тема создания женских формирований в России в 1917 г. наиболее популярна у современных отечественных исследователей. Достаточно назвать, например, статьи А.С. Сенина², С.В. Дрокова³, В.Н. Романишиной⁴, С.Н. Базанова⁵, посвященные разным аспектам этой все еще не до конца изученной темы.

В 2004 г. увидела свет фундаментальная монография известного тамбовского исследователя П.П. Щербинина «Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.». Ряд ее разделов автор посвятил женскому патриотическому движению в России в период Первой мировой войны, в частности, таким темам, как сестры милосердия на войне, женщины на фронте, женские батальоны смерти. Глубоко и всесторонне изучив эти вопросы, Щербинин пришел к справедливому выводу: «Риторический вопрос о том, есть ли в армии место женщине, был решен положительно в условиях тотальной Первой мировой войны 1914–1918 гг. Не случайно

¹ *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002. С. 108.

² *Сенин А.С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 176–182; *Он же.* 2-й Московский женский батальон смерти // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. М., 2002. С. 557–563.

³ *Дроков С.В.* Организатор женского батальона смерти // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 164–169; *Он же.* Предисловие к русскому изданию // Бочкарева Мария. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., 2001. С. 7–32.

⁴ *Романишина В.Н.* Женские ударные батальоны на фронтах Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы международной научной конференции «Великая война и Европейский Север России (К 100-летию начала Первой мировой войны)» (Архангельск, 21–24 июня 2014 г.). Архангельск, 2014. С. 357–362.

⁵ *Базанов С.Н.* Роль А.А. Брусилова в создании добровольческих ударных батальонов и женских воинских частей в 1917 г. // Феномен мировых войн в истории XX в.: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 135–142.

в Советской России, а потом и в СССР существовали многочисленные женские воинские подразделения, а традиции женского присутствия в армии получили дальнейшее развитие, в том числе и в современной России»¹.

Нельзя не упомянуть и еще об одном фундаментальном труде – монографии американского исследователя Ричарда Стайтса, названной «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930». Отметим, что она вышла в США еще в 1978 г., а на русском языке – только в 2004 г. в московском издательстве РОССПЭН. В этой книге, как и в ранее упомянутых, есть глава, посвященная участию женщин в работе Российского общества Красного Креста и созданию в годы Первой мировой войны женских воинских формирований, озаглавленная автором «Женщины против женщин». На основе российской периодики («Женский вестник», «Женское дело» и др.) и материалов наших архивов он воссоздал достаточно достоверную картину указанных форм участия российских женщин в патриотическом движении в военные годы.

Небезынтересно привести цитату из «Предисловия редакторов» (Б.Н. Миронов, О.В. Шнырова, И.И. Юкина) к русскому изданию рассматриваемого труда: «Монография Ричарда Стайтса – это взгляд со стороны, взгляд непредвзятый и доброжелательный, не отягощенный нашими собственными представлениями о самих себе и идеологическими клише, сформировавшимися еще под влиянием советской пропаганды и усвоенными с детства. Безусловно, это взгляд носителя западной культуры, который в соответствии со своими установками и представлениями о роли общественной мысли, общественного движения в развитии общества исследовал и описал женское движение в России»².

Наконец, следует отметить: накануне и в 2014 г. в нашей стране и за ее пределами прошло множество мероприятий, связанных со 100-летием начала Первой мировой войны – конференции, «круглые столы», симпозиумы, презентации книг, выставки, теле- и радио-

¹ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 444.

² Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 (пер. с англ.). М., 2004. С. 7–8.

передачи, открытие памятников, новых музеев и т.д. Все эти акции дали новый импульс разработке указанной многоплановой проблемы; показали, что как у отечественных, так и у зарубежных историков тема истории женского патриотического движения в России в 1914–1918 гг. вызывает немалый интерес; а также выявили немало «белых пятен» в ее изучении¹.

За последние годы исследователи ввели в научный оборот неизвестные ранее источники, разработали новые методологические подходы к изучению истории женского патриотического движения в России, в том числе, и в годы Первой мировой войны. Однако, как показано ранее, данное явление исследовалось фрагментарно, причем основное внимание уделялось проблеме в целом, т.е. теме «женщина и война», а ее хронологические рамки охватывали значительные периоды, иногда начиная с XVIII в. и кончая Великой Отечественной войной. Недостаточно разработана тема создания женских воинских формирований, еще меньше – участие женщин в деятельности Российского общества Красного Креста² и благотворительных организаций, созданных во время Первой мировой войны. Совершенно

¹ См., например: *Романишина В.Н.* Работа Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны // *Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: Исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников международной научно-практической конференции «ИНВАЛИДЫ И ВОЙНА. Инвалиды Первой мировой войны: Исторические и нравственные уроки»*. М., 2013. С. 12–16; *Она же.* Женские ударные батальоны на фронтах Первой мировой войны // *Первая мировая война и Европейский Север России: материалы международной научной конференции «Великая война и Европейский Север России (К 100-летию начала Первой мировой войны)»* (Архангельск, 21–24 июня 2014 г.). Архангельск, 2014. С. 357–362; *Ульянова Г.Н.* Благотворительная помощь общества жертвам войны // *Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.)*. М., 2014. С. 230–237; *Щербинин П.П.* Особенности проявления патриотических настроений в общественном сознании населения России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: региональное измерение // Там же. С. 254–260; *Кравченко Е.В.* Государственное и общественное призрение детей-сирот в годы Первой мировой войны // Там же. С. 270–276; *Лапанович С.Ф.* Оказание помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Там же. С. 277–283.

² См., например: *Чистяков О.В.* Российское общество Красного Креста во время Первой мировой войны // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 12. С. 67–69; *Она же.* Российское общество Красного Креста // *Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия в 3 т. Т. 3*. М., 2014. С. 78–82.

не изучен вопрос взаимоотношения женского патриотического движения с противостоящими ему пацифистским и антивоенным.

Таким образом, в отечественной историографии пока не существует специального исследования, посвященного женскому патриотическому движению в России в годы Первой мировой войны. И создание такого труда представляется весьма актуальным, поскольку именно первый глобальный вооруженный конфликт XX в. активизировал процесс женской эмансипации, открыв широкие возможности проявления женщинами инициативы, самостоятельности и новые для них профессиональные, правовые и личные перспективы

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (МАРТ 1917 – МАРТ 1918 гг.)

В годы Первой мировой войны Ставка Верховного главнокомандующего (СВГК) являлась высшим военным органом управления действующей армией. В начале войны в ней насчитывалось 9 генералов, 36 офицеров, 12 военных чиновников и 125 солдат. В ноябре 1917 г. уже имелось 15 управлений, 3 канцелярии и 2 комитета – всего свыше 2 тыс. чел.¹ Ставка руководила боевыми действиями армии, насчитывавшей в разные периоды от 7 млн² до 12 млн чел.³

Как показали события на Восточном фронте, централизация военной власти и управления войсками на театре военных действий в целом себя оправдала. После того как 23 августа 1915 г. главкомверхом стал император Николай II, Могилев, где разместилась Ставка, стал фактически второй столицей Российской империи⁴.

Во время Февральской революции СВГК «совершила эволюцию от лояльной исполнительницы царской воли до активного помощника Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства», выступив «фактическим исполнителем тех задач, которые только обозначались думскими политиками в Петрограде», т.е. приняв «на себя миссию организации отречения императора»⁵. Генералы Ставки были убеждены, что «политические перемены в стране

¹ Военная Энциклопедия: В 8 томах. М., 2003. Т. 7. С. 634.

² *Базанов С.Н.* Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 5.

³ *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2002. С. 460.

⁴ *Лавринович Д.С.* Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве в 1915 – марте 1917 г. по воспоминаниям и дневникам современников событий // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб., 2017. С. 134.

⁵ *Гребенкин И.Н.* Ставка Верховного Главнокомандующего в февральском перевороте 1917 г. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/en/--gn12-01/328-a>.

приведут к победам на фронте»¹, однако последующие события это полностью опровергли.

После Февральской революции русская армия стала стремительно разлагаться. Положение ухудшалось с каждым днем, несмотря на попытки СВГК исправить ситуацию. С первых дней деятельности Временного правительства влияние Ставки значительно ослабло. Теперь все важнейшие решения принимались министром иностранных дел П.Н. Милюковым после консультаций с военным и морским министром А.И. Гучковым и назначенным на этот пост в апреле 1917 г. Верховным главнокомандующим генералом М.В. Алексеевым.² Попытки представителей Ставки договориться с Временным правительством не увенчались успехом. Премьер-министр А.Ф. Керенский был убежден, что после падения монархии «улучшились отношения солдат и офицеров, прекратилось дезертирство с фронта»³. Однако генералитет Ставки был другого мнения. Генерал А.А. Брусилов, сменивший М.В. Алексеева на посту главноверха в мае 1917 г., пришел к выводу «что, в сущности, война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать. Это была химера, которою могли убаюкиваться люди вроде Керенского, Соколова и тому подобные профаны, но не я»⁴. Основываясь на поступавших из войск сведениях, начальник штаба Верховного главнокомандующего (наштаверх) генерал А.С. Лукомский отмечал: «армия окончательно разваливается и надо было ожидать катастрофы со дня на день»⁵. Армию послефевральского периода красочно и эмоционально описал исследователь А.А. Керсновский: солдаты, которые «менее года назад сокрушали австро-германские армии в Брусиловском наступлении» и которые «за каких-нибудь полгода до того, сняв затворы с винтовок, без выстрела, кинулись черной ночью и в двадцатиградусный мороз на грозные германские позиции у Бабита» превратились в «орды дезертиров, митинговавших против «аннексий и контрибуций», бра-

¹ Гребенкин И.Н. Указ. соч.

² Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2-х кн. СПб., 2014. Кн. 2. С. 59.

³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 227.

⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 237.

⁵ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 264.

тавшихся с неприятелем, избивавшие своих офицеров и валившие с фронта домой – делить землю»¹.

В создавшемся положении отчасти была виновата сама Ставка. Генералитет вначале не уделял должного внимания установлению более теплых отношений между офицерами и нижними чинами, когда же этой проблемой озаботились – момент уже был упущен. Штабс-капитан А.И. Черепанов позднее вспоминал: «Кадровые офицеры замыкались в своей среде и по существу не желали знать ни младших офицеров, ни солдат. Младшие офицеры, хоть и в большинстве своем хорошо относившиеся к солдатам, тоже держались обособленно, не знали душевного мира солдата. А в это время в армии шло массовое брожение, нарастали антивоенные настроения»².

Несмотря на царившие в Ставке «упаднические» настроения, её руководство пыталось восстановить боеспособность армии. Начальник штаба Главнокомандующего Восточным фронтом Леопольда Баварского М. Гофман 26 мая 1917 г. в отмечал в своем дневнике: «Русские проводят огромную контрпропаганду против нас и стараются восстановить свою армию против всяких мирных проектов»³.

Принимаемые меры не приносили должного результата. Не спасло положение и формирование частей смерти, потерявших в отчаянных боях большинство личного состава⁴. Закончились неудачей и попытки СВГК повлиять на внутривнутриполитические события в России путем создания Союза офицеров армии и флота. Участие Союза в Корниловском мятеже привело к его распаду⁵. Одна из причин неудачна этом пути – недостаток поддержки со стороны кадровых офицеров, большинство из которых «было перебито в начале войны, когда велись активные боевые действия, а «оставшиеся еще в армии кадровые офицеры почти не занимались обучением молодых командиров»⁶.

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. М., 1994. Т. 4. С. 328.

² Черепанов А.И. В боях рожденная. М., 1967. С. 13.

³ Гофман М. Записки и дневники: 1914–1918. Л., 1929. С. 229.

⁴ Ардашев А.Н. Великая Окопная война. Позиционная бойня Первой мировой. М., 2009. С. 164.

⁵ Октябрьская революция и современность. Социально-политические уроки. М., 2018. С. 239–240.

⁶ Черепанов А.И. Указ. соч. С. 9.

С каждым месяцем положение в армии отягощалось несогласованностью действий Временного правительства и Ставки Верховного главнокомандующего, что приводило к частой смене руководящего состава последней. Попытки исправить положение, предпринимаемые сменившим в июле А.А. Брусилова генералом Л.Г. Корниловым не увенчались успехом. По словам А.Ф. Керенского, ему «пришлось выдерживать большую борьбу с Корниловым», который постоянно стремился «к назначению на командные должности сторонников дореволюционной системы управления армией»¹. 31 августа (13 сентября) М. Гофман записал в своем дневнике: «В России повидимому происходит большое свинство. Корнилов и Керенский выступают друг против друга с оружием в руках и борются за диктатуру»².

После подавления Корниловского мятежа 30 августа 1917 г. главноверхом стал А.Ф. Керенский, а наштаверхом – генерал М.В. Алексеев. Несмотря на эти перестановки, между Временным правительством и Ставкой сохранялись разногласия. Бывший военный министр А.И. Верховский позднее вспоминал: «Керенский в роли главнокомандующего не дает мне ничего сделать в действующей армии. <...> даже тыловой военный Петроградский округ изъял из подчинения военному министру и передал в ведение главного командования»³. Не было достигнуто единство и между А.Ф. Керенским и М.В. Алексеевым. Возможно, главноверху приходилось лавировать между военным министром и наштаверхом. Долго так продолжаться не могло. Вскоре последовала отставка М.В. Алексеева. По мнению А.С. Лукомского, «как и надо было ожидать, Керенский, не имевший возможности выполнить всех обещаний, данных Алексееву о проведении в жизнь требований Корнилова, повёл дело так, что сам Алексеев, видя, что ничего сделать не может, попросил, чтобы его освободили от должности начальника штаба [Верховного главнокомандующего]. Вместо него был назначен генерал Духонин»⁴. Смена наштаверха не получила одобрения со стороны А.И. Верховского. Позднее он сокрушался: «Все назначения, которые я предлагаю, на словах при-

¹ Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 12.

² Гофман М. Указ. соч. С. 236.

³ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 371–372.

⁴ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 264.

нимаются, а на деле на должности назначаются «шляпы» вроде Духонина»¹. Александр Иванович писал о новом главнокомандующем «маленький, серенький, но готовый работать с Советами...»². Такая оценка не совпадает с мнением исследователя А.А. Керсновского, который охарактеризовал аштаверха и генерал-квартирмейстера Ставки М.К. Дитерихса следующим образом: «оба доблестные боевые начальники и талантливые офицеры Генерального штаба», но из-за превращения армии в толпу «проявить свои дарования на этом посту им уже не пришлось»³. Как отмечает в воспоминаниях генерал А.С. Лукомский, для удержания под контролем ситуации «нужны были суровые и беспощадные меры, а на них «Верховный Главнокомандующий», Керенский, не шёл»⁴.

Несогласованность действий отчасти объяснялась недоверием членов Временного правительства к представителям Ставки, считавшихся скрытыми контрреволюционерами. Чтобы обезопасить себя от возможных военных мятежей, в марте – октябре 1917 г. правительство отправило в отставку 374 генерала, причем, в первую очередь, представителей высшего армейского руководства. Так, из 225 полных генералов (от инфантерии, кавалерии и артиллерии), состоявших на службе накануне Февральской революции, было уволено 68⁵. После Корниловского мятежа, который заставил «по-другому взглянуть на вещи», у военного министра А.И. Верховского созрело решение «весь командный состав, не пользующийся доверием демократических организаций», заменить «другими людьми, невзирая на чины»⁶. По его убеждению это не могло отрицательно отразиться на боеспособности русской армии, поскольку «операции, которыми руководили те или иные сановники, фактически проводились капитанами или полковниками»⁷.

В то время как между Временным правительством и Ставкой шла борьба за влияние на армию, положение на фронте в сентябре –

¹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 371–372.

² Там же. С. 362.

³ *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 319.

⁴ *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 264.

⁵ *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 11.

⁶ Там же. С. 352.

⁷ Там же. С. 351–352.

октябре 1917 г. становилось катастрофическим. Один из русских офицеров К. де Гайлеш позднее вспоминал: «Солдаты митингуют и дезертируют целыми частями. В тылу – развал и все усиливающая большевистская пропаганда. Коммунистические газеты открыто призывают к восстанию»¹. В донесении командующего 12-й армией о настроениях в вверенных ему частях читаем: «Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием. Такая характеристика без особой натяжки может быть применена ко всему фронту вообще»².

И накануне Октябрьской революции Ставка не оставляла попыток восстановить боеспособность русской армии. Генералитет надеялся продолжить боевые действия по освобождению оккупированной противником территории и довести войну до победного конца. Слабую веру генералов в успех подкрепляли редкие известия с фронта, в которых описывались героические подвиги солдат и офицеров.³

Накануне прихода к власти большевиков морально страна уже была готова к гражданской войне. Как отмечал, перешедший впоследствии на службу к советскому правительству генерал А.А. Самойло, несмотря на то, что «в октябре, весь фронт был готов к свержению правительства Керенского», генералы, Алексеев, Духонин, Брусиллов, Рузский и другие, «все еще пытались выступать за поддержание «порядка». Для этого Алексеев стремился передвинуть на Дон чехословацкие части; с той же целью Духонин пытался очистить юг России от «распропагандированных» запасных батальонов»⁴. 11 ноября 1917 г. М.К. Дитерихс в письме М.В. Алексееву писал: «Думаю,

¹ *Гайлеш К. де* Защита Зимнего дворца / Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. М., 2001. С. 9.

² Военно-политический отдел штаба главковерха составлял «не подлежащие оглашению» сводки донесений о настроениях армий. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002. С. 681.

³ «В день захвата власти большевиками в Петербурге – в 10-й армии на Березине полковник Щепетильников с 681-м пехотным Алтайским полком атаковал немецкие позиции, где взял 200 пленных и отбил у неприятеля 2 новогeоргиевские поршневые пушки. Это было последним делом русской армии в Мировую войну». *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 321.

⁴ *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958. С. 176.

что оттянуть гражданскую войну до более благоприятного времени, в смысле организованности южных центров России, не удастся, так как события идут слишком быстро. <...> Сегодня или завтра дни, когда наступит предел нашей борьбы и нам придется решить ближайшую судьбу России, расколов её официально на два лагеря. Момент тяжелый до невероятия. Но вся предыдущая разруха нашей страны ведет неизбежно к этому»¹.

Большинство генералов предчувствовали потерю А.Ф. Керенским власти. В Ставку сыпались предупреждения о готовящемся восстании большевиков. Так, А.С. Лукомский писал Н.Н. Духонину и М.К. Дитерихсу, «что надо ожидать падения временного правительства и надо быть готовыми к тому, что у власти окажутся большевики»². Бывший наштаверх советовал «подтянуть к Могилеву несколько надежных частей, дабы Ставка не оказалась в беспомощном положении и, в случае надобности, могла под их прикрытием, перейти в Киев». Ему «казалось, что можно, путем сохранения менее развалившихся фронтов, именно Юго-Западного и Румынского, еще удержать общий фронт»³. Однако Н.Н. Духонин, сторонник мирного разрешения проблем, не внял совету бывшего сослуживца.

Накануне Октябрьской революции Ставка оказалась ослабленной. Пытаясь очистить её от чуждых элементов, Временное правительство сделало всё, чтобы приблизить собственную катастрофу. Сильные и авторитетные личности, такие как Великий князь Н.Н. Романов, М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов были удалены, отправлены в отставку или арестованы. В окружении А.Ф. Керенского оказались честные, но менее авторитетные генералы, такие как Н.Н. Духонин и М.К. Дитерихс, которые в момент опасности не смогли оказать Временному правительству достойную поддержку. В этих условиях большевики во главе с В.И. Лениным форсировали подготовку вооруженного восстания. Узнав о его подготовке, главковерх А.Ф. Керенский отправил на защиту Временного правительства юнкеров Шко-

¹ *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 632.

² *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 264.

³ Там же.

лы прапорщиков Северного фронта¹. Но этих и других сил оказалось недостаточно.

В дни захвата власти большевиками Ставка выступила на стороне Временного правительства. Духонин разослал всем главнокомандующим фронтов телеграмму, в которой призывал «всемерно удерживать армию от влияния восставших элементов, оказывая в то же время полную поддержку правительству». Он всю неделю вместе с М.К. Дитерихсом «сидел на прямом проводе, пытаясь подтянуть «надежные» части к восставшему Питеру и к Москве, в которой все еще шла ожесточенная борьба за власть»². Обращаясь за помощью к генералу А.М. Каледину, наштаверх интересовался: «Не найдете ли возможным направить на Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряд казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пойти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова»³.

Несмотря на принятые меры, удержать власть Временному правительству не удалось. 30 октября (12 ноября) после поражения под Пулковым войск П.Н. Краснова и соглашения казаков с советской властью, А.Ф. Керенский сложил с себя полномочия Председателя Временного правительства. Передав должность главковерха Н.Н. Духонину, Александр Федорович в ночь на 1 (14) ноября тайно бежал из Гатчины⁴. В итоге, как заметил Н. Гайлеш, «слабовольное демократическое правительство сдало власть тем, кто сделал небольшое усилие её захватить»⁵.

Духонин тяжело переживал поражение Временного правительства. По признанию М.К. Дитерихса, Николай Николаевич «совершенно разболелся сердцем и едва ли кончит благополучно. Я оставил должность Генкварверха, но остаюсь при нем, так как его положение и состояние невероятно тяжелые»⁶. Кроме того, бывший гене-

¹ *Прюссинг О. фон.* Защита Зимнего дворца // Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. М., 2001. С. 16.

² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. М., 1957. С. 197–198.

³ *Дайнес В.* «Я не хочу братоубийственной войны» // Ориентир. 2002. № 8. С. 60.

⁴ Отечественная военная история. В трех томах. М., 2003. Т. 2–3. С. 163.

⁵ *Гайлеш К.* Указ. соч. С. 16.

⁶ *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С. 632.

рал-квартирмейстер преследовал три цели: 1) поражение германских большевиков Ленина, Троцкого и Комп, 2) выигрыш времени для организации Юго-Восточного Союза, 3) возможно планомернее провести предстоящий кризис анархии»¹. М.К. Дитерихс с 3 ноября занимал пост начальника штаба Верховного главнокомандующего, а 8 ноября уехал на Украину, где до января 1919 г. был начальником штаба Чехословацкого корпуса, вместе с которым начал борьбу в белых войсках Восточного фронта².

Став главковерхом, Н.Н. Духонин оказался в сложном положении. На него давили со всех сторон. Будущие лидеры Белого движения требовали от Николая Николаевича активной деятельности. В частности, А.С. Лукомский «послал несколько писем Духонину и Дитрихсу, в которых доказывал, что им надо перейти в Киев; что оставаться в Могилеве бесполезно и опасно; что Ставка, всё равно, будет в ближайшие дни занята большевиками»³. Наседал на Духонина и перешедший на сторону большевиков М.Д. Бонч-Бруевич: он требовал не оказывать вооруженного сопротивления большевикам. Михаил Дмитриевич в «провале керенщины видел избавление <...> родины от окончательного развала и анархии»⁴. По данным Бонч-Бруевича в ноябре 1917 г. «Ставка все больше и больше теряла связь с фронтами и армиями, и составлявшиеся в Могилеве в бывшем губернаторском доме сводки перестали отражать действительное положение вещей в войсках. И все-таки картина разложения и близкого конца царской армии была ясна»⁵.

Не отставали от генералов и союзники по Антанте. Поздно вечером 8 (21) ноября союзные посольства в Петрограде получили от наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого ноту с предложением заключить перемирие с Германией и начать переговоры о мире. Английский дипломат Д. Бьюкенен советовал оставить её без ответа. 12 (25) ноября 1917 г. союзные военные представители в Ставке выразили офици-

¹ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С. 632.

² Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб. – М., 2003. С. 162.

³ Лукомский А.С. Указ. Соч. С. 266.

⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 205.

⁵ Там же. С. 221.

альный протест Духонину: нарушение союзнических обязательств может иметь самые серьезные последствия¹. В частности, французский представитель прислал главковерху отношение, в котором писал: «Франция не признает власти народных комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу»². Тревогу французского правительства понять не сложно. Как отмечал участник Белого движения А.А. Зайцов, «всего за осень 1917 года до октябрьского переворота немцами было переброшено с русского фронта во Францию 7 дивизий и ко времени захвата власти большевиками (7-го ноября 1917 г.) соотношение сил на фронтах было таково: Французский фронт – 151 дивизия, Русский фронт – 127 дивизий³. То есть к октябрьскому перевороту, несмотря на полное разложение нашей армии за восемь месяцев правления Россией Временного Правительства, все же число дивизий наших противников увеличилось, по сравнению с последними дореволюционными месяцами 1917 г., на 7 единиц»⁴. Американский представитель, со своей стороны, в обращении к Н.Н. Духонину выразил готовность американцев поддержать генеральскую контрреволюцию против Советов, поскольку США «определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией»⁵.

Тем временем советское правительство поручило главковерху обратиться к «командованию неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Фактически не признавший новую власть, но представлявший в то же время себя сторонником мира Н.Н. Духонин заявил, что «необходимый для России мир может быть дан толь-

¹ Уткин А.И. Указ. соч. С. 498.

² Анишев А.Н. Очерки истории гражданской войны 1917/1920 гг. Л., 1925. С. 100.

³ По другим данным к концу 1917 г. на Русском фронте находилось 202 дивизии. См.: Мировая война в цифрах. М., Л., 1934. С. 14.

⁴ Зайцов А.А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С. 18.

⁵ Анишев А.Н. Указ. соч. С. 100.

ко центральным правительством»¹. В ответ Председатель Совнаркома В.И. Ленин приказал сместить Н.Н. Духонина в «специальном приказе» и назначить на его место Н.В. Крыленко, а также обратиться «к солдатам через голову командного состава с призывом – окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки». Участник этих событий, И.В. Сталин, охарактеризовал решение лидера большевиков как «скачок в неизвестность», который «не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах»².

В итоге, 9 (22) ноября 1917 г. именем правительства Российской республики В.И. Ленин, И.В. Сталин и Н.В. Крыленко сместили Н.Н. Духонина с занимаемой должности «за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям». Одновременно ему предписывалось «под страхом ответственности по закону военного времени продолжать ведение дела, пока не придет в Ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел»³. Тогда же В.И. Ленин, не особо доверяя Н.Н. Духонину и его окружению, обратился к солдатам с призывом окружить контрреволюционных генералов, стремящихся «сорвать великое дело мира», «стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда»⁴.

Ожидая прибытия нового главковерха, Ставка продолжала по инерции заниматься текущими делами. Узнав о приближении сводного отряда моряков-балтийцев и трех отрядов солдат и запасных гвардейских полков во главе с Н.В. Крыленко, Н.Н. Духонин, стремясь избежать кровопролития, освободил содержащихся в Быхове арестованных генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и других⁵.

¹ Отечественная военная история. С. 170.

² Цит. по: *Гринишин Д.М.* Военная деятельность В.И. Ленина. М., 1960. С. 275.

³ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 10.

⁴ *Гринишин Д.М.* Указ. соч. С. 276.

⁵ Отечественная военная история. С. 170.

О событиях, произошедших в первые дни приезда Н.В. Крыленко в Могилев, кратко рассказала дочь генерала М.В. Алексева В.М. Алексева-Борель: «Что касается Ставки, то она не продержалась и до 20-го ноября; ввиду предательства Бонч-Бруевича она была разгромлена прапорщиком Крыленко с матросами и «Красной гвардией». Генерал Духонин был зверски убит»¹.

При новом главковерхе Н.В. Крыленко и наштаверхе М.Д. Бонч-Бруевиче Ставка была полностью подчинена Советской власти. Ее структура, в основном, сохранилась, за исключением формирования органов революционной власти: 22 ноября (5 декабря) – Военно-революционный комитет (ВРК, переименованный 16 (29) декабря в Центральный комитет действующей армии и флота), и 27 ноября (10 декабря) – Революционный² полевой штаб (РПШ)³. ВРК создавался, чтобы «стоять на страже интересов революции и за власть Советов, и <...> беспощадно бороться [со] всеми попытками контрреволюции, жёлтой прессой и беспощадно производить чистку Ставки от тех элементов, которые мешают углублению революции и укреплению революцией прав пролетариата, крестьянства и армии»⁴. А формирование Центрального революционного полевого штаба при Ставке по борьбе с контрреволюцией обосновывалось тем что «только беспощадная борьба с контрреволюцией» даст «возможность добиться мира и укрепить пролетарско-крестьянскую власть Советов»⁵. Следует отметить, что эти меры отчасти были оправданы. Как отмечает историк С.Н. Базанов, переход Ставки под большевистский контроль не решил проблему борьбы за власть в действующей армии, так как руководство трех фронтов из пяти – Юго-Западного, Румынского и Кавказского – не признало нового Верховного главнокомандующего и его Ставку, где переменным успехом продолжалась ожесточенная борьба за власть между большевиками и их политическими противниками⁶.

¹ *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С. 647.

² В документах Ставки он проходил под названием Центральный революционный полевой штаб при Ставке по борьбе с контрреволюцией.

³ Военная Энциклопедия: В 8 томах. М., 2003. Т. 7. С. 634.

⁴ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 147.

Смена власти в Ставке негативно отразилась на её деятельности. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич позднее вспоминал: «Вступив в должность начальника штаба Ставки, я застал в нём полную растерянность и дезорганизацию. Некоторые ответственные чины Ставки самовольно уехали из Могилёва еще до появления эшелонов Крыленко. Самосуд над Духониным нагнал панику на оставшихся, и мне стоило немалых усилий сколотить около себя подобие работоспособного штаба»¹.

Поскольку новая власть не особо доверяла старорежимным генералам, то круг обязанностей Ставки на первых порах был ограничен чисто техническими вопросами, касавшимися в основном демобилизации армии и эвакуации фронтového имущества. Для этого в декабре была организована специальная Комиссия по демобилизации армии.

По мнению российского историка В.К. Шацилло, меры нового правительства по постепенному сокращению армии не были до конца продуманы. Согласно постановлению Совнаркома в бессрочный запас увольнялись все солдаты 1899 года призыва. Приказ тотчас разослали по радиотелефону во все штабы. Но составлен он был столь юридически неграмотно, отличался такой расплывчатостью и нечеткостью формулировок, что только взбудоражил солдатские массы. Ответственные за проведение демобилизации назначены не были, в результате из армии, и без того пораженной вирусом дезертирства, началось повальное бегство². Как писал М.Д. Бонч-Бруевич: «самочинная демобилизация армии приняла такие гигантские размеры, при которых всякая попытка ввести её в русло законности была обречена на провал. И хотя центральная и полевая комиссии намерены были провести постепенную, по возрастам, демобилизацию солдат и офицерского состава, из армии уходили все, кто хотел»³.

Иначе обстояли дела с сокращением штабных должностей. Приказом наштаверха № 1012 от 13 декабря 1917 г. были упразднены одна должность помощника в штаб-офицерском чине Начальника отделения по заведыванию службой чинов передвижения войск, ох-

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 235–237.

² Шацилло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 358.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 238.

раны и военно-рабочих частей (в управлениях Начальников военных сообщений армий всех фронтов); две должности офицера для поручений в управлении заведывающего передвижением войск; одного писаря среднего оклада в управлении заведывающего передвижением войск¹.

14 декабря 1917 г. М.Д. Бонч-Бруевич утвердил положение об «Управлении по демобилизации». На него возлагались следующие задачи: «а) приведение в исполнение на театре военных действий распоряжений и разъяснений «Комиссариата по демобилизации» и «Совещания по демобилизации» в Ставке; б) объединение деятельности фронтовых «Управлений по демобилизации»; в) все делопроизводство, как частных, так равно и общих «Совещаний по демобилизации» при Ставке; г) содержание сведений о ходе демобилизации; д) содержание в постоянной готовности сведений о численном и личном составе демобилизуемой армии и всех учреждений на театре военных действий; е) содержание сведений по ликвидации имущества на театре военных действий; ж) содержание сведений о районах расквартирования войск; з) содержание сведения по организации армии в мирное время»².

Проводя ускоренную демобилизацию большевики стремились избежать повторения Корниловщины. Так, Н.В. Крыленко распускал формирования, на которые опирались его предшественники. Так, приказом главковерха № 979 от 9 декабря 1917 г. ударные батальоны и иные подобные формирования объявлялись распущенными³.

Демобилизация проходила на фоне повального братания с противником, которое при большевиках оказалось фактически узаконено. Однако вместо ожидаемой пропаганды идей революции в условиях перемирия на фронте это довольно быстро выродилось в «бойкую торговлю» с солдатами противника. По мнению российского истори-

¹ Россия. Штаб Верховного Главнокомандующего (1914–1917). Приказы начальника Штаба Верховного главнокомандующего за 1917 год. № 4481035. 1 сентября – 20 декабря. [Б.м.], 1917. С. 632.

² Там же. С. 655.

³ *Базанов С.Н.* Роль А.А. Брусилова в создании добровольческих ударных батальонов и женских войсковых частей в 1917 г. // *Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции* (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 142.

ка С.В. Курицына, именно братание стало одной из главных причин полной утраты Русской армией боеспособности к началу 1918 г.¹

В январе 1918 г., ощутив неудовлетворенность от переговоров с немецкой стороной, советское правительство решило приостановить демобилизацию. 30 января 1918 г. В.И. Ленин в телеграмме Верховному главнокомандующему приказал передать «всем комиссарам армии и Бонч-Бруевичу о задержании всех телеграмм за подписью Троцкого и Крыленко о расформировании армии», поскольку «условия мира мы не можем вам дать, так как мир еще фактически не заключен», а также просил «задержать все телеграммы, извещающие о мире, вплоть до особого разрешения»².

Параллельно проводились мероприятия по эвакуации армейского имущества. Штаб Ставки основное внимание уделял спасению материальной части. С этой целью Бонч-Бруевич старался оттянуть в тыловые районы всё, что могло представлять собой ценность для обороны страны. Самочинная демобилизация и дезорганизация штабов привела к огромным потерям. И все-таки Ставке при содействии управляющих фронтами «троек» (обычно из назначенных большевистской партией партийных работников) удалось оттянуть в глубокий тыл, недоступный для германских войск, значительные материальные ресурсы. Матчасть Северного фронта удалось перевести в район Рыбинска – Ярославля; Западного фронта – в район Минска; Юго-Западного – к Днепру (преимущественно в район Киева)³.

В то время как наштаверх М.Д. Бонч-Бруевич занимался демобилизацией армии и эвакуацией военного имущества, главковерх Н.В. Крыленко приступил к подавлению вооруженных восстаний, поднятых противниками большевиков. Одним из них стало выступление в Белоруссии против советской власти 1-й Польского корпуса легионеров генерала И.Р. Довбор-Мусницкого⁴. В приказе о борьбе с мятежным польским корпусом Довбор-Мусницкого от 22 января

¹ Курицын С.В. Братание на русском фронте после прихода к власти большевиков (25 октября 1917 – начало 1918 г.) // Феномен мировых войн в истории XX века. С. 175.

² Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). С. 16.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 242–243.

⁴ Отечественная военная история. С. 167.

1918 г. он предписал «прекратить отпуск довольствия приставшим к контрреволюционному командному составу и поднявшимся на защиту польских помещиков войскам», а всех офицеров, «взятых с оружием в руках» приказал «немедленно на месте предавать революционному суду и действовать по отношению к ним без пощады, а в случае сопротивления расстреливать без суда», а крестьянам Могилевской губернии предложил «расправляться с насильниками по своему усмотрению»¹. В то же время, главковерх предложил «товарищам польским солдатам немедленно оставить место расположения польского корпуса и явиться с изъявлением готовности бороться вместе с русскими солдатами, арестовать командный состав и офицеров»².

Отчасти приказ Н.В. Крыленко возымел действие. В первой половине февраля 1918 г. отряды латышских стрелков, революционных моряков и Красной гвардии под командованием членов Революционного полевого штаба при Ставке Верховного главнокомандующего полковника И.И. Вацетиса (Вацетис) и подпоручика И.П. Павлуновского нанесли поражение легионерам, отбросив их к Бобруйску и Слуцку³.

Если с внутренними врагами главковерху Н.В. Крыленко удавалось бороться, то перед внешними приходилось отступать. 18 февраля 1918 г. 47 пехотных и 5 кавалерийских немецких дивизий, более 1 млн человек, перешли в наступление⁴. По мнению М. Гофмана, немецкое наступление было вызвано опасениями, что большевики «спокойно создадут новую революционную армию и будут устраивать свинства по всей Европе»⁵. По решению австрийской Ставки от 24 февраля 1918 г. действия германских армий с 28 февраля должны были поддержать австро-венгерские войска⁶.

Не имея возможности вести боевые действия регулярными частями, Ставка, активно привлекая офицеров и генералов царской армии, продолжила мероприятия по демобилизации армии и формированию

¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). С. 16.

² Там же.

³ Отечественная военная история. С. 167.

⁴ Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2-х кн. СПб., 2014. Кн. 2. С. 85.

⁵ Гофман М. Указ. соч. С. 239.

⁶ Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. С. 85.

партизанских отрядов. С этой целью был сформирован «оперативный штаб с необходимыми органами снабжения для общего руководства всеми отдельно существующими отрядами»¹. Однако, принятые меры должного эффекта не возымели. 20 февраля 1918 г. М. Гофман записал в своем дневнике: «Свинство в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет»². Как отмечает В.К. Шацилло, в ходе успешного немецкого наступления большевики, не сумев оказать противнику достойного сопротивления, сдали ряд городов: 19 февраля – Минск, 20-го – Полоцк, 21-го – Ригида и Орша, 22-го – латвийские Вольмар и Венден и эстонские Волк и Гапсала, 24-го – Псков, 25-го – Борисов и Ревель. За 5 дней немецкие и австрийские войска продвинулись в глубь российской территории на 200–300 км³.

Осознав нависшую над страной опасность, советское правительство было вынуждено ускорить переговорный процесс и 3 марта 1918 г. подписать в Брест-Литовске мирный договор. Россия по договору обязывалась демобилизовать свою армию и флот, в том числе, сформированные советским правительством войска. 15 марта Всероссийский съезд Советов, а 22 марта германский рейхстаг ратифицировали достигнутые договоренности⁴.

С учреждением 4 марта Высшего военного совета необходимость в сохранении Ставки полностью отпала. К этому времени большая часть стоящих перед ней задача была решена. На фоне разгорающейся гражданской войны целесообразность в сохранении данного органа военного управления отпала⁵. 16 марта 1918 г. в связи с выходом России из Первой мировой войны и прекращением боевых действий на Восточном фронте Ставка была расформирована⁶.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на все сложности и катастрофическое положение в стране и армии, Ставка смогла выполнить поставленные перед ней задачи до конца. При царском

¹ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М., 1971. С. 82.

² Гофман М. Указ. соч. С. 240.

³ Шацилло В.К. Указ. соч. С. 364.

⁴ Отечественная военная история. С. 141, 173.

⁵ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). С. 27.

⁶ Военная Энциклопедия: В 8 томах Т. 7. С. 634.

и Временном правительствах она не только координировала боевые действия на фронтах, но и пыталась остановить развал армии. С приходом к власти большевиков Ставка занималась вопросами демобилизации, одновременно организуя отпор немецкому наступлению. В то же время революционные события октября 1917 г. привели к окончательному идейному расколу в рядах российских военных: солдат и офицеров, в том числе, представителей Ставки. В новых условиях Ставка, окончательно утратив свое значение, была окончательно расформирована в марте 1918 г. Накопленный в годы её деятельности огромный положительный опыт в дальнейшем учитывался и активно применялся в период Гражданской и Великой Отечественной войн.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ПОДВИЖНОЙ АВИАРЕМОНТНОЙ МАСТЕРСКОЙ-ПОЕЗДА Ф.Ф. ТЕРЕЩЕНКО

Многим из нас известны примеры вклада советского народа в Победу над врагом, когда на деньги, собранные трудовыми коллективами и частные сбережения строились и передавались фронту танки, самолёты, корабли и другая боевая техника. Так, например, были построены танковые колонны имени Челябинского комсомола, «Пермский Осоавиахимовец», «Иркутский комсомолец», «Воронежский колхозник» и другие. На средства, собранные Русской православной церковью, была построена танковая колонна «Дмитрий Донской» и авиаэскадрилья имени Александра Невского. На деньги, собранные артистами Малого театра было построено звено самолётов «Малый театр – фронту». Также были переданы на фронт авиаэскадрильи «Новосибирский пионер», «Камский сплавщик», «Советский артист», «Учитель», «Байкальский рыбак» и другие. Было много примеров и частных взносов в Фонд обороны на постройку боевой техники. Например, Мария Васильевна Октябрьская построила на свои личные средства танк Т-34 и сама воевала на нём механиком-водителем. Воевала так, что стала Героем Советского Союза. На двух истребителях (Як-1 и Як-3), построенных на средства крестьянина-колхозника Ферапонта Головатого, воевал лётчик-истребитель Герой Советского Союза Б.Н. Ерёмин. И таких примеров множество.

Но аналогичные примеры частной помощи государству во время войны были раньше, в годы Первой мировой войны. Одним из них является Поезд-мастерская Червонского авиационного завода Фёдора Фёдоровича Терещенко.

19 июля 1914 г.¹ Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война. Россия вступила в войну, имея в составе сухо-

¹ Все даты приводятся по старому стилю летоисчисления.

путной армии 39 авиационных отрядов. Организацией ремонта самолётов и снабжением отрядов авиационно-техническим имуществом занимались 6 авиационных рот¹. Но с началом боевых действий отряды отделились от своих рот и выдвинулись на фронт в распоряжение армейского командования. Сами боевые действия на российско-германском фронте в 1914 г. приняли маневренный характер. Наземные войска проводили операции на широких фронтах и с большим размахом. Авиационным отрядам в этих условиях приходилось часто менять места дислокации, что создавало дополнительные трудности в осуществлении полевого ремонта аэропланов.

Отделившиеся от своих рот авиаотряды не имели достаточного количества технического личного состава и оборудования для осуществления среднего и крупного ремонта своими силами в полевых условиях. Практически в такой ситуации производился только мелкий ремонт эксплуатационного характера. Механики занимались сборкой и регулировкой самолётов, меняли отдельные расчалки, латали обшивку, могли сменить ось колеса шасси, заменить покрывки. Двигатели на аэродроме, как правило, не перебирались. Мотористы притирали клапаны, заменяли свечи и т.п. Более серьёзный ремонт производился в авиаротах². Но обслуживание авиаотрядов ротами сильно затруднялось из-за их отдаленности.

Интенсивное использование самолётов для нужд разведки и связи в начале войны привело к массовому выходу их из строя в ремонт. Малое число аэропланов в отрядах, способных вести боевую работу, а также большая подвижность фронта потребовали от руководителя российской военной авиации Великого князя (ВК) Александра Михайловича заняться организацией ремонта материальной части. Решение проблемы пришло со стороны. В середине сентября 1914 г. к Александру Михайловичу, официально занимающему пост Заведующего организацией авиации и воздухоплавания в армиях Юго-

¹ 1-я – в Санкт-Петербурге, 2-я – в Севастополе, 3-я – в Киеве, 4-я – в г. Лида, 5-я – в г. Бронницы под Москвой, 6-я – в Одессе. С началом войны часть авиарот перебазировали поближе к фронту: 2-ю – в Брест-Литовск, 5-ю – в Брянск и 6-ю – в г. Жмеринка (недалеко от г. Винница).

² Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.). 3-е изд., доп. М., 1989. С. 150.

Западного фронта, обратился владелец небольшого авиационного предприятия – «Червонского авиационного завода» киевский дворянин Фёдор Фёдорович Терещенко. Он предложил своими силами сформировать и передать на нужды Военного воздушного флота специальный поезд-мастерскую, предназначенный для ремонта самолётов в полевых условиях. Александр Михайлович с благодарностью поддержал предложение Терещенко. 28 сентября император Николай II дал на это высочайшее соизволение. Вскоре с использованием части оборудования предприятия и полностью за счёт Ф.Ф. Терещенко поезд-мастерская был сформирован. Им же выплачивалось денежное содержание руководящему составу мастерской – начальнику поезда, заведующему мастерской и его помощнику, делопроизводителям и другим специалистам. Например, известно, что за 1916 год начальник поезда коллежский асессор С.Т. Самсонов получил 3600 руб., а заведующий мастерской подпоручик А.С. Ларионов – 3000 руб.¹ Самого Терещенко призвали в армию, присвоив звание прапорщика инженерных войск. Военный министр своим приказом назначил его начальником созданной им подвижной авиационной ремонтной мастерской-поезда (ПАРМ-П), как её официально назвали. Полное официальное название мастерской, используемое в документах – Поезд-мастерская Червонского авиационного завода Ф.Ф. Терещенко. Главное военно-техническое управление (ГВТУ), которое занималось организацией боевой службы инженерных войск, и в чей состав входила военная авиация, предписало мастерской прибыть на Юго-Западный фронт (ЮЗФ) в распоряжение Заведующего авиацией и воздухоплаванием для ремонта самолётов на тех участках фронта, где он «приобрёл наибольшую подвижность», и имел место высокий процент выхода из строя самолётов².

Поезд-мастерская являлся маневренным средством осуществления крупного и среднего ремонта аэропланов в полевых условиях, оперативно выдвигался к расположению особо нуждавшихся в нём

¹ Харук А., Мараев Р. Адаменко, Матиас и др. Малоизвестные страницы отечественной авиационной промышленности. Завод Терещенко // *Авиация и время*. 2007. № 1. С. 18–20.

² Елисеев С.П. Организационное строительство военной авиации России (1910–1917 гг.). М., 2008. С. 71.

авиаотрядов и быстро завоевал высокий авторитет у авиационного начальства. Недолгое его пребывание в действующей армии в течении 1914 г. показало правильность такого пути решения проблемы ремонта авиатехники. Уже к концу года, 23 декабря, в дополнение к поезду-мастерской Терещенко, ГВТУ сформировало и отправило тоже на ЮЗФ второй авиаремонтный поезд (ПАРМ-П № 2). Этот поезд-мастерская уже был сформирован и содержался за счёт Военного ведомства. В самый канун Нового года, 31 декабря 1914 г., ПАРМ-П № 2 прибыл на Юго-Западный фронт и приказом Главнокомандующего армиями фронта генерал-адъютанта Н.И. Иванова передан в ведение ВК Александра Михайловича, а в техническом отношении подчинён командиру 5-й авиароты в Брянске¹.

Две подвижных авиационных мастерских-поезда (ПАРМ-П), по мнению Александра Михайловича, наилучшим образом соответствовали требованиям маневренной войны и, будучи подчинёнными непосредственно ему, выполняли роль «пожарных команд», оперативно восстанавливая авиатехнику на тех участках фронта, где шли интенсивные разведывательные полёты².

Так как к этому времени были сформированы поезда-мастерские различного назначения и для различных технических войск, 22 сентября 1915 г. император Николай II установил для подвижных технических мастерских-поездов походную форму обмундирования железнодорожных частей, с шифровкой на погонах по номеру мастерской-поезда, литерами «М-П» и специальным железнодорожным знаком над ними³. Здесь следует отметить, что в авиационных мастерских-поездах, по-видимому, железнодорожный знак не носили. А у ПАРМ-П Ф.Ф. Терещенко шифровка вместо номера была «Ч.Т.», что означало «Червонского Терещенко»⁴.

Осенью 1915 г. на Восточном (русском) фронте война повсеместно приняла позиционный характер. Это отразилось и на характере

¹ Приказ армиям Юго-Западного фронта от 31 декабря 1914 г. № 395.

² *Елисеев С.П.* Указ. соч. С. 73, 74.

³ Приказ по Военному ведомству от 22 сентября 1915 г. № 524.

⁴ *Веремеев Ю.* Погоны инженерных войск Русской Армии 1909–1917 гг. // Интернет-ресурс «Анатомия армии». URL: <http://army.armor.kiev.ua/forma/ing-pogon-03.php>.

работы авиации: полёты стали регулярными, в основном над одними и теми же районами, поэтому их требовалось не так много. К тому же проводились они, в основном, с одних и тех же аэродромов. В связи со стабилизацией фронта значительно уменьшилось количество перебазирований авиаотрядов, что позволило наладить планомерный ремонт повреждённой авиатехники. Также количество полётов уменьшалось из-за уменьшения светового дня и ухудшения погодных условий. Мастерские-поезда простаивали из-за уменьшения маневра отрядов. Известно, что в этот период поезд-мастерская Ф.Ф. Терещенко занимался монтажом пулемётных установок и бомбодержателей на самолёты «Вуазен». Сами установки заказывались на заводе «Дукс»¹. Нагрузка на поезд-мастерские снизилась, и Заведующий авиацией в октябре 1915 г. направил ПАРМ-П Ф.Ф. Терещенко с фронта в Москву для сборки самолётов, поступающих из-за границы.

С началом войны, в связи с большой убылью самолётов из-за боевых потерь и технических неисправностей, в действующей армии уже к концу 1914 г. начала ощущаться нехватка аэропланов. Отечественная промышленность не смогла в должной мере покрыть потребности армии в новых самолётах, и особенно в авиационных моторах. Правительству пришлось срочно организовывать закупки авиационной техники за границей, в основном во Франции. В основном поставки шли морем через Архангельский порт. Самолёты и моторы поставлялись в деревянных ящиках, которые во время перевозки повреждались – ломались и прогнивали. К тому же часть техники в пути разворовывалась и разукомплектовывалась. Всё это приводило к тому, что перед поставкой в боевые части эти самолёты было необходимо собрать, укомплектовать, отрегулировать и проверить. В основном все заграничные авиационные поставки шли в действующую армию через Московский центральный авиационно-воздухоплавательный склад (ЦАВС), поэтому именно туда и откомандировал с фронта мастерскую-поезд Червонского авиационного завода Ф.Ф. Терещенко ВК Александр Михайлович.

В конце октября 1915 г. мастерская-поезд Ф.Ф. Терещенко прибыла в Москву. Она разместилась на Ходынском поле и приступила

¹ Демин А.А. Ходынка: взлётная полоса русской авиации. М., 2002. С. 252.

к работе. Российское правительство в условиях «самолётного голода» закупало за границей любую подходящую по своим тактико-техническим данным авиатехнику, поэтому в Московский ЦАВС самолёты и моторы поступали совершенно различных систем. К концу 1916 г. количество разных типов самолётов и моторов, прибывших из-за границы в мастерскую, достигло 30 и 15 соответственно. Не меньшей многотипностью отличался и второй поток импортной авиатехники, шедший на фронт через Петроградский ЦАВС. Естественно, что этот фактор отрицательно влиял на качество эксплуатации авиатехники в войсках¹. Но личный состав мастерской освоил ремонт самолётов и моторов самых разных типов, поставив в строй в течение года 250 аэропланов и 70 двигателей. Эту работу высоко оценил начальник Управления Военного воздушного флота (УВВФ) генерал-майор Н.В. Пневский, выразивший «исключительную благодарность» руководящему звену поезда, а также объявивший свое спасибо «молодцам рабочим и нижним чинам»².

Осенью 1915 г. Ф.Ф. Терещенко, как специалист в области постройки самолётов и авиационных материалов, был отправлен во Францию в составе Комиссии по заготовке авиационного и автомобильного имущества. Сама же его мастерская-поезд продолжала свою работу в Москве до конца 1916 года. Она хорошо справлялась со своей работой, и это было отмечено вышестоящим руководством. 3 апреля 1916 г. заведующий её мастерской прапорщик А.С. Ларионов «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени³.

К концу 1916 г. Московский ЦАВС нарастил свои производственные мощности и мог уже обойтись без помощи ПАРМ-П Ф.Ф. Терещенко, который с лета этого года стал носить наименование – Поезд-мастерская имени Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича Червонского авиационного завода Ф.Ф. Терещенко⁴. Поэтому 19 декабря 1916 г. приказом по УВВФ

¹ Елисеев С.П. Указ. соч. С. 75.

² Харук А., Мараев Р. Указ. соч. С. 18–20.

³ Высочайший приказ от 3 апреля 1916 г.

⁴ 1 апреля 1916 г. Заведующий организацией авиационного дела в действующей армии (Авиадарм) Великий князь Александр Михайлович отметил свой

№ 152 «согласно указания Августейшего Полевого генерал-инспектора Военного воздушного флота, поезд-мастерская Его Императорского Высочества Великого князя Александра Михайловича Червонского авиационного завода Федора Федоровича Терещенко отправляется в состав действующей армии». Через 2 недели Ф.Ф. Терещенко, вернувшийся из заграничной командировки, лично возглавил свою мастерскую-поезд¹.

Перед отправкой на фронт, ещё 3 декабря, поезд-мастерскую Ф.Ф. Терещенко, которую до сих пор Фёдор Фёдорович содержал за свой счёт, передали на баланс и содержание Военного ведомства. Все машины и станки передали Военному ведомству в безвозмездное пользование до конца войны. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего своим приказом утвердил её штат и Положение о ней. Согласно этому штату, в поезде-мастерской Ф.Ф. Терещенко состояли 7 военных чиновников: начальник мастерской, его помощник (артиллерийский техник), заведующий мастерской (инженер-механик) и 2 его помощника, заведующий технической отчётностью и делопроизводитель. Отдельно стоит отметить, что самый большой оклад денежного содержания был у инженер-механика – заведующего мастерской. Должности заведующего мастерской (инженер-механика) и двух его помощников могли замещаться офицерами. Собственно, для выполнения всех технических работ в штате состоял 71 нестроевой нижний чин: 3 старших и 1 младший унтер-офицеры, 1 кладовщик, 1 старший медицинский фельдшер и 65 мастеровых².

В течение 1917 г. ПАРМ-П Ф.Ф. Терещенко обслуживал знаменитую Боевую авиационную группу Юго-Западного фронта (в конце марта вернувшуюся с Румынского фронта опять на Юго-Западный, а с апреля переименованную в 1-ю БАГ)³. Действия передвижной

50-летний юбилей. В честь этого события некоторые авиационные организации, шефом которых он являлся, в том числе Севастопольская авиашкола и Подвижная авиационная ремонтная поезд-мастерская Червонского авиационного завода Ф.Ф. Терещенко приняли его имя.

¹ Харук А., Мараев Р. Указ. соч. С. 18–20.

² Приказ Начальника штаба Верховного главнокомандующего от 3 декабря 1916 г. № 1676.

³ Хайрулин М., Куликов В. Боевые авиационные группы Первой мировой войны. СПб., 2015. С. 80, 197–201.

мастерской-поезда Ф.Ф. Терещенко во фронтовых условиях тоже оказались успешными. За руководство ею и другие заслуги в годы войны Фёдор Фёдорович был награжден орденами Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 2-й степени¹.

В 1917 г. странами Антанты планировалось провести ряд согласованных наступательных операций. В связи с этим возникла необходимость увеличения маневренных возможностей авиации. Для завоевания господства в воздухе на разных участках фронта российское командование приняло решение сформировать ещё три Боевых авиационных группы. Их техническому обслуживанию наилучшим образом соответствовали подвижные авиационные ремонтные мастерские-поезда. Тогда было принято решение в дополнение к двум существующим авиационным ремонтным поездам-мастерским сформировать ещё две ПАРМ-П, чтобы каждой авиагруппе придать свою ПАРМ-П.

Крайний эпизод применения ПАРМ-П № 1 (Ф.Ф. Терещенко) в Первой мировой войне, относится к 3 февраля 1918 года. На этот день в ней находились в ремонте самолёты Ньюпор-9, Ньюпор-17 и один трофейный Бранденбург С. I 1-й Боевой авиагруппы².

Подводя итог деятельности Подвижной авиационной ремонтной мастерской-поезда Червоного авиационного завода Ф.Ф. Терещенко на фронтах Великой войны, следует сделать однозначный вывод, что она сыграла большую роль в обслуживании авиационных отрядов действующей армии. Появившись в начале войны как частная инициатива, идея авиаремонтных мастерских-поездов быстро была по достоинству оценена высшим руководством Военного министерства и Военного воздушного флота. Сначала маневренная война, а затем создание Боевых авиационных групп, которые должны были обладать большой подвижностью, обусловили создание новых подвижных ремонтных органов ВВФ именно в виде мастерских-поездов. За время войны ПАРМ-П разрослись количественно (их сформировали 4) и улучшились качественно. Первый поезд-мастерская Ф.Ф. Терещенко состоял из 3 вагонов, затем их число довели до 50³. На рубеже

¹ Харук А., Мараев Р. Указ. соч. С. 18–20.

² Хайруллин М., Куликов В. Указ. соч. С. 198–201.

³ Дуть П.Д. Указ. соч. С. 151.

1916–1917 гг. все ПАРМ-Пы были полностью военизированы. Наёмные рабочие в них, не всегда выполнявшие требования командования, были заменены на военнослужащих, а поезд-мастерская Ф.Ф. Терещенко, бывший, по сути, частным предприятием, был принят в казну с присвоением ему штата и утверждения положения о нём. Два с половиной года войны Фёдор Фёдорович Терещенко на свои средства содержал поезд-мастерскую, закупал станки и расходные материалы, оплачивал работу руководящего состава и мастеровых, чем оказал большую пользу российской военной авиации. При этом необходимо отметить, что среди всех созданных в годы войны поездов-авиамастерских, основную работу вынесли на своих плечах ПАРМ-П Ф.Ф. Терещенко и ПАРМ-П № 2, сформированные ещё в 1914 году. Поезда-мастерские № 3 и № 4 вступили в строй только летом-осенью 1917 г. и не успели принять участие в широких боевых действиях.

БРАТАНИЕ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В 2017 г. отмечалось столетие Российской революции, оказавшей огромное влияние на ход истории не только нашего отечества, но и всего мира. Масштабная трансформация 1917 г. не могла не затронуть и вооруженные силы России, в которых в то время находились около 9 млн чел. Глубокие изменения в жизни страны и армии пришлось на военное время, в силу чего вопрос о дальнейшем участии России в мировом противостоянии стал одним из наиболее важных в период пребывания у власти Временного правительства. Особую остроту он приобрел в действующей армии, став в значительной мере причиной конфликтов и антивоенных выступлений.

Состояние вооруженных сил и происходившие в них в 1917 г. процессы неоднократно привлекали внимание историков. Однако наряду с детально разработанными в науке проблемами (в частности, деятельность партии большевиков в армии, установление советской власти на фронтах), существуют вопросы, получившие в литературе гораздо меньшее освещение. Среди них братание с противником. Несмотря на широкую известность, оно до сих пор не стало предметом монографического или диссертационного исследования. Вместе с тем, оно освещалось в отдельных статьях и брошюрах.

Следует отметить, что о братании на фронте писали еще современники событий. Так, в мае 1917 г. появилась брошюра А. Жаркова «Германские прокламации и “братание”»¹. Автор выражал негативное отношение к контактам с врагом, называя братания и немецкие листовки «новым оружием германцев»². Летом 1917 г. в Москве была издана брошюра П.Д. Бурского «Братание с врагом»³. Отличительной чертой указанных работ явилось привлечение их авторами большого количества источников, в частности, немецких листовок, писем, решений войсковых комитетов.

¹ *Жарков А.* Германские прокламации и «братание». Пг., 1917.

² Там же. С. 4.

³ *Бурский П.Д.* Братание с врагом // Народные беседы. 1917. № 17.

Уделил внимание братанию в своей книге «Социалисты во Второй русской революции» и А.С. Изгоев (Ланде)¹. Автор привел выдержки из газет социалистических партий, а также из «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», касающиеся братания. С его точки зрения, развитию братания способствовали не только большевики, но и другие социалистические партии, участники конференции в Циммервальде (1915 г.) и последующих конференций социалистов: «На второй или на третий день революции Циммервальд уже проскользнул в Россию. Это – основной факт, без понимания которого нельзя разобраться во всех преступлениях и несчастьях, обрушившихся на наше отечество», – подчеркивал автор.² Главной платформой, которая объединяла всех социалистов, прибывших в Циммервальд, Изгоев считал положение об «отрицании права защиты родины от вражеского нашествия»³.

Рассмотрим подробнее, какой представлялась автору позиция социалистических партий в вопросе о братании. Характеризуя позицию «Правды», в определенной мере лавировавшей в вопросе о братании в зависимости от складывавшейся обстановки, Изгоев, в частности, отмечал: «Большевики – те действовали грубо. Бюро их Центрального комитета еще в начале марта предписало: “широкое и систематическое братанье солдат воюющих народов в траншеях” (“Правда” № 5). Когда был изобличен провокатор Черномазов⁴ и прокатилась первая волна негодования против большевиков, “Правда” струсила и попыталась сжульничать. Так, отвечая на упрек одной газеты, что она проповедует “братанье с рабами Вильгельма”, “Правда” пыталась уверить, что большевики “всегда говорили, говорят и будут говорить о братании с борющимися против всяких Гогенцоллернов социалистами” (№ 11)»⁵.

¹ Изгоев А.С. Социалисты во Второй русской революции. Пг., 1917.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Черномазов Мирон Ефимович (1882–1917) (парт. кличка «Мирон»; лит. псевд. Н. Лютеков) – осведомитель царской охраны; с 1913 г. секретарь «Правды». По подозрению в связях с охранкой удален из редакции в январе 1914 г. После публикации списка секретных агентов царского правительства при правительстве Керенского арестован 7 марта 1917 г. Покончил с собой в тюрьме. – *Прим. ред.*

⁵ Изгоев А.С. Социалисты во Второй русской революции. С. 24–25.

Меньшевики, по мнению автора, «... не сопоставляли братание с изменой. 12 апреля, готовясь к Первомайскому празднику и подготавливаемая большевиками “Рабочая Газета” предложила: “Русские солдаты должны взять на себя почин. Они должны на всех участках фронта тем или иным путем делать предложения своим братьям-врагам, сидящим по ту сторону проволочных заграждений, день первого мая сделать днем первого революционного перемирия” (№ 29)»¹. Изгоев также приводит выдержки из статей, опубликованных в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», в которых, хотя и нет прямых призывов к братанию, но тем не менее прослеживалось сочувствие к стремлениям солдатской массы уйти от войны². Когда же меньшевики вошли в состав правительства, то участие большевиков в организации манифестаций 20–21 апреля в Петрограде, благодаря которым они получили министерские портфели, заставило их, по мнению автора, «... попустительствовать разложению армии, даже когда сами они в значительной своей части отказались от “братания” и “немедленного перемирия” и стали постепенно переходить на оборонческую позицию, продолжая пользоваться циммервальдской фразеологией»³.

Что касается эсеров, то Изгоев считал, что «эсеры-оборонцы в идейном отношении были ниже Плеханова, а в тактическом у них не хватало плехановского мужества разорвать с циммервальдским ядром партии и объявить ему войну»⁴.

В целом первые статьи, посвященные братаниям на фронте, носили публицистический характер и выражали социально-политические воззрения их авторов.

В советской историографии братание освещалось исследователями мимоходом. Так, например, только упомянул о братаниях в своей книге В.И. Вегер⁵. Затем вышла работа В. Хохлова, в которой братание затрагивалось также вскользь⁶.

¹ Изгоев А.С. Социалисты во Второй русской революции. С. 25–26.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Вегер В.И. К изучению ленинизма. Ленин. Большевики. Диктатура пролетариата. Иваново-Вознесенск, 1924. С. 21.

⁶ Хохлов В. Тактические разногласия среди большевиков в 1917 г. М., 1931. С. 10, 11, 13.

В трудах второй половины 1950-х гг. феномен братания на фронте рассматривался в контексте деятельности большевиков в армии. Такова работа Я.Г. Тёмкина «Большевики в борьбе за демократический мир»¹. В 1960–1980-е гг. вышел в свет ряд статей, посвященных братанию. В их числе статья Л.И. Велигуры, отразившая позицию Ленина в канун Октябрьской революции². В 1967 г. в сборнике «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции» опубликовал статью «Братание на фронтах в 1917 г.» А.Г. Ткачук³, сосредоточившийся на обстановке на Юго-Западном и Румынском фронтах. В поле зрения исследователя оказалась антивоенная деятельность немецких, австро-венгерских, польских, румынских левых партий и групп и, в частности, их отношение и роль в организации братаний на Восточном (Русском) фронте. Вместе с тем, Ткачук указывал на вторичную роль социал-демократии Центральных держав по сравнению с ролью большевиков в деятельности по организации братаний⁴. Кроме того, историк предложил и свою, двухэтапную, периодизацию братания: 1) стихийное братание, «обставленное всякого рода предосторожностями»; 2) «организованное братание с ярко выраженным политическим содержанием». Первый этап братания, по автору, приблизительно совпадал с двоевластием в России, а второй охватывал период с октября 1917 по март 1918 г.⁵ Также обращает на себя внимание тезис автора о том, что «инициатива братания в большинстве случаев исхо-

¹ Тёмкин Я.Г. Большевики в борьбе за демократический мир. М., 1957.

² Велигура Л.И. В.И. Ленин о значении братания на русско-германском фронте в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Великий Октябрь и революционное движение в Германии. Днепропетровск, 1977; она же. К вопросу о братании на русско-германском фронте в период борьбы Советской России за претворение в жизнь Декрета о мире (ноябрь – декабрь 1917) // Вопросы германской истории. Русско-германские отношения Нового и Новейшего времени. Днепропетровск, 1982.

³ Ткачук А.Г. Братание на фронтах в 1917 г. (по материалам Юго-Западного и Румынского фронтов) // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Там же. С. 135.

дила от русской стороны»¹. Данное утверждение нам представляется спорным².

Особо следует отметить, что Ткачук рассмотрел братание с нехарактерных для советской историографии позиций. Так, в частности, он указал на категорический запрет русским парламентарам входить в общение с рядовыми солдатами австро-немецкой армии. «Переговоры, – пишет автор, – вели, как правило, прошедшие школу разведки и контрразведки немецкие офицеры ... переговоры нередко использовались для оперативной разведки». Более того, Ткачук указал, что Центральные державы использовали официальные материалы немецкой прессы, а также «Русский вестник» и «Неделю», издаваемые правительством Германии с целью ослабления боеспособности русской армии. Перечисленные особенности выделяют рассмотренную статью из перечня подобных, опубликованных в 1960-е – 1980-е гг.

Особое место в историографии занимает статья В.В. Кутузова³, в которой рассмотрена источниковая база, необходимая для изучения братаний. Автор также разработал свою периодизацию этого явления, отличающуюся от периодизации, предложенной А.Г. Ткачуком, в сторону большей детализации. Кутузовым были выделены следующие этапы развития братания: первый период – от Февральской революции до начала июньского наступления на фронте (март – июнь); второй период – от июньского наступления до разгрома корниловщины (вторая половина июня – август); третий период – от поражения корниловщины до победы Великой Октябрьской социалистической революции; четвертый период – от победы революции и принятия II Всероссийским съездом Советов Декрета о мире до заключения перемирия на фронте (25 октября – 2 декабря 1917)⁴. Каждый из этапов-периодов кратко охарактеризован с точки зрения роста или

¹ Ткачук А.Г. Братание на фронтах в 1917 г. С. 132.

² См., напр.: Алексеев М.В. Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 16–17; Выдержка из доклада о поездке на фронт членов Государственной думы А.М. Масленникова и П.М. Шмакова // Головин Н.Н. Россия в первой мировой войне. М., 2014. С. 507–508, 509–510.

³ Кутузов В.В. Документы о братаниях в фондах ЦГВИА // Советские архивы. 1968. № 4.

⁴ Там же. С. 100.

снижения числа братаний на фронте. Кутузов привел также данные о количестве братаний в октябре 1917 г. по фронтам, в том числе и по Юго-Западному, и по Русскому фронтам в целом. Согласно подсчетам исследователя, на Юго-Западном фронте их насчитывалось 64, а по всему Восточноевропейскому театру военных действий (ТВД) было не 53, как в сведениях Ставки, а 414 эпизодов¹.

Также данные о количестве братаний на Русском фронте, хотя и далеко неполные, приведены в фундаментальном труде И.И. Минца². Уделил внимание изучению братания и М.С. Френкин³. В его исследовании, вышедшем в Мюнхене, предлагался отличный от господствовавшей в советской историографии точки зрения взгляд на братание. Исследователем приведены многочисленные факты, доказывающие заинтересованность в развитии братания австро-германского командования и использовании его в целях разведки⁴.

К этому же времени относится работа Н.М. Якупова «Революция и мир»⁵. Братания в ней рассмотрены в контексте событий до октября 1917 г. и в период мирных переговоров Советского правительства с Центральными державами⁶. Ставя вопрос о статистике братаний, автор сослался на сведения Ставки по Восточноевропейскому ТВД в октябре 1917 г. – 53 случая⁷, которые, как отмечено нами выше, оспорил В.В. Кутузов.

К этому же периоду относятся работы, отразившие усиление интереса исследователей к проблеме братания в контексте антивоенных выступлений. Так, в монографии В.Г. Ивашина «Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире» отдельная глава посвящена братаниям на Западном фронте в период заключения перемирия с Центральными державами⁸.

¹ Кутузов В.В. Документы о братаниях... С. 99.

² Минц И.И. История Великого октября: в 3-х томах. Т. 2. М., 1977. С. 745.

³ Френкин М.С. Русская армия и революция. Мюнхен, 1978.

⁴ Там же. С. 173–177, 265–267, 270, 676.

⁵ Якупов Н.М. Революция и мир (Солдатские массы против империалистической войны) (1917 – март 1918). М., 1980.

⁶ Там же. С. 120–133, 134–196.

⁷ Там же. С. 130.

⁸ Ивашин В.Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Мн., 1972. С. 231–265.

Подробно рассмотрел антивоенные выступления на Румынском фронте Е.Н. Истрати¹.

В постсоветский период появились новые, более объективные по своим подходам к проблеме братания исследования. Среди них соответствующие фрагменты монографии Ю.Г. Фельштинского², статьи С.Н. Базанова³, А.Б. Асташова⁴, Ю.А. Бахурина⁵, В.В. Бондаренко⁶. Следует отметить, что в статье С.Н. Базанова «Антивоенные выступления на фронте в марте – октябре 1917 г. Причины и последствия» была предложена периодизация братания, отличная от перио-

¹ *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинев, 1973. С. 26-119.

² *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 42 – 43.

³ *Базанов С.Н.* «Немецкие солдаты стали ... переползать к русским «товарищам» и брататься с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 43–50; *он же.* Феномен братания в Первой мировой войне // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003 / 2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 287–301; *он же.* Феномен братания // Наука в России. 2005. № 4; *он же.* Братание – порождение Первой мировой войны // Преподавание истории в школе. 2006. № 3. С. 22–26; *он же.* Братание – одна из причин развала русской армии в 1917 году // Мир и политика. 2011. № 3. С. 50–55; *он же.* Антивоенные выступления на фронте в марте – октябре 1917 г. Причины и последствия // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 262–267; *он же.* Феномен братания на Русском фронте // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. Калининград, 2013. С. 154–162; *он же.* Братание на фронте // Первая Мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 131–133; *он же.* Братание на Русском фронте в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. Материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014). М., 2014. С. 283–289; *он же.* Братание как феномен Первой мировой войны // Первая мировая война – тропы XX века. Материалы международной научной конференции. (Москва, 8–10 сентября 2014 г.). Ч. 2. М., 2015. С. 215–222.

⁴ *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 2. С. 29–41; *он же.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сб. статей. СПб., 2012. С. 40–47.

⁵ *Бахурин Ю.А.* О первых братаниях с противником в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 167–168.

⁶ *Бондаренко В.В.* Братания на фронте // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 203–205.

дизайн А.Г. Ткачука и В.В. Кутузова¹. Уделил внимание братанию на Западном фронте в своей монографии М.М. Смольянинов².

Особо следует сказать о статьях М.А. Оболонковой³, в которых исследовались вопросы братания на Западном (Французском) фронте с позиций научного направления «memory studies». Автором проанализирован оставленный этими событиями след в культурной памяти европейцев, а также их значение для формирования современной европейской идентичности⁴. В этой связи Оболонкова подробно рассмотрела феномен культурной памяти. Исследователь, в частности, указала на присущую ей специфику: «...культурная память характеризуется избирательностью: одни события прошлого тускнеют либо совсем стираются из коллективных воспоминаний, другие – сохраняются, оставаясь яркими и объемными»⁵. Также автором даны определения понятий «место памяти» и «коммеморация»: «Места памяти – не пространственная категория, это разнообразные каналы, связывающие человека с прошлым, наделенные общими для групп людей смыслами и возникающие в результате коммеморации, т.е. комплекса разнообразных способов, с помощью которых в обществе сохраняется, фиксируется и передается дальше память о прошлом»⁶. На основе этих методологических подходов Оболонкова рассмотрела рождественское перемирие в конце 1914 г. на Западном (Французском) фронте. Ею проанализирована источниковая база событий на указанном ТВД, ментальные особенности солдат различных армий, объясняющие, почему для британских солдат братание с нем-

¹ Базанов С.Н. Антивоенные выступления на фронте в марте – октябре 1917 г. Причины и последствия. С. 262 – 267.

² Смольянинов М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Мн., 2007.

³ Оболонкова М.А. Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: Рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2010. № 1; она же. Фронтное Рождество 1914 года в культурной памяти европейцев // Первая мировая война в истории и культуре Европы. Сб. статей. Калининград, 2013. С. 276–283.

⁴ Оболонкова М.А. Фронтное Рождество 1914 года. С. 282.

⁵ Там же. С. 277.

⁶ Оболонкова М.А. Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев. С. 9; она же. Фронтное Рождество 1914 года. С. 277.

цами было вполне возможно, тогда как для французов оставалось (за редким исключением) неприемлемым¹.

Особый интерес представляет попытка автора объяснить, почему в наши дни незначительный, по большому счету, эпизод Первой мировой войны – рождественское перемирие на Западном фронте – привлекает к себе широкое внимание европейской общественности. В поисках ответа автор обращается к концепции «выгод прошлого», в соответствии с которой рождественские братания 1914 г. содержат в себе ряд «выгод» для современного европейца: «1. Память о данном конкретном опыте помогает узнаванию и пониманию... изменившейся конфигурации социально-политического и социокультурного европейского пространства в связи с объединением Европы. 2. Это прошлое удостоверяет сегодняшние общеевропейские установки, ценности, действия, подтверждая их общность с прежними, способствуя их легитимации. 3. Рождественский опыт... может рассматриваться как один из «кирпичиков» для формирования современной европейской идентичности. 4. Из истории 48-часового перемирия извлечен своеобразный урок народной дипломатии... 5. Неординарное событие обогатило современность яркими воспоминаниями... в результате чего европейское настоящее приобрело большую глубину и смысл. 6. История рождественского перемирия дает возможность и для “бегства”... не в смысле полного отказа от настоящего, а как об отдушине... “запасном аэродроме”»².

Оболонкова коснулась и братаний на Восточном (Русском) фронте, указав, в частности, что здесь они чаще приходились не на Рождество, а на Пасху³. Говоря о влиянии братаний на состояние российских войск, в особенности после Февральской революции, исследовательница отметила, что они «... вкупе с другими обстоятельствами привели к падению боевого духа русской армии»⁴.

¹ *Оболонкова М.А.* Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев. С. 10, 11; *она же.* Фронтовое Рождество 1914 года. С. 279.

² *Оболонкова М.А.* Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев. С. 13; *она же.* Фронтовое Рождество 1914 года в культурной памяти европейцев. С. 281–282.

³ *Оболонкова М.А.* Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев. С. 11.

⁴ Там же.

Среди работ иностранных исследователей выделяется монография М. Гильберта¹, основное внимание в которой сосредоточено автором на участии британских войск в войне и на положении в Соединенном Королевстве. Гильберт также коснулся случаев братания на Западном (Французском) фронте. Опираясь на воспоминания участников рождественских братаний 1914 г., в основном младших офицеров британской армии, Гилберт указывает, что инициаторами являлись, главным образом, немцы, а сигналом становились переданные ими сообщения или песня. Помимо сведений о знаменитом футбольном матче (или матчах), имевшем место в ходе братаний, Гильберт описал не менее яркие эпизоды стихийного рождественского перемирия на ряде участков Западного (Французского) фронта: известный по воспоминаниям сапера Дж. Дэйви случай совместной гонки за зайцами или стрижка немецкого солдата британским на нейтральной полосе². Однако автором приводятся воспоминания только военнослужащих Иностранного легиона, состоявшего из добровольцев, прибывших воевать на стороне Франции из других стран. Но далеко не на всех участках Западного фронта, занимаемых Иностранным легионом, наблюдались братания. К примеру, в Эльзасе это воинское соединение в дни Рождества 1914 г. вело бои³. Кроме того, проявилась тенденция к постепенному затуханию братаний на Французском фронте и их схождение на нет: к концу 1916 г. рождественское перемирие 1914 г. осталось в прошлом⁴.

Касаясь братаний на Восточном (Русском) фронте, получивших сравнительно широкое распространение весной 1917 г., Гильберт вкратце рассмотрел случаи антивоенных выступлений в 12-й армии Северного фронта⁵. Неоднозначность настроений в русской армии после Февральской революции и во французской армии весной – летом 1917 г. обусловила зафиксированный автором достаточно причудливый контраст: «И на Восточном, и на Западном фронте беспо-

¹ Гильберг М. Первая Мировая война / Пер. с англ. С. Бавина, Ю. Гольберга, П. Кунарева, А. Курт. М., 2016.

² Там же. С. 172.

³ Там же. С. 173–174.

⁴ Там же. С. 409.

⁵ Там же. С. 439–440.

щадность столкновений соседствовала с массовым дезертирством, мятежами и братанием войск»¹.

Высокая информативность и оригинальность приведенных в монографии Гильберта сведений, соседствуют, к сожалению, с отдельными неточностями. Так, например, преувеличена оценка влияния большевиков после Февральской революции. Корректировки требует, на наш взгляд, и оценка автором роли Петроградского Совета как «антивоенного центра»².

Подводя итоги, следует сказать, что в современной России интерес к изучению братания, по сравнению с советским периодом, несколько снизился. Вместе с тем данный феномен получает более полное и всестороннее освещение, свободное от идеологических стереотипов и штампов.

¹ *Гильберг М.* Первая Мировая война. С. 450.

² Там же. С. 439.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АВСТРО-ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ УКРАИНЫ В 1918 г.

В настоящее время проблемы, связанные с историей Украины в годы Первой мировой войны, не вызывают такого общественно-политического резонанса, как деятельность украинских националистических организаций накануне и в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее, история Украины 1917–1920 гг. в период существования так называемой Украинской народной республики (УНР) также находится в центре непрекращающихся научных дискуссий и по-прежнему является политически актуальной. Нельзя не отметить, что после выхода Украины из состава СССР, избранный в декабре 1991 г. президентом этой страны Л.М. Кравчук принял президентские регалии от главы Украинской народной республики в изгнании М. Плавюка¹. Политические деятели современной Украины всячески стараются подчеркнуть преемственность образованного в 1991 г. государственного образования с УНР, тем самым заявляя о незаконности вхождения республики в состав Советского Союза в декабре 1922 г. Стоит заметить, что проблемы австро-германской оккупации на завершающем этапе Первой мировой войны также находят отражение в современной украинской исторической политике и историографии.

Однако целью настоящей статьи не является попытка представить и оценить состояние современных политических дебатов и интерпретаций украинскими историками событий 1918 г. на Украине. Известный австрийский историк А. Каппелер был безусловно прав, заявив еще в 1995 г., что новое поколение украинских исследователей в основном переписывает советскую историографию, меняя оценки «с черных на белые и наоборот». Исследователь высказывал серьезные опасения, что переоценка исторических фактов украинской

¹ См. об этом: *Портнов А.* Упражнения с историей по-украински. М., 2010. С. 29.

историографией приведет к тому, что слово «класс» будет заменено «нацией», описания героических подвигов коммунистов сменится прославлением националистов, а представления о «вечной дружбе народов» будет вытеснено стереотипом «вечного антагонизма» между украинцами и русскими¹. События последних лет со всей очевидностью продемонстрировали правоту этого суждения. Более того, подобного рода оценки в условиях разгула русофобии стали преобладать не только в украинской националистической историографии, но и поддерживаться многие западными специалистами.

В данной статье автор считает необходимым обратить внимание читателей на некоторые проблемы, связанные с австро-германской оккупацией украинской территории в 1918 г., поставленные западно-европейскими и североамериканскими исследователями.

Безусловно, изучение украинской истории в Канаде, США и ведущих странах Западной Европы также испытало и продолжает испытывать влияние политической конъюнктуры. Американский историк-славист М. фон Хаген справедливо отмечает, что в Канаде, где существует крупнейшая в мире украинская диаспора, а в университетах сформировались влиятельные центры по изучению истории Украины, все же сложилась «ненормальная ситуация». Почти все канадские ученые-украиноведы имеют украинское происхождение и тенденциозно освещают исторические события. Это обстоятельство, по мнению Хагена, способствовало тому, что наиболее известные историки-украиноведы Канады занимаются пропагандой идей для обоснования тезиса о существовании «украинской национальной идентичности»².

Тем не менее, многие западные исследователи, не связанные с украинской диаспорой и имеющие в основном польское или еврейское происхождение, написали немало работ, в которых раскрыт преступный характер украинского национализма, в том числе махровский антисемитизм, характерный для правления С. Петлюры в 1919–1920 гг. и другие «черные страницы» истории, неудобные

¹ *Kappeler A. Ukrainian History from a German Perspective // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 3. P. 698.*

² *Hagen M. v. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 3. P. 658.*

для многих деятелей украинского движения¹. Однако приходится констатировать, что при изучении австро-германской оккупации 1918 г. для немецких ученых имеются дополнительные причины тенденциозного освещения этого важного исторического сюжета.

Следует отметить, что в Германии интерес к украинской истории был тесно связан с собственными экспансионистскими планами в отношении Российской империи и Советского Союза. По справедливому замечанию Каппелера Украина интересовала немцев как источник сырья или как «пешка» в двойной игре, направленной против России и Польши. В конце XIX в. и в годы Первой мировой войны в Германии появилось немало публикаций, в которых высказывались идеи о необходимости образования марионеточного украинского государства, чтобы использовать его в борьбе против Российской империи. Подобного рода проекты предлагал в годы Второй мировой войны один из наиболее влиятельных нацистских идеологов глава печально известного «Восточного министерства» (Имперского министерства оккупированных восточных областей) А. Розенберг².

После окончания Второй мировой войны несколько немецких историков, которые были активны при нацистах, выпустили ряд публикаций об Украине. Украинским сюжетам были посвящены также несколько книг и статей молодых исследователей из Германии и Австрии. Однако интерес к украинской истории, достигший своего пика в середине 1950-х гг., сошел на нет в 1960–1970-е годы. Новое поколение немецких историков, освободившихся от влияния нацистского прошлого, было убеждено, что украинские националисты и связанные с ними историки полностью дискредитировали себя антисемитской политикой и сотрудничеством с германскими оккупационными администрациями в годы Первой и Второй мировых войн, и считали необходимым полностью дистанцироваться от них. Большинство этих молодых историков полагали, что эпоха национализма закончилась как в Советском Союзе, так и на Западе. Они являлись сторонниками объединенной Европы, а также активно поддерживали

¹ См., напр.: *Szajkowski Z.* “A Reappraisal of Symon Petliura and Ukrainian-Jewish Relations, 1917–1921”: A Rebuttal // *Jewish Social Studies*. 1969. Vol. 31. No. 3.

² *Kappeler A.* Op. cit. P. 694–695.

политику разрядки и нормализации отношений с социалистическим блоком¹.

Интерес к истории Украины у немецких исследователей стал возрастать со второй половины 1980-х гг., когда в условиях проводимой М.С. Горбачевым политики «перестройки» на Украине и в других национальных республиках Советского Союза стало шириться националистическое движение, нацеленное на получение самостоятельности от Москвы. Распад СССР и образование независимого украинского государства еще в большей степени актуализировал необходимость изучения данной проблемы. Нельзя не отметить, что в 80-х гг. прошлого века, после прихода к руководству Западной Германией консервативного политика Г. Коля, в исторической науке ФРГ стали предприниматься серьезные усилия с целью оправдания немецкого прошлого. Ряд консервативных немецких исследователей, возглавляемых Э. Нольте, К. Хильдебрандом и М. Штюрмером, «стали рассматривать коммунистическую идеологию в качестве предпосылки фашизма. Совершенные германским национал-социализмом преступления характеризовались ими лишь как оборонительная мера»². Украинские сюжеты стали также активно использоваться представителями этой политически ангажированной историографической школы для демонстрации «чудовищных преступлений сталинского режима»³.

Несмотря на то, что многие современные немецкие исследователи заявляют о необходимости освещать преступные стороны деятельности украинских националистов, одновременно с этим они подчеркивают необходимость понимания украинских историков, которые пытаются обосновать «национальную идентичность» народа Украины. При этом звучат высказывания о целесообразности оказания украинским коллегам финансовой поддержки и всяческого содействия.

¹ Подробнее см.: Ibid. P.696.

² *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес и мировые войны: почему и о чем спорят историки? // Феномен мировых войн в истории XX в.: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 27.

³ См. об этом, напр.: *Hagen M.* v. Op. cit. P. 661.

Изучение австро-германской оккупации Украины 1918 г. в современной немецкой историографии тесно переплетено с ведущими в западной исторической науке спорами об итогах завершившей Первую мировую войну Парижской мирной конференции и жизнеспособности Версальской системы международных отношений. Как отмечают многие современные российские историки в западной историографии (вероятно имеется ввиду американская, британская и французская национальные школы) преобладает точка зрения, согласно которой Версальский договор представляет собой «лучший компромисс», который могли достичь участники Парижской мирной конференции. К тому же утверждается, что Германия должна была возместить ущерб, который был причинен ее армией оккупированным во время Первой мировой войны странам¹.

Безусловно, такого рода суждения представляются излишне категоричными. Они по сути оправдывают империалистическую политику держав-победительниц. И в этой связи наиболее разумными оценками Версальской системы представляются выводы крупнейшего российского историка-германиста А.А. Галкина. По его убеждению, эта система, «безусловно, внесла позитивный вклад в урегулирование противоречий и конфликтов». Однако фундамент, на котором она держалась, «покоился на зыбкой почве, что резко ограничивало ее дееспособность». Исследователь подчеркивал, что «уже с самого начала стало очевидным», что Версаль породил стремление изменить навязанный несправедливый порядок и делал неизбежным его развал².

Однако подобного рода обстоятельства не могут служить основанием, чтобы признать убедительной точку зрения ряда современных немецких историков, пытающихся снять с Германии вину за развязывание

¹ *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес Германии и создание Версальской системы в оценках американских историков // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920: Взгляд из XXI в. М., 2017; *Романова Е.В.* Версальский мир: Пролог «двадцатилетнего кризиса» или «лучший из возможных компромиссов»? // Там же.

² *Галкин А.А.* Память и опыт (к 70-й годовщины Великой Победы) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы «круглого стола» (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 17.

вание Первой мировой войны и проводимую ей оккупационную политику. Ряд современных немецких историков пытаются поставить под сомнение тезис о грабительском характере Брестского мирного договора 1918 г. Так, боннский исследователь К. Буршоп предпринял попытку обосновать тезис, согласно которому в начале 1918 г. политическая и экономическая элита Германии предпринимала попытки для заключения мирного договора, который должен был быть более справедливым, чем принятый впоследствии в Версале. Брестский мирный договор и оккупация, по утверждению автора, были якобы вынужденной мерой, при помощи которой Германия должна была добиться преимущества над противниками, чтобы обеспечить возможность подписания предложенного ею мирного договора. При этом Буршоп подчеркнул, что немецкая оккупационная администрация способствовала образованию на Украине независимого государства, что является доказательством в целом благопристойных целей руководства Германской империи¹.

Подобного рода оценки германской политики на Украине можно найти и в ряде других издаваемых в ФРГ исследованиях. Необходимо отметить, что многие из них переводятся на английский язык с целью найти читателей практически во всех странах мира. Особенно активную издательскую деятельность в этом направлении проявляют немецкие историки В. Дорник и П. Лиеб. В своих работах они признают некоторую долю вины немецкой оккупационной администрации за совершенные на Украине преступления. Однако они подчеркивают, что до начала революционных событий 1917 г. украинский вопрос не находился в центре внимания политических и военных властей вильгельмовской Германии. Австрийская оккупационная политика рассматривается этими исследователями как более жесткая. Практически все репрессивные действия на оккупированной территории были в изображении этих авторов направлены исключительно против большевиков и вызваны чудовищной жестокостью «красных комиссаров». В целом организованная австрийцами

¹ *Burhop C. Germany's Economic War Aims and the Expectation of Victory, 1918 // Paying for Hitler's War: The Consequences of Nazi Hegemony for Europe. Cambridge – N.Y., 2016.*

и немцами экономическая оккупационная политика на Украине оказалась, по мнению Дорника и Лиеба, неэффективной и приносила Германии одни убытки. Однако главное положение авторов заключается в том, что политическая и экономическая обстановка на Украине в период австро-германской оккупации была значительно более гуманной и стабильной, чем после ухода немецких и австрийских войск¹.

Тем не менее, подобного рода воззрения убедительно опровергаются другими опубликованными на английском языке историческими исследованиями, авторы которых подробно цитировали документы немецкой оккупационной администрации и многочисленные источники украинского происхождения. Несомненный интерес могут представлять работы историков К.Ж. Юдиной, Б. Дмитришина, Г.К. Мейра², в которых обстоятельно показаны преступления и истинные цели германской оккупации Украины на завершающем этапе Первой мировой войны. Авторы сумели убедительно показать причины разгона немцами Центральной Рады, марионеточный характер созданного ими гетманства Скоропатского и истинные цели экономической политики Германии, а также привлечь к исследованию чудовищные постановления немецких оккупационных властей.

В заключение нельзя не сказать, о необходимости более пристального изучения проблем, связанных с австро-германской оккупацией Украины в 1918 г., чтобы препятствовать попыткам искажения исторической реальности. При этом важно подчеркнуть, что информация и выводы, приводимые многими западными историками в работах, которые были опубликованы в 40-е - 70-е гг. прошлого века, полностью опровергают распространяемые современными украинскими пропагандистами и их покровителями на Западе мифы о событиях 1918 года.

¹ См., напр.: *Dornik W., Lieb P.* Misconceived Realpolitik in a Failing State: the Political and Economical Fiasco of the Central Powers in the Ukraine, 1918 // *First World War Studies*. 2013. Vol. 4. No. 1.

² *Eudin H.J.* The German Occupation of the Ukraine in 1918 // *The Russian Review*. 1941. Vol. 1. No. 1; *Meyer H.C.* Germans in the Ukraine, 1918. Excerpts from Unpublished Letters // *The American Slavic and East European Review*. 1950. Vol. 9. No. 2; *Dmytryshyn B.* German Occupation of the Ukraine, 1918: Some New Evidence // *Études Slaves et Est-Européennes / Slavic and East-European Studies*. 1965/66. Vol. 10. No. 3/4.

О ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ФЛОТА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1919–1928) ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИКИ

В 1920-х гг. в советском военно-морском сообществе возобновилась дискуссия по вопросу «Какой флот нужен России». Она являлась продолжением начавшихся еще в середине XIX века споров между сторонниками и противниками строительства линейных кораблей. Боевые действия на морских ТВД Первой мировой показали, что многие представления о тактике и стратегии войны на море оказались ошибочными. Военно-морской теоретик вице-адмирал А.В. Шталь¹ характеризовал сложившуюся обстановку следующими словами: «Несоответствие средств и способов новым условиям и задачам явилось причиной крушения предвоенных доктрин, доктрины линейного флота как универсального средства для решения всех вопросов войны на море»².

Это нашло отражение в работе Военно-морской исторической комиссии (Морискома)³ по сбору отчетов о боевой деятельности сил флота и воспоминаний участников. Авторы всех этих трудов по-разному смотрели на причины побед и поражений нашего флота в минувшую войну. «Опыт войны требовал осмысления и выработки общих позиций в среде военно-морских ученых, для чего был

¹ Шталь, Александр Викторович (1865–1950) – вице-адмирал (1940), российский и советский военно-морской теоретик. Окончил гидрографический отдел Николаевской морской академии (1890). В 1906–1910 гг. служил в МГШ. С 1910 по 1921 гг. – помощник начальника Николаевской морской академии. Автор нескольких крупных трудов по военно-морской теории.

² *Шталь А.В.* Оперативно-тактическое наследие морских сил после мировой войны. // Морской сборник. 1934. № 8. С. 78

³ Специальная комиссия, учрежденная в конце 1918 г. для сбора сведений о применении флота в Первой Мировой войне и их анализа.

необходим свободный от политической окраски обмен мнениями»¹. Подобной платформой для независимого обсуждения проблемы стал «Морской Сборник».

В дискуссии 1919–1928 гг. можно отметить два узловых момента: 1921–1924 гг., когда решался вопрос «Нужен ли флот РСФСР?», и 1928–1929 гг., когда шли споры вокруг т.н. «малой войны» и ее тактики.

В конце 1919 г. в «Морском сборнике» была опубликована статья «О целях и характере журнала “Морской сборник”», в основу которой была положена записка Н.Л. Кладо². В ней отмечалось, что главным критерием определения истинности теории должен стать конкретный боевой опыт. Он должен был способствовать «единству мышления» у личного состава и «созданию такой военной доктрины, которая могла бы получить если не всеобщее признание, то... могла бы быть принята как единая значительным большинством»³.

Круг участников обсуждения, который первоначально составляли, главным образом, бывшие царские офицеры, со временем расширился.

Главной темой дискуссии в начале 1920-х гг. стал поиск доказательств необходимости сохранения ВМФ. В марте 1920 г. в «Петроградской правде» была опубликована статья «Ближайшие задачи морской силы Российской Советской Республики»⁴, перепечатанная в «Морском сборнике» с целью ее публичного обсуждения⁵. Именно

¹ Подсобляев Е. Ф. Нужен ли флот советской России? (по материалам дискуссии, прошедшей после Первой Мировой войны) // Новый Часовой. 1997. № 5. С. 128.

² Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1919) – генерал-майор по адмиралтейству (1912); историк и теоретик русского флота, профессор Морского корпуса, Николаевской Морской и Инженерной академий. Окончил Морское училище, затем – Механическое отделение Николаевской морской академии. Преподавал в Морском корпусе и других военно-морских учебных заведениях. Публицист; автор ряда сочинений по военно-морской тактике и истории, в т.ч. «Современная морская война» (1901). Известен как «русский Мэхэн».

³ Кладо Н.Л. О целях и характере журнала «Морской сборник» // Морской сборник. 1919. № 9–12. С. 2, 3.

⁴ Ближайшие задачи морской силы Российской Советской Республики // Петроградская правда. 1920. 25 марта. № 66.

⁵ Ближайшие задачи морской силы Российской Советской Республики // Морской сборник. 1920. № 1–3. В дальнейшем мы будем пользоваться именно этой публикацией статьи.

с этого момента началась многолетняя дискуссия о флоте. В ней можно выделить несколько этапов.

Первый этап, в ходе которого надо было дать ответ на вопрос «Нужен ли флот РСФСР?», охватывает два года (1920–1921 гг.). Некоторые участники дискуссии считали, что для молодого советского государства военно-морские силы – излишняя роскошь. По мнению советского военного и государственного деятеля В.И. Зофа¹, это было связано с тем, что помимо экономических причин, политическая обстановка «не вызвала острой необходимости существования вооруженной силы на море, а требовала лишь наличия небольшой подсобной силы на реках»². Будущая же война с потенциальными противниками советской России рассматривалась почти исключительно как континентальная³.

Вначале 1921 г. на совещании моряков-делегатов VIII съезда Советов был прочитан доклад «Нужен ли флот Республике?». В результате бурных и продолжительных споров была принята резолюция, призывающая «теперь же определить политику по морскому вопросу и реально приступить к воссозданию Красного Флота на морях Республики, кладя в основу приведение в порядок, ремонт и достройку имеемых боевых единиц, а также поставив на очередь дня создание нового типа судов, соответствующих условиям современной войны»⁴.

Следующий шаг был сделан Ф.Ф. Раскольниковым⁵, доказавшим в статье «Красный флот и его исторические задачи»⁶ полезность ВМС

¹ Зоф Вячеслав Иванович (1889–1937) – видный советский военный и общественный деятель; в 1921–1926 гг. – комиссар при помощнике главнокомандующего всеми Вооруженными силами Республики по морским делам; в 1924–1926 гг. – комиссар и начальник Морских сил РККА.

² Какой Р.С.Ф.С.Р. нужен флот. Материалы по вопросу о сущности и задачах морской силы Р.С.Ф.С.Р. из дискуссии в аудитории военно-морского дела 10 и 16 февраля с.г. // Морской сборник. 1922. № 1–2. С. 97, 98.

³ Монаков М.С. Развитие теории применения отечественного Военно-Морского Флота в 1921–1941 гг. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1999. С. 11, 12.

⁴ Цит. по.: Подсобляев Е.Ф. Нужен ли флот советской России... С. 130.

⁵ Раскольников Федор Федорович (настоящая фамилия – Ильин) (1892–1939) – мичман, в 1917 г. окончил отдельные гардемаринские классы; комиссар МГШ, заместитель Наркомвоенмора Л.Д. Троцкого; командовал соединениями кораблей на Волге и Каспийском море; с 1919 по 1921 – командующий Балтийским флотом.

⁶ Раскольников Ф.Ф. Красный флот и его исторические задачи // Известия ВЦИК. 1921. 5 января. № 3.

для дела революции. Он писал: когда «мы ходом исторического процесса вовлекаемся в водоворот мировой политики, нам более, чем когда-либо, нужен мощный флот, способный выполнить полностью свой долг перед социалистическим отечеством»¹.

Выход этой статьи способствовал принятию Десятым съездом РКП(б) резолюции, в которой провозглашалась необходимость «в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской республики, принять меры к возрождению и укреплению Красного военного флота»².

Одновременно в академических кругах продолжалось изучение опыта минувшей мировой войны и делались попытки разработать идеальный состав флота. Для этой цели летом 1921 г. была создана Аудитория военно-морского дела (Далее: Аудитория. В.Б.)³. Ее первое заседание прошло 18 июля 1921 г. и было посвящено обсуждению доклада А.Н. Гарсоева⁴ «Роль подводного флота в морской войне и типы судов этого флота в настоящем и будущем».

Можно выделить пять основных тезисов этого доклада. Во-первых, несмотря на появление новых орудий нападения и средств защиты, «господство над морем на всем протяжении истории... достигается всегда при помощи главных сил линейного флота». Во-вторых: сущность морских войн не изменяется, но каждая из них «дает что-нибудь новое в области тактических приемов и распределении функций между различными разрядами судов». В-третьих, «подводный флот, не лишив линейный флот его значения, его мощи и решающего слова... согнал его с морского простора и крайне стеснил его действия». В-четвертых, «современные требования экономики и политики заставляют отказаться от абсолютного господства над морем и ограничиться достижением условного господства, если оно в достаточной степени отвечает поставленным целям». И в-пятых,

¹ Цит. по.: *Подсобляев Е.Ф.* Нужен ли флот советской России... С. 131.

² Цит. по.: Там же.

³ Интересно отметить, что это учреждение было создано по подобию Санкт-Петербургского военно-морского кружка, образованного в 1906 г. для осмысления опыта русско-японской войны.

⁴ Гарсоев Александр Николаевич (1882–1934) – капитан 2 ранга, участник Первой Мировой войны; главный специалист по подводному флоту в Морском штабе Республики.

уничтожение пунктов базирования подлодок противника приведет к «решительным действиям по овладению неприятельскими морскими крепостями и борьбе с ними и с флотом, т.е. к той морской войне активного характера, к которой мы привыкли, изучая морские войны всех времен, начиная с самых отдаленных и до 19 в.»¹

В начале 1922 г. «Морской сборник» обратился к военно-морской общественности с призывом к «непосредственному изучению задач и путей для строительства флота Республики»².

В своем выступлении на одном из заседаний Аудитории М.А. Петров подвел итог первому этапу возрождения флота и отметил его главную особенность: «отличительным признаком каждого нового этапа его [флота] восстановления являлась необходимость доказать прежде всего “для чего нужен флот”...». И только после того, как правительство, командование флота и широкие массы придут к соглашению, можно начать решать вопрос: «какой нужен флот»³. Теперь самым главным являлось определение метода решения этой проблемы. При этом необходимо предостеречь себя «от тех субъективных, односторонних заключений, которые не раз весьма вредно отражались на создании нашего флота, вызывая тенденциозные решения и тем самым направляя развитие флота по неправильному пути»⁴.

Начало новому этапу, охватывающему 1922–1924 гг., положила дискуссия о сущности и задачах морской силы, «Какой Р.С.Ф.С.Р. нужен флот», проведенная на заседаниях Аудитории 10 и 16 февраля 1922 г. Профессор, капитан 1 ранга Б.Б. Жерве⁵ предложил три

¹ *Гарсов А.Н.* Роль подводного флота в морской войне и типы судов этого флота в настоящем и будущем // *Морской сборник*. 1921. № 7–12. С. 1–21.

² О новых задачах «Морского сборника» // *Морской сборник*. 1922. № 1/2. С. 4.

³ Какой Р.С.Ф.С.Р. нужен флот. Материалы по вопросу о сущности и задачах морской силы... С. 83, 84.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Жерве, Борис Борисович (1878–1934) – капитан 1 ранга, профессор (1927); советский военно-морской теоретик. В 1898 г. окончил Морской корпус, в 1901 г. – Минный офицерский класс, а в 1913 г. – Морскую академию. В качестве минного офицера крейсера 1 ранга «Громобой» участвовал в русско-японской войне; после ее окончания занимал штабные должности на Балтийском флоте. В годы Первой мировой командует на Черном море эсминцами «Капитан-лейтенант Баранов» и «Поспешный». С 1918 г. – в Военно-морской академии; с 1918 г. –

метода решения вопроса. Первый – когда исходят из вполне определенных стратегических задач. Второй – когда стратегические задачи намечают исходя из реальных ресурсов страны. И третий – экономический, «когда размеры задач морской силы определяются по отпущенным государством ресурсам». С его точки зрения, первый метод – самый простой, требующий «единого плана подготовки государства». В результате, «программа строительства морских сил должна соответствовать, с одной стороны, реальным ресурсам, с другой – отвечать политической обстановке». Если политика указывает наиболее вероятных противников, то экономика – «насколько мы должны сократить программу подготовки, в какие посильные рамки поставить создание вооруженной силы»¹. Однако недостатками этого метода были: сложность точного определения будущего противника и субъективный фактор, т.е. «невосприятие государственным руководством рекомендаций военного и морского ведомства по ведению политики»².

В целом, участники конференции давали пессимистическую оценку сложившейся ситуации и констатировали, что единственно возможной тактикой использования флота, с точки зрения военно-морских кругов, будет оборонительная. Так, А.А. Тошаков отмечал, что «...РСФСР значительно стеснена в отношении обладаний морскими выходами и по географическому своему положению является страной континентальной, а потому... наши морские силы на различных театрах впрямь до приведения их в должное состояние не могут иметь самостоятельных морских задач»³.

Одновременно появилось предложение развивать вместо морского воздушный флот или оба одновременно, поскольку, с точки

начальник кафедры стратегии Военно-морской академии, а в 1928–1931 гг. – начальник Военно-морской академии. С 1931 по 1934 г. – работает в Военно-политической и Военно-инженерной академиях. Автор трудов по военно-морской стратегии и истории флота.

¹ Какой Р.С.Ф.С.Р. нужен флот. Материалы по вопросу о сущности и задачах морской силы... С. 89–91.

² Подсобляев Е.Ф. Какой флот нужен РСФСР? (по материалам дискуссии, прошедшей после Первой мировой войны). // Новый часовой. 1999. № 8/9. С. 137.

³ Какой Р.С.Ф.С.Р. нужен флот. Материалы по вопросу о сущности и задачах морской силы... С. 104.

зрения представителей ВВС, завоевание господства на море «неразрывно связано с господством и на воздухе»¹.

Эта дискуссия не дала окончательного ответа на вопрос о дальнейших перспективах развития флота. «Чисто научный подход, предложенный представителями "академической школы"... натолкнулся на катастрофическое состояние экономики республики»².

Невозможность строительства линкоров вынуждала искать новые способы ведения войны на море. Такую возможность, по мнению профессора Б.Б. Жерве, давал тип авиаматки, появившийся к этому времени в США. Это привело к рождению идеи «нового типа линейного корабля, вооруженного вместо крупной артиллерии аэропланами». Его применение, по мнению Б.Б. Жерве, «позволяет начинать бой с очень дальних дистанций». Однако это не должно было приводить к отказу от сохранения классических классов артиллерийских кораблей³. Интересно отметить, что эта концепция предвосхитила определенное направление развития военно-морского искусства в годы Второй мировой войны.

Вторая узловая точка военно-морского строительства 1920-х гг. связана с т.н. концепцией «малой войны на море» и активными спорами вокруг нее. Интерес к ней зародился уже через несколько лет после окончания Первой мировой войны, но его пик пришелся на 1928–1929 гг. Учитывая большое количество материалов, а также ограниченный объем сообщения, мы рассмотрим только несколько наиболее интересных примеров.

Флагман 1 ранга И.М. Лудри⁴ так определяет понятие «малый флот»: это флот, «который является более слабым по отношению

¹ Какой Р.С.Ф.С.Р. нужен флот. Материалы по вопросу о сущности и задачах морской силы... // Морской сборник. 1922. № 3/4. С. 9.

² Подсобляев Е.Ф. Какой флот нужен РСФСР... С. 139.

³ О дискуссии на тему «Два флота: флот морской и флот воздушный» // Морской сборник. 1923. № 5. С. 189–198.

⁴ Лудри Иван Мартьянович (1895–1937) – советский военно-морской деятель, теоретик, флагман 1 ранга. Участвовал в Ледовом походе Балтийского флота; в 1923–1927 гг. – прослушал курс Военно-Морской академии РККА. В дальнейшем занимал ряд штабных должностей: начальник штаба Морских сил Черного моря (с 1928 г.), заместитель начальника Морских Сил РККА (с 1932 г.); начальник Военно-Морской академии (1937). Автор ряда теоретических трудов по военно-морскому делу. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

к своему вероятному противнику на данном морском театре... и будет решать поставленные на него задачи не методами владения морем, а использованием всех средств морских сил для непосредственно оборонительных задач¹. Что же касается тактики его использования, то она «не нами придумана – это дело не новое». Единственное отличие заключается в том, что новая советская Россия не стесняется ее придерживаться². Что же касается термина «малая война», то И.М. Лудри дает ему весьма остроумное определение – это «метод уравнивания сил (своими боками!)»³. Исторически всегда характерно для тактики малого флота – «привязанность к своим берегам и базам»⁴. Однако малый флот не обязан отсиживаться на минно-артиллерийской позиции, ведь его тактика «далека от каких-либо норм и зависит в значительной степени от театра»⁵.

Интерес представляют взгляды капитана 2 ранга А.М. Якимычева на использование тактики «малой войны»⁶. По нашему мнению, его статья дает наиболее полное представление о представлениях т.н. «молодой школы». Остановимся на ней подробнее.

Статья Якимычева начинается с краткого анализа концепции «старой школы»: согласно взглядам ее представителей основными целями флота являются: «*перерыв неприятельских морских путей сообщения*» и «*захват неприятельского побережья или угроза последнему*». Их достижение возможно при условии установления «*владения морем*» в результате уничтожения неприятельского флота. В этом случае главное средство боя – артиллерия, и поскольку наибольшее ее количество помещается на линкорах, то последние

¹ Лудри И.М. О тактике малого флота // Морской сборник. 1928. № 3. С. 15.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 16. Курсив – И.М. Лудри.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Якимычев Александр Михайлович (1897–1938) – капитан 2 ранга (1935), советский военно-морской деятель; изначально готовился служить в военно-морской авиации; в 1926 г. окончил военно-морской факультет Военно-морской академии. Участвовал в Гражданской войне; в 1928–1934 гг. – преподавал в Военно-морской академии; в 1934–1936 г. военно-морской атташе в США. Автор нескольких полемических работ по развитию военно-морской мысли. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

оказываются «*становым хребтом*» всякого правильно организованного флота»¹.

После Октябрьской революции в России произошло изменение принципов военно-морского строительства. Поскольку страна по разным причинам была не в состоянии строить активный линейный флот, являлось целесообразным «*начать развитие морских вооруженных сил со средств “малой войны” и береговой обороны*», которые трудно блокировать (авиация, подводные лодки, торпедные катера и т.п.)².

Признаки войны малым флотом по А.М. Якимычеву: 1) «*силы “малого флота”, явно слабее таковых у противника, но состав и организация их подобна “большому флоту”*»³; 2) их боевая деятельность «*бедна и носит эпизодический характер*»⁴.

По мнению А.М. Якимычева, это «*есть оборонительный вид войны слабой стороны на море с конечной целью – разгрома флота противника*», у которой существует неизменный результат – поражение, что доказывается всей историей парового флота⁵. Однако, у «малого (слабого) флота» существует шанс добиться успеха, но при следующих условиях: 1) «*надлежаще поставленной учебно-боевой подготовки флота*»; 2) «*отлично налаженной разведки*»; 3) он должен иметь в своем составе корабли, превосходящие в скорости те, которые имеются у противника; 4) он должен иметь несколько «*хорошо оборудованных и защищенных баз...*»⁶.

«Малая война» на море, согласно А.М. Якимычеву, есть результат «*резкого неравенства сил сторон на море*». Основная ее тактика – «*непрерывные удары по наиболее слабым звеньям вооруженной мощи противника*», а ее средства имеют «*вспомогательный характер и отличатся многочисленностью*». В «малой войне» инициатива всегда

¹ Якимычев А.М. Война «малым (слабым) флотом» и «малая война» в эпоху парового флота (в дискуссионном порядке) // Морской сборник. 1928. № 9. С. 45. Здесь и далее курсив – М.А. Якимычева.

² Там же. С. 46, 47.

³ Здесь нельзя не отметить сходство с взглядами И.М. Лудри на тактику малого флота.

⁴ Якимычев А.М. Война «малым (слабым) флотом» и «малая война»... С. 51–53.

⁵ Там же. С. 54, 55.

⁶ Там же. С. 55, 56.

исходит от слабой стороны и «при ее упорном, ожесточенном и длительном характере подвергает “большой флот” перманентной опасности»¹.

Важнейшим условием успеха ведения «малой войны» являются личные качества командования; ее цель – «наиболее уязвимые звенья вооруженной мощи противника»; ее средства должны быть многочисленны и соответствовать условиям театра; пункты базирования сил и средств «малой войны» должны быть «рассредоточены и защищены как с моря, так и с воздуха»².

Концепция «малой войны» подвергалась справедливой критике. Так в начале 1929 г. появилась статья А. Евсеева и С. Рекуна, где ведется полемика с сторонниками концепции³. Прежде всего, указывалось, что средства «малой войны» не так уж инеуязвимы: хотя их труднее заблокировать, чем линейный флот; против них имеется действенное оружие⁴. Также на средства «малой войны» свое ограничивающее влияние оказывают погодные факторы⁵. Более того, береговая оборона при всей ее неуязвимости имеет главный недостаток – пассивность. Это вызывает сомнения в ее эффективности⁶.

Однако, авторы согласны, что при соответствующей подготовке наших ВМС, при инициативном командовании, при умелом использовании особенностей ТВД, мы можем «получить возможность... оказать реальную и действительную помощь армии...»⁷. При этом, основной акцент делается на том, что кроме материальной части, не менее важным является и фактор подготовки личного состава⁸.

¹ Якимичев А.М. Война «малым (слабым) флотом» и «малая война»... С. 57–62.

² Там же. С. 65.

³ Евсеев А., Рекун С. По поводу дискуссии о ведении малой войны малым флотом. (В порядке дискуссии) // Морской сборник. 1929. № 3. С. 5–12.

⁴ В первую очередь, легкие силы противника.

⁵ Евсеев А., Рекун С. По поводу дискуссии о ведении малой войны... С. 8. Как здесь не вспомнить ход дискуссии 1880–1890-х гг. между сторонниками линейного флота и миноносцев.

⁶ Евсеев А., Рекун С. По поводу дискуссии о ведении малой войны... С. 8. Здесь нам видится некоторая аналогия с настроением ряда представителей военно-морских кругов в России, выступавших в 1860–1870-е гг. против строительства исключительно оборонительного флота.

⁷ Евсеев А., Рекун С. По поводу дискуссии о ведении малой войны... С. 11.

⁸ Там же.

Подведем итоги. Несмотря на все недостатки и противоречия, концепция «малой войны» оказалась одной из первых крупных теорий, разработанных представителями советской военно-морской мысли. Возможность ее появления была обусловлена тем, что к концу 1920-х в общих чертах была завершена работа по систематизации и обобщению боевого опыта Первой мировой и Гражданской войн; а также был увеличен объем ресурсов, выделявшихся на развитие флота. Концепция «малой войны» явилась ответом на потребность разработки методов ведения войны на море при неблагоприятном соотношении сил. Как показал ход дальнейшей истории, эта теория оказалась не совсем верной, но, тем не менее, сыграла свою роль в становлении военно-морской науки СССР.

Считаем необходимым отметить, что хотя теоретические дискуссии 1920-х гг. о судьбе русского флота проходили в условиях сложного и противоречивого периода истории нашего государства и являлись следствием временного кризиса мировой военно-морской мысли, однако своими корнями они уходят в дореволюционный период русского военно-морского строительства, что справедливо, на наш взгляд, отмечается и другими исследователями¹. Имеются в виду споры о дальнейших перспективах развития ВМФ России, неоднократно возникавшие во второй половине XIX – начале XX вв.

¹ *Монаков М.С.* Военно-морская наука в России: происхождение, возникновение и становление национальной системы знаний о вооруженной борьбе на море. М., 2011. С. 271, 272.

С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПО ПИСЬМАМ Ф.В ТАРАНОВСКОГО Г.В. ВЕРНАДСКОМУ (ИЗ СОБРАНИЯ БАХМЕТЬЕВСКОГО АРХИВА)

Важным направлением исследований отечественных историков остается история русской эмиграции первой волны. Одним из важнейших источников, пока еще недостаточно используемых в исторической науке, является корреспонденция ученых-мигрантов. Часть ее не сохранилась, однако, к счастью, в фондах ряда архивов находится множество ценнейших в научном плане писем русских ученых. Среди них – письма юриста и историка Федора Васильевича Тарановского (1875–1936). Выпускник Варшавского университета Тарановский был доцентом и профессором Варшавского (1899–1906), Юрьевского университетов (1908–1917), Демидовского юридического лица в Ярославле (1906–1908). В 1917 г. он был избран профессором Петроградского университета (еще с 1912 г. читал там лекции в качестве приват-доцента). Уехав на Украину, он стал деканом юридического факультета Екатеринославского университета, а в 1918 г. – одним из основателей Всеукраинской Академии Наук. Сотрудничество с антибольшевистскими движениями, в конце концов, стало причиной его вынужденной эмиграции. С 1920 г. вплоть до смерти он работал профессором Белградского университета по кафедре истории славянских законодательств¹.

Тарановский написал за свою жизнь множество писем, часть из которых уже становилась предметом научного анализа². Предлага-

¹ *Томсинов В.А.* Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья 6-я: Федор Васильевич Тарановский: судьба и творчество // Законодательство. 2003. № 4. С. 8790; № 5. С. 8791; *Михальченко С.И.* Федор Васильевич Тарановский // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 1633.

² *Михальченко С.И.* Неопубликованные письма ученых школы западно-русского права в архивах России и Украины // Археографический ежегодник за 1996 г. М., 1997; *Он же.* Письма Ф.В. Тарановского в архивах России как историче-

емая статья посвящена характеристике писем Тарановского известному отечественному историку Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973). Письма относятся к периоду 1920–1927 гг. и хранятся в фонде Вернадского в Бахметьевском архиве Библиотеки редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. Ценность этого архива для изучения истории русской эмиграции неоднократно отмечалась в научной литературе¹. Постоянно вводятся в научный оборот и неопубликованные материалы из фондов этого собрания.

В 1920-е годы жизнь обоих ученых в эмиграции только начиналась. Если Тарановский сразу смог определиться с местом жительства и с работой: все свои эмигрантские годы он в итоге провел в Белградском университете – то первые годы эмиграции Вернадского оказались наполнены переездами и работой в разных научных и учебных заведениях Европы. Вначале он жил в Константинополе, затем в Афинах, работая в библиотеке Греческой археологической ассоциации; с 1922 по 1927 гг. преподавал на Русском Юридическом факультете в Праге; после чего переехал в США, где стал профессором Йельского университета². Обширное эпистолярное наследие Вернадского уже привлекало внимание исследователей³, однако его письма Тарановскому остались вне поля их зрения. Всего сохра-

ский источник // Актуальные вопросы изучения и преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. М.П. Машерова. Витебск, 25–28 апреля 2018 г. / под ред. В.А. Космача, А.Н. Дулова. Витебск, 2018. С. 44–46.

¹ См. например: Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы выявления и возвращения // Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16–17 ноября 2000 г.). М., 2001; Россия в США: 50-летию Бахметьевского архива Колумбийского университета посвящается / Сост. А.В. Попов. М., 2001.

² *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 103–121; *Дворниченко А.Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

³ «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. и коммент. М.Ю. Сорокиной // Источник. 1999. № 1. С. 45–56; «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. М.; СПб., 2004. Вып. 6. С. 620696; «Мы живем в особенной атмосфере»: Письма М. Карповича Г. Вернадскому. 1909–1917 / Публ. и коммент. М.М. Горинова, М.Ю. Сорокиной // Новый журнал. 2014. № 274. С. 92–156.

нилось 11 таких писем¹. Ответных посланий не найдено, вероятно, они не сохранились, так как белградский архив Тарановского погиб во время немецких бомбардировок столицы Югославии в 1941 г.². Однако переписка Тарановского с Вернадским отличалась тем, что Тарановский каждый раз фактически пересказывал (с комментариями) содержание полученного им накануне письма Вернадского. Одним словом, содержание этих писем позволяет много узнать о жизни как как Тарановского, так и Вернадского.

Первое письмо написано Тарановским 20.12.1920 и направлено в Константинополь. Он выражал радость по поводу вызволения Вернадского с супругой из «ада». Главная тема этого письма, как и нескольких следующих – попытка получения Вернадскими визы в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС). С визой обещал помочь сербский митрополит Досифей (1877–1945). Относительно возможности обустройства в КСХС Тарановский был исполнен пессимизма: устроиться, по его мнению, в Белградский университет возможно только на богословский факультет, другие факультеты были переполнены. Он предлагал Вернадскому рассмотреть другие варианты трудоустройства – в семинарию, гимназию или на вновь открытый философский факультет в Скопле (Скопье) в македонской части государства.

К марту стало ясно, что с получением визы что-то не складывается (Вернадский пошел было за визой, но консул сказал, что ее пока нет). По мнению Тарановского, выраженному в письме от 02.03.1921 г., с визой может ничего и не выйти, поскольку процесс ее получения усложнился и даже протекции не помогают. Видимо, «обманули или смошенничали, что в порядке вещей на Балканах», – сетует автор письма. Как отмечал Тарановский заочно устроиться в университеты было нельзя, требовалось долго ходить лично; именно поэтому он советовал Вернадскому не пренебрегать возможностью

¹ Columbia University. Rare book library. Bakhmeteff Archives. G. Vernadsky papers. Box 10. F.V.Taranovskii letters. Далее все цитаты из писем приводятся по этому источнику. Нумерация листов единиц хранения в архиве не предусмотрена.

² *Омельченко О.А.* Федор Васильевич Тарановский // *Право и жизнь.* 1994. № 6. С.331.

устройства в Болгарии, если таковая появится¹. Судя по письмам Тарановского, Вернадский не оставлял попыток переселиться в КСХС весь 1921 г. Так, в письме от 9.10.1921 Тарановский приветствовал намерение Вернадских обосноваться в словенской Любляне, а также попытки Георгия Владимировича стать профессором недавно открытого там университета. Федор Васильевич советовал связаться с уже преподававшим там бывшим деканом историко-филологического факультета университета Св. Владимира в Киеве Николаем Михайловичем Бубновым.

Как известно, в итоге, в 1922 г. Вернадский стал профессором Русского Юридического факультета (РЮФ) в Праге, влившись в число сотен русских эмигрантов, получивших поддержку в рамках так называемой «русской акции». В письме от 17.05.1922 Тарановский выражал радость по этому поводу и, со своей стороны, делился собственными успехами – писал об «оазисе в душевной пустыне эмигрантской жизни» – устроенном им в 1920 г. в Земуне Религиозно-философском кружке².

Первоначальная эйфория, связанная с устройством в Праге, вероятно, скоро сменилась тревогой и разочарованием – постепенно приходило понимание того, что большевики пришли надолго, и вероятность устройства выпускников РЮФ в России мала. Обозначился кризис Русского юридического факультета, численность студентов начала сокращаться. Видимо, все это подтолкнуло Вернадского к поиску нового места службы. Из недатированного письма (по содержанию относящегося к 1924 г.) следует, что Вернадский вновь поднял

¹ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) – философ и культуролог. В 1912–1917 гг. приват-доцент Московского университета. Участник Белого движения. Эмигрировал. В 1922–1944 гг. преподавал в Кенигсбергском университете, с 1947 г. – в Свято-Владимирской Духовной семинарии в США.

² Как вспоминал участник кружка известный философ Василий Васильевич Зеньковский, «работали мы дружно, все прежнее или забылось, или отодвинулось», причем «самым интересным и живым членом и участником этих собраний был сам Ф.В. (Федор Васильевич Тарановский). Широко образованный, привыкший к точным юридическим формулировкам, он мыслил очень ясно и четко и всегда укреплял свои религиозные позиции пережитым опытом». *Зеньковский В. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1994. Т. XXVI. С. 53.*

вопрос об устройстве в Белградском университете: по его мнению, предполагался уход с кафедры русской истории престарелого профессора Георгия Емельяновича Афанасьева (1848–1925). Тарановский разъяснил Вернадскому его ошибку: Афанасьев, как и все русские, был гонорарным профессором (т.е. почасовиком), а на кафедре был еще ординарный профессор из сербов. К тому же, отдельной кафедры русской истории в университете не было, а Афанасьев как специалист по Франции, преподавал на кафедре всеобщей истории. По мнению Тарановского, эмигранту в КСХС нигде уже устроиться невозможно. Например, на философском факультете в Скопье (который рассматривался как место возможного устройства Вернадского в 1920–1921 гг.) после ухода в Софийский университет историка-медиевиста русского эмигранта П.М. Бицилли приняты на работу два местных доцента.

Другие письма 1924–1927 гг. наполнены, в основном, размышлениями Тарановского о прочитанных книгах (в том числе, присланных Вернадским) или о событиях, свидетелем или участником которых он был. Получив написанный Вернадским учебник по истории русского права, Тарановский в письме от 31.03.1924 г. поблагодарил Георгия Владимировича за книгу¹. Он приветствовал внимание Вернадского к взаимоотношениям церкви и государства, но сомневался в правильности выбора хронологического периода (императорской России). У самого Тарановского работа над «Очерком истории русского права», как он сообщал в письме от 13.04.1925, не клеилась².

Весьма информативно письмо от 23.11.1926: Тарановский сообщил, что в Белграде в следующем году решено провести Второй конгресс византологов. Приглашая Вернадского к участию в конгрессе (для участников виза и проезд по железной дороге КСХС были бесплатны), передавал просьбу главного организатора, профессора Богословского факультета Белградского университета византиниста Драгутина Анастасиевича узнать, получила ли русская Прага приглашения.

¹ *Вернадский Г.В.* Очерк истории права Русского Государства XVIII—XIX вв. Прага, 1924.

² Книга выйдет только через три года на польском языке: *Taranowski F.* *Historja prawa rosyjskiego.* Lwow, 1928. Cz. 1.

Последнее письмо Тарановского датировано 28.5.1927. Ученый делился с коллегой впечатлением от только что посмертно опубликованных весьма откровенных мемуаров знаменитого искусствоведа и историка Никодима Павловича Кондакова (1844–1925)¹ – «впечатление жуткое». В Белграде готовились праздновать День русской культуры (приуроченной ко дню рождения А.С. Пушкина) и Тарановский готовил речь «Государственные воззрения Пушкина».

Писем более позднего периода не сохранилось.

Несмотря на относительную краткость исследованного нами эпистолярного комплекса, представляется, что письма Тарановского и Вернадского являются важным источником по истории как русской эмиграции в целом, так и биографий и научных воззрений Ф.В. Тарановского и Г.В. Вернадского, в частности.

¹ *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы. Прага, 1927.

ОБРАЗ БИСМАРКА В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2015 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из крупнейших германских государственных деятелей Отто фон Бисмарка (1815–1898). В Германии и ряде других государств прошли различные мероприятия, посвященные данному юбилею. В рамках выступлений на научных форумах немецкие исследователи высказывали скорее критические оценки в адрес первого канцлера Германской империи, главного творца ее единства. Основной лейтмотив подобного отношения нынешнего поколения ученых и политических деятелей заключается в том, что в рамках господствующей либерально-демократической модели общественного устройства Бисмарк воспринимается как «диктатор», «тиран»¹. В то же время в России, как наглядно демонстрируют выступления ученых и тексты статей и монографий, к «железному канцлеру» скорее положительное отношение, как к политику, сумевшему вопреки многочисленным проблемам, добиться выдающихся результатов в деле объединения разрозненных, относительно слабых в военном и политическом отношении немецких государств в единую могущественную империю, мнение и интересы которой должны были учитывать другие акторы международных отношений².

Необходимо отметить, что образ Бисмарка и в немецком, и в российском общественном сознании, а также в научных исследованиях, претерпел с момента его смерти в конце XIX столетия значительную трансформацию. Как отмечает отечественный историк В.С. Дударев,

¹ См.: *Кокка Ю.* Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // Россия и Германия. Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1–2, *Ростиславлева Н.В.* Бисмарк, Германия и Россия: размышления о новейших немецких изданиях к юбилею Отто фон Бисмарка // Новый исторический вестник. 2016. № 1.

² См. статьи и монографии В.С. Дударева, Н.А. Власова, Р.И. Иванякова, Н.В. Ростиславлевой и др.

имя «железного канцлера» как символ использовали в годы Третьего рейха и нацисты, и представители сопротивления¹. В СССР, думается, неслучайно именно перед надвигающимся столкновением с Гитлеровской Германией в 1940–1941 гг. были впервые в полном объеме на русском языке изданы «Мысли и воспоминания» знаменитого канцлера, в которых он призывал своих соотечественников, как современников, так и потомков «никогда не воевать против России»². После окончания Великой Отечественной войны, в советской историографии складывается скорее негативный образ Бисмарка, которого отдельные исследователи и публицисты начинают обвинять в том, что именно его милитаристская агрессивная политика во многом поспособствовала формированию таких государственных структур в Германии и развитию такой политической культуры в немецком обществе, которая позднее позволила беспрепятственно прийти к власти Гитлеру. Однако в современных отечественных научных трудах, посвященных различным аспектам жизни и деятельности «железного канцлера», высказываемые в его адрес оценки не столь однозначны: наряду с критикой нередко встречаются и положительные характеристики³. Подобная ситуация наблюдалась и чуть более века тому назад, в годы Первой мировой войны, когда отечественные ученые и публицисты вновь начали активно обращаться к политическому наследию казалось бы уже позабытого Бисмарка, к его обширной государственной деятельности.

Это более чем удивительно, учитывая то обстоятельство, что в отечественной прессе окончательную отставку германского канцлера со всех занимаемых им государственных постов в 1890 году встретили с облегчением и сдержанной радостью. Спустя год во вли-

¹ Дударев В.С. Развенчание мифа об Отто фон Бисмарке в период Третьего рейха // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8(72). URL: <http://history.jes.su/s207987840002459-3-1>.

² Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3-х т. М., 1940–1941.

³ См.: Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. Дипломатическая ссылка или политический успех? М., 2013; Власов Н.А. Великий Бисмарк. Железом и кровью. М., 2011; Власов Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. СПб., 2018; Ростиславлева Н.В. Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка // Диалог со временем. 2016. № 54; Дегоев В.В. Россия и Бисмарк // Звезда. 2003. № 7 и др.

тельном умеренно-либеральном «Вестнике Европы» в одной из статей автор, рассуждая о якобы германофобских настроениях, захлестнувших российское общество, доказывает, что раздражение вызывал прежде всего «железный канцлер», проводивший недвусмысленную по отношению к России политику и умело использовавший немецкую печать для критики в ее адрес¹. Доказывается, что подобное враждебное настроение не распространялось на остальных немцев. К тому же многие представители политической и интеллектуальной элиты Российской империи связывали большие надежды на долгосрочное, продуктивное и взаимовыгодное сотрудничество с Германией с личностью ее молодого кайзера Вильгельма II. Однако по мере приближения к началу Первой мировой войны его образ претерпевал трансформацию, все более и более характеризуюсь негативными качествами². Напротив, о Бисмарке стали вспоминать значительно чаще, зачастую противопоставляя тогдашние непоследовательные шаги германских государственных деятелей четкой политической линии создателя Второго рейха.

Сравнение деятельности Вильгельма II и отправленного им в отставку канцлера было одной из двух преобладающих тенденций в отечественных исследованиях, посвященных Германии. Ряд российских мыслителей высказывали точку зрения, что неправильно обвинять Бисмарка в преступлениях немцев в годы Первой мировой войны. Так, П.Б. Струве доказывал, что Вильгельм II, нередко называвший себя в публичных выступлениях учеником «железного канцлера», на самом деле являлся его антагонистом и пренебрег всеми советами, завещанными «наставником». Более того, объединитель Германии был противником психологии милитаризма и стремился не дать ей проникнуть в умы рядовых подданных рейха³.

П.Б. Струве уверял, что у Бисмарка не было планов войны против России. Напротив, выполнение основной его внешнеполитической цели – создания единого немецкого государства – делало последующую политику умеренной и нацеленной на сохранение

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 832.

² См.: *Иванов А.А., Репников А.В.* «Зловещий лик Вильгельма кровавого». Германский император в оценках русских консерваторов // Родина. 2014. № 8.

³ *Струве П.Б.* Суд истории // Русская мысль. 1914. № 10. С. 165–171.

достигнутого, а не на продолжение агрессии. Крайне примечательно, что российский философ относил «железного канцлера», несмотря на его прагматизм и проведение так называемой «реальной политики», к поколению немецких философов-романтиков первой половины XIX столетия. Значительную роль в принятии им решений на разных государственных постах играло убеждение в существовании божественных сил, направляющих деятельность отдельных людей¹.

Другой корреспондент «Русской мысли», И.О. Левин, в статье, посвященной заключению австро-германского союза 1879 года, также настаивает на том, что не стоит отождествлять деятельность руководства Германии и Австро-Венгрии в период Первой мировой войны с политикой Бисмарка и Андраши соответственно. Несмотря на заключение между двумя немецкими державами союза, направленного против Российской империи, по мнению И.О. Левина, это был во многом вынужденный шаг германского канцлера, опасавшегося из-за непоследовательной политики Петербурга его сближения с Парижем. Это вновь означало пресловутый «кошмар коалиций», преследовавший немецкого канцлера, по его же признанию, на протяжении всей дипломатической карьеры. Автор статьи приходит к выводу о том, что будь в современном на тот момент германском политическом руководстве предусмотрительные и независимые от прихотей кайзера государственные деятели наподобие Бисмарка, начала крупномасштабных боевых действий в Европе и на других континентах удалось бы избежать². При всей спорности подобного утверждения, в котором едва ли учтен весь спектр объективных предпосылок, приведших к началу Первой мировой войны, а главный аргумент строится на субъективной роли личности в истории, для нас показательна роль «железного канцлера» в подобной ситуации, как некоего гаранта миролюбивости Германии, человека, умевшего сдерживать агрессивные аннексионистские стремления соотечественников.

Схожие мысли о том, что объединитель Германии относился к «старой» Германии философов и ученых высказывал коллега П.Б. Струве и И.О. Левина по «Русской мысли» известный фило-

¹ Струве П.Б. Указ. соч. С. 163–166.

² Левин И.О. Заключение австро-германского союза // Русская мысль. 1915. № 9. С. 72–81.

соф С.Л. Франк. Он доказывал, что если Бисмарк и был «предтечей» Вильгельма II и его окружения, то он отличался от своих «последователей» как учитель от учеников, воспринимающих его готовое учение извне и понимающих его по-иному, на свой манер. Между «железным канцлером» и пришедшим ему на смену новым руководителям Германской империи была огромная разница в том, что последние воспринимали себя всемогущими вершителями судеб народов, первый же именовал себя простым исполнителем божьей воли, верил в сверхъестественные силы. Именно эта вера и осознание конечности, пределов человеческих возможностей уберегала его от соблазнов дальнейших завоеваний после объединения Германии, в отличие от Вильгельма II, мечтавшего о мировом господстве¹.

Таким образом, на страницах «Русской мысли» в годы Первой мировой войны первый канцлер единой Германии нередко изображался как антагонист действующей власти, политик, предупреждавший потомков о необходимости умеренности и губительности для немецкого национального движения дальнейших завоеваний, как сторонник мирных, продуктивных отношений с Российской империей, мнением и заветами которого, к сожалению, пренебрегли.

Также положительную оценку действиям Бисмарка в своих статьях на страницах журнала «Голос минувшего» дал историк В.Н. Перцев. Впоследствии он объединил публикации в монографию, посвященную династии Гогенцоллернов, многие представители которой удостоились отнюдь не лестных оценок. Автор подчеркивал, что в характере первого германского канцлера были две противоречивые черты – традиционализм и стремление к обновлению – позволившие ему принимать нестандартные, но, как показал ход исторических событий, нередко верные решения, во многом определившие развитие Германии во второй половине XIX столетия². Перцев отмечал, что Бисмарк стремился подавлять демократические тенденции своей эпохи, однако, понимая, что борется с «ветряными мельницами», вынужден был нередко идти на вынужденные уступки в малом, чтобы

¹ Франк С.Л. О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10. С. 15.

² Перцев В.Н. Гогенцоллерны: Характеристика личностей и обзор политической деятельности. Мн., 2003. С. 115.

не потерять власть. Высокой оценки удостоилась и внешняя политика «железного канцлера», особенно в годы объединения Германии. Безусловно, основное внимание уделено отношениям с Российской империей. По мнению исследователя, Бисмарк, за годы нахождения на посту прусского посланника в Петербурге хорошо разобравшийся в российской действительности, уважительно относился к могущественной восточной державе, однако, опасаясь ее возможной агрессии против созданного в 1871 году немецкого рейха, стремился изолировать ее на европейской политической арене¹. Подчеркивая отсутствие интересов главы германского правительства в территориальных приобретениях после объединения страны, Перцев приводит в пример его позицию по колониальному вопросу. Дело в том, что имперский канцлер отказывался от применения военной силы для завоевания заморских земель, настаивая на том, что основа безопасности Германии – в мирной политике на европейском континенте². Как и И.О. Левин, автор книги «Гогенцоллерны» высказывал спорную точку зрения, что будь у руководства внешней политикой Второго рейха такой политик, как Бисмарк, Первой мировой войны удалось бы избежать.

Второй преобладающей тенденцией в отечественных научных и публицистических изданиях 1914–1918 гг., посвященным Германии, было то, что экспансионистская политика Вильгельма II и его окружения была логичным продолжением заложенных Бисмарком традиций. Кроме того, он должен разделять ответственность за начало Первой мировой войны. В частности, подобные мысли высказывал ведущий публицист либеральной московской газеты «Утро России» В.Г. Тардов, писавший под псевдонимом Т. Ардов. Он доказывал, что объединитель Германии, восхищавшийся немецким солдатом, ответственен за разгул милитаризма в широких кругах населения. В статье «Война 1914 года и русское возрождение» Тардов дает яркую характеристику немецкой нации, сравнивая жителей Германии с «клопами» и «нелепыми колоссами». Особенно характерны с точки зрения восприятия личности и политики «железного канцлера» следующие строки: «Опаиваемый пивом, обкармливаемый колбасой и мясом, немецкий мопс пухнул и хмелел из года в год, глаза его наливались

¹ Перцев В.Н. Указ. соч. С. 175–177.

² Там же. С. 178–180.

кровью, и скоро вся Германия стала похожа на одного огромного Бисмарка, на эту отвратительную фигуру, обсыпанную сигарным пеплом, пропахшую прогорклым вчерашним пивом и гордо выставившую вперед живот»¹.

Соглашался во многом с В.Г. Тардовым известный философ В.В. Розанов, в ранних произведениях нередко с симпатией писавший о первом германском канцлере. Однако после начала Первой мировой войны его оценки стали довольно жесткими, в адрес объединителя Германии стали звучать обвинения в развитии милитаризма, коварной непоследовательной политике по отношению к России, признании верховенства силы над правом в решении международных проблем. Показательно противопоставление Александра III и Бисмарка с морально-нравственной точки зрения. Если российский император, по мнению философа, был глубоко верующим, честным человеком, не терпящим лжи, то «железный канцлер» – воплощение безбожника, политического интригана, лжеца².

Вторил В.В. Розанову известный историк В.П. Бузескул, писавший о том, что политика «железа и крови», то есть решения проблем силовым путем, стала для немецких дипломатов и военных безальтернативным способом решения конфликтов. Он отмечал тесную связь придворных историков с государством в Германии, что способствовало прославлению династии Гогенцоллернов и лично имперского канцлера Бисмарка. По мнению ученого, глава правительства рейха в 1871–1890-х гг. косвенно ответственен за начало Первой мировой войны, однако стремление немцев к завоеванию мирового господства проявилось еще в середине XIX столетия. В доказательство этого В.П. Бузескул приводит строки из немецкого гимна «Deutschland uber alles»³.

Противоречивый образ «железного канцлера» на страницах своей брошюры «Немецкая культура и война» демонстрирует известный историк А.К. Дживелегов. С одной стороны, для него Бисмарк – крупная личность, значительно превосходившая по своим талантам и способностям современников и политических последователей,

¹ Утро России. 1914. 14 августа.

² *Розанов В.В.* Судьба Польши и слово Верховного Главнокомандующего // Война 1914 и русское возрождение. Пт, 1915. С. 96–137.

³ *Бузескул В.П.* Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия // Русская мысль. 1915. № 2. С. 25.

с другой – творец философии силы, не всегда скрывавший свои «фельдфебельские повадки», признававший превосходство немцев над другими нациями. В то же время он сторонник осторожной внешнеполитической линии, призванной добиваться решения исключительно национальных интересов, но с учетом позиции других великих держав¹. Как отмечал А.К. Дживелегов, и канцлер Т. Бетман-Гольвег, и кайзер Вильгельм II в политике были учениками объединителя Германии, но учениками «жалкими», не обладавшими его опытом и потому приведшими страну к столкновению с Антантой.

Известный отечественный философ В.Ф. Эрн в речи, посвященной памяти В.С. Соловьева, высказывал интересное суждение о том, что появление такого практического государственного деятеля, как Бисмарк, оказавшего значительное влияние на общественно-политическое развитие Германии, явилось логическим следствием предшествующего развития немецкой философии с ее уклоном на рационализм². Мысли о том, что «железный канцлер» несет ответственность за те бесчинства, которые творили немцы во время Первой мировой войны, за присущий им милитаризм, выражал также сотрудник «Русской мысли» А. Коральник, отмечавший преемственность между Бисмарком и Вильгельмом II³. Нередки были также сравнения первого канцлера и генерала П. Гинденбурга⁴, видимо, за их презрение к «философствованию» и стремлению к «реальной политике».

Нередко публикации в отечественной печати и в научных исследованиях, в которых упоминался творец германского единства, затрагивали проблему его взаимоотношений с Вильгельмом II. Например, в литературно-художественном альманахе «Война» один из авторов, писавших под псевдонимом «БУКВА», сравнил отношения между молодым кайзером и канцлером как шахматную партию, в которой заслуженному государственному деятелю его «восторженным почитателем» был поставлен «мат», означавший отставку. По мнению авто-

¹ Дживелегов А.К. *Немецкая культура и война*. М., 1915. С. 35–39.

² Эрн В.Ф. От Канта к Круппу (Речь, произнесенная на публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, 6 октября 1914 г.) // Сочинения. М., 1991. С. 308–318.

³ Коральник А. Германская идея // *Русская мысль*. 1914. № 12. С. 52.

⁴ Колтоновская Е.А. Параллели. О германцах // *Русская мысль*. 1915. № 1. С. 169.

ра статьи, эта отставка крайне удивила и оскорбила Бисмарка, «второго после Наполеона в XIX веке всемирного прославленного мужа», отказавшегося от титула герцога Лауэнбургского¹. Об этих же событиях писал и великий русский ученый В.М. Бехтерев в статье с характерным названием «Вильгельм – дегенерат нероново́ского типа». Он отметил двуличие германского кайзера, после смерти отправленного им в отставку «железного канцлера» изобразившего глубокую скорбь по усопшему, хотя в действительности, как считал автор, он его очень недолюбливал². О вине Вильгельма II («большого любителя поэзии и фразы») в том, что он не прислушивался к мнению престарелого главы правительства писал известный историк и социолог Н.И. Кареев. Однако он высказал критику и в адрес Бисмарка, отмечая, что именно в его эпоху немецкий национализм приобрел наступательный характер, выражавшийся в демонстрировании превосходства над другими народами, в частности, над поляками, которых гакастисты³ Второго рейха стремились как можно быстрее «онемечить»⁴. Н.И. Кареев не преминул отметить огромную популярность «железного канцлера» у рядовых немцев как характерную черту общественно-политической жизни общества еще при его жизни. А уж после смерти Бисмарка и вовсе стал наблюдаться его культ.

Сходные мысли о том, что именно в эпоху объединения страны германский национализм приобрел агрессивную шовинистическую составляющую, переросшую в «современное немецкое варварство», высказывал в своих статьях на страницах «Русского слова» известный журналист Б.И. Сыромятников. По его мнению, сам характер немецкого народа, присущий ему национальный дух, стремление к превосходству над другими, способствовали появлению на политическом небосклоне таких фигур как «железный канцлер» и Вильгельм II⁵.

¹ БУКВА. Вильгельм II // Война. Литературно-художественный альманах. М., 1914. С. 64.

² *Бехтерев В.М.* Вильгельм – дегенерат нероново́ского типа. М., 1916. С. 17.

³ Члены немецкого союза «Verein zur Förderung des Deutschums in Ostmarken», основной целью которого было полное онемечение восточных областей Германии. Происходит название термина «гакастисты» от инициалов фамилий трех основателей союза – Ганземана, Кеннемана и Тидемана.

⁴ *Кареев Н.И.* История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914). Ч. 1. Пт., 1916. С. 222.

⁵ *Богомолов И.К.* Образ противника в русской периодической печати 1914–1915 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 111.

Среди других сюжетов, в рамках которых в отечественных научных и публицистических трудах упоминался объединитель Германии, стоит отметить его взгляд на чешский вопрос¹, на проблему польского меньшинства в империи², объединения немцев в единое государство «железом и кровью» в противовес дипломатии Горчакова³ и др.

Таким образом, в период Первой мировой войны в российской журналистике и научных публикациях вновь отмечается повышенный интерес к личности и политике Отто фон Бисмарка, прежде всего к такому аспекту как российско-германские отношения в годы его руководства внешней политикой Второго рейха. Анализ публикаций позволяет сделать вывод о наличии двух, если так можно выразиться, генеральных линий, каждая из которых имела своих сторонников. Для одних «железный канцлер», несомненно, разделял вину потомков за разжигание мировой воны. Сторонники второй точки зрения резюмировали, что не стоит агрессию Вильгельма II, стремившегося к завоеванию мирового господства выводить их политического наследия отправленного им в отставку великого государственного деятеля, основной задачей которого после 1871 года было сохранение достигнутого единства Германии. Спустя столетие в российских и немецких научных и общественных кругах наблюдается сходная картина: оценки Бисмарка многообразны, зачастую противоположны и зависят от ряда факторов. Несомненно одно – он был государственным деятелем и еще длительное время исследователи будут обращаться к его политическому наследию.

¹ Записка особого политического отдела МИД 6 сентября 1916 г. Секретно // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. Тула, 2014. С. 601.

² *Любавский М.К.* История Западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917. С. 441. Любопытно, что М.К. Любавский называет «железного канцлера» «заклятым врагом» поляков, что бесспорно, однако пишет о Бисмарке как о главе «Пангерманского союза». И здесь возникает вопрос: то ли историк не знал о том, что отставной политик был лишь почетным руководителем этой организации, не принимая участия в ее работе и всячески открещиваясь от проводимых пангерманскими мероприятиями, то ли он просто использовал неудачный стилистический оборот, что более вероятно, учитывая высокий профессионализм М.К. Любавского.

³ *Ашевский С.* Русские писатели и война. М., 1915. С. 72.

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

Историческая наука и литература – различные области знаний, но предмет исследования у них общий: история человеческого общежития. Говоря о проблеме взаимоотношений истории и художественного произведения, французский философ и литературовед Ролан Барт писал: «Перед нами два континента: с одной стороны, мир как изобилие политических, социальных, экономических, идеологических фактов, с другой стороны, художественное произведение, на вид стоящее особняком, всегда многомысленное, поскольку оно открывается несколькими значениями... С одного континента доносятся лишь разрозненные сигналы; становятся видны отдельные сходства между континентами»¹.

Осмысление и интерпретация исторических фактов в литературном произведении происходят постоянно. «Они запечатлеваются в памяти не только одного читателя, но и общества в целом, становятся частью исторического самосознания»². Нельзя не согласиться с мнением украинского литературоведа Д.В. Затонского, что литература, в первую очередь созданная по следам событий, тонко и точно фиксирует и состояние отдельного человека, и социальной группы. «Искусство определенным образом вступает в содружество с научной мыслью и нередко намного опережает ее в истолковании событий»³.

Память и представления о Первой мировой войне в современном общественном сознании довольно долго находились в определенном забвении, что отчасти можно объяснить рядом эпохальных общественно-политических событий, кардинально изменивших миропорядок во всей Европе. Для России это, в первую очередь, февральская и октябрьская революции, Гражданская война, еще более разруши-

¹ *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 209–210.

² *Софронова Л.А.* История и культура // Культура и история. М., 1997. С. 13.

³ *Затонский Д.В.* Эрих Мария Ремарк, или двадцать лет спустя // Художественные ориентиры XX века. М., 1988. С. 107.

тельные и трагические события и последствия Великой Отечественной. Представляется, что, обратившись к зафиксированным в литературе и искусстве персональным и коллективным свидетельствам и представлениям о Великой войне, возможно пробудить интерес к причинам и обстоятельствам этого грандиозного события, расширить самые общие до сего времени представления о массовой и индивидуальной эмоциональной реакции на него. Благодаря произведениям самых разных жанров – хроникам, дневникам, записям по «горячим следам», гражданско-патриотической и лирической поэзии, перед заинтересованным читателем предстает глубокая, нередко основанная на личном опыте, трагическая картина войны, которая поставила под вопрос все мировое устройство. Чех Карел Тейге, крупнейший представитель европейского авангарда, анализируя духовную атмосферу, сложившуюся после окончания Первой мировой, писал: «Из войны человечество вышло усталым, беспокойным, потерявшим свои иллюзии, неспособным мечтать, любить, жить лучше и по-новому»¹. Для того, чтобы преодолеть уныние, порожденное войной – мощнейшим «разрушителем укоренившихся идеалов», «возникла необходимость осмысления трагического опыта войны и нового взгляда на себя, и на мир»².

Большая роль в переходе к кардинально изменившейся послевоенной жизни в славянских странах принадлежит литературе и искусству, эмоционально достоверно рассказавшим миру о неисчислимых жертвах той войны, о чувстве безысходности, подчиненности человеческого существования некоей злой воле в лице развязавших ее сил. В то же время снова и снова литераторы пытались предостеречь мир от будущих военных конфликтов, возвеличивая ни с чем не сравнимую ценность мирной жизни. Одновременно литература пацифистского толка, в определенной мере, способствовала зарождению первых ростков мирной жизни на новых основаниях.

Великая война послужила детонатором двух тектонических геополитических процессов: гибели и распада огромных империй и возникновения новых независимых государств, в том числе сла-

¹ Avantgarda znama a neznama. Sv.I. Praha, 1971. S. 560.

² Волков В.К. Вместо предисловия // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 6.

вянских – Польши, Чехословакии, Югославии, Беларуси, Украины. Таким образом, в той или иной степени все славянские народы оказались в эпицентре трагического исторического события. Продолжение прежней довоенной жизни было невозможно в силу самых разных причин, но прежде всего из-за кардинально отличного от предыдущих военных конфликтов характера войны, закончившейся в 1918 г. По мнению авторитетного исследователя этого периода В.Н. Виноградова, мировое противостояние стало «цивилизационным рубежом в истории человечества... Можно сказать, что не было ни одного явления экономической, политической, социальной, культурной и духовной жизни XX столетия, на котором не сказались бы последствия Первой мировой войны»¹.

Вряд ли в одной статье возможно даже фрагментарно обозначить спектр наиболее известных и художественно значимых произведений славянских авторов о Великой войне, поскольку их корпус довольно значителен. Однако возможно попытаться хотя бы эскизно создать художественно-документальный образ этого эпохального события, собранный из разных фрагментов – из поэтической рефлексии, мемуаров, документальных источников. Весь этот корпус можно условно разделить на две неравнозначные части. Одна – меньшая, объединяет непосредственные, едва ли не сиюминутные, отклики на войну. Это, как правило, поэтические произведения, в которых больше, что закономерно, эмоциональных реакций на события, чем какой-либо документальности и аналитики. Во вторую группу входят произведения, созданные по прошествии времени и отличающиеся глубоко отрефлексированным подходом к значимому историческому событию. Это, как правило, произведения больших художественных форм, таких, как повесть, роман, хроники.

Тема Великой войны занимала значительное место в литературе славянских стран, особенно в первое десятилетие после ее окончания. Наиболее многочисленные и значительные в художественном отношении поэтические произведения, по мнению многих критиков, были созданы польскими авторами. Однако довольно быстро патриотиче-

¹ Виноградов В.Н. О новых подходах к истории Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. С. 13.

ские и пацифистские мотивы, окруженные героико-романтическим ореолом, ушли на периферию польской литературной жизни, уступив место прозаическим произведениям, посвященным расчету с недавним военным прошлым, «жизни и судьбе» рядовых Великой войны. Значительно изменилась и парадигма польской литературы о трагическом событии мирового масштаба: смысловые акценты сместились на античеловечную ужасающую военную повседневность, наполненную смертями, болью, грязью.

Естественно, что славянские авторы создавали свои произведения о войне не в изоляции, они не отличались от других европейских писателей каким-то особым видением войны и обстоятельств, связанных с этим исключительным историческим событием. Но все же их книги, описывающие трагизм войны и ее восприятие непосредственными участниками, имели специфические приметы, заслуживающие внимания. Среди славянских литератур есть литературы-лидеры, наиболее плодотворно откликнувшиеся на мировой военный конфликт, к ним, в первую очередь, относится югославянская словесность, которую представляли такие известные литераторы, как словенец Иван Цанкар, хорват Мирослав Крлежа. Одним из наиболее значительных сербских писателей межвоенного периода стал Милош Црнянский, автор ряда прозаических произведений о войне, в том числе лирического романа «Дневник о Чарноевиче» (1921), написанного в исповедально-документальной манере, которая была присуща и представителям других литератур, например, малоизвестной в то время – белорусской. Повесть «На империалистической войне (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллеристской бригады Левона Задумы)» (1926) белорусского писателя Максима Горецкого и вышеупомянутый роман сербского автора роднят образы главных персонажей. Порой до неразличимости литературные судьбы схожи с судьбами авторов, их биографиями, личными историями участия в военных действиях. Схожи и философские раздумья главных героев о необъяснимой жестокости и абсурдности войны, невозможности ее рационального объяснения. М. Горецкий хотел оставить в памяти потомков «антропологический портрет войны». Свою задачу он видел в документально-художественной фиксации повседневного быта и горького опыта человека на войне, его «превращения», воспроизведе-

дении страшных подробностей военных будней, жизни «не по правилам», лишенной привычных моральных законов»¹.

Нагруженные тяжелым «окопным» опытом молодые югославянские литераторы вернулись с войны, по существу, в новое единое югославянское государство (1918). Приветствуя его рождение, ощущая свою причастность к этому событию, они, вместе с тем, испытали сильное разочарование, причиной которого стала оставшаяся почти неизменной внутренняя политика и идеология, провозглашенная властями. На войне им представлялась совсем другая мирная жизнь, с новым политическим укладом и новой идеологией; деятели культуры – участники войны критиковали прежние идеологические ориентиры, в первую очередь культ Косова, одного из ключевых сербских мифов, положенного в основу процесса формирования национальной идентичности. Их творческий путь лежал в другом направлении: так, например, молодые югославянские поэты создавали свои поэтические произведения о Великой войне в новой авангардистской эстетике, отличной от традиционных литературных форм. Новые темы, продиктованные новым послевоенным мирозерцанием, требовали обновленного поэтического языка.

Справедливо считается, что в русской литературе тема Первой мировой войны получила довольно слабое и нередко тенденциозное освещение по сравнению с литературой других славянских стран. Такое мнение разделяют и многие отечественные историки, полагающие, что в русской литературе Первая мировая война не нашла достойного отражения². Отчасти это так. Однако объяснить подобный, относительно слабый отклик на войну с ее огромными безвозвратными потерями русских войск (около 11 млн чел.) едва ли возможно только бурными общественно-политическими событиями, заслонившими собой события на фронтах. Думается, что нужна серьезная исследовательская работа, способная прояснить парадоксальную ситуацию – отсутствие масштабного творческого резонанса. Что касается утверждения о тенденциозности, то ее, вероятно, поможет

¹ Куренная Н.М. Белорусская художественно-документальная проза // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2018. С. 40.

² Волков В.К. Вместо предисловия. С. 8.

отчасти прояснить ситуация, сложившаяся в начале Великой войны как в России, так и в других славянских странах. Имеется в виду широко распространенный энтузиазм творческой интеллигенции, в том числе и русской, иногда даже переходящий в ликование по поводу начала боевых действий. Известные русские литераторы того времени – Константин Бальмонт, Федор Сологуб, Марина Цветаева, Михаил Кузмин, Сергей Городецкий приветствовали начавшуюся войну как «очистительную грозу» в надежде на ее последствия для Европы. Однако и тогда, и сегодня такая позиция вызывает определенное непонимание и недоумение.

«Градус» патриотизма в российском обществе повышала и идея славянского единства и соучастия, весьма популярная среди творческой интеллигенции, что нашло отражение в литературе. Ряд писателей и поэтов – М.М. Зощенко, Саша Черный (А.А. Гликберг), А.А. Блок, Н.С. Гумилев, Велимир Хлебников и многие другие не только откликнулись на военные события в своем творчестве, но и лично приняли участие в Первой мировой войне в качестве военно-служащих и вольноопределяющихся.

Диапазон оценок и суждений был достаточно широким. Особое отношение к войне с первых ее дней отличало Зинаиду Гиппиус, создавшую цикл стихотворений, проникнутых гневными пацифистскими настроениями и мудрым предупреждением-предвидением о возможности грядущих поражений и массовых трагедий. Уже в конце августа 1914 г. она публикует стихотворение «Тише», призывающее воздержаться от шапкозакидательских настроений, царивших в интеллигентской среде :

*В часы неоправданного страдания
И нерешенной битвы
Нужно целомудрие молчания
И, может быть, тихие молитвы.*

Вслед за этим стихотворением Гиппиус создает еще одно – «Всё она» о характере бушующей войны, которую поэтесса сравнивает с бездушным механизмом, в топку которого забрасываются и с той и с другой стороны все новые и новые жизни:

*Все едины, всё едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жует, жует война...*

Особое место в русской литературе, посвященной событиям Великой войны, занимает творчество Саши Черного, автора поэтического цикла «Война» (1922) и «Солдатских сказок» (1933). В августе 1914 г. он, уже известный поэт, уходит на фронт добровольцем и воюет в разных частях до конца войны. Поэтический дар Саши Черного высоко ценили и мэтры русской литературы, и начинающие литераторы, его творчество было популярно и востребовано читающим народом. Цикл «Война» был опубликован поэтом в эмиграции в сборнике «Жажда», потому знакомство с ним массового русского читателя стало возможно только спустя десятилетия. Перед нами – поэтическая хроника, воссоздающая атмосферу военных будней: призывной пункт с растерянностью призывников, слезами матерей и жен; страшное натуралистическое описание полевого госпиталя, подобного безостановочному конвейеру; берущие за душу строчки письма шестилетнего малыша отцу на фронт; лирико-драматическая картина выздоровления молодого парня в деревне после тяжелого ранения... Поэтический цикл «Война» отличает полное отсутствие патетических и псевдопатриотических нот.

Повседневной обстановке на фронтах, где сражались английские солдаты, посвящена малоизвестная читателю книга К.И. Чуковского «Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне» (1915 г.). Это произведение русского автора – документальное исследование опубликованных в английской периодической печати фронтовых писем солдат союзнической армии. (Томми Аткинс – собирательный образ английского солдата, аналогичного, по мысли Чуковского, обобщенному образу «рядового Иванова»). Основную свою задачу писатель видел в том, чтобы не просто познакомить российских читателей с солдатским бытом «чужой» армии, но и попытаться разрушить стереотипы и клише об Англии и англичанах, бытовавшие в русском общественном сознании. По мнению Чуковского, солдатские письма – продукт современной ему эпохи. «Дело не в отдельном солдатском

письме как бы ни было оно занимательно, а в целой Ниагаре этих писем, пускай однообразных, банальных, но затопивших собою весь мир! Тем-то и дорого это явление, что оно хоровое, гуртовое, оптовое. Для социолога в нем откровение. Для изучателя массовой психики оно – драгоценнейший клад»¹. Анализируя письма английских фронтовиков, Чуковский искренне печалится о том, что еще не собраны письма русских солдат: «Я уверен, что то коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы в них, было бы духовной красоты удивительной. Может быть, перед нами явился бы лик нового Платона Каратаева, широчайший поэтический образ всемужицкой, всеславянской души, а, может быть, другой, неожиданный, еще святее и благоднее»². Писатель знакомит читателей с одним-единственным письмом некоего казака Владимирова. В этом послании, как в капле воды, отразились многие характерные типические черты писем русских солдат – склонность к преувеличениям, которые сродни поэтической лжи, наивное мифотворчество, использование древне-песенного эпического орнамента, в том числе и традиционных деревенских «поклонов» многочисленной родне. «И часто в основе этих писем лежит то неосознанное религиозное чувство, которое прорывалось такими вулканами в творчестве наших народнейших гениев: та же тревога о совести, о Боге, о душе, о праведной, правильной жизни»³. Письма английских рядовых совсем иного характера. Они сухи, неэмоциональны, главное в них голые факты; эти письма, по существу, своеобразное дополнение к газетным публикациям. «Характерно в письмах британских солдат, пишет Чуковский, отсутствие самонаблюдения, самоанализа... Зато по их письмам так легко конструировать всю историю этой грандиозной войны, – для чего совсем непригодны русские солдатские письма»⁴. Книга К. Чуковского стала своеобразным документально-художественным пособием, предназначенным, по замыслу автора, для знакомства «широких обывательских кругов» с военным союзником в лице ее рядовых «Аткинсов».

¹ Чуковский Корней. Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне. Петроград, 1915. С. 5, 6.

² Там же. С.10.

³ Там же. С.15.

⁴ Там же. С. 16-17.

Одной из главных, фундаментальных черт, объединяющих многие произведения славянских авторов о Великой войне, стала документальность и нередко сопутствующая ей автобиографичность, использование в литературных текстах не только подлинных официальных или полуофициальных документов – приказов, воззваний, листовок, но и многочисленных документов личного происхождения, так называемых эгодокументов – дневников, записок, писем. Исследователи отмечают хроникально-документальную основу даже в таких выдающихся художественных произведениях, как, например, всемирно известный неоконченный сатирический роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (1921–1923 гг.). Российская исследовательница Л.Н. Будагова отмечает, что для достижения сатирического эффекта писатель использовал «невыводимые, доходящие до абсурда невероятные подлинные ситуации... Именно совпадение гротеска и документа позволяет говорить о документальном характере гашековской сатирической эпопеи и объективной карикатурности описываемых событий»¹.

Еще одной важной чертой литературы о войне можно считать почти полное отсутствие в ней мотива жесткой оппозиции «свой-чужой». На европейских фронтах Первой мировой воевало немало поэтов и писателей и с той и с другой стороны, которые вспоминали, что атмосфера, царившая в окопах, не была пропитана ненавистью к врагу, рядовым противоборствующей армии. Литераторы, участники той войны, оценивая происходившее с ними, возлагали всю тяжесть ответственности и главную вину за огромные жертвы, бесчеловечность и жестокость не на рядовых солдат противной стороны, а на сильных мира сего, преследовавших собственные цели, далекие от сострадания и лишенные даже намека на гуманизм.

В славянских литературах о Первой мировой войне наблюдаются типологические схождения мотивов и тем. К ним, например, можно отнести частотность мотива о неизвестном солдате в произведениях чешских и польских писателей, что объясняется близостью мировосприятия рядовых участников войны. Общим для прозы славянских

¹ Будагова Л.Н. К литературоведческой рефлексии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. С. 17–18.

авторов стала сложная контаминация чувств, которую можно проследить на примере югославянских литератур. «С одной стороны, это чувство опустошения, краха ценностей, идеалов, с другой – чувство рождения нового, необходимости созидания этого нового, как в духовной, художественной, так и в общественно-политической жизни»¹. Еще одной общей характерной темой, о которой уже упоминалось, стали художественно оформленные пацифистские настроения и призывы.

Очевидна важность и плодотворность именно историко-культурного взгляда на Великую войну для воссоздания более объемной картины этого исторического события, участниками которого были целые народы с присущими им особенностями национальных характеров, идеологическими и культурными традициями. К.Г. Паустовский, сам участник той войны в качестве рядового санитарного поезда, а затем бойца полевого санитарного отряда, вспоминал: «Иногда мы возили раненых австрийцев. В то время Австрию насмешливо называли «лоскутной империей», а австрийскую армию – «цыганским базаром». Разноплеменная эта армия производила на первый взгляд впечатление скопища чернявых и невероятно худых людей в синих шинелях и выгоревших кепи... / Мы расспрашивали пленных и удивлялись: кого только не было в этой армии! Там были чехи, немцы, итальянцы, тирольцы, поляки, босняки, сербы, хорваты, черногорцы, венгры, цыгане, герцеговинцы, гуцулы и словаки... О существовании некоторых из этих народов я и не подозревал, хотя закончил гимназию с пятеркой по географии!»²

Первая мировая война, по праву именуемая Великой, для одних стала страшным уроком и горьким опытом, кого-то эта война духовно возвысила, кого-то сломала. Об этом свидетельствуют художественные произведения, созданные многонациональным «литературным отрядом» участников той войны, чьи художественные и документальные произведения стали не только запечатленной в культуре памятью о войне, но со временем и ценным историческим источником.

¹ Дзюба О. «Дневник о Чарноевиче» Милоша Црнянского в контексте югославянской антивоенной прозы // Первая мировая война в литературах и культурах западных и южных славян. С. 166.

² Паустовский К.Г. Избранные произведения: в 3-х тт. М., 1995. Т. 1. С. 305.

СУДЬБА КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война оказала влияние на все сферы жизни российского общества, в том числе и на культуру. Традиционная недооценка войны, оказавшейся забытой отечественной историографией, отразилась и на недооценке культурных процессов в этот период.

Представители российской художественной интеллигенции понимали важность влияния Великой войны на культуру в целом и художественную жизнь, в частности. Так, А.А. Ахматова считала, что «XX век начался осенью 1914 г. вместе с войной. Календарные даты значения не имеют»¹. Л.Н. Андреев писал: «Настоящая война – явление порядка сверхчеловеческого... Все уврачевать, всему найти его место, все задачи должна решить настоящая война. Воистину, неслыханной важности дело выпало на долю нашего поколения»². Вяч. Иванов в декабре 1914 г. отмечал: «Война на всем отразилась как светлое потрясение, она знаменует всеобщий сдвиг наших сил, как в материальной, так и в духовной сферах, что предстоит общая коренная перемена существующих ценностей»³.

Признание на международном симпозиуме 1995 г. в Триесте необходимости изучения Первой мировой войны с позиций историко-культурного подхода, исследующего войну через призму культурных откликов на нее, через новые направления в искусстве⁴, положило начало переоценке традиционных взглядов. Уже в 1996 г. российский литературовед Г.А. Белая указала на значительное влияние Первой мировой войны на отечественную культуру, отметив существенные

¹ *Ахматова А.А.* Сочинения: в 2-х тт. М., 1986. Т. 2. С. 248.

² *Андреев Л.Н.* Война // Отечество. 1914. № 1. С. 1.

³ Голос Москвы. 1914 г., 2 декабря. № 273.

⁴ *Йованович М.* «Умереть за Родину»: Первая мировая война или столкновение «обычного человека» с тотальной войной // Последняя война императорской России. Сборник статей / Под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 142.

изменения, приведшие к смене ее кода¹. В 2008 г. американский историк А. Коэн констатировал, что для культурной жизни России война имела гораздо большее значение, чем революция².

Последствия влияния войны на российскую культуру можно определить как «излом», то есть как перелом, точку поворота. Признавая многообразие культурных процессов в годы Первой мировой войны, остановимся на одном – перегруппировке художественных сил, оказавшей определяющее влияние на морфологию российской культуры.

Война стала началом конца культурной модели Серебряного века. Культура рубежа столетий и первых десятилетий XX в. отразила в своем развитии сложность и противоречивость эпохи, полной острейших социальных конфликтов и политических битв, которые привнесли в общественное и обыденное сознание новые черты и особенности. Наибольшее влияние на культурный процесс в то время оказывали российская модернизация, революционный подъем, кризис православной церкви³, и эстетическая революция 1910-х гг.

Мощный взлет в развитии культуры Серебряного века был вызван, в первую очередь, ее полифонизмом, что соответствовало мироощущению начала века и означало движение самосохранения культуры в условиях социальных катаклизмов. Культурная модель того времени характеризовалась обилием художественных центров, групп, кружков, внутри которых кипели эстетические дискуссии, развернулись процессы самоопределения, борьба за зрителя, читателя и т.д. Это был конфликт «всех против всех» даже при внешней схожести эстетических платформ. Художественные эксперименты Серебряного века способствовали развитию культуры. Модерн, символизм и авангард выполнили роль своеобразного «мотора», придавшего ускорение духовному развитию нации, буквально «вдвинув» ее

¹ *Белая Г.А.* Взорванный мир. Первая мировая война в русской поэзии // Москва – Берлин (1900–1950). М., 1996. С. 105–109.

² *Cohen A.* Imagining the unimaginable: World war, modern art and the politics of public culture in Russia, 1914–1917. Lincoln, 2008. P. 17.

³ Кризис православной церкви выразился в падении ее нравственного влияния на население, в появлении в связи с этим реформаторских настроений среди духовенства, так наз. обновленчества, предполагавшего демократизацию управления и модернизацию богослужения – *Прим. ред.*

в новый век¹. Именно сосуществование различных направлений, течений, идей обеспечивало устойчивость, стабильность данной культурной модели.

Основной водораздел проходил по линии старая – новая эстетика. Старая эстетика основывалась на доверии к гармонии, к предметному миру, к фигуративности. Ей следовали как реалисты, так и некоторые новые художественные течения, в том числе символизм, который развился в России необычайно быстро и мощно. Одно-два десятилетия вобрали в себя ряд блистательных имен: К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, А. Белый, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский. В работе А. Белого «Символизм как миропонимание» (1910 г.) были определены его исходные эстетические принципы. Искусство понималось как слияние чувства, веры и знания во имя цельного познания мира и признавалось автономным и самодостаточным.

Символизму в литературе соответствовал модерн в искусстве. Они имели общую мировоззренческую основу, одинаковые взгляды на задачи творчества и интерес к прошлому культурному опыту. Живопись также пошла по пути поиска смыслов, символизации и создания «образов». Новаторским актом стало образование в 1898 г. художественно-литературного объединения «Мир искусства». Исходной характеристикой модерна стал ретроспективизм, убеждение в приоритете индивидуального творческого выражения, смешение жанров и форм творчества, тесная связь с европейской культурой. «Союз русских художников» (В.М. Васнецов, И.Э. Грабарь, К.Ф. Юон, С.В. Малютин, Ф.А. Малявин, Л.О. Пастернак, Н.К. Рерих и др.) попытался создать национальный вариант модерна, ориентируясь на византийские и древнерусские сюжеты. Представители объединения художников «Голубая роза» (П.В. Кузнецов, Н.Н. Сапунов, М.С. Сарьян и др.), хотя и не выдвинули мировоззренческую программу, прибегали к новому художественному языку, создавали, своего рода, новую реальность, тяготели к декоративизму. Различаясь в художественном языке, представители «Мира искусства», «Голубой розы», «Союза русских художников» были едины в понимании роли художника и абсолютизации творческой свободы.

¹ Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры: в 2-х тт. М., 2002. Т. 2. С. 177.

Ценности старой эстетики были поставлены под сомнение эстетикой новой – авангардом. Глобальные изменения в развитии общества в начале XX в. ознаменовались рождением техногенной цивилизации. Засилье техники, преувеличение роли разума, отрыв его от интуиции подорвали доверие к чувствам. Ломка всей старой системы стала ассоциироваться с экспериментом, с интеллектуальным, а не чувственным переживанием. На смену гармонии и целостности мировосприятия пришла разорванность.

Реагируя на вызов времени, «авангард, по сути, стал шоковым способом смены ментальности русской культуры»¹. В России он заявил о себе в 1910 г. получившей скандальную известность выставкой футуристического «Бубнового валета». Позже одно за другим возникали и распадались выставочные и творческие объединения: «Союз молодежи», «Треугольник», «Мишень», «Ослиный хвост», «Трамвай № 4» и др., устраивались бурные дискуссии с потасовками, эпатажные зрелища для привлечения внимания публики. Появление многочисленных вариантов авангардизма в поэзии, изобразительном искусстве, в театре говорило о начале нового витка культурных поисков, экспериментов со словом, звуком, цветом, ритмом, линией. Мир был «разобран» на атомы. Новые художники надеялись собрать из них «будущее».

Начало Первой мировой войны ознаменовалось перегруппировкой художественных сил. В обстановке всеобщей мобилизации, активизации институтов гражданского общества конфликт в художественном мире сменился единством, диалогом. Война уравнила все течения, предоставила творцам новые возможности выйти за рамки эстетических споров и активно участвовать в общественной жизни. Институты гражданского общества были заинтересованы в средствах визуализации войны в целях мобилизации общества. Выделим основные точки сближения.

Самой важной стало участие представителей разных художественных течений и групп в многочисленных благотворительных акциях и кампаниях.

Примером может служить акция литературной интеллигенции – проведение Дня печати 9 февраля 1915 г. в Москве в пользу воинов.

¹ Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. Указ. соч. С. 177.

7 декабря в Литературно-художественном кружке состоялось первое собрание издателей московских газет. Было решено в определенный день отказаться от выпуска газет, ограничившись продажей только одной и передав полученный доход раненым воинам и лицам, пострадавшим от войны.

9 февраля вместо обычных газет вышла единственная – «День печати». В ней были опубликованы более 25 тыс. объявлений. Благодаря широкой рекламной кампании, а также активному участию в акции актеров, музыкантов, художников, спрос на издание превысил предложение. Чистый сбор составил 85 тыс. руб.¹

К этому же дню был приурочен выпуск литературного сборника «Клич». Редакционный комитет (И.А. Бунин, В.В. Вересаев, Н.Д. Телешев) обратился с просьбой об участии в нем и материальном содействии к писателям, художникам, композиторам, а также к представителям издательских, книжных, бумажных, типографских и других фирм, причастных к издательскому и книжному делу. Обращение комитета не осталось без сочувственного ответа: 62 писателя (Л.Н. Андреев, Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, Б.К. Зайцев, Ф.К. Сологуб, М.М. Пришвин и др.), 15 художников (В.М. Васнецов, И.Е. Репин, В.Д. Polenov, М.В. Нестеров и др.), 7 композиторов (А.К. Глазунов, М.М. Ипполитов-Иванов, С.В. Рахманинов А.Н. Скрябин и др.) поддержали своими произведениями сборник, а фирмы (Товарищества И.Д. Сытина, А.А. Левенсона, И.Н. Кушнарера и Торговый Дом П.И. Юргенсона) взяли на себя расходы по его изданию².

Петроградское общество «Русские писатели для помощи жертвам войны» по примеру московских коллег также выпустило сборник в пользу жертв войны. «Невский альманах “Жертвам войны – писатели и художники”» вышел в июне 1915 г. Выпуск обеспечила редакционная комиссия во главе с Ф.Д. Батюшковым. Авторам было предложено специально написать для альманаха текст в 2–3 страницы. Откликнулись А.А. Ахматова, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, Вяч. Иванов, Д.С. Мережковский,

¹ Утро России. 1915 г., 9 июня. № 157.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР ГБ). Ф. 82. К. VIII. Ед. хр. 3. Л. 1.

Г.И. Чулков, Ф.К. Сологуб; художники: А.М. Афанасьев, А.Ф. Гауш, Б.Д. Григорьев, М.В. Добужинский, Н.Н. Дубовской, Д.Н. Кардовский, Б.М. Кустодиев, Г.К. Лукомский, Н.К. Рерих, И.Е. Репин, В. Суреньянец, В.И. Шухаев, К.С. Петров-Водкин¹.

Крупным событием литературной жизни 1916 г. стал выпуск сборника «В помощь пленным русским воинам». Особенностью его было объединение литературных и художественных сил Москвы и Петрограда. Сборник редактировался Н.В. Давыдовым и Н.Д. Телешевым и ставил своей целью оказание моральной и материальной поддержки пленным соотечественникам. В его издании участвовали Л.Н. Андреев, Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, А.М. Горький, А.А. Кизеветтер, С.А. Котляровский, С. Кречетов (С.А. Соколов), Н.Д. Телешев, кн. Е.Н. Трубецкой, И.С. Шмелев. Рисунки передали в дар В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, В.Д. Поленов, В.И. Суриков². Спрос на книгу превысил предложение. Все средства, полученные от продажи (7636 руб. 27 коп.³), поступили в Московский городской комитет помощи русским военнопленным.

Активно участвовали в благотворительных акциях художники. Наиболее распространенной формой стала организация выставок и аукционов с отчислением средств на военные нужды. 25 ноября 1914 г. открылась выставка картин и скульптуры под названием «Художники – жертвам войны», объединившая самых непримиримых творческих противников. Было представлено 450 картин всевозможных направлений, которые развесили в случайном, алфавитном порядке. Ежедневная газета «Утро России» отмечала: «Получился забавный маскарад. Благонамереннейшие передвижники попали в соседи к дерзкой молодежи, академики и представители Союза мирно уместились на одной стене с кубистами и футуристами»⁴. Вырученные средства (5800 руб.⁵) поступили в губернский земской комитет и Центральное бюро помощи жертвам войны при городской управе.

¹ День. 1915 г., 11 июня. № 158.

² Утро России. 1916 г., 8 апреля. № 99.

³ ОР РГБ. Ф. 82. К. VIII. Ед. хр. 2. Л. 46.

⁴ Аполлон. 1915 г. № 2. С. 70.

⁵ Русские ведомости. 1915 г., 15 января. № 26.

Еще одной формой сближения всех художественных сил стало их привлечение к пропагандистско-агитационным акциям. Для проведения однодневного сбора на нужды войны Л.О. Пастернак безвозмездно нарисовал плакат, напечатанный в количестве 5 тыс. экз. малого формата для трамваев и 500 экз. для витрин магазинов¹. К.А. Коровин по поручению Общеземской организации помощи раненым воинам написал эскиз, изображавший князя Дмитрия Донского. Впоследствии по нему были созданы стяги, использованные в шествии по улицам Москвы для сбора пожертвований вещами². По просьбе городских властей В.М. Васнецов выполнил рисунки для открыток и благотворительных марок для однодневного сбора средств в целях снабжения армии табаком³. С.В. Виноградов и В.М. Васнецов приняли участие в проводимом городом 22 октября 1914 г. Дне гербов, сделав эскизы открыток «Раненый солдат на Родине среди своей семьи» и «Древний витязь с копьем, нападающий на врага»⁴.

Выполнение задач агитации и пропаганды возлагалось на печать и массовые виды искусства, наиболее популярными из которых были плакат и лубок.

Плакатное искусство в годы Первой мировой войны получило широкие возможности для развития. Художественная интеллигенция, охваченная патриотизмом, с энтузиазмом обратилась к этому виду творчества. Возможность оказать помощь ближнему, разъяснить ему происходящие события, вселить уверенность в победе привлекала крупнейших живописцев и графиков. Среди них А.Е. Архипов, А.М. и В.М. Васнецовы, С.В. Виноградов, К.А. Коровин, Б.М. Кустодиев, Л.О. Пастернак, Г.П. Пашков и др. Тематика определялась ходом военных действий, политическими акциями правительства и частных организаций: сбор средств в пользу армии, помощь раненым, военные займы, поддержка союзников и т.д.

Не менее важным видом массового искусства в годы войны был лубок. Он отражал психологию народа и был искусством для народа.

¹ Утро России. 1914 г., 15 августа. № 190.

² Там же. 7 сентября. № 213.

³ Там же. 15 октября. № 251.

⁴ Там же. 22 октября. № 258.

Яркие, красочные лубочные картинки в понятных образах изображали военные сцены. Лубок ориентировался на передачу информации под определенным углом зрения для формирования общественного мнения и создания образа врага. К лубку обратились такие художники, как Д.Д. Бурлюк, М.Ф. Ларионов, А.В. Лентулов и др.

Все художественные общества и объединения в годы войны продолжили творческий поиск, что способствовало сохранению идейно-эстетического размежевания в среде художников и изменению в расстановке сил на художественной арене.

В экстремальных условиях войны культурные ценности Серебряного века не всегда оказывались востребованными, поэтому требовался их пересмотр. Справедливым представляется тезис о кризисе старой эстетики. Например, в 1916 г. появилась статья В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм», в которой автор отмечал кризис символизма в предвоенные, а особенно в военные годы. Основы символистского мировидения – углубление личности, утонченность индивидуальных переживаний, эмоциональность, внесение в поэзию мистического чувства, цельность души, ступенчатость представлений о добре и зле, о счастье и несчастье – мешали выживанию этого направления в новой социокультурной ситуации. Оторванность от реального земного мира делала представителей символизма беспомощными в условиях кризиса старой эстетики.

Попытка снять противоречия символистского мировидения привела к складыванию акмеизма – своеобразной попытки трансформации старой культурной модели, поиска нового варианта развития с целью сохранения старой эстетики перед лицом надвигающейся новой. Символизм кроме неприятия и критики не мог предложить конструктивной программы, акмеизм это сумел сделать. В этой связи символизм в годы Первой мировой войны дал мало нового. Акмеизм, напротив, развил свою программу, обогатил практику опытом Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама.

В живописи происходили схожие процессы. Как отмечал искусствовед В. Дмитриев, «посторонняя стихия, ворвавшаяся в художественную жизнь, казалось, должна была заглушить, нарушить, даже приостановить ее естественное течение... При данных обстоятельствах в русском искусстве не может быть последовательной замены

старого молодым... Это грозит разрастись в целый период, определяемый годами, период пустой, то есть время творческого бесплодия»¹. Наиболее влиятельное художественное объединение «Мир искусства» вошло в полосу кризиса еще раньше, что выразилось в переходе к началу XX в. от созидательной деятельности (устройство выставок) к деятельности собирательной в 1900–1915 гг. Такой тактический поворот привел к конфликту московской и петербургской групп: «москвичи» вышли из состава «Мира искусства», образовав Союз русских художников. Позиции петербургской группы усилились с приходом таких новых сил, как К.С. Петров-Водкин, М.С. Сарьян. Но для сохранения своего положения в художественной жизни требовалось изменение, если не эстетической платформы в целом, то отдельных приемов и методов художественного выражения.

Олицетворением нового искусства, символом новой культуры стал авангард. «То, что должно было выразить десятилетие войны и революции, искусство стало проявлять еще загодя, еще до наступления рокового “1914”. В орбиту войны оно вошло уже со сложившимися течениями, с готовыми мастерами и развернувшимися школами... От кубизма до беспредметничества – все было готово наперед; одно было готово уже совсем, набело; другое – не совсем, начерно. Но это – единственное различие: творчески-духовно и художественно-формально программа была вся расписана и уже осуществлялась»².

Война не остановила развитие футуризма, но существенно повлияла на него: разбросала футуристов, уменьшила количество их выступлений, нарушила культурные связи с Западной Европой. Одновременно в авангардистском движении углубился процесс перегруппировки сил. Происходил отход от рекламно-эпатажной практики, что не могло не сказаться на отношениях деятелей авангарда с их идейными противниками. Если отдельные случаи сотрудничества поэтов – футуристов (И.В. Игнатъев, В.Г. Шершеневич) в качестве журналистов и газетных рецензентов, а также привлечение художников (П.П. Кончаловский, М.Ф. Ларионов, Н.С. Гончарова) к декоративному оформлению спектаклей имели место и ранее,

¹ Дмитриев В. Противоречия «Мира искусства» // Аполлон. 1915 г. № 10. С. 11.

² Эфрос А.М. Концы без начал // Шиповник. М., 1922. С. 27.

то, начиная с сезона 1914–1915 гг., авангардистское направление вышло из роли «гадкого утенка» и стало равноправным с остальными художественными течениями: были устроены выставки с участием художников всех направлений («Художники – товарищам-воинам», «Художники Москвы – жертвам войны»), издавались сборники и альманахи с участием символистов, футуристов («В эти дни» (М., 1915), «Бельгийский сборник» (Пг., 1915), «Стрелец» (Пг., 1915) и т.п.). Подчеркивая этот факт, В.В. Маяковский на страницах газеты «Новь» заявлял: «Теперь жизнь усыновила нас. Боязни нет. Теперь мы ежедневно будем показывать вам, что под желтыми кофтами гаеров были тела здоровых, нужных вам, как бойцы, силачей»¹.

Выявив наметившиеся изменения в расстановке сил на художественной арене в годы Первой мировой войны, можно констатировать, что с одной стороны, позиции авангарда заметно усилились. С другой стороны, параллельно шел активный поиск средств сохранения поставленных под сомнение ценностей старой эстетики. Оба этих процесса стимулировали творческие поиски и эксперименты.

Заслуживает внимания вывод Г.А. Белой, что «вопреки широко распространенному мнению, будто период Первой мировой войны оставил пробел в истории русской культуры, 1914–1917 гг. были временем сублимации трагических противоречий русской истории, коренных изменений в общественном и художественном сознании русского общества, началом всемирного кризиса, разрешение которого заняло впоследствии весь XX век»².

¹ Новь. 1914 г., 15 ноября. № 115.

² Белая Г.А. Взорванный мир. С. 105.

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Первая мировая война явилась ключевым событием начала XX в. и оказала существенное влияние на ход мировой истории. Главным ее итогом стало изменение соотношения сил на международной арене, а падение крупнейших империй – Германской, Австро-Венгерской, Османской и Российской – ознаменовало начало новой исторической эпохи.

Для Российской империи война имела катастрофические последствия, которые затронули политические, экономические и социальные сферы жизни общества. Страна не только потеряла часть своих северо-западных территорий, огромное количество убитыми и ранеными, но и пережила революционный переворот, в результате которого произошла смена государственного строя.

Русская православная церковь (далее РПЦ), как крупнейший социальный институт и главная опора самодержавия была полностью вовлечена в происходящее. При этом в самой церкви под влиянием внешней и внутренней политики властей назревали острые противоречия.

Проблема взаимоотношений церкви и армии в начале XX в. имеет свою историографию. Советские историки заняли враждебную позицию по отношению к РПЦ, рассматривая ее как союзницу реакционного режима. Классовый подход определил общую историографическую концепцию, согласно которой церковь выступала оружием буржуазии и одной из главных движущих сил контрреволюции. В связи с этим деятельность служителей культа как идеологических противников и агентов царского правительства в годы Первой мировой войны оценивалась крайне негативно¹. Так, известный историк-

¹ *Кандидов Б.П.* Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1927; *Он же.* Религия в царской армии. М., 1929; *Он же.* Империалистическая война и религия. М., 1933; *Василенко В.О.* Офицеры в рясах. М., 1930; Святейшая контрреволю-

пропагандист Б.П. Кандидов в одной из своих работ особо подчеркивал принадлежность полковых священников к царским чиновникам и представителям эксплуататорского класса¹. По словам советского религиоведа И.А. Кривелева, миссионерская деятельность церкви в годы войны представляла собой не что иное, как затуманивание сознания воевавших солдат и моряков, а также трудящихся тыла².

Современные исследователи рассматривали данную проблему уже с более беспристрастных позиций, однако вопрос о степени ответственности РПЦ за падение ее репутации и распространение антиклерикальных идей в армии до сих пор вызывает споры. Такие исследователи как А.А. Кострюков, С.Н. Емельянов, Ю.И. Безик в своих трудах отмечали высокий героизм и самоотверженный труд военных пастырей, оказавшихся заложниками обстоятельств³. В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева, Э.В. Старостенко, напротив, обращали внимание на негативные стороны деятельности церковных институтов и указывали на неспособность большинства священнослужителей остановить революционную пропаганду и вдохновить армию⁴.

ция: исторические факты, документальные свидетельства. Об участии духовенства в борьбе против Советской власти в 1917–1921 гг. (Страницы истории) // Наука и религия. 1960. № 11. С. 24–25; *Кривелев И.А.* Русская Православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982; *Зырянов П.Н.* Церковь в период трех российских революций // Русское православие: веки истории. М., 1989.

¹ *Кандидов Б.П.* Религия в царской армии. С. 42.

² *Кривелев И.А.* Указ. соч. С. 14.

³ *Кострюков А.А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2 (31). С. 143–198; *Он же.* О некоторых условиях служения военного духовенства // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 24–44; *Емельянов С.Н.* Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и гражданской войн // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 51–60; *Безик Ю.И.* О роли военного духовенства армии Российской империи в годы Первой мировой войны и его положении в государстве и обществе // Общество: философия, история, культура. 2020 № 2 (70). С. 25–29; *Он же.* Православное военное духовенство в первой мировой войне // Вопросы теологии. 2021. Т. 3. № 1. С. 106–116.

⁴ *Леонтьева Т.Г.* Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2. С. 104; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Старостенко Э.В.* Православные военные священники в российской армии в годы Первой мировой войны: категории

В начале XX в. Русская православная церковь, несмотря на ее казавшееся привилегированное положение в государстве, была фактически обезглавлена и поставлена на службу интересам правящего режима. По мнению современника событий, крупного иерарха митрополита Вениамина (Федченкова), «господство государства над Церковью в психологии царских и высших кругов действительно было к общему горю»¹.

Сложившаяся ситуация, безусловно, влияла на авторитет главной конфессии страны и способствовала росту негативного отношения к ней среди различных слоев общества. Как справедливо отмечал видный исследователь русского православия М.В. Шкаровский, «ложность положения Церкви была в том, что формально она являлась государственной, а потому противники легко могли возлагать на нее долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом»².

Вступление Российской империи в войну, которую официальная церковь поддержала и охарактеризовала как священную³, и последовавшие за этим мобилизация, экономический кризис, революционные волнения еще больше усилили антиклерикальные настроения, в том числе и в армейской среде.

В связи с происходящими событиями деятельность РПЦ приобрела некоторые особенности. Непростой задачей для духовенства стало обоснование самой идеи участия России в развязанной западными державами войне. Манифест Николая II о начале войны с Германией был обнародован после Божественной литургии во всех храмах империи и сопровождался молебнами и колокольным звоном. Святейший Синод выпустил несколько посланий, в которых говорилось

и обязанности // Идеологические аспекты военной безопасности. 2016. № 2. С. 50–54; *Он же*. Мобилизация и деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 9. С. 59–63.

¹ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. Можайск, 1994. С. 139.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. С. 45.

³ См.: Из периодической печати // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 18. С. 653.

о предстоящей высокой миссии русского воинства сражаться не только за «братьев по вере», но и за честь и величие Родины¹.

Авторы официальных церковных изданий писали о противостоянии не только между Россией и Германией, но и между православной цивилизацией и чуждым ей англосаксонским миром². По мнению крупного историка, исследователя церковной проблематики Т.Г. Леонтьевой, ошибка РПЦ заключалась в неправильной расстановке акцентов. Решительно отбрасывая концепцию о «борьбе права с произволом», где право, разумеется, было на стороне Антанты, она делала акцент на антихристианской сущности противников славянства и идеологическом противостоянии славянства с германством³. «Не государствам и правительствам только бросили вызов воинственные тевтоны. Они бросили вызов христианству и всему христианскому прошлому Европы», – подчеркивал один из авторов Владимирских епархиальных ведомостей⁴. Это противоречило патриотическим интересам представителей других религиозных конфессий, которые в царской России составляли примерно 24% от общего числа верующего населения⁵.

На страницах церковной периодической печати заявлялось о небывалом патриотическом подъеме среди населения империи и всенародном единстве перед общей угрозой⁶. Свидетель событий, богослов

¹ См.: Послание Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 347; Деятельность православного русского духовенства Курской епархии во время второй отечественной войны (1914–1915 г.) // Курские епархиальные ведомости. 1915. № 46. С. 843–848.

² См.: Послание Святейшего Синода. С. 346–347; Послание // Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 30. С. 969–971; Из периодической печати. С. 653–656; Объединение славян, как результат настоящей войны // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 785–793.

³ См.: *Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 107.

⁴ Религиозно-культурные основы современной войны // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 43. С. 882.

⁵ См.: *Шагина Э.М.* Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века. Кн. 1. 2008. С.11.

⁶ См.: *Видякин С.*, священник, Слово на день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича 21 октября 1914 года // Церковные ведомости. 1914. № 44. С. 1848–1849; *Голосов А.*, прот. Известия и заметки // Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 392; Открытие Томского Епархиального Благотворительного в пользу раненых воинов Общества дам духовного звания // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 1164–1165.

и религиозный философ, протоиерей Сергей Булгаков вспоминал позднее о многочисленных манифестациях молодежи в городах и столице с портретами императора и пением гимна¹. Но в то же время митрополит Вениамин (Федченков) в своих мемуарах отмечал, что среди крестьянского населения особого воодушевления по поводу войны не было².

С самого начала боевых действий церковь занялась активной благотворительной работой и на протяжении всей военной кампании участвовала в организации денежных сборов. При этом обители, приходы, духовные учебные заведения и само священство оказывали значительную материальную помощь армии, об этом свидетельствуют данные церковной прессы, а также воспоминания современников³. Во всех храмах империи в обязательном порядке служились молебны и читались акафисты о скорейшем и победоносном завершении войны.

Среди клириков находилось немало желающих добровольно отправиться на фронт. Особенно их было много среди учащихся духовных учебных заведений, даже по истечении времени и спада общего воодушевления их энтузиазм не угасал⁴. Более того, отдельные представители духовного сословия изъявляли желание нести службу с оружием в руках, что категорически запрещалось лицам духовного звания. В связи с этим Святейшим Синодом было утверждено определение, согласно которому священнослужители могли идти в армию только на соответствующие их званию должности⁵.

¹ См.: *Булгаков С.Н.*, прот. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 34.

² См.: *Вениамин (Федченков)*, митр. Указ. соч. С. 143.

³ См.: Лазарет имени Воронежского епархиального духовенства // Воронежские епархиальные ведомости. 1914. № 50. С. 698–700; Ведомость пожертвований для больных и раненых воинов, находящихся в действующей армии, от приходов Тверской епархии за ноябрь месяц // Тверские епархиальные ведомости. 1914. № 50. С. 829–842; Духовенство и война // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 796–802; От Главного Управления Российского Общества Красного Креста // Церковные ведомости. 1914. № 52–52. С. 604–608; *Вениамин (Федченков)*, митр. Указ. соч. С. 143; *Евлогий (Георгиевский)*, митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. С. 164.

⁴ См.: Ходатайство семинаристов // Владимирские епархиальные ведомости. 1914. № 44. С. 924; См.: *Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 114.

⁵ См.: *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства. М, 2008. С. 65.

Мобилизационная работа и отправка представителей духовного сословия в места боевых действий началась сразу после вступления России в войну. Согласно действовавшему мобилизационному расписанию 1910 г., процесс комплектования воинских частей имел свои особенности, так как некоторые священнослужители уже состояли на службе в военном ведомстве, а остальные должны были прибыть из соответствующих епархий.

Следует отметить, что к началу XX в. военное духовенство уже представляло собой особую категорию священнослужителей, которые подчинялись Ведомству протопресвитера Российской армии и флота и занимались духовным окормлением и нравственным воспитанием военнослужащих как в мирное время, так и в условиях боевых действий. Во главе Ведомства стоял белый священник, протопресвитер Российской армии и флота, круг деятельности которого ограничивался вооруженными силами и не распространялся на императорский двор¹.

Неудачная для Российской империи война с Японией 1904–1905 гг. выявила как положительные, так и отрицательные стороны работы военно-духовной службы, которые были взяты на вооружение новым молодым и перспективным протопресвитером Г.И. Шавельским, участником русско-японской войны. За достаточно короткий срок ему удалось проделать огромную работу по улучшению и модернизации института военного духовенства. Георгий Иванович провел кадровые перестановки, частично решил вопрос с материальным обеспечением военных пастырей, облегчил положение флотских священнослужителей. Важным его достижением на посту протопресвитера стала организация и проведение накануне войны первого в истории ведомства Всероссийского съезда военного и морского духовенства. Главным итогом этого мероприятия была разработка проекта «Положения об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств», а также выработка инструкций для военных пастырей в условиях боевой обстановки. В инструкции четко прописывался полный алгоритм действий полковому, госпитальному, судовому священнику в условиях боя, в период затишья или передислока-

¹ См.: *Шавельский Г.И.*, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии. М., 2019. С. 20.

ции воинской части. История показала всю важность и актуальность проведенного протопресвитером съезда и его решений, к тому же в воздухе уже витали тревожные слухи о предстоящей войне.

За время начавшихся вскоре боевых действий число священнослужителей в армии и на флоте выросло в несколько раз. Так, до августа 1914 г. в ведомстве протопресвитера насчитывалось чуть более 700 человек, а за всю военную кампанию на фронте побывало более 5 тысяч лиц духовного звания¹. Но, несмотря на это, военных пастырей на передовой все равно не хватало. Для сравнения, численность капелланов во французской армии достигала 20 тысяч человек². По мнению современного историка А.А. Кострюкова, нехватка священнических кадров в войсках являлась важной предпосылкой того, что «духовенство не сумело справиться с развалом армии в 1917 году»³.

Одна из возможных причин этого дефицита крылась в недобросовестном отношении к мобилизационной работе и нарушениях при ее проведении на местах. Как и в русско-японскую войну на фронт по халатности отправлялись священнослужители преклонного возраста, с тяжелыми заболеваниями, которые не в состоянии были исполнять возложенные на них обязанности. Их приходилось возвращать обратно, заменять другими священниками, а в связи с бюрократическими проволочками этот процесс занимал много времени⁴.

В обязанности военных пастырей входило не только совершение обрядов, таинств, проповедей и духовно-нравственных бесед с личным составом. Часто они исполняли свой пасторский долг на передовой, помогали медицинскому персоналу в полевых лазаретах и госпиталях, наставляли выздоравливавших, отпевали и хоронили погибших, поддерживали связь с их родственниками.

¹ См.: *Котков В.М.* Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. СПб., 2005. С. 153.

² См.: *Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 108.

³ *Кострюков А.А.* О некоторых условиях служения военного духовенства. С. 40.

⁴ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 12; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 217, 399; См.: *Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 108; *Старостенко Э.В.* Мобилизация и деятельность православного военного духовенства. С. 59–60; *Шавельский Г.И.* Православная церковь под революцией. М., 2005. С. 444–445.

Находились и священнослужители, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях, несмотря на то, что это не входило в круг их прямых обязанностей. За всю историю существования военно-духовной службы известно немало примеров героического поведения духовных лиц на фронте. С крестом в руках они выводили солдат из окружения, первыми шли в бой, вдохновляя тем самым свою паству на героические поступки. За весь период войны 11 священнослужителей были отмечены почетной наградой Российской империи орденом святого Георгия IV степени¹. Имена многих священников-героев вписаны в историю Первой мировой войны².

Помимо прочего, государство возлагало на священнослужителей важную задачу патриотического и верноподданнического воспитания воинского состава на принципах самодержавия и православия. По замыслу властей, военные пастыри должны были осуществлять контроль за политическими предпочтениями своей паствы и мгновенно пресекать антиправительственную и антивоенную пропаганду в солдатской среде. Как отмечал советский историк В.П. Кандидов, проповеди и внебогослужебные беседы являлись главнейшими видами деятельности полковых священников и согласно распоряжениям Главного штаба проводились не реже одного раза в неделю³. Это было крайне важно в условиях повсеместного распространения революционных идей, которые все больше усиливались в связи с тяжелым положением на фронте. В сохранившихся на страницах периодической печати проповедях духовенство призывало нижние чины воевать до полной победы и не слушать крамольную информацию о том, что безземельным крестьянам нет смысла проливать свою кровь⁴.

¹ См.: *Фабрика Ю.А.* Военные священники – кавалеры ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия // Вестник Новосибирской митрополии. 2013. № 6 (112). С. 21.

² *Няга М.* Герой иеромонах // Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 19. С. 586–587; *Рыбаков В.О.* Иеромонах Амвросий // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 18. С. 565–567; *Шавельский Г.И.* В школе и на службе. Воспоминания. М. – Брюссель, 2016. С.103–104.

³ *Кандидов Б.П.* Религия в царской армии. С. 31.

⁴ См.: Деятельность православного русского духовенства Курской епархии. С. 844–845.

Однако, несмотря на усилия многих священнослужителей, церкви так и не удалось остановить, процесс разложения русской армии и крушение самодержавного режима, а война явилась лишь одним из факторов, ускоривших этот процесс. Когда первые месяцы патриотической эйфории прошли, власть столкнулась лицом к лицу с суровой реальностью. Экономический кризис, неудачи на театре военных действий, сопровождавшиеся огромным количеством убитых и раненых, обостряли и без того непростую внутривнутриполитическую обстановку в стране. Современник событий митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «На фронте со дня на день положение было все хуже и хуже. По дорогам двигались обозы с ранеными. В пыли, в грязи, с кровотокающими ранами, плохо перевязанные, смотреть на них было невыразимо тяжело»¹.

В этих условиях духовенству становилось все сложнее объяснять народу целесообразность происходящего, слишком высока была цена, которую приходилось платить за провозглашенные идеалы. Вместе с тем общую моральную ситуацию на фронте очень сильно пошатнуло отречение императора Николая II от престола. Эта новость поставила духовенство в тупик, не говоря уже о простом народе. В этом плане весьма показательным высказыванием митрополита Вениамина (Федченкова): «У меня получилось такое впечатление, будто из-под ног моих вынули пол и мне не на что было опереться [...] я почувствовал, что теперь поражение нашей армии неизбежно. И не стоит даже напрасно молиться о победе [...] Да и о ком, о чем молиться, если уже нет царя?.. Теперь все погребло»². В свою очередь, протоиерей Сергей Булгаков оценивал сам факт «вынужденного» отречения императора как большую трагедию для страны³. Таким образом, духовенство было растеряно, его авторитет стремительно падал, а в армии среди нижних чинов распространялись слухи о предательстве царя.

Объективно говоря, многие военные священнослужители не были готовы к возложенным на их плечи обязанностям, они до конца не осознавали, куда отправлялись и с какой паствой им предстояло работать. К тому же большинство полковых священников

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 164.

² *Вениамин (Федченков), митр.* Указ. соч. С. 152.

³ См.: *Булгаков С.Н., прот.* Указ. соч. С. 10.

до войны не служили в армии, а вели тихую и размеренную жизнь в своих епархиях. По словам протопресвитера Г.И. Шавельского, эти священники не были знакомы ни с духом, ни с традициями тех воинских частей, в которые они назначались, и часто не могли уразуметь своих обязанностей на поле брани»¹.

«Человеческий фактор» проявлялся и в том, что один священник жаждал подвига, другой исполнял свои обязанности подалеже от пролетающих пуль и разрывающихся снарядов, а третий полностью отстранялся от какой-либо активной деятельности. Как справедливо отметила российский историк, специалист по военной психологии, Е.С. Сеньявская, в чрезвычайных условиях выявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества². Отдельные представители духовного сословия на фронте отличились недостойным поведением. Некоторые из них уклонялись или небрежно исполняли свои прямые обязанности, злоупотребляли спиртными напитками и общением с женским полом, словом, вели разгульный образ жизни, чем сильно смущали своих подопечных. Светлый образ военного пастыря как духовного вождя, крестом поднимающего на подвиг, уходил в прошлое. На это указывали и очевидцы событий, так, генерал армии А.И. Деникин упрекал военных священнослужителей в несостоятельности и неспособности наладить прочную связь со своей паствой³.

В то же время многие представители духовного сословия понимали, что не оправдывают ожиданий властей и плохо справляются с возложенными на них обязанностями. Митрополит Вениамин (Федченков), характеризуя миссионерскую деятельность духовенства, говорил: «Мы перестали быть “соленой солью” и поэтому не могли осолить и других»⁴. Ректор Тамбовской духовной семинарии еще в годы русско-японской войны отмечал, что мало осталось «добрых пастырей, талантливых и заботливых о своей пастве»⁵.

¹ Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Т. 1. Кн. 2. М., 2014. С. 566.

² Сеньявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., 1999. С. 51.

³ См.: Деникин А. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск, 2002. С. 7.

⁴ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 122.

⁵ Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002. С. 109.

Случаи безответственного отношения военных священников к своим прямым обязанностям в местах боевых действий, где люди были беззащитны перед обстоятельствами, наиболее уязвимы и как никогда нуждались в духовной поддержке, безусловно, подрывали авторитет церкви. Это в значительной степени способствовало распространению антиклерикальных настроений в армии и во многом усугубляло и без того сложную моаально-психологическую обстановку на фронте. Один из авторов прогрессивного печатного издания «Церковная и общественная жизнь» указывал на непростое общественное положение военных священников в сложившейся ситуации: «в этой обстановке никому так не тяжело, как православному пастырству [...] Оно взято под всеобщий и всесторонний суд и подозрение. К нему предъявляются отовсюду самые строгие иски»¹.

Однако не стоит утверждать, что абсолютное большинство нижних чинов и офицеров поддались общему антицерковному веянию и переходили на атеистические позиции. Большинство воинского состава было крещено и воспитано на вере, традициях и моральных ценностях православной церкви. Об этом свидетельствовали современники событий и сами участники войны. Так, отправляясь на фронт, мобилизованные крестьяне обращались к священникам с просьбой молиться за них². Иерей Псковской епархии по фамилии Агеев вспоминал, как на станции мобилизованные солдаты слезали с подводы, подходили к церкви, кланялись и клали монету в висящую кружку³. Родные и близкие мобилизованных стремились чаще посещать храмы, соблюдать необходимые обряды, участвовать в молебнах, подавать помянники⁴.

К тому же нельзя не отметить, что сама обстановка на фронте, где особенно ощутимы близость смерти, опасность, страх и постоянное психологическое напряжение, напротив, способствовала подъему религиозных чувств. Очевидцы отмечали, что на фронте многие, годами не посещавшие церковь, сами разыскивали священника,

¹ Капралов Е. Наше горе // Церковно-общественная мысль. 1917. № 1. С. 5.

² См.: Голосов А., прот. Указ. соч. С. 391; Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 112.

³ Церковно-общественный вестник. 1914. № 30. С. 1–3.

⁴ См.: Голосов А., прот. Указ. соч.

исповедовались и причащались¹. Митрополит Вениамин (Федченков), характеризуя религиозный уровень раненых солдат в тверском госпитале, отмечал, что среди них не было безбожников, в тоже время не было и особого усердия к молитвам².

Таким образом, несмотря на значительное понижение общего уровня религиозности на фоне неудачных военных действий, потребность населения в вере окончательно не угасла. Однако война поставила под сомнение тезис о том, что главная конфессия империи как духовная скрепа и основа русской цивилизации способна обеспечить интеграцию российского общества. Как показала история, духовенству не только не удалось объединить и вдохновить армию, но и остановить распространение социально-демократических воззрений среди солдат и офицеров. Оказалось, что на плечи церкви, внутри которой также активно развивались кризисные явления, легла непосильная ноша. Военные священники не были готовы противостоять целому шквалу разрушительных процессов запустившихся во внутренней и внешней жизни страны. В итоге РПЦ больше всех пострадала от смены монархического режима, который долгие годы был ее главным защитником.

После прихода к власти большевиков Ведомство протопресвитера российской армии и флота было упразднено. Судьба военных пастырей сложилась по-разному. Кто-то пополнил ряды белого движения и в последующем покинул страну, кому-то пришлось скитаться и полностью менять род деятельности. Очень многие подверглись преследованиям в результате антицерковной политики новой власти и трагично закончили свой земной путь. И только спустя почти столетие в России в результате коренных изменений в церковно-государственных отношениях вновь заговорили о необходимости реставрации военно-духовной службы.

¹ Пастырская работа // Владимирские епархиальные ведомости. 1916. № 1. С. 10.

² См.: Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 143.

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСКИ СОФЬИ ФЕДОРЧЕНКО: ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА К ЛИТЕРАТУРНОМУ ТЕКСТУ

Жизнь и творчество писательницы Софьи Захаровны Федорченко (1880–1959) долгое время не привлекали исследователей. В последние годы, однако, ее имя и вышедшая в свет в 1917 г. первая книга «Народ на войне. Фронтовые записи» часто упоминаются в трудах историков, филологов и фольклористов. Судьба Федорченко сложилась трагично, и причиной тому стала именно эта публикация. Первая Мировая война определила личную и творческую биографию писательницы. Раннее детство она провела в крестьянской семье, во Владимирской губернии. До 12-ти лет жила в Париже, в семье отца, инженера-технолога З.А. Гониондзкого. Поступила на юридический факультет Киевского университета, но не окончила его. Войну она встретила в возрасте 34 лет. Два года (с 1914 по 1916 гг.) провела на фронте, будучи сестрой милосердия. После Февральской революции С.З. Федорченко снова решила отправиться на фронт, но уже для «помощи населению, пострадавшему от войны». Во время Гражданской войны жила в разных областях Украины и Южной России, а в 1922 г. переехала в Москву, где начала заниматься профессиональной литературной работой. Было ей в ту пору 42 года¹.

Книга «Народ на войне. Фронтовые записи», изданная издательским подотделом Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза приобрела широкую известность². В предисловии Федорченко писала: «Материалы для этой книги собраны мною на фронте в 15 и 16 годах. Была я все время среди солдат, записывала просто, не стесняясь, часто за работой, и во всякую свободную минуту... В большинстве это беседы солдат между собой... Можно было ино-

¹ *Вахитова Т.М.* Федорченко Софья Захаровна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. В 3-х тт. М., 2005. Т. 3. 572–575. С. 572–573.

² *Федорченко С.* Народ на войне. Фронтовые записи. Киев, 1917.

гда записывать и при них, так как солдаты привыкли видеть, что сестра всегда что-нибудь пишет (то температуру, то назначение, то «на выписку», то письма), и, не обращая на это никакого внимания, разговаривают. Лично мне интересного говорилось меньше, особенно молодыми солдатами. ... Они всё старались под мой уровень подладиться, всё думали, что “простое мне не понять будет”, а когда начинали говорить на подходящем, по их мнению, языке, было скучно, и записывать не стоило. Пожилые солдаты, те чаще рассказывали мне, даже диктовали иногда. Так я записала некоторые песни про войну, сказки, заговоры, предания: они не все вошли в эту книгу»¹. Эти материалы были изданы позже: в 1920 г. в первом томе эмигрантского журнала «Современные записки» Федорченко опубликовала подборку из тринадцати солдатских сказок, которые якобы были записаны на фронте. В 1925 г. вышла вторая часть книги «Народ на войне», которая состояла из записей солдатских рассказов с февраля по осень 1917 г. Обе части только за 7 лет выдержали несколько переизданий. Третья часть, о Гражданской войне, долгое время публиковалась лишь в отрывках, а полностью вышла только в 1983 г. в серии «Литературное наследство»². Все три части вместе впервые увидели свет в 1990 г.³

Первая и позже вторая книги «Народ на войне» пользовались значительным успехом в профессиональной писательской среде. Тексты рассматривались как аутентичный документ, как записи реальных разговоров солдат, сделанные медсестрой Федорченко. Вот, например, такие высказывания: «В части ты – дуб ветвистый, не каждая буря свалит. А один-то солдатик словно лист на ветру, куда ветер хочет, туда и гонит»; «Красть – и грех, и расплата. Да только на войне по-иному: все чужое да легкое – какой тут грех. А уж расплаты-то хуже смерти не будет»; про офицера: «я у него раб без души. Он со мной хуже Господа Бога поступить может». Как видим, по стили-

¹ Федорченко С. Народ на войне. Фронтовые записи. С. 3–4.

² Федорченко С. Народ на войне. Книга третья. Гражданская война / Вступ. статья Н.А. Трифонова. Публ. Н.П. Ракицкого и Н.А. Трифонова (Серия «Литературное наследство». Т. 93. Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования). М., 1983. С. 24–160.

³ Федорченко С. Народ на войне / Подг. текста, вступ. статья Н.А. Трифонова. М., 1990.

стике они вполне обоснованно «опознавались» даже искушенными читателями как фольклорные.

В статьях В.И. Глоцера приводятся воспоминания советских писателей и критиков (среди которых – В.П. Катаев, Л.М. Леонов, Н.Н. Асеев, К.А. Тренёв и др.) о «волнующем» первом впечатлении от книги, собранные в «Литературной газете» к юбилею автора в 1939 г.¹ В работе Н.А. Трифонова также приводятся эти и другие многочисленные комментарии современников² – известных писателей, журналистов и поэтов. Известна запись о книге Федорченко в дневниках А.А. Блока за 1921 год: «правдиво и совестно». Высоко оценили достоверность – и содержательную, и языковую – В.В. Вересаев, М.А. Волошин, И.С. Соколов-Микитов, Б.Л. Пастернак, Максим Горький и другие. Важной характеристикой была «непридуманность» («никакому беллетристу не написать», – так отозвался о сборнике И. Василевский). Федорченко хвалили за идею и мастерство, за «меткость» (М. Горький), с которой воспроизведены были составителем речь крестьян – солдат³. Другие, напротив, считали, что она плохо справилась со своей задачей исследователя-фиксатора живой устной речи, так как не снабдила издание детальными дополнениями о месте, времени и данными об авторах высказываний (что было обязательным условием добросовестных научных публикаций этнографов и фольклористов). Об отсутствии такой научной этнографичности сожалел А.М. Смирнов-Кутачевский⁴, и, напротив, достоинства автора как фольклориста подчеркивал И.Н. Розанов⁵, однако оба расценивали ее публикацию как научную, относясь к ней (и критикуя) как к запискам полевого исследователя. Д.В. Филосо-

¹ Глоцер В.И. К истории книги Федорченко «Народ на войне» // Русская литература. 1973. № 1. С. 150.

² Трифонов Н.А. Вступительная статья // Федорченко С. Народ на войне. Книга третья. Гражданская война / Вступ. статья Н.А. Трифонова. Публ. Н.П. Ракицкого и Н.А. Трифонова (Серия «Литературное наследство»). Т. 93. Из истории советской литературы 1920-х – 1930-х годов. Новые материалы и исследования). М., 1983. С. 9–23; 10–12.

³ Цитирование по: Трифонов Н.А. Вступительная статья.

⁴ Глоцер В.И. К истории книги Федорченко «Народ на войне» // Русская литература. 1973. № 1. С. 148.

⁵ Там же.

фов рассуждал, можно ли считать искусством «стенографирование думок»¹.

В целом же большинство профессиональных литераторов высоко оценили содержание и значение записей солдатских бесед, высказываний, мнений, считая Федорченко автором идеи и составителем. Кроме того, книга оказала большое влияние на писателей и поэтов, которые активно пользовались текстом публикации, вкладывая цитаты из него в уста своих персонажей. Пожалуй, наиболее сильное влияние первой части книги Федорченко проявилось в творчестве А.Н. Толстого. В романе «Восемнадцатый год» можно встретить легко узнаваемые фрагменты из книги Федорченко². В пьесе о Распутине и распутищине, написанной Толстым вместе с пушкинистом П.Е. Щеголевым, историком и литературоведом, – «Заговор императрицы» (Берлин, 1925) и в киносценарии на эту тему «Заговор Распутина» (1925) также отчетливо прослеживаются заимствования из первой и второй книг Федорченко, в частности, записанные ею высказывания «народа» о царе и Распутине.

Итак, записи воспринимались как документальные, этнографические, аутентичные. Исключением стало мнение С.М. Эйзенштейна, которое привел и проанализировал в своей статье А.А. Панченко: режиссер чутьем кинематографиста уловил в них талантливую конструкцию, коллаж – как форму художественного произведения, сравнив автора с Дж. Джойсом, о чем осталась запись в его дневниках³.

Ситуация кардинально изменилась в 1927 г., когда весной в журнале «Новый мир» были напечатаны фрагменты третьей части книги, посвященной Октябрьской революции, 10-летие которой отмечалось в тот год, а осенью, в предисловии к другой публикации отрывков, в журнале «Огонек» появилась заметка, в которой автор сообщал со слов Федорченко, что она никогда не записывала ничего из солдатских бесед⁴. Через месяц в «Вечерней Москве» вышла еще одна статья о ней, в которой журналист с удивлением цитировал ее слова

¹ Трифонов Н.А. Вступительная статья. С. 20.

² Там же. С. 13.

³ Панченко А.А. Софья Федорченко и «русский народ» // Федорченко С. Народ на войне. СПб., 2013. С. 16.

⁴ Глоцер В.И. К истории книги Федорченко. С. 150–151.

из интервью: «Я записей не делала <...>. Писать тут же на войне мне и в голову не приходило. ... Я не была ни этнографом, ни стенографисткой <...>. Поначалу я думала написать нечто вроде военного дневника, пробовала разные формы, даже форму романа. Потом решила записать свои впечатления в наиболее простом виде... с “Народом на войне” стали обращаться, как с сырым материалом, из которого каждый брал себе на потребу что хотел...»¹. В этих словах ясно звучит обида на тех, кто использовал ее произведение как документальные свидетельства или записи крестьянского фольклора, без упоминания ее вклада, в сущности, тем самым отнимая у Федорченко авторство. Однако при этом она не желала признавать, что основанием для такого обезличивания стало ее собственное представление материала в предисловии к первому изданию.

В небольшой неопубликованной при жизни статье, написанной в связи с этим «саморазоблачением», она поясняла, почему издала книгу как записи солдатских слов. Ей хотелось, чтобы книге поверили: «И решила я от книги этой совсем отойти, чтобы никто не стал рассуждать, талантлив автор или нет, – а просто приняли бы книгу как документ, что ли. Может быть, я просто струсила, не знаю. Но я твердо решила сказать, что это почти стенографические записи, и отдать книгу эту как не свою»².

Разразился скандал, инициатором которого стал Демьян Бедный, в телефонном разговоре с Федорченко окончательно убедившийся в том, что она была автором текста, а не стенографисткой. Именно Бедный развязал, в сущности, травлю, в грубой форме выдвинув обвинения в подделке и обмане. 19 февраля 1928 г. в «Известиях» появилась его статья «Мистификаторы и фальсификаторы – не литераторы»³. Несмотря на защиту Максима Горького и других авторитетных деятелей культуры, репутация Федорченко была загублена безвозвратно. Третий том книги не вышел. Федорченко тяжело заболела, позже продолжила свою литературную деятельность в качестве детского писателя (став первым председателем сектора детской

¹ Цит. по: Глоцер В.И. К истории книги Федорченко. С. 151.

² Цит. по: Там же. С. 153, 154.

³ Демьян Бедный. Мистификаторы и фальсификаторы – не литераторы. О Софье Федорченко // Известия. 19 февраля 1928 года.

литературы Союза писателей СССР). Но книга «Народ на войне» была вычеркнута и из истории литературы, и из базы советского фольклора, столь популярного в 1930-е гг.¹ Писательница дожила до глубокой старости почти в забвении, всю жизнь пытаясь снять с себя клеймо «фальсификатора»².

В чем же была причина такого резкого неприятия истинной версии создания книги записей солдатских «голосов», помимо индивидуальной негативной реакции Демьяна Бедного и журналистов? Почему писательницу не могли защитить коллеги?

Для этого необходимо обратиться к некоторым обстоятельствам истории фольклорных исследований в России. Начиная с Великих реформ 1860-х гг., с развитием идей народничества, тема народа, его самосознания и мировоззрения, «быта и нравов» стала чрезвычайно популярна. В 1870-е – 1880-е гг., с ростом числа этнографических описаний крестьянства, с началом формирования юридической этнографии остро встает вопрос о формах и способах изучения «народа» в его повседневной жизни – о внешнем и «включенном наблюдении», а также о важности и трудностях фиксации крестьянской речи на письме, когда оно осуществляется представителями образованных слоев населения. Открывается полемика о русской народной («мужицкой») нравственности³, в которой затрагивается вопрос о различиях в менталитете разных социальных слоев, и, в частности, о том, в какой мере для его реконструкции можно использовать ответы крестьян на вопросы анкет, опросных листов, как передавать их способ формулировать отношение и восприятие. Иными словами, речь шла о проблеме культурного конфликта между людьми, принадлежавшими к одной конфессиональной (православные) и этнической (русские) общности, живших в одном государстве, которое стремилось

¹ Панченко А.А. Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 334–366.

² Вахитова Т.М. Федорченко Софья Захаровна. С. 574–575; Глоцер В.И. К истории книги Федорченко. С. 155.

³ Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 388–452; Лескинен М.В. Poleмика о нравственности русского народа: проблема документальности и научной достоверности этнографических описаний // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М., 2018. С. 63–87.

в это время к созданию единой национальной общности. А.Н. Энгельгардт точно отмечал, что даже та часть помещиков, которая наиболее близко соприкасалась с крестьянами в повседневной жизни, совершенно не понимала их интересов, выгоды, способов выживания, и в прямом смысле слова не способна была общаться с ними: «Я встречал здесь помещиков, ...которые по 20 лет живут в деревне, а о быте крестьян... никакого понятия не имеют; ...я встретил, может быть, всего только трех-четырёх человек, ...которые *понимают, что говорят крестьяне, и которые говорят так, что крестьяне их понимают*»¹.

В процессе осмысления этого неожиданного для образованных групп непонимания вставляли и практические вопросы: в какой мере образование (начальное, т. е. основы чтения, письма и усвоение основных понятий из природоведения, географии и истории) уменьшает эту культурную пропасть, что именно и как воспринимают крестьяне (и дети, и взрослые) в процессе обучения. Конечно, главная заслуга в анализе этих проблем принадлежала учителям. Необходимо упомянуть харьковских педагогов Х.Д. Алчевскую и А.М. Калмыкову, которые публиковали не только обсуждения учащимися прочитанной и прослушанной литературы (в воскресной школе для взрослых, в городской школе и в сельской школе для крестьянских детей), но и тщательно записывали их слова, высказывания и мнения о текстах различного содержания². Обе составительницы не претендовали на то, чтобы считать свои публикации научно-исследовательскими, так как в это время проблема создания учебников и популярной литературы для детей и «для народного чтения» была очень актуальной³. Их задача была узко-прагматической: оценить книги для чте-

¹ Энгельгардт А.Н. Письмо второе // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987. С. 83.

² Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения/ Под ред. Х.Д. Алчевской, сост. учительницами харьковской частной женской воскресной школы: Х.Д. Алчевской, Е.Д. Гордеевой, А.П. Грищенко, З.И. Дашкевич и др. В 3-х тт. СПб.–М., 1884–1906; Калмыкова А.М. Из дневника учительницы воскресной школы. СПб., 1894.

³ Таких исследований было немало. См., например; Водовозов В.И. Что читать народу? // Вестник Европы. 1886. №7; Рубакин Н.А. Опыт программы исследования литературы для народа. М., 1889; Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. М., 1895. Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1896.

ния с точки зрения их понятности для избранного социального круга читателей, адекватность восприятия и его реакцию на прочитанное. Многие из популярных изданий и детских книг о жизни и быте крестьянства, как выяснялось в ходе этой работы, народной аудиторией не принимались, расценивались как недостоверные, как грубая имитация, стиль – как подделка под «народную» речь, а содержание – надуманным. «Отзывы учащихся о книге, – пишут составительницы в предисловии, – идут иногда вразрез с тем, что думает о ней учительница. ... Тем не менее, нам казалось крайне существенным и полезным справляться, что доступно пониманию народа, что нравится и не нравится ему, как думает он по тому или другому вопросу»¹. Интересна методика сбора этих мнений, о которой говорится в Предисловии: «Не все учительницы придерживались подробных заметок о пересказе прочитанного ученицею: иные предпочитали резюмировать свои наблюдения. ... Кроме “отзывов” устных, записанных учительницами, встречаются и отзывы письменные, добытые из сельских школ... Человек вполне грамотный, владеющий пером, само собой разумеется, способен вылиться весь в письменной передаче прочитанного; но человек малограмотный, именно в силу этого обстоятельства, может многого не выразить, что пришлось бы услышать от него в устной, откровенной беседе»². Именно эта очевидная сложность оправдывала и пересказ слов, и запись со слуха – однако, так или иначе, она была сделана литературным русским языком, несмотря на то, что многие ученики говорили на южнорусском диалекте, активно используя украинские слова. Автор второго тома Калмыкова, фиксируя впечатления и мнения учеников, не приводила никаких данных о тех, кто высказывался, предпочитая безличную форму описания: «говорят», «считают», «отвечают» – про всех сразу, отмечая иногда только количество и возраст учащихся.

Важнейшим полем для рефлексии на тему адекватности записей голоса «народа» была, как уже говорилось, этнография (народоведение). Необходимо подчеркнуть, что в конце XIX в. она еще не стала исключительно профессионально научным занятием; сбором сведений о статистике, о быте и нравах крестьянства занимались

¹ Предисловие // Что читать народу? С. III–IV.

² Там же. С. V.

волонтеры – земские деятели, врачи, учителя, журналисты, писатели и т.п.¹. В 1890-х гг. стали обсуждаться вопросы адекватности записей этнографами сведений информантов. Имела значение форма записей, связанная с передачей на письме языка диалектов, точность их воспроизведения². Кроме того, по-новому были осмыслены отношения интервьюера и информанта, причем в двух вариантах: «описатель» был «чужим» или «своим»³. Ведь, по словам С.В. Соколовского, «любые из статусов и ролей особым образом деформируют получаемое в итоге знание, иногда создавая иллюзию полноты»⁴. Иначе говоря, на рубеже веков все более отчетливо формулировалась проблема адекватности и репрезентативности в процессе «перевода» из устной речи (как правило, необразованного человека) в письменную, с неизбежными потерями аутентичности. Разумеется, особенно остро она стояла для лингвистов (фиксация фонетических особенностей, языковых «неправильностей» и т.д.).

Совсем иные формы интерес к мнению и внимание к реакции и позиции народа (как политической, так и иной), и, в первую очередь, его «безмолвствующего большинства» – крестьянства – приобрел в начале XX столетия. Различного рода литературные и живописные стилизации стали модными в художественной среде в период господства модерна и позже (например, в творчестве т. н. новокрестьянских поэтов С.А. Есенина, Н.А. Клюева, С.А. Клычкова и др.). С началом Первой Мировой войны, на волне как низового, так и официозного патриотизма, слова крестьян, ставших солдатами, на фронте, и оценки «народного мнения» о войне и политике России в тылу оказались в фокусе внимания общественности. В дневниках и переписке тех лет предметом постоянного и неизменного интереса авторов становятся слухи, разговоры на рынках, в очередях, на вокзалах, в госпиталях; очень много места уделялось высказываниям при-

¹ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века. «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 148–154.

² *Богданов В.В.* Этнография в истории моей жизни. М., 1989. С. 36–39.

³ Там же.

⁴ *Соколовский С.В.* Этнографические исследования: идеал и действительность // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 9.

слуги, извозчиков, раненых, доставленных с фронта и т. п. Это нашло отражение и в ряду на первый взгляд сугубо литературных проектов. Так, в 1915 г. З.Н. Гиппиус от имени нескольких девушек из прислуги пишет письма солдатам в стихотворной форме, стилизованные «в народном духе», но вскоре признается в мистификаторстве¹. К.И. Чуковский, вернувшись из Англии, публикует под своим именем книгу, в которой представлены письма британских солдат, комментируя их². В том же году издаются псевдофольклорные песни и частушки³. Эти и другие произведения принимаются как художественные, они обретают популярность как в элитарной среде, так и в массовой культуре – в связи с публикациями в прессе. Революционные события 1917 г. не прервали этот процесс, но теперь он обретает особое место в обществе, ведь народ провозглашен главным и единственным носителем власти. Поэтому публикация С.З. Федорченко в 1917 г. была принята благожелательно и восторженно – ведь ее рассматривали как живое слово народа. Конечно, в 1920-е гг., когда два тома книги переиздавались, и жанр, и тема также совпадали с важным процессом художественного осмысления событий Первой Мировой войны, двух революций и гражданской войны. Новая волна «воспоминаний» актуализируется в связи с десятилетием событий 1917 г.: тогда выходят в свет первые две части романа-трилогии А.Н. Толстого «Сестры» (1922) и «Восемнадцатый год» (1928), роман Л.Н. Войтоловского «По следам войны. Походные записки. 1914–1917» (1925), письма солдат с фронта (1927)⁴, «Солдатские сказки» Саши Черного (1928–1930, изданы в Париже)⁵ и др. Упомянутые «Солдатские сказки» С. Федорченко (1920) также, как показал современный фольклорист А.А. Панченко, не имели к фольклору ни малейшего отношения⁶, сделаны они были гораздо менее искусно, нежели «Народ на войне».

¹ [Гиппиус З.] Как мы воинам писали и что они нам отвечали: Книга-подарок: Стихи. М., 1915.

² Чуковский К.И. Заговорили молчавшие. Томми Аткинс на войне. Пг., 1915.

³ Солдатские частушки, записанные со слов раненых / Собр. В.В. Дежно. М., 1915; Современная война в русской поэзии / Сост. Б. Глинский. Пг., 1915. Подробнее об этом см.: Панченко А.А. Софья Федорченко и «русский народ». С. 13.

⁴ Солдатские письма 1917 года / Предисл. М. Н. Покровского. М. – Л., 1927.

⁵ Саша Черный. Солдатские сказки. Париж, 1928–1930.

⁶ Панченко А.А. Софья Федорченко и «русский народ». С. 12.

Реакция Демьяна Бедного и последовавшее за этим «изгнание» «обманщицы» Федорченко из писательских рядов, разумеется, отражали не столько его личное мнение, сколько знаменовали собой новую идеологическую ситуацию. Очевидно, что в новых, советских условиях, с сакрализацией всего народного, прежние игры, карнавальные забавы и веселые мистификации, которые так активно практиковал Серебряный век, больше не могли быть приняты и тем более поощряемы. Подробное объяснение Федорченко причин, побудивших ее обозначить себя как составителя, написанное для журнала, опубликовано не было¹.

Интересно, что почти в то же самое время была реализована и другая мистификация, связанная с недавней историей России: публикация А.Н. Толстым (после упомянутой пьесы о Распутине) фальшивого дневника Анны Вырубовой – «Фрейлина Его Величества. Дневники и воспоминания А. Вырубовой», напечатанного на страницах журнала «Минувшие дни» в 1927–1928 гг. А.А. Вырубова была еще жива и находилась в то время в Финляндии, что не помешало Толстому, прикрывшись к тому же авторитетом своего соавтора – историка С.Е. Щеголева, издать «Дневники» как реальный документ. Подделка было скоро разоблачена: Вырубова сделала заявление, и исследователи (историки М.Н. Покровский и А.А. Сергеев, филолог М.А. Цявловская) категорически осудили фальшивку, вследствие чего журнал был закрыт. Однако других санкций не последовало, ни Толстой, ни Щеголев не «удостоились» такого масштаба осуждения и наказания, как в аналогичном случае – Федорченко. Вероятно, потому, что они подделали не сакральные – народные – слова, а всего лишь разоблачали, пусть и нечистоплотным способом, социально чуждые элементы. А всего через два года в Ленинграде издается книга об истории литературных мистификаций, автор которой Е. Ланн утверждал: «История литературы показывает, что появление мистификации – верный показатель заинтересованности той или иной общественной группировки разрешением определенной проблемы. Мистификация обнажает социальный генезис откровенней, чем подлинное произведение... Ибо сущность мистификации заключается

¹ Оно осталось в архивах и включено вместе с ее письмами к К.И. Чуковскому в статью: *Глоцер В.И.* К истории книги Федорченко. С. 152–154.

именно в том, что она создается не тогда, когда социальные предпосылки ясно еще не определились. ... Но когда этот процесс ... близок к завершению, когда литература многократно отразила видение мира кристаллизовавшейся группой, – выступает мистификатор. Выступает он всегда после того, как мироощущение сформировалось... Какой бы жанр мистификатор ни выбирал, какие бы мотивы ни толкали его к подделке, но он выступает только тогда, когда уверен, что «спрос» не пройдет мимо его мистификации. И здесь-то обнажается характернейшая особенность мистификации: она либо непосредственно идет по следам литературы, либо вырастает на тех участках литературного фронта, которым обеспечено внимание определенной общественной группе»¹. Из психологических причин публикации под чужим именем автор называет и ту, в которой признавалась Федорченко: неуверенность начинающего писателя в успехе. «Предпосылка появления мистификаций – неуверенность в своих писательских силах. Прежде всего, в этом смысле крайне показательны данные истории литературы о дебютах писателей. Начинающий писатель чаще, чем мы полагаем, прибегает к забралу – к псевдониму. Об этом забывает нередко не только читатель, но и исследователь...»². Тонко и точно подмечая особенности генезиса феномена мистификаций, Е. Ланн, однако, не приводит примеры из творчества своих современников.

Конечно, подделки и фальсификации фольклорных текстов существовали издавна, приобретя особую распространенность в эпоху романтизма и в период формирования национальных мифов, призванных «удревнить» происхождение «молодых» европейских народов и подтвердить их культурную состоятельность и цивилизационный вклад (например, фальсифицированные «История русов», «Песни Оссиана» или «Краледворская рукопись»), однако с начала XX в. они имели характер талантливой имитации, которая, в сущности, не претендовала на абсолютную достоверность, приближаясь к литературной игре (случай З. Гиппиус). В советскую эпоху, напротив, создавалось множество откровенно фальшивых псевдонародных произведений, целью которых было доказать вхождение в фольклор

¹ Ланн Е. Литературная мистификация. Л., 1930. С. 35–36.

² Там же. С. 212.

новых партийных вождей и героев¹, но это было сознательной мистификацией, реализацией идеологического «заказа».

Казалось бы, что изменилось для читателя из литературной среды, способного оценить стиль и композицию книги Федорченко, или же для широкого массового читателя, когда выяснилось, что «Народ на войне» – не аутентичные записи, а талантливое авторское литературное произведение, изданное под «псевдонимом» народного слова? Как пишет С.Ю. Неклюдов, в этом случае «речь идет о разных типах референции. В первом случае ее следует ... определить как проективную... Во втором случае ее уместно назвать имитативной, при которой к изображению правдоподобных событий автор прибегает для передачи их более полного и обобщенного смысла, а документальность (или, как выясняется, “псевдодокументальность”) выступает на правах кода, призванного гарантировать подлинность этого смысла. Следовательно, проявляется разный подход к истинности сообщения в тексте: правда “факта” и правда “общего смысла”... Подобный подход соответствует выделению среди текстов ... с одной стороны, “фактологических”, “документальных”, а, с другой, причисляемых к сфере “художественного вымысла”. Соответственно, к этой последней группе относятся не только собственно имитативные повествования... Таким образом, речь идет о статусе повествования, воспринимаемого как достоверное или как вымышленное»². Таким образом, в случае с Федорченко главной причиной разгоревшегося конфликта стала именно неприемлемость снижения статуса «народного слова», литературная стилизация в ситуации советского понимания народности десакрализовала его, нанося при этом и идеологический урон.

В книге осталось незамеченным то, что изначально никак не могло быть связано со стенографическими заметками, а именно композиция, структура сборника высказываний (именно она, как установил А.А. Панченко, позволила С.М. Эйзенштейну установить талантливую мистификацию). Вот оглавление первой книги Федор-

¹ Панченко А.А. Культ Ленина и «советский фольклор».

² Неклюдов С.Ю. Отношение «текст-денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. 1995. С. 667–675. С. 667.

ченко о войне: Как шли на войну, что думали о причинах войны и об учении; Что на войне приключилось; Каково начальство было; Какие были товарищи; Как переносили болезни и раны; Как о «врагах» говорили; Что о доме вспоминали; Что о войне думали. Как видим, название разделов также стилизовано, а последовательность изложения «записей» и их композиционно-тематическое членение, как показал М. Вайскопф, дает основания выявить «скрытый сюжет». «Зыбкая формально-жанровая рубрикация», как считает автор, «выдает» авторскую художественную концепцию, а анализ показывает, что внутренняя стадильность соответствует процессу ритуальной инициализации¹.

Однако для советской идеологии и находящейся под ее пристальным вниманием литературы важнее была содержательная часть книги, позволявшая быть «объективной» с точки зрения сложившихся к концу 1920-х гг. представлений о том, что носителем исторической истины и выразителем ее является именно народ (в узко-сословном, классовом смысле слова). В сущности, именно мнение большинства является своеобразной легитимацией исторического значения событий. И, поскольку в книге Федорченко отразились весьма критические, упаднические с точки зрения патриотического духа и нелицеприятные оценки офицеров и генералитета, царя и министров войны и социально-экономической ситуации 1914–1916 гг. в целом, то они хорошо вписывались в конструирующиеся десятью годами позже историю России этого времени, причины революции и неизбежность ее победы. Выражение же «духа», не только понятое, но и изложенное в стилистике устной речи в книге, теряло статус достоверности, истинности.

В работах современных исследователей, занимающихся анализом текстов «наивного письма» (записки, письма, мемуары и дневники «простых» людей советской эпохи, умеющих лишь читать и писать, – т. е. навыки которых не очень отличались от тех, чьи слова записывали Алчевская и Калмыкова веком ранее), отмечается проблема адекватного «перевода» – а, точнее, непереводаемости устного слова в письменный текст. Она обусловлена, как показано исследователя-

¹ Вайскопф М. Скрытый сюжет книги Софьи Федорченко «Народ на войне» // Универсалии русской культуры. Воронеж, 2015. С. 550.

ми, конфликтами двух социолектов, двух культурных пространств¹. «Устное, записанное вне фонетики, с соблюдением правил языка, теряет не только форму, но и смысл», при этом «устное (оно же подлинное) – это прежде всего устно-поэтическое, народно-поэтическое, почти песенное». То есть даже максимально точная запись не только искажает первичный смысл, но и меняет статус высказывания, например, сакрализуя ненормативное: «в большинстве случаев ненормативному употреблению придается фольклорная интонация»².

Что же меняется для ученого в случае, если фольклорный нарратив оказывается художественным произведением? Для историка принципиально авторство, определяющее степень искажения изначальной информации, поэтому репрезентативность текста снижается даже если автор в полной мере является представителем «народа», социальных низов. Таким образом, анонимность оказывается, как ни парадоксально, важным фактором «объективности», легитимируя «истинность» свидетельства, «незаинтересованность» автора в искажении реальной действительности. Для фольклориста принципиальная смена такого авторства вообще лишает его смысла – то есть уничтожает его как источник. Анонимные же нарративы – как и фольклорные источники – еще со времен романтизма наделяются статусом «истинности» – т.е. истинности, и, что самое главное, типичности.

Несмотря на то, что признание Федорченко в фальсификации было сделано в конце 1920-х гг., парадоксальным образом ссылки на ее записи как на аутентичный источник встречаются в современной историографии: на такие фольклористические исследования указывает А.А. Панченко³. Кроме того, хотя и осторожные, но все же рассматриваемые как репрезентативные, цитирования ее книги можно

¹ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Наивное письмо и производители нормы // «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996. С. 22.

² Там же. С. 39.

³ Панченко А.А. Софья Федорченко и «русский народ». С. 12–13 (в частности, статьи в авторитетных научных журналах: Недвига А.Е. «Ты, Германия и Англия, давайте делать мир!» // Живая старина. 2003. №4. С. 17–19; Аксенов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145).

найти в исторических трудах, посвященных травмам войны, психологии участников войны и т.п.¹

История книги С.З. Федорченко важна и интересна именно в контексте интерпретации народа, фольклора и «статусности» фольклорного текста, а продолжающаяся полемика о ней в научных кругах свидетельствует об актуальности методологических проблем исторического источниковедения.

¹ Например, в монографиях Е.С. Сенявской: *Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки*. М., 1997; *Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России*. М. 1999; *Поршнева О.С. Российский крестьянин в первой мировой войне (1914 – февраль 1917) // Человек и война (Война как явление культуры)* / Под ред. Нарского И.В., Никоновой О.Ю. М., 2001. С. 190–215; *Сальникова А.А. Конец сказки: Первая мировая и Гражданская войны в восприятии детей-современников // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст.* / Под ред. Нарского И.В., Нагорной О.С., Никоновой О.Ю., Ровного Б.И., Хмелевской Ю.Ю. Челябинск, 2007. С. 418–437 и др.

СЕРГЕЙ ЖАРОВ И ЕГО ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ХОР

Во времена военных действий Православная церковь играла в России большую роль в поддержании морального духа воинства и всего общества с самого принятия христианства в Древней Руси. Еще в древнерусских летописях есть упоминания о выезде в поход дружин из Киева под пение «Кирие элейсон» («Господи, помилуй»). Дмитрий Донской перед Куликовской битвой получал благословение у Сергия Радонежского. Два монаха из его монастыря – Ослябя и Пересвет помогли русскому воинству в победе над ордынцами. Позднее Петр I узаконил в русской армии службу священника в каждом полку и на каждом корабле. В начале XVIII в. после победных сражений звучали хоровые канты-виваты для мужских голосов «На взятие Дербента», «Радуйся, Росско земле», «Виватная сюита» и другие. А.В. Суворов сам был глубоко верующим человеком и понимал важность православной веры у русских солдат.

В Первую мировую войну православная церковь также играла большую роль. После революции в белом движении ее значение сохранилось, особенно в казачьих частях. В одной из них воевал и руководил хором хорунжий Сергей Жаров.

Жаров был купеческим сыном, родился в Костромской губернии в городе Макарьево в 1896 г. Он рано лишился матери, и отец отдал его учиться в Московское Синодальное училище. Являясь учебной базой знаменитого Синодального хора, училище готовило прекрасных певчих и регентов и для других российских хоров. В училище преподавали такие замечательные композиторы, музыканты и знатоки русского хорового пения, как В.С. Смоленский, А.Д. Кастальский, А.В. Никольский. Одним из членов попечительного совета училища был П.И. Чайковский¹. Эта плеяда блестящих музыкантов объединилась в новое направление русской хоровой музыки, которое в даль-

¹ Русский хор, которого не слышала Россия. О Жарове, казачьем пении и победоносном шествии русской песни по земному шару // Православный журнал Фома. № 9(137). Сентябрь 2004. URL: <https://foma.ru/russkiy-hor-kotorogo-neslyishala-rossiya.html>.

нейшем стали называть Новомосковской школой. Основным принципом ее деятельности было возрождение древнерусского знаменного распева в церковной хоровой музыке и использование музыкальных средств, присущих русской народной песне. В Синодальном училище был высокий уровень профессиональной подготовки. Помимо обязательных музыкальных и дирижерских дисциплин, в нем изучали: полифонию, фольклор, композицию, историю православной музыки, пение древних распевов, историю искусства. Руководителями Синодального хора были лучшие хоровые дирижеры конца XIX – начала XX вв. В.С. Орлов и его ученик Н.М. Данилин. Частые гастроли этого коллектива по Европе в конце XIX и начале XX вв. были триумфальными. Зарубежная пресса восхищалась пением мощных богатырей – басов и сопровождавших их маленьких дискантов¹.

Получив отличную хоровую выучку, Сергей Жаров становится регентом-профессионалом. Но было военное время, и он поступает в училище младших офицеров, где приобретает другую, уже военную специальность. В качестве пулеметчика он попадает на фронт Первой мировой, а затем и гражданской войны. Здесь Жаров проявил себя как хороший воин, в боях он не раз выручал своих товарищей, а однажды спас полковое знамя. А регентское дело помогло ему руководить полковым хором, что в дальнейшем помогло и в условиях вынужденной эмиграции. О скитаниях бывших русских военных на чужбине написано очень много. Казачьим частям генерала Федора Абрамова, в составе которых служил Жаров, досталась такая же тяжелая доля. В период выживания турецких и греческих лагерях, где русских изгнанников подстерегали голод и эпидемии, Жаров выполнил, может быть, главный приказ своего командующего. В декабре 1920 г. он создал Донской казачий хор из бывших солдат, который своим искусством не только помог им выжить в тяжелейших скитаниях на чужбине, но и показать всему миру через песни и духовную музыку красоту и широту русской души. Однако успех к коллективу пришел не сразу. Были трудные годы в Болгарии, когда приходилось репетировать в свободное время от поденных работ, которые не могли обеспечить

¹ Русская духовная музыка в документах и материалах. Синодальный хор и училище церковного пения. Т. I. Кн. 1. М., 2004. С. 132.

нормальное существование. И все же, репетиции не прерывались, они были возможностью прикоснуться к тому, что связано с Родиной, с надеждой на будущее.

Как часто бывает, упорная работа, совершенствование мастерства в искусстве и желание добиться наилучших результатов вознаграждаются случаем, счастливым стечением обстоятельств. В 1923 г., во время переезда из Болгарии во Францию для работы на заводе и выступлений в свободное время, хористы на несколько дней остановились в Вене. Здесь происходит счастливая встреча. Директор венского концертного бюро, знакомый с творчеством Синодального хора, помогает коллективу Жарова спеть на прослушивании, где исполнение произвело хорошее впечатление. После этого хору было предложено выступить в лучшем концертном зале музыкальной столицы Европы – королевском дворце Хофбург, что само по себе было большой удачей. И именно здесь к нему пришел настоящий успех, положивший начало всемирной славе¹.

Возможно помог эффект неожиданности, возможно публика, слышавшая лучшие коллективы Европы, не ожидала от невзрачно одетых мужчин в старой военной форме услышать то, что она услышала: откровение многострадальных русских душ, которые потеряли самое дорогое для них – родину; которые своим пением доносили сокровенность Рахманиновского «Тебе поем», искренность, чистоту и красоту русских песен. Успех был оглушительный, зал неистовствовал и требовал исполнения на «бис». Это была уже творческая победа хористов над всем, что пришлось им пережить, и она в корне изменила их жизнь. Позже состоялся концерт в Венской опере. В зале театра большинство публики, как известно, составляют искушенные меломаны. Здесь Жаров дирижировал, стоя на принесенном ему старинном подиуме. Оказывается, на нем когда-то выступал сам Бетховен. Далекое не каждому маститому дирижеру хора или оркестра оказывалась такая честь. И здесь театральная публика восторженно приняла русских артистов².

¹ Песня изгнания. Хор донских казаков Сергея Жарова // Казачий союз «Область войска Донского». URL: <http://ksovd.org/ksovd/384-pesnija-izgnanija-hor-donskih-kazakov-sergeja-zharova.html>.

² Там же.

После венских концертов Донскому казачьему хору Сергея Жарова открылась дорога в самые престижные залы, появились выгодные контракты, стали решаться многие материальные проблемы. Участники хора приобрели концертную одежду, обувь, появилась возможность просто нормально жить, быть юридически и финансово более самостоятельными. Стало возможным больше времени уделять творчеству. Но хор казаков остался верен себе. Каждый концерт давали в своей военной форме, да и выправка на сцене оставалась строевой. Жаров не шел на предлагаемые сценические трюки для развлечения публики. Он со своим хором достигал неизменных успехов благодаря искусству русского хорового пения.

Известно, что в советское время все, что было связано с знаменитым во всем мире русским хором и его дирижером, находилось в СССР под запретом. К сожалению, и в наше время российские средства массовой информации почти не уделяют внимания этому достоянию нашей национальной культуры и гордости. Но все же, благодаря интернету сегодня есть возможность увидеть и услышать документальные записи выступлений этого удивительного коллектива и их замечательного руководителя¹.

Манера дирижирования Сергея Жарова отличалась малоподвижностью корпуса. Движения его рук были четкими, быстрыми, лаконичными. Он часто пользовался жестом с открытой ладонью вверх. Видимо, эта индивидуальная особенность управления хором выработалась из-за маленького роста. Его пальцы были активны и являлись важным элементом руководства. А хор прекрасно понимал и выполнял все тончайшие требования дирижера. При исполнении казачьих плясовых песен он отсчитывал только начальные такты и отходил, давая полную свободу певцам хора. Помимо профессионализма в подборе репертуара, драматургически выстраивании номеров концерта, убеждает качество хорового исполнения программы. Прежде всего,

¹ См., напр.: Коль славен наш Господь в Сионе URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4URvmo5XX3o>; Отче наш. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E8cZtiFHUMk>; Со святыми упокой. Хор С.А. Жарова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xs82MWIPV9c>; Ектения. Хор С.А. Жарова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aIJvexzeSNI>; «Хор Донских Казаков» под управлением Сергея Жарова // Северный форум. URL: <http://severnij-forum.ucoz.ru/forum/17-270-1>.

это безупречный интонационный строй, ритмический ансамбль, чеканность и ясность дикции. Жаров стремился приблизиться в исполнении к звучанию симфонического оркестра, чрезвычайно обогатив способы хорового исполнительства и звуковую палитру мужского хора. В этом он возрождал традиции Синодального хора, заложенные В.С. Орловым. Знаменитый дирижер экспериментировал с тембрами голосов и создал целую систему оригинального звучания, которой покорила всю Европу в конце XIX в. Основная его идея была в том, чтобы добиться звучания хора как струнного оркестра, где дисканты были скрипками, тенора – альтами, басы – виолончелями, а октависты – контрабасами. Традиции русского хорового стиля связаны прежде всего с мужским составом церковного хора. Это был единственный возможный состав со времен принятия на Руси христианства до конца XIX – начала XX вв. Почти целое тысячелетие богослужбным православным пением заниматься могли только мужчины. До второй половины XVII в. предпочтение отдавалось только низким голосам, даже при возникновении русского знаменного многоголосия, которое появилось значительно раньше. Только с реформами Никона в хорах государевых и патриарших дьяков появились высокие мужские голоса, которые с партесным пением раздвинули возможности хора до современного мужского состава. В XVIII в. в русской музыке возник хоровой партесный концерт.

Сочинения этого жанра В. Титова, Н. Бавыкина и других композиторов часто исполнялись и Московским Синодальным хором. Зарожденный этот стиль в православных храмах на западе Российской империи, где исполнение православными хорами а cappella (без инструментального сопровождения) конкурировало со службами в католических церквях с участием оркестра и органа. Так зародился особенный инструментальный стиль русско-украинского хорового концерта, в котором партии высоких инструментов стали исполнять голоса мальчиков – дисканты. И только после революции в 1920 г. впервые в Ленинградскую государственную академическую капеллу (преемницу Петербургской певческой капеллы) включили в состав женские голоса.

В концертах хора Жарова впечатляет хорошая аранжировка в попури из симфонической музыки. Здесь удачно подобраны самые

выразительные, щемящие русские мелодии. Например, хор исполнял известнейшую во всем мире тему из Первого фортепианного концерта П.И. Чайковского и его знаменитый «Славянский марш», который переносил слушателей в героическое прошлое великой империи, в дореволюционную духовно сильную Россию.

Жаров впервые использовал фальцет в мужском хоре в то время как знаменитые русские басы раздвинули нижние регистры. Благодаря этому он увеличил диапазон своего состава до смешанного хора. На сохранившихся записях традиционно впечатляет звучание густых басов и легкого фальцета у высоких голосов. Они чем-то напоминают звучание детских голосов (дискантов) Синодального хора. Это ярко проявляется при антифонном (поочередном) пении низких голосов и фальцетной группы. Жаров широко использовал в пении шумовые, сонорные эффекты: имитацию звуков трубы и других инструментов, свист, гиканье и другие. Все это применялось не ради эффекта, а уместно, со вкусом. Большое значение для Жарова и его хористов в эмиграции имело знакомство с С. Рахманиновым. Великий русский композитор был не просто автором бессмертных сочинений, блестящим пианистом и дирижером. Он был еще и человеком, щедро помогавшим многим соотечественникам в эмиграции и в Советском Союзе. После одного из концертов Донского казачьего хора он встретился с Жаровым и дал ему несколько советов по технике дирижирования, а также предложил самому делать хоровые аранжировки, потому что для мужского хора их просто не было. Посмотрев концерты Хора Жарова, убеждаешься в том, что его руководитель следовал советам великого композитора, и это безусловно помогало ему в дальнейшем творчестве.

В целом можно отметить несколько причин феноменального успеха хора. Весьма символично, что его концерты начинались с церковной музыки. Исполнение церковной музыки сохраняло ее богослужебное назначение, голоса священнослужителей придавали выступлениям особую церковную атмосферу. Слушатель сразу поддавался под обаяние старинных русских распевов. Эта музыка несла самое главное в настоящем искусстве – мощное духовное начало. Чем больше возраст мелодии, тем ближе она к своим народным корням, тем глубже она проникает в душу исполнителя, а затем слушателя.

Фрагмент службы с пением «Блажен муж» интересен тем, что полностью передает колорит православной службы с низкими возгласами дьякона, высокими репликами канонарха и огромной тембровой палитрой звучания всех голосов хора¹. Воспитанник Синодального училища, с детских лет певший древние православные распевы, Сергей Жаров впитал их в себя и с любовью пронес через всю свою жизнь. На гастролях, если там находился действующий православный храм, в нем обязательно пел его казачий хор.

Несомненно, важнейшее значение имела и русская народная песня. Обработки их мотивов отличались хорошим знанием стилевых особенностей жанра, профессионализмом и, конечно, яркой подачей музыкального материала дирижером. Каждая песня несла в себе характерные черты жанра, к которым она относится. Исполнение всех номеров этого блока отличалось яркостью, разнообразием в динамике и темпе, который часто то ускорялся, то замедлялся, подчеркивая заложенную в тексте драматургию. В знаменитой песне артельных рабочих «Дубинушка» были уместны хоровые возгласы («Эх»), а выразительное речитативное вкрапление солиста в хоровую ткань напоминало знаменитое «Слався» М.И. Глинки из его оперы «Иван Сусанин». Использование песни сразу несколькими солистами приближало номер к театральной сцене. В солдатских, казачьих песнях часто применялся синкопированный ритм, выкрики, свист, разноголосица, что подчеркивало лихость, упругость шага и бравое настроение воинов. Оригинально звучали попури из маршевых песен. В военные песни органично вплетались ритмичные народные мелодии. А известная песня «Вдоль по Питерской» звучала как рефрен и скрепляла форму этой части программы².

Особое место в концертах Хора Жарова занимали русские романсы. Своей изысканной мелодией, лиризмом и чувственностью они, как контрастные лирические интермедии, оттеняли быстрые, задорные народные песни. Очень выразительны были хоровые аранжировки Жарова на известные романсы А. Варламова и А. Гурилева

¹ Хор донских казаков С.А. Жарова – Блажен муж. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K3fTpa9MgNM>.

² Вдоль по Питерской. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vpoqZ2VNTUg>.

«Красный сарафан» и «Однозвучно гремит колокольчик». Они эффектно исполнялись солистами в тесситуре сопрано под «гитарный» аккомпанемент мужских голосов. Высокие тенора с легкостью пели в женской звуковой зоне, а «гитара» остального хора очень гибко им аккомпанировала¹.

Донской казачий хор Жарова вел очень насыщенную концертную деятельность, которая принесла ему огромную популярность в мире. Хор выступал на всех континентах, в десятках стран, даже там, где европейцы были нечастыми гостями. Это требовало постоянной работы для поддержания профессиональной формы и поисков новых путей в творчестве. Предельно интенсивный, зачастую изнурительный график работы хора был не в последнюю очередь обусловлен конкуренцией. В 1930-е гг. в Европе давали концерты десятки русских эмигрантских, в том числе казачьих хоров, некоторые имели схожее название. Другая причина в необходимости многолетнего выживания в конкурентной среде Европы и Америки крылась во влиянии Голливуда, а также модных западных музыкальных веяний и вкусовых течений. Ранее уже отмечалось новаторство Хора Жарова в применении фальцета, широкое использование голосов в качестве «инструментального» аккомпанемента. В первой половине концертов этого коллектива можно заметить элементы хорового театра: использование свечей при исполнении православной музыки, подчеркивавших ее церковность; костер на сцене, символизировавший задушевное пение на привале; забор-плетень при плясовых песнях, который переносил зрителя на веселье в русскую деревню. Во второй половине концертов с наличием декораций и мизансцен исполнялись уже известные оперные арии, в которых прекрасные голоса солистов звучали на фоне «оркестрового» аккомпанемента остальных участников хора.

Одним из отличий и несомненных достоинств творческого стиля Жарова и его хора являлось использование в концертах многоуровневой драматургии. Внутри каждого куплета, каждой песни, блока, попури и всего концерта имелось убедительное драматургическое решение. Руководитель коллектива умел добиваться динамичности

¹ Однозвучно звенит колокольчик. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jDC9A0F68-4>.

концерта, используя принципы контраста, вариативности, а также скрепление формы своеобразными рефренами (например, песней «Дубинушка»)¹ в попурри и в течение всего концерта. Благодаря этим приемам концерт в целом уже приобретал некоторые черты современного шоу.

Помимо русских народных, военных, казачьих и кавказских песен Жаров включал в репертуар своего хора и советские песни. Например, «Полюшко-поле» (музыка Л. Книппера) с некоторыми изменениями в тексте². Прежде всего, он был музыкантом, художественным руководителем русского хора и просто русским человеком. Поэтому в одной программе концерта мирно уживались самодержавный гимн «Боже, царя храни» А. Львова и символ страны Советов «Подмосковные вечера» В. Соловьева-Седого³. Это подчеркивает общерусский характер творчества Жарова, независимый от временных исторических и идеологических изменений. Для него было важно показать всему миру российскую певческую культуру – от знаменного распева до массовой советской песни. Артисты хора никогда не забывали, что они русские, православные люди, никогда не пели в ресторанах, не выступали в развлекательных программах. Главной их мечтой было приехать в Россию, дать концерты на родине. К сожалению, почти никому из них не удалось ее осуществить. Нам надо помнить заслуги наших соотечественников, которые волею судьбы жили вдали от родины. Это наша история. Это предмет работы для историков, музыковедов и музыкальных критиков. Это кладезь сюжетов для кинематографистов.

Сергей Жаров умер в 1985 г. и был похоронен на Свято-Владимирском кладбище Касвилл-род в Джэксоне (штат Нью-Джерси). Но его подвижническая деятельность способствовала не только популяризации русского искусства в мире, но и возрождению профессионального хорового искусства в СССР. Послереволюционные гонения на церковь привели не только к варварскому разграблению

¹ Эй, ухнем! URL: https://www.youtube.com/watch?v=zw7_mKMwW7E.

² Полюшко-поле. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K_d8WAI3dLc&index=17&list=RDalJvexzeSNI.

³ Подмосковные вечера. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r0Km6DvjOJA>.

и разрушению монастырей и храмов, но и фактическому уничтожению русского профессионального хорового искусства. Были упразднены Московское синодальное училище и Петербургская придворная певческая капелла – два крупнейших центра подготовки регентов и два лучших хора России. Первые заграничные гастроли Ленинградской государственной академической капеллы в 1928 г. были в большой степени желанием Советской власти показать Европе, что культура в стране не пришла в упадок, и что хор под управлением М. Климова (в прошлом выпускника Синодального училища) ничем не хуже знаменитых эмигрантских хоров.

Во многом в ответ на мировую славу Хора Жарова свою концертную деятельность начинает созданный в 1934 г. Ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством известного композитора и знатока русской песни А.В. Александрова. Из клубного полулюбительского кружка этот ансамбль быстро вырос до большого профессионального мужского коллектива. Его послевоенные гастроли по Европе были очень успешны. В его состав входили 135 великолепных певцов, ему аккомпанировал целый оркестр народных инструментов. Это был самый большой мужской хор в мире. Но добивался он таких результатов не только количеством. Его руководитель получал образование в Петербургской певческой капелле и в Московской консерватории и был одаренным музыкантом, которого отмечал еще Рахманинов. И хотя все советское искусство было подчинено коммунистической идеологии, конкурировать с Хором Жарова могли только высокохудожественные коллективы. Поняв, что русский мужской хор в военной парадной форме является мощным оружием в идеологической войне, советское руководство стало возрождать профессиональные хоры и ансамбли.

Но, тем не менее, многие традиции были уже прерваны. В Ленинградской государственной академической капелле вместо мальчиков уже пели женщины. И, главное, в репертуаре всех профессиональных и самодеятельных хоров отсутствовали православные песнопения, то есть русская национальная профессионально-певческая и духовная основа. И только во второй половине XX в. появились робкие попытки возрождения нашего национального культурного достояния. В связи с этим можно утверждать, что многолетняя успешная

деятельность хора Жарова не прошла даром. Его исполнительские достижения стали известны в нашей стране еще до «перестройки», и во многом под их влиянием советские композиторы смелее стали искать новые средства выразительности. Уже в 1977 г. Н. Сидельников представил публике сочинение «Романсеро о любви и смерти». Это был цикл лирических поэм для хора с эпизодическим участием фортепиано, гитары, бас-гитары и ударных инструментов. Этой музыке были присущи частые диалоги солиста с хором, неожиданные возгласы, быстрая смена настроения. Также интересна фактура хора своей звукоподражательностью гитаре, разнообразие в ритмах и импровизациях. Это была музыка уже Нового времени и в ней, наряду с традиционными средствами, использовались элементы джаза и восточно-испанский колорит. Черты хорового театра также проявились в созданном В. Гаврилиным в 1982 г. «симфонии-действе» для большого хора, солистов, чтеца и инструментов под названием «Перезвоны» (по прочтению В. Шукшина). Хор в этом сочинении – не только тембровый инструмент, но и группа играющих своего рода музыкальный спектакль. Г. Свиридов отмечал яркий национальный характер этого произведения.

Новые течения русской музыки были подхвачены коллективами свободной от коммунистической идеологии России. В 1991 г. был создан Саратовский губернский театр хоровой музыки под руководством Л. Лицовой, который добился высокого уровня исполнения. Этому коллективу посвятили свои сочинения многие современные композиторы России (А. Ларин, В. Калистратов и другие). Позже подобные коллективы появились в Санкт-Петербурге, Москве, Кемерове и других городах России. Один из самых известных российских композиторов Р. Щедрин, склонный по характеру творчества к экспериментам, в 1988 г. написал хоровой цикл на слова Н. Лескова «Запечатленный ангел» для хора и свирели. Позже на слова того же автора им была создана опера «Очарованный странник», а в 2006 г. закончена другая хоровая опера «Боярыня Морозова». В этот период творчества композитор обращается к церковным и древним славянским текстам, к национальным русским источникам. Это был период возрождения в нашей стране интереса к духовной истории и культуре в связи с празднованием 1000-летия приня-

тия христианства на Руси. Также заслуживает внимания сочинение 2000 г. «Страсти по Иоанну», созданное композитором С. Губайдулиной по заказу «Баховского общества». В основе этого произведения лежат «Откровения Иоанна Богослова» или «Апокалипсис», где музыкальными средствами показаны последние дни Христа. Здесь автор музыки использовал русский язык, что является нетрадиционным для западного жанра, и ввел в сочинение грандиозного масштаба элементы православной службы: пение православного хора, возгласы дьякона, колокольный звон.

Исполнительские достижения хора Жарова стали по-настоящему известны в нашей стране только в 1990-е гг. Многие современные вокальные ансамбли и хоры используют приемы подражания инструментам, включают в свои программы попури из нескольких песен или инструментальных сочинений. Сегодня артисты многих хоров свободно ведут себя на сцене и в зависимости от программы отходят от канонов академического пения. Они двигаются по сцене, используя ее объем, а также активно участвуют в мизансценах, применяя танцевальные движения. На каналах телевидения можно наблюдать даже соревнование вокальных коллективов под названием «Битва хоров». Тем самым артисты приближают свое выступление к хоровому шоу, что привлекает широкую публику, особенно молодежь. Но сегодня мало кто из исполнителей знает имя Жарова и тем более почти никто из широкой публики не слышал о его знаменитом хоре. К сожалению, качество исполнительства и художественная сторона программ большинства современных «хоров» не высоки и соответствуют уровню развлекательного и чисто коммерческого направления. В отличие от них хор Жарова добился мирового успеха благодаря нескольким факторам.

Один из этих факторов – опора на традиции русской профессионально-духовной хоровой культуры, которые к концу XIX – началу XX вв. были в основном сосредоточены в Московском синодальном хоре. Другим фактором является творческий поиск новых форм концертной деятельности и развитие традиций мужского хорового исполнительства. Большой заслугой Жарова, помимо популяризации русского искусства, является то, что он нашел театрально-сценические формы, которые впоследствии с успехом реализовались

в современной России. С 1990-х гг. в нашей стране стали появляться хоровые театры, создаваться хоровые оперы и другие масштабные хоровые произведения а capella или с инструментальным сопровождением. Традиции русского мужского хорового исполнительства сегодня продолжают в православных мужских монастырях, храмах и филармонических коллективах.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛЬМЫ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Существует множество определений, раскрывающих смысл понятия «историческая память»; одно из наиболее удачных принадлежит И.Е. Козновой: «Память – это передаваемая различными способами и закрепленная информация о прошлом, знания и опыт, причем эмоционально окрашенный опыт, особая культурная конструкция»¹. Анализируя соотношение социальной и исторической памяти, Кознова подчеркивает, что это «не столько воспоминание прошлого, сколько процесс конструирования прошлого»². Историческая память, по сути, является одним из факторов, влияющим на самосознание народа, его ценностные ориентации, «болевые точки» общественного сознания, оценка прошлого во многом определяет поступки и действия людей. Воздействие стереотипов исторической памяти на сознание и поведение людей может как консолидировать, так и разобщать общество. Таким образом, историческая память суть понятие коллективное, хотя существует и на индивидуальном уровне.

Формирование исторической памяти – сложный и противоречивый процесс, предполагающий не только знание исторических фактов, усвоение исторического опыта, уроков истории, но и выработку определенного отношения к ним, эмоционального восприятия исторического процесса, готовности демонстрировать определенные убеждения, гордость или чувство вины за деяния предков.

Разумеется, существуют самые многообразные источники формирования исторической памяти: устная традиция, учебники истории, дневники и мемуары, письма, публицистика, художественная литература, исторические исследования, праздники, посвященные историческим событиям, юбилеи, дни памяти, монументальная тра-

¹ Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997. С. 75–76.

² Там же.

диция (памятники) и многое другое. Но в XX в. в процессе познания особое значение имели средства массовой информации: киноисточники, телевидение и радио, а в последние годы – сетевой контент. Благодаря интернету, мы можем в любое время познакомиться с лучшими и худшими образцами кинопродукции. Но можно ли их считать историческими источниками?

В 1993 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья французского историка Мориса Ферро «Кино и история», в которой автор убедительно доказывает, что необходимо пересмотреть отношение историков к иерархии источников и признать актуальность произведений кинематографа как важнейшего исторического источника. Ферро, проанализировав несколько фильмов, посвященных истории революции 1917 г. в России, не только показал возможности кинематографа и предложил классификацию фильмов, но и выделил три аспекта, необходимых при анализе фильмов:

1) кино как фактор истории (стремление власти «завладеть и контролировать кино»). Крайне важно применять позитивистский метод, позволяющий проверить точность изложения и достоверность фактов; при этом всегда следует помнить, что режиссер выбирает из истории те факты и черты, которые укладываются в его концепцию событий, а другие отбрасывает, не считая нужным обосновать свой выбор (в этом заключается его отличие от историка);

2) специфика кинематографического сообщения (особый язык кино позволяет считать нормой различные прочтения одного и того же произведения);

3) фильм как исторический документ (важность сравнения фильмов на одну тему, несмотря на разные цели их создателей, выделение общего; черты сходства показывают, что не все определяет сознательная или бессознательная воля сценаристов и режиссеров)¹. Хотелось бы добавить, что перевод на другой язык может лишить текст очень важных смысловых нюансов, и это следует учитывать. Как правило, мы смотрим озвученные фильмы, отказываясь от чтения субтитров. В связи с этим важна роль переводчика как «интерпретатора текста».

¹ Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

Французский исследователь также подчеркнул, что достоинством любого фильма является его неизменность. И в этом состоит его отличие от исторического труда, который зависит от авторской интерпретации событий и фактов, то есть обязательно меняется. Вклад кинематографа в понимание исторических событий зависит от того, насколько самостоятельной была позиция авторов, какую художественную ценность имеет каждое произведение¹.

Вопрос о возможности использования кинофильмов, как документальных, так и художественных, в качестве важного исторического источника остается актуальным. Главное возражение – они содержат слишком много субъективного, но Ферро совершенно справедливо отметил, что для историка «выбор... документов и их подборка, построение аргументации – это тот же монтаж, трюк и фальсификация. Имея возможность обращаться к одним и тем же источникам, разве все историки написали одинаково историю Французской революции?»²

В нашей стране появились интересные исследования по рассматриваемой теме, вышедшие из-под пера таких авторов, как В.С. Листов³, В.М. Магидов⁴, В.М. Розин⁵. Особую практическую значимость имеют статьи О.Г. Усенко, на конкретных примерах раскрывшего приемы анализа игрового кино – важнейшего свидетельства исторической эпохи, непосредственно влияющего на историческую память народа⁶. Многие из этих методов актуальны и для анализа документального кино.

¹ Ферро М. Указ. соч. С. 47–57.

² Там же.

³ Листов В.С. История смотрит в объектив. М., 1973.

⁴ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

⁵ Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 2009.

⁶ Усенко О.Г. Примерная методология изучения менталитета по игровому кино // Человек – текст – эпоха. Сборник научных статей и материалов. Томск, 2006. Вып. 2. Современные проблемы источниковедения. С. 11–26; *Он же*. Методология изучения менталитета по игровому кино и его апробация на примере российского кинематографа 1908–1919 годов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2009. Вып. 3. № 40. С. 36–71; Вып. 4, № 43. С. 50–97.

Не секрет, что в условиях господства массовой культуры многие люди предпочитают получать информацию, используя аудио-визуальные средства. Именно поэтому так велик интерес к разного рода ток-шоу, научно-популярным программам, игровым фильмам. Гораздо реже зрители обращаются к документальному кино, хотя именно в этом случае возникает эффект подлинности и достоверности предлагаемых сведений, а точка зрения автора часто принимается на веру как истина, не требующая проверки. Как же все обстоит на самом деле?

Задача настоящей статьи – рассмотреть, какие документальные фильмы о Первой мировой войне появились в связи со столетием ее начала, чем интересны эти работы, как они воспринимаются молодежной аудиторией? Отметим, что эта изучавшаяся аудитория весьма специфична – студенты гуманитарного факультета, избравшие историю в качестве своей профессии и лучше, чем их сверстники, представляющие достижения отечественной историографии. Во время обсуждения фильмов студенты были предложены следующие вопросы: Что вас удивило? С чем вы не можете согласиться? Что вам запомнится?

В XXI в. практически во всех странах, население которых воспринимает Первую мировую войну как знаковое событие, положившее начало новой эпохе в развитии человечества, вышли документальные фильмы, посвященные ее осмыслению. Однако источниковой базой для данного исследования послужили лишь британские и российские фильмы.

Обращение к документальным фильмам, созданным в Великобритании, обусловлено тем, что именно английские кинематографисты выступили в роли «первопроходцев», их находки и достижения активно использовались теми, кто создавал аналогичные произведения.

В 2003 г. вышел в свет сериал «Первая мировая война в цвете» (режиссер *Джонатан Мартин*, автор сценария Саймон Бертон). Фильм состоит из семи частей, а последняя, восьмая, часть раскрывает специфику работы авторского коллектива.

При создании сериала использовались раритетные архивные видеоматериалы, включая кинодокументы британского Имперского

Военного музея, которые были кропотливо подобраны и раскрашены с помощью передовой компьютерной графики. Целью авторов уникального фильма являлась попытка показать события Первой мировой войны глазами тех, кто в ней участвовал. Кадры кинохроники комментировались известными историками, своими воспоминаниями делились ветераны, дожившие до наших дней. Над этим важным проектом работал целый коллектив профессионалов. В 2005 г. сериал был переведен на русский язык и стал доступен нашим соотечественникам.

В 2004 г. вышел в свет 5-серийный английский телевизионный фильм «Первая мировая война», снятый по книге известного шотландского историка Хью Страчана «Оксфордская иллюстрированная история Первой мировой войны» (1998). Фильм был переведен на русский язык и показан по каналу «Культура».

Появились и российские документальные фильмы, посвященные этой дате.

На формирование отношения россиян к Первой мировой войне, как и на процесс создания фильмов огромное влияние оказала особая духовная атмосфера, сложившаяся еще в 1990-е гг. после краха СССР. Мучительный поиск идентичности, стремление ликвидировать «белые пятна» привели к созданию «ненаписанной истории», что в полной мере относится и к попыткам кинематографа переосмыслить роль и место Первой мировой.

В 2010 г. вышел многосерийный документальный фильм, а по сути историческое исследование «Великая и забытая» (автор и ведущий – петербургский тележурналист Виктор Правдюк, режиссеры Галина Ясногородская и Ольга Адрианова, художник Борис Цитович). В 32-х сериях прозвучал также голос историков – Кирилла Александрова, Виктора Брачева, Владимира Лигуты и Андрея Терещука. Фильм не случайно носит название «Великая и забытая». «Великая», потому что до неузнаваемости изменила весь мир, в том числе его духовную составляющую; «забытая», потому что в СССР ее масштаб и значение принижались до штампа «канун Великой Октябрьской социалистической революции». В советских учебниках детально была представлена только история Великой Отечественной войны... Заметим, что определение «Великая» по отношению ко Второй мировой

войне не используется. Потому, что она стала логическим продолжением Первой? Или потому, что у людей в это время уже не оставалось иллюзий по поводу гуманизма?

В 2014 г. был показан еще один документальный фильм «Первая Мировая. Самоубийство Европы» (авторы: журналист, главный редактор познавательного телеканала ВГТРК «История», режиссер-документалист Алексей Денисов, продюсер Василий Яковлев, ведущий Федор Бондарчук).

В 2014–2018 гг. на канале «Культура» шел показ 1142 выпусков фильма режиссера Михаила Трофимова «Нефронтовые заметки» (ведущий – журналист, историк по образованию Алексей Олиферук). Основное внимание авторы уделили быту войны, событиям частной жизни, неуловимым «моментам» бытия, а не военным действиям. Поэтому данный фильм исключен нами из анализа.

В 2015 г. по общественному телевидению был показан 12-серийный фильм журналиста, писателя, телеведущего Леонида Млечина «Великая война не окончена», посвященная анализу итогов и последствий этого знакового события.

Разумеется, в этих фильмах дан такой обширный материал, что проанализировать его в полном объеме невозможно, поэтому остановимся лишь на нескольких сюжетных линиях.

Линия первая.

Несмотря на то, что прошло уже 100 лет с начала Первой мировой войны, вопрос о причинах ее возникновения и об ответственности за войну по-прежнему волнует историков. В вышедших в свет в последнее время работах появился тезис о том, что свою долю ответственности за развязывание войны несут «малые государства», в частности Сербия и Черногория¹. Так был ли «сербский след»?

Авторы фильма «Первая мировая война в цвете» обошли вопрос о причинах мирового конфликта, ограничившись замечанием, что его начало связано с «выстрелом в Сараево члена организации, поддерживаемой правительством Сербии». В результате зрители могут сделать вывод о случайном стечении обстоятельств, приведшем к катастрофе.

¹ Первая мировая война: Современная историография. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

В английском телевизионном фильме «Первая мировая война», отражающем позицию Хью Строчана, в первой серии «К оружию!» информация более конкретна: приводятся данные из биографии Гаврилы Принципа, утверждается, что военная организация «Черная рука», членом которой он был, пользовалась террористическими методами, чтобы ослабить Австро-Венгрию, используя беспорядки в Хорватии и Боснии. Создатели фильма подчеркивают, что руководитель «Черной руки», начальник сербской военной разведки Драгутин Димитриевич якобы сделал ставку на энтузиазм молодежи и одобрил план Принципа. При этом вывод однозначен – Первая мировая война «началась почти случайно и также странно закончилась». Авторы утверждают: «Сама Германия не старалась втянуть мир в войну, она оказалась недостаточно осведомленной». Вместе с тем ответственность за принятие рокового решения возлагается на кайзера Вильгельма II, проявившего себя как «незрелый правитель, не способный задуматься о последствиях».

Удивительно, но начало российского фильма «Великая и забытая» очень напоминает серию «К оружию!»: оба режиссера показали современную панораму Сараево (российский фильм) и Белграда (британский), оба в деталях изложили биографию наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его миролюбие, но в российском фильме даже не упоминается об организации «Черная рука», а причиной рокового выстрела еврея Гаврилы Принципа названо его увлечение идеями русских анархистов!

Не менее любопытна предложенная в российском фильме трактовка причин Первой мировой войны. Виктор Правдюк четко обозначил свою позицию: самый злобный враг русского народа – «большевизм и его клеветы», повинные в забвении памяти героев Первой мировой войны. Он отвергает трактовку «вульгарного марксизма» в трудах академика Покровского, считавшего главной причиной военного столкновения «антагонизм между прусским юнкером и русским помещиком». Более взвешенная оценка советской историографии им не приводится. По мнению Правдюка, необходимо учитывать «личный фактор», например, позицию президента Франции Пуанкаре, а также некую «теорию катастроф», в частности, вывод Конрада Лоренца о неизбежной внутривидовой борьбе. Иными словами, чело-

вечество стремилось к войне. Историк Кирилл Александров отметил в своем комментарии, что это была последняя война за национальные интересы. (Впоследствии им на смену пришли, прежде всего, интересы экономические). Приведено высказывание Гитлера: «Абсурдный пролог очередной мировой трагедии – один из друзей славянства (Франц Фердинанд!) убит от руки фанатика – славянина».

В кинофильме «Первая Мировая. Самоубийство Европы» также упоминается об убийстве эрцгерцога сербом Гаврилой Принципом, а ответственность за разжигание войны возлагается на Германию и Австро-Венгрию.

Но в вопросе о «сербском факторе» все далеко не так просто.

Крупный советский/российский историк-югославист акад. Ю.А. Писарев, проанализировав дневник члена руководства «Черной руки» Ч. Поповича, пришел к выводу о незаинтересованности сербского правительства в военном конфликте с Австро-Венгрией и о неучастии «Черной руки» в сараевском заговоре¹. Следует отметить его полемику с популярным российским писателем В. Пикулем, в романе которого приводится версия, близкая к британской. Ю.А. Писарев считал одной из важнейших задач историков проводить четкую грань между вымыслом и реальностью, развеивать ложные представления, которые нередко формируются у читателей исторических романов.

Студенты – историки при просмотре фильмов заметили несоответствие в трактовке вопроса о виновниках развязывания войны, что стимулировало их обращение к историческим трудам.

Линия вторая.

Еще одна проблема, неизбежно волнующая исследователей – взаимоотношения союзников и России, ее подлинная роль в победе над странами Четверного союза. Не анализируя весь комплекс побед и поражений на Западном и Восточном фронте, остановимся на событиях августа 1914 года.

В фильме «Первая мировая война в цвете» вступление англичан в войну связывается с их стремлением помочь Бельгии, большое

¹ Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 36–37; *его же*. Российская контрразведка и тайная. О романе В. Пикуля «Честь имею!» // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 165–169; *его же*. Сербская организация «Черная рука» // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 23–35.

внимание уделяется жестокости германской армии по отношению к гражданскому населению и в битве при Монсе¹. Однако союз французов и англичан все же увенчался «Марнским чудом» благодаря «обманной стратегии». Тут же авторы отметили трагическое поражение русской армии под Танненбергом, когда погибли 50 тыс. русских военнослужащих и 100 тыс. были взяты в плен. И никакой попытки выявить причинно-следственные связи!

В фильме «Великая и забытая», напротив, подчеркивается, что русские спасли своих союзников: начали наступление, не успев завершить мобилизацию, что привело к переброске германских войск на Восток. Причем авторы, обосновывая правомерность своей оценки, ссылаются на главнокомандующего Франции генерала Жофра, зафиксированные в его дневнике.

Уникальным достижением создателей сериала «Первая мировая война в цвете» можно считать обращение к «устной истории» – рассказам непосредственных участников событий и колоритным деталям, позволяющим эмоционально «пережить чужой опыт». Некоторые из них имеют важное значение для выявления противоречивости выводов самих авторов:

1. Упомянута «мобилизация парижских такси, чтобы доставить солдат на фронт» – факт, позволяющий судить об уровне подготовленности французской армии к битве на Марне;

2. «Крысы под одеялами грелись в окопах вместе с солдатами, когда те засыпали, они кусались и ели обмундирование...». Фрагмент рассказа помогает лучше понять смысл выражения «окопная война» или позиционная война. Но такова специфика именно Западного фронта («на Западном фронте без перемен»). На Востоке постоянно происходило массовое перемещение войск, чередовались победы и поражения.

3. Студенты были потрясены кадрами, посвященными феномену «братания», совершенно невозможному в современном мире. Поражает странное единение солдат разных армий, особенно знаменитая

¹ Сражение на Западном фронте Первой мировой войны (23 августа 1914 г.), часть Пограничного сражения 1914 г., в ходе которого британский экспедиционный корпус нанес наступающей германской армии значительные потери, но был вынужден отступить. (Прим. авт.).

рождественская ночь 1914 г., когда враждующие стороны – германская и британская – поздравляли друг друга и хором пели песни одна за другой. На Восточном фронте это имело еще больший размах. Эти исторические реалии привлекли внимание создателей большинства фильмов.

Очевидно, что процесс конструирования прошлого происходит по-разному в разных культурах, различаются способы мышления и исторический опыт, ценности, чувства и т.д. Американский ученый М. Коул писал, что даже в том случае, когда люди лгут или выдумывают истории, они делают это в соответствии с обстоятельствами своей культуры¹.

В нашей стране также предпринимались попытки рассмотреть войны XX в. с позиций этого подхода. Е.С. Сеньявская стала родоначальницей нового направления в российской историографии – военно-исторической антропологии и психологии². Ее работы вызывают у студентов устойчивый интерес.

Таким образом, осмысление каких-либо исторических событий в разных странах изначально не может быть одинаковым. Однако можно выделить общие черты, присущие большинству фильмов: используется сходный комплекс источников; весомость позиции создателей фильмов придают комментарии историков (любопытный факт – российский фильм «Первая мировая война. Самоубийство Европы» комментировали германские и французские, а не российские историки).

Каковы же различия в позициях кинематографистов?

1. Замысел и концепция британских фильмов были разработаны известными профессиональными историками, чьи труды получили широкое признание: Хью Страчаном и полковником Чарльзом Мессингом, автором более 20 книг.

2. Российские же фильмы были подготовлены журналистами, которые более активно пропагандируют свои взгляды, например, идея величия Российской империи присуща всем авторам без исключения.

¹ Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997. С.75–86.

² Сеньявская Е.С. Героические символы: реальность и мифология войны. М., 1997; *ее же*. Психология российских участников войн XX века. Сравнительно-историческое исследование: дисс... докт. ист. наук. М., 1999.

а фильм «Великая и забытая» явно свидетельствует о ностальгии по монархии.

3. Попытка представить, что было бы, если бы победила Германия, какими территориями пришлось бы пожертвовать России и насколько этот вариант событий хуже, чем победа большевиков и установление тоталитарного режима, не выдерживает критики.

4. Настороженное отношение к Западу у ряда авторов можно связать как с наследием славянофилов и евразийцев, так и с популярной ныне концепцией С. Хантингтона о неизбежном конфликте цивилизаций.

5. Разумеется, каждый фильм акцентирует внимание на действиях своей армии, подчеркивая их значимость, характеризуя трудности, пытаясь объяснить причины поражений и воспевая победы.

Первая мировая война – не только пролог XX века, ее осмысление по-прежнему актуально, документальные фильмы знакомят нас с ужасами войны, заставляют задуматься о ее уроках, способствуют лучшему пониманию противоречивого пути развития человечества.

РАЗДЕЛ IV.

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ОТЗВУКИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В НЕЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ**

ОТЗВУКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В АРГЕНТИНЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Как известно, Аргентина не принимала участия в Первой мировой войне. В самом начале конфликта она заявила о нейтралитете и придерживалась его вплоть до 11 ноября 1918 года. Видимо поэтому в огромном количестве исследований, посвященных этой войне, Аргентине практически не уделялось внимания. Однако в последние десятилетия интерес к событиям, происходившим в этой стране в 1914–1918 гг., существенно возрос. И вызван он не только столетними юбилеями начала и окончания Первой мировой войны. Тому есть и многие другие причины. История Аргентины – государства европейского типа на латиноамериканском континенте – полна любопытных событий и поворотов. Исследователи стремятся ответить на вопрос: почему страна, бывшая такой богатой и передовой к началу Первой мировой войны, утратила к середине прошлого века свои позиции и вступила в длительную полосу кризисов и политической нестабильности. Ученые намерены понять, почему Аргентина, в которой проживало большое количество переселенцев из Европы, не вступила в военные действия, а также узнать, каким образом война отразилась на политической и экономической ситуации в этой стране, как воспринимались в аргентинском обществе события на фронтах и политическая обстановка в Европе. К тому же, необходимо оценить значимость политики нейтралитета, в том числе, на случай возможности повторения подобного конфликта в будущем.

Французский ученый О. Компаньон в предисловии к своей книге, вышедшей в 2013 г., справедливо заявляет о том, что сегодня пришло время, когда проблемы Великой войны действительно стали активно изучаться во всем мире. Обращение к этим проблемам современных исследователей не является, по его убеждению, простым обновлением тематики или ростом внимания исследователей к политической и социально-экономической обстановке периода Первой мировой войны в неевропейских странах. Оно говорит о желании ученых

познать другую сторону истории Латинской Америки XX в.¹ Чтобы понять, о чем идет речь, следует показать, что представляла собой Аргентина до Первой мировой войны.

Со второй половины XIX в. до начала войны, в стране произошли изменения, которые по многим показателям вывели ее на первое место в Латинской Америке. В 1853 г. была принята новая либерально-демократическая конституция. Аргентина провозглашалась федеративной республикой, причем федеральное правительство наделялось существенными полномочиями. В стране создавались благоприятные условия для экономического развития, увеличивался приток иностранного капитала, главным образом британского, растущая иммиграция обеспечивала промышленность и сельское хозяйство квалифицированной и относительно недорогой рабочей силой. Было окончательно сломлено сопротивление индейских племен, что открыло возможности для освоения новых территорий и форсированного развития сельского хозяйства. Экономический рост, основанный на промышленном экспорте замороженного мяса, зерна и другой сельхозпродукции, ускорился. По экспорту этих продуктов в начале XX в. Аргентина занимала первое место в мире².

Вхождение Аргентины в мировой хозяйственный рынок давалось ей нелегко, хотя и сопровождалось быстрым развитием ориентированных на экспорт отраслей промышленности и сельского хозяйства, приносившей экономике неплохой доход. Но в то же время это делало страну зависимой от мировой экономической конъюнктуры и иностранных инвестиций. Главным рынком сбыта аргентинской продукции стала Великобритания. Постоянный контроль иностранных инвесторов не способствовал развитию национальной промышленности и вызывал возраставшее недовольство в стране. В результате во второй половине 1880-х гг. в Аргентине разразился финансовый кризис, приведший к политической нестабильности и радикальным изменениям в сознании общества, что привело к созданию новых партий. В 1891 г. был основан Гражданский радикальный союз (ГРС)³,

¹ *Cotpañon O.* América Latina y la Gran Guerra. El adiós a Europa (Argentina y Brasil, 1914–1939). Paris, 2013.

² *Романова З.И.* Развитие капитализма в Аргентине. М., 1985. С. 70–96.

³ *Казаков В.П.* Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. М., 2008.

противостоявший консервативной правящей партии, которая выражала интересы земельной и торговой олигархии. В 1896 г. аргентинскими рабочими, преимущественно из числа европейских мигрантов, была образована Социалистическая партия¹. Широкое распространение в рабочем движении получили также анархистские идеи².

В 1912 г. был принят закон Саенса Пенья³ (по имени инициатора – президента страны в 1910–1914 гг.), предоставивший избирательные права всему взрослому мужскому населению страны и обеспечивший переход к режиму представительного правления (до этого времени избрание президентов контролировалось узким кругом консервативной олигархии). Первым президентом, избранным в 1916 г. в соответствии с новой электоральной системой, стал лидер ГРС Иполито Иригойен (1852–1933)⁴.

Имея большую территорию, малонаселенная Аргентина была открыта для иммиграции, особенно из Европы, так как выходцы из Старого Света имели, как правило, более высокий уровень образования, нежели местное население. Не случайно аргентинский историк Ф. Луна отмечал, что «иммиграция и образование стали основами новой Аргентины»⁵. К началу войны значительная часть населения состояла из европейских иммигрантов, благодаря которым население страны выросло с 1,2 млн человек (в 1860 г.) до 7,8 млн (в 1914 г.)⁶.

¹ Poy L. Juan B. Justo y el socialismo argentino ante la Primera Guerra Mundial (1909–1915) // *Política y Cultura*. 2014. № 42. P. 155–181; Казаков В.П. Хуан Баутиста Хусто: социализм по-аргентински // *Новая и новейшая история*. 2018. № 3. С. 222–233; Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. М., 2012. С. 185–186.

² Echezarreta D.G., Yaverovski A.M. El anarquismo argentino y la Gran Guerra // *Política y Cultura*. 2014. № 42. P. 125–153; История Латинской Америки. 70-е годы XIX века – 1918 год. М., 1993. С. 102–106.

³ История Латинской Америки. 70-е годы XIX века – 1918 год... С. 100.

⁴ Иполито Иригойен – адвокат по профессии. Рано включился в политическую борьбу, в 1891 г. стал одним из основателей партии Гражданский радикальный союз (ГРС), а в 1893 г. возглавил ее. В 1916 г. избран президентом Аргентины на срок 1916–1922 и 1928–1930 гг. Был свергнут в результате военного переворота и отправлен в ссылку, а после – под домашний арест, где и умер в 1933 г.

⁵ Луна Ф. Краткая история аргентинцев. М., 2010. С. 128.

⁶ Bill A. South America and the First World War. The Impact of the War on Brazil, Argentine, Peru and Chile. Cambridge, 1988. P. 15.

Менее образованные иммигранты тоже были очень нужны как рабочая сила в сельском хозяйстве и промышленности. Благодаря им аргентинская экономика успешно развивалась.

Таким образом к началу XX в. Аргентина вошла в систему мировой торговли. Получая большие доходы, она смогла построить новые города (в том числе Ла-Плата), железные дороги и многое другое. Как пишет Ф. Луна, «вскоре об Аргентине начали говорить как о новом Эльдорадо»¹. Такую же точку зрения высказывают и другие авторы, называя Аргентину начала столетия «очень богатой и образованной»². Не случайно в Европе стала популярной фраза «богат, как аргентинец»³. Английский исследователь А. Билл идет еще дальше. Он считает Аргентину того периода одной из самых развитых стран мира и называет ее «Соединенными штатами Южного полушария», а Буэнос-Айрес – «Парижем Южного полушария»⁴. Однако эту позитивную картину омрачала зависимость от Великобритании, которая господствовала в аргентинской экономике, существенно ограничивая ее возможности⁵.

Приход к власти на смену консерваторам радикальной партии во главе с И. Иригойеном стал важным этапом в истории Аргентины. Являясь борцом за демократию, национальный суверенитет и обновление страны, Иригойен выступал за мирное решение назревших проблем. Об этом он писал в 1923 г. в своей книге «Моя жизнь и моя доктрина»⁶. Иригойен осуществил ряд социально-экономических реформ, отвечавших интересам страны. Были отстранены от власти консерваторы, проведены меры по утверждению демократических правовых норм, стимулированию национальной экономики и системы образования. Профсоюзы получили право на свободу деятельности. После подавления активных выступлений рабочих был удовлетворен ряд их требований. В то время сделать это было очень

¹ Луна Ф. Указ. соч. С. 126.

² Malamud C. América Latina. Siglo XX. La búsqueda de la democracia. Madrid, 1999. P. 9.

³ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины... С. 5.

⁴ Bill A. Op. cit. P. 12.

⁵ Романова З.И. Указ. соч. С. 74–79.

⁶ Yrigoyen H. Mi vida y mi doctrina. (1923). Buenos Aires, 1957.

нелегко. Слишком велико было влияние и сопротивление старой корпорации консерваторов¹.

Придя к власти, правительство радикалов сразу же осудило Первую мировую войну и подтвердило провозглашенную прежним правительством политику нейтралитета. В первые годы эта позиция поддерживалась как сторонниками президента внутри страны, так и англичанами, для которых Аргентина была важным источником поставок.

Аргентине того периода в последнее время посвящены работы многих ученых из разных стран. Можно назвать, например, немецкого исследователя из Штутгарта Т. Фишера, его соотечественника профессора Института латиноамериканских исследований в Берлине С. Ринке, уже упомянутых французского историка О. Компаньона, профессора Университета Восточной Англии А. Билла, а также российского историка В.П. Казакова и ряд других авторов². Особый интерес представляют работы современного аргентинского историка Э. Санчеса³, который тщательно исследовал события Первой мировой войны и их восприятие аргентинским обществом. В 2012–2017 гг. исследователь опубликовал несколько серьезных работ на эту тему⁴.

¹ *Otero H.* Yrigoyen y la Argentina durante la Gran Guerra según los agregados militares franceses // *Estudios Sociales: Revista Universitaria Semestral*. 2009. Año XIX. Nº 36. P. 69–90.

² *Fischer Th.* Die Souveranitat der Schwachen: Lateinamerika und der Volkerbund, 1920–1936. Stuttgart, 2012; *Rinke S.* Latin America and the First World War. N.Y., 2017; *Compagnon O.* Op. cit.; *Bill A.* Op. cit.; *Казаков В.П.* Радикалы в истории Аргентины...; *Он же.* Аргентина и Первая мировая война: международная политика Иригойена // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2007. Вып. 7; *Он же.* Аргентинское видение русской революции // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2018. Т. 9. Вып. 3(67). URL: <http://history.jes.ru/s207987840002164-9-1> и др.

³ Санчес Эмилиано Гастон (*Sánchez Emiliano Gastón*) – доктор истории в университете Буэнос-Айреса, исследователь-ассистент Национального Совета исследователей науки и техники, член Института научных исследований в Национальном университете им. Третьего февраля.

⁴ *Sánchez E.G.* La invasión alemana de Bélgica y la movilización visual en la prensa de Buenos Aires. Un estudio sobre las imágenes del diario *Crítica* durante los inicios de la Gran Guerra // *Revista Contemporánea*. 2015. Año 5. Vol. 2. Nº 8: dossier temático: ‘Guerras e Revoluções no seculNo XX’. P. 1–39; *Idem.* ¿Quién ha invocado a Marte? La querrela sobre las responsabilidades por el inicio de la Gran Guerra en la

Ученому удалось показать отношение его родины к Первой мировой войне, проанализировать общественные настроения того периода и подробно осветить трудности, которые испытывала Аргентина в 1914–1918 гг.

Аргентинское общество было потрясено началом войны в Европе и возмущено неожиданной немецкой оккупацией Бельгии. Этой проблеме Э. Санчес посвятил две статьи¹. Все помнили, что существовал международный договор, установивший нейтралитет Бельгии на случай возможного военного конфликта. Не считаясь с этим, 4 августа 1914 г. немецкие войска вторглись на бельгийскую территорию. Аргентинцам, как и европейцам, это казалось недопустимым. Предполагалось, что немецкие войска только пройдут через Бельгию. Однако вскоре стала поступать информация о зверствах, совершенных немецкими солдатами против бельгийцев, а также поляков и гражданского населения приграничных провинций Франции. По сообщениям аргентинской прессы, за относительно короткий период с 5 августа по 21 октября 1914 г. было совершено около 6500 казней. Немецкие войска безжалостно грабили местное население. На оккупированных территориях пылали пожары. Стали известны многочисленные случаи изнасилования женщин немецкими солдатами,

prensa de Buenos Aires // Cuadernos de Marte. Revista latinoamericana de sociología de la guerra. 2015. N° 8. P. 49–73; *Idem*. La prensa de Buenos Aires ante ‘el suicidio de Europa’. El estallido de la Gran Guerra como una crisis civilizatoria y el resurgimiento del interrogante por la identidad nacional // Memoria y Sociedad. Revista de Historia. 2014. Vol. 18. N° 37. P. 132–146; *Idem*. Pendientes de un hilo. Guerra comunicacional y manipulación informativa en la prensa porteña durante los inicios de la Gran Guerra // Política y Cultura. Revista Académica del Departamento de Política y Cultura. 2014. N° 42; dossier temático: ‘A cien años de la Primera Guerra Mundial. P. 55–87; *Idem*. Reflexiones en torno al concepto de representación y su uso en la historia cultural // *Questión*. Revista especializada en Periodismo y Comunicación. 2014. Vol. 1. N° 42. P. 228–241; *Idem*. Ecos argentinos de la contienda europea. La historiografía sobre la Gran Guerra en la Argentina // Políticas de la Memoria. Anuario de investigación e información del CeDInCI. 2012/2013. N° 13. P. 163–169; *Idem*. Ser testigo de la barbarie. La ocupación de Bélgica y las atrocidades alemanas de 1914 en las crónicas de Roberto J. Payró // *Eadem* Utraque Europa [La Misma y la otra Europa]. Revista Semestral de Historia Cultural e Intelectual. 2012. N° 13. P. 163–207.

¹ Подробнее см.: *Sánchez E. G.* La invasión alemana de Bélgica... и *Idem*. Ser testigo de la barbarie...

а также использования гражданских лиц в качестве живого щита в ходе военных операций. Осуществлялись массовые депортации мирного населения для принудительных работ в Германию. Поступали данные и об огромном количестве разрушенных немцами и их союзниками зданий, считавшихся историческим наследием человечества, в том числе крупнейших библиотек Европы¹.

20 августа 1914 г. немецкие войска вошли в Брюссель, в котором жил аргентинский писатель и журналист Роберто Паирó. Он не покинул страну и стал свидетелем всего происходящего, отразив это в своих многочисленных хрониках. Как пишет Э. Санчес, составленные Паирó, хроники, представляют собой наиболее документированные записи о нарушении Германией бельгийского нейтралитета. Кроме того, их автор фиксирует и осуждает все преступления немецкой армии². Его хроники публиковались в аргентинской прессе, оказывая сильное влияние на жителей страны и еще больше настраивая их на поддержку Антанты. Жестокость противостояния между цивилизацией и варварством, которого никак не ожидали от Европы, возмутила аргентинцев, привыкших преклоняться перед ней, заставив задуматься о собственной идентичности.

Начало войны встревожило аргентинское общество и раскололо его на три группы: одна часть поддерживала страны Антанты (союзники), другая симпатизировала Германии (германофилы), а третья – старалась сохранить нейтральную позицию, чтобы не усугублять ситуацию в стране и не обострять отношения в обществе (нейтралисты). Все они с нетерпением ожидали свежих новостей с полей сражений. Однако получить эти новости оказывалось нелегкой задачей. В стране издавалось много газет и журналов различных политических направлений, но все они столкнулись с одинаковыми трудностями, вызванными техническими возможностями передачи информации через океан. Развернулась настоящая коммуникационная и информационная война. Именно этой проблеме и посвятил свою статью Э. Санчес³. Проанализировав содержание газет, издававшихся в Буэнос-Айресе, автор сумел объективно осветить роль европейских информацион-

¹ *Sánchez E.G.* Ser testigo de la barbarie... P. 165.

² *Ibid.* P. 201.

³ *Sánchez E.G.* Pendientes de un hilo... P. 55–87.

ных агентств в Аргентине и их влияние на местное общественное мнение.

Передовые страны Европы еще в XIX в. начали проводить подводные кабели для установления телеграфной связи с отдаленным континентом. Строительство глобальной системы СМИ началось в 1860 г. и продолжалось до 1930 г. Налаживание связи, оснащенной подводными кабелями и телеграфами, а также развитие железных дорог и пароходов позволило преодолеть определенные географические препятствия и организовать транснациональную сеть государственных и частных предприятий. Руководили процессом передачи информации специальные компании: «Рейтер» (Великобритания), «Гавас» (Франция) и «Вольф» (Германия). К началу войны работа этой сети еще не была налажена в достаточной степени. К тому же за получение добротной информации необходимо было платить немалые деньги. Не все газеты аргентинской столицы могли себе это позволить. Крупнейшие издания Буэнос-Айреса «La Nación» и «La Prensa» еще в 1908 г. подписали соглашение с французским агентством «Гавас» на 250 тыс. слов в год в дополнение к общей сумме, а в 1911 г. по новому соглашению – на 500 тыс. слов¹. Другие газеты должны были выкупать у них нужный материал. Серьезная проблема для получения объективной информации из Европы была связана с господством на море Великобритании, которая совместно с Францией ограничивала германское влияние. Для этой цели использовались различные методы – от повреждения кабелей и потопления судов, занимавшихся наведением связи, до искажения информации или простого умалчивания о продвижениях и успехах немецкой армии. Конечно, Германия продолжала поставлять свою информацию немецким изданиям, выходившим в Аргентине, которые должны были противодействовать пропаганде противника. В стране развернулась настоящая информационная война. Великобритания контролировала подводные сети, и это имело решающее значение для определения и распространения англо-французского взгляда на войну и, в частности, на германское наступление летом 1914 г. Это объясняет тенденциозность информации, которая ежедневно публиковалась местными

¹ *Sánchez E. G. Pendientes de un hilo... P. 62.*

газетами, и вызывала симпатии большинства жителей Буэнос-Айреса к Антанте.

В атмосфере волнения и тревоги, вызванных началом войны, газеты Буэнос-Айреса пытались удовлетворить огромный спрос на достоверные сведения, обратившись к самым разнообразным источникам: впечатления аргентинских путешественников, возвращающихся из Старого Света, европейские публикации, которые прибывали по почте в редакции газет, статьи корреспондентов из разных столиц Европы, новостные бюллетени, официальные сообщения, письма отдельных лиц и сведения, подаваемые телеграфными службами европейских информационных агентств. Если бы основные коммуникации, через которые поступали сведения о событиях из Европы, находились в руках Германии, а не Англии, «информация поступала бы к нам, тушенная в немецком соусе, сейчас же она приходит к нам, в сугубо английской интерпретации», писала газета «El Pueblo»¹. Не случайно автор предварял свою статью таким высказыванием: «Работа телеграфной службы стала демонстрировать, что она является не рупором правды, а поборником искусства лжи»².

Именно тогда газеты Буэнос-Айреса «La Nación» и «La Prensa» решили отправить в Европу своего корреспондента. Им стал аргентинский журналист Хуан Хосе Соиса Рейли³.

Зная обстановку и настроение общества в своей стране в начале войны, Соиса Рейли отправился в Европу, чтобы своими глазами увидеть и оценить отношение к войне в разных странах. Ему удалось проследить с начала и до конца, как проходила война. Будучи журналистом-нейтралом, он совершил долгое путешествие, посетив Францию, Германию, Польшу, Швейцарию и Италию. За это время он стал высокопрофессиональным военным корреспондентом, побывавшим на многих полях сражений. Соиса Рейли отмечал, что в начале войны патриотизмом были охвачены все молодые люди,

¹ 25 Que sí y que no // El Pueblo. 1914. 13 de agosto. Núm. 5066. P. 9. Цит. по: Sánchez E.G. Pendientes de un hilo. P. 68.

² Sánchez E.G. Pendientes de un hilo... P. 55.

³ Sánchez E.G. Bohemia anarquista, modernismo y periodismo: las crónicas de Juan José Soiza Reilly durante la Primera Guerra Mundial // Izquierda. 2017. No. 35. P. 98–123.

мобилизованные на военную службу. Независимо от национальности каждый солдат считал, что его страна борется за свою независимость и ее надо защищать. И даже будучи тяжело ранеными, они сожалели не столько о своей судьбе, сколько о том, что не могут и дальше бороться за защиту своей родины. Поначалу Соуса Рейли проникся сочувствием и уважением к таким солдатам, критикуя как антивоенные, так и антипатриотические настроения. А позднее, нагнав себя на ужасы войны, готов был кричать: «Долой войну!»¹.

Посетив французский город Биарриц, известный как место отдыха и лечения аристократии и королевских особ, Соуса Рейли оказался свидетелем преобразования казино и роскошных отелей в больницы, которые были залиты кровью раненых в бою солдат. В одной из своих хроник он писал: «Энтузиазм военных – это болезнь. Это – Бич! Если патриотизм воспринимается как болезнь, как “коллективное безумие”, которое превращает людей из различных стран мира в “сумасшедших”, то в более широком плане война – это бактерия, которая распространяется на большой скорости и поражает всех, особенно молодежь, которая рвется в первые ряды резервистов и добровольцев»². Таким образом, Соуса Рейли критиковал культ патриотизма, который начал терять свою популярность буквально через несколько месяцев после начала войны. Окопный быт быстро изменил жизненную позицию молодых солдат. Аргентинский журналист приходит к выводу, что правильному пониманию патриотизма надо учить в школе, это могло бы стать лучшим уроком для молодежи³.

Проводимая Германией подводная война, предполагала серьезную опасность для торговли с Великобританией. Потопление немцами в 1917 г. парохода «Монте-Протегида», который плыл под аргентинским флагом, вызвало серьезные возмущения в стране. Многие граждане стали требовать вступления Аргентины в войну. Правительство же продолжало настаивать на своем. Решение властей соблюдать нейтралитет даже в такой ситуации вызвало неоднозначную реакцию в аргентинском обществе, усилив его раскол. Как констати-

¹ *Sánchez E.G.* Bohemia anarquista, modernismo y periodismo... P. 111.

² *Ibid.* P. 68.

³ *Ibid.* P. 123.

руют аргентинские издания¹, давление на правительство Аргентины было велико. Олигархические круги требовали разрыва дипломатических отношений с центральными державами. Те же, кто твердо поддерживал политику нейтралитета, в том числе и президент Иригойен, вскоре были обвинены в «германофильстве»².

Существенные трудности руководство Аргентины испытывало в связи с активизацией анархистского движения. Анархистские взгляды находили благодатную почву в среде рабочих полукустарной промышленности. Являясь противниками любой государственной власти, так как она ограничивает свободу личности, руководители этого движения занимали резко негативную позицию в отношении развернувшейся борьбы между олигархией и национальной буржуазией, считая и тех и других в одинаковой степени врагами пролетариата³. Однако позиция нейтралитетов, которых в правительстве было большинство, оставалась устойчивой.

Политику нейтралитета поддерживала слабая национальная буржуазия, которая пришла к политической власти благодаря Иригойену. Это были мелкие промышленники, владельцы мастерских, все те, кто начал свою карьеру в качестве предпринимателей и рассматривали конфликт как соперничество, чуждое их интересам.

Другая часть общественности, которая была на стороне Великобритании и Франции, состояла из старой олигархии, традиционных партий и «серьезной» прессы, то есть, сторонников полукOLONIALной зависимости Аргентины. К ним добавилась горстка «желтых» социалистов⁴, входивших в состав парламентской группы и занимав-

¹ Argentina durante la primera guerra mundial Neutralidad Posición. Inicio Historia Argentina. Fuente Consultada: Hombres y Hechos de la República Argentina – Editorial Abri // Historia Argentina y universal – biografías, ciencias y geografía https://historiaybiografias.com/argentina_guerra/.

² Perea L., Rotondaro F., Marta M. De maximalistas, germanofilos y extranjeros. El impacto de la revolución Rusa. En la oligarquía Argentina visto a través de la prensa. 1917–1919. Buenos Aires, 2009. P. 3.

³ См. Казаков В.П. Аргентина (1868–1917) // История Латинской Америки. 70-е годы XIX века – 1918 год... С. 102.

⁴ «Желтые социалисты» – социалисты-соглашатели в начале XX века, которые относили себя к марксистам, но при этом отказывались от революционной борьбы и призывали оставаться в капиталистической системе.

ших большинство должностей в руководстве Социалистической партии. Они утверждали: «Мы своим экономическим прогрессом обязаны Англии, а Франции – лучшей частью нашей культуры, и настало время проявить нашу благодарность»¹. Они также заявляли, что, как только война закончится торжеством союзников, страна будет изолирована от международного сообщества. В ответ на это сторонники нейтралитета отвечали, что свободы, которые Англия предоставляла для их защиты, были весьма спорными, и обвиняли своих критиков в заигрывании с правящими кругами европейских государств, интересы которых не соответствовали потребностям Аргентины. Все нейтраллисты активно поддерживали Иригойена, который считал, что для экономического развития страны и укрепления ее позиций в мировом масштабе необходимо сохранение нейтралитета².

Зная о расколе аргентинского общества, воюющие державы старались привлечь как можно больше сторонников, используя для этого различные возможности. Так, к примеру, многие аргентинцы были зачислены в Иностранный легион Франции. Французское правительство обещало объявить их «героями войны». Встреча аргентинского консула в Динанте (Бельгия) и бельгийского промышленника Реми Химера дала импульс к новому обсуждению сложившейся ситуации, и несколько депутатов подняли в Конгрессе вопрос о вступлении в войну. Социалистические депутаты голосовали «за», но в Конгрессе преобладали нейтраллисты, поэтому правительство удалось закрыть этот вопрос, в то время как общественность с нетерпением ждала возможность участвовать в борьбе вместе с Францией. Вдохновленный этими настроениями французский композитор Эдуардо Аролас даже посвятил аргентинцам свое танго «Эль-Маме», а граждане стали обмениваться новостями о военно-морском сражении у Фолклендских островов, где немецкий адмирал Граф Шпее потерял свои четыре линкора³.

¹ Argentina durante la primera guerra mundial Neutralidad Posición. Inicio Historia Argentina. Fuente Consultada: Hombres y Hechos de la República Argentina – Editorial Abri https://historiaybiografias.com/argentina_guerra/.

² Ibidem.

³ La posición Argentina durante la Primera Guerra mundial 1914 // El arcón de la historia Argentina. Cronología histórica Argentina (1492–1930). URL: <http://www.elarcondelahistoria.com/la-posicion-argentina-durante-la-primera-guerra-mundial-1914/>.

В середине 1917 г. в Буэнос-Айресе и некоторых провинциальных столицах борьба между сторонниками сохранения нейтралитета, и теми, кто требовал немедленного разрыва дипломатических отношений с Германией, усиливалась. 12 сентября того же года ситуация резко взрывается: толпа людей атакует немецкий клуб, разбивает окна и мебель; затем отправляется громить Немецкую трансатлантическую электрическую компанию и ресторан «Ауэ Кеуэр». Причиной послужила получившая известность расшифрованная телеграмма немецкого посла графа Люксбува, который рекомендовал, если необходимо, топить аргентинские корабли, но «не оставляя следов». Тем не менее, президент Иригойен продолжал защищать политику нейтралитета. Влиятельные круги аргентинского общества, среди которых находились и многие радикалы (то есть представители президентской партии), настаивали на том, чтобы правительство разорвало отношения с Германией, но защитники политики нейтралитета оставались по-прежнему влиятельными, хотя их позиция стала менее однозначной. Их политическую линию поддерживали иммигранты немецкого происхождения, воинствующие иригойенисты, анархисты и даже священники. Все это сильно осложняло деятельность правительства. И хотя Конгресс проголосовал за рекомендацию о разрыве отношений с Германией, президент Иригойен невозмутимо отказывался изменить свою прежнюю позицию¹.

С начала войны в прессе Буэнос-Айреса обозначились серьезные разногласия по вопросу о причинах происхождения войны. Так, анонимный комментатор газеты «Тribuna» отмечал наличие высоких и благородных идеалов, на роль поборников которых претендовали все европейские державы, – французское стремление к реваншу за позор 1871 г., германский пангерманизм, русский панславизм и английское морское владычество. Однако, по мнению автора, все эти «высокие идеалы», в сущности, были простым стремлением к империалистическому господству. Другие объяснения происхождения конфликта носили более общий характер, не возлагая ответственность ни на одну конкретную страну. Например, в католицизме война традиционно считалась Божьим наказанием за плохое поведение

¹ La posición Argentina durante la Primera Guerra mundial 1914.

людей. До начала войны 1914-го года применялась та же аксиома. Как и следовало ожидать, эта позиция отстаивалась газетой «El Pueblo», которая поддерживала политику властей. Правительства, участвовавшие в этом вопросе, пытались возложить всю ответственность за конфликт на ближайших соседей и умывали руки, подобно библейскому Понтию Пилату¹. Немцы утверждали, что русские первыми вторглись на их территорию и нарушили нейтралитет, сосредотачивая большие массы войск на австрийской границе. Русские, со своей стороны, утверждали, что получили ультиматум от правительства Германии, когда они даже не думали о войне, и все, что они сделали, это просто принудительные меры для того, чтобы избежать осложнений, которые могли бы произойти. Франция утверждала, что немцы первыми вторглись в их страну, в то время как Берлин настаивал на обратном. Австрия, из-за которой все это началось, заявляла, что единственным ее желанием было – наказать сербов, которые убили наследника престола. В этой интриге все государства провозглашали свою невинность, но это не мешало им мобилизовать свои войска и нападать первыми, когда они могли².

Многие аргентинцы видели в Великой войне настоящее «самоубийство Европы»³. Такой диагноз предполагал цивилизационный разрыв, так как участвовавшие в войне страны традиционно воспринимались аргентинской элитой как образец для подражания. По словам одного анонимного комментатора ежедневной газеты, начало конфликта являлось «страшным прыжком в темноту», что делало его последствия трудно предсказуемыми, поскольку в нем участвовали «старые нации, служившие оплотом мировой культуры и цивилизации». Автор считал, что эта характеристика войны послужит отправной точкой, которая позволит критически подойти к идее о необходимости продолжать преклоняться перед европейской цивилизацией.

После всего сказанного выше, трудно утверждать, что Аргентина, которую в Европе называли «плавильным котлом рас»⁴, оставалась

¹ *Sánchez E.G.* ¿Quién ha invocado a Marte?.. P. 49–73.

² *Ibid.* P. 61.

³ *Sánchez E.G.* La prensa de Buenos Aires ante ‘el suicidio de Europa... P. 132–146.

⁴ *Ibid.* P. 144–145.

в стороне от Великой войны. Уже одно то, что она снабжала продуктами одну из воюющих сторон (Антанту), много значит. Кроме того, большая часть населения Аргентины, возмущенная жестокостью и варварством Германии, встала на сторону союзников. Для аргентинцев, привыкших преклоняться перед Европой, оказался совершенно неожиданным апофеоз варварства на Старом континенте. Война в Европе стала восприниматься как цивилизационный распад, а также заставила усомниться в превосходстве европейской цивилизации и задуматься о собственной идентичности¹. В конце войны аргентинцы убедились, что она приносит только вред и надо решать проблемы мирным, демократическим путем, к чему с самого начала призывал И. Иригойен. Несмотря на то, что Аргентина в период войны успешно торговала своей сельскохозяйственной продукцией на мировых рынках, это не способствовало существенному улучшению ее положения. Напротив, как считают некоторые авторы, именно в годы Первой мировой войны было положено начало конца аргентинского «чуда». Успешная и богатая в начале XX в. Аргентина, «которая самой природой предназначена быть местом великой цивилизации европейского характера»², не оправдала возлагавшиеся на нее надежды. И к середине XX в. она сдала большинство своих позиций, испытала кризисные ситуации в экономике и политике. Все это приводило к недовольству и возмущению народа, которое выплескивалось на улицы городов. Вторая мировая война стала кульминацией этого процесса.

Особый интерес исследователей вызывает вопрос, почему это произошло. Этому способствовало много факторов. В.П. Казаков считает, что в 1920-е гг. обозначилось основное противоречие социально-экономического развития Аргентины: растущее несоответствие между уровнем и потребностями дальнейшего развития производительных сил, с одной стороны, и существовавшей социально-экономической системой, основанной на господстве латифундизма в сельском хозяйстве и контроле иностранным капиталом экономики страны – с другой стороны. Необходимо стало возвращение нации командных высот в экономике и ликвидация латифундизма. Общество становилось все более гражданским, а политический режим оставался

¹ *Sánchez E.G.* La prensa de Buenos Aires ante 'el suicidio de Europa... P. 144–145.

² *Kirkpatrick F.A.* A History of the Argentina Republic. Cambridge, 1931. P. 12.

олигархическим. Начался кризис традиционных методов господства олигархии¹. Этому способствовали некоторые слабости в политике Иригойена, который не желал осложнять ситуацию в стране, придерживаясь своих демократических позиций. В результате борьба рабочего класса ширилась, раскачивая обстановку в стране.

Российского ученого удачно дополнил английский исследователь А. Билл. Он основательно изучил социально-экономическую систему Аргентины до войны и после нее и пришел к выводу: «Годы войны не были лучшими для промышленного прогресса Аргентины, но драматически демонстрировали слабость и зависимость национальной экономики перед “вероломством иностранной”». Первая мировая война привела к формированию идеологической позиции, которая оказалась более влиятельной, чем старые концепции экономической природы прогресса»². Автор отмечает, что во время войны экономика Латинской Америки не была свободна от иностранного воздействия. Зарубежный капитал продолжал следить за ростом промышленности в подопечных странах по собственным каналам и твердо охранял свою гегемонию в них. «Империалистическая война в Европе открыла “золотой век” в развитии зарубежной экономики в Латинской Америке, а поля политических и военных сражений сменились более мелкими битвами на улицах латиноамериканских городов»³. Ученый имел в виду уличные сражения трудового народа с властными структурами за улучшение своего тяжелого положения, в котором он оказался в годы войны. Советский историк В.Г.Ревуненков отмечал: «Экономический подъем, который переживала Аргентина, и колоссальный рост прибылей иностранных компаний и местной буржуазно-помещичьей олигархией не сопровождалось улучшением положения широких народных масс. Заработная плата не повышалась. Между тем цены на все товары бурно росли. Увеличились налоги. Крупные помещики, расширявшие свои посевные площади, массами сгоняли крестьян-арендаторов с земли. Это вызвало широкую волну стачечного движения, особенно по окончании войны»⁴. Исследователь приво-

¹ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины... С. 73, 109.

² Bill A. Op. cit. P. 222, 232.

³ Ibid. P. 321.

⁴ Ревуненков В.Г. История стран Латинской Америки в новейшее время. М., 1963. С. 33.

дил данные, свидетельствовавшие о росте забастовочного движения в Аргентине во время войны. Если в 1914 г. было 64 забастовки и 14137 участников, то в 1917 г. – 138 забастовок и 136 тыс. забастовщиков, а в 1919 г. уже 367 забастовок с 308,9 тыс. бастующих¹. Аргентинский историк Хуан Сориано в своей работе² дает те же цифры, но уточняет, что они относятся только к Федеральной столице и не охватывают важные секторы рабочих за ее пределами – это железнодорожники, моряки, работники крупных холодильных установок, строители и многие другие. Причинами забастовок, как считает исследователь, в 40% случаев было снижение заработной платы (за годы войны зарплата рабочих снизилась более чем на 30% и это при росте цен примерно на 50%, в то время как до войны она находилась на уровне зарплат самых промышленно развитых стран). 32% забастовщиков выступали за право создания и защиты своих организаций, а в остальных случаях за сокращение рабочего времени и улучшения условий труда. Сориано подтверждает: «несомненно, после 1913 г., с начала войны, условия жизни и труда аргентинского рабочего класса стали серьезно ухудшаться. В первые годы высокий уровень безработицы и снижение заработной платы обескураживали рабочих. Лидеры профсоюзов отмечали сокращение участников профсоюзов и сложности мобилизовать их на массовые выступления в то время как любой из них мог потерять работу»³. Такая ситуация продолжалась до начала революционных событий в России.

В далекой Аргентине наблюдали за происходящим в России по сообщениям своей прессы. Особенно много материалов представляла газета «La Nación». Она информировала население о революционных событиях в России. По мере их радикализации менялось и отношение к ним в Аргентине.

Свержение царизма и создание Временного правительства в России было воспринято в Аргентине положительно в надежде на установление там вместо царского режима республиканской

¹ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 53.

² Suriano J. La Primera Guerra Mundial, crisis económica y agudización del conflicto obrero en Argentina // Estudios Históricos (Rio de Janeiro). 2017. Vol. 30. No. 60. P. 99–100.

³ Ibidem.

и демократической системы. И совсем не однозначным было отношение к дальнейшим событиям. 4 ноября 1917 г. новости из России вышли с заголовком «новый режим в России». Через несколько дней, когда стала известна политическая направленность и практика нового режима, в официальной прессе его стали называть «максималистским». Утвердилось, что этот режим якобы распространяет социальный и политический хаос. Поддержка такого режима осуждалась олигархией и властями¹. Аргентинский исследователь Х. Суриано объясняет такую позицию властей следующим образом: «Всплеск русской революции породил энтузиазм в среде авангарда рабочих во всем мире и веру, переходящую в убеждение, что социальные перемены теперь возможны и больше не являются далекой утопией. Такое убеждение распространилось по всему миру, и Аргентина не стала исключением, напротив, она была охвачена возросшей волной профсоюзных конфликтов, а также тем энтузиазмом, который охватил более радикальные течения, чем усугубил существующие проблемы среди правящих элит»².

Как поясняют аргентинские исследователи, «реакция на революцию в России вызвала страх у олигархии от того, что рабочий класс принимал положительно возможность строительства социализма в странах капитала, что, конечно, не устраивало олигархию и она старалась жестко подавлять демонстрации рабочих. Такие действия вызывали ответную реакцию, которая вела к зарождению и распространению национал-фашистских идей»³. На этой почве в ряде стран, не только в Аргентине, стали появляться полувоенные формирования, ставшие питательной средой для фашистской идеологии, которая к концу 20-х гг. XX в. закрепилась в Италии, а в последствии в Германии и Испании. Во многом под влиянием фашистских идей 6 сентября 1930 г. в Аргентине был осуществлен военный переворот, в результате которого генерал Х.Ф. Урибуру сверг законное правительство радикалов во главе с Иригойеном и вернул власть консерваторам⁴. Изучив аргентинскую и зарубежную историографию

¹ *Suriano J.* La Primera Guerra Mundial... P. 109.

² *Ibid.* P. 109–110.

³ *Perea L., Rotondaro F., Marta M.* Op. cit. P. 68.

⁴ *Ibid.* P. 69

Первой мировой войны, касающуюся Аргентины, Э. Санчес сделал вытекающие из нее выводы. Авторы отводят войне, которую стали называть «Великой», центральное место в истории XX века, считая ее отправной точкой для дальнейших событий и «тотальных войн» в этом столетии. Война оставила ужасающие итоги. Помимо миллионов убитых и раненых участников из 35 стран мира, она оказала сильное влияние на политику, экономику и культуру Европы на длительное время. Затронуты и втянуты в нее были все континенты. Именно эта война заложила основу для появления двух противоборствующих международных движений: коммунизма, а затем и фашизма. Оба эти феномена не объяснимы без войны, так же, как и многие другие проблемы этой эпохи¹. Зарождению таких идей в аргентинском обществе в немалой степени способствовали события, происходившие в России с начала XX века вплоть до конца Первой мировой войны. Аргентинские ученые заявляют: «Мы считаем, что влияние Российской революции на нашу страну было фактором детерминантным, хотя и не единственным, в последующих событиях, которые произошли в Аргентине. Олигархическая идеология и государственный терроризм укрепились и остались доминирующими еще надолго»².

¹ *Sánchez E.G. Ecos argentinos de la contienda europea... P. 163.*

² *Perea L., Rotondaro F., Marta M. Op. cit. P. 3.*

ВСТУПЛЕНИЕ БРАЗИЛИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Сто десятая годовщина начала Первой мировой войны побуждает, как и в годовщину ее столетия в 2014 г., обратиться не только к традиционным для любой юбилейной даты размышлениям о причинах, характере и итогах этого первого глобального конфликта XX в., но и вновь вернуться к «забытым» (по крайней мере, в историографии) ее участникам или созерцателям, каковыми были, за небольшим исключением, государства Латинской Америки. Для них война, развернувшаяся в Европе, отдаленной от латиноамериканского континента Атлантическим океаном, была далекой и чужой. Не случайно одна из диссертаций, защищенных по этой тематике в бразильском Федеральном университете Санта Мария, так и называлась «Бразилия в войнах *других*» (или «в войнах, которые вели *другие*»)¹. Действительно, страны Латинской Америки предпочитали не ввязываться в чужие конфликты, оставаться нейтральными, не принимать ничью сторону. Правда, в случае Бразилии это своеобразное «правило» было нарушено – она стала единственной страной, реально участвовавшей в обоих мировых военных конфликтах на Европейском театре военных действий, но это было своего рода исключением, во многом связанным с особыми внутренними и внешними обстоятельствами истории этого государства².

В отечественной историографии участие латиноамериканских стран в Первой мировой войне традиционно описывалось следующим

¹ *Mros G.R.* O Brasil nas guerras dos outros: o interesse nacional em meio das ressignificações sistêmicas (1914–1919, 1930–1945). Tese de doutorado. Universidade Federal de Santa Maria. Rio Grande do Sul, 2019.

² Подробнее см.: *Окунева Л.С.* Бразильский экспедиционный корпус (FEB) на итальянском театре военных действий в годы Второй мировой войны // Великая Победа: историческая память и исторические уроки / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М., 2021. С. 322–335; *Мартынов Б.Ф.* «Хулахуп» Жетулио Варгаса. Политика балансирования накануне вступления Бразилии во Вторую мировую войну // Там же. С. 306–322.

образом. С началом войны (1 августа 1914 г.) государства Латинской Америки, как и Соединенные Штаты, заявили о своем нейтралитете. Вступление в военные действия США на стороне Антанты в апреле 1917 г., а также нападения германских подводных лодок на морские торговые коммуникации между Латинской Америкой и странами Антанты повлекли за собой объявление войны Германии странами Центральной Америки и Бразилией. В апреле 1917 г. войну Германии объявили наиболее тесно связанные с США государства – Панама и Куба. В октябре 1917 г. к ним присоединилась Бразилия, а весной и летом 1918 г. – Гаити, Гватемала, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика. Остальные страны региона сохранили нейтралитет до конца войны (ноябрь 1918 г.). Участие центральноамериканских стран в войне ограничилось снабжением союзников, главным образом США, стратегическим сырьем и продовольствием, охраной собственных территориальных вод. Бразилия участвовала в патрулировании коммуникаций союзников в Южной Атлантике, а также в некоторых военно-морских операциях англичан¹.

Позиции, занятые латиноамериканскими странами по отношению к войне, были неодинаковыми. Аргентина, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Сальвадор, Чили придерживались строгого нейтралитета. Аргентина и Мексика совместно объявили «экономический бойкот» воюющим странам. Боливия, Доминиканская Республика, Перу, Уругвай, Эквадор разорвали дипотношения с державами Тройственного союза. Бразилия, Гаити, Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама после вступления США в войну также объявили войну Германии².

Война внесла изменения в традиционные связи Латинской Америки с Западной Европой: резко сократился приток европейских капиталов и товаров, но одновременный взлет цен на мировом рынке

¹ *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2008. С. 57–58; *Мартынов Б.Ф., Борзова А.Ю.* История внешней политики и дипломатии Бразилии. М., 2021. С. 30.

² История Латинской Америки. 70-е годы XIX века – 1918 год. М., 1993. С. 382; *Мартынов Б.Ф.* История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX – начало XXI вв.). М., 2019. С. 19; *Сизоненко А.И.* Латинская Америка и Первая мировая война // Латинская Америка. 2014. № 12. С. 46–47.

на сырьевую продукцию латиноамериканских стран привел к накоплению капиталов, росту местного производства, развитию внутреннего рынка. Существенных перемен в сложившихся социально-экономических структурах (традиционные отрасли агроэкспорта, горнодобыча, легкая промышленность, мелкое кустарное производство), однако, не произошло¹. Приведа к нарушению международной торговли, война заставила Бразилию, например, приступить к производству ранее импортировавшихся товаров².

В годы Первой мировой войны усилили свою экспансию в регионе США, воспользовавшиеся временным ослаблением внимания европейских держав к Латинской Америке. Выросли американские капиталовложения в экономику латиноамериканских стран и удельный вес в их внешней торговле. В Центральной Америке главенствующее положение Вашингтона стало практически безраздельным. В 1914 г. в зоне колониального анклава США на территории Республики Панама был открыт Панамский канал. В 1915–1917 гг. Соединенные Штаты предприняли ряд вооруженных интервенций (Гаити, Доминиканская Республика, Мексика, Куба)³.

С 1917 г. в Латинской Америке происходит подъем рабочего движения, причины которого коренились в тяжелых условиях труда и жизни пролетариата, которые еще более ухудшились в годы войны вследствие роста цен. На настроения рабочих и революционной части интеллигенции повлияли события 1917 г. в России. Наиболее значительные масштабы забастовочная борьба с требованиями сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и улучшения условий труда приобрела в Аргентине, Чили, Уругвае, Бразилии⁴.

В последние годы в научный оборот в отечественной и зарубежной историографии вводится все больше данных о реальном участии Бразилии в военных действиях на фронтах Первой мировой войны. В этой стране знали о ходе войны и с ужасом следили за ней, оценивая ее как грандиозную бойню с миллионами погибших. Войну рассматривали как «крупнейшую катастрофу в истории человечества».

¹ *Строганов А.И.* Указ. соч. С. 57–58.

² *Калмыков Н.П.* Бразильская республика в конце XIX – начале XX века // История Латинской Америки. С. 144.

³ *Строганов А.И.* Указ. соч. С. 57–58.

⁴ Там же.

И хотя на первом этапе военных действий Бразилия, как и другие латиноамериканские страны, придерживалась нейтралитета (он был провозглашен 4 августа 1914 г.), а война – в глазах бразильцев – развивалась как исключительно европейский конфликт, очень скоро она изменила свою позицию. Государства с большой европейской иммиграцией (наряду с Бразилией это Аргентина, Уругвай, Парагвай) стали выражать свое отношение к европейскому военному конфликту, имели место столкновения между представителями «воюющих» диаспор, а многие иммигранты даже вернулись в свои страны, чтобы лично участвовать в войне¹.

В годы войны Бразилия была крупнейшим поставщиком кофе на мировом рынке, продолжая традицию, шедшую еще с конца XIX века. Но в военные годы экспорт этой главной культуры Бразилии страдал, причем не только из-за вполне понятного бойкота Германии, но и из-за сокращения импорта кофе Англией, которая как одна из главных участниц войны считала приоритетными для себя другие виды продовольствия.

Тактика Германии на море состояла, в частности, в потоплении гражданских судов противника. Первым потопленным бразильским кораблем стало в 1916 г. грузовое судно «Риу-Бранку». Однако, несмотря на возмущение общественности, правительство Бразилии все же не рассматривало это нападение немцев как противоправное: судно, хотя и шло под бразильским флагом, ранее уже было сдано в аренду реальным участникам войны – англичанам, а его команда состояла из норвежских моряков. Поэтому данный инцидент был оставлен без последствий.

Все это время в Бразилии шла напряженная общественная дискуссия между сторонниками Антанты («антантофилы» [os aliadófilos]) либо Германии («германофилы» [os germanófilos]), имелись и сторонники нейтралитета (os neutros)².

¹ Exposición “La mayor catástrofe en la historia de la humanidad” – América Latina y la Primera Guerra Mundial // Instituto Ibero-Americano 14.06.2014–19.09.2014 / curador S. Rinke. Berlin, 2014. P. 4–5.

² Bueno C. Política externa da Primeira Republica: os anos de apogeu (de 1902 a 1918). São Paulo, 2003. P. 453; Cervo A.L., Bueno C. História da política exterior do Brasil. Brasília, 2015. P. 225; Garcia E.V. Entre América e Europa: a Política Externa Brasileira na Década de 1920. Brasília, 2006. P. 21.

В Национальной библиотеке Бразилии хранится уникальный документ, ярко демонстрирующий политическую атмосферу в стране накануне ее вступления в войну. Речь идет об агитационной карте «К чему стремится Германия. Ее притязания, выраженные в мировоззрении ее лидеров», опубликованной в рамках информационно-пропагандистской кампании, призванной объяснить причины вступления Бразилии в войну. Карта, на основе которой создан этот пропагандистский документ, была составлена в Великобритании на английском языке, в то время как все сопроводительные надписи и примечания приведены на португальском. Судя по карте, притязания Германии распространялись на всю Южную Америку (а также на значительную часть Африки и Европы и отдельные районы Китая), что не могло не беспокоить Бразилию. Внизу карты расположен текст воззвания в защиту Бельгии, под которым стоят подписи Н. Песаньи, министра иностранных дел Бразилии во время президентства В. Браза (1914–1918 гг.), а также Р. Барбозы, известного политика, сыгравшего большую роль в деле установления Республики в 1889 г., и влиятельного члена Федерального сената Бразилии. Песанья и Барбоза занимали пробританскую позицию и выступали за более активное участие Бразилии в войне. Другой текстовый блок в нижней части карты озаглавлен «Почему Бразилия вступила в войну?» и содержит фрагмент послания губернатора штата Паранá А. Алвиса ди Камаргу законодательному собранию штата. Согласно этому документу, Бразилия должна участвовать в войне, «во-первых, для защиты своего национального суверенитета, который подвергся опасности; во-вторых – для того чтобы быть на стороне тех, кто сражается за торжество права, справедливости, за благополучие человечества и свободу народов; в-третьих – для того чтобы гарантировать наше собственное существование как нации, так как по всему видно, что вступили бы мы в войну или нет, мы бы стали одной из первых жертв германского империализма в том случае, если бы завоевательные планы германских авторитарных военных кругов были приведены в действие»¹.

31 января 1917 г. Германия приняла решение о потоплении любух кораблей, зашедших в морские зоны, объявленные ею запрет-

¹ *What Germany Desires. Its Ambitions Exposed by the Thinking of Its Leaders* // *Library of Congress*. URL: https://www.wdl.org/ru/item/18968/#ddc=912&additional_subjects=World+maps.

ными для судов союзников¹. 5 апреля 1917 г. бразильский пароход «Паранá» с грузом кофе на борту, хотя и соблюдал все правила для судов из нейтральных стран, был атакован около берегов Франции германскими субмаринами и потоплен, три моряка погибли. Это событие уже не могло остаться незамеченным, оно вызвало народное возмущение. В ряде бразильских городов прошли манифестации и нападения на отели, клубы, рестораны, редакции газет, принадлежавшие выходцам из Германии. 11 апреля Бразилия разорвала дипломатические отношения с Германией, а 7 мая 1917 г. министр иностранных дел немецкого происхождения Л. Мюллер (склонный в большей степени к продолжению политики нейтралитета) вынужден был подать в отставку; его заменил на посту главы внешнеполитического ведомства Н. Песанья – как указывалось выше, «антантофил» и сторонник Р. Барбозы. Затопление торгового судна поставило точку в спорах сторонников союзников и приверженцев «германофилов».

Вслед за этим начинается серия атак германских подлодок на бразильские торговые суда: 20 мая немцы торпедировали около берегов Франции пароход «Тижука». 1 июня Бразилия отказывается от политики нейтралитета и в ответ на действия Германии интернирует в своих портах 46 германских кораблей в качестве компенсации ущерба.

26 мая и 18 октября два торговых судна Бразилии были снова потоплены германскими подлодками. 23 октября близ берегов Испании был торпедирован бразильский грузовой корабль «Макау», а его капитан арестован. В тот же день в Бразилии вспыхнуло сильнейшее общественное недовольство, вылившееся в погромы германской собственности. 25 октября президент Браз обратился с посланием к Национальному конгрессу, в котором сообщал об инциденте, отягощенном пленением капитана судна, и заявлял об ответной мере со стороны Бразилии – «захвате германского военного корабля в порту Баии и аресте его команды»². В послании было особо указано, что именно «Германия навязала эту войну Бразилии»³. Конгресс едино-

¹ *Mros G.R.* Op. cit. P. 124–125.

² *Ibid.* P. 157.

³ *Ibidem.*

душно одобрил обращение президента, и 26 октября 1917 г. Бразилия объявила Германии войну¹.

Германия, однако, продолжила атаки на бразильские гражданские суда и в ноябре 1917 г.: 2 ноября близ берегов Кабо-Верде были торпедированы корабли «Акари» и «Гуаиба». В ответ на это бразильское правительство приняло закон, в соответствии с которым немцам, жившим в Бразилии, запрещалось вести коммерческую деятельность, а германские банки подпали под ограничения².

Вступление Бразилии – единственной из стран латиноамериканского континента – в войну не только означало окончание политики нейтралитета, но и носило «драматичный характер, поскольку бразильская армия не располагала в тот момент возможностями для полноценной обороны обширной территории страны»³.

Наибольший вклад Бразилии в усилия Антанты состоял в участии ее военного флота в патрулировании торговых судов союзников в водах Южной Атлантики и в некоторых военно-морских операциях англичан. Созданный в январе 1918 г. Бразильский военно-морской дивизион (DNOG), состоявший из нескольких кораблей различного класса, был присоединен к британской военной эскадре и находился в подчинении у британских адмиралов. Он защищал морские коммуникации союзников в районе Гибралтара (это был первый опыт бразильцев по действию в международных водах), у побережья Северо-Восточной Африки, в Средиземном море и у островов Зеленого Мыса. Показательна история крейсера «Баия», который, наряду с крейсером «Риу-Гранди-ду-Сул» вел успешное патрулирование в Южной Атлантике, а затем оба крейсера были направлены на боевое дежурство в акваторию Средиземного моря⁴.

¹ *Mros G.R.* Op. cit. Об обстоятельствах вступления Бразилии в войну см.: *Garambone S.* A Primeira Guerra Mundial e a Imprensa Brasileira. Rio de Janeiro, 2003. P. 29; об участии Бразилии в Первой мировой войне. См. также, напр.: *McCann F.* Soldados da Pátria: História do exército brasileiro, 1889–1937. Rio de Janeiro, 2007; *Silva Jr., A.L. da.* O povo vs der Pöbel // Os Alemães no Sul do Brasil. Canoas, 2004; *Castro C.* A invenção do exército brasileiro. São Paulo, 2002; *Hernâni D.* Dicionário das Batalhas Brasileiras. São Paulo, 1987.

² *Cervo L.A., Bueno C.* História da política exterior do Brasil. Brasília, 2021. P. 225–226.

³ *Mros G.R.* Op. cit. P. 156.

⁴ *Мартынов Б.Ф.* Судьба крейсера «Баия». Некоторые мысли о союзничестве в годы Второй мировой войны // Латинская Америка. 2010. № 5. С. 33. Инте-

В соответствии с решением Парижской конференции союзников в ноябре-декабре 1917 г. бразильские военные и гражданские медики (в составе специальной военно-медицинской миссии) были направлены для работы на европейском театре военных действий – прежде всего во Францию; 24 сентября 1918 г. они прибыли в Марсель. Еще до этого другая подобная миссия в составе 92 медиков, из которых десять были военврачами, развернула во Франции госпиталь, боролась с охватившей страну испанкой; миссия просуществовала до февраля 1919 г. Ряд бразильских офицеров состоял на службе во французской армии. Бразильская сухопутная и морская авиация использовалась для службы в британских ВВС.

По Версальскому мирному договору 1919 г. Бразилия получила от Германии выплаты с соответствующими процентами за утеранный кофе с потопленных кораблей, а также приняла за символическую плату в состав бразильского военно-морского флота 70 германских кораблей, арестованных в бразильских портах после объявления войны Германии. Бразильскую делегацию на Версальской мирной конференции возглавлял будущий президент страны Э. Пессоа.

Крупным итогом участия Бразилии в Первой мировой войне стало то, что она явилась одним из основателей Лиги Наций в 1919 г. и стала, наряду с Грецией, Бельгией и Испанией, непостоянным членом ее Совета, а также участвовала в различных комитетах и комиссиях Лиги по урегулированию спорных международных вопросов мирным путем¹. Однако впоследствии по совокупности причин, анализ которых выходит за рамки данной статьи, Бразилия в 1926 г. объявила о выходе из Лиги Наций, которую *de facto* покинула в 1928 году².

ресно, что крейсер «Баия» действовал и в годы Второй мировой войны (в которую Бразилия вступила на стороне антигитлеровской коалиции), эскортируя торговые суда союзников в Южной Атлантике и сопровождая один из транспортов, который перевозил в Северную Италию подразделения Бразильского экспедиционного корпуса (см.: Там же. С. 38–39; Мартынов Б.Ф. ВМФ Бразилии в акватории Южной Атлантики в 1942–1945 гг. «Мавр сделал свое дело...» // Великая Победа: историческая память и исторические уроки. С. 354–364.

¹ Braga P.L.M. O governo Bernardes e a Liga das Nações. Dissertação apresentada à Faculdade de História, Direito e Serviço Social da Universidade Estadual Paulista Júlio de Mesquita Filho, para obtenção do título de Mestre em História. Franca, 2008. P. 107.

² Мартынов Б.Ф., Борзова А.Ю. Указ. соч. С. 33–35.

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ УРУГВАЯ

Большую роль в разработке проблем истории Первой мировой войны, ее влияния на Латинскую Америку и другие континенты мира сыграли научные конференции, проведенные в 2017 и 2018 гг.¹ на базе Военно-воздушной академии имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж) по инициативе сотрудника этого военного научно-учебного центра А.А. Богдашкина. В исследованиях российских историков, прежде всего А.И. Строганова и Е.Д. Строгановой (принимавшей активное участие в вышеуказанных мероприятиях), уделялось значительное внимание позициям, которые занимали латиноамериканские страны в годы Первой мировой войны, а также ее последствиям для их экономического, политического и культурного развития². Оценивая итоги крупнейшего военного конфликта начала XX века, Елена Дмитриевна в своем последнем труде отмечала не только его ужасающий характер, но и то мощное воздействие, кото-

¹ Феномен мировых войн в истории XX века. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) / отв. ред. А.А. Богдашкин. Воронеж, 2017; Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.) / отв. ред. А.А. Богдашкин. Воронеж, 2018; *Богдашкин А.А., Теплухин В.В.* Конференция в Воронеже по истории мировых войн // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 209–211; *Они же.* Конференция, приуроченная к 100-летию окончания Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 208–210.

² *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2008; *Строганова Е.Д.* Влияние мировых войн XX века на латиноамериканское общество. М., 2019; *Коваль Б.И.* Латинская Америка: революция и современность. М., 1981; *Полунин Е.С.* Немецкие диаспоры в политике Германии в Латинской Америке в годы Первой и Второй мировых войн // Латинская Америка. 2019. № 1. С. 46–59; *Окунева Л.С.* Участие Бразилии в двух мировых войнах XX века // Феномен мировых войн в истории XX века... С. 117–124; *Хачатуров К.А.* Латинская Америка: идеология и внешняя политика. М., 1983; *Янчук И.И.* Политика США в Латинской Америке. М., 1975.

рое он оказал на все регионы мира, без которого не могут быть объяснены важнейшие феномены и проблемы современной эпохи¹.

Работа Строгановой была полемически направлена против утверждений тех авторов, которые недооценивают сложность ситуации в Латинской Америке, считая, что мировая война практически не оказала влияния на континент, «относящийся к периферии мира, где господствуют европейские и североамериканские центры»². «Тем не менее, – продолжала исследовательница, – даже если сравнить ситуацию в Аргентине и в Бразилии, которая, наряду с рядом государств Карибского бассейна, приняла непосредственное участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны, следует признать – общее положение, проблемы и реакция на них в обществе очень схожи, а участие в войне для них мера вынужденная и не столь серьезная. В основном оно состояло в продаже и доставке продовольственных продуктов обеим воюющим сторонам, что было даже выгодно, хотя и не безопасно»³. По мнению автора, подобная ситуация была характерна не только для Аргентины, но и для других стран Латинской Америки независимо от того, участвовали они в войне или нет. В своей книге Строганова детально раскрыла реакцию политических кругов Аргентины и Бразилии на события «Великой войны», в т.ч. разделение общества на фракции «союзофилов», «германофилов» и сторонников нейтралитета. Наряду с этим она детально проследила процессы роста национальных богатств, строившегося на экспорте зерна и мясопродуктов и зависевшего от «неформальной» Британской империи, усиления имущественного расслоения и классовых боев пролетариата, а также порочного развития олигархического капитализма, которое впоследствии привело к перманентному кризису аргентинской экономики.

Продолжая тему, заданную в монографии Строгановой, автор данной статьи обращается к анализу малоизученной проблемы – ситуации, сложившейся в годы Первой мировой войны в Уругвае, – который во многом подтверждает ее выводы, но имеет ряд существенных отличий.

¹ См.: *Строганова Е.Д.* Указ. соч. С. 32.

² *Comagnon O.* América Latina y la Gran Guerra. El adiós a Europa (Argentina y Brasil, 1914–1939). Paris, 2013.

³ *Строганова Е.Д.* Указ. соч. С. 9.

Автор согласен с выводами известных ученых Р. Пребиша, Т. Дус-Сантуса, Р. Марини, А. Агиляра и А.Г. Франка, создателями «теорию зависимости», которые связывали встававшие перед латиноамериканскими странами вызовы с новым этапом развития монополистического капитализма, наступившим в ходе Первой мировой войны¹. Практически все ведущие ученые отмечают огромный вклад, который внес в разработку этой проблематики В.И. Ленин в своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», изданной в 1916 году. На основе обширного материала он показал переход капитализма к высшей стадии – созданию монополий и глобальному финансовому паразитизму: «Капитализм выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения страны) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят – простой «стрижкой купонов» – весь мир»².

Основываясь на фундаментальных выводах Ленина авторы «теории зависимости» утверждают, что, начиная с Первой мировой войны, мировая капиталистическая система вступила в новый, неоколониальный этап своего развития. Для Латинской Америки, как и других регионов «третьего мира» это было вызвано не столько переносом центра метрополии из Европы в Соединенные Штаты, сколько связанной с ним трансформации промышленного капитализма в финансовый и монополистический капитализм.

Начинаясь, как правило, с Соединенных Штатов промышленные тресты и концерны сменялись гигантскими международными финансовыми корпорациями. Они в свою очередь становились не только многопрофильными производителями стандартизированной продукции, новых технологий, основанных на конвейерной массовой сборке, но и собственными агентами по закупкам по всему миру, продавцами, банкирами, финансистами, а зачастую фактическими пра-

¹ *Prebisch R.* The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. Economic Commission for Latin America. N.Y., 1950; *Dos Santos T.* El nuevo caracter de la dependencia. Santiago-de-Chile, 1968; *Marini R.* América Latina, dependencia y globalización. Buenos Aires, 2007; *Aguilar Monteverde A.* Problemas estructurales del subdesarrollo. México, 1970; *Gunder Frank A.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N.Y., L., 1969.

² *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // *Он же.* Полное собрание сочинений. Т. 27. М., 1962. С. 307–308.

вительствами во многих странах-сателлитах и мегаполисах. Частным случаем логического развития этой тенденции стало создание корпоративного государства в фашистских и полуфашистских странах. А после мировых войн тенденция к фашизации воплотилась в идеях «глобального фашизма» с центром в США и опорой на мощный военно-промышленный комплекс. Отвечая на новые потребности транснациональных монополистических корпораций, неоимпериалистическое развитие двадцатого века породило новые инструменты «локальных войн», государственных переворотов, иностранных инвестиций и финансирования; и это превратило их фактически в главных субъектов не только торговых, но и в целом международных отношений, благодаря которым монопольное капиталистическое развитие в метрополии поддерживалось ценой еще более глубокой отсталости в Латинской Америке.

К началу Первой мировой войны президентом Уругвая был Хосе Батлье-и-Ордоньес (1856–1929), который оказался самым мудрым и дальновидным представителем уругвайского правящего класса, намного опередившим в своем реформистском новаторстве не только латиноамериканских, но зачастую и европейских либеральных политиков. Он по праву считается одним из выдающихся политических деятелей Латинской Америки XX века. Во время своего двукратного пребывания на посту президента Уругвая (1903–1907 и 1911–1915 гг.) Батлье смог осуществить целую серию либеральных реформ, благодаря которым страна вышла из непрерывной череды кризисов и кровавых «революций» предшествующего века и превратилась в «первое государство всеобщего благосостояния на территории Латинской Америки», как восторженно писали об Уругвае многие исследователи¹.

Вклад Батлье в экономическую и политическую жизнь Уругвая в XX в. был настолько весом, что не выглядит слишком большим преувеличением оценка, данная ему известным американским исследователем Р. Фитцгиббоном. «Ни Наполеон, ни Гитлер, ни Ататюрк, ни Ганди, – считает этот историк, – не смогли оказать такого мощного и всеобъемлющего воздействия на свои страны, как Батлье-и-

¹ *Pendle G. Uruguay. South America's First Welfare State. Oxford, 1952.*

Ордоньес на горячо любимый им Уругвай»¹. Им был внесен значительный вклад в установление и упрочение в Уругвае парламентской демократии, которая продержалась в стране вплоть до военного переворота 1973 года. Кроме того, антиимпериалистическая направленность его реформистского курса, усилия по модернизации страны и всемерному развитию социального законодательства и социального обеспечения снискали ему славу одного из первопроходцев идеологии национал-реформизма, завоевавшей популярность не только в Латинской Америке, но и в освободившихся после Второй мировой войны из-под колониального гнета странах Азии и Африки².

Во время первого президентского срока Батлье большую известность снискали его мирные инициативы. В 1907 г. он возглавил делегацию Уругвая на Второй Гаагской конференции, и его предложения по поддержанию мира заслужили высокую оценку большинства участников. Некоторые из мер, выдвинутых уругвайской делегацией, нашли отражение в итоговых документах конференции. В частности, был введен запрет на использование химического оружия, который действует в международном праве до сих пор³.

Большинство историков сходятся во мнении, что в своем реформаторском рвении Батлье боролся за интересы «среднего класса» и что к окончанию его второго президентского срока, т.е. в 1915 г., в стране прочно сложилось политическое превосходство средних слоев населения⁴. В целом пафос батльистских реформ был направлен на «гуманизацию капитализма», как об этом писал один из известных исследователей данного феномена, М. Вангер⁵.

В условиях развертывания профсоюзного движения, создания левых рабочих партий главной задачей Батлье было сохранение соци-

¹ *Firzibbon R.H.* Freedom and Reform in Latin America. New Brunswick, 1954. P. 42.

² *Panizza F.* Uruguay: Batllismo y despues. Montevideo, 1990; *Conci G., Guidici G., Guidici C.* Batlle y el batllismo. Montevideo, 1957; *Finch H.* Political Economy of Uruguay: 1870–1970. Basingstoke, 1981.

³ *The Peace Movement: The Federation of the World.* N.Y., 1910. P. 14.

⁴ См. напр.: *Johnson J.* Political Change in Latin America: The Emergence of the Middle Sectors. Stanford, 1958. P. 45.

⁵ *Vanger M.* José Batlle y Ordóñez, 1915–1917: “Humanizando el capitalismo”. Uruguay y el Colegiado. Montevideo, 2009.

ального равновесия в обществе. В отличие от большинства тогдашних олигархов, полагавшихся на средства политического насилия, Батлье считал возможным установление «социальной гармонии»¹ и, благодаря «благожелательному нейтралитету» президента, рабочие добились реализации многих из своих требований². Правительство ввело пакет законов, невиданных доселе в Латинской Америке, установив минимальный уровень заработной платы, один обязательный выходной день в неделю, 8-часовой рабочий день для отдельных категорий работников, компенсации по несчастным случаям на производстве и пенсии по старости, а также предоставив рабочим реальную защиту от несправедливостей в отношениях с работодателями. Данная позиция отвечала чаяниям тех деятелей политической элиты страны, которые верили в «экономический национализм» и «разумную» социальную справедливость. Для защиты национальной промышленности были установлены «мягкие» протекционистские меры.

На фоне невысокой поначалу массовой поддержки и противодействия со стороны значительной части политической элиты успехи политики Батлье в создании «образцового государства» выдают в нем выдающегося политика, сумевшего добиться максимума возможного в существовавших условиях. Его влияние сохранялось в Уругвае в течение всего XX века. Деятели партии «Колорадо» неизменно подчеркивали преемственность их политики от великого уругвайского реформатора.

Батлье предпринял энергичные усилия по многоплановому и многостороннему вмешательству государства в экономическую жизнь страны. Государство стало выполнять регулирующие функции в экономике, заняло ключевые позиции в отдельных отраслях, создавая госпредприятия, и поставило перед собой цель сократить влияние иностранных монополий на экономическую жизнь страны.

В годы Первой мировой войны успех этих начинаний во многом обеспечивался вызванным ею ростом денежных поступлений от экспорта мяса и улучшением условий труда, а также эффективной деятельностью государственных предприятий. Именно на этих

¹ *Alexander R.J., Parker E.M.* A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. Westport, London, 2005. P. 20.

² *Pintos F.R.* Batlle y el proceso histórico del Uruguay. Montevideo, 1938. P. 85.

трех факторах, которые действовали параллельно и одновременно, базировался феномен «уругвайского экономического чуда», прочно закрепившего в массовом сознании неразрывную взаимосвязь между экономическим процветанием и вмешательством государства в «свободную игру рыночных сил».

Экономические достижения Уругвая привели к бурному притоку иммигрантов из Европы, охваченной войной и кризисами. Перед началом войны Великобритания играла доминирующую роль в экономике и политике страны. Уругвай являлся одним из главных поставщиков шерсти для текстильной промышленности Англии. Кроме того, англичане высоко ценили говядину, импортируемую из этой страны. Пастбищное животноводство, развивавшееся с колониальных времен, получило новый мощный импульс с конца XIX века. Для того, чтобы быстро доставлять крупный рогатый скот в порт Монтевидео была создана разветвленная сеть железных дорог, строительство которых взяли на себя британские инвесторы. Но вместе с тем крупнейшие сектора национальной экономики оказывались под все большим контролем английских банкиров и финансистов. Однобокое развитие народного хозяйства страны привело к тому, что ее процветание зависело от мировых цен на мясо и шерсть. Их резкие колебания приводили то к экономическому буму, то к падению в пучины кризисов¹.

Пользуясь своим монопольным положением на рынке, британцы (а затем и компании из США) установили непомерные «ножницы цен», навязывая их минимальный уровень на закупки сырья и взвинчивая их на свою промышленную продукцию. Кредиты и займы, полученные в лондонском Сити, использовались не только для развития экспортных отраслей экономики и строительства железных дорог. Они позволяли коррумпированным англофилам в среде чиновников оплачивать имитацию «шикарного» британского образа жизни, красть деньги из казны для личного обогащения, для строительства вилл в Европе, обучения своих отпрысков в престижных университетах Англии и других стран Старого Света.

К началу войны дряхлеющий британский лев стал все чаще уступать позиции более молодым хищникам из США. На этих

¹ Nahum B. Uruguay – Inglaterra: sus relaciones financieras hasta mediados del siglo XX. Montevideo, 2003. P. 55.

межимпериалистических противоречиях и строил свою политику национал-реформизма президент Батлье. Более того, его успеху способствовало то, что главные империалистические державы ввязались в Первую мировую войну, и в целом им было не до локальных событий в маленькой латиноамериканской стране.

Батлье критически относился к деятельности иностранцев в сфере услуг и промышленности и был уверен в способности государства успешно заменить в этих отраслях англичан. В своей экономической политике он стал пионером в использовании государства для поощрения диверсификации национальной экономики и развития промышленности (то, что впоследствии назвали «импортозамещением»). Президент считал, что единственным источником для развития экономики и укрепления позиций страны может быть только государство. И его примеру последовали в годы Великой депрессии не только страны Латинской Америки. Некоторые исследователи полагают, что этот опыт использовал президент США Ф. Рузвельт в разработке своего «Нового курса»¹.

В годы Первой мировой войны в Уругвае была развернута кампания против британского доминирования на рынке страны, что усилило позиции национальной буржуазии (хотя в то же время объективно способствовало укреплению позиций североамериканского капитала). Однако пространство для маневра между интересами ведущих мировых держав было довольно ограниченным, учитывая те колоссальные возможности, которыми обладали западные предприниматели и банкиры для сворачивания опасного для них курса «экономического национализма» батльистов. Попытки «игры», направленной на столкновение интересов империалистических держав, имели свои четкие границы и «красные линии», и в случае угрозы самой сложившейся системе империалисты сразу же забывали все прежние расхождения и были готовы действовать сообща. Соперничество между американским и британским капиталом на уругвайском рынке было недолгим и завершилось переходом к сотрудничеству – образованием так называемого «пула». Другими словами, был создан орган, призванный регулировать всю деятельность внутри главной отрас-

¹ Patel K.K. The New Deal: A Global History. Princeton, 2016. P. 318.

ли хозяйства Уругвая – мясоперерабатывающей промышленности, включая установление экспортных квот с целью предотвращения потерь в ходе конкурентной борьбы¹.

С целью использования межимпериалистических противоречий Батлье разработал основы «новой внешней политики» (*nueva política exterior del multilateralismo*), которые впоследствии были развиты его последователями из партии «Колорадо». Эта политика включала не только систему двусторонних отношений, но и активное участие в международных форумах на мировом и континентальном уровне². Наиболее влиятельными деятелями в разработке этой политики, были батльисты Б. Брум (министр иностранных дел Уругвая в 1914–1915, затем в 1916–1919 гг. и президент страны в 1919–1923 гг.), а также министр иностранных дел в правительстве Брума, Х.А. Буэро. Во время правления батльистов были заключены соглашения с Францией и Англией, мирный договор с Соединенными Штатами (арбитражный договор, подписанный 20 июня 1914 г.) и арбитражные договоры с некоторыми латиноамериканскими странами³.

Параллельно с поиском путей обеспечения национальной безопасности Уругвая в рамках «многосторонности», Батлье и его соратники в начале Первой мировой войны развивали «маятниковую дипломатию», лавируя между Аргентиной и Бразилией и дополняя ее подобными же шагами в более широком масштабе. Чтобы противостоять доминирующему влиянию Великобритании, была выдвинута идея сближения с Соединенными Штатами, которая включала создание возможностей для привлечения первых крупных американских займов и инвестиций. Однако в структуре внешней торговли страны по-прежнему преобладала зависимость от британского рынка.

Внешнюю политику Уругвая в годы Первой мировой войны можно разбить на три этапа: первый – период нейтралитета (1914–1917 гг.), затем вступление в конфликт после объявления войны Германией Соединенными Штатами (1917–1918 гг.) и последствия войны, включая итоги Версальской конференции 1919 г. и урегулирование

¹ *Pintos F.R.* Op. cit. P. 108–109.

² *González Conzi E., Giúdice R.* Batlle y el batllismo. Montevideo, 1959.

³ *Brum B.* La doctrina del arbitraje amplio. Montevideo, 1915.

вопросов, связанных с арендой немецких кораблей, захваченных Уругваем в 1917 году.

Батльисты, стоявшие у власти в течение всего периода войны (сам Батлье, президент Ф. Виера, министр иностранных дел Брум) быстро поняли, что конфликт коренным образом изменяет баланс сил в мире. Учитывая рост могущества США, а также угрозы, исходившие от немецких колоний в Бразилии, они стали рассматривать Северную Америку как наиболее очевидного гаранта независимости и стабильности Уругвая. Эту точку зрения всячески укрепляли президент В. Вильсон и американский посол в Монтевидео Р.Э. Джеффри. На первом этапе Вашингтон вполне устраивали символические жесты солидарности уругвайцев, их заверения в приверженности принципам панамериканизма¹.

С 1914 по 1917 гг. Уругвай (как и США) придерживался нейтралитета. США объявили о нем уже 4 августа, сославшись в качестве прецедентов на свой «изоляционизм» в XIX в. по отношению к европейским делам и позицию, занятую во время Франко-прусской войны 1870 г., аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., других конфликтов в Старом Свете. Через десять дней, 14 августа 1914 г. Уругвай объявил о своем нейтралитете. Обе страны подтверждали свою позицию в течение 1914–1915 гг. по мере вступления в войну новых государств.

Нейтралитет Уругвая во многом был связан с экономическими причинами. С начала XX в. Германия являлась одним из его важнейших торговых партнеров наряду с Соединенными Штатами, Францией и Италией, хотя все эти страны значительно отставали от Великобритании. В годы, предшествовавшие войне, Германия обошла США в структуре уругвайского импорта и экспорта. Характер торговли Уругвая с Германией также имел значение: Уругвай закупал у Германии большую часть своего вооружения. Так, например, в 1909 г. правительство Уругвая закупило три тысячи винтовок «Маузер» и три млн. патронов от немецких производителей².

¹ Vanger M. The Model Country: José Batlle y Ordoñez of Uruguay. Hanover (N.H.), 1980. P. 206, 323.

² El Día. 16.02.1909.

Помимо этого были и другие причины для сохранения нейтралитета. Во-первых, заметный приток в начале XX в. иммигрантов из Германии и Австрии. Хотя в рамках «плана колонизации» Батлье (заселения внутренних районов страны) на первом месте среди иммигрантов стояли итальянцы и испанцы, тысячи переселенцев прибыли из Германии и Австрии. Батльисты полагали, что неассимилированные и связанные с германскими предпринимателями и посольством в Монтевидео эмигранты также могут в определенный момент стать подрывным элементом во внутренней политике страны¹.

Вторым фактором стали немецкие колонии на юге Бразилии, представлявшие по мнению батльистов потенциальную угрозу безопасности Уругвая. Начиная с 1824 г. бразильский император Педру I выступал за заселение южных границ своей империи немцами, рассматривая их в качестве буфера между внутренними районами Бразилии и испаноязычным населением Уругвая и Аргентины. Ослабление религиозных ограничений после 1889 г. стимулировало новую мощную волну немецкой иммиграции.

По оценкам экспертов, к началу войны в Бразилии проживало около 400 000 человек немецкого происхождения, в основном вдоль уругвайской границы. Они называли себя «бразильскими тевтонцами» и селились в основном в трех южных штатах Бразилии (Риу-Гранди-ду-Сул, Санта-Катарина и Парана). Из-за своей изоляции и компактных условий проживания они были «проникнуты сильным чувством групповой идентичности и отличия от других бразильцев». Приверженность лютеранству, общий язык, создание немецких школ способствовали созданию сообщества, в значительной степени независимого от доминировавшей на севере бразильской культуры².

Уругвайских политиков беспокоило присутствие такого большого и сплоченного анклава немцев на их северной границе, которые, к тому же, прибыли в Южную Америку недавно и нередко идентифицировали себя как подданные кайзера. Эти опасения усилились в результате распространения там обширной пропагандистской

¹ *Luebke F.* Germans in the New World: Essays in the History of Immigration. Urbana, 1990. P. 87.

² *Ibid.* P. 10–13; *Mitchell N.* The Danger of Dreams: German and American Imperialism in Latin America. Chapel Hill, 1999. P. 108.

литературы, призывавшей немецкие общины в Латинской Америке присоединиться к пангерманскому движению. В начале XX в. ультра-националистическая Пангерманская лига (*Alldeutscher Verband*) выпускала в Германии и распространяла по всему миру литературу, в которой превозносились идеалы «единого всемирного тевтонского сообщества», выдвигались претензии на мировое господство¹.

С началом войны пропагандисты из стран Антанты стали повсеместно нагнетать страхи по поводу «территориального экспансионизма, алчности и безнравственности ужасных гуннов». Например, в книге «Пангерманский заговор» француз А. Шерадам утверждал, что Берлин намеренно насадил колонии по всему миру, которые по приказу кайзера восстанут и поддержат германскую империю. Он недвусмысленно указал на многочисленное немецкое население на юге Бразилии, которое призвано участвовать в «немецком завоевании мира». Утверждалось, что эти колонисты были не только «абсолютными хозяевами» южной Бразилии, но и «верными вассалами Вильгельма II». Стрелковые клубы, созданные этими бразильскими немцами, писал Шерадам, «на самом деле были базами военной подготовки»².

Недавние исследования развенчали постфактум эти пропагандистские штампы и продемонстрировали, что немецкие колонии в Бразилии никоим образом не угрожали континенту. Так, профессор Университета Северной Каролины Н. Митчелл на основе многочисленных источников показала, что Берлин не оказывал существенной финансовой и военной поддержки бразильским немцам и не собирался использовать колонию в качестве плацдарма для экспансии в Северной и Южной Америке. В преобладающем большинстве эмигранты оказались верны присяге на верность, которую они дали своей новой родине. Более того, при всей пропагандистской шумихе в прессе по поводу «гуннов» и «тевтонцев», Белый дом и Госдепартамент определенно знали, что Берлин гораздо больше озабочен европейскими делами, чем мифическими планами захвата Америки. Однако

¹ *Luebke F.* Op. cit. P. 34–35, 72–73.

² *Chéradame A.* The Pangerman Plot Unmasked: Berlin's Formidable Peace Trap of the «Drawn War». N.Y., 1916. P. 197.

они сознательно нагнетали страх у латиноамериканцев (прежде всего уругвайцев) в качестве мощного инструмента воздействия на власти и общественное мнение¹.

Власти Уругвая самым серьезным образом отнеслись к гипотетической германской угрозе. По мнению Хосе Батлье-и-Ордоньеса, «кайзеризм» (распространенный термин, используемый в уругвайской периодике для обозначения германского экспансионизма) мог угрожать независимости Уругвая точно так же, как немецкие подводные лодки способны подрывать его экономические связи с внешним миром. В июле 1915 г. в батльистской газете «El Día» была опубликована карта, взятая «из одной из немецких книг, изданных в 1911 г.», демонстрировавшая планы янки, англичан и немцев по разделу Южной Америки к 1950 году. В сопроводительном тексте объяснялось, как янки будут господствовать на территории от Венесуэлы и Колумбии к северу, британцы – к югу, вплоть до центральной Боливии, а Германия – в южных районах Боливии, Перу и Бразилии, а также на всей территории Чили, Аргентины, Парагвая и Уругвая. О «ненасытных аппетитах немцев» стали писать многие уругвайские авторы². В СМИ появились подробные выписки из книги О.Р. Танненберга «Великая Германия» (1911), в которой указывалось, что Германия «прекрасно подготовлена к ведению тотальной войны с целью установления мирового господства»³.

С учетом фальсифицированной германской угрозы в адрес своей страны, Батлье и его сторонники не торопились вступать в войну и всеми силами поддерживали состояние нейтралитета, чтобы защитить суверенитет и безопасность Уругвая. В то же время они взяли курс на всемерное сближение с США, считая американцев гарантами стабильности в Южном полушарии. Со своей стороны, администрация Вильсона умело использовала риторику панамериканизма в масштабах полушария, чтобы привлечь Латинскую Америку на свою сторону в качестве оплота против Центральных держав, особенно Германии. Как отмечал историк Дж. Тульчин, «Соединенные

¹ Mitchell N. Op. cit. P. 108, 123, 159.

² El Día. 24.07.1915; Ibid. 17.11.1916.

³ Tannenberг O.R. Gross-Deutschland. Berlin, 1911.

Штаты [...] сделали все возможное, чтобы страны Латинской Америки либо последовали их примеру, либо, по крайней мере, оставались нейтральными и не предоставляли никакой помощи врагам»¹.

Исходя из «континентальной солидарности», «панамериканизма» и «прав нейтральных стран», уругвайские власти рассматривали тесные отношения с Соединенными Штатами как надежный щит для защиты своей страны от иностранного вторжения, – особенно после того, как президент Вильсон выдвинул аргументы, которые нашли благожелательный отклик в Уругвае: самоопределение и равные права малых государств, обеспечение коллективной безопасности. Поскольку вашингтонская риторика подчеркивала равенство всех государств независимо от их размера, она привлекала батльистов как представителей самой маленькой независимой нации на континенте. И, самое главное, США стали доминировать в экономике Уругвая. Поскольку война ослабила экономическую хватку Великобритании, Соединенные Штаты оперативно воспользовались этим вакуумом. Ежегодный объем американо-уругвайской торговли за время войны утроился, и к концу боевых действий США заменили Великобритании в качестве основного источника импорта Уругвая.

Таким образом панамериканизм стал «идеологическим тараном», который не только отвратил Уругвай от Центральных держав, но и способствовал вытеснению со своих позиций британского империализма. Известный американский исследователь М. Гилдерхус отмечал, что «Вашингтонские политики всячески культивировали доктрину панамериканской солидарности [...] чтобы после окончания войны предотвратить восстановление крупномасштабного европейского (прежде всего британского) присутствия в Латинской Америки – и эта политика имела значительный успех»². Война, пишут Э. Розенберг и У. Сейтон, представила Соединенным Штатам идеальную возможность для того, чтобы вытеснить Великобританию в качестве доминирующей внешнеэкономической державы в Латин-

¹ *Tulchin J.* The Aftermath of War: World War I and U.S. Policy toward Latin America. N.Y., 1971. P. 20.

² *Gilderhus M.* Pan-American Visions: Woodrow Wilson in the Western Hemisphere, 1913–1921. Tucson, 1986. P. 81.

ской Америке, особенно в регионе Ла-Платы, последнем бастионе британской «неформальной империи»¹.

Пришедшая к власти в марте 1915 г. администрация Ф. Виеры продемонстрировала намерение сохранять строгий нейтралитет. Придерживаясь его, она отказала немцам в планах создания беспроводного телеграфа от Ла-Платы до Магелланова пролива. Отказ встретило и предложение Англии и Франции продать им часть вооружений из уругвайских арсеналов². В то же время всячески подчеркивалась солидарность с США. В сентябре 1915 г. Виера встретился с послом США Джеффри и заявил, что «симпатии уругвайского народа вызвали не столько богатство и материальная мощь американского народа, сколько отстаивание высших демократических и гуманитарных идеалов, за которые выступали Соединенные Штаты». В рамках празднования Дня независимости США в июле 1916 г. Виера лично посетил американское посольство, чтобы выразить «восхищение американским народом и тем, как демократия воплощается в Соединенных Штатах и становится образцом для подражания во всем мире»³.

Избрав в качестве путеводной звезды США, уругвайское правительство одобрило сохранение Вашингтоном нейтралитета после потопления немцами в мае 1915 г. «Лузитании». В заявлениях государственных деятелей Уругвая восхвалялась «сдержанность» США и верноподданнически признавалось, что «если Соединенные Штаты вступят в войну, то и все остальное полушарие поступит так же». Они писали, что «североамериканская нация осуществляет [...] блестящими и спокойными действиями своих политиков, особенно президента, эффективный контроль над любыми эксцессами, которые могут свергнуть страну в лихорадку войны»⁴.

По мере продолжения войны несколько событий подорвали нейтралитет США и Уругвая. В 1916 г. правительство Уругвая (вслед за Вашингтоном) объявило решительный протест против «подводной войны», развязанной Германией. В преддверии разрыва отношений

¹ *Rosenberg E.* World War I and the Growth of United States Predominance in Latin America. N.Y., 1987; *Sater W.F.* Chile and the United States: Empires in Conflict. Athens, 1990. P. 85–91.

² El Día. 12.06.1915.

³ Ibid. 26.10.1915; Ibid. 18.07.1916.

⁴ El Día. 12.06.1915; Ibid. 12.02.1916; Ibid. 20.04.1916.

между США и Германией Брум направил в Вашингтон послание с выражением солидарности с США. В 1917 г. Уругвай выбрал курс на союзнические отношения с Соединенными Штатами, который отстаивался в ряде документов, объединенных под названием «уругвайской доктрины». Глава уругвайского МИД объяснил это необходимостью континентальной солидарности в случае нападения на одну из стран Америки¹.

Решение Германии возобновить неограниченную подводную войну в феврале 1917 г. привело к разрыву дипломатических отношений между Вашингтоном и Берлином и объявлению войны в апреле того же года. Казалось бы, для уругвайских властей пришло время подтвердить свою приверженность союзническому долгу. Действительно, последовала декларация правительства Уругвая о солидарности с США. Министр иностранных дел Брум признал «справедливость и благородство чувств, которые служили руководством для президента Вильсона в этой чрезвычайной ситуации»². Однако Уругвай продолжал сохранять нейтралитет!

Вскоре вопрос о нейтралитете стал предметом бурных дискуссий между представителями партии «Колорадо» и Национальной партии («Бланко»). Министерство иностранных дел Уругвая, пытаясь обосновать необходимость вступления в войну, объявило о новом смысле доктрины Монро в контексте войны. Однако в противовес этой позиции партия «Бланко» отстаивала в парламентских дебатах политику нейтралитета. Ее наиболее видный представитель К. Роксло в своих статьях в журнале «La Demoscacia» настаивал на сохранении нейтралитета, исходя из внешнеполитической и внутренней ситуации и с учетом положения иммигрантов, проживающих в Уругвае. В качестве примера для подражания он предложил политику президента Аргентины И. Иригойена, который твердо придерживался статуса нейтралитета. Ему активно возражал Буэро со страниц органа батльистов «La Razón»³.

¹ *Brum B.* La Paz en América. Montevideo, 1923.

² El Día. 13.07.1917.

³ *Herrera L.A. de.* El Uruguay internacional. Montevideo, 1988; *Turcatti D.* El equilibrio difícil. La política internacional del batllismo. Montevideo, 1981; *Pérez Antón R.* Un siglo de política exterior // *Nahum B.* El Uruguay del Siglo XX. La Política. Montevideo, 2004.

Сторонники партии «Колорадо» указывали на то, что северный сосед всего через пять дней после США объявил войну Германии. Бразилия использовала в качестве предлога потопление немецкой подводной лодкой грузового судна «Парана» у берегов северной Франции, (при этом были убиты три члена экипажа и потоплен ценный груз кофе). В ответ власти Рио-де-Жанейро конфисковали более пятидесяти немецких судов, находившихся в бразильских портах¹. Подобная провокация произошла 4 июня 1917 г. и в отношении Уругвая. Примерно в шестидесяти милях от побережья Бордо немецкая подводная лодка потопила невооруженное судно «Росарио», зарегистрированное в Уругвае и перевозившее грузы между Нью-Йорком и Ла-Паллисом (Франция). Однако правительство Уругвая все еще колебалось, и даже прибытие в июле в порт Монтевидео из Рио-де-Жанейро американской эскадры под командованием адмирала У. Капертона с целью «подбодрить» уругвайцев не смогло сдвинуть их с позиции нейтралитета².

Для разрешения ситуации в пользу США Госдепу удалось добыть некие депеши, которые германский посол в Аргентине отправлял в Берлин. Британские шифровальщики, якобы, смогли взломать секретный код, и Вашингтон передал 10 сентября эти документы правительству Уругвая. В них описывались военные цели Германии на континенте: «поддержание открытого рынка в Южной Америке и реорганизация южной Бразилии». Батльисты интерпретировали их как подтверждение худших опасений – немцы разработали планы использования своих поселений к северу от Уругвая для установления доминирования над Южной Америкой.

Под впечатлением от полученной информации президент Виера 14 сентября дал указание о захвате восьми немецких кораблей, находившихся в порту Монтевидео. В течение нескольких недель ситуация с этими пакетботами находилась в подвешенном состоянии с правовой точки зрения, так как Уругвай продолжал формально придерживаться состояния нейтралитета. Наконец, после оказанного на него давления со стороны американского посла Джеффри он 7 октя-

¹ *Luebke F.* Op. cit. P. 126–127.

² *Healy D.* Admiral William B. Caperton and United States Naval Diplomacy in South America, 1917–1919 // *Journal of Latin American Studies.* 1976. Vol. 8. P. 297.

бря официально разорвал дипломатические отношения с Германией. 15 октября Брум издал указ, который положил конец внеблоковому статусу Уругвая и официально аннулировал все декларации о нейтралитете 1914 года.¹ Уругвай вступил в так называемую «Лигу чести», которую Вильсон предложил создать в своей речи 2 апреля 1917 г. перед конгрессом США об объявлении войны Германии.

В 1917 г. известный американский писатель и издатель К.С. Купер взял интервью у президента Виеры и в своем отчете отметил проамериканские взгляды уругвайского лидера, человека «рузвельтовской энергии и способностей» (имелся в виду Т. Рузвельт), а также его желание всемерно развивать политические, дипломатические, экономические, культурные отношения, включая обучение уругвайских студентов в американских университетах. При этом президент подчеркнул, что сам отправил троих сыновей учиться в вузах США².

Брум, яркий оратор и идеолог батльизма, оставался главным дипломатом Уругвая вплоть до своего избрания на пост президента в 1919 году. Он также поддерживал панамериканизм и ведущую роль Соединенных Штатов в этом движении, рассматривая его в качестве противовеса британскому влиянию. Во время войны Брум старался обеспечить поддержку коммерческих, политических и военных интересов США со стороны правительства Уругвая³. Искренне считая, что «панамериканизм подразумевает равенство всех суверенитетов, больших и малых», он рассматривал его как «проявление глубоких братских чувств со стороны США в их справедливом стремлении к материальному и моральному возвышению всех народов Америки». Будучи лидером маленькой страны, зажатой между двумя гигантами – Бразилией и Аргентиной, Брум довольно наивно верил, что США могли бы играть роль бескорыстного арбитра, защищавшего небольшие государства от их более сильных соседей⁴.

Известно, что Вильсон сосредоточил большую часть усилий при проведении своей южноамериканской политики на «государствах ABC» – Аргентине, Бразилии и Чили, – лидеры которых

¹ El Día. 15.09.1917; Ibid. 12.10.1917.

² Cooper C.S. Understanding South America. N.Y., 1918. P. 272, 276.

³ Vanger M. Op. cit. P. 222, 229; El Día. 01.07.1917.

⁴ Brum B. The Peace of America. Montevideo, 1923. P. 14–17.

со скептицизмом рассматривали «крепкие объятия Северного колосса» как традиционный пролог к экспансии и интервенции в их регионе. Но вожди партии «Колорадо» в Уругвае, который никогда не был в центре внимания Вашингтона, с энтузиазмом восприняли эту философию, что позволило установить дружественные отношения со США во время Первой мировой войны¹.

Для поддержания «боевого духа» уругвайцев в октябре в Монтевидео вновь была отправлена эскадра Капертона, которая пробыла там до начала ноября. Адмирал организовал банкет на борту флагманского корабля «Питтсбург», пригласил на него президента Виеру и министра иностранных дел Брума, а также посетил редакцию газеты «El Día» и встретился там с Батлье-и-Ордоньесом².

Политические и коммерческие связи между США и Уругваем обеспечили администрации Вильсона эффективного союзника в латиноамериканском Южном конусе. Несмотря на то, что Бразилия была единственным южноамериканским государством, официально объявившим войну Центральным державам (из латиноамериканских стран в войне участвовали также Панама и Куба), другие страны континента, включая Боливию, Перу, Эквадор последовали примеру Уругвая и разорвали дипломатические отношения с Германией. Более того, на Версальской конференции 1919 г. конфискация немецких судов Виерой (а затем их передача в аренду Корпорации вспомогательного флота США) трактовалась американской делегацией как «акция, которую можно приравнять к военным действиям». В результате администрация Вильсона добилась участия Уругвая в Версальской конференции в числе победителей, позволил выставить свои претензии Центральным державам и подписать итоговый документ конференции (правда на самом последнем месте)³.

В послевоенные годы США, пользуясь падением экономики в Британии, стали захватывать все новые позиции в Уругвае, как и в целом в Латинской Америке. В 1926 г. экспорт страны в денежном выражении достиг 94,8 млн. песо, а импорт (по официальной

¹ *Gilderhus M.* Op. cit. P. X.

² *El Día*, 24.10.1917; *Ibid.* 25.10.1917; *Ibid.* 30.10.1917.

³ U.S. Department of State, *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States*. 1919. Paris Peace Conference. Washington, 1942. P. 356.

оценке) – 73,3 млн., таким образом положительное сальдо торгового баланса составило 21,5 млн. песо¹.

Однако за счет занижения цен при прохождении через таможенную (обычный и поныне способ уклонения от выплаты таможенных пошлин и сборов) реальная стоимость импорта составила около 95,3 млн. песо и таким образом за благополучными официальными цифрами был скрыт дефицит торгового баланса. К нему добавлялись выплаты по страхованию и фрахту, которые уменьшали стоимость экспортной выручки, возврат Уругваем процентов по иностранным кредитам, а также прибыль, полученная в стране иностранными компаниями и благополучно «уплывшая» за рубеж. При внешнем благополучии в показателях скрывались прорехи, сквозь которые исчезали денежные резервы, которые могли бы смягчить в 1930-е гг. последствия для страны мирового экономического кризиса.

Таким образом, после окончания войны США прочно обосновались на первом месте в импорте Уругвая, навсегда вытеснив с этих позиций «неформальную империю». Что касается экспорта, то здесь ситуация была иной – все ведущие позиции сохранялись за Британией и другими европейскими странами, что было вызвано нехваткой в них продовольствия. В то же время начался переходный период к установлению гегемонии США. Американцы активно вытесняли британский капитал, занимали доминирующие позиции в экономике. Самые крупные предприятия в главном для Уругвая секторе экономики – мясопереработке (мясохладобойни) принадлежали американцам. Большая часть сельскохозяйственных машин и оборудования закупалась в США и Канаде. В импорте стали и проката США также успешно вытеснили Англию и другие европейские страны, поставляя в Уругвай железнодорожные рельсы, балки для строительных работ и другие товары. В импорте автомобилей 80% приходилось на США. Американские компании «Форд» и «Дженерал моторз» построили первые в Уругвае сборочные заводы в Монтевидео. В 1924–1926 гг. на улицах столицы курсировали 360 автобусов (омнибусов), 90% которых были завезены из США². Оттуда же начали импортировать

¹ Nahum B. Uruguay – Inglaterra... P. 55.

² Ibid. P. 15.

первые в Уругвае трактора, механические плуги, сеялки и другое оборудование.

В те же годы появилась Уругвайская компания по производству портландцемента, которая являлась филиалом нью-йоркской «Международной цементной корпорации». Причем после создания в 1931 г. государственного предприятия ANCAP американцы не позволили уругвайскому госпредприятию стать монополистом в этой области, и два предприятия продолжали существовать одновременно. Весь потребляемый в стране бензин, керосин и смазочные масла импортировались из США. Топочный мазут как для целей отопления, так и в качестве горючего для уругвайской государственной тепловой электростанции поступал оттуда же. Очень важный для нужд хладокомбинатов жидкий аммиак полностью завозился из США. Местное государственное предприятие «Национальный институт химической промышленности» использовал завозные химикаты для производства сельскохозяйственных удобрений и бытовых нужд. Большая часть лекарств и фармацевтических товаров также импортировалась из США, хотя в стране было построено 8 своих фармацевтических заводов.

Зависимое положение в экономике страны создавалось не только за счет внешней торговли и засилья иностранных предприятий в Уругвае, но и при помощи кредитных пут, которыми связали страну «щедрые» североамериканские инвесторы. Страна же все глубже погружалась в долговую кабалу. Государственный долг Уругвая, который в 1860 г. составлял 2,8 млн. песо, в 1914 г. возрос до 141 млн., а на 1 января 1926 г. достиг 221,5 млн. песо (стоимость указана, исходя из эквивалента золотого песо, который был по номиналу чуть ниже американского доллара)¹.

Британский капитал продолжал доминировать в животноводстве, сфере коммунального хозяйства и инфраструктуре, имея в своем распоряжении железные дороги, городской транспорт, газификацию, водоснабжение, телефонную и телеграфную связь. Значительную роль продолжали играть английские банки и крупные коммерческие фирмы, страховые компании и кредитные организации. В руках бри-

¹ *Robertson W.S. History of Latin-American Nations. N.Y., L., 1932. P. 346; Report on the Financial and Economic Conditions in Uruguay. September, 1927. Department of Overseas Trade. L., 1927. P. 6.*

танских инвесторов по-прежнему находились важнейшие рычаги национальной экономики. Представители могущественных английских компаний были тесно связаны с местными латифундистами и крупными скотоводами и для поддержания своего господства искусственно тормозили полноценное развитие производительных сил страны. Они поощряли лишь необходимые для них сырьевые отрасли и всеми силами подавляли ростки местной индустрии, что обрекало Уругвай на роль вечного поставщика сырья и потребителя ввозимой извне промышленной продукции. Безусловно, не было случайностью, что создание сети железных дорог было нацелено не на обеспечение нормальной транспортировки товаров для всестороннего развития национальной экономики, а только на связь скотоводческих районов с Монтевидео – основным центром переработки продуктов животноводства и главным портом для их вывоза.

Кроме того, большая часть кораблей, швартовавшихся в порту Монтевидео, принадлежала англичанам. В 1926 г. туда зашло 817 британских судов общим тоннажем 3,7 млн. тонн. На втором месте была Франция (221 корабль), затем Италия (208), Германия (183), США (165) и Греция (72)¹. В руках британцев также находилось прибрежное судоходство – в основном между Монтевидео и Буэнос-Айресом. По каботажным маршрутам шла оживленная торговля промышленными товарами, солью, кожами, шерстью, автомобилями, картофелем, мукой, вяленой говядиной. Те же товары перевозились по морю в Бразилию, а оттуда шли обратные поставки леса, пиломатериалов, кофе, риса, табака, сахара и бананов. Помимо транспорта англичане проявляли активность и в области связи.

В целом же успех, достигнутый в 1920-е гг. экономикой Уругвая, рассматривался современниками как личная заслуга Батлье и батльистов, хотя он стал во многом следствием благоприятной мировой конъюнктуры, в частности роста цен и спроса на мясо, мясные продукты и шерсть в Европе, находившейся в состоянии разрухи и кризиса после Первой мировой войны. Однако отсталость и косность аграрного сектора стали той ахиллесовой пятой, из-за которой страна оказалась не готовой как к мировому экономическому кризису 1930-х гг., так и к последующим переменам в мировой экономике.

¹ Report on the Financial and Economic Conditions... P. 22.

Таким образом Первая мировая война дала экономике Уругвая передышку от внешней торговли и финансов, а также от других связей с метрополиями. Уругвайцы обеспечили собственное промышленное развитие, главным образом для внутреннего рынка потребительских товаров и провели ряд удачных экспериментов в импортозамещении и национал-реформизме. Но не успела закончиться война, как появилась промышленность метрополий, теперь все больше базировавшаяся в Соединенных Штатах. При поддержке своей финансовой, технологической и политической мощи гигантские американские (и частично британские) корпорации вытеснили и заменили местную промышленность. Естественно, следовавшие кризисы платежного баланса были преодолены за счет иностранных займов с целью покрытия дефицитов и получения правительственных уступок для усиления проникновения метрополий в уругвайскую экономику.

Послевоенный опыт Уругвая (как и других латиноамериканских стран-сателлитов) показал, что местное национальное индустриальное развитие было относительно эффективным только в условиях ослабления или прекращения связей с метрополиями. Когда США и Британия оправились от кризиса и восстановили торговлю и инвестиционные потоки, они вплотную занялись восстановлением своих позиций, втягиванием страны-сателлита во всемирную систему, удешевлением местной независимой промышленности. Итогом стал процесс «развития неразвитости», который привел Уругвай в 1930-е гг. к острейшему экономическому кризису, падению демократии, государственному перевороту и установлению диктатуры Г. Терры.

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ АВСТРАЛИИ

Участие Австралии в Первой мировой войне стало одной из наиболее важных вех в ее истории: молодое государство Австралийский Союз (АС) впервые выступило на мировой арене как активный участник столь значимых событий. Они оказали огромное влияние на весь последующий путь страны. Хотя боевые действия велись главным образом вдали от ее берегов, отправка добровольцев в раздираемые войной Европу и Азию заставила многих австралийцев пересмотреть свои взгляды на мир и на место в нем Австралии.

Для австралийцев те события приобрели ключевое значение, и до наших дней они привлекают к себе самое пристальное внимание. Базовым исследованием данной темы стали 12 томов «Официальной истории Австралии в войне 1914–1918 гг.», выдержавшей только с 1926 по 1941 гг. 12 изданий¹. Традиционно историки АС видели суть этого периода в «рождении нации» на полях сражений, когда австралийцы впервые осознали себя не столько частью могущественной Британской империи, чьи интересы они отстаивали, сколько вполне сложившейся самостоятельной силой, обладающей своим набором ценностей, которые и помогли им победить. В противовес этому многие современные исследователи называют идеалы и предания о героях того времени мифами, стремясь их опровергнуть и разоблачить. Два подхода – возвышенный и несколько романтический по духу и противостоящий ему сугубо трезвый и прагматический – и стали определять взгляды австралийцев на события вековой давности. Однако само их существование и непрекращающаяся полемика относительно характера войны и ее роли в австралийской истории лишь подчеркивают реально огромное значение описываемых событий и то влияние, которые они оказали на развитие АС и его общества.

¹ См.: The Official History of Australia in the War of 1914–1918 (далее: ОНАВ). Sydney, 1941. Vol. I–XII.

Чтобы осознать это, стоит вспомнить, что накануне начала военных действий большинство жителей Австралии видели себя как «независимых австралийских британцев»¹. Единый Австралийский Союз был создан всего за 14 лет до этих событий и был одним из важнейших слагаемых Британской империи; по словам известной писательницы М. Барнард, «Австралия в ее тихоокеанском и азиатском окружении оставалась насквозь англо-саксонской»². Сохранявшиеся глубокие связи страны и ее жителей с Великобританией определяли многие стороны жизни Южного континента – в том числе и отношение к событиям в мире. Потому и участие АС в мировой войне не обсуждалось – страна вступила в нее, движимая главным образом чувством имперской лояльности.

По словам историков, мир только начинал свое знакомство с Австралией, а ее «население находилось на стадии детства и не расценивалось как фактор в мировой политике»³. Несмотря на то, что и министерство иностранных дел, и военное ведомство АС находились в фазе становления, а Королевский военный колледж, во главе которого был поставлен генерал У.Т. Бриджес, приступил к подготовке кадровых офицеров только в 1911 г., страна уже 4 августа 1914 г. объявила войну Германии. И хотя для многих рядовых австралийцев военные действия в Европе явились «громом среди ясного неба»⁴, поначалу страну охватил мощный патриотический порыв. Призыв премьер-министра АС лейбориста Э. Фишера защищать Великобританию «до последнего человека и до последнего шиллинга» нашел путь к сердцам его сограждан. Всего за годы войны в ряды Имперских вооруженных сил записались добровольцами более 400 тыс. австралийцев, которые стали называть себя диггерами – то ли в честь золотоискателей середины XIX в., то ли в память об основном занятии рядовых – рытье окопов. Они прошли через битвы Великой войны, нигде не уронив своей чести и достоинства⁵.

¹ Цит. по: *Macintyre S. A Concise History of Australia. Cambridge, 2005. P. 147.*

² *Barnard M. A History of Australia. Sydney, 1978. P. 480.*

³ ОНАВ. Vol. I. P. 1.

⁴ *Barnard M. Op. cit. P. 481.*

⁵ Подробнее см.: *Скоробогатых Н.С. Австралийский Союз в Первой мировой войне: мифы и реалии // Первая мировая война в «восточном измерении»: сборник статей / Сост. Т.А. Филиппова. М., 2014. С. 112–135.*

Австралийские подразделения воевали на всех значимых участках и фронтах: начиная от побед над немецкими кораблями у берегов Новой Гвинеи и близ Кокосовых островов в Индийском океане и заканчивая завершающими операциями в Европе в 1918 году. Однако настоящее боевое крещение Австралийский экспедиционный корпус получил в Турции на полуострове Галлиполи, где добровольцы из АС были объединены с воинскими частями из Новой Зеландии, получив название Австрало-Новозеландского армейского корпуса (АНЗАК), под которым и вошли в историю. Предпринятая державами Антанты в 1915 г. попытка захватить Галлиполи не удалась, и около восьми тысяч австралийцев погибли здесь в боях с турецкими войсками¹. Вместе с тем, по всеобщему признанию историков, эта кампания стала «одним из самых страшных сражений Великой войны и одной из ее легенд»². Именно тогда австралийцы обрели своих первых национальных героев: от погибшего здесь генерала У.Т. Бриджеса до рядового Дж. Симпсона Кирпатрика, который на своем ослике вывозил раненых с поля боя. По единодушному мнению военных корреспондентов, австралийские участники десанта, проявив чувство товарищества и взаимовыручку, «превратили поражение в моральную победу»³.

Снятый в 1981 г. фильм известного австралийского кинорежиссера П. Уира «Галлиполи» стал культовым в стране. И в наши дни к братским могилам и мемориалу, построенному на месте боев, ежегодно приезжают тысячи потомков участников этих сражений, чтобы отметить День АНЗАК, отмечающийся 25 апреля и ставший самым патриотическим по характеру национальным праздником Австралии. Именно в этот день в 1916 г. в центре Лондона прошел первый парад анзаков, который был запечатлен на фотографиях, хранящихся в Национальной библиотеке Австралии⁴. С тех пор шествие вете-

¹ Самым подробным образом вся операция и события вокруг нее изложены в книге: *Мурхед А.* Борьба за Дарданеллы. Москва, 2004.

² *Киган Дж.* Первая мировая война. М., 2004 (URL: <http://libs.net/index.php?id=23238>).

³ Подробнее см.: *Macintyre S.* Op. cit. P. 159–160.

⁴ См.: Australian and New Zealand soldiers marching to Westminster Abbey to commemorate the first Anzac Day, London, 25 April 1916 // Trove (Australian online library database). URL: <https://nla.gov.au/nla.obj-153502923/view>.

ранов стало главной частью празднований, и в отличие от другого национального праздника – Дня Австралии, значимость которого в наши дни постоянно оспаривают представители национальных меньшинств АС¹, – никто доньше не осмеливался выступать против чествования военных героев.

После эвакуации из Галлиполи в конце 1915 г. австралийские воинские формирования воевали на Ближнем Востоке, защищая подступы к Суэцкому каналу. В те годы зародилась военная авиация Австралии; первые 14 наград из учрежденных в 1918 г. в Королевских Военно-воздушных силах медалей для летчиков достались австралийским пилотам за их храбрость в боях над землей Палестины². Здесь отличилась и австралийская конница: во главе со своим командиром, генералом Г. Шовелем ее подразделения творили чудеса – их знаменитая внезапная атака в бою при Биршебе в октябре 1917 г. стала образцом военного применения кавалерии³. Отдельной страницей в истории участия АС в Первой мировой войне стали сражения на Западном фронте в Европе. По словам очевидцев, «Галлиполи по сравнению с Францией был пикником». Всего же во Франции только в ходе боев в 1916–1917 гг. при Позье, на р. Сомме и Ипре были убиты 36 тыс. австралийских солдат⁴. В небе над Францией воевал еще один будущий национальный герой АС – летчик Ч. Кингсфорд Смит. За проявленную храбрость он был награжден Военным Крестом, и только тяжелое ранение заставило его перейти на инструкторскую службу⁵. Для австралийцев этот человек стал просто «Смити», близкий по духу и достойный гордости – один из самых лучших австралийских летчиков⁶. В своей доблести он был не одинок. На момент окончания войны его коллеге Р. Смиту было всего 25 лет,

¹ См. об этом: *Скоробогатых Н.С.* «День Австралии или День вторжения»? мультикультурный контекст государственного праздника // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Сер. Социальные и гуманитарные науки. № 1(21). 2019. С. 25–43.

² См.: *Famous Australians*. Richmond, 1983. P. 506–507.

³ См.: *The Encyclopedia of the World War I*. Santa Barbara, 2005. P. 114.

⁴ *Macintyre S.* Op. cit. P. 161.

⁵ См.: *Famous Australians*. P. 527–528.

⁶ *Cox H.* *The Australians. A Candid View from Down Under*. Philadelphia, 1966. P. 154.

но за эти четыре года он стал одним из самых прославленных авиаторов Австралии. Он сражался при Галлиполи и в Египте в 1916 г., затем поступил добровольцем в ВВС в Палестине. В составе первой эскадрильи Смит совершал дерзкие бомбардировки, атаки истребителей и аэрофотосъемочные миссии. Смит был пилотом знаменитого Лоуренса Аравийского и участвовал в воздушных боевых вылетах на Ближнем Востоке. За свои подвиги он дважды был награжден Военным крестом и трижды – Крестом за выдающиеся летные заслуги. В 1918 г. он подружился с Ф. Херли, официальным фотографом Австралии во время кампании на Ближнем Востоке, который описал Смита как «прирожденного человека-птицу [...], прекрасно ладящего со своей машиной»¹. В ходе боев в Европе проявился недюжинный полководческий талант еще одного австралийского генерала, сэра Джона Монаша, который сыграл большую роль в разгроме Германии. К слову сказать, именно он был инициатором празднования Дня АНЗАК в АС; ему прочили пост главнокомандующего британской армией, наградили орденами многих государств, в том числе французским орденом Почетного легиона². Его имя ныне носит один из крупнейших университетов Австралии.

Австралийские женщины, которых в те годы не брали в армию, активно участвовали в работе многочисленных благотворительных и добровольных организациях помощи воюющим на фронтах, особенно эффективной была их работа в госпиталях Красного Креста; некоторые уезжали воевать в Европу добровольно, а то и на свои деньги³. Когда в АС широко отмечали 100-летие Первой мировой войны, наряду с множеством публикаций в газетах и журналах были организованы выставки в музеях и библиотеках, показаны сериалы по телевидению, посвященные событиям тех лет. Среди них – снятый на ABC-TV мини-сериал «Девушки-анзаки» о медсестрах из Австралии и Новой Зеландии, спасавших жизни солдат на фронтах в Европе.

¹ *McGregor A.* Flying far: the largely forgotten 1919 England to Australia Air Race // *Australian Geographic*. 09.12.2019. URL: <https://www.australiangeographic.com.au/topics/history-culture/2019/12/flying-far-the-largely-forgotten-1919-england-to-australia-air-race/>.

² Подробнее см.: *Famous Australians*. P. 147–157.

³ См.: *Энглунд П.* Первая мировая в 211 эпизодах. М., 2014. С. 89.

Некоторые из них получили награды – Военную медаль за храбрость. Журналист П. Рис утверждал, что медсестры времен Первой мировой войны «оставались невидимками в легенде об АНЗАК»: «их ценность игнорировалась правительством в то время, когда женщины все еще считались иждивенками мужчин». Но именно солдаты, которых они бережно выхаживали в лазаретах, «лучше всех понимали достижения армейских медсестер и оказывали им уважение, которое они заслуживали. Для них они были тоже анзаками». По словам создателей сериала, «жизни медсестер, вернувшихся с войны, изменились навсегда. Большинство из них пережили ситуации, глубоко повлиявшие на них в эмоциональном и профессиональном плане – многие потеряли братьев и возлюбленных в бою. Но самое главное, эти женщины открыли для себя форму независимости, которой не испытывали незамужние женщины до 1914 года»¹.

В составе Австралийского экспедиционного корпуса в Галлиполи участвовали и около 150 представителей народов со всех концов Российской империи. Всего же на протяжении Первой мировой войны не менее четверти проживавших в Австралии мужчин – уроженцев России вступили в ее армию. В процентном отношении это было больше, чем в среднем по другим группам австралийского населения, насчитывавшего в те годы около 5 млн. человек. Почти все россияне начали свою служебную карьеру в армии в качестве рядовых, и порядка 11 % фронтовиков получили повышение. Из европейцев, родившихся в России повышения получили около половины, и некоторые достигли офицерских чинов².

В состав героев Первой мировой вошла и еще одна группа населения страны – коренные австралийцы. В довоенные годы с аборигенным населением здесь обращались так же, как с другими расами или этническими меньшинствами по всему миру. Согласно Закону Австралии об обороне 1903 г., им не разрешалось служить в вооруженных силах. Обходя этот запрет, аборигены, чтобы завербоваться,

¹ *King J.* The Anzac Girls: How did they adjust to life back in Australia following World War I? // ABC News. 17.09.2014. URL: <http://www.abc.net.au/news/2014-09-17/anzac-girls-post-series/5746914?section=ww1>.

² Подробнее см.: *Кравцов А.Н.* Русская Австралия. М., 2011. Гл. 3; *Govor E.* Russian Anzacs in Australian History. Sydney, 2005.

скрывали свою этническую принадлежность, меняли имена, подкупали медицинских работников или проезжали сотни миль в альтернативные центры вербовки, где их никто не знал. К 1917 г. некоторые из них уже имели возможность присоединиться к вооруженным силам, но только в том случае, если могли доказать, что хотя бы один из их родителей был европейского происхождения¹. Если раньше на аборигенов смотрели в лучшем случае лишь как на подсобных рабочих, то на фронте они были полноправными диггерами наравне с их белокожими собратьями по оружию. В рядах АНЗАК в Галлиполи воевали более 500 солдат-аборигенов и жителей островов Торрессова пролива, они сражались в рядах Австралийской легкой кавалерии во время Синайско-Палестинской кампании 1916–1918 гг., служили в «Черном дозоре Квинсленда» – подразделении усиления, состоявшем преимущественно из аборигенов. В то время, когда им было отказано в австралийском гражданстве, и они вплоть до 1967 г. подвергались социальному остракизму, армия представляла собой место, где коренные австралийцы могли добиваться равенства. Их соратники по АНЗАК не смотрели на цвет их кожи, они получали одинаковую со всеми зарплату и практически не подвергались дискриминации со стороны их товарищей. Сами они отмечали, что служба в армии означала оплачиваемую работу, уважение среди сверстников и чувство самодостаточности. Солдаты-аборигены, отличившиеся на поле боя (такие как капрал А. Найт и рядовой У. Ирвин), получили награды за свои подвиги. Точное число солдат-аборигенов и жителей островов Торрессова пролива, служивших во время Первой мировой войны, неизвестно из-за того, что в те годы этническая принадлежность не указывалась в армейских регистрационных бланках. По приблизительным оценкам их общее число превышало 1 тыс. человек. «Как ни странно, – отмечают историки, – война дала этим мужчинам – аборигенам и островитянам – почувствовать вкус равенства благодаря стечению обстоятельств, которые были одновременно ужасающими, невероятно человечными и совершенно чуждыми им. Война заставила и белых, и черных парней истекать кровью и плакать

¹ *Harvey I. Aboriginal Australians remembered for World War One service // War History Online. 18.12.2014. URL: <https://www.warhistoryonline.com/war-articles/aboriginal-australians-remembered-world-war-one-service.html>.*

в объятиях друг друга, и это чувство австралийского «товарищества» действительно стало ощутимым для этих мужчин – когда они бок о бок тренировались, сражались, жили и умирали»¹. Впрочем, вклад военнослужащих из числа аборигенов в Первую мировую войну не всегда был широко признан².

Цена одержанной в 1918 г. победы была весьма велика: общие потери АС в войне составили 68%, т.е. порядка 226 тыс. убитых и раненых из 416,8 тыс. человек, отправившихся на войну (50,3 тыс. были убиты, 152,2 тыс. ранены, 4 тыс. попали в плен или пропали без вести)³. Эти цифры стали особенно болезненным для маленькой нации: в результате потерь на полях сражений каждая австралийская семья не досчиталась кого-либо из своих близких. По словам Ф. Найтли, «это, без сомнения, была слава, но слава, полученная ужасной ценой»⁴. Данный фактор также оказал мощное влияние на послевоенную Австралию. И именно поэтому многие исследователи считают, что участие в Первой мировой войне, собственно, и привело к рождению австралийской нации – жители континента почувствовали себя единым народом. Даже традиционное австралийское кушанье «веджемайт», по преданию, впервые вошло в широкий обиход именно в те военные годы: его добавляли в пищу как источник витаминов для солдат в окопах.

Оставшиеся в живых ветераны Первой мировой войны стали истинными героями у себя на родине. Их с почетом встречали дома; участники различных ассоциаций ветеранов пользовались всеобщим уважением и превратились во влиятельную общественную силу в стране⁵. Еще в июне 1916 г. на встрече представителей Нового Южного Уэльса, Квинсленда, Южной Австралии и Виктории было принято решение о создании Имперской лиги вернувшихся моряков

¹ *McCulloch A.* Indigenous Australian soldiers in First World War // British Council. 03.12.2014. URL: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/indigenous-australian-soldiers-first-world-war>.

² Aboriginal Victorians' involvement in World War I // Anzac Centenary 2014-2018. URL: <http://anzaccentenary.archive.vic.gov.au/history/aboriginal-australians-involvement-world-war/index.html>.

³ The Encyclopedia of the World War I. P. 273.

⁴ *Knightley P.* Australia. A Biography of a Nation. London, 2001. P. 89.

⁵ См.: OHAW. Vol. XI. Ch. XXIV.

и солдат Австралии (RSSILA). Она возникла «в ответ на отсутствие единого подхода к организации учреждений по репатриации и медицинского обслуживания для тех, кто возвращался с Великой войны». Члены-основатели Лиги «намеревались лоббировать получение льгот, улучшение лечения и повышение благосостояния ветеранов и военнослужащих Сил обороны, а также охранить здоровье, благополучие и безопасность Австралии и австралийский образ жизни»¹. Вскоре Лига стала крупнейшей в стране организацией бывших военнослужащих и сделала очень много для возвращения людей к мирной жизни. Поначалу многим демобилизованным было нелегко «на гражданке». По словам историка Б. Гэммеджа, «для некоторых мужчин самыми трудными были изменения в сознании. В 1919 г. в городах наблюдался всплеск насилия и пьянства [...]. Люди [...] пытались забыть, вычеркнуть ужасные видения и остатки ужасного прошлого». Немалое число раненых имели серьезные увечья, и «возник резкий раскол между теми, кто выполнил свой долг, и теми, кто “уклонился” от него»². RSSILA защищала права тех, кто служил, и выступала от имени солдат, у которых были проблемы с реинтеграцией в общество. В знак благодарности ветеранам власти приняли целевые программы расселения, в рамках которых им предоставлялись небольшие субсидии на сельскохозяйственные угодья. Правительства штатов увидели в этом возможность увеличить продуктивность земель, и в штате Виктория почти 12 тыс. бывших фронтовиков воспользовались данной схемой. Для некоторых фермеров это стало залогом успеха, но многие были разочарованы размером и качеством выделенных им участков и недостаточностью доступных кредитов для улучшения хозяйств³. Для решения встававших проблем они получали помощь от государства: в рамках специально созданного федерального департамента по демобилизации им выплачивались подъемные для организации бизнеса на предоставленных участках земли. С 1920 г. демобилизованным начали выплачивать и военные пенсии, размер которых возрас-

¹ RSL Australia. Founded on an Ethos of Compassion and Service. URL: <https://www.rslaustalia.org/about-us>.

² Returning soldiers // State Library of Victoria. URL: <https://ergo.slv.vic.gov.au/explore-history/australia-wwi/abroad-wwi/returning-soldiers>).

³ Returning soldiers.

тал вплоть до 1931 г. и был сокращен в только годы депрессии. Таким образом, военнотружущие и члены их семей не остались брошенными на произвол судьбы – и это был главный урок и удача первых послевоенных кабинетов.

Годы войны дали АС и выдающихся политиков, в частности У.М. Хьюза, о котором говорили, что он по популярности уступал лишь легендарному символу Австралии Н. Келли. Однако в отличие от красавца-бушрейнджера он никогда не преступал законы – наоборот, участвовал в их составлении. В конце 1915 г. Келли стал премьер-министром АС и вынес на своих плечах все тяготы военного времени. Маленького роста, тощий, похожий на гнома, этот человек обладал невероятной энергией. Лозунгом его жизни был совет, данный им на склоне лет молодым политикам: «Каждый день живите так, как если бы ваша судьба зависела от предпринятых в этот день действий. Никогда не уваливайте от борьбы и не бойтесь рисковать»¹.

Келли перевел экономику на военные рельсы и управлял страной твердой рукой; недаром один из влиятельнейших католических прелатов АС того времени архиепископ Д. Мэнникс, далеко не во всем поддерживавший политику правительства, называл премьер-министра «маленьким царем». К слову, именно опыт впервые введенного на континенте режима военного управления, снабжения армии, принятия законов военного времени – вплоть до жесткой цензуры² – был востребован в 1939 г., когда эти меры вновь пришлось вводить в действие. Даже неудачи, постигшие Хьюза в 1916 и 1917 гг. в связи с попытками ввести на волне антивоенных настроений вместо добровольного участия в боевых действиях конскрипцию, были учтены в начале Второй мировой, когда все меры военного времени были приняты в обществе без сопротивления³.

В годы Первой мировой войны стал реальностью еще один немаловажный аспект жизни АС: страна обрела определенную политическую самостоятельность. Если ранее «судьба Австралии, как всегда,

¹ Цит. по: Famous Australians. P. 146.

² Подробнее см.: Barnard M. Op. cit. P. 491–497.

³ См. об этом: Малаховский К.В. История Австралии. М., 1980. С. 164–166; Скоробогатых Н.С. История Австралии. XX век / Отв. ред. В.П. Николаев. М., 2015. С. 153.

определялась в северном полушарии»¹, то в разгар военных действий АС активно выступил на мировой арене, а по окончании войны уже выработывал свой курс в большой политической игре. В этом велика заслуга того же У. Хьюза. В 1916 г. он получил информацию о намерениях Японии усилить свою роль в Тихом океане, что убедило его в необходимости срочных переговоров с британским правительством и главами важнейших доминионов. Министерство по делам колоний отнеслось к его инициативе без энтузиазма, но Хьюз настоял на своем. Путешествуя по Тихому океану, он встретился с премьер-министром Новой Зеландии У.Ф. Мэсси и провел четыре дня в Оттаве, где его назначили членом Тайного совета (кабинета министров) Канады, что в то время было уникальной честью. Хьюз прибыл в Англию в марте 1916 г., где призвал к усилению экономического давления на Германию и расширению сотрудничества с доминионами. Его выступления нашли отклик в британском обществе; некоторые даже думали, что он мог бы стать лидером, который нужен стране, чтобы заменить Г. Асквита. Хьюз нашел родственную душу в министре вооружений Д. Ллойд Джордже, принял участие в заседаниях кабинета и военного комитета, провел сложные переговоры о продаже австралийской продукции и о поиске судов для ее перевозки в Лондон, подписал несколько соглашений о взаимных поставках продовольствия и оборудования. Затем в составе британской делегации он отправился на конференцию союзников в Париж для определения экономической политики в отношении Германии, с трудом добившись от Асквита права выступать независимо от имени АС. Это было первое участие Австралии в международной конференции. Находясь во Франции, Хьюз побывал на фронте накануне предстоявшего наступления на Сомме, где встречался с австралийскими солдатами². Умение вести международные переговоры на пользу АС историки единодушно признали его отличительной чертой, что особенно проявилось по окончании военных действий.

Завершающим аккордом в карьере премьер-министра Хьюза стало его участие в работе Парижской мирной конференции. И это было

¹ *Barnard M.* Op. cit. P. 480.

² *Fitzhardinge L.F.* William Morris (Billy) Hughes (1862–1952) // *The Australian Dictionary of Biography*. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/hughes-william-morris-billy-6761>.

вторым крупным итогом Великой войны для АС – страна уверенно вышла на международную арену. Хьюз и его единомышленники и коллеги требовали самого строгого наказания Германии. Вместе с тем, в спорах с недавними союзниками они решительно отстаивали свои интересы: воспротивились попыткам Японии внести на рассмотрение декларацию о расовом равенстве и настояли на сохранении Новой Гвинеи под управлением АС в рамках создававшейся мандатной системы¹. Австралийские владения были значительно увеличены за счет передачи стране мандата на управление германской частью острова. После высылки прежних немецких владельцев их плантации были проданы австралийцам – в основном бывшим военным, – и с 1921 г. австралийский парламент управлял уже двумя частями острова: колонией Папуа и подмандатной территорией Новая Гвинея. Главной целью Хьюза было укрепление Британской империи, верность которой он хранил, твердо веря в то, что только так можно было обеспечить интересы его страны. В итоге он добился многого из того, к чему стремился, в том числе и получения репараций с Германии. Его поведение на мирной конференции часто подвергалось критике; его методы, безусловно, были неортодоксальными, но, вероятно, они были единственными, которые привели бы к успеху. Историк Э. Скотт писал, что именно благодаря им «он в одиночку добился, по крайней мере, тех результатов, которые были жизненно важны для существования его страны»². Неудивительно, что когда Хьюз вернулся домой, его встретили как героя.

Теперь его страна выступала на равных с метрополией на международной арене. В 1920 г. АС стал одним из государств – учредителей Лиги Наций – первой всемирной организации, в цели которой входило сохранение мира и развитие международного сотрудничества³. Это было началом серьезной работы австралийской дипломатии. Выступая по итогам Имперской конференции 1921 г., У. Хьюз с особым удовлетворением подчеркивал: «Иностранные дела – когда-то особая прерогатива Британии – стали заботой каждого члена Содружества

¹ Подробнее см.: ОНАВ. Vol. XI. Ch. XXII.

² Цит. по: William Morris (Billy) Hughes (1862–1952).

³ Лига наций // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/taxonomy/term/159>.

Наций». Его вполне устраивал новый характер отношений внутри Империи – «автономия частей, единство целого»¹.

Не меньшее влияние оказала Первая мировой война и на внутренние изменения в АС. Эпоха «ревущих двадцатых» не обошла его стороной, и основы экономического бума Австралии были также заложены У. Хьюзом, кабинет которого поставил на ноги сталелитейную промышленность и наладил экспорт сельскохозяйственной продукции в метрополию, что, несомненно, помогло выстоять австралийской экономике. Впоследствии он же немало способствовал становлению новых отраслей – военной, судостроительной, металлургической, основы которых были заложены еще в годы сражений. Его наследники – кабинеты коалиции Брюса-Пейджа 1923–1928 гг., названной по именам партийных лидеров, продолжили этот курс. Их девиз «Люди, деньги, рынки» символизировал поощрение развития национальных ресурсов, промышленности и сельского хозяйства, благодаря чему первая половина 1920-х гг. стала временем подъема хозяйственной жизни страны².

Наряду с быстрым ростом традиционных для Австралии отраслей – сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности, в стране открыли филиалы американские автомобилестроительные фирмы «Форд», «Крайслер», «Дженерал Моторз», а корпуса для автомобилей и запчасти к ним производила австралийская компания «Холден». По числу владельцев автомобилей АС занимал четвертое место в мире – после США, Канады и Новой Зеландии. В эти же годы переживала бурный взлет австралийская авиация, которая теперь все чаще использовалась в сугубо мирных целях. В 1919 г. братья Р. и К. Смиты совершили первый перелет из Англии в Австралию за 28 дней при фактическом налете 135 часов. Экипаж, состоявший из 4 человек, разделил призовой фонд в размере 10 тыс. фунтов стерлингов, выделенный австралийским правительством. Уже в наше время, спустя 100 лет после знаменитой воздушной гонки 1919 г. «Англия – Австралия» в АС почтили «память мужественных людей,

¹ Commonwealth Parliamentary Debates. House of Representatives. Canberra, 1921. Vol. 97. P. 11631–11632.

² Подробнее см.: The Australian Economy in the Long Run / Ed. by R. Maddock, I. McLean. New York, 1987. P. 38, 39–41.

ставших пионерами современных международных полетов». Как писали обозреватели, «этот первый полет не просто изменил правила игры в 1919 г., он стал монументальным прорывом, возможно, одним из величайших достижений в истории авиации»¹. Легендой и кумиром Австралии стал Ч. Кингсфорд Смит – герой первой мировой войны, в мирное время установивший ряд авиационных рекордов и проложивший используемые ныне маршруты, которые связали Австралию с ее ближайшими соседями и США. Память о «Смити», который, как считают австралийцы, был не просто «пионером австралийской авиации», а «самым великим авиатором мира», увековечена в названии аэропорта в Сиднее². На базе этих достижений возник целый ряд коммерческих авиакомпаний, в том числе и «Квонтас», которая и в наши дни остается одной из ведущих в своей отрасли. С развитием международных авиалиний уходила в прошлое и «тирания расстояний», которая прежде ставила Австралию в положение географически труднодоступного континента³.

Еще одним прямым следствием событий Первой мировой войны стали серьезные политические изменения в АС. В стране происходило формирование новых партий и блоков, которые на добрые полвека стали основой обновленной партийно-политической структуры страны. В первую очередь перемены коснулись правящей Австралийской лейбористской партии (АЛП), которая в разгар военных действий пережила раскол. Хьюз как ярый сторонник воинской повинности был исключен из ее рядов и в итоге в 1917 г. был вынужден объединиться с либералами в Националистическую партию. На гребне ликования по поводу окончания военных действий она пришла к власти и на выборах 1919 г. и оставалась у руля управления страной до конца 1920-х годов.

Под влиянием мировой войны и Октябрьской революции в России и под непосредственным руководством Коминтерна в 1920 г. была создана Коммунистическая партия Австралии (КПА), основанная представителями Австралийской социалистической партии

¹ *McGregor A.* Op. cit.

² *Famous Australians.* P. 525–534; *Barnard M.* Op. cit. P. 546–547.

³ См.: *Blainey G.* The tyranny of distance; how distance shaped Australia's history. Melbourne, 1966.

и революционных рабочих групп. Ее основатели провозгласили своей целью «полное свержение капиталистической системы» и установление в стране диктатуры пролетариата¹. Большую роль в процессе радикализации части рабочего класса Австралии сыграли наши соотечественники: среди наиболее известных деятелей этой поры можно назвать Ф.А. Сергеева (Артема) и П.Ф. Симонова². В свою очередь, активное участие русских в антиправительственных организациях подтолкнуло руководство АС к решительным действиям вплоть до их высылки из страны.

Именно рабочее движение стало главной ареной борьбы за влияние на трудящихся Австралии между АЛП и КПА. Последняя наиболее преуспела в Новом Южном Уэльсе, где профсоюзы оказались под ее сильным влиянием. Наглядным результатом агитации и пропагандистских кампаний коммунистов стали мощные демонстрации, как, например, в 1918 г. в Сиднее в честь Первого мая, во время проведения которой с пением «Красный флаг» был сожжен Юнион Джек – государственный флаг АС. Уже к середине 1920-х гг. празднование этой даты стало официально увязываться с Международным Днем Рабочих: «пусть он также будет днем демонстраций, которые выражают растущее классовое сознание рабочего класса и объявление войны капиталистическому обществу»³.

Реакцией на полевение профсоюзов стало появление в стране лоялистских организаций, а главной движущей силой антикоммунистического движения стали ветераны Первой мировой войны. Имперскую лигу возвращенных моряков и солдат Австралии называли за ее влияние «восьмым австралийским парламентом»⁴. В 1920 г. ветераны создали «Альянс в поддержку Короля и Империи», отделения которого охватывали многие штаты. Своей главной целью его участники провозгласили «благополучие Британской Империи

¹ Knightley P. Op. cit. P. 94.

² См.: Артемов Ю. Русская революция в Австралии и «сети шпионажа». СПб., 2017.

³ New South Wales Labour Council, Annual Report for 1924 // Hagan J. Australian Trade Unionism in Documents. Melbourne, 1986. P. 44.

⁴ Modern Australia in Documents. 1901–1939 / Ed. by F.K. Crowley. Vol. 1. Melbourne, 1973. P. 400.

и противодействие попыткам поощрения нелояльных доктрин»¹. Их патриотические настроения не раз играли важную роль в отстаивании «австралийских» ценностей – так, как они их понимали. Альянс был весьма сплоченной общественной силой, которая сформировала военизированные отряды численностью до 2 тыс. человек под названием «Армия борьбы с большевизмом». При участии подразделений RSSILA и Альянса были подавлены знаменитые «бунты красного флага» в Брисбене в 1919 году. По словам историков, «временами казалось, что нацию вот-вот поглотит гражданская война, что революция рабочих разразится с минуты на минуту и что Коммунистическая Австралия – вполне реальная возможность»². Правительство Хьюза сочло за благо принять превентивные меры: в дополнение к полиции были созданы службы государственной безопасности, были внесены и соответствующие изменения в законодательство: запрет пропаганды насильственных методов свержения правительства и запрет на въезд в АС лицам, исповедующим подобные взгляды. В 1920 г. был принят закон, согласно которому любой человек, призывавший к насильственному свержению существующего порядка и правительства, объявлялся виновным в преступлении и подвергался аресту.

Вместе с тем, лейбористы оставались в глазах рабочих австралийцев самой надежной защитницей их социальных завоеваний. Однако даже они не смогли остаться полностью в стороне от новых веяний, свидетельством чему стало внесение в программные документы АЛП на Брисбенской конференции партии в октябре 1921 г. требования «социализации промышленности, производства, распределения и обмена» как средства борьбы с эксплуатацией. При этом оговаривалось, что это требование, названное позже «красной целью», будет проводиться в жизнь конституционными и парламентскими методами и не отменяет прежних традиционных установок партии³. Но такое заигрывание с радикально настроенными левыми силами оттолкнуло от АЛП часть электората.

В частности, обрели политическую самостоятельность австралийские фермеры, создавшие в 1920 г. единую общенациональную

¹ Цит. по: *Knightley P.* Op. cit. P. 97.

² *Ibid.* P. 93, 98–99.

³ Подробнее см.: *Modern Australia in Documents.* P. 354–355.

австралийскую Аграрную партию (АП). Ее главный лозунг гласил: «Производство в первую очередь», что подразумевало создание самых благоприятных условий для развития сельского хозяйства и глубинки в целом, поощрение освоения новых районов и «всех отраслей, которые, как показала война, являются необходимыми для существования нации», а также «поддержания жизненного уровня и справедливых стандартов для всех классов»¹. Аграрии выступали за ограниченное вмешательство государства в экономику страны, признавая за ним роль арбитра для предотвращения эксцессов классовой борьбы. В 1923 г. депутаты АП приняли поистине историческое решение войти в коалицию с либеральной частью своих коллег. Тогда-то и было положено начало сохраняющемуся доныне тесному сотрудничеству этих двух политических сил АС.

Наконец, нельзя не упомянуть о еще одном уроке Великой войны. Надо сказать, что слово «люди» в приведенном выше девизе коалиции Националистической и Аграрной партий не было политической демагогией. Забота о росте народонаселения стал одной из насущных после страшных потерь Первой мировой войны. Именно в те годы впервые в АС прозвучал лозунг «Заселяй или погибнешь» (что, впрочем, ни в малейшей степени не означало отхода от принципов политики «белой Австралии»). Практически одновременно, несмотря на противодействие АЛП, возобновилась практика субсидируемой иммиграции для британцев, призванная восполнить причиненную Первой мировой войной убыль населения. После окончания войны британское и австралийское правительства субсидировали переезд в АС более 200 тыс. мигрантов. В итоге к 1933 г., несмотря на трудности, порожденные нагрянувшей Великой депрессией, население страны достигло 6,6 млн. человек².

В отличие от стран Старого света, да и США, в Австралии росту экономики и населения во многом сопутствовало одновременное совершенствование системы социальной защиты населения, включая первые пособия по безработице и пенсии вдовам в размере 1 ф. ст. в неделю на каждого ребенка моложе 14 лет. Чуть позже в целях

¹ Цит. по: *Modern Australia in Documents*. P. 329.

² *Official Year Book of the Commonwealth of Australia*. No. 51–1965. Canberra, 1965. P. 261.

поощрения рождаемости каждая мать, вне зависимости от доходов семьи, получала по 5 шилл. в неделю на детей моложе указанного возраста¹. Продолжала развиваться система здравоохранения, сыгравшая решающую роль в 1919 г., когда АС пришлось столкнуться с эпидемией «испанки», привезенной ранеными солдатами с фронтов Первой мировой войны. Для борьбы с пандемией были применены специальные медицинские автомобили, введены карантинные меры и проводилась широкая вакцинация населения. Жителей страны призывали носить маски, принимать противовирусные препараты и даже курить, чтобы избежать заражения².

Тогда же в политике стали все громче заявлять о себе женщины. События Первой мировой стали своего рода катализатором суфражистского движения. В Западной Австралии уже в 1921 г. впервые в истории страны в парламент штата была избрана женщина – Э. Коуэн. В середине 1920-х гг. возникают первые организации австралийских женщин, нацеленные на прекращение гендерной дискриминации и достижение равенства с мужчинами. На базе различных ассоциаций и клубов был создан Национальный совет женщин, куда вошли представительницы от АЛП и феминистских организаций³. Это было началом большой и долгой работы на пути к женскому равноправию.

В послевоенные годы начинаются и первые, слабые ростки движения за права аборигенов, которое заявит о себе в конце 1920-х – начале 1930-х годов⁴. Участие коренных австралийцев в рядах АНЗАК немало тому способствовало. Вернувшиеся домой с войны аборигены и жители островов Торресова пролива обнаружили, что социокультурный климат в стране не изменился к лучшему. В 1918 г. в австралийском обществе были распространены расизм и социальная изоляция, и их вклад в общую победу был забыт, а права аннулированы. «Мы очень мало понимали, как война травмировала людей, принимавших в ней участие, мы абсолютно ничего не знали о том, что это

¹ Knightley P. Op. cit. P.125.

² См.: Bulletin. 18.09.2001. P. 42–44.

³ См. подробнее: Clarke J., White K. Women in Australian Politics. Sydney, 1983.

⁴ Подробнее см.: *Скоробогатых Н.С.* Аборигены-правозащитники в истории Австралийского Союза. Часть 1. Трудный путь к равноправию // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2019. Т. II. № 3(44). С. 160–175.

означало для тех людей, которые сражались и умирали за Австралию, но за свою службу никогда не были бы названы австралийцами или гражданами»¹. Многим из этих ветеранов было отказано в пособиях по репатриации и они были исключены из клубов ветеранов. Только в начале нынешнего столетия были предприняты шаги по увековечиванию памяти солдат из числа коренного населения: организованы выставки и поставлены пьесы в театрах, посвященные «черным диггерам». В наши дни множество проектов по устной истории, осуществляемых группами аборигенов, вносят свой вклад в устранение этой несправедливости – расовой дискриминации их предков и непризнания их службы. Их жизненные истории теперь получили общественное признание. Так, типичная для того времени судьба рядового Ф. Фишера, завербовавшегося в Брисбене в 1917 г., стала особенно показательной. Пока он воевал, его жена Эсме не имела доступа к его зарплате, а после увольнения Фрэнк снова был передан под контроль суперинтенданта Барамбы, где жила его семья и куда он вернулся с войны. Между тем он был членом «Черного дозора» и волею судьбы стал прадедушкой нынешнего кумира Австралии, олимпийской чемпионки в беге на 400 метров К. Фримен².

Подводя итоги, можно утверждать, что события 1914–1918 гг. явились знаковым рубежом для АС: по признанию большинства исследователей, Великая война – «центральное событие в австралийской истории»³. На фронтах Первой мировой австралийцы не только получили первый опыт участия в полномасштабных боевых действиях, но именно здесь зародилось их ощущение национального единства и осознание собственного места в мире. Государственные деятели АС вступили на арену международной политики как полноправные партнеры в рамках Лиги Наций. Было положено начало профессиональным вооруженным силам; зародились отрасли тяжелой промышленности, которых ранее в стране не существовало; установлены новые торговые связи. Сформировались основы современ-

¹ *McCulloch A.* Op. cit.

² *McKay J.* Telling the forgotten stories of Indigenous servicemen in the first world war // *The Conversation*. 24.04.2019. URL: <https://theconversation.com/telling-the-forgotten-stories-of-indigenous-servicemen-in-the-first-world-war-114277>.

³ ОНАВ. Vol. XI. P. 858.

ной партийно-политической системы, экономической и социальной структуры страны. Женщины, как и когорта ветеранов войны, начали играть более значимую жизнь в общественной жизни. Все эти новации оказали самое непосредственное влияние на весь последующий ход событий и во многом сохраняют свою актуальность в наши дни.

Огромное уважение к анзакам стало мощным воспитательным фактором для молодого поколения австралийцев. Хотя их последний соотечественник – ветеран Первой мировой умер в 2005 г., до настоящего времени ежегодно в День АНЗАК 25 апреля в Галлиполи, во многих городах Европы и повсюду в АС проходят торжественные богослужения и светские мероприятия. Как и в первые послевоенные годы австралийцы сегодня вспоминают о тех, кто принес воинскую славу их родине. И хотя сто лет назад в Австралии вместе с тем еще сохранялись многие старые взгляды и отношения, пришедшие в новый век из колониального прошлого, решающий шаг вперед к национальной самостоятельности уже был сделан. АС вышел из подросткового возраста и вступил в эпоху государственной зрелости.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГЕРМАНСКИХ КОЛОНИЯХ В АФРИКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ

К началу первой мировой войны в Германских колониях в Африке находились только немецкие колониальные войска – так называемые «шутцtrupпен», а также полицейские войска – «полицайtrupпен». Они предназначались исключительно для подавления сопротивления африканского населения и были соответствующим образом вооружены и экипированы. Когда война началась, полицейские подразделения были включены в колониальные, и в них были срочно мобилизованы находившиеся на тот момент в колониях немецкие чиновники, фермеры, коммерсанты и пр.

Но все равно по численности немецкие войска значительно уступали поставленным под ружье европейцам в соседних африканских владениях Великобритании, Франции и Бельгии. Причем установленная Великобританией морская блокада сделала практически невозможным подвоз свежей живой силы, оружия и боеприпасов из Германии. Поэтому задачей максимум для германских войск в колониях было удержание, хотя бы частичное, немецких позиций против вторжения сил Антанты до тех пор, пока судьба войны не будет решена на европейском театре военных действий.

Того и Камерун

Первым из германских владений под ударами Антанты пало Того. 6 августа 1914 г. на его территорию проникли британские и французские войска. Не встретив практически никакого сопротивления, они быстро заняли все важные стратегические пункты, кроме радиостанции Камина.

Максимально возможно долгое удержание трансконтинентальной радиостанции Камина было задачей, поставленной имперским

правительством Германии перед и.о. губернатора майором Г. фон Дерингом. Деринг интерпретировал поставленную задачу таким образом, что она может быть выполнена любой ценой. Поэтому он отдал приказ отступить из двух важнейших городов протектората – Ломе и Анехо. Более того, он отдал беспрецедентный приказ – всем военнообязанным женатым немецким мужчинам оставаться дома при своих женах и без боя сдать противнику. Этот приказ выполнили 29 мужчин – пятая часть живших в Ломе немцев¹.

Положение немцев осложнило также восстание африканцев в округе Мизахее, отказавшихся эвакуировать запасы зерна, чтобы они не достались англичанам. Впоследствии многие из них перебежали к англичанам и отдали тем оружие и боеприпасы, розданные немецкими властями для оказания сопротивления. В конце концов в руки англичан попали таким образом 1300 единиц немецкого стрелкового оружия².

После двух коротких боев немцы поняли, что радиостанцию Камина им не удержать, и взорвали ее в ночь с 24 на 25 августа 1914 г. Это дало повод британскому губернатору Золотого Берега Х. Клиффорду позже заметить:

«Если немцы в Того и не выступили как хорошие воины, их работа как разрушителей не оставляла желать лучшего»³.

25 августа немецкие войска капитулировали во главе с Дерингом. И так, частям Антанты потребовалось всего три недели для того, чтобы нанести поражение немецкому гарнизону в Того и одержать первую с начала мировой войны победу стран Антанты над германскими войсками.

27 августа в г. Камина состоялась передача английскому командованию военнопленных, а также оружия, боеприпасов и продовольствия немецких солдат. Все 206 немцев должны были пешком пройти 7 километров до г. Атакпаме. Оттуда их впоследствии отправили железной дорогой в Ломе, где погрузили на французский корабль. После нескольких недель пребывания на рейде г. Ломе корабль

¹ *Sebald P.* Togo 1884–1914. Eine Geschichte der deutschen „Musterkolonie“ auf der Grundlage amtlicher Quellen. Berlin, 1988. S. 597.

² *Ibid.* S. 599.

³ *Ibid.* S. 604.

доставил пленных в г. Котону во французской Дагомее (ныне Республика Бенин), а затем – в концентрационный лагерь в глубине страны.

В качестве причин такого исхода военных действий известный исследователь «немецкой» истории Того П. Зебальд называл несколько. В частности, отсутствие четкого разделения функций между военной и гражданской администрацией. И.о. губернатора Г. фон Деринг, отмечает он, был представителем много лет жившей в Того немецкой общины, которая в целом, надеялась на африканских подданных, вместо того, чтобы воевать самой. «Оставленные оными в беде, они быстро капитулировали, чтобы спасти собственные жизни», – пишет Зебальд¹.

Оккупация другого немецкого владения в Африке – Камеруна, напротив, затянулась до начала 1916 г. Несмотря на то, что 1 августа 1914 г. из Берлина пришла телеграмма, что немецким колониям в Африке опасность не угрожает, губернатор Камеруна К. Эбермайер и командир «шутцтрuppe» майор А. Циммерман начали подготовку к обороне. Они имели в своем распоряжении 205 европейцев и 1650 африканцев, и в каждой из 12 рот было от двух до пяти пулеметов. Плюс к этому – полицейские роты общей численностью в 30 европейцев и 1650 африканцев с 17 пулеметами, разбросанные по всей территории протектората.² Силы Антанты обладали значительным превосходством.

7 августа 1914 г. союзники потребовали сдачи Камеруна, в ответ протекторат был объявлен в состоянии войны. Сначала дело ограничивалось стычками на границах, но 28 сентября 1914 г. войска Франции и Англии, высадившиеся на камерунский берег, заняли без боя Дуалу и Бонабери. Находившиеся в этих пунктах 5 рот немецкой шутцтрuppe отступили вглубь страны в направлении Яунде. Во внутренних районах Камеруна немецкие войска сумели продержаться, ведя сдерживающие бои, до конца 1915 г, когда вынуждены были отступить на юг, на территорию соседней Испанской Гвинеи. Однако часть северо-восточных районов Камеруна была занята войсками Англии и Франции в конце 1914 – начале 1915 г.

¹ *Sebald P.* Op. cit. S. 595.

² *Das Buch der deutschen Kolonien.* Leipzig, 1937. S. 284.

Одна немецкая рота, оборонявшая высокогорную крепость Мора, продержалась под командованием гауптмана фон Рабена до февраля 1916 г., пока у солдат не кончились боеприпасы и их не поразили тяжелые болезни¹. Английский офицер, участвовавший в боях в Камеруне, писал о защитниках крепости Мора:

«Против превосходящих сил противника, окруженные со всех сторон, не имея надежды на помощь с родины, они мужественно сражались. Мужество, выдержка, изобретательность никогда не покидали их. Не имея артиллерии, с истощающимися запасами продовольствия и боеприпасов, они нанесли нам несколько чувствительных ударов... Высочайшее уважение немецкому командиру, его офицерам и солдатам»².

Отечественный исследователь Г.Г. Бабаян отмечает кардинальное отличие немецких войск в Камеруне от Того:

«Это были хорошо обученные подразделения, имевшие самое современное по тем временам вооружение... Помимо этого, местные жители после окончания срока воинской службы и увольнения в запас в течение 5-7 лет призывались на переподготовку и в случае переезда на новое место жительства были обязаны поставить в известность об этом местную администрацию. Поэтому германские власти всегда были в курсе того, где находятся резервисты, и когда в Европе была объявлена война, они, объявив 3 августа мобилизацию, в кратчайшие сроки успели подготовиться к боевым действиям. В результате союзные войска, встретив в Камеруне ожесточенное сопротивление со стороны германских частей, несли крупные потери, и им понадобилось больше года, чтобы нанести решительное поражение германским подразделениям»³.

Однако итог поражений немцев для Того и Камеруна был одинаков: они были поделены между Англией и Францией на условиях подмандатных территорий через мандатную систему Лиги Наций.

¹ Drang nach Afrika. Die deutsche koloniale Expansionspolitik und Herrschaft in Afrika von den Anfängen bis zum Verlust der Kolonien. Hrsg. V. Helmuth Stoecker. 2, überarb. Aufl., Berlin, 1991. S. 240.

² Das Buch der deutschen Kolonien. Leipzig, 1937. S. 294.

³ Бабаян Г.Г. История Того в новое и новейшее время. М., 1990. С. 118–119.

Германская Юго-Западная Африка

Германская Юго-Западная Африка была объявлена в состоянии войны 7 августа 1914 г. Тогда же была объявлена всеобщая мобилизация, призыв резервистов и добровольцев¹. На следующий день, 8 августа, губернатор Т. Зейтц своим указом запретил вывоз из ЮЗА оружия, боеприпасов, домашнего скота и продовольствия. Предвидя трудности в пароходном сообщении с Германией, в тот же день он издал указ об эмиссии «кассовых билетов» на сумму 5 миллионов марок, облегчивший положение с наличностью в ЮЗА в военное время². Позже Т. Зейтц вспоминал о военных годах: «Те из мужчин, кто не был призван в армию, все равно участвовали в войне вследствие финансовой и экономической мобилизации. Женщины были заняты оборудованием полевых лазаретов, обучением добровольных сиделок, а главное – приспособлением домашнего хозяйства к военным условиям. При ограниченном запасе продуктов в протекторате необходимо было срочно лимитировать их распределение. Прежде всего, я распорядился, чтобы администрация скупила и реквизиовала всю пшеничную муку, и издал постановление о том, чтобы мука выдавалась только женщинам и детям»³.

Военные действия в ЮЗА начались уже в сентябре 1914 г. Одна часть войск Южно-Африканского Союза высадилась в Бухте Люде-риц и двинулась на административный центр протектората Виндхук, другая же пошла сушей, переправившись через пограничную реку Оранжевую.

Газеты тех времен, выходявшие в ЮЗА, были полны описаний ужасов войны и призывов к сбору чего-нибудь для армии. Так, газета «Зюдвест» от 30 октября 1914 г. призывала собирать продукты, сигареты и одежду для солдат, «которые на безлюдном крайнем юге стоят на посту, часто глядя в лицо смерти»⁴.

¹ Amtsblattsatz für das Schutzgebiet Deutsch-Südwestafrika // Windhuk. 9. 8. 1914. Jg 5. № 18. S. 329–331.

² Ibid. S. 331–332.

³ Seitz Th. Vom Aufstieg und Niederbruch Deutscher Kolonialmacht. Karlsruhe, 1929. S. 116.

⁴ Südwest // Windhuk. 30. 10. 1914.

Однако Первая мировая война в ЮЗА продлилась очень недолго: в соприкосновение с войсками ЮАС под командованием генерала Л. Боты шутцгруппе пришлось вступить лишь в конце декабря 1914 г., когда те перешли границу между ними – реку Оранжевую, а уже 12 мая следующего 1915 г. войска ЮАС захватили Виндхук. Бургомистр столицы протектората П. Мюллер был вынужден обратиться к ее населению с такой прокламацией:

«Сегодня в 11 часов утра Виндхук будет занят генералом Ботой и его войсками. Жителей просят в их же собственных интересах сохранять спокойствие и порядок и во время вступления войск воздержаться от выхода на улицы и удерживать от этого находящихся у них в услужении туземцев. Виндхук, 12 мая 1915 г. Бургомистр П. Мюллер»¹.

Сдаче Виндхука предшествовало еще одно неприятное для немцев событие – восстание рехоботских бастеров – метисной группы населения, пользующейся автономией в Германской Юго-Западной Африке². Бастеры по договору 1895 г. выступали на стороне германских властей в их конфликтах с другими группами местного населения. Однако после перехода ЮАСовскими войсками границ ЮЗА они решили дистанцироваться от немцев. Их капитан Х. ван Вийк нанес тайный визит генералу Боте, и после этого бастеры перестали подчиняться приказам германских властей. Более того, в конце апреля они предприняли насильственные действия против немцев. В результате они были окружены 8 мая 1915 г. неподалеку от Рехобота и были бы неминуемо уничтожены, если бы приближение ЮАСовских войск не заставило немцев отойти³.

Окончательно немецкие войска в ЮЗА были разгромлены 31 июля 1915 г. в сражении при Отави. 9 июля 1915 г. в Корабе был подписан мирный договор на достаточно мягких условиях. В частности, все немецкие резервисты были отпущены по домам.

¹ Намибийский Национальный архив – National Archives of Namibia, (NNA), фонд SWA-Accessions. Дело A 231, vol. 10.

² Подробней см. *Балезин А.С.* Когда слово «бастрад» произносят гордо // Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Вып. 7. М., 2015. С. 49–64.

³ См., напр.: *Kolonialismus und Nationalismus im deutschen Protestantismus in Namibia 1907 bis 1945.* Bern – Frankfurt/M, 1976... S. 184–185.

Что же касается немецких солдат и унтер-офицеров, то их ждала другая участь: лагерь для военнопленных. Лагерь был сооружен близ станции Аус на крайнем юге Юго-Западной Африки, между Людерицем и Китмансхупом. Примерно через две недели после капитуляции немцев в ЮЗА, 21 июля 1915 г., в Аус прибыли из Отави по железной дороге 797 немецких военнопленных, позже – еще некоторые с севера и часть из интернированных на территории ЮАС (остальные как резервисты были отпущены), и к середине августа 1915 г. там скопилось 1552 военнопленных и около 600 ЮАСовских солдат и офицеров охраны¹.

Заключенные, жившие в палатках, страдали от холода (в зимние месяцы температура воздуха в Аусе опускается до 0°). Поскольку ЮАСовские власти не согласились на их просьбу о переносе лагеря в более теплые места, они сами изготовили из подручных материалов кирпичи, а из них – дома. Для крыш они приспособили тенты от палаток и разрезанные консервные банки, вокруг домов насадили кустарники и даже цветы. Эта работа, была закончена к концу апреля 1916 г., т.е. к предстоящей второй зиме в лагере. Заключенные же изготовили кирпичи и для строительства некоторых зданий гарнизона².

Точно так же они заключенные в значительной мере сами решали и свои продовольственные проблемы, занявшись разведением овощей. А вот с одеждой было туговато. Они хотели шить ее сами, но им было отказано в предоставлении тканей, ниток и прочих портновских принадлежностей, а одеяла и одежда были, в конце концов, получены от американской благотворительной организации в 1916 г.

Дни свои пленные коротали в различных занятиях, важным из которых было написание писем. По некоторым данным, они сдавали цензору 250–300 писем ежедневно, а получали 150–200 писем и еще 50 посылок в день³. Посылки слало гражданское немецкое население ЮЗА, проводился и сбор средств в пользу заключенных. Заключенные организовали духовой оркестр, ставили любительские спектакли, занимались спортом. 26 января 1916 г., однако, произошел неболь-

¹ Bruwer J.J. Aus. 1915–1919. Errichtung und Schliessung des Kriegsgefangenenlagers bei Aus. Windhoek, 1985. S. 7–8.

² Ibid. S. 10–12.

³ Ibid. S. 15.

шой инцидент, потребовавший вмешательства гарнизона: накануне дня рождения кайзера, заключенные несколько перепили самогонки и в порыве патриотизма подняли в лагере германский флаг. Другой инцидент связан с подкопом, который велся пленными два года и был обнаружен гарнизоном вследствие предательства. Бежать из лагеря за все годы его существования удалось около 10 человек, умерло от болезней 69 человек¹. Автор брошюры об Аусе Дж.Дж. Брюер, не будучи представителем немецкой общины и основываясь на архивных документах, подчеркивает, что немецкие пленники Ауса оказались более жизнестойкими, чем охранявшие их ЮАСовские солдаты: процент смертности от эпидемии гриппа, например, составлял соответственно 4,8% и 10%². Это, однако, неудивительно, т.к. немцы были более привычны к климату ЮЗА. Не разделяя пафоса автора о страданиях немецких заключенных – история знает куда более суровые лагеря для военнопленных!!! – нельзя все же не отдать должное изобретательности и приспособляемости немцев, подтверждающих расхожее в годы германского протектората утверждение, что служба в шутцгруппе ЮЗА – прекрасная школа жизни.

После поражения Германии в первой мировой войне был ликвидирован и лагерь военнопленных в Аусе. Пленные были отпущены несколькими группами начиная с 19 апреля 1919 г., а закрыт лагерь был 13 мая того же года. Таким образом, одна из основных групп немецкой поселенческой общины в ЮЗА – солдаты – в рассматриваемый период имели одинаковый статус военнопленных и проживали компактно. Офицеры шутцгруппе, отпущенные под честное слово,полнили ряды гражданского населения.

Гражданское население Юго-Западной Африки после окончания военных действий в стране быстро вернулось к обычной жизни. Можно было бы сказать, что Первая мировая война в ЮЗА закончилась для гражданских лиц с поражением шутцгруппе в июле 1915 г., если бы не сложности, напоминавшие о том, что в Европе большая война продолжается. Последний губернатор Германской Юго-Западной Африки Т.Зейтц, ставший после долгих приключений фермером,

¹ *Bruwer J.J.* Op. cit. S. 20, 24.

² *Ibid.* S. 24.

писал в своих мемуарах: «Это была бы идеальная жизнь фермера, если бы не тяжесть войны, давившая на нас тем более, что англичане, якобы в отместку за действия Германии в Бельгии, более двух лет препятствовали проникновению в ЮЗА информации, даже частного характера, и мы у себя в Альт-Хойзисе были вынуждены довольствоваться скудными английскими сведениями о ходе военных действий, получаемыми из Виндхука по телефону»¹.

Конечно, трудности обыденной жизни далеко не исчерпывались информационным голодом. Полный хаос царил в денежном обращении: наряду с немецкими деньгами и «zeitцевками» в ЮЗА имели хождение английские фунты и деньги, напечатанные срочным порядком некоторыми фирмами. Нарушился привычный товарооборот: основной потребитель продукции ферм – шутцтруппе – перестал существовать, а основной поставщик промтоваров – Германия – поставку их по понятным причинам прекратил.

Вот как было описано экономическое положение в стране в отчете магистрата Виндхука за 1918 год:

«Год 1918 был не таким плохим, как опасались многие в его начале. Постоянный рост цен почти на все импортируемые товары и дальнейшие ограничения на импорт товаров из Союза (ЮАС. – А.Б.) давали основания предполагать, что многочисленные промышленные предприятия будут вынуждены остановить производство вследствие нехватки материалов. Этого не произошло. Рост цен на ввозимые материалы частично компенсировался за счет более дешевых местных материалов и в особенности за счет низких зарплат... Обесценивание немецких денег вследствие военного положения вынудило в последние месяцы многих торговцев перейти к расчетам исключительно в металлических деньгах, что грозит уменьшением оборота и медленным умиранием системы филиалов. Надежда, на то, что после открытия границы фермеры смогут вернуть предоставленные им кредиты, осуществилась лишь в ограниченном масштабе. Надежды на быстрое заключение мира неблагоприятно повлияли на емкость рынка сбыта мяса в Союзе и таким образом препятствовали его ввозу из протекто-

¹ *Seitz Th. Vom Aufstieg und Niederbruch deutscher Kolonialmacht. Berlin, 1929. S. 129.*

рата. Итак, можно предположить, что истекающий год значительно увеличит задолженность Союзу»¹.

В администрировании тоже царил беспорядок: органы местного самоуправления, созданные немцами, сохранялись, а немецкие чиновники высших эшелонов власти официально перестали функционировать. Заменявшие германских чиновников представители оккупационных властей ЮАС, главным образом английские офицеры, часто ничего не смыслили в гражданских делах. Им неизбежно приходилось обращаться за помощью и разъяснениями к бывшим немецким чиновникам.

Германская Восточная Африка

В Германской Восточной Африке (ныне Танганьика, материковая часть Объединенной Республики Танзании) военные действия складывались особым образом. Они продолжались дольше и приобрели больший размах, чем в трех других германских владениях в Африке. Здесь германской «шутцтрuppe» командовал полковник П. фон Леттов-Форбек. Он проявил недюжинный полководческий талант, и немцам удалось удерживать контроль над большей частью территории протектората вплоть до апреля 1916 г., когда туда вторглись не только объединенные британско-индийско-южноафриканские части под командованием генерала Я. Смэтса, но одновременно с западного направления бельгийско-родезийские.

Немцы в германской Восточной Африке располагали небольшими силами по сравнению с силами противника. Леттов-Форбек вспоминал впоследствии:

«Колониальные войска в начале войны состояли из 216 белых (из которых часть считалась в отпуску) и 2540 аскарар (африканских солдат. – *А.Б.*); затем, в полицейских частях было 45 белых и 2140 аскарар... Наши силы во время войны в общем переоценивались, хотя сообщения, появившиеся непонятным образом в германской печати, давали неприятелю довольно верные сведения. Фактически во время войны наибольшее число войск едва достигало

¹ NNA, фонд Accessions, дело A 231, vol.2. Stadtverwaltung Windhoek. Jahresbericht für 1918.

3 000 европейцев и 11 000 аскари. Приведенные цифры содержат в себе также и всех нестроевых, как, например, полицейскую охрану, санитарный состав, служащих магазинов и т. д. ... Что же касается неприятельских сил, против нас было выставлено 130 генералов и около 300000 солдат, причем противник потерял 20000 европейцев и индусов убитыми и 140 000 лошадей и мулов. Эти цифры, особенно число генералов, кажутся мне самому, безусловно, несколько преувеличенными, а поэтому я могу только повторить, что они взяты из английских источников»¹.

Административный центр протектората – Дар-эс-Салам – был занят союзниками 4 сентября 1916 г. Однако немцы не сложили оружия. Они продолжали ограниченные военные операции, удерживая в своих руках юго-восток страны, вплоть до ноября 1917 г. Затем под командованием того же Леттов-Форбека, произведенного к тому времени в генерал-майоры, они отступили на территорию Мозамбика и встретили окончание войны на территории Северной Родезии, где и капитулировали 14 ноября 1918 г.

В результате Германская Восточная Африка стала подмандатной британской территорией – Танганьикой. Таким образом, мечта имперских кругов Великобритании об единой цепи владений в Африке от Каира до Кейптауна сбылась.

Сам Леттов-Форбек так оценил военные действия в Германской Восточной Африке:

«Наша маленькая горсть, не превосходившая трех тысяч европейцев и примерно одиннадцать тысяч аскари, в течение всей войны приковывала к себе во много раз превосходящего врага. ...Против нас было выставлено около 300 000 человек с тысячько автомобилей и многими десятками тысяч верховых и вьючных животных, и эти войска были снабжены всем, чем располагал мир, объединившийся против Германии, с его неистощимыми вспомогательными средствами. Однако, несмотря на эту подавляющую при нашей обстановке численность противника, наш маленький отряд, имевший ко дню заключения перемирия едва 1400 бойцов, все-таки держался и был готов к бою...»².

¹ *Леттов-Форбек. Мои воспоминания о Восточной Африке* / пер. с нем. Ф.П. Шафаловича. М., 1927. С. 19–20.

² Там же. С. 314.

Главный противник Леттов-Форбека в Восточной Африке – Великобритания – отдавала должное его военному таланту. Даже в учебнике, написанном английскими авторами в 1963 г. и предназначенном для африканских школ региона, был напечатан его портрет и говорилось:

«Он был очень хорошим солдатом. И он был полон решимости не допустить британские войска на свою территорию. ... Генерал фон Леттов-Форбек был хорошим начальником, а его солдаты храбро сражались»¹.

Военные успехи фон Леттов-Форбека оценил даже упоминавшийся в данной статье немецкий (ГДР) исследователь П. Зебальд как контраст с быстрым поражением немцев в Того. Правда, его похвала носит вполне классовый характер, как это принято было у ГДРовских историков:

«Пример Леттов-Форбека и его ведения войны в Германской Восточной Африке до ноября 1918 г. показывает, что альтернатива была. Такой Леттов повел бы и в Того многомесячную войну. Потому что он был представителем тех милитаристов, что за глобальные цели германского империализма готовы были безоглядно погнать на смерть в бою немцев, а при обстреле столицы включить в цену успеха и смерть немецких женщин и детей, и уничтожение немецкой колониальной собственности»².

Военные успехи Леттов-Форбека в Германской Восточной Африке оценили даже в СССР. Его книга «Мои воспоминания о Восточной Африке» была издана в русском переводе в Советском Союзе в 1927 г. в издательстве «Военный вестник»³.

Почему же в первые годы советской власти вдруг издали книгу этого, как говорится в предисловии, «прусского юнкера, монархиста и типичного представителя высшего командного состава старой германской армии», да еще «проникнутую местами шовинизмом и отличающуюся определенной тенденциозностью в изложении и освещении событий»⁴?

¹ *Brittain H., Ripley P.J.G.* A Simple History of East Africa. London and Glasgow, 1969. P. 178, 183.

² *Sebald P.* Op. cit. S. 594.

³ *Леттов-Форбек.* Указ. соч.

⁴ Там же. С. 1.

Ответ – в том же предисловии. Оказывается, эта книга «представляет несомненный интерес и ценность, так как рисует нам успешную неравную борьбу слабых, плохо вооруженных и плохо снабженных германских колониальных войск с противником, который по своей численности и технике значительно превосходил германцев. К этому надо еще добавить оторванность от метрополии, равнодушное, а иногда враждебное отношение туземного населения, убийственный тропический климат, и малокультурный, бездорожный район, который по площади почти в два раза превышает Германию. ... Леттов-Форбек в начале войны дает высокоценный образец действий по внутренним операционным направлениям, а затем, после потери колонии, искусно ведет малую партизанскую войну. Его книга дает, наряду с подробным описанием отдельных боев, богатый, чисто практический материал по боевой службе мелких разведывательных и партизанских партий. Кроме того, в ней уделяется много внимания вопросам снабжения и устройства тыла в исключительно тяжелых условиях тропической Африки»¹.

В ходе военных действий в Германской Восточной Африке в годы Первой мировой войны имел место эпизод, последствия и значение которого для исследователей истории Африки и германского колониализма трудно переоценить. В 1916 г., когда стало ясно, что дело идет к скорому поражению немцев, немецкий колониальный архив, который войска поначалу таскали за собой, был частями тайно закопан в районе городов Табора и Морогоро. После перехода протектората в руки англичан новые колониальные власти прознали об этом, и в 1921 г. повели переговоры с правительством Веймарской республики о том, чтобы им помогли в розыске закопанных документов. Германия послала в Танганьiku двух бывших колониальных чиновников, и после недолгих поисков документы были извлечены из земли на свет божий. В следующем году была обнаружена еще одна партия документов. С этими документами, составляющими отдельный корпус в Танзанийском национальном архиве, мне удалось поработать на месте².

¹ *Леттов-Форбек*. Указ. соч. С. 1.

² См. *Балезин А.С.* В Национальном архиве Танзании // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 215–217.

ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ ПАВЛОВНЫ ЯХИМОВИЧ (20.08.1931 – 06.12.2018)

6 декабря 2018 г. на 88-м году скорпостижно ушла из жизни доктор исторических наук, профессор, ассоциированный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

Зинаида Павловна прошла большой путь в науке. Работу в системе АН СССР начинала в Институте международного рабочего движения, затем преобразованного в Институт сравнительной политологии. Была руководителем проекта Отдела «Ценностные ориентиры и приоритеты трансформирующихся обществ в современном мире», участником Программы фундаментальных исследований Отделения РАН «Россия в глобализирующемся мире». Будучи одним из ведущих высококвалифицированных специалистов по истории Италии, она долгое время состояла членом диссертационного совета по политическим наукам при Институте социологии РАН, а также при Институте философии РАН, профессором кафедры истории и социальных дисциплин государственного образовательного учреждения «Педагогической академии последипломного образования» (для учителей Московской области). С 2000 г. действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН) по секции геополитики и безопасности.

Зинаида Павловна – автор многих трудов, включая индивидуальные и коллективные монографии, статьи, научные доклады (в общей сложности более 100 научных публикаций). Она принимала участие в написании ряда академических проектов и изданий, в том числе «История Европы» (т. V), четырехтомный труд «Мировые войны XX века» (т. 1) и др, была активном членом научно-проблемного семинара при «Московском Доме национальностей», сотрудничала с Научным Советом «Партийно-политические системы XXI века» Института Европы РАН, Европейским центром Института всеобщей

истории РАН, Итальянским университетом, членом Российской ассоциации историков Первой мировой войны.

В 1999 г. Зинаида Павловна была поощрена Почетной грамотой и Благодарностью Президиума РАН. Награждена значком «Отличник народного просвещения».

Зинаида Павловна была очень добрым, отзывчивым, внимательным товарищем, человечным Человеком. Такой она останется в нашей памяти.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ЗИНАИДЫ ПАВЛОВНЫ ЯХИМОВИЧ¹

Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. и отношение к ней классов и партий итальянского общества: Автореферат дис. ... канд. исторических наук. М., 1963. 19 с.

Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967. 204 с.

Яхимович З.П. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Италии. Для студентов-заочников ист. фак. пед. институтов. М., 1968. 74 с.

Яхимович З.П. Внешняя политика Италии в 1908–1914 годах: Автореферат. дис ... докт. ист. наук. М., 1973. 51 с.

Яхимович З.П. Рабочее и социалистическое движение в Италии в 1901–1914 годах. Курск, 1976. 136 с.

Яхимович З.П. Программа борьбы против фашизма и угрозы войны (К 50-летию VII конгр. Коминтерна). М., 1985. 61 с.

Яхимович З.П. Коммунисты в авангарде борьбы за единый рабочий и народный фронт, 1934–1939: к пятидесятилетию VII конгр. Коминтерна. М., 1985. 299 с.

Яхимович З.П. Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма, конец XIX – нач. XX вв. М., 1986. 238 с.

Ундасынов И.Н., Яхимович З.П. Коминтерн: опыт борьбы за единство рабочего движения. М., 1989. 64 с.

Ундасынов И.Н., Яхимович З.П. Коммунистический Интернационал: достижения, просчеты, уроки. М., 1990. 272 с.

Яхимович З.П. Исторический опыт антифашизма // Полис. Политические исследования. 1995. № 2. С. 16–23.

Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма Материалы круглого стола, посвящ. 100-летию со дня основания газ. «Аванти» / [Отв. ред. З. П. Яхимович]. М., 1997. 67 с.

Шмиттер Ф., Мельвиль А.Ю., Пантин В.И., Лебедева М.М., Ланкин В.В., Соловьев А.И., Пронин С.В., Яхимович З.П., Яжборовская И.С., Давыдов А.П., Митева Л.Д., Строганова Е.Д. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов. Круглый стол // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 30–51.

¹ Составитель к.и.н. М.Ю. Копаев.

Яхимович З.П. Концепция демократии и социализма Филиппо Турати // Левые в Европе XX века: люди и идеи: (Сб. ст.) / под ред. Н.П. Комоловой, В.В. Дамье. М., 2001. С. 138–166.

Яхимович З.П. Национальные интересы России перед вызовами глобализации // Проблемы национальных отношений в условиях глобализации. Политика. Экономика. Этносы. М., 2001. С. 41–55.

Яхимович З.П. Исторические маршруты России // Проблемы выбора (политические и социальные измерения): (Статьи, обзоры, рец.) / под ред. Т.Т. Тимофеева. М., 2001. С. 311–328.

Яхимович З.П. Метаморфозы революционизма и реформизм в Европе XX столетия // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность: (Сборник) / под ред. В.Л. Малькова. М., 2002. С. 301–316.

Яхимович З.П. Концепция федерализма и политические реалии Рирсдорджименто: к вопросу об исторической эволюции федерализма и национальных типах // Опыт европейского федерализма: История и современность: (Сборник) / под ред. Е.Ю. Полякова. С. 7–20.

Яхимович З.П. Вызовы глобализации и судьбы государственности // Современная российская политология в контексте глобализации и диалога культур. К XIX Всемирному конгрессу Международной ассоциации политической науки. 2003. С. 117–126.

Яхимович З.П. Демократия в XXI веке. К вопросу о ценностных ориентирах и приоритетах демократии в глобализирующем мире // Проблемы политологии. Российская академия наук. Институт сравнительной политологии; Под общей редакцией Г.Ю. Семигина. М., 2003. С. 3–17.

Проблемы федерализма: российский и мировой опыт / под ред. Г.Ю. Семигина. М., 2003. 326 с.

Яхимович З.П. Россия и Ватикан: проблемы дипломатических взаимоотношений в конце XIX – начале XX века (по материалам АВПРИ) // Россия и Ватикан в конце XIX – первой четверти XX вв.: Материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 года / под ред. Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. СПб., 2003. С. 58–79.

Яхимович З.П. Политические партии в постиндустриальном обществе: итальянский вариант // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. М., 2004. С. 74–92

Яхимович З.П. Италия перед вызовами XXI столетия (обзор) // Современная Италия: Сб. обзоров и рефератов. Сер. «Европа. XXI век» Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных пробл. Отд. Западной Европы и Америки / ред.-сост. В.П. Любин. Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. М., 2004. С. 9–24.

Яхимович З.П. Национальная идея и ее роль в генезисе и трансформациях итальянской государственности и нации в XIX – XX вв. // Национальная идея: история, идеология, миф: (Сборник статей) / под ред. Г.Ю. Семигина. М., 2004. С. 128–152.

Новая история стран Европы и Америки. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки и специальности «История» / Сер. Высшее образование (4-е издание, стереотипное). М., 2004. 909 с.

Яхимович З.П. Ценностные ориентиры трансформирующегося общества // Проблемы политической социологии: сборник. М., 2005. С. 3–17.

Яхимович З.П. Коммунизм и посткоммунизм в современной политологии и историографии // Религия и политика в XX веке: материалы Второго Коллоквиума российских и итальянских историков, Москва, 11–12 апреля 2005 года / под ред. Е.С. Токаревой. М., 2005. С. 67–92.

Яхимович З.П. Национальная идея и ее роль в становлении итальянского государства-нации в эпоху Рисорджименто // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке: сборник статей / под ред. Е.Ю. Поляковой. М., 2005. С. 95–113.

Яхимович З.П. Лига Севера: автономисты или сепаратисты? // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в Европейской политике / под ред. В.Я. Швейцера. М., 2006. С. 88–97.

Яхимович З.П. Национальная идея и ее роль в генезисе и трансформациях итальянской государственности и нации в XIX–XX вв. // Национальная идея: страны, народы, социумы: сб. ст. / отв. ред. Ю.С. Оганисьян. М., 2007. С. 95–115.

Яхимович З.П. Русско-итальянские отношения в преддверии Первой мировой войны // Россия и Европа: Дипломатия и культура: (сб. статей) / под ред. А.С. Намазовой. М., 2007. С. 77–118.

Яхимович З.П. Проблема национального суверенитета в условиях глобализации // Мир в эпоху перемен. Национальные и международные аспекты. М., 2007. С. 49–63.

Национальная идея. Страны, народы, социумы / Рубинский Ю.И., Лапицкий М.И., Галкин А.А., Мадор Ю.П., Яхимович З.П., Семенов С.И., Молодяков В.Э., Гельбрас В.Г., Куценков А.А., Труевцев К.М., Усова Е.Ю., Петрунина О.Е., Клименко З.В., Евзеров Р.Я., Пивоваров Ю.С., Ильин М.В., Яжборовская И.С., Оганисьян Ю.С. М., 2007. 420 с.

Европа: «настоящая» и «ненастоящая». Россия – неотъемлемая часть Европы / отв. ред. В.В. Журкин и др. М., 2007. 94 с.

Россия в глобализирующемся мире / отв. ред. В.С. Степин // Мировоззренческие и социокультурные аспекты / Российская академия наук, отде-

ление общественных наук, секция философии, социологии, психологии и права. М., 2007. 638 с.

Михайленок О.М., Яхимович З.П. Политические проблемы национального суверенитета // Россия в глобализирующемся мире. М., 2007. С. 308–317.

Война и общество в XX веке. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны / [З.П. Яхимович и др.]; отв. ред. Е.Н. Кульков. М., 2008. 673 с.

Красин Ю.А., Галкин А.А., Оганисьян Ю.С., Люблинский В.В., Хлебников К.В., Яхимович З.П., Назаренко А.В., Крыштановская О.В., Зеленко Б.И., Михайленок О.М., Москвин Л.Б., Яжборовская И.С., Коломиец В.К. Россия в глобальном мире: социально-политические проблемы. М., 2008. 389 с.

Яхимович З.П. О центристском компромиссе в современной итальянской политике // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее: материалы круглого стола (Институт Европы РАН, 21 ноября 2007 г.). Ч. 2. М., 2008. С. 26–34.

Яхимович З.П. В поисках эффективной стратегии национального и мирового развития в XXI веке. К вопросу о судьбах постбиполярного мироустройства и неолиберального проекта // Россия в глобальном мире: социально-политические проблемы. М., 2008. С. 139–164.

Яхимович З.П. Евросоюз и Россия: опыт, проблемы и перспективы стратегического партнерства // Россия в процессе реформ: социально-политические аспекты / под ред. Ю.С. Оганисьяна. М., 2009. С. 352–366.

Железняков А.С., Яхимович З.П. Цивилизационные ареалы современного мироустройства // Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире / под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. М., 2010. С. 34–51.

Яхимович З.П. Евросоюз на перепутье: между «большой Европой» и евроатлантическим сообществом // Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире / под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. М., 2010. С. 74–91.

Яхимович З.П. Ценностные ориентиры трансформирующегося мирового сообщества // Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире / под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. М., 2010. С. 9–28.

Яхимович З.П. Ценностные ориентиры трансформирующегося мирового сообщества // Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации / под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. М., 2012. С. 28–61.

Яхимович З.П. Евросоюз на перепутье: между «большой Европой» и евроатлантическим сообществом // Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации / под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. М., 2012. С. 153–174.

Железняков А.С., Яхимович З.П. Трудный путь в будущее. Вместо заключения // Железняков А.С., Яхимович З.П. Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации. М., 2012. С. 515–519.

Бадараев Д.Д., Бутуева З.А., Винокурова А.В., Галкин А.А., Голенкова З.Т., Голусова Ю.В., Давыдов А.П., Ерохина Е.А., Ивченкова М.С., Игитханян Е.Д., Коломиец В.К., Недяк И.Л., Оганисьян Ю.С., Патрушев С.В., Потапинская Н.Н., Строганова Е.Д., Яхимович З.П. Социально-политические системы в сравнительном контексте: цивилизации и идентичности. М., 2013. 350 с.

Яхимович З.П., Митрофанов А.А. Италия в XIX веке: Рисорджименто // Всемирная история. Российская академия наук, Институт всеобщей истории. М., 2014. С. 642–663.

Яхимович З.П. Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 110–118.

Железняков А.С., Лебедева Н.С., Окунева Л.С., Богдашкин А.А., Яхимович З.П., Лыкошина Л.С., Галкин А.А. Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность («круглый стол») // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С. 351–363.

Яхимович З.П. К истории создания антигитлеровской коалиции и ее урокам // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола. Воронеж, 2016. С. 34–42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович, кандидат исторических наук, преподаватель (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

АЛЛЕНОВ Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

АЩЕУЛОВ Олег Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт российской истории РАН)

БАЗАНОВ Сергей Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории РАН)

БАЛЕЗИН Александр Степанович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

БОГДАШКИН Александр Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

БОЛТРУКЕВИЧ Василий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт российской истории РАН)

БРОВКО Людмила Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ВЕЛИЧКО Ольга Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН)

ВОЛОКИТИНА Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны (Институт славяноведения РАН)

ДУРОВ Виктор Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия, центральный филиал (Воронеж))

ИВАНОВ Николай Серафимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ИЛЬИНОВ Евгений Владимирович, кандидат военных наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

ИПАТОВ Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент (Воронежский государственный педагогический университет)

КНЯЗЕВА Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент (Российский государственный гуманитарный университет)

КОРУНОВА Евгения Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

КОПАЕВ Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

КОТОВА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

КУКУШКИНА Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

КУПЦОВА Ирина Валентиновна, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

КУРЕННАЯ Наталья Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник (Институт славяноведения РАН)

КУРИЦЫН Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт российской истории РАН)

ЛЕБЕДЕВА Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ЛЕПЕХИНА Галина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент (Воронежский государственный педагогический университет)

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт славяноведения РАН)

ЛОПАТИНА Елена Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт славяноведения РАН)

МОЗАЛЕВСКИЙ Александр Васильевич, доцент (Воронежский государственный институт искусств)

МАТВЕЕВА Анна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

МИХАЛЬЧЕНКО Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор (Брянский государственный университет)

НАМАЗОВА Алла Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ОКУНЕВА Людмила Семеновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики Европы и Америки (МГИМО МИД России)

ПЕТРУНИНА Ольга Евгениевна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

ПИЛЬКО Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт славяноведения РАН)

ПОЛУНИН Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж))

РОМАНЕНКО Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)

СКОРОБОГАТЫХ Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт востоковедения РАН)

СОТНИКОВ Александр Иванович, профессор (Воронежский государственный институт искусств)

СТРОГАНОВА Елена Дмитриевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН)

ТЕПЛУХИН Вячеслав Владимирович, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж))

ХОРОШЕВА Александра Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ШЕНДРИКОВ Евгений Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж))

ЯЖБОРОВСКАЯ Инесса Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН)

В издании книги помощь оказали:

**Семен Бражник, Евгений Гаврилов, Михаил Максимов,
Вардан Нерсисян, Андрей Погосов, Денис Гарновский,
Роман Гарновский, Евгений Тырнов, Андрей Холодов,
Николай Шалыгин, Иван Швецов,
Алексей Шишмонин (речь о финансировании)**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 8 (812) 273 50 53	«ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ» (с 10:00 до 22:00) www.podpisnie.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 8 (911) 977 40 47	«ВСЕ СВОБОДНЫ» (с 12:00 до 22:00) www.vse-svobodny.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Невский пр., 66 8 (812) 640 44 06	«КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ» (с 10:00 до 22:00) www.lavkapisateley.spb.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00	«СЛОВО» (с 11:00 до 20:00) www.slovo.net.ru
ФИЛОСОФСКИЙ КНИЖНЫЙ Санкт-Петербург, Дмитровский пер., 4 8 (921) 914 45 44	«ДАЛЬ» (с 11:00 до 21:00) umozrenie.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 105 8 (812) 365 41 38	«ПРОФИ» (с 10:00 до 19:00) vk.com/profknigaspb
ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ Санкт-Петербург, Невский пр., 177 8 (812) 643 77 43	«НЕВСКИЙ, 177» (с 10:00 до 20:00) www.vk.com/dpcspb

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17	«МОСКВА» (с 09:00 до 24:00) www.moscowbooks.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Тверская, д. 17 8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21	«ФАЛАНСТЕР» (с 11:00 до 20:00) www.falanster.su
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Пятницкий пер., 8 8 (495) 951 19 02	«ЦИОЛКОВСКИЙ» (с 11:00 до 22:00) www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Москва, ул. Мясницкая, 20
8 (495) 772 95 90 доб. 15429

«БУКВЫШКА»

(пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Москва, ул. Чайнова, 15
8 (495) 250 65 46

«У КЕНТАВРА»

(пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
www.rsuh.ru/kentavr

КНИЖНЫЙ КЛУБ

Москва, 1-Останкинская 55, 2 этаж, место 96
8 (495) 688 54 22

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР РМ

(с 10:00 до 18:00)
www.marketbooks.ru

КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Москва, Пятницкая, 6/1 стр. 3
8 (996) 710 96 90

В ЧЕРНИГОВСКОМ

(пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб.–вс. с 11:00 до 17:00)
teletype.link/bookchamber

в Минске, Риге:**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН**

Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23

«ЭПОСЕРВИС»

www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Kr. Varona iela 45/47, Riga
+371 67315727

«Intelektuāla grāmata»

(пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
www.merion.lv

Электронные книги:**ДИРЕКТ-МЕДИА**

www.directmedia.ru

ЛИТРЕС

www.litres.ru

Университетская библиотека ONLINE

biblioclub.ru

БИБЛИОРОССИКА

www.bibliorossica.com

Интернет-магазины:**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»**

www.moscowbooks.ru

OZON

www.ozon.ru

WILDBERRIES

www.wildberries.ru

ЯНДЕКС МАРКЕТ

market.yandex.ru

NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS

www.nkbooksellers.com

ESTERUM

www.esterum.com

БУКВОЕД

www.bookvoed.ru

ЧИТАЙ ГОРОД

www.chitai-gorod.ru

MY-SHOPRU

www.my-shop.ru

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Сборник статей памяти Зинаиды Павловна Яхимович

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *Д. А. Потапова*

*Благодарим за помощь в издании книги
Семена Бражника, Евгения Гаврилова, Михаила Максимова,
Вардана Нерсисяна, Андрея Погосова, Дениса Тарновского,
Романа Тарновского, Евгения Тырнова, Андрея Холодова,
Николая Шалыгина, Ивана Швецова, Алексея Шишмонина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»
Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Минске:

«Эпосервис», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kņ. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv
Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х90 ¼. Усл. печ. л. 38,4. Тираж 500 экз.